

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Тельменко Елена Павловна

**ДЖИРОЛАМО САВОНАРОЛА И ФЛОРЕНТИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
КОНЦА XV ВЕКА**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история (история средних веков)

Диссертация на соискание учёной степени
доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор
Краснова Ирина Александровна

Ставрополь –2020

Оглавление

Введение	4
Глава 1. Джироламо Савонарола: основные этапы эволюции проповедника (80-е – первая пол. 90-х гг. XV в.)	83
1.1. Новый проповедник в медичейской Флоренции	83
1.2. Приор Сан Марко: начало реформ монастыря и образование самостоятельной конгрегации	105
1.3. От милленаристского проповедника к пророку.....	118
Глава 2. «Христианская полития» и проблемы ее реального воплощения	130
2.1. Флорентийский пророк и город Христа	130
2.2. Начало реформ. Пути достижения «общего блага» в проповедях доминиканского брата конца 1494 г.....	146
2.3. Проект идеального общественного устройства и политическая реальность	173
Глава 3. Религиозно-нравственная реформа. Место и роль детей в преображении Флоренции в Новый Иерусалим.....	229
3.1. Юное поколение как инструмент воздействия на городской социум: опыт предшественников брата Джироламо	229
3.2. Отряды «мальчиков брата» – авангард реформы и средство контроля над паствой.....	241
Глава 4. Женщины и проповедь духовного обновления.....	276
4.1. Провозглашение «простых сердцем» главным двигателем религиозно-нравственных преобразований	276
4.2. «Добрая жизнь» в миру: наставления женщинам в письмах, проповедях и сочинениях Савонаролы	293

4.3. Полностью предавшие себя служению Богу. Модель поведения «истинной вдовы» и монахини в представлении фра Джироламо	311
Глава 5. Город праведных	324
5.1. Иерусалим воплощенный: трансформация праздничной культуры Флоренции при Джироламо Савонароле	324
5.2. Монастыри Тосканской конгрегации и реформа нравственности во Флоренции	339
5.3. Торжество веры. «Костры суеты»	355
Глава 6. Пророческий статус Савонаролы как причина его краха	369
6.1. Полемика вокруг брата: баталии в публичных письмах.....	369
6.2. От рациональных доводов к чудесам: испытание огнем 1498 г.	423
6.3. Костер 23 мая 1498 г.: смерть пророка и рождение «нового святого»...	455
Заключение.....	479
Список источников и литературы.....	492

Введение

Актуальность исследования. Несмотря на давние традиции изучения, личность и реформаторская деятельность доминиканского монаха Джироламо Савонаролы – предмет неослабевающего интереса со стороны современных исследователей, о чем свидетельствует постоянное увеличение количества научных публикаций. Существенным стимулом для историков, при этом, является не только открытие и введение в научный оборот новых источников, но и возможность переосмысления уже широко используемых материалов, а также известных событий и фактов, связанная со сменой исследовательских парадигм и соответствующих им методов.

Общая тенденция к антропологизации истории оказала влияние и на савонаролианские исследования, в которых, начиная с последних десятилетий XX в., усилился интерес к социальному окружению доминиканца – представителям флорентийского гуманизма; тем, кто относился к политической элите и простым гражданам; женщинам и детям; сторонникам и противникам брата. При изучении «движения Савонаролы» внимание историков сконцентрировалось преимущественно на выявлении его социальной структуры, а также анализе его места в политической и интеллектуальной истории города на Арно кон. XV века. Таким образом, в фокусе внимания ученых оказалась преимущественно мужская часть населения Флоренции, в той или иной мере причастная к системе управления Республикой. Тема женщин и детей, при этом не стала маргинальной, но получила свое преимущественное развитие в составе исследований иных, более обширных проблем (городские ритуалы и праздники; проблема молодежного экстремизма в городах Италии; детские *confraternita* (объединения светского благочестия); женщины-визионерки, последовательницы брата). Кроме того, в научных работах наметился сдвиг в хронологии: все больше внимания уделяется XVI в., времени, когда наступа-

ет рефлексия произошедшего в 1494 – 1498 гг., и появляется значительное количество трудов о Савонароле и его учении.

Антропологический поворот обнаружил необходимость переосмысления проблемы восприятия идей пророка-реформатора флорентийским социумом. Флоренция, как и любое другое общество, представляла собой целостную и одновременно сложную систему, состоящую из множества элементов – как отдельных индивидов, обладателей различных социальных статусов (в том числе, связанных с возрастной и гендерной принадлежностью), так и их групп. Соответственно, выявление особенностей рецепции учения доминиканского брата флорентийскими горожанами не будет полным, во-первых, без анализа коллективных настроений и эмоциональных состояний (и действий), возникавших в процессе вербальной и невербальной коммуникации проповедника и прихожан, а, во-вторых, без рассмотрения примеров усвоения (интерпретации), отторжения его идей горожанами с разнящимся социальным статусом. Разумеется, значительные возможности здесь связаны с обращением к представителям политической и интеллектуальной элиты; однако, проникнуть в духовный мир обычного человека (его восприятия проповедей (идей), действий и фигуры брата; индивидуальных переживаний; тактик поведения в той или иной ситуации), все же осуществимо.

Тема восприятия фигуры монаха его современниками, в частности – сторонниками и последователями («плаксами»), связана и с проблемой формирования в их среде коллективной памяти о своем пророке. Как представляется, здесь перед современными учеными открывается широкое поле деятельности, связанное как с анализом уже известных и поиском новых источников информации, так и их интерпретацией в рамках междисциплинарного подхода. В диссертации эта проблема рассматривается в контексте формирования культа «нового святого» в среде плакс в первые десятилетия после его смерти.

Также невозможно обойти вниманием вопрос средств и методов воздействия монаха-реформатора на паству – тему, волновавшую как современ-

ников брата, так и современных ученых (как и вопрос соотношения новаторства и традиционализма в действиях доминиканца по реформированию флорентийского общества).

Таким образом, **объектом** данного исследования является общественная и религиозная жизнь Флоренции в 90-е годы XV в. **Предметом** исследования стал проект идеального общественного устройства, предлагавшийся Савонаролой для реформирования города на Арно, а также средства и методы его осуществления, определявшие характер взаимодействия доминиканца с различными группами флорентийского социума.

Степень научной изученности проблемы. О монахе из Сан Марко, с кон. XV в. – XVI в. до настоящего времени, написано огромное количество работ¹, которые объединяет одно постоянно присутствующее качество – наличие полемического тона и содержания. Прежде всего – это инвективы и апологии, появившиеся еще при жизни доминиканца (им посвящен отдельный раздел основного текста данного исследования); затем – биографические и исторические сочинения, написанные уже после казни фра Джироламо (1498 г.) современниками событий, разделившимися на два противоположных лагеря. Это труды Н. Макиавелли, Ф. Гвиччардини, Я. Нарди, П. Чиноцци, Псевдо-Бурламакки и других авторов XVI в., которые привлекаются историками в качестве источников информации для изучения савонаролианской Флоренции. В целом XVI в. можно назвать временем расцвета литературы, как оправдывающей монаха, так и обосновывающей его святость; кроме того – это век, когда активно издаются и распространяются труды самого флорентийского пророка-реформатора. В XVII – XVIII вв. наблюдается постепенное снижение количества публикаций по теме; кроме того, ученые

¹ Так, например, согласно одному из историографических обзоров, только за пятьдесят четыре года между двумя юбилейными датами (1898 г. – четыреста лет со дня смерти доминиканца и 1952 г. – пятсот лет со дня его рождения) появилось около 600 печатных трудов. См.: *Bertucci S.M.* Per un consuntivo storiografico savonaroliano – II // *Savonarola. Quaderni del quinto centenario, 1498–1998* / cur. Tito Sante Centi, Alberto Viganò. Bologna, Ed. Studio domenicano, 1998. 5 (gennaio-marzo 1998). P. 89.

эпохи Просвещения были по большей части скептически настроены в отношении доминиканца².

В XIX в. интерес к монаху возрождается – публикуются источники, касающиеся движения Савонаролы во Флоренции; выходят в свет исследования, авторы которых интерпретировали образ фра Джироламо в зависимости от своей культурной и религиозной принадлежности, а также политических взглядов, занимались поиском в его истории ответов на актуальные проблемы современности: протестанты (А.Г. Рудельбах, К. Мейер) видели в нем предтечу Реформации; «новые плаксы» (В. Маркеше, Ч. Гуасти, Дж. Каппони и др.) – пример для духовного обновления общества; представители Рисорджименто – поборника свободы³. Между тем, осуществлялись и попытки выказать непредвзятое мнение о монахе из Сан Марко – в 1853 г. французский ученый Ф.Т. Перрен (François-Tommy Perrens) издает труд, в завершении которого заключает: «Он (Савонарола – Е.Т.) не был ни ангелом, ни дьяволом, ни святым, ни негодяем, ни пророком, ни самозванцем; он был человеком – искренним, но заблуждающимся; и в нем можно увидеть величие человеческой природы вместе с ее слабостями: храбрость и страх, любовь и ненависть, добродетель и изъяз, величайшую последовательность в идеях и поразительные противоречия»⁴. Вслед за этим, публикует результаты своих исследований итальянский историк П. Виллари (в 1859 г. – первый том, в 1861 г. – второй том)⁵, где, анализируя в Предисловии работы своих предшественников, выделяет труд Ф.Т. Перрена как наиболее полный из имеющихся, но одновременно указывает на ряд ошибок и несоответствий в тексте, ви-

² Ibid. P. 126–127; *Idem*. Per un consuntivo storiografico savonaroliano – I // Savonarola. Quaderni del quinto centenario, 1498–1998 / cur. Tito Sante Centi, Alberto Viganò. Bologna, Ed. Studio domenicano, 1997. 4 (ottobre-dicembre 1997). P. 71–153; *Виллари П.* Джироламо Савонарола и его время. В 2 т. в 1 кн. Москва: Ладомир, 1995. Т. 1. С. XII–XIII.

³ См.: *Bertucci S.M.* Per un consuntivo storiografico savonaroliano – II ... P. 45–67; *Weinstein D.* Hagiography, Demonology, Biography: Savonarola Studies Today // *The Journal of Modern History*. Vol. 63. №. 3 (September, 1991). P. 484; *Виллари П.* Указ. соч. Т. 1. С. XIII–XIX.

⁴ *Perrens F.T.* Jérôme Savonarole: d'après les documents originaux et avec des pièces justificatives en grande partie inédites / par F.-T. Perrens; ouvrage couronné par l'Académie française. 2. Éd. Paris: Librairie de L. Hachette et Cie, 1856. P. 322. (Первое издание: *Perrens F.T.* Jérôme Savonarole, sa vie, ses prédications, ses écrits, d'après les documents originaux et avec des pièces justificatives en grande partie inédites par F.T. Perrens. 2 Vol. Paris: Hachette, Turin: Giannini, 1853).

⁵ *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1859. Vol. 1. – XXVII, 489 pp.; 1861. Vol. 2. – 224, CDXXVII pp.

для причину в том, что его автор «не составил ясного представления о предмете, которого касается; не имеет четко выработанного мнения о персоне, которую стремится охарактеризовать»⁶.

Монография П. Виллари считается одним из классических трудов о Савонароле. Его автор проделал колоссальную работу по поиску и сбору, анализу и публикации исторических источников, касающихся доминиканского монаха и его времени. Так, в Предисловии к первому изданию ученый в духе современного ему позитивизма отметил: «Продвигаясь к цели нашим правилом было – прочитывать все новейшие работы; но авторитетность признавать только за современниками Савонаролы, его трудами, подлинными документами»⁷. Кроме того, итальянский исследователь заявил о своем стремлении к непредвзятости и объективности: «мы не желали, чтобы монах XV века оказался под нашим пером провозвестником идей и страстей XIX века»; «мы писали историю Савонаролы не для поддержки какой-либо политической партии, не для того, чтобы нападать на Рим или защищать его»; «если бы он оказался еретиком или неверующим, мы, несомненно, изобразили бы его таковым; он, напротив, оказался истинным католиком, и таким мы представляем его читателю»⁸. Впрочем, в теологические тонкости учения Савонаролы автор глубоко не проникает, брат Джироламо в его интерпретации скорее выступает как поборник флорентийской свободы, противник тирании Медичи и устроитель флорентийской демократической республики. Здесь стоит также обратить внимание на слова П. Виллари о том, что исследовать фено-

⁶ Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. XX–XXI; Villari P. Op. cit. Vol. 1. P. XII–XV.

⁷ Там же. С. XXII; Ibid. P. XVI–XVII. Здесь стоит упомянуть еще одного исследователя – Леопольда Ранке, который в 1877 г. издал свой труд о Савонароле (*Ranke, Leopold von. Savonarola und die florentinische Republik gegen Ende des fünfzehnten Jahrhunderts* // *Ranke, Leopold von. Historisch-biographische Studien*. Leipzig: Dunker & Humblot, 1877. P. 181–357). В этой публикации немецкий ученый проявил критическое отношение к источникам. Речь, в частности, шла о биографии монаха на вольтаре (итальянском языке), приписываемой Пачифико Бурламакки: Ранке, указав на то, что некоторые из упомянутых в этом тексте событий произошли после смерти Пачифико, отверг его авторство; кроме того, предположил, что это компиляция с латинской биографии Савонаролы, написанной Джованни Франческо Пико делла Мирандола (Ibid. P. 346–357). Виллари же, в отдельной статье, а затем и в Предисловии ко второму изданию своей монографии, вступил в дискуссию с немецким историком, призывая не пренебрегать этим источником, как недостоверным. Согласившись с тем, что это сочинение не принадлежит Бурламакки, он выказал предположение, что автор – некий брат из круга монастыря Сан Марко «современник и верный последователь Савонаролы», и что первоисточником информации для него, и отчасти и для Пико, могла быть недавно обнаруженная им в Национальной библиотеке во Флоренции анонимная «Латинская биография». См.: Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. III–VIII.

⁸ Там же. С. XXIX; Villari P. Op. cit. Vol. 1. P. XXVI.

мен монаха его подвигло ощущение, что «Савонарола сыграл значительную, но еще невыясненную роль в том веке, когда закончились средние века и началась новая цивилизация»⁹. В завершении своего труда автор раскрывает свое видение места и роли фра Джироламо в это переходное время: он – «предвозвестник новой цивилизации», Возрождение же – «только ее преддверие», эпоха, обладающая характером «универсальным, но точно не выраженным и неопределенным»; отсюда, его драма – «драма всей Европы» того времени; и как «Колумб открыл морские пути», так Савонарола открыл «пути духа» – «он был первым в своем веке, кто показал человечеству ту задачу, которая еще нами не разрешена, но в отношении ее мы прилагаем удвоенную энергию», а именно – «согласовать разум и веру, религию и свободу»¹⁰.

Еще одно исследование, появившееся в XIX в., оказало значительное влияние на расхожее мнение о том, что Савонарола – религиозный фанатик, противостоявший культуре Ренессанса. Речь идет о вышедшей в 1860 г. работе швейцарского историка культуры Я. Буркхардта «Культура Возрождения в Италии». Согласно этому ученому, «мощным орудием», посредством которого монах воздействовал на Флоренцию, являлась «его речь», поскольку в ней «была заложена та высочайшая личностная сила, которая с тех пор уже больше не встречалась вплоть до самого Лютера». «Частичное» же осуществление его предсказаний «наделило Савонаролу сверхчеловеческими свойствами» в воображении окружающих. При этом, отношение доминиканца к видениям и пророчествам «отдает заносчивостью». Заслуги брата в качестве «преобразователя государства» невелики, поскольку ограничиваются «полудемократической конституцией», сам он – «наименее подходящий для вещей такого рода человек из всех, кого только можно представить». «К земной жизни и ее условиям он имел столь же малое касательство, что и любой подлинный и строгий монах», с этим была связана его уверенность в том, что «человек должен заниматься лишь тем, что находится в непосредственной

⁹ Там же; Ibid.

¹⁰ *Виллари П.* Указ. соч. Т. 2. С. 194–197; *Villari P.* Op. cit. Vol. 2. P. 221–224.

связи со спасением души». Отсюда скептическое отношение доминиканца к изучению античной литературы, и мнение об «общей вредоносности науки вообще». Подобные рассуждения Я. Буркхардт называет «ребяческими» и с иронией замечает: «То простое соображение, что открытая заново античность и громадное расширение поля зрения и мыслительного горизонта могут, в зависимости от обстоятельств, явиться служащим к вящей славе религии испытанием огнем, просто не приходит славному нашему герою в голову». Таким образом, Савонарола рисуется читателю как обладатель «узкого духа», и организатор костров, в которых гибли произведения эпохи Возрождения¹¹.

Собственно, ведущие биографы Савонаролы, в XIX в. – П. Виллари, в XX в. – Й. Шнитцер и Р. Ридольфи, были страстными почитателями монаха. При этом, интерпретация образа доминиканского проповедника у каждого из них несет отпечаток своего времени. П. Виллари, живший в эпоху Рисорджименто и вынужденный покинуть Неаполь после участия в событиях 1848 г., представлял монаха противником тирании. Й. Шнитцер – католический священник, историк и теолог, пострадавший за свои модернистские взгляды¹², в 1924 г. опубликовал монографию «Савонарола: культурный образ эпохи Возрождения», в которой представил флорентийского пророка в качестве духовного реформатора, мученика в деле преобразования Церкви и христианства. Здесь стоит также отметить, что этому труду предшествовала кропотливая работа ученого по критическому осмыслению источников, отраженная в многотомном издании «Источники и исследования по истории Савонаролы»¹³. Р. Ридольфи, издавший биографию Савонаролы юбилейный год

¹¹ Буркхардт Я. Культура Возрождения в Италии. Москва: Юрист, 1996. С. 317–321.

¹² С 1902 г. Й. Шнитцер преподавал догматическое богословие в Мюнхенском университете; в 1908 г. за свои радикальные идеи был отлучен, а затем вынужден покинуть богословский факультет; в 1914 г. стал почетным профессором на факультете искусств этого же университета.

¹³ Schnitzer J. Savonarola: Ein Kulturbild aus der Zeit der Renaissance. 2 Bde. München: E. Reinhardt, 1924. Bd. 2. – XII, 599 pp.; Bd. 2. – 606–1167 pp.; Idem. Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas. I: Bartolomeo Redditi und Tomaso Ginori. München: Lentner, 1902. – 108 p.; Idem. Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas. II: Savonarola und die Feuerprobe: eine quellenkritische Untersuchung. München: Lentner, 1904. – VIII, 174 pp.; Idem. Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas. III: Bartolomeo Cerretani. München: Lentner, 1904. – LX, 110 pp.; Idem. Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas. IV: Savonarola nach den Aufzeichnungen des Florentiners Piero Parenti. Leipzig: Dunken & Humblot, 1910. – CLXII, 322 pp.

(1952 г. – 500 лет со дня рождения доминиканца), был близок к «кружку Сан Марко», в который входил Джорджо Ла Пира – профессор римского права; христианский демократ; терциарий Доминиканского ордена, известный своим аскетическим образом жизни; мэр Флоренции в 50-х – 60-х гг., принимавший активное участие как во внутренней (один из авторов итальянской конституции), так и в международной политике (миротворчество). Для Ла Пира и его соратников наследие флорентийского монаха, в котором этика и политика тесно переплетены, актуально в поисках «общего блага» и в настоящем; его «идеал действует сегодня во всем мире – стремление к мирному богomyслию, стремление к свободе, стремление к братскому общению»¹⁴.

«Жизнь Джироламо Савонаролы» Р. Ридольфи – это живой портрет доминиканского брата на фоне подробного описания событий, современников-участников, их позиций и мотивов, где научность сочетается с ярким и эмоциональным изложением¹⁵. Кроме того, этот итальянский исследователь внес значительный вклад в публикацию источников, касающихся флорентийского проповедника, в частности, в течение первых 30-ти лет (с 1953 г.) был главным редактором «Национального издания трудов Джироламо Савонаролы» (*Edizione Nazionale delle opere di Girolamo Savonarola*). В заключении отметим общее свойство монографий П. Виллари, Й. Шнитцера и Р. Ридольфи. Монах из Сан Марко у этих исследователей всегда предстает в центре событий, он – главное действующее лицо, в то время как всем остальным отведены роли статистов. Кроме того, здесь следует согласиться с американским историком Д. Вайнстейном в том, что данным авторам не удалось полностью освободить Савонаролу «от агиографической и апологетической оболочки, в которую его заключили предшествующие плаксы», поскольку личность доминиканца предстает в их трудах уже сформировавшейся, без развития; он – «совершенный, монолитный, статичный; без пороков и противоречий; тот,

¹⁴ См.: *Weinstein D.* Hagiology, Demonology, Biography ... P. 485; Гайдук В.П. Начала парламентаризма в Италии: «Трактат о государственном устройстве Флоренции» Джироламо Савонаролы // Из истории европейского парламентаризма: Италия. Москва: ИВИ, 1997. С. 22–32.

¹⁵ *Ridolfi R.* Vita di Girolamo Savonarola. 2 Vol. Roma: Belardetti, 1952. В данной работе цитируется издание: *Ridolfi R.* Vita di Girolamo Savonarola. Firenze: Sansoni, 1974. – VIII, 741 pp.

чей внутренний свет делает его независимым от обычных временных воздействий; сверхъестественно мудрый и всезнающий»¹⁶.

Тема «Савонарола и культура Возрождения» продолжила привлекать внимание исследователей и в XX в. При более пристальном изучении духовных исканий в Италии (Флоренции) XV в., обнаружились ранее не замеченные связи между идеями гуманистов конца века и тем, что проповедовал и предлагал своим современникам доминиканский брат. Здесь, прежде всего, необходимо обратиться к научному наследию итальянского историка Э. Гарэна¹⁷. Ученый указал на наличие духовного (религиозного) и эмоционального напряжения в городе на Арно кон. XV в., на распространенные среди флорентийских неоплатоников идеи обновления – ожидания того, что «начинается новый век; мир изменится политически, но особенно он изменится духовно». Этот настрой и способствовал тому, что горожанам Савонарола «казался пророком в своей обеспокоенности вопросами обновления и реформы, которая возникла с рождением гуманизма, и особенно когда идея земной деятельности человека не оправдала себя, и широко распространилось желание чуда, таинственных предзнаменований и всеобщего обновления». По этой причине многие философы-гуманисты стали последователями доминиканца. Как, например, опубликовавший в 1497 году свое «Пророчество о новом веке» Джованни Нези, который «видел в Савонароле нового Сократа», восхищаясь с одной стороны его красноречием, что мыслилось «не как второстепенное риторическое украшение, а как лаконичное и убедительное речение души» («Поэтому простая речь Сократа в большей степени тронула и подействовала на Алкивиада, чем искусная речь Перикла»), а с другой – тем, что «моральную философию, которая долгое время находилась в изгнании, он призвал в город и возвратил обществу»¹⁸. Или как Джованни Пико делла Мирандола, который в своей «Речи о достоинстве человека» говорил о

¹⁶ Weinstein D. Hagiography, Demonology, Biography ... P. 485–486.

¹⁷ Далее цитирование статей Э. Гарэна 60-х – 70-х гг., опубликованных в сборнике: *Гарэн Э. Проблемы итальянского Возрождения* / пер. с итал.; вступ. ст. и ред. Л. М. Брагиной; [коммент. О. Ф. Кудрявцева и др.]. Москва: Прогресс, 1986. – 392 с.

¹⁸ Гарэн Э. Указ. соч. С. 142–143.

«философском мире» – согласии всех учений, способствующем всеобщему примирению; о «единстве истины и духа», которое мыслилось им «как некое объединяющее формирование», что в итоге вело гуманиста к идее «образования единой церкви (ecclesia), способной объединить все человечество»¹⁹ (рассуждения о едином стаде и едином пастыре, обращении язычников имеются и у Савонаролы – Е.Т.). С другой стороны, в программе преобразований Савонаролы заметно влияние флорентийских политических традиций и гуманистических дискуссий об обязанностях и выгодах республиканского гражданства²⁰. Еще одна тема, которую затронул в своих работах Э Гарэн – воздействие атмосферы савонаролианской Флоренции на творчество художников той эпохи (Сандро Боттичелли, Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти)²¹.

Сходные проблемы, – влияние Савонаролы на искусство Флоренции кон. XV в., – привлекли внимание еще одного историка итальянского Возрождения – французского искусствоведа А. Шастеля. Так, в вышедшей в 1959 г. монографии «Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного», он посвятил отдельную главу доминиканскому монаху²². Ученый призвал «отказаться от привычных и поверхностных противопоставлений культуры Медичи и реакции Савонаролы, от восхвалений и поношений», поскольку «противоречия одной (культуры – Е.Т.) породили другую». По словам А. Шастеля, «религиозный кризис во Флоренции – самый приметный аспект общего кризиса культуры», и монах говорил о реформе, о которой думали все. Его призыв «оказался созвучен большинству гуманистов» (автор говорит о «новой стадии христианского гуманизма»); а «главная сила» проповедника состояла в том, что «он представал наследником флорентийских традиций»²³.

¹⁹ Там же. С. 138–139.

²⁰ Там же. С. 113.

²¹ Там же. С. 255; 268; 288–289; 292–294; 305–306; 321–323.

²² *Шастель А.* Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. С. 398–404.

²³ Там же. С. 398.

Таким образом, идеи монаха, прежде представлявшегося либо ретроградом, либо, напротив, провозвестником новых веяний, обретают связь с духовными исканиями эпохи Кватроченто. В частности, ряд ученых (например, С. Пеццелла, Ч. Вазоли) стал рассматривать Савонаролу в контексте апокалиптической мысли конца XV в., с ее ожиданиями близящейся реформы христианского мира и расцветом политических пророчеств²⁴.

Кроме того, исследования, посвященные политической истории Флоренции, стали стимулом для переосмысления места и роли Савонаролы в этой сфере общественной жизни города. В частности, выдающийся специалист по истории Возрождения и медичейской Флоренции – Н. Рубинштейн (Лондонский университет, Институт Варбурга) в одной из своих статей обращаясь к теме управления республикой после изгнания Медичи, критически подошел к вопросу о политическом лидерстве доминиканца в новом управлении, заявив, что «флорентийская история кон. XV в. слишком долго писалась в ключе “Савонарола и его время”»²⁵.

Означенный вопрос затем затронул в своей монографии «Савонарола и Флоренция. Пророчество и патриотизм в эпоху Возрождения» один из ведущих исследователей эпохи Ренессанса в США – Д. Вайнштейн. Согласно этому историку, у нищенствующего монаха, не являвшегося к тому же гражданином республики, не было ни средств, ни, возможно, амбиций, чтобы контролировать политические процессы во Флоренции подобно тому, как это делали Медичи. Влияние доминиканца основывалось на его моральном авторитете, умении улавливать изменения в обществе и в настроениях граждан, артикулировать и освящать своей пророческой харизмой их чаяния. Собственно, Д. Вайнштейн сосредоточился на характере пророчества Савонаролы и его связи с тем, что этот ученый обозначил как «гражданская религия»,

²⁴ Pezzella S. La vita religiosa nel Quattrocento. Messina, Firenze: D'Anna, 1976. – 203 p.; Vasoli C. Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Convegno polacco-italiano, Varsavia: 25-27 settembre 1972. Wrocław, Warszawa etc., 1974. P. 16–29; Vasoli C. A proposito delle tradizioni profetiche e millenaristiche nella storia religiosa italiana tra la fine del Quattrocento e gli inizi del Cinquecento // Vasoli C. Civitas mundi: studi sulla cultura del Cinquecento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1996. 17–42.

²⁵ Rubinstein N. Politics and Constitution in Florence at the End of the Fifteenth Century // Italian Renaissance studies / ed. by E.F. Jacob. London, 1960. P. 183.

«флорентийский миф». Сущность этого «мифа» историк раскрыл как в книге, так и в предшествующей ей статье²⁶. Истоки его, по мнению исследователя, можно обнаружить в XII в.; просуществовал он более трех веков – до падения республики в XVI в.; содержание состоит в сочетании двух тем – Флоренция как наследница республиканского Рима, отсюда стремление горожан к справедливости и свободе, и Флоренция как «духовная республика (*spiritual republic*)», «Новый Иерусалим», центр духовного обновления (возрождения). Центральный тезис монографии Д. Вайнштейна заключается в том, что со времени второго прихода в город на Арно в 1490 г. до 1498 г. характер проповестей доминиканца существенно изменился, поскольку он все глубже вовлекался в общественную жизнь Флоренции и проникался ее «гражданской религией». Этот процесс адаптации достиг своего апогея зимой 1494 – 1495 г., когда в критический для республики момент монах обратился к «флорентийскому миллениаризму» – провозгласил Христа правителем города, уподобил Флоренцию «Новому Иерусалиму», совместив обещание земных и небесных благ с программой духовного обновления и одновременно поддерживая проведение народной конституционной реформы, которую мыслил необходимым элементом преобразования общества²⁷. Позднее, после публикации в 1973 г. «Кодекса Борromeо», связанного с ранним интеллектуальным наследием брата (1482–1487 гг.)²⁸, Д. Вайнштейн только укрепился в своем мнении, заявив, что ни в «Кодексе», ни в проповедях на Апокалипсис (август 1490 г.) и на Первое послание ап. Иоанна (Рождественский пост 1490 г.), «ни в любом другом тексте тех лет до французского завоевания и свержения Пьеро Медичи в 1494 г.» «не обнаружил какого-либо упоминания о знаменитом видении Савонаролы наступающего тысячелетнего царства или славной судьбе Флоренции»²⁹.

²⁶ Weinstein D. The Myth of Florence // *Florentine Studies. Politics and Society in the Renaissance Florence* / ed. by N. Rubinstein. London, 1968. P. 15–44.

²⁷ Weinstein D. Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. – VIII, 399 pp.

²⁸ Cattin G. Il primo Savonarola: poesie e prediche autografe dal Codice Borromeo. Firenze: L. S. Olschki, 1973. – XIV, 339 pp.

²⁹ Weinstein D. Hagiography, Demonology, Biography ... P. 491–492.

В 1986 – 1988 гг. был опубликован пространный (четыре тома) труд о Савонароле. Его автор Франко Кордеро³⁰ – признанный специалист в области уголовно-процессуального права (преподавал в Триесте, Турине, Риме), представлял собой тот тип ученого, который все реже встречается в современной науке, с ее растущей узкой специализацией: помимо юриспруденции он обращался к истории, антропологии, философии, теологии, политике. Ф. Кордеро прекрасно ориентировался в вопросе о состоянии исследований по теме на момент написания книги (а также при ее переиздании); привлек к анализу публикации тех источников, которыми не располагали его предшественники – указанные выше авторы монументальных трудов о монахе (например, «Кодекс Борромео»). Сочинение содержит значительный объем информации как о друзьях, так и врагах Савонаролы. Безусловным достоинством работы является, во-первых, стремление автора дать слово оппонентам монаха и отразить их позицию, а, во-вторых, раскрывающаяся перед читателем неоднородность интересов и мотивов тех, кто составлял «партию брата». В том, что касается фра Джироламо, то здесь обнаруживается увлеченность Ф. Кордеро психоанализом. По его словам, характер Савонаролы был уже замечен в юности – «вспыльчивый холерик, готовый к проклятиям», «гневный, раздражительный, мизантропичный»; причем «психологический портрет» монаха («агрессивные импульсы, мрачное настроение, необычайное параноидальное вдохновение») складывается, согласно ученому, на основе анализа его текстов³¹. Те же тексты дают представление о эволюции Савонаролы в качестве проповедника: ранние сочинения – лишь бледное предвестие («почти ничего») «апокалиптических возвещений 80-х – 90-х годов»; затем (после второго появления в городе на Арно), «на сцену выходит Флоренция», «нечто меняется в послании», монах «пребывает в процессе смены кожи», в итоге, «когда он выходит на политическую арену» осенью 1494 г., апокалип-

³⁰ Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa, 1452–1494. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – CXCIII, 366 pp.; *Idem*. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – 560 p.; *Idem*. Savonarola. Vol. 3. Demiurgo senza politica, 1496–1497. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – VIII, 668 pp.; *Idem*. Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – VIII, 823 pp.

³¹ Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 14; *Idem*. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ... P. 77.

тический пессимизм уступает место милленаристскому оптимизму³². «Склонный к мрачным фантазиям, агрессивный, исключительный нарциссист, бесцеремонный, опытный интриган, искусный в схоластических словопрениях, расположенный к решительным действиям, чуждый сомнениям» Савонарола называет себя посредником между Богом и Флоренцией, превращаясь в фигуру космического масштаба. Ф. Кордеро задается вопросом, занимался ли здесь монах обманом («фабрикацией фальшивой монеты», употребляя выражение Ф. Ницше), а затем, выказывая сомнение в подобном толковании, склоняется к версии «самогипноза»³³. В другой части своего труда – теоретическом разделе, дополнившем новое издание, ученый, обращаясь к теме видений монаха и его «трюков на амвоне», уточняет свою мысль: здесь, как полагает автор, стоит вести речь не о сознательных выдумках, предназначенных для манипулирования общественным мнением, а обратить внимание на убежденность доминиканца в реальности описываемых «фантасмагорий»; поэтому следует «оставить теории психологической неопределенности», – «между прагматичным расчетом и вспышками галлюцинаций», – и принять во внимание тот факт, что перед нами «человек верующий, каких мало, и у которых часто возникают гипнотические состояния». Кроме того, «эгоцентрики», замечает исследователь, «обладают естественной склонностью к магии», так проявляется «всемогущество желания» и именно так «работает архаический психический аппарат». Соответственно, Савонарола – «пророк-тавматург» (творящий чудеса), мог бы стать клиническим материалом для З. Фрейда в его седьмой главе «Толкования сновидений»³⁴. Из психологической характеристики монаха следует и определение сути того режима, который он стремился установить, провозгласив 28 декабря 1494 г. Христа царем Флоренции – «тео-эгократия»³⁵. Что касается моральных преобразований, которыми занялся доминиканец в избранном Богом городе, то и

³² Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 90–91, XXIX; *Idem*. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ... P. 17–18.

³³ Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ... P. 53.

³⁴ Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. XXX, XXXII.

³⁵ *Ibid.* P. XX.

здесь Ф. Кордеро довольно оригинален в своем видении: соглашаясь с тем, что борьба с пороками имела свою положительную сторону, он обращает внимание на ее «средства и стиль», и замечает, что «различные ее аспекты являются предвестием техник социального контроля тоталитарных государств XX века»³⁶ (отсюда – упоминания А. Гитлера³⁷).

Разумеется, подобный подход не мог не вызвать реакцию со стороны современных ученых. Так, американский исследователь Италии эпохи Возрождения Л. Мартинес, в своей книге, посвященной Савонароле, отметил, что монография Ф. Кордеро написана «на основе серьезных и зачастую блестящих исследований», но в целом «самодеструктивна (*autodistruttiva*)», поскольку «фрейдистский подход» ведет к тому, что автор «постоянно пребывает на ринге» с монахом, и в итоге, «в своей ненависти уподобляется современным противникам Савонаролы – компаньаччи»³⁸. Д. Вайнстейн в одной из своих статей также отвел существенное место детальному критическому анализу книги Ф. Кордеро, среди прочего отметив его «эксцентричное многословие», а также то, что работа содержит «все, что необходимо для синтеза неконфессионального ревизионистского исследования», за исключением одного – «справедливого суждения», причиной чего является «крайняя партийность» автора, который пишет в антисавонаролианском духе (так, дьявольское начало, которое видели в монахе аррабиати – его противники, у современного исследователя заменяется психопатологией). При этом Д. Вайнстейн высказывает предположение, что конфликт между этим ученым-преподавателем и администрацией Католического университета Святого Сердца в Милане («Дело Кордеро», защищавшего право на интеллектуальную свободу, и вынужденного покинуть это учебное заведение, имело большой резонанс и дошло в 1972 г. до Конституционного суда³⁹, – Е.Т.), отра-

³⁶ Ibid. P. XXXI.

³⁷ Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ... P. 81, 341; *Idem*. Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498 ... P. 305, 327.

³⁸ Martines L. Savonarola. Moralità e politica a Firenze nel Quattrocento. Milano, 2009. P. 315.

³⁹ Sentenza № 195 della Corte Costituzionale (29 dicembre 1972). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.giurcost.org/decisioni/1972/0195s-72.html> (дата обращения: 15.07.2020). Судя по постановлению, вопрос не был решен в пользу Ф. Кордеро.

зился на его работе о Савонароле, в лице которого автор стремился «низвергнуть всех идолов толпы», а такая форма отстаивания своей позиции «менее всего к месту»⁴⁰. Стоит отметить, что все эти замечания не были оставлены Ф. Кордеро без внимания: в повторное издание монографии был включен содержательный ответ оппонентам, в котором автор предстал в образе превосходного (и язвительного) полемиста. Так, отвечая на упреки в абсолютизации фрейдистского подхода, исследователь заявил, что он «страшит» тех, кто «не может вынести клинического взгляда» и требует «легкости в истории, чтобы не сломать себе зубы»⁴¹. Аналогичным образом он отверг подозрения в перенесении собственной полемики с ортодоксальными католиками на поле исторических исследований, указав на то, что обладает «сильными аргументами», но «не для ведения баталий» в труде, посвященном Савонароле⁴².

Упомянутая выше работа о Савонароле профессора европейской истории Калифорнийского университета Л. Мартинеса вышла в свет в 2006 г.⁴³. Как заявил сам автор, книга была предназначена для широкой аудитории, чтобы «донести основные элементы произошедшего, по крайней мере, в том виде, в каком они были установлены, с добавлением, что очевидно, собственного анализа», и что она представляет собой не столько биографию монаха, сколько «биографию времени и места», «периода, когда брат, без сомнения, был главным действующим лицом». Отсюда, основное внимание Л. Мартинеса сосредоточилось на промежутке между 1494 – 1498 гг., когда «жизнь Савонаролы и история Флоренции были настолько слиты, что их невозможно разъединить»⁴⁴. Безусловным достоинством работы является то, что автор стремился раскрыть фигуру Савонаролы во взаимосвязи с политической и духовной (религиозной) жизнью Флоренции кон. XV века. Историк не претендовал на оригинальное исследование, и в его книге можно уловить

⁴⁰ Weinstein D. Hagiography, Demonology, Biography ... P. 497–498.

⁴¹ Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. XLIV.

⁴² Ibid. P. XXXIV.

⁴³ Martines L. Fire in the City: Savonarola and the Struggle for the Soul of Renaissance Florence. New York: Oxford University Press, 2006. – XVI, 336 pp. Здесь и в основной части работы использовалось издание на итальянском языке: Martines L. Savonarola. Moralità e politica a Firenze nel Quattrocento. Milano, 2009. – 336 p. Далее ссылки на миланское издание.

⁴⁴ Martines L. Op. cit. P. 7.

влияние публикаций предшественников: например, того же Д. Вайнштейна (в рассуждениях о воздействии флорентийской культуры и идеологии на доминиканского брата), или критикуемого им Ф. Кордеро (в постановке вопроса о том был ли монах жертвой собственного психоза, либо лицемером-манипулятором, одержимым собственным эго; в заявлении, что доминиканец – чрезвычайно амбициозная личность, но одновременно человек пылкий вере и готовности возродить ее и служить Христу)⁴⁵. Кроме того, стоит отметить, что последняя глава публикации Л. Мартинеса, в которой он резюмировал изложенный ранее фактический материал и занялся теоретическими обобщениями, отражает влияние на автора событий 11 сентября 2001 г., потрясших все население США: начинается она с раздела «Террорист», а заканчивается рассуждениями о том, что «экстремистом» можно считать любого, «кто действительно хочет изменить мир, ищет чего-то большего, чем простая корректировка ... Моисей, Иисус, Наполеон, Ленин ... Лютер и Кальвин»; и что, чтобы «правильно понять Савонаролу» «стоит изучить общую картину» эпохи (как следует далее из рассуждений – политическую). В итоге автор заключает: «когда политическая власть безответственна и отказывается быть надежной, или, когда она переходит в руки безжалостной элиты, она открывает путь тем, кто говорит от имени справедливости, морали и Бога», соответственно, изучать таких персонажей необходимо не потому, что они вещают от имени Господа, но «потому, что они, вероятно, говорят нечто важное о политике своего времени»⁴⁶.

С работой Ф. Кордеро, казалось, завершилась эпоха тотальных научных монографий о доминиканском брате. Однако Д. Вайнштейн, ранее заявлявший, что ученым, занимающимся Савонаролой, необходимо избавиться от следования двум партийным интерпретациям – «плаксы» (*riagnoni*) и «озлобленные» (*arrabbiati*), берущим свое начало в XV в. и нашедшим свое продолжение в трудах «новых плакс» (П. Виллари, Й. Шнитцер, Р. Ридоль-

⁴⁵ Ibid. P. 277–281; 260–261.

⁴⁶ Ibid. P. 286–289.

фи) и «новых озлобленных» (Ф. Кордеро), и, наконец, обратиться к объективному историческому исследованию фигуры монаха, освободив ее от клише «святой» либо «грешник»⁴⁷, опубликовал в 2011 г. монографию «Савонарола: взлет и падение ренессансного пророка»⁴⁸. Как уже отмечалось выше, в 70-е гг. XX в. ученый уже произвел переворот в историографии, показав, как апокалиптизм фра Джироламо сменился миллениаризмом, и как «флорентийский миф» повлиял на его программу политического и духовного обновления. Почти сорок лет спустя историк задал все те же вопросы (как Савонароле удалось выделиться среди прочих проповедников своего времени и убедить Флоренцию принять его в качестве пророка⁴⁹), следовал той же линии интерпретации, но привлек новые источники и научные публикации, а также расширил рамки работы, исследуя весь жизненный путь доминиканского проповедника.

Итак, появление научных биографий монаха из Сан Марко, как показывает пример Д. Вайнстейна, не исключено и в будущем в силу продолжающегося накопления новых знаний о Флоренции кон. XV в. В этой связи стоит отметить следующий поворот в исследованиях кон. XX в., авторы которых либо занялись отдельными вопросами, касающимися деятельности доминиканского брата, либо обратились к анализу различных страт флорентийского социума (интеллектуальная и политическая элиты, простые граждане, в том числе женщины и дети). Таким образом в теме «Савонарола и общество» оказались по-иному расставлены акценты – социальное окружение и культурная среда, в которых пришлось действовать монаху, вышли на первый план.

В том, что касается проблемы «средств и стиля», применяемых доминиканцем в обращении с паствой, стоит обратить внимание на опубликованный в 1980 г. труд профессора Бингемтонского университета (штата Нью-

⁴⁷ Weinstein D. Hagiography, Demonology, Biography ... P. 483–503; *Idem*. Studi Savonaroliani: passato, presente e futuro // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 1–11.

⁴⁸ Weinstein D. Savonarola: The Rise and Fall of a Renaissance Prophet. New Haven & London: Yale University Press, 2011. – XII, 379 pp.

⁴⁹ Ibid. P. 6.

Йорк), специалиста в области итальянского Возрождения Р. Трекслера «Публичная жизнь во Флоренции эпохи Ренессанса»⁵⁰. Как пояснил автор во введении, предметом его исследования стал ритуал в городской среде. Охватывая период с XIV в. до падения республики и восстановления власти Медичи в 1532 г., ученый рассмотрел ритуальное поведение жителей города на Арно в отношениях между собой (на личном уровне; на уровне коммуны – городские праздники, «ритуалы кризиса»), с иностранцами, с Богом и Его Святыми. При этом ритуал мыслился историком не только как фактор сплочения общества, но и его преобразования. Савонароле посвящена только часть этого обширного исследования, однако она важна в плане постановки проблемы использования монахом ритуала (ритуальных образов) для коммуникации (в том числе, невербальной) с паствой⁵¹.

Означенная проблема привлекла внимание и других ученых, работающих в русле исторической антропологии и новой культурной истории, которые обратились к вопросу о связи савонаролианских «духовных празднеств» с флорентийскими традициями проведения светских и религиозных торжеств (в частности) и народной карнавальной культурой (в целом). Так, Дж. Чаппелли в своем исследовании «Карнавал и Пост», совершив экскурс в праздничную культуру Флоренции в период лидерства Савонаролы, продемонстрировал ее инверсию, указав на то, что при брате произошла не отмена, а христианизация карнавала; кроме того, ученый выказал мысль о том, что феномен «костров суеты» необходимо рассматривать прежде всего с точки зрения их символического значения – как форму политико-религиозной пропаганды⁵². А. Бенвенути в одной из статей последовательно обосновала следующее положение: доминиканец – «пленник миллениаристского Нового Иеру-

⁵⁰ *Trexler R.C. Public life in Renaissance Florence. New York: Academic Press, 1980.* Здесь и в основной части работы использовалось издание: *Trexler R.C. Public life in Renaissance Florence. Ithaca: Cornell University Press, 1991.* – XXVI, 591 pp.

⁵¹ См. часть IV монографии Р. Трекслера, озаглавленную «Ритуальная революция», где исследуется появление в XV в. «новых ритуальных групп», в том числе братств, объединяющих детей и подростков, а также идет речь о Лоренцо Медичи и Джироламо Савонароле как создателях новых «харизматических центров». Кроме того, в одном из разделов II части (6. Братья и сестры. Сан Марко) автор обращается к ритуалам, практикующимся в монастыре, настоятелем которого был брат Джироламо.

⁵² *Ciappelli G. Carnevale e Quaresima: comportamenti sociali e cultura a Firenze nel Rinascimento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1997.* P. 213–233.

салима» (здесь возможно проявляется влияние Д. Вайнштейна, ранее заявившего, что флорентийский «миф поглотил Савонаролу»⁵³), в своих действиях по религиозно-нравственному реформированию Флоренции был наследником старых традиций, «превратившим анахронизм в инструмент новизны и культурного переворота (*facendo dell' anacronismo uno strumento di novità e di eversione culturale*)»⁵⁴. Справедливости ради здесь необходимо заметить, что подобная мысль (анахронизм монаха как средство преобразования общества) встречается в публикациях и других современных историков.

В работах Р. Трекслера, Дж. Чаппелли, А. Бенвенути присутствует еще одна тема — дети, их место и роль в праздничных процессиях и ритуалах Флоренции, как до, так и во время Савонаролы. В обоих случаях, согласно исследователям, актуальной проблемой для города было управление жизненной энергией молодого поколения, или хотя бы ее сдерживание, осуществлявшееся через организацию детских братств и участие в праздниках (либо с выполнением функции ритуального разрушения, либо в качестве символа чистоты и непорочности). К этим функциям детей обратилась в своих публикациях и О. Никколи, научный интерес которой сосредоточен на антропологических исследованиях в области религиозной, социальной и культурной истории Италии Раннего Нового времени. По мнению ученого, чтобы понять феномен Савонаролы, превратившего детей в «авангард обновления и инструмент контроля над многими аспектами частной жизни», необходимо рассмотреть его не только в связи с флорентийской традицией, но поместить в более широкий контекст практик обращения с этой трудно контролируемой силой в европейских и итальянских городах эпохи Возрождения. В итоге, как демонстрирует исследовательница, обратившись к XV — XVI вв., опыт использования детей в качестве орудия божественного наказания (в отношении политических противников, преступников, изменников, евреев), а также инструмента преобразования общества (основание городских ломбардов; рели-

⁵³ Weinstein D. The Myth of Florence ... P. 44.

⁵⁴ Benvenuti A. I Bruchi di Frate Gerolamo: l'eversivo anacronismo del Savonarola // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 163–186.

гиозное обновление) можно увидеть, как до Савонаролы, так и одновременно с ним, в различных частях Италии. В этом случае вряд ли стоит настаивать на уникальности доминиканского реформатора⁵⁵.

Проблема сдерживания юношеской агрессии, а также борьбы различными пороками в этой среде, тесно связана, как видим, и с темой братств – объединений светского благочестия. Значимый вклад в их изучение внесла монография американского исследователя Р. Вейссмана⁵⁶. Постигание сущности *confraternita* и их значения в духовной, социальной и политической жизни Флоренции позволяет лучше понять причины успеха проповедей Савонаролы, а также специфику его методов преобразования общества.

Поскольку при проведении духовно-нравственных преобразований монахи пытались опереться не только на детей, но и на женщин, этот аспект его деятельности также привлек внимание ученых, интерес которых сосредоточился, во-первых, на выяснении позиции, которую занял Савонарола в отношении свободы / ограничений участия женщин в реформе, во-вторых, на исследовании сложной палитры реакций женщин на означенную реформу. В частности, австралийский исследователь, один из ведущих специалистов по истории Флоренции эпохи Ренессанса – Ф.У. Кент в одной из своих публикаций в начале 80-х гг. XX в., попытался непредвзято подойти к изучению выдвинутого в начале 1496 г. доминиканцем проекта, подразумевавшего передачу инициативы в проведении своей реформы, собственно, в руки женщин⁵⁷. Затем Л. Полидзотто (Университет Западной Австралии) в ряде своих статей, относящихся к 90-м гг. и предваряющим появление монографии, посвященной движению Савонаролы в кон. XV в. – XVI в., показал, как под давлением оппозиции монахи были вынуждены отказаться от первоначального замысла. Реформа перешла руки мужчин, была сведена к законодательным инициативам и надежде на личное преображение женщин, руководствующей

⁵⁵ *Niccoli O.* I bambini del Savonarola // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario* / a cura di Gian Carlo Garfagnini Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 279–288; *Eadem.* Il seme della violenza: putti, fanciulli e mammoli nell'Italia tra Cinque e Seicento. Roma: GLF editori Laterza, 2007. P. 61–88.

⁵⁶ *Weissman R.* Ritual Brotherhood in Renaissance Florence. New York: Academic Press, 1982. – 254 p.

⁵⁷ *Kent F.W.* A Proposal by Savonarola for the Self-Reform of Florentine Women (March 1496) // *Memorie domestiche*. N.S. 1983. Vol. 14. P. 335–341.

щихся наставлениями брата в его в проповедях и сочинениях; в случае мирянок реформа ассоциировалась с контролем над излишествами в одежде, украшениях и расходах, а касательно представительниц религиозных общин – с усилением дисциплинарных требований⁵⁸. Если Л. Полидзотто отметил определенный отход монаха от традиционных взглядов в отношении женщин, состоявший в признании их «духовного потенциала», достаточного для возникновения мысли о предоставлении им возможности определять свое будущее в религиозной сфере, то итальянская исследовательница А. Валерио, приняв положение о том, что доминиканец в целом разделял «традиционный взгляд на женщин», выказала мнение, что у брата все же можно обнаружить «в немалом количестве элементы новаторства», и что нравственная реформа шла «по пути протAGONизма простых (людей) и женщин», соответственно, мысль об этой «ведущей роли», от которой монах не отказался не смотря на все ограничения, была воспринята женщинами (в качестве такого примера автор приводит Доменику Нардуччи)⁵⁹.

Проблема рецепции женщинами идей монаха из Сан Марко связана с еще одним направлением изучения «движения Савонаролы» – исследованиями женщин-визионерок кон. XV – XVI вв., принявших и распространявших учение брата; их непростых взаимоотношений с духовными наставниками-«плаксами», попыток влияния не только на локальные группы верующих, но и проявления активности в социальной и политической жизни своих городов. Помимо Л. Полидзотто и А. Валерио к этой теме обратились и другие ученые из различных стран, в их числе – Г. Дзарри (Gabriella Zarri), Э. Мэттер (E. Ann Matter), Т. Херциг (Tamar Herzig). Т. Херциг (Тель-Авивский университет), специализирующаяся на религиозной, социальной и гендерной истории

⁵⁸ Polizzotto L. When Saints Fall Out: Women and the Savonarolan Reform in Early Sixteenth-Century Florence // *Renaissance Quarterly*. 1993. Vol. 46. №. 3. P. 486–489; *Idem*. Savonarola, savonaroliani e la riforma della donna // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario* / a cura di Gian Carlo Garfagnini Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 229–244; *Idem*. Savonarola e la riorganizzazione della società // *Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario* (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 159–160.

⁵⁹ Valerio A. La predica sopra Ruth, la donna, la riforma dei semplici // *Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola* / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2001. P. 249–261. Адриана Валерио преподает историю христианства и церквей в Неаполитанском университете (Università di Napoli Federico II), одновременно является руководителем международного проекта «Библия и женщины».

Европы Раннего Нового времени, проанализировав как достижения своих предшественников по отдельным вопросам темы, так и ранее недостаточно изученные источники, опубликовала в 2008 г. комплексное исследование, касающееся почитателей фра Джироламо, действовавших в Северной Италии в первые пятьдесят лет после его смерти⁶⁰.

Разумеется, невозможно обойти вниманием целый пласт работ, посвященный как «движению Савонаролы» в целом, так и его отдельным представителям. Здесь, при изучении не принадлежащих к элите слоев населения, исследователи Флоренции (Италии) оказались в более выгодном положении, нежели их коллеги, занимающиеся другими регионами Европы, в силу наличия значительного количества различных типов источников. Так, для выяснения социально-экономической структуры движения «плакс» Г. Пампалоне и Г. Гвиди, с интервалом почти в десятилетие, обратились к анализу послания 1497 г. братьев Сан Марко и горожан Папе в защиту Савонаролы, и пришли к сходным выводам о неоднородности социального состава последователей доминиканца, но преобладании среди них представителей средних слоев городского населения⁶¹. Затем В. Арриги в 1995 г. презентовала, а в следующем году опубликовала результаты своей работы с семейными архивами, которые позволили ей прийти также к выводу о гетерогенной структуре «плакс», куда вместе с представителями патрициата входили и члены младших цехов⁶².

Кроме изучения специфики движения в целом, развиваются исследования, касающиеся его отдельных участников, причем наличие источников позволяет заниматься не только представителями интеллектуальной и поли-

⁶⁰ *Herzig T. Savonarola's Women: Visions and Reform in Renaissance Italy*. Chicago: University of Chicago Press, 2008. Здесь и в основной части работы использовалось издание на итальянском языке: *Herzig T. Le donne di Savonarola: spiritualità e devozione nell'Italia del Rinascimento*. Roma: Carocci, 2014. – 320 p. В работе имеется обзор состояния исследований по теме. См. *Ibid.* 19–23.

⁶¹ *Pampaloni G. Il movimento piagnone secondo la lista del 1497 // Studies on Machiavelli / ed. by M.P. Gilmore*. Firenze: G. C. Sansoni, 1972. P. 337–347; *Guidi G. La corrente savonaroliana e la petizione al Papa del 1497 // Archivio Storico Italiano*. Firenze: Leo S. Olschki, 1984. Vol. 142. №. 1 (519). P. 31–46. Позднее, письмо 1497 г., преследуя те же цели, снова привлек к анализу Л. Полидзотто в монографии «Избранная нация» (об этой публикации см. ниже).

⁶² *Arrighi V. Gli adepti del Savonarola: linee per una ricerca negli archivi familiari // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini* Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 41–45.

тической элиты (традиционное направление), но людьми «второго плана». Так, например, в 1978 г. У. Маццоне издал текст проекта реформ флорентийского торговца шелком Доменико Чекки (1497 г.). В предваряющем публикации источника обширном вступлении ученый обратил внимание на принадлежность этого приверженца Савонаролы к тем социальным слоям города, которые благодаря реформам управления получили доступ к участию в политике. Анализ текста проекта позволил историку раскрыть насущные потребности граждан республики, а также выявить сходство и отличия предложений Чекки и программы преобразований, выдвинутой доминиканским монахом⁶³. Проблема хождения идей Савонаролы среди простых горожан также заинтересовала и Р.М. Заккариа, которая обратилась к истории Пандольфо ди Джованни Ручелай, ставшего иноком Сан Марко в 1495 г. На его примере исследовательница показала, как личная история, помещенная в широкий исторический контекст (политические события, экономические изменения), может способствовать расширению понимания особенностей той городской среды, в которой действовал фра Джироламо⁶⁴.

В 1994 г. Л. Полидзотто опубликовал монографию, в которой представил результаты своей работы по изучению движения последователей Савонаролы между 1494 г. – 1545 г. (в период между республикой и принципатом). Автор «Избранной нации», действуя преимущественно в рамках политической и интеллектуальной истории (сам ученый указал на то, что первоначальный толчок к работе над темой связан с его учителем – Н. Рубинштейном), сосредоточил свои усилия на выявлении особенностей этого движения (социальный состав, устремления и деятельность «плакс»), позволивших сторонникам брата сохранить сплоченность после казни пророка и еще около полувека оказывать влияние на церковные и гражданские дела республики. Используя хронологический подход, Л. Полидзотто в двух первых главах,

⁶³ *Mazzone U.* «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze: L. S. Olschki, 1978. – XV, 217 pp.

⁶⁴ *Zaccaria R.M.* Pandolfo Rucellai da mercante fiorentino a frate domenicano e savonaroliano // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 99–103.

охватывающих период с 1494 г. по 1498 г., рассмотрел становление «плакс» в качестве самостоятельной политической силы, а также особенности формирования их идеологии, одновременно затрагивая проблему характера взаимоотношений между ними и Савонаролой; следующие три главы посвятил вариантам реализации программ «плакс» после смерти монаха (выделив три основных курса); в остальных трех главах обратился к истории этой группы в XVI в., в том числе во время реставрации Медичи в 1512 – 1527 гг., в период восстановленной, но недолговечной республики 1527 – 1530 гг., и, наконец, между 1530 г. и 1545 г., когда, по возвращении Медичи, движение приходит в упадок. Причину того, что «плаксы» так долго продержались на политической арене, ученый увидел в их разнообразии и способности адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам⁶⁵.

Стоит также обратить внимание на еще один ракурс в исследовании «движения Савонаролы», связанный с его религиозной составляющей, а именно формированием культа монаха после его смерти. К настоящему времени интерес к этой проблеме проявил итальянский историк С. Даль'Альо (Stefano Dall'Aglio)⁶⁶. Так в одной из своих публикаций, изданной в 2018 г. он задался несколькими вопросами: существовал ли в реальности «домашний культ (domestic cult)» Савонаролы в XVI в.; если он был, то в чем заключался; почему был «домашним»; как реагировали на его существование церковные и светские власти; как последователям доминиканца удалось его сохранить; и, наконец, как этот культ вписывается в картину Контрреформации в Италии.

Если работа над «Национальным изданием трудов Джироламо Савонаролы» первоначально была связана с опубликованием того наследия доминиканца, которое относится к периоду его лидерства во Флоренции, то к кон.

⁶⁵ Polizzotto L. *The Elect Nation. The Savonarolan Movement in Florence, 1494–1545*. Oxford: Claredon Press, 1994. – XIV, 488 pp.

⁶⁶ Dall'Aglio S. «Everyone Worships fra Girolamo as a Saint»: Savonarola's Presumed Sanctity in Sixteenth-Century Manuscripts and Prints // *The Saint between Manuscript and Print: Italy 1400-1600* / ed. Alison K. Frazier. Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2015. P. 331–349; *Idem*. Domestic Prayers and Miracles in Renaissance Italy: The Case of Savonarola and his Cult // *Domestic Devotions in Early Modern Italy* / ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. Leiden-Boston: Brill, 2018. P. 375–388.

XX в. – нач. XXI в. усилиями многих исследователей, среди которых – Джулио Каттин, Марио Феррара, Эуженио Гарэн, Джан Карло Гарфаньини, Электра Джакони, Армандо Феличе Верде и, наконец, Лоренца Тромбони, в научный оборот стали вводиться источники, относящиеся преимущественно к ранним этапам проповеднической деятельности монаха – его проповеди, трактаты философского характера, а также сборники заметок, которые служили материалом для составления публичных выступлений⁶⁷. Все это стало дополнительным стимулом для выявления прямых и косвенных цитирований трудов церковных авторов и античных философов (преимущественно Аристотеля и Платона) в сочинениях и проповедях Савонаролы, а также выяснения причин и характера обращений монаха к тем или иным авторитетам. Для различных ученых, анализирующих идеи брата, касающиеся политического и духовного преобразования Флоренции, либо обращающихся к проблеме пророческого статуса фра Джироламо (о чем будет сказано далее), томистская основа его высказываний очевидна. Среди тех же, кто занялся непосредственно выяснением присутствия в текстах монаха отсылок к сочинениям иных богословов, необходимо выделить работы А.Ф. Верде – исследователя, принадлежавшего к доминиканскому ордену, автора множества научных и

⁶⁷ Кроме упомянутого выше «Кодекса Борромео», подготовленного Дж. Каттином, необходимо указать на публикацию Библии Савонаролы с его заметками, осуществленную М. Феррара (*Ferrara M. La Bibbia savonaroliana di S. Maria degli Angeli: l'unica Bibbia con postille autografe del Savonarola*. Firenze: Olschki, 1961. – 52 p.); в 1982 – 1988 гг. Э. Гарэн и Д. К. Гарфаньини издали два тома философских сочинений Савонаролы, куда вошли *Compendium logicae*, *Apologeticus de ratione poeticae artis*, *Trattato contra li astrologi*, *Compendium philosophiae naturalis*, *Compendium philosophiae moralis* (*Savonarola G. Scritti filosofici* / a cura di Giancarlo Garfagnini e Eugenio Garin. Roma: A. Belardetti, 1982. Vol. 1. – 408 p.; 1988. Vol. 2. – 575 p.); многие из ранних трудов фра Джироламо были опубликованы с участием его собрата по Ордену – А.Ф. Верде (*Verde A. F. Le lezioni o i sermoni sull'Apocalisse di Girolamo Savonarola* (1490). «Nova dicere et novo modo» // *Memorie Domenicane*. N.S. 1988. Vol. 19. P. 5–109; *Savonarola G. Lettere e Scritti apologetici* / a cura di Roberto Ridolfi, Vincenzo Romano, Armando F. Verde O. P. Roma: A. Belardetti, 1984. – 437 p.; *Savonarola G. Sermones in primam divi Ioannis epistolam* / con il volgarizzamento toscano a cura di Armando F. Verde O.P. Roma: A. Belardetti, 1989. – 496 p.; *Idem. Scritti vari* / a cura di Armando F. Verde. Roma: A. Belardetti, 1992. – 438 p.; *Idem. Il breviario di frate Girolamo Savonarola: postille autografe / trascritte e commentate* a cura di Armando F. Verde O.P. Tarnobrzeg, Impruneta: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1999. – LXXVI, 500 pp.; *Idem. Il Quaresimale del 1491: la certezza profetica di un mondo nuovo* / a cura di Armando F. Verde O.P. ed Elettra Giacconi. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2001. – LIII, 392 pp.); по словам Л. Тромбони, стимулом к исследованию и критическому изданию заметок Савонаролы (*De doctrina Platoniorum* и *De doctrina Aristotelis*), составленных им при изучении Платона и Аристотеля между 1484 г. и 1494 г., стали работы и высказывания Э. Гарэна и особенно – А.Ф. Верде (*Savonarola G. Inter omnes Plato et Aristoteles: gli appunti filosofici di Girolamo Savonarola* / introduzione, edizione critica e commento a cura di Lorenza Tromboni; prefazione di Gian Carlo Garfagnini. Porto: Fédération Internationale des Instituts d'Études Médiévales (Textes et Études du Moyen Âge, 66), 2012. – XVIII, 326 pp.).

научно-популярных публикаций о Савонароле. Так, например, в одной из своих статей⁶⁸ ученый не только представил тех богословов (Фома Аквинский, Альберт Великий, Петр Ломбардский и проч.), каковые наряду с Библией, «составили основу, на которой фра Джироламо соткал свою рефлексию, отраженную в его трудах», но и на примерах показал, как составлялось «полотно» его наставлений пастве. Одновременно с этим А.Ф. Верде обратился к занимавшей и других историков (в частности, уже упомянутого ранее Э. Гарэна) проблеме интерпретации Платона и Аристотеля в богословском и пастырском дискурсе Савонаролы. В настоящее время представительница следующего поколения ученых – Л. Тромбони развивает означенное направление исследований: ею опубликованы два сборника философских заметок фра Джироламо (*De doctrina Aristotelis* и *De doctrina Platoniorum*), а также ряд статей, в которых автор обращается к таким вопросам, как источники информации для составления данных заметок, особенности использования монахом этого инструмента при составлении проповедей, и, наконец, связь доминиканца с культурной жизнью Флоренции XV в., отношение брата к «интеллектуальному брожению» в среде современных ему гуманистов⁶⁹.

И, наконец, необходимо обратить внимание на еще одну, не потерявшую своей актуальности, проблему – пророческий статус Савонаролы, как инструмент преобразования современного ему общества. Среди обсуждаемых вопросов – причины такой саморепрезентации, время «раскрытия» пророческого дара брата, сущность пророчества и его место в Церкви. И здесь, в научных публикациях, наблюдается определенное сходство: во-первых, в толковании пророчества как реакции на кризис церковных институтов в эпо-

⁶⁸ Verde A.F. La presenza della cultura scolastica nelle opere di fra' Girolamo Savonarola // Girolamo Savonarola l'uomo e il frate: atti del 35. Convegno storico internazionale, Todi, 11-14 ottobre 1998. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1999. P. 11–42.

⁶⁹ Tromboni L. Uno strumento per il predicatore: il compendio di filosofia aristotelica di Girolamo Savonarola // L'antichità classica nel pensiero medievale. Atti del XIX Convegno internazionale di studi della SISPM (Società Italiana per lo Studio del Pensiero Medievale). Trento, 27-29 settembre 2010. Porto: FIDEM, 2011. P. 441–469; Eadem. Percorsi paralleli nella lettura dei classici. Girolamo Savonarola e le Auctoritates Aristotelis // L'utilisation et l'influence des Auctoritates Aristotelis: état de la question 40 ans après la publication / ed. J. Hamesse, J. F. Meirinhos. Barcelona – Madrid: Fédération Internationale des Instituts d'Études Médiévales (Textes et Études du Moyen Âge, 83), 2015. P. 221–241; Eadem. La cultura filosofica di Girolamo Savonarola tra predicazione e umanesimo: Platone, Aristotele e la Sacra Scrittura // Cahiers d'études italiennes. 2019. № 29. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/cei/6184> (дата обращения: 01.06.2020).

ху позднего Средневековья; во-вторых, в разграничении между милленаристскими предсказаниями и пророчеством, которое понимается не как предвидение будущего, а как критика современного состояния общества – его несоответствия божественным, евангельским заветам; в-третьих, в признании 1494 г. (приход французских войск в Италию, антимедицейский переворот во Флоренции) переломным, поскольку именно с этого времени фра Джироламо начинает открыто заявлять о себе как о пророке. Связывая успех Савонаролы с пророческой харизмой, ставшей орудием обновления Церкви, общества и государства, исследователи указывают на преимущественное влияние Фомы Аквинского на брата, а именно – его учения о пророчестве, изложенного в «Дискуссионных вопросах об истине» и «Сумме теологии», а также политической философии (по существу – аристотелевско-томистской). Убедительное обоснование означенной точки зрения представлено в трудах таких выдающихся специалистов в области интеллектуальной и религиозной истории, как К. Леонарди и Д. К. Гарфаньини⁷⁰. При этом сложилась следующая ситуация: если положение о воздействии Аквината на флорентийского реформатора прочно утвердилось в итальянской историографии, то тема его подражания ветхозаветным пророкам стала развиваться несколько позднее, – кон. 90-х гг. XX в. – первые десятилетия XXI в., – уточним, что речь в этом случае идет не о простом упоминании, а теоретическом осмыслении проблемы. Помимо упомянутых выше авторов, к ней обратились М. Туркетти, Р. Фубини, П. Вентурелли⁷¹. Стоит предположить, что осторожный и взвешенный под-

⁷⁰ *Leonardi C.* Jérôme Savonarole et le statut de la prophétie dans l'Église // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Age.* 1990. T. 102. № 2. P. 589–596. [Electronic resource]. URL: http://www.persee.fr/doc/jds_0021-8103_1987_num_1_1_1502 (дата обращения: 15.01.2020); *Garfagnini G.C.* La luce dell'anima. Savonarola e la profezia // *I castelli di Yale. Quaderni di filosofia.* 2006. Vol. VIII. P. 45–59; *Idem.* Politica e profezia: l'esperienza savonaroliana a Firenze // *Città in guerra: esperienze e riflessioni nel primo '500: Bologna nelle «Guerre d'Italia»* / a cura di Gian Mario Anselmi, Angela De Benedictis Argelato. Bologna: Minerva, 2008. P. 21–40; *Idem.* Girolamo Savonarola: profeta della libertà in Cristo // *L'Ordine dei Predicatori. I Domenicani: storia, figure e istituzioni (1216-2016)* / a cura di Gianni Festa, Marco Rainini. Bari-Roma: Laterza, 2016. P. 159–179.

⁷¹ *Leonardi C.* La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola // *Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997)* / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. P. 3–23; *Turchetti M.* Savonarola: la tirannide secondo un profeta // *Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997)* / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. P. 17–41; *Fubini R.* Savonarola riformatore. Radicalismo religioso e politico all'avvento delle guerre d'Italia //

ход итальянских ученых к этому вопросу связан со сложностью обоснования того, что статус медиатора между Богом и народом, подразумевавший, в случае пророков Ветхого Завета, автономность от церковной иерархии (об этом качестве пророчества пойдет речь далее, в основной части работы), вкупе с ее критикой и призывом возрождения истинной «христианской жизни» снизу, совместим с тезисом об ортодоксальности доминиканца. В заключении следует обратить внимание на публикацию одного из ведущих исследователей в области истории права и Церкви П. Проди – «Пророчество против утопии», которая представляет серию статей, объединенных общей темой изменения места и роли пророчества от Средневековья к современному обществу⁷². Согласно П. Проди, Савонарола – последний пророк; его проповеди 1494 – 1498 гг., с одной стороны, и изданная в 1516 г. «Утопия» Т. Мора, с другой, демонстрируют поворотный момент в истории пророчества, которое уступает место утопии в социально-политической жизни общества, и замещается практиками личного мистического общения с Богом в области религиозной, церковной жизни. Суть в том, что для исследователя пророчество не сводится к эсхатологическим и миллениаристским откровениям и мистическим видениям, но имеет тесную связь с настоящим: обнажая несоответствие между социальной, политической и духовной ситуацией в социуме и божественными заповедями, оно выступает в качестве оппозиции власти, принимая форму как политического действия, так и призыва к моральному обновлению. Следствием же процессов секуляризации стала смена пророчества утопией, которая уже не связана с провозглашением и интерпретацией голоса Бога, но представляет собой чисто человеческий проект по конструированию идеального образца общественного устройства; и если в противостоянии властям пророчество апеллировало к евангельским идеалам, то утопия перевела

Archivio Storico Italiano. Firenze: Leo S. Olschki, 2009. Vol. 167. № 3 (621). P. 489 –520; *Idem*. Profezia e riforma nel pensiero di Girolamo Savonarola // Studi slavistici. VII. 2010. P. 299–311; *Venturelli P.* Profezia e politica in Girolamo Savonarola. Firenze e la renovatio della Cristianità (1494-1498) // Società italiana di Filosofia Politica (SIFP). [Electronic resource]. URL: <http://www.sifp.it/articoli-libri-e-interviste-articles-books-and-interviews/profezia-e-politica-in-girolamo-savonarola> (дата обращения: 01.06.2016).

⁷² *Prodi P.* Profezia vs utopia. Bologna: Il mulino, 2013. – 251 p.

их в область воображения – «*u-topico*» (без места / времени), став основой революционных концепций современности.

Итак, резюмируя ситуацию в историографии, можно прийти к следующему выводу. К кон. XX в. – нач. XXI в. возрос интерес к изучению социального окружения проповедника-реформатора. При этом, свойства источников, связанных с «движением Савонаролы», значительная часть которых появилась после смерти пророка-реформатора, привели к смещению исследований в область XVI в. При обращении к этой же проблеме в хронологических рамках 1494 – 1498 гг., как представляется, интерес авторов преимущественно сосредоточен на политической и интеллектуальной истории «плакса». Соответственно изучение реакции простых граждан Флоренции на предложенный монахом проект идеального политического устройства, а также способы его воплощения, в настоящий момент не утратило своей актуальности.

В России интерес к Савонароле обозначился к середине XIX в. в лекциях профессоров Московского университета Т.Н. Грановского и П.Н. Кудрявцева. Так, в курсе лекций по Новой истории 1849/50 учебного года Т.Н. Грановский, обращаясь к истории Итальянских войн и событиям во Флоренции, упоминает «движение, во главе которого стоял доминиканский монах Савонарола». В интерпретации ученого, брат – «явился во главе демократической и реформатской партии»; при этом он не посягал на католические догматы, а желал лишь «нравственных изменений в сфере самого католицизма и государства»; выступив же «против владычества Медичи», он «требовал, чтобы власть была возвращена народу, а народ отрекся бы от привычек роскоши и богатства». Если идеи фра Джироламо, касающиеся политического и духовного реформирования, положительно оценивались отечественным историком, то их методы вызвали критику: «это был пламенный проповедник, но односторонний и суровый», «негодую на ослабление нравственного чувства, он зашел слишком далеко; он начал гонение на искусство», что «противоре-

чило общей образованной мысли», было «слишком противно общему складу итальянского характера»⁷³.

П.Н. Кудрявцев в курсе лекций 1848/49 учебного года, посвященных гуманизму и Реформации в Европе, представил Савонаролу как одного из предшественников Реформации. Согласно ученому доминиканец «никогда не формулировал своих идей о необходимости реформы, не излагал их в определенных пунктах», «это скорее было предчувствие реформы, горячее непосредственное чувство ее потребности, как оно могло родиться в Италии». Монах предстает исключительно в качестве реформатора нравов, он – «олицетворенный укор тогдашнему нравственному состоянию общества», возложивший вину за подобное «состояние» на Римскую курию и претерпевший за это стремление к обновлению Церкви мучения и смерть⁷⁴.

В 1863 г. появляется первое в отечественной историографии научное исследование о Савонароле, его автором стал профессор Казанского университета Н.А. Осокин, научные интересы которого были сосредоточены на истории средневековой Италии. Поскольку его монография «Савонарола и Флоренция» была издана вскоре после трудов Ф.Т. Перрена и П. Виллари, отечественный ученый не мог обойти их своим вниманием. И если работа французского историка вызвала массу критических замечаний, то монография его «опасного и даровитейшего противника» получила в целом положительный отзыв. По словам Н.А. Осокина, «основная идея поставлена верно» – «Джироламо представляется Виллари деятелем государственным, замученным за Бога и родину». Однако стремление итальянского ученого «примирить Джироламо с окружавшим его Возрождением» и более того – признать «перевес и преимущество за аскетом», вызвало у автора монографии недоумение и отторжение: «Странно в XIX веке признавать историчность за восторженным пророком, если бы даже этот пророк и был бесспорно грандиозен, если бы даже он был сам Савонарола. Странно, в тоже время, решаться отвергать ис-

⁷³ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья / сост. С.А. Асиновская. Москва: Наука, 1986. С. 77.

⁷⁴ Кудрявцев П.Н. Лекции. Сочинения. Избранное / сост. С.А. Асиновская. Москва: Наука, 1991. С. 68–69.

торичность образованнейшего из веков, историчность времени, которому весь мир обязан своим развитием. Это значит в глаза оскорблять историю цивилизации, историю завоеваний духа человеческого»⁷⁵. По мысли Н.А. Осокина «на Савонаролу надо смотреть, как на политического борца, как на представителя известных государственных тенденций, и религиозный элемент в его деятельности можно смело и совершенно основательно отставить на последний план». Аскетизм нравственной реформы доминиканца, согласно историку, обусловлен «особенными историческими условиями», которые «требовали религиозного элемента во всем», и «Савонарола действовал таким образом с целью исправить народ и приготовить его к свободе»⁷⁶. Религия – лишь средство, инструмент для проведения гражданских реформ по воплощению идеи «полной, всесторонней, гражданской республики». На это стоит обратить внимание авторам, толкующим о Савонароле, «как о каком-то церковном реформаторе, с задачами предшественника Лютера», между тем как он «не восставал, ни против догматов католицизма, ни против власти папской, и нисколько не подходил к тем реформаторам, которые сокрушили римский престол»⁷⁷. Итак, для Н.А. Осокина Савонарола интересен именно в качестве политического деятеля. При этом ученый проявляет стремление модернизировать идеи брата, представляя его в качестве «первого итальянского социалиста», носителя «гражданских коммунистических понятий», дело которого могло привести к установлению «теократического коммунизма»⁷⁸. Учитывая односторонность и спорность такого подхода к фигуре Савонаролы, нельзя не отметить последовательность автора в отстаивании собственной позиции, основанной на анализе опубликованных в то время документов, а также новейшей зарубежной историографии, что в итоге позволяет оценить труд казанского историка как существенный вклад в изучение темы в отечественной исторической науке.

⁷⁵ Осокин Н.А. Савонарола и Флоренция. Историческая монография: в 2 ч. Казань: тип. ун-та, 1865. С. 15–18.

⁷⁶ Там же. С. 8, 159.

⁷⁷ Там же. С. 8, 11.

⁷⁸ Там же. С. 14, 159, 167.

Вторая половина XIX в. связана не только с появлением не только первого научного исследования о флорентийском пророке, но и первого научно-популярного издания о нем – в 1893 г. в серии «Жизнь замечательных людей» известного российского книгоиздателя Ф.Ф. Павленкова издается труд А.К. Шеллера (А. Михайлова) «Савонарола. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк». Работа, в целом восторженно-апологетического характера, обладала при этом рядом несомненных достоинств, среди которых стремление автора рассмотреть деятельность монаха не только в качестве политического, но и религиозного реформатора⁷⁹.

Кроме того, в отечественной исторической науке, сначала дореволюционного периода (В.С. Иконников, Б.Н. Дунаев⁸⁰), а затем и в советское время (А.И. Иванов, Н.В. Сеницына⁸¹) появились работы, связанные изучением влияния Савонаролы на Максима Грека (Михаила Триволиса); их авторы занялись выявлением аналогий между темами и способами построения трудов этих двух церковных деятелей.

В советский период не вышло ни одного специального исследования о доминиканском проповеднике-реформаторе, но к его фигуре обращались авторы научных работ, темы которых были связаны с историей Италии XV в. Так в труде С.Г. Лозинского «История папства», изданном в 1934 г., Савонарола был представлен как «пламенный проповедник»; борец с развращенным Римом, выставивший «образцами “дьявольщины” папу, кардиналов, плутократов, монахов и других подобных им паразитов»; сторонник Соборного движения. Марксистский подход автора проявился не только в положительной оценке критики доминиканцем современной ему Церкви, но и в разделе-

⁷⁹ Шеллер А.К. (Михайлов А.). Савонарола. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк // Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола: Биографические очерки. Москва: Республика, 1995. С. 279–347.

⁸⁰ Иконников В.С. Собрание исторических трудов: Т. 1. Максим Грек и его время. Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1915. С. 118–123; Дунаев Б.И. Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке. Москва: Синодальная типография, 1916. С. 6–7.

⁸¹ Иванов А.И. Максим Грек и Савонарола // Труды Отдела древнерусской литературы / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1968. Т. 23: Литературные связи древних славян. С. 217–226; Он же. Максим Грек и Савонарола // Богословские труды. Москва, 1974. Т. 12. С. 184–208; Сеницына Н.В. Максим Грек и Савонарола: (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) // Феодалная Россия во всемирно-историческом процессе. Москва: Наука, 1972. С. 149–156.

нии сторонников и противников монаха по социальной принадлежности: с одной стороны – «широкие массы», с другой – «денежная аристократия Флоренции». Последняя, будучи напуганной действиями брата, который, став «фактическим правителем города», «установил в нем демократические, с сильным фанатическо-религиозным оттенком, учреждения», вместе с папой Александром VI, организовала «жесточайшую кампанию» против монаха, закончившуюся его казнью⁸².

Тема связи доминиканца с гуманистической средой Флоренции заинтересовала Л.М. Брагину. Сначала, в статье о Савонароле в «Философской энциклопедии» 1967 г., исследовательница отметила влияние на его этику «аристотелизма в интерпретации Фомы Аквинского», а на «учение о свободе воли» – идей флорентийских неоплатоников (Марсилио Фичино и Джованни Пико делла Мирандола). Позднее, проблема связи Савонаролы и гуманистов, совпадения и различия их взглядов, была проанализирована ученым в нескольких научных публикациях. В статье 1981 г., посвященной гуманизму и предреформационным идеям во Флоренции конца XV в., был сделан акцент на сопоставлении социально-политических идей гуманиста Джованни Нези, изложенных в его диалоге «О нравах», и позиций фра Джироламо. Автор обнаружил сходство рассуждений гуманиста о справедливости, богатстве и умеренности с религиозной и политической программой феррарского монаха, одновременно указал и на расхождения между ними, которые, по его мнению, заключались в том, что «Савонарола сохранял верность аскетической этике христианства, что отразилось в его негативном отношении к подчеркнуто светским явлениям в культуре эпохи, особенно в медичейской Флоренции», в то время как Нези «не отказывал человеку в праве наслаждаться искусством, культурой, всеми благами его земного бытия». В другой публикации 1997 г. о деятельности гуманистов в религиозных братствах Флоренции XV в., анализ произнесенных в этих обществах светского благочестия проповедей Аламанно Ринуччини и Джованни Нези, позволил иссле-

⁸² Лозинский С.Г. История папства. Москва: Политиздат, 1986. С. 216–217.

довательнице прийти к выводу о том, что «обращение к ценностям раннехристианского мира, звучавшее в речах гуманистов в религиозных братствах» сближало их с проповедями Савонаролы, и «было откликом на настроения горожан», отвечавшим «их духовным поискам»⁸³.

В начале 80-х гг. XX в. вышел русский перевод книги профессора церковного права Мюнстерского университета Х. Херманна «Савонарола. Еретик из Сан-Марко», которая предварялась статьей отечественного специалиста по истории и философии итальянского Возрождения А.Х. Горфункеля «Савонарола и кризис итальянского Возрождения». По мнению автора статьи, успех доминиканского монаха был обусловлен состоянием кризиса, в котором пребывали как Италия в целом, так и Флоренция в частности. В политической проповеди Савонаролы «нашли выражение и страхи, и чаяния широких демократических кругов Флоренции», а в его обличении клира и «папского Рима» проявились «глубокие демократические тенденции, содержащиеся и в средневековых ересьях, и в народных движениях, и в гуманистической критике пороков церкви и католического духовенства». Согласно А.Х. Горфункелю, движение Савонаролы являлось «своеобразной демократической реакцией на перерождение ренессансной культуры в условиях превращения некогда свободного государства в синьорию Медичи». Тот факт, что «политическая деятельность» доминиканца «выступает в мистическом облачении как проповедь покаяния и пророчество», ученый полагал неизбежным в условиях общей атмосферы «эсхатологических предчувствий». Оценивая приора Сан Марко в качестве реформатора, историк пришел к выводу о том, что в сфере политики «радикализм Савонаролы не следует преувеличивать», поскольку введенный при его активном участии политический строй представлял собой вариант олигархического правления», а в религиозном отношении монаха нельзя назвать «предшественником Реформации», поскольку

⁸³ Брагина Л.М. Савонарола // Философская энциклопедия / глав. ред. Ф.В. Константинов. Москва: Сов. энциклопедия, 1967. Т. 4. С. 546–547; Она же. Гуманизм и предреформационные идеи во Флоренции в конце XV века // Культура эпохи Возрождения и Реформации. Ленинград: Наука, 1981. С. 49–61; Она же. Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. Вторая половина XV века. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1983. С. 254–272; Она же. Деятельность гуманистов в религиозных братствах Флоренции XV в. // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. Москва: Наука, 1997. С. 50–59.

«резко обличая пороки высшего клира, обмирщение церкви, погоню за бенефициями, продажность и разврат, царившие в Риме», он «не подвергал ни малейшему сомнению догматы католицизма и не выступал против церковной иерархии как института»⁸⁴.

В 1990-е гг. появились научные публикации, посвященные непосредственно Савонароле. Интерес их авторов сосредоточился преимущественно на социально-политических идеях доминиканца. В 1997 г. В.П. Гайдук опубликовал статью «Начала парламентаризма в Италии: “Трактат о государственном устройстве Флоренции” Джироламо Савонаролы», в которой, представив анализ произведенных после 1494 г. преобразований в сфере управления, налоговой и судебной системы республики в сочетании с высказываниями фра Джироламо в проповедях и «Трактате», выказал мысль о том, что означенные реформы привели к «ориентации правительства на пополанов» и «были связаны с ростом гражданского самосознания, зрелым проявлением которого стала “флорентийская политическая мысль”, выразителем которой и явился Савонарола». В сущности, основной тезис публикации в концентрированном виде выражен автором следующим образом: «Сегодняшнее прочтение истории политических учений отводит Савонароле одно из первых мест в ряду создателей демократической политической мысли, обращенной к парламентаризму нового времени». Подчеркивая тесную связь этики и политики в учении доминиканца, причину того, что республиканский проект в итоге сменился «господством Медичи», В.П. Гайдук увидел в том, что флорентийцев, готовых следовать сформулированному Савонаролой нравственному идеалу доброго гражданина, «было слишком мало». В итоге, «республиканский идеал свободного общества равноправных граждан, живущих под сенью законов, сместился на Север Европы, главным образом в Англию», а затем в Северную Америку. На стремление автора представить актуальность идей Савонаролы для Европы Нового времени, а также для современности,

⁸⁴ Горфункель А.Х. Савонарола и кризис итальянского Возрождения // Херманн Х. Савонарола. Еретик из Сан-Марко / пер. с нем. Н.А. Савинкова, В.В. Чернышева. Москва: Прогресс, 1982. С. 5–14.

оказали влияние представители соответствующего направления итальянской историографии (в т.ч. историки, объединенные журналом «Coscienza») и политической мысли (Дж. Ла Пира), к работам которых он обратился в своей публикации⁸⁵. Кроме означенной статьи, В.П. Гайдук осуществил перевод и научную подготовку к изданию на русском языке книги Тито Санта Ченти «Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы»⁸⁶, приложение к которой содержит публикацию трудов доминиканца – составленных им во время судебных процессов весны 1498 г. истолкований и размышлений на Псалмы 50 и 30.

К анализу идей и деятельности Савонаролы в контексте настроений, распространенных среди флорентийских горожан XV в. обратилась И.А. Краснова. В одной из своих статей исследовательница подвергла детальному рассмотрению трактат фра Джироламо «Об управлении Флоренцией». Сравнение основных положений этого сочинения 1498 г. с предшествующими выступлениями монаха ноября – декабря 1494 г., позволило автору прийти к заключению об «эволюции политического мировоззрения Савонаролы» от пропаганды «режима оптиматов» как средства «реализации социального мира и политической стабильности» к «более традиционным для Флоренции формам народовластия и расширения олигархии». Выказанная в трактате убежденность брата в том, что «Флоренции органически присущи только республиканские формы правления», его озабоченность «предотвращением тиранического режима», и связанный с этим призыв к единству и соблюдению «общего блага», «сближает воззрения реформатора с исконными чаяниями среднего попопанства». В заключении статьи И.А. Краснова пришла к выводу, отличному как от А.Х. Горфункеля (олигархический характер республики при Савонароле), так и В.П. Гайдуга (расширение демократии): указав на то, что идеалом для доминиканца была демократическая республика, она увидела в нем реалиста, который ради обеспечения политической ста-

⁸⁵ Гайдук В.П. Начала парламентаризма в Италии: «Трактат о государственном устройстве Флоренции» Джироламо Савонаролы // Из истории европейского парламентаризма: Италия. Москва: ИВИ, 1997. С. 8–32.

⁸⁶ Ченти Т.С. Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. Москва, 1998. – 272 с.

бильности предложил вариант «республиканской системы власти с широким, хотя и ограниченным представительством народа»⁸⁷. Еще одна тема, которую исследовательница затронула в означенной публикации – связь политических реформ с экономическими преобразованиями, в которых были заинтересованы флорентийцы, и которые могли бы превратить город на Арно в «пополанский рай», нашла свое развитие в другой статье. В ней И.А. Краснова обратилась к сравнению идей Савонаролы и устремлений горожан, направленных на преодоление кризиса в хозяйственной жизни Флоренции XV в., выражавшегося в снижении деловой активности ее граждан. Анализ проекта реформ савонаролианца Д. Чекки, по мысли автора статьи, свидетельствует о тенденциях к преодолению упадка предпринимательской энергии, которые, в свою очередь, обнаруживали потребность горожан «в новых идеологических импульсах не только светского, но и религиозного характера». Высказывания же и действия брата Джироламо, как показывает исследовательница, свидетельствуют о том, что его «экономическая мысль» не опережала, а «лишь шла вслед» за проповедниками XV в., среди которых к концу века «привычным делом» стало оправдание накопления богатств, между тем как общество уже «испытывало потребность в иных религиозно-экономических доктринах, которые не только оправдывали бы процессы накопления, ... но и являлись бы активным катализатором дальнейшего развития»; последнее не нашло «должного отклика» у Савонаролы⁸⁸.

Итак, в отечественной исторической науке кон. XX в. наметилось несколько направлений в изучении доминиканца, в которых обозначился интерес ученых (также, как и в зарубежной историографии) к культурному и социальному окружению проповедника-реформатора. Означенная тенденция нашла свое продолжение и в XXI в. Так, политическая мысль Савонаролы привлекла внимание ученицы Л.М. Брагиной – У.С. Рахновской, осущес-

⁸⁷ Краснова И.А. Политическое устройство Флоренции в представлении Джироламо Савонаролы (по трактату «Управление Флоренцией») // Средние века. Москва, 1994. Вып. 57. С. 137–157.

⁸⁸ Краснова И.А. Савонарола и экономические проблемы Флоренции // Средневековый город. Саратов: Изд-во «Научная книга», 1998. Вып. 13. С. 134–147.

стившей перевод и публикацию «Трактата об управлении Флоренцией»⁸⁹; другой же ее ученик – О.Л. Акопян, в одном из разделов своей кандидатской диссертации обратился к проблеме взаимного влияния Джованни Пико делла Мирандолы и Савонаролы в их критике астрологии. Произведя сравнительный анализ «Рассуждений против прорицательной астрологии» Пико и трактата «Против астрологов» фра Джироламо, автор научного исследования пришел к выводу о том, что труд гуманиста полностью определил «не только общее содержание сочинения Савонаролы, но и все его основные мысли»⁹⁰.

К интеллектуальному наследию и деятельности доминиканца проявили интерес и отечественные филологи. А.В. Топорова в 2011 г. защитила докторскую диссертацию на тему «Эволюция итальянской проповеди XIV – XV вв.», одновременно ею была опубликована монография «Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению». Обратившись к текстам выступлений проповедников XIV – XV вв., и сосредоточив свое преимущественное внимание на наследии Джордано да Пиза, Бернардино да Сиена и Джироламо Савонаролы (в последнем случае было отмечено, что «полноценный литературоведческий анализ его проповедей до сих пор не предпринимался» и, что «как литературный жанр, вписывающийся в многовековую традицию, они серьезно не изучались»), исследовательница выделила несколько направлений эволюции средневековой итальянской проповеди, среди которых главное – «усвоение латинского наследия, приспособление его к широкой аудитории итальянских городов и затем его постепенное преодоление». Соответственно, «ориентация на более широкую и менее образованную аудиторию», сопровождавшаяся сменой языка с латинского на вольгаре, привела, по мысли ученого, к «ряду существенных изменений», выразившихся «в постепенном отходе от строгой регламентированности к большей свободе, как в области содержания, так и в области формы»; также в переходе «от безличной к “личной”» проповеди, где степень присутствия инди-

⁸⁹ *Савонарола, Джироламо*. Трактат об управлении Флоренцией / вступ. ст., пер. и коммент. У.С. Рахновской // Средние века. Москва, 2002. Вып. 63. С. 268–301.

⁹⁰ *Акопян О.Л.* Споры об астрологии в ренессансной мысли второй половины XV – начала XVI века: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 2014. С. 313–324.

видуального начала проповедника существенно возросла; и, наконец, все это сопровождалось «расширением функций этого жанра» – «толкование Священного Писания и христианское воспитание слушателей постепенно перестают быть единственными, а порой и основными целями проповеди», в нее «мощно входит внешняя жизнь – политика, экономика, общественные процессы, культура, образование», она «используется как возможность оказать влияние на различные сферы жизни общества»⁹¹. Максимальное выражение всех указанных выше изменений исследовательница находит в проповедях Савонаролы. Выступления монаха – «яркий пример тематической свободы»; его проповедь часто «превращается в политическое выступление, становится орудием в политической борьбе». Он «решительно продвигается по пути деформализации средневековой проповеди» (деление, членение как способы раскрытия темы, ссылки на авторитеты, а также сравнения и примеры «утрачивают былое значение»). Наконец, как полагает А.В. Топорова, «применительно к Савонароле уместно говорить не просто о личном, но о сильном субъективном начале, определяющем характер его проповедей», что наиболее ярко выражается в приписывании им себе пророческого статуса. Соответственно, касаясь вопроса причин успеха фра Джироламо у паствы, исследовательница видит их «прежде всего, в харизматической личности проповедника»⁹². Необходимо отметить, что интерес А.В. Топоровой к Савонароле вышел за рамки чисто филологических исследований – ряд публикаций ученого посвящен анализу сути реформ брата, а также сравнению его политической мысли с воззрениями современников (Н. Макиавелли)⁹³. Кроме того,

⁹¹ Топорова А.В. Эволюция итальянской проповеди XIV-XV вв.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.03. Москва, 2011. С.36–38; *Она же*. Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 162, 178, 231–234.

⁹² Там же. С. 161–227.

⁹³ *Она же*. Савонарола и Макиавелли: взгляд на политику // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. Сборник статей. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 255–269; *Она же*. Политическая проповедь Джироламо Савонаролы (цикл проповедей на книгу пророка Аггея) // Савонарола, Джироламо. Цикл проповедей на книгу пророка Аггея / изд. подгот. [сост., пер., ст., примеч.] А. В. Топорова. Москва: Наука, 2014. С. 215–247; *Она же*. Религиозная жизнь средневековой Италии в зеркале литературы. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С. 91–100 (Глава VII. Политика в свете вечности: Джироламо Савонарола); *Она же*. Реформа Джироламо Савонаролы // Книга и книжная культура в Западной Европе и России до начала Нового времени. Сборник в честь Александра Хаймови-

невозможно обойти вниманием вклад этого отечественного специалиста в области итальянской средневековой литературы в публикацию сочинений Савонаролы на русском языке – в 2014 г. был издан переведенный исследовательницей цикл проповедей фра Джироламо на пророка Аггея⁹⁴.

Таким образом, в отечественные исследования Савонаролы развиваются, в целом, в том же направлении, что и зарубежные, их авторы проявляют особый интерес к городскому социуму, в котором действовал брат. При этом, научные изыскания в основном ограничиваются «высокими» сферами политики, экономики, гуманистической мысли, и лишь отчасти в них присутствуют люди «второго плана», между тем как именно они составляли основную массу прихожан с которой контактировал проповедник-реформатор. Означенное положение дел отражает и круг переведенных и опубликованных на русском языке источников; за последнее время он расширился, но тематически по-прежнему преобладают сочинения доминиканца, связанные с его политическими идеями⁹⁵.

ча Горфункеля / отв. редакторы А.К. Гладков, И.Х. Черняк. Сост. А.К. Гладков. Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 246–252.

⁹⁴ *Савонарола, Джироламо*. Цикл проповедей на книгу пророка Аггея / изд. подгот. [сост., пер., ст., примеч.] А.В. Топорова. Москва: Наука, 2014. – 309 с.

⁹⁵ В дополнение к уже изданным на русском языке источникам, не связанным с политической мыслью Савонаролы, автор данного исследования опубликовал несколько переводов (проповедь, письма, небольшое сочинение об образе жизни вдов): *Савонарола, Джироламо*. Лекция или проповедь почтенного отца, брата Иеронимо из Феррары перед многими священниками, братьями и мирянами в Сан-Марко во Флоренции 15 февраля 1498 г./ предис., пер., примеч. Е.П. Тельменко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2004. Вып. 5. С. 218–252; *Он же*. Истинная вдова / предис., пер., коммент. Е.П. Тельменко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. Вып. 10. С. 375–384; Письмо Джироламо Савонаролы Маддалене Пико делла Мирандола / пер., предис. и коммент. Е.П. Тельменко // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Москва: КРАСАНД, 2010. Вып. 31. С. 373–384; Письмо Джироламо Савонаролы благочестивой женщине из Болоньи / предис., пер., примеч. Е.П. Тельменко // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени / под ред. А.Н. Маслова и А.А. Кузнецова. Нижний Новгород, 2011. Вып. 2. С. 117–124. Кроме того, в ряде статей были проанализированы особенности проведения религиозно-нравственных преобразований во Флоренции в период лидерства Савонаролы, в том числе: тема женщин в качестве объектов духовно-религиозного наставничества доминиканца; проблемы использования детских отрядов при проведении реформы нравов; изменения, произошедшие в праздничной культуре города и специфика поощряемых братом форм коллективного благочестия. См.: *Тельменко Е. П.* «Если ты, женщина... желаешь жить хорошо, ты больше не женщина..., а человек и обладаешь душой мужественной»: О савонаролианской проповеди «простоты христианской жизни» среди женщин // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Москва: ИВИ РАН, 2008. № 15. С. 139–158; *Она же*. Образ «истинной вдовы» в трактате Джироламо Савонаролы «Книга жизни вдов» // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2016. № 1. С. 121–125; *Она же*. Духовные наставления в письмах Джироламо Савонаролы к женщинам Флоренции кон. XV в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2017. № 3. С. 66–71; *Она же*. Савонарола, горожане и «мальчики Христа»: к вопросу о судебных полномочиях детской «полиции нравов» во Флоренции кон. XV в. // Право в средневековом мире. Москва: ИВИ РАН, 2010. С.

Целью исследования стал анализ особенностей взаимодействия доминиканского проповедника Джироламо Савонаролы с флорентийским обществом (и его отдельными группами), осуществлявшегося в процессе проведения политических и нравственных преобразований, происходивших в Республике в 1494 – 1498 гг., и предполагавших, по мысли пророка-реформатора, воплощение на практике идеальной модели «христианской политики».

Осуществление данной цели предполагает решение ряда исследовательских **задач**:

- рассмотреть основные этапы эволюции Савонаролы-проповедника, обратив особое внимание на факторы, оказавшие, в то или иное время, влияние на изменение содержания и характера его публичных выступлений, а также действий;
- исследовать проблему пророческого статуса фра Джироламо, как одного из важнейших инструментов проведения реформ; и, в контексте изучения означенной проблемы, соотнести влияние томистского учения, флорентийской идеологии и ветхозаветных моделей на репрезентацию и действия Савонаролы в качестве пророка; а также выявить особенности отношения современников к подобной репрезентации;
- раскрыть сущность предложенного монахом городу для реализации на практике проекта «христианской политики»;
- рассмотреть институциональные преобразования, как часть реформы по достижению идеального состояния городского общественного устройства, проводя различие между идеями и ожиданиями монаха и практическими шагами правительства, а также полученными результатами;
- обратившись к другой составной части реформы – преображению духовного состояния горожан, исследовать признаки «доброго христианина» в адре-

169–181; *Она же*. «Пожелал слуга Божий превратить день распутств в день благоразумия, святости и пользы для души» // Вестник Северо-Кавказского федерального университета: научный журнал / гл. ред. В.Н. Парахина. Ставрополь, 2014. № 1 (40). С. 156–160; *Она же*. Костры во Флоренции в конце XV в. // Вопросы истории. Москва, 2015. № 8. С. 102–114; *Она же*. Пророк и город «праведных»: религиозно-нравственная реформа Джироламо Савонаролы во Флоренции конца XV века. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. – 195 с.

сованных пастве наставлениях Савонаролы, уделив особое внимание толкованию монахом понятия «простоты»; на основе анализа различных типов источников, выявить особенности восприятия и усвоения (либо отторжения) гражданами Флоренции предложенной проповедником модели нравственного существования;

- изучить средства и методы, практикуемые Савонаролой для продвижения политических реформ, а также для стимулирования морально-нравственных изменений в социуме; в последнем случае – исследовать причины и характер обращения проповедника детям и женщинам Флоренции как главному двигателю нравственных преобразований (выявив элементы новаторства и традиционализма во взаимоотношениях брата с этими категориями паствы);
- рассмотреть изменения в праздничной культуре Флоренции во время духовного лидерства фра Джироламо; раскрыть значение савонаролианских торжеств, и сопровождавших их публичных акций, для стимулирования реформы городского сообщества; попытаться реконструировать коллективные и индивидуальные переживания участников празднеств и шествий;
- аналогичным образом, обратившись к анализу ритуальных практик в монастырях Тосканской конгрегации, исследовать влияние атмосферы, царящей в них, на городской социум Флоренции;
- проанализировать особенности восприятия горожанами (сторонниками и противниками брата, теми, кто однозначно не мог определить свою позицию) действий и фигуры доминиканца, как при его жизни, так и в ближайший промежуток времени после казни.

Хронологические рамки исследования охватывают преимущественно 80-е – 90-е годы XV в., что связано с двумя появлениями Джироламо Савонаролы во Флоренции (в 1482 г. и 1490 г.), и позволяет обратиться к проблеме эволюции его как проповедника; основное же внимание уделено периоду с 1494 г. по 1498 г., когда доминиканский брат в статусе пророка обретает возможность влиять на городской социум, поддерживать и инициировать различные преобразования. Помимо этого, решение одной из исследователь-

ских задач, – выявление особенностей восприятия горожанами фигуры проповедника после его смерти, – привело к необходимости анализа материала, относящегося к первым десятилетиям XVI в. **Географические границы** исследования определены спецификой темы и ограничены территорией Апеннинского полуострова, а, при конкретном анализе, пределами одного города – Флоренции.

Методология и методы исследования. Проблемное поле диссертации связано, прежде всего, с *исторической антропологией* – направлением, не ограничивающим исследователя в выборе методов, соответствующих задачам конкретно-исторического поиска, а также открывающем широкие возможности для междисциплинарного синтеза, позволяющего, в том числе, «учитывать концептуализации, родившиеся в разных национальных традициях, в соответствии с различными методологическими установками»⁹⁶.

В 80-е гг. XX в. Р. Шартье, выказал мысль о том, что «история ментальностей, превратилась в чисто историографическое понятие и перестала быть формой практического исторического исследования», и что та область, которую она могла бы занимать, «вошла в концепт культурной истории, обозначающий историю в ее связи со всей совокупностью практик, объектов, репрезентаций и апроприаций», последняя же, в свою очередь может обрести «общее пространство исследования» с интеллектуальной историей, в которой идеи перестанут отделяться «от истории их бытования, циркуляции и рецепции». Кроме того, – что также имеет значение для данного диссертационного исследования, – согласно французскому историку, методы (герменевтические, качественные – Е.Т.), «созданные для изучения истории мышления на его наиболее высоких уровнях» могут быть использованы «на другой территории», способствуя улучшению понимания того, «каким образом “обычный” человек или “обычная” группа принимают или заимствуют (appropriate)

⁹⁶ Чеканцева З.А. Историческая антропология // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. Москва: Аквилон, 2014. С. 166–168; Она же. Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Т. 9. Вып. 8 (72). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002438-0-1> (дата обращения: 13.05.2020).

идеи или верования своего времени». Такая постановка проблемы, касающаяся методологии анализа и дисциплинарных рамок, как видим, затрагивала, среди прочих фундаментальных вопросов, тему «производства» продуктов интеллектуальной деятельности и их «потребления» обычными людьми. Поскольку в сфере духовной сложно представить простое, «механическое» перенесение идей в сознание реципиентов, Шартье пришел к мысли о необходимости рассмотрения культурного и интеллектуального «потребления» как формы «производства», когда произведение (книга, проповедь, и проч.) «приобретает смысл только через стратегии интерпретации, которые конструируют его значения», когда «чтение, рассматривание и слушание» «делают возможным переусвоение (reappropriation), переадресацию, вызов или сопротивление»⁹⁷. Такое, – как выразился П. Бёрк, имея в виду новую культурную историю, – «возвращение к Мишелю де Серто»⁹⁸, позволяет переосмыслить специфику коммуникации между представителями интеллектуальной и народной культуры. Означенный методологический принцип был применен в данной диссертации при обращении к проблемам взаимодействия проповедника с паствой и анализе особенностей восприятия (и интерпретации) его идей флорентийскими горожанами.

Соответственно, в том, что касается общенаучных методов исследования, то ведущим в диссертации стал *принцип историзма*, предполагающий рассмотрение тех или иных исторических явлений в развитии, с учетом про-

⁹⁷ Шартье Р. Post scriptum, или Двадцать лет спустя (ответы на вопросы редакции «НЛО») // Новое литературное обозрение. 2004. № 2 (66). [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/post-scriptum-ili-dvadczat-let-spustya.html> (дата обращения: 15.05.2020); Он же. Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? // Там же. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/intellektualnaya-istoriya-i-istoriya-mentalnostej-dvojnaya-pereoczenka.html> (дата обращения: 15.05.2020).

⁹⁸ Бёрк П. Что такое культуральная история? / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева. Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. С. 123 –125. В своей работе «Изобретение повседневности» (1980), посвященной повседневной жизни Франции 1970-х гг., Серто писал: «Этому рационализированному, экспансионистскому и в то же время централизованному, ширококвещательному и зримому производству соответствует другое производство, определяемое как “потребление”: оно извортливо, рассредоточено, но проникает повсюду, молчаливое и почти невидимое, поскольку заявляет о себе не посредством собственной продукции, а через способы использования той продукции, которая навязывается господствующим экономическим порядком». См.: Серто, Мишель де. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. С. 41.

цесса их становления и изменения под влиянием тех или иных условий и факторов.

Принцип историзма применялся с учетом *системного подхода*, согласно которому объект исследования – сложная система, состоящая из множества взаимосвязанных элементов (определяющих ее свойства и влияющих на стабильность ее функционирования). Означенный подход позволил, с одной стороны, вычленить отдельные группы флорентийского социума, охарактеризовать их свойства и проанализировать отношения как непосредственно между ними, так и между ними и флорентийским пророком-реформатором; а с другой – обратиться к проблеме роли личности в «системе», оказавшейся в переходном (неустойчивом) состоянии⁹⁹.

В работе использовались также специально-исторические методы. Обращение к *историко-генетическому методу* было обусловлено необходимостью исследовать феномен духовного лидерства Савонаролы во Флоренции кон. XV в. посредством выявления причин и факторов, способствовавших взлету пророка-реформатора, обретению им возможности влиять на различные сферы жизни социума.

Историко-сравнительный метод позволил выявить специфику идей Савонаролы, связанных с проектом реформирования флорентийского общества, раскрыть особенности средств и методов, применяемых им для воздействия на горожан, обратиться к проблеме соотношения новизны и традиционализма во взглядах и действиях брата.

Метод герменевтического анализа предоставил возможность осуществления верифицированной интерпретации и выявления явных и скрытых смыслов текстов исторических источников. Соответственно, при работе с источниками учитывалось, что «пониманию подлежит ... не только дословный текст и его объективный смысл, но также индивидуальность говорящего или

⁹⁹ В свое время Ю.М. Лотман обратил внимание на возможности синергетической теории И. Пригожина при анализе подобных ситуаций. См.: *Лотман Ю.М.* Клио на распутье // Лотман Ю. М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 464 – 471. Также см.: *Гринин Л.Е.* Личность в истории: современные подходы // История и современность. 2011. № 1. С. 3 – 42; *Пригожин И., Стенгерс И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / Пер. с англ. Ю.А. Данилова Москва: Прогресс, 1986.

пишущего»¹⁰⁰, а интерпретация – «это работа мышления, которая состоит в расшифровке смысла, скрывающегося за очевидным смыслом, в выявлении уровней значения, заключенных в буквальном значении»¹⁰¹. Кроме того, адекватное прочтение текстов источников обусловило необходимость обращения к *методам терминологического анализа*.

Описание и анализ жизни и деятельности Савонаролы, уточнение его психологического портрета; а также изучение источников личного происхождения (дневники, письма), вызвали потребность в использовании *историко-биографического метода*.

В процессе работы возникла также необходимость в привлечении теоретических наработок социологии, психологии (социальной психологии), искусствоведения и литературоведения.

Источниковая база исследования. Источники, связанные с историей Флоренции эпохи Савонаролы, обширны, чрезвычайно разнообразны и обладают своей спецификой. Их можно условно разделить на несколько групп.

1. *Труды Джироламо Савонаролы*, которые могут быть дифференцированы в соответствии с их жанровой принадлежностью (*проповеди; трактаты; письма личного характера и публичные послания*) и по хронологическому принципу (учитывая эволюцию взглядов проповедника).

Основным инструментом распространения идей и влияния пророка-реформатора на общественное мнение являлись *проповеди*.

Все указанные ниже циклы, произнесенных монахом в 1494 – 1498 гг. проповедей, опубликованы в «Национальном издании трудов Джироламо Савонаролы» (Edizione Nazionale delle opere di Girolamo Savonarola).

Следует уточнить, что Савонарола, подобно прочим проповедникам, не составлял заранее полный текст своего выступления перед паствой, но пользовался предварительными набросками. Проповеди сохранились в записи слушателей. Значительная их часть была записана нотариусом Лоренцо Вио-

¹⁰⁰ Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. Москва: Прогресс, 1988. С. 234.

¹⁰¹ Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И.С. Вдовиной. Москва: Академический Проект, 2008. С. 51.

ли (1465 – 1556). Согласно самому Виоли, первыми из тех, что он стал конспектировать, – «не дословно», а только «*in sostanza*» (основную суть), – стали проповеди на Псалмы; таким же образом он поступил с проповедями на Иезекииля; другие же циклы – на Амоса и Захарию, Руфь и Михея, а также на Исход, он стремился записать как можно более подробно. О высоком качестве означенных записей свидетельствует в своем «Дневнике» флорентийский горожанин Лука Ландуччи, отмечающий «чудесную» точность в передаче слов брата, невозможную без божьей помощи¹⁰². Виоли выполнял и роль редактора трех последних из упомянутых выше циклов при подготовке их к публикации. Сам Савонарола, скорее всего, был в той или иной степени (тщательная сверка, либо общий обзор) причастен к редактированию текстов, отдававшихся в печать при его жизни¹⁰³. Записи проповедей, составленные Л. Виоли содержат также дополнительную информацию, важную для исследования особенностей коммуникации проповедника и его паствы, поскольку фиксируют в ряде случаев поведение и эмоции обеих сторон.

Итак, первый цикл – 23 проповеди на Аггея (ноябрь – декабрь 1494 г.)¹⁰⁴ относится ко времени антимедичейского переворота (9 ноября), краткого пребывания французских войск (17 – 28 ноября), и начала политических преобразований во Флоренции. Собственно, к толкованию книги Аггея брат обращается с 15 декабря, выбор связан с аналогией между временем этого библейского пророка, призывавшего возвратившихся из вавилонского плена иудеев к восстановлению Храма, и городом на Арно, граждане которого, освободившись от «тирании» Медичи, должны возродить республиканские порядки. Именно с чтением этих проповедей связано включение монаха в сферу конкретной политики: в своих выступлениях (представляющих собой смесь миллениаризма, религиозно-нравственных наставлений и политических

¹⁰² См. об этом параграф 6.2 данной работы.

¹⁰³ О работе Л. Виоли в качестве стенографиста и редактора проповедей Савонаролы, см.: *Garfagnini G.C. Introduzione // Violi L. Le giornate / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: L. S. Olschki, 1986. P. XX – XXVII, etc.*

¹⁰⁴ *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo. Roma: Belardetti, 1965. – 530 p.; Савонарола, Джироламо. Цикл проповедей на книгу пророка Аггея / изд. подгот. [сост., пер., ст., примеч.] А. В. Топорова. Москва: Наука, 2014. – 309 с.*

тем) он непрестанно призывает к установлению «всеобщего мира» и проведению реформы, поддерживая идею «широкого правления» и связанный с ней Большой совет.

Политические темы продолжают занимать монаха и в следующем 1495 г., свидетельством чего являются проповеди на Псалмы (январь, май – июль 1495 г.)¹⁰⁵. Тексты, относящиеся к этому времени, отражают все возрастающую обеспокоенность Савонаролы разделением общества на различные партии и группировки. Он проповедь за проповедью повторяет мысль о необходимости установления «всеобщего мира» и проведения амнистии, а также ограничения «власти шести бобов Синьории»; упрекает граждан в том, что личные и групповые интересы они ставят выше «общего блага»; надеясь повысить эффективность работы Большого совета, постоянно обращается к вопросу о строительстве помещения для его заседаний. Разумеется, монах не забывает и о своей глобальной цели – обновлении Церкви (как института, и как совокупности верующих), и здесь особое место занимает проповедь 13 января 1495 г., в которой он напоминает слушателям о своих сбывшихся пророчествах и оглашает видение Креста и Меча, возобновляя в сознании паствы образ меча Господа, готового поразить тех, кто не присоединится к грядущему обновлению.

Толкование Псалмов прерывается 47 проповедями на книгу Иова (1 марта – 24 апреля 1495 г.)¹⁰⁶. Иов – образец твердости в перенесении всяческих бед и испытаний, должен был послужить примером для горожан в их реформировании. В это время монах постоянно обращается к жителям Флоренции с призывом к доброй жизни, согласию и единству. Помимо нравственных наставлений он продолжает использовать проповедь в качестве орудия политической деятельности, и добивается в итоге принятия закона о всеобщем мире и шести бобах (19 марта 1495 г.). Проповеди на Псалмы впервые были опубликованы в Венеции в 1545 г.; их издатель в своем предис-

¹⁰⁵ *Savonarola G. Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. Roma: Belardetti, 1969. Vol. 1. – 305 p.; 1974. Vol. 2. – 424 p.*

¹⁰⁶ *Savonarola G. Prediche sopra Giobbe / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1957. Vol. 1. – 447 p.; 1957. Vol. 2. – 474 p.*

словии уведомлял читателей, что перед ними перевод на вольгаре (итальянский язык) записей, сделанных на латыни двумя монахами – последователями фра Джироламо, с его «живого голоса». Редактор современного издания – Роберто Ридольфи, критически подошел к подобному заявлению; он также обнаружил в Национальной библиотеке Флоренции манускрипт – копию записи «дона Дионисия, монаха Бадии» (37 проповедь), и часть проповедей (26, 27, 28) в болонском издании 1538 г., озаглавленном «*Esposizione della figura di Gedeone*»¹⁰⁷.

Поскольку Савонароле пришлось подчиниться папскому бреве 16 октября 1495 г., предписывающему прекратить проповеди, в Рождественский пост перед паствой выступал его сподвижник – фра Доменико Буонвичини (да Пеша), с ним же связано начало детской реформы. Однако, в Великий пост 1496 г., благодаря содействию Синьории, фра Джироламо вновь возвратился на кафедру и избрал для толкования книги малых пророков – Амоса и Захарии (февраль – март 1496 г.)¹⁰⁸. Выбор означенных библейских текстов позволил монаху вновь обратиться к теме пророчества, а также вернуться к проблеме обновления Церкви, вплотную занявшись реформой нравов. Одним из главных инструментов в проведении означенной реформы стала флорентийская молодежь, и ей посвящена значительная часть выступлений. В означенных проповедях Савонарола также стремится поощрить женщин к активному участию в преобразованиях. Цикл на Амоса и Захарию был опубликован через короткое время после их произнесения, в последние годы XV в.

Вопросы нравственного обновления продолжали занимать Савонаролу и во время чтения проповедей на Руфь и Михея (май – ноябрь 1496 г.)¹⁰⁹. Первые 16 выступлений посвящены толкованию книги Руфи; ее главный персонаж, символизировавший собой простоту (внутреннюю и внешнюю), надлежащую каждому доброму христианину, позволил монаху обратиться с

¹⁰⁷ Ibid. Vol. 2. P. 457–467, etc.

¹⁰⁸ *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria* / a cura di Paolo Ghiglieri. Roma: A. Belardetti. 1971. Vol. 1. – 433 p.; 1971. Vol. 2. – 436 p.

¹⁰⁹ *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea* / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 1. – 470 p.; 1962. Vol. 2. – 525 p.

увещеваниями к пастве о необходимости культивирования этого качества. Комментирование же Михея сопровождалось призывом к справедливости в управлении семьей, городом, Италией, Церковью. Вышедший в кон. XV в. (1499 г.) сборник этих проповедей имел иное оглавление (*Prediche fatte l'anno 1496, ne' dì delle feste, da la Pasqua della Resurrezione insino allo Avvento di detto anno*); привычное же сейчас наименование цикла присутствует уже в записях Л. Виоли, в печатной версии оно впервые появилось в венецианском издании 1505 г.¹¹⁰.

30 ноября 1496 г. Савонарола начинает новый цикл проповедей на пророка Иезекииля, который продолжался до мая 1497 г.: Рождественский пост 1496 г. (ноябрь – декабрь); Великий пост 1497 г. (февраль – март); и проповедь на Вознесение 4 мая 1497 г.¹¹¹. Очевидно, что толкование этого пророка в очередной раз связано с проведением параллелей между историей ветхозаветной и современной. Книга Иезекииля представляет собой изложение от первого лица видений пророка и обращенных к нему слов Бога; тематически пророчества делятся на две основные части – о наказании Израиля за нарушение Завета, порочность и беззаконие народа; и о будущем возрождении Израиля; при этом отношение Бога к своему народу основано как на Его справедливости, так и на заинтересованности в сохранении и возрождении Израиля. Таким образом, Савонарола, избрав эту книгу, продолжает развивать тему нравственного реформирования как основы тотального преобразования общества во всех остальных сферах его жизни. При этом, он не ограничивается наставлениями о необходимости индивидуального морального совершенствования, но продолжает опираться на действия детских отрядов (пыл которых пытается усмирить), а также, рассуждая о справедливости и правосудии, призывает правительство города принять соответствующие законы о нравственности и преследовании пороков. Особое место в цикле занимает проповедь 4 мая 1497 г., в день Вознесения, прерванная противника-

¹¹⁰ Ibid. Vol. 2. P. 479, 487–488.

¹¹¹ *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele* / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1955. Vol. 1. – 387 p.; 1955. Vol. 2. – 399 p.

ми монаха, в которой он, говоря о своей миссии, представляет себя всего лишь инструментом исполнения божественной воли (проповедь была опубликована вскоре после ее произнесения). Первое издание цикла относится к 1515 г.¹¹².

Папское бреве с отлучением 12 – 13 мая 1497 г., провозглашенное во Флоренции 18 июня, лишает Савонаролу возможности выступать перед паствой. Только 11 февраля 1498 г., он, поддержанный Синьорией, нарушает запрет и возвращается на кафедру, начиная проповеди на книгу Исхода (февраль – март 1498 г.)¹¹³. В них монах идет на максимальное обострение конфликта с Папой: опровергая действенность отлучения, представляет противостояние с Понтификом как борьбу между добром и злом, в которой он может положиться только на Господа. В итоге, 17 марта Синьория рекомендует доминиканцу прекратить выступления, и 18 марта он произносит последнюю проповедь. Пять проповедей этого цикла попали в печать практически сразу после их оглашения, первая публикация сборника датируется 1505 – 1508 гг.¹¹⁴.

Не менее значимым средством коммуникации с паствой в целом и различными ее категориями являются *трактаты* доминиканца.

Так, небольшое, адресованное женщинам, сочинение Савонаролы «Книга жизни вдов» (*Libro della vita viduale*)¹¹⁵, впервые опубликованное во Флоренции в 1491 г., в течение трех последующих лет выдержало еще три издания, а за полвека после смерти монаха восемь раз переиздавалось во Флоренции, Венеции и Милане, что свидетельствует об устойчивом интересе читателей к этому труду фра Джироламо. В нем брат обращается к различным категориям вдов с наставлениями в праведном образе жизни.

¹¹² Ibid. Vol. 2. P. 375, 379.

¹¹³ Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo / a cura di Pier Giorgio Ricci. Roma: A. Belardetti, 1955. Vol. 1. – IV, 320 pp.; 1956. Vol. 2. – 398 p.

¹¹⁴ Ibid. Vol. 2. P. 379, 381–382.

¹¹⁵ Savonarola G. La vera vedova // Savonarola. Prediche e scritti commentati e collegati da un racconto biografico. L'influenza del Savonarola sulla letteratura e l'arte del Quattrocento. Bibliografia ragionata / [a cura di] Mario Ferrara. Firenze: L. S. Olschki, 1952. Vol. 1. P. 42–54.

«Компендиум откровений (*Compendium revelationum*)»¹¹⁶, написанный между весной и летом 1495 г., представляет рефлексию Савонаролы относительно его пророческого призвания; и содержит определенные элементы автобиографии. Основная часть текста построена в форме диалога между братом и Искусителем (Дьяволом), представшим в образе «старого бородатого отшельника»¹¹⁷. Первоначально, 18 августа 1495 г. текст был издан на вольгаре, латинская версия опубликована 3 октября этого же года. Составление и издание трактата совпадает по времени с созданием антифранцузской Лиги (весна 1495 г.), в которую вошли Венеция, Милан Папское государство, Испания и германский император, а также с бреве Папы Александра VI от 21 июля, в котором Понтифик требует немедленного прибытия Савонаролы в Рим для разъяснения сути своих проповедей. Таким образом данный труд монаха – это, в сущности, апология собственных пророчеств, обращенная как к горожанам – его противникам и сторонникам (в том числе с целью укрепить их в мысли о необходимости сохранения союза с «новым Киром» – Карлом VIII), так и к Римской курии (монах отказался подчиняться июльскому приказу Папы и, извинившись, предложил копию «Компендиума», который может прояснить его миссию¹¹⁸).

Как уже было отмечено выше, на рубеже 1495 – 1496 гг. фра Джироламо при помощи своих последователей приступает к осуществлению реформы молодежи, а с весны 1496 г. начинает уделять значительное внимание реформированию женщин. Таким образом, появление в означенное время сочинения, связанного с темой нравственного совершенствования (внутреннего и внешнего) нельзя назвать случайным. Трактат «О простоте христианской жизни», как и большую часть своих работ, Савонарола написал на латыни; итальянская версия текста, сделавшая его более доступным для паствы, появилась благодаря трудам Джироламо Бенивьени и была опубликована прак-

¹¹⁶ *Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. – 476 p.*

¹¹⁷ *Ibid.* P. 30.

¹¹⁸ *Ibid.* P. 383.

тически одновременно с оригиналом, в октябре 1496 г. Именно этот вариант на вольгаре привлечен к анализу¹¹⁹.

Опубликованный зимой 1498 г. «Трактат об управлении Флоренцией»¹²⁰ является сочинением, в котором политическая мысль Савонаролы изложена в систематизированной форме. Текст представляет собой синтез томистско-аристотелевской теории, флорентийской республиканской идеологии и осмысления политической практики города на Арно. Сравнение «Трактата» с предшествующими проповедями монаха на политические темы (произнесенными после антимедичейского переворота 1494 г.) позволяет выяснить в каких вопросах его позиция осталась неизменной, а где произошла определенная эволюция взглядов.

Эпистолы брата можно разделить на *письма личного характера*, и *публичные послания*.

Письма-наставления в доброй жизни женщинам-мирянкам, – послания представительницам семьи Сфорца – герцогине Феррары Марии Анжеле Сфорца д’Эсте и правительнице Имолы и Форли – Екатерине Сфорца¹²¹; переписка с женщинами из знатного флорентийского семейства Мирандола – Джованной Караффа (женой философа-гуманиста и богослова Джованни Франческо Пико делла Мирандолы, последователя доминиканца) и ее золов-

¹¹⁹ Savonarola G. De simplicitate christianae vitae / a cura di Giorgio Ricci. Roma: A. Belardetti, 1959. – 280 p.

¹²⁰ Trattato circa el reggimento e governo della citta di Firenze // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 435–487.

¹²¹ A Maria Angela Sforza d’Este, Duchessa di Ferrara [Firenze, 24 maggio 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 132–133; A Caterina Sforza, Signora di Imola e Forli [Firenze, 18 giugno 1497] // Ibid. P. 135–136. Далее – Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte ... В означенное время герцогом Феррары, Модены и Реджо был Эрколе I д’Эсте (1431 – 1505), женатый на дочери неаполитанского короля Фердинанда I Арагонского Элеоноре Арагонской; их сын, наследовавший правление в 1505 г. – Альфонсо I д’Эсте (1476 – 1534) в 1491 г. сочетался первым браком с Анной Марией Сфорца (1476 – 1497), законной дочерью правителя Милана Галеаццо Мария Сфорца (1444 – 1476) и Боны Савойской (1449 – 1503), вероятно, именно Анна Мария была адресатом одного из указанных выше писем. Екатерина Сфорца (1463 – 1509) – дочь Галеаццо Мария Сфорца и Лукреции Ладриани, была признана герцогом, а позднее удочерена его женой. В 1477 г. ее выдали замуж за Джироламо Риарио, племянника Папы Сикста IV, который отдал молодоженам во владение Имолу и Форли; после смерти Риарио (убит в 1488 г.) была замужем за Якопо Фео (убит в 1495 г.; Екатерина жестоко расправилась с убийцами и их семьями); в 1496 г. к Екатерине в качестве флорентийского посла прибыл Джованни ди Пьерфранческо де Медичи (прозванный il Popolano), с которым втайне был заключен брак, видимо в расчете на поддержку короля Франции, союзницей которого была Флоренция; «в эти опасные времена» Екатерина и обратилась за утешением к Савонароле.

кой Дианорой¹²²¹²³, а также письмо избравшей монашескую стезю Маддалене Пико дела Мирандола¹²⁴; кроме того, более раннее послание (1493?) некоей благочестивой женщине из Болоньи¹²⁵, – позволяют обратиться к теме культивирования индивидуального благочестия, выяснить, какие вопросы волновали женщин, стремящихся встать на путь совершенствования в делах «внутренней» и «внешней» веры.

Послания тем, кто избрал путь служения Богу – братьям и сестрам доминиканского ордена и конгрегации Сан Марко, а также сестрам Третьего ордена позволяют судить о положении дел, связанных с реформированием этой группы последователей Савонаролы: личные письма – сподвижнику фра Доменико Буонвичини (да Пеша) 10 марта 1491 г. и настоятельнице обители Св. Доминика в Пизе (10 сентября 1493 г.)¹²⁶; а также письма наставления и утешения, направленные религиозным общинам¹²⁷.

Публичные послания, адресованные гражданам Флоренции, являлись, с одной стороны – средством коммуникации с паствой (значимость которого возрастала во время запрета проповедей); с другой – действенным инструментом полемики с оппонентами; в целом же – мощным орудием пропаганды идей, в том числе за пределами города (как и напечатанные проповеди, и изданные трактаты). В ответ на бреве Папы от 21 июля, 8 сентября и 16 октября 1495 г., предписывающие монаху появиться в Рим и прекратить проповеди,

¹²² A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 15 dicembre 1495] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte* ... P. 80; A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 10 aprile 1496] // *Ibid.* P. 108; A Giovanna Caraffa e Dianora della Mirandola [Firenze, 3 aprile 1497] // *Ibid.* 119–120; A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 13 agosto 1497] // *Ibid.* P. 164–165; A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 6 novembre 1497] // *Ibid.* P. 193–194.

¹²³ Дианора (Элеонора) – сестра Джованни Франческо Пико делла Мирандолы; дочь Галеотто I Пико делла Мирандолы и Бьянки Марии д'Эсте.

¹²⁴ A Maddalena Pico della Mirandola [Firenze, 1495?] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte* ... P. 80–91. Мария Маддалена – сестра Джованни Франческо Пико делла Мирандолы; дочь Галеотто I Пико делла Мирандолы и Бьянки Марии д'Эсте; приняла постриг в монастыре Тела Господня в Ферраре.

¹²⁵ Ad una devota donna bolognese [1493?] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte* ... P. 38–41.

¹²⁶ A Fra Domenico Buonvicini [Firenze, 10 marzo 1491] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte* ... P. 15. (A fra Domenico da Pescia che predicava a Pisa [X martii 1490] // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi*. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 281 – 282. Далее – *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola* ...); Alla Priora di S. Domenico di Pisa [Firenze, 10 settembre 1493] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte* ... P. 31–38.

¹²⁷ Ai Frati di S. Marco di Firenze [Bologna, fra il 10 e il 15 febbraio 1493] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte* ... P. 19–26; Ai giovani Frati e ai Novizi di S. Marco [Bologna, 12 marzo 1493] // *Ibid.* P. 26–27; Alle suore del Terz'Ordine di S. Domenico dette di Annalena [Firenze, 17 ottobre 1497] // *Ibid.* P. 182–187.

фра Джироламо публикует осенью 1495 г. апологетическое «Послание некому другу» (переиздавалось не менее трех раз в течение одного года или двух лет). «Послание ко всем избранным Божиим и верным христианам» Савонарола отдал в печать 8 мая 1497 г., после того как в компаньиччи сорвали его проповедь в соборе Санта Мария дель Фьоре 4 мая, и Синьория на следующий день издала всеобщий запрет на проповеди. Еще два послания монаха – «благочестивым людям» и «всем христианам и избранным Божиим» были опубликованы 19 июня 1497 г., на следующий день после провозглашения папского бреве с отлучением доминиканского проповедника¹²⁸. К этой же группе источников отнесем написанное ранее (18 мая 1493 г.) письмо Синьории Лукки, в котором доминиканец выказал ответ на вопрос о том, как следует поступать правительству города с евреями-ростовщиками¹²⁹.

2. Исторические сочинения и хроники; дневники и жизнеописания; политические и религиозные трактаты.

Присутствие нескольких видов исторических источников в одном разделе обусловлено рядом причин: во-первых, часть сочинений, которая может быть формально отнесена к группе «дневников и жизнеописаний» (труды Луки Ландуччи, Бартоломео Мази, Трибальдо де'Росси и Джироламо да Эмполи) по своей сути и происхождению сближается с хрониками; во-вторых, поскольку к исследованию были привлечены работы, относящиеся к различным жанрам, но принадлежащие одному и тому же автору, показалось целесообразным произвести их условное объединение.

Исторические сочинения и хроники.

«Флорентийская история» Пьеро ди Марко Паренти (1449 – 1519)¹³⁰. Ее автор происходил из семьи, переселившейся во Флоренцию в первые десятилетия XIV в. и составившей свое богатство на производстве и торговле шел-

¹²⁸ A un amico [Firenze, 1495] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte ... P. 91–103; A tutti gli eletti di Dio e fedeli cristiani [Firenze, 8 maggio 1497] // Ibid. P. 122–128; A certe persone devote [Firenze, prima del 19 giugno 1497] // Ibid. P. 136–140; A tutti i cristiani e dilette di Dio [Firenze, 19 giugno 1497] // Ibid. P. 141–145.

¹²⁹ Lettera alla Signoria di Lucca [Firenze, 18 maggio 1493] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte ... P. 28–30.

¹³⁰ Parenti P. Storia fiorentina / a cura di Andrea Matucci. Firenze: L. S. Olschki, 1994. Vol. 1: 1476–78, 1492–96. – LI, 364 pp.

ком (цех Сета). Сын Марко Паренти и Екатерины ди Маттео Строцци (ее мать – Алессандра Мачинги Строцци), он также, как и его отец, был знаком с рядом известных мыслителей того времени: обучался у М. Фичино, а А. Полициано стал крестным отцом его первенца. Помимо коммерческой деятельности Пьеро участвовал в политической жизни Флоренции, занимая в разное время должности как в ведущих городских магистратурах и балиях, так и в контадо. В частности, с мая по август 1498 г., – время завершения судебных процессов над Савонаролой и его казни, – Паренти был одним из Восьми гвардии. В 1476 г. П. Паренти приступил к написанию «Флорентийской истории», которая охватывает период с 1476 по 1478 гг. (от смерти миланского герцога Галеаццо Мария Сфорца до заговора Пацци), и затем – с 1492 (смерть Лоренцо Медичи) по 1502 г. Этот труд на народном языке (вольгаре) подробно излагает события в городе на Арно, непосредственным участником которых являлся автор. Особенностью данного сочинения, – что ценно для проводимого в работе исследования, – является способность Паренти чутко улавливать смену настроений в городе, фиксировать их и излагать версии причин подобных изменений. Кроме того, важен и собственный взгляд автора на происходящие события и действующих лиц, в том числе на Савонаролу, в отношении которого Пьеро пытался продемонстрировать читателям свою беспристрастность и сдержанность, но, судя по тексту, изначальное восхищение монахом постепенно сменилось критическим настроем, порой граничащим с раздражением.

«История» Джованни Камби (1458 – 1535) предположительно являлась сочинением для личного и семейного чтения, описывавшим события во Флоренции с III в. до года смерти автора¹³¹. В отличие от своего отца Неро (Nero di Stefano d'Alessandro di ser Lamberto di Nero di Cambio) и сводного брата Ламберто, известных своей энергичной политической деятельностью, Джованни предпочитал в большинстве случаев отказываться от исполнения офи-

¹³¹ *Istorie di Giovanni Cambi cittadino fiorentino pubblicate, e di annotazioni, e di antichi munimenti accresciute, ed illustrate da fr. Ildefonso di San Luigi // Delizie degli eruditi toscani. Firenze, 1785. T. XXI. Vol. 2. – xij, 344 pp.*

циальных должностей в Республике, заняв позицию наблюдателя. Если первая часть его «Истории» (с 252 г. по 1459 г.) является компиляцией некоей «старинной книги», то описание событий с 1480 г. основано на личных записях, которые он делал на протяжении своей жизни. Необходимо также отметить, что благодаря контактам отца с представителями политической элиты города (Неро занимал пост приора в 1456, 1490 и 1496 гг., был гонфалоньером справедливости в 1488 г., а также исполнял многочисленные младшие должности во Флоренции и за ее пределами), Джованни имел возможность получать часть сведений из первых уст. Судя по характеру изложения текста «Истории», Камби не занимал какой-либо однозначной и решительной позиции относительно происходящих в 1494 – 1498 гг. событий, но испытывал явную симпатию к Савонароле.

«Флорентийская история» Бартоломео Черретани (1475 – 1524) была написана между 1512 и 1514 годами и посвящена истории города от основания до современности; основным источником описания событий, связанных с Савонаролой, являются собственные воспоминания автора. Члены семьи Черретани – дед, отец и сам Бартоломео, – занимали ряд важных государственных должностей как при Медичи (до переворота 1494 г.), так и после их изгнания (в первые два десятилетия XVI в.). Эта причастность к политике отразилась и на характере означенного сочинения, автор которого стремился осмыслить опыт прошлого в контексте современных практик управления государством. В сообщениях Черретани о Савонароле, довольно кратких, в сравнении с другими хронистами, обнаруживаются сведения об отношении горожан к доминиканцу: изумление от непривычного стиля проповедования; реакция на детские отряды; распространение слухов о политических интригах брата; недовольство и неудовлетворенность его бездействием / бездействием; сбор и почитание реликвий после смерти пророка¹³².

К написанию своей «Истории города Флоренции» Якопо Нарди (1476 – 1563) приступил на склоне лет, около 1553 г.; работа, охватывающая период

¹³² *Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di Giuliana Berti. Firenze: L.S. Olschki, 1994. – XIX, 474 pp.*

с 1494 г. по 1537 г., была впервые опубликована после смерти автора, в 1582 г. в Лионе. Якопо – очевидец событий 1494 – 1498 гг., последователь Савонаролы, в XVI в. начал свою политическую карьеру и занимал ряд важных должностей в Республике до ее окончательного падения в 1530 г. С восстановлением власти Медичи он был приговорен к трехлетней высылке на свою виллу в Петильоло (Petigliolo), а в 1533 г. – в Ливорно; не видя перспектив возвращения во Флоренцию, в этом же году переехал в Венецию – пристанище многих флорентийских изгнанников, не оставлявших попыток восстановить Республику; пользовался здесь значительным авторитетом. К первым годам пребывания в Венеции относятся два выступления Нарди политического характера – «Речь, произнесенная в Венеции против клеветников флорентийского народа» (*Discorso fatto in Venezia contro i calunniatori del popolo fiorentino*), с которой он выступил 20 сентября 1534 г., за пять дней до смерти Папы Климента VII, и оглашенная через короткий промежуток времени другая речь («Речь Якопо Нарди, произнесенная в Венеции после смерти Папы Климента VII»¹³³ в 1534 году по просьбе неких добрых людей из Венеции; для сообщения сведений о новостях, произошедших во Флоренции с 1494 по 1534 год»), в которой он представил краткий обзор исторических фактов и событий во Флоренции кон. XV – нач. XVI в. Как в «Речи», так и в появившейся здесь же «Истории города Флоренции»¹³⁴, Якопо стремится к объективному анализу событий, связанных с доминиканским проповедником-реформатором, не впадая в крайности, свойственные ультрасавонаролианцам. Кроме того, существенное пространство в тексте «Истории» занимает описание праздничной культуры Флоренции, коллективных эмоций участников карнавалов и акций по сожжению «суеты», зрителей «испытания огнем» и казни трех «мучеников за веру».

¹³³ Климент VII (1478 – 1534), в миру – Джулио Медичи, избран Папой в 1523 г.

¹³⁴ *Nardi I. Istorie della città di Firenze* / pubblicate per cura di Agenore Gelli. Firenze, 1858. Vol. 1. – XXIV, 437 pp.; Breve discorso di Iacopo Nardi, fatto in Vinegia dopo la morte di papa Clemente VII, l'anno 1534, ad istanza di alcuni gentili uomini viniziani; per informazione delle novità seguite in Fiorenza, dall'anno 1494 al detto anno 1534 // *Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi*, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. LV–LXV.

В «Истории Флоренции» – одном из ранних произведений Фраческо Гвиччардини (1483 – 1540), написанном в 1509 г. и излагающем события с 1378 г. по 1509 г.¹³⁵, автор, обращаясь к ситуации 90-х гг. XV в., проявил стремление к глубокому и объективному анализу перемен, произошедших в Республике во время духовного лидерства Савонаролы, уделив значительное внимание противоборству различных политических сил, как во Флоренции, так и за ее пределами; в том, что касается оценки личности и действий доминиканского проповедника-реформатора, Ф. Гвиччардини предпочел занять, насколько это было возможно, позицию взвешенную и беспристрастную.

«Хроника» Симоне Филипепи (1443–1512) – «плаксы», брата живописца Сандро Боттичелли (1445 – 1510), описывает события между 1489 г. и 1503 г.; вероятно автор приступил к ее написанию в 1503 г.¹³⁶. Симоне, после того как был в юности определен на службу в торговую компанию Ручеллаи, долгое время отсутствовал во Флоренции, обслуживая различные коммерческие предприятия в основном в Риме и Неаполе. В начале 1494 г. он возвратился на родину и присоединился к движению Савонаролы: часто бывал в монастыре Сан Марко; вместе с другими гражданами подписал петицию Папе Александру VI об отмене отлучения фра Джироламо, провозглашенного во Флоренции 18 июня 1497 г.; после ареста и казни брата, не повинуясь приказам правительства, сохранил реликвии, связанные с доминиканцем. Преследование сторонников Савонаролы, начавшееся после его ареста, вынудило Симоне, подобно многим «плаксам», покинуть город (неизвестно, случилось ли это до или после казни монаха), в который он вернулся только в 1503 г. «Хроника» Филипепи – ценное, хотя и предвзятое, свидетельство очевидца событий, разворачивающихся в городе на Арно в 1494 – 1498 гг.; помимо этого, ее автор уделяет значительное внимание изложению сведений о распространении учения фра Джироламо после его смерти и о противодей-

¹³⁵ Гвиччардини Ф. История Флоренции // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступит. статья, комментарии Л.М. Брагиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С. 72–140.

¹³⁶ *Filipepi S. Cronica // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 451–518.*

ствии, которое оно вызывало, а также историям о бесславных смертях, постигших недругов и хулителей монаха.

Помимо этого, к исследованию привлечены в качестве дополнительного источника информации исторические сочинения Н. Макиавелли и А. Полициано. «История Флоренции» Никколо Макиавелли (1469 – 1527), охватившая период с древнейших времен до 1492 г. (автор начал работать над ней в 1520 г., закончил к 1525 г.), напрямую не связана с событиями во Флоренции эпохи Савонаролы, но позволяет постичь суть отношения горожан к Пьеро Медичи и его неудачной попытке подражать своему отцу – Лоренцо (поездка в Неаполь в 1479 г. для заключения мира) в своей миссии к Карлу VIII, итогом чего стал переворот 1494 г.¹³⁷.

Труд гуманиста Анджело Полициано (1454 – 1494) «О заговоре Пацци» является свидетельством очевидца, написанным в мае – августе 1478 г., вскоре после событий, связанных с покушением на жизнь Лоренцо и Джулиано Медичи. В контексте данного исследования интерес представляет описание автором действий флорентийской молодежи в отношении казненных преступников и их семей¹³⁸.

Дневники и жизнеописания.

«Дневник» флорентийского горожанина Луки Ландуччи (1437 – 1516) – по сути хроника, охватывающая события с 1450 г. по 1516 г., после смерти автора была доведена анонимным лицом (возможно родственником) до 1542 г. Неизвестно, когда Лука начал писать «Дневник» (имеются предположения, что, либо с 1467 г., либо приступил к нему только в 1500 г.)¹³⁹. Этот скромный розничный торговец, не занимавший никаких должностей ни в Республике, ни в цехе, к которому принадлежал, оставил содержательное описание событий и персонажей своего времени: он с профессиональным интересом следит за чеканкой новых монет и колебаниями цен на пшеницу, сообщает о

¹³⁷ *Макьявелли Н.* История Флоренции / пер. Н.Я. Рыковой. Москва: Наука, 1987. – 446,[1] с.

¹³⁸ *Полициано А.* О заговоре Пацци // Культура Возрождения и средние века. Москва: Наука, 1993. С. 204–219.

¹³⁹ *Landucci L.* Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. – XV, 377 pp.

продовольственных кризисах и природных катаклизмах; отмечает архитектурные изменения во Флоренции и появление новых произведений искусства; проявляет хорошую информированность о политической жизни города, а также внимательно относится к тому, что происходит в Риме. Значительное количество страниц «Дневника» посвящено фигуре Джироламо Савонаролы: Лука был явно покорен этим страстным проповедником духовного обновления; он, подобно многим горожанам, посещал проповеди доминиканца и принимал участие в его праздничных акциях, следил за любыми новостями о брате, но при этом не впадал в крайности, предпочитая держаться подальше от бурной общественной жизни.

Ультрасавонаролианская интерпретация событий во Флоренции 1494 – 1498 гг. представлена в анонимном «Жизнеописании» Савонаролы (*La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi*), по сути являющемся агиографией доминиканца¹⁴⁰. Ранее авторство «Жизнеописания» приписывалось доминиканцу Пачифико Бурламакки (1465 – 1519), что стало предметом полемики, к которой были причастны в свое время Л. фон Ранке, П. Виллари, Дж. Шнитцер, Р. Ридольфи. Поскольку современные исследования подтверждают наличие нескольких авторов, в том числе описывающих события уже после смерти фра Пачифико, в настоящее время принято условное обозначение автора как Псевдо-Бурламакки.

К этой же группе источников отнесем и семейные истории – «Ricordanze» («Воспоминания») и «Жизнеописания». В «Воспоминаниях» флорентийского медника Бартоломео Мази (1480 – 1531), которые охватывают период 1478 г. – 1526 г. (приступил к их написанию в 1511 г.); «Воспоминаниях» горожанина Трибальдо де'Росси о 1487–1499 гг.; «Жизнеописании» Джованни да Эмполи (1483 – 1518), автором которого был его дядя

¹⁴⁰ *La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi*. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. P. 1–197.

Джироламо да Эмполи, содержатся сведения о праздниках и детских братствах во Флоренции кон. XV в¹⁴¹.

Необходимо упомянуть еще один труд, принадлежащий к жанру жизнеописаний, из которого была извлечена информация об устройстве светских и духовных торжеств в городе на Арно XV в. – составленные архитектором, живописцем и историком искусства Джорджо Вазари (1511 – 1574) «Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих» (1550, 2-е изд. 1568)¹⁴².

Помимо этого, для понимания смысла рассуждений современников о Савонароле, сопоставлявших брата с персонажами истории древнего Рима, потребовалось обратиться к тем частям «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха (ок. 46 – ок. 127 н. э.), в которых он повествует о Нуме Помпилии и Квинте Сертории¹⁴³.

Политические и религиозные трактаты.

Обращение к данному виду источников позволило расширить возможности исследования специфики восприятия (интерпретации) идей, действий и фигуры доминиканца флорентийскими горожанами, обладавшими различным социальным статусом.

К такого рода сочинениям относится опубликованный в феврале 1497 г. труд «плаксы» Доменико Чекки (1447 – 1531/1534?), в котором небогатый торговец галантереей и шелком выдвинул проект экономических и политических реформ, связывая их с преобразованием морали в духе Савонаролы, но по-своему интерпретируя содержание понятия «общего блага»¹⁴⁴. Означенная работа, написанная человеком, обладавшим довольно скромным образовани-

¹⁴¹ Ricordanze di Bartolomeo Masi calderaio fiorentino dal 1478 al 1526 / per la prima volta pubblicate da Gius. Odoardo Corazzini. Firenze: Sansoni, 1906. – XXII, 311 pp.; *Tribaldo de' Rossi*. Ricordanze // Delizie degli eruditi toscani. Firenze, 1786. T. XXIII. Vol. 4. P. 236–303; La vita di Giovanni da Empoli da che nacque a che morì, scritta da Girolamo da Empoli suo zio // Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. Firenze: G.P. Viesseux, 1846. T. III. Appendice. P. 19–33.

¹⁴² *Вазари Д.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе / пер. с итал. А. Г. Габричевского и А. И. Бенедиктова. Москва: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. – 1278 с.

¹⁴³ *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1– 503 с.; 1963. Т. 2. – 548 с.

¹⁴⁴ *Cecchi D.* Riforma sancta et pretiosa // Mazzone U. «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze: L. S. Olschki, 1978. P. 167–206.

ем, является интересным свидетельством устремлений и идей, распространенных среди обычных граждан Флоренции кон. XV в.

Другой флорентийский горожанин – упоминавшийся выше Бартоломео Черретани, помимо исторического сочинения, написал около 1520 г. «Диалог об изменении Флоренции» – воображаемый разговор между четырьмя молодыми людьми, двое из которых покинули город в 1512 г., а после возвращения из путешествия по Европе обмениваются сведениями о произошедших за время расставания событиях; помимо этого, участники обсуждают Савонаролу и его пророчества¹⁴⁵. Сравнение двух трудов Черретани позволяет выявить еще один вариант отношения к фра Джироламо и его реформам: если касательно политического режима, установленного после изгнания Медичи, Бартоломео настроен критически («Флорентийская история»), то о брате («Диалог») – духовном реформаторе, отзывается с исключительным восхищением.

Разумеется, невозможно обойти вниманием работы Н. Макиавелли – трактат «Государь» (1514 или 1515 г.) и «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (завершены к 1517 г.)¹⁴⁶, в которых изложены взгляды Никколо на политическую теорию и практику и одновременно раскрывается отношение этого флорентийца к монаху и тем инструментам влияния на общество, которыми тот обладал.

И, наконец, еще один источник, появившийся в XVI в. и представлявший собой плод коллективного творчества последователей флорентийского пророка, – мирян и доминиканских братьев (собственно, его составителей), – «Трактат о чудесах Джироламо Савонаролы», позволяет обратиться к проблеме формирования коллективной памяти «плакс» о своем пророке, и пока

¹⁴⁵ *Cerretani B. Dialogo della mutatione di Firenze / edizione critica secondo l'apografo magliabechiano a cura di Raul Mordenti. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1990. – CLX, 156 pp.*

¹⁴⁶ *Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. М.А. Юсима // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. Москва: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 136–468; Он же. Государь / пер. Г. Муравьевой. Москва: Директ-Медиа, 2012. – 155 с.*

не получившему развития в современных исследованиях вопросу о становлении культа «нового святого»¹⁴⁷.

3. Литературные источники (поэзия).

Сочинявшиеся для устраиваемых Савонаролой городских духовных празднеств канцоны и лауды (духовные песни, гимны) поэта и философа, принадлежавшего к кругу флорентийских неоплатоников, а затем ставшего последователем доминиканца, Джироламо Бенивьени (1453 – 1542), а также комментарии к ним, позволяют составить представление об организации означенных торжеств, а также дают один из интереснейших примеров рецепции и осмысления идей монаха-реформатора его приверженцами. В работе анализируются песни, исполнявшиеся детьми во время процессий, организованных в Вербное воскресенье 27 марта 1496 г.¹⁴⁸, а также в день Карнавала 7 февраля 1497 г.¹⁴⁹. В 1500 г. Бенивьени опубликовал комментарии к своим стихам (*Commento di Hieronymo Benivieni cittadino fiorentino sopra a più sue canzone et sonetti dello amore et della bellezza divina allo illustrissimo Principe Giovanfrancesco Pico, Signore de la Mirandula et Conte della Concordia. Firenze: Tubini, 1500*)¹⁵⁰, в которых не только раскрыл смысл канцон, но и описал праздники, на которых они исполнялись.

Аналогичные сведения можно почерпнуть и из анонимной канцоны, исполненной во время одного из савонаролианских карнавалов. Исидоро дель Лунго, издавший ее в XIX в., полагал, что песня относится к карнавалу

¹⁴⁷ Il Trattato de' miracoli di fra Girolamo Savonarola // La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. P. 199–249.

¹⁴⁸ Canzona sopra felicità di Fiorenza cantata dopo la solenne processione del MCCCCXCVI // Poesie di Ieronimo Savonarola / illustrate e pubblicate per cura di Audin De Rians. Firenze: Stamperia di Tommaso Baracchi, 1847. P. 17–20. В указанном издании канцона приписывается Савонароле, между тем как ее текст полностью идентичен «Viva ne' nostri cuori o Florentia» Бенивьени в его «Комментарии».

¹⁴⁹ Benivieni G. Canto. Da che tu ci hai Signore // Libro di Carnevale dei secoli XV e XVI / raccolto da Luigi Manzoni. Bologna: presso Presso Gaetano Romagnoli, 1881. P. 225–227. Далее – Libro di Carnevale dei secoli XV e XVI ...

¹⁵⁰ «Комментарий» был частично опубликован в следующих изданиях: Dal commento di Hierony. B. sopra a più sue canzone et sonetti dello amore et della bellezza divina. Impresso in Firenze per S. Antonio Tubini et Lorēzo di Francesco Venetiano et Andrea Ghyr. Da Pistoia Adi. VIII. di Settembre. MCCCCC. In folio. A carte CXV – CXVII, nel commento alle canzoni Da che tu ci hai, Signore; e Venite, ecco el Signore // Canzona d'un piagnone pel bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498: da una rarissima stampa contemporanea / a cura di Isidoro Del Lungo; aggiuntavi la descrizione del bruciamento fatta da Girolamo Benivieni. Firenze: presso gli eredi Grazzini, Tipografia Galileiana di M. Cellini, 1864. P. XVII–XXV; Benivieni G. Il Comento di Girolamo Benivieni, sulla Canzone Viva ne' nostri cuori o Florentia // Libro di Carnevale dei secoli XV e XVI ... P. 186–209.

1498 г., однако современные исследователи, проявляют осторожность в вопросах времени ее воспроизведения¹⁵¹.

Поэма «Кедр Ливанский (*Cedrus Libani*)», автором которой был флорентиец Бенедетто Лускино (*Benedetto Luschino*, 1470 – ?), является, по сути, историческим сочинением в стихах о флорентийском пророке Савонароле; здесь автор также рассказывает историю своего обращения к вере, под воздействием проповедей фра Джироламо, и вступления в доминиканский орден¹⁵². Бетуччио (фра Бенедетто) происходил из семьи ювелира; обрел профессию миниатюриста; в юности вел разгульный образ жизни; с 1488 г. начал посещать Братство Св. Павла, а в 1489 г. стал его членом (в эту кампанию светского благочестия в то время также входили Доменико Бенивьени, Лоренцо Виоли, Якопо Сальвиати, несколько членов семьи Чиноцци); в 1495 г. он вступил в Сан Марко, а в 1496 г. принял здесь монашеский постриг; после казни Савонаролы сохранил верность его учению и проявил себя как активный его апологет. Со смертью флорентийского пророка, подобно многим его последователям, брат Бенедетто оставил Флоренцию, неоднократно меняя место обитания; в 1509 г. был заключен в темницу Сан Марко за непредумышленное убийство (вероятно, связанное с событиями преследования «плакс»), где написал множество работ в савонаролианском духе, в том числе «Кедр Ливанский» (около 1510). Фра Бенедетто не покидал тюрьму Сан-Марко, по крайней мере, до 1523 г.; о последующем периоде его жизни сведения отсутствуют; в 1549 г. он пребывал во Флоренции в качестве священника (вышел из Ордена); с конца 1551 г. известий о нем нет, также, как и о времени и месте его смерти.

С темой политических пророчеств кон. XV в. связано написанное в стихах предсказание Жана Гильюша из Бордо о великой миссии Карла VIII.

¹⁵¹ Canzona che fa uno Fiorentino a Carnasciale // Canzona d'un piagnone pel bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498: da una rarissima stampa contemporanea / a cura di Isidoro Del Lungo; aggiuntavi la descrizione del bruciamento fatta da Girolamo Benivieni. Firenze: presso gli eredi Grazzini, Tipografia Galileiana di M. Cellini, 1864. P. 1–21.

¹⁵² *Luschino B. (fra Benedetto O.P.). Cedrus Libani ossia Vita di fra Gerolamo Savonarola scritta da Fra Benedetto da Firenze l'anno 1510 / a cura V. Marchese // Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. Firenze: G. P. Vieusseux, 1849. T. VII. Appendice. P. 39–95.*

По мнению Де Ла Гранжа, опубликовавшего источник в 1869 г., сочинение Гилльоша было завершено к началу июня 1494 г., и возможно этот француз слышал проповеди Савонаролы¹⁵³.

Анализ основных источников информации для исследования привел к необходимости обращения к «Триумфу Славы» Франческо Петрарки (1304 – 1374), представляющему одну из шести частей единой поэмы, над которой автор работал с начала 1350-х (либо с 1342) до конца жизни¹⁵⁴.

4. *Эпистолярные источники*, объединенные в эту группу обширны и отличаются многообразием, поэтому разделены на несколько подгрупп.

Бреве – официальные послания Папы¹⁵⁵ Александра VI Борджиа (1431 – 1503, избран Папой в 1492 г.): 22 мая 1493 г. об отделении Сан Марко от Ломбардской конгрегации; 12–13 мая 1497 г. бреве об отлучении Савонаролы; а также бреве 26 февраля и 9 марта 1498 г. с требованиями флорентийскому правительству прекратить проповеди доминиканца, изолировать его и направить в Рим¹⁵⁶.

Переписка представителей флорентийского правительства по поводу Савонаролы: обмен письмами Синьории и коллегии Десяти со своими дипломатами в Риме, касающийся вопросов выделения конгрегации Св. Марка (Тосканской) из состава Ломбардской в 1493 г.¹⁵⁷; реакции Римской курии на

¹⁵³ La Prophécie du roy Charles VIII, par Maître Guilloche Bourdelois. Publiée pour la première fois, d'après le ms. unique de la Bibliothèque impériale, par le Marquis de La Grange. Paris: Académie des bibliophiles, 1869. – LIV, 82 p.

¹⁵⁴ *Petrarca, Francesco*. Trionfo della Fama // Trionfi di messer Francesco Petrarca, riscontrati con alcuni codici e stampe del secolo XV / pubblicati per cura di Crescentino Giannini. Ferrara: Stampe di G. Bresciani, 1874. P. 52–68.

¹⁵⁵ Бреве – официальное послание Папы римского, содержащие декреты, распоряжения, дарование почетных прав и привилегий и т. п., обращенное как к отдельным лицам, так и к отдельным Церквям. Как и булла, бреве пишется на латинском языке, но менее торжественным слогом; бреве не имеет свинцовой печати, а только обычную печать с изображением Святого Петра в лодке, поэтому бреве всегда заканчивается словами *sub anulo Piscatoris* («под печатью рыбака»). См.: *Седано М.* Бреве // Католическая энциклопедия. В 5 т. / В. Л. Задворный (гл. ред.) и др. Москва: Изд-во Францисканцев, 2002. Т. 1: А – З. С. 744.

¹⁵⁶ Breve d'Alessandro VI, con cui si separa San Marco dalla Congregazione lombarda // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. XXXVI–XXXVIII; Breve, in cui viene scomunicato il Savonarola // *Ibid.* P. CLXV–CLXVII; Documento XIV. Breve di Alessandro VI alla Repubblica fiorentina, nel quale si ordina che il Savonarola venga imprigionato o mandato a Roma // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. LXVI–LXVII; Breve di Alessandro VI alla Signoria // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ...* P. 194–196.

¹⁵⁷ La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma [28 novembris 1493] (*7. La medesima a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma) // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ...* P. 59; La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma [17 decembris 1493] (*8. La stessa allo

реформирование города Савонаролой посредством детских отрядов¹⁵⁸; а также ситуации, возникшей в связи с требованиями Папы (упомянутые выше бреве) зимой – весной 1498 г¹⁵⁹.

Отнесем к этой же группе источников и письмо Синьории протектору Ордена доминиканцев, неаполитанскому кардиналу Оливьеро Карафе 28 ноября 1493 г, по поводу содействия в образовании новой Тосканской конгрегации¹⁶⁰; а также послание флорентийских купцов, направленное Синьории в марте 1498 г., в котором выражались опасения относительно угрозы их жизни и имуществу, возникшие из-за позиции Папы в деле Савонаролы¹⁶¹.

Переписка иностранных послов с собственным правительством относительно событий во Флоренции. В описываемое время в Италии функционировала система взаимных и постоянных дипломатических представительств, при этом одной из важнейших задач иностранных эмиссаров было тщательное наблюдение и объективная оценка ситуации в месте пребывания. Такую миссию в городе на Арно исполнял миланский посол Паоло Соменци, сообщения которого о проведении карнавала 1496 г. (дипломата изумляет организация детей)¹⁶²; о ситуации в городе в феврале – марте 1498 г. после возобновления отлученным монахом проповедей (о первом после долгого молчания выступлении доминиканца в соборе; карнавале 27 февраля 1498 г.; о посланиях Папы по поводу брата и предполагаемых и уже предпринятых

stesso) // Ibid. P. 59–60; La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma [11 ianuarii 1493] (*9. La stessa allo stesso) // Ibid. P. 60; La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma [7 aprilis 1494] (*10. La stessa allo stesso) // Ibid. P. 60–61.

¹⁵⁸ Il Becchi ai Dieci [XXVI martii 1496] (17. Il Becchi ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ... P. 140–142.

¹⁵⁹ I Dieci al Bonsi [III martii 1497] (15. Gli stessi allo stesso) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ... P. 187–188; Il Bonsi alla Signoria [9 martii 1497] (19. Lo stesso alla stessa) // Ibid. P. 192–193; I Dieci al Bonsi [XVIII martii 1497] (23. I Dieci al Bonsi) // Ibid. P. 202–203; Il Bonsi ai Dieci [XVIII martii 1497] (24. Il Bonsi ai Dieci) // Ibid. P. 204; Il Bonsi ai Dieci [19 martii 1497] (25. Lo stesso agli stessi) // Ibid. P. 204–205; Il Bonsi alla Signoria [XXIII martii 1497] (30. Il Bonsi alla Signoria) // Ibid. P. 209–210; Il Bonsi ai Dieci [XXIII martii 1497] (31. Lo stesso ai Dieci) // Ibid. P. 210–211; Il Bonsi ai Dieci [XXXI martii 1498] (33. Il Bonsi ai Dieci) // Ibid. 212–213.

¹⁶⁰ La Signoria di Firenze al Cardinale di Napoli (28 novembris 1493) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ... P. 58–59.

¹⁶¹ Lettera dei Mercanti fiorentini in Roma alla Signoria [XVIII martii 1497] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ... P. 205–206.

¹⁶² Lettera di un agente segreto di Moro [16 februarii 1495] // Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. XC–XCI.

действиях флорентийского правительства)¹⁶³; а также о препирательствах, проповедующих в городе после прекращения по приказу Синьории выступлений Савонаролы в конце марта 1498 г., Доменико да Пеша и минорита Франческо ди Пулья, и возникшей из-за этого опасности «какого-то скандала»¹⁶⁴, позволяют дополнить картину событий, разворачивавшихся вокруг доминиканского брата.

Публичные послания – инвективы и апологии Савонаролы. Ряд источников, выделенных в эту группу, связаны между собой как элементы полемики относительно проповедника-реформатора. Так, опубликованное осенью 1495 г. «Послание некоему другу» Савонаролы (упомянуто выше), стало стимулом для дискуссии в форме публичных писем анонимного автора и Доменико Бенивьени. Аноним, вероятно духовное лицо, первым издал свое сочинение (начало 1496 г.), где под личиной «друга» воспроизвел обвинения противников доминиканца. Публичным ответом на письмо анонима стала эпистола Доменико Бенивьени (1460 – 1507) – флорентийского философа, богослова, священника, который, также, как и его старший брат, поэт-гуманист Джироламо Бенивьени, был сторонником Савонаролы^{165 166}. Еще одна инвектива, продолжившая баталии в печати вокруг доминиканского брата, появилась не ранее июня 1497 г., поскольку ее автор – Франческо Аль-

¹⁶³ Documento XII. 1. [13 Febbraio 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. L–LI; Documento XII. 3. [27 Februarij 1498] Lettere del Somenzi ... // Ibid. P. LI–LIII; Documento XII. 4. [2 Martii 1498] Lettere del Somenzi ... // Ibid. P. LIII–LIV; Documento XII. 6. [16 Marzo 1498] Lettere del Somenzi ... // Ibid. P. LVI–LVII; Documento XII. 8. [18 Marzo 1498] Lettere del Somenzi ... // Ibid. P. LVIII–LIX.

¹⁶⁴ XXXVI. Di Paolo Somenzi [29 martii 1498] / Fra Girolamo Savonarola / a cura di Isidoro del Lungo // Archivio storico italiano. Nuova serie. Firenze: G. P. Viesseux, 1863. T. 18. Pt. 2. P. 29–30.

¹⁶⁵ Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 124–139; Epistola di maestro Domenico Benivieni fiorentino, canonico di Santo Lorenzo, a uno amico responsiva a certe obiezioni e calunnie contra a frate Ieronimo da Ferrara // Ibid. P. 178–190. Далее – Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua» ...

¹⁶⁶ Необходимо уточнить, что Доменико Бенивьени включается в публичную полемику, публикуя одно за другим сразу несколько апологетических сочинений – в 1496 г. Трактат (Tractato di maestro Domenico Benivieni prete fiorentino in defensione et probatione della doctrina et prophetie predicate da frate Hieronymo da Ferrara nella citta di Firenze) и Письмо (Epistola di maestro Domenico Benivieni fiorentino, canonico di Santo Lorenzo, a uno amico responsiva a certe obiezioni e calunnie contra a frate Ieronimo da Ferrara), а в первой половине 1497 г. Диалог (Dialogo della verità della dottrina predicata da frate Ieronimo da Ferrara nella città di Firenze).

товити, о котором практически ничего не известно, упоминает о сорванной проповеди монаха в день Вознесения 4 мая 1497 г., последовавшем затем «Послании ко всем избранным Божиим и верным христианам» Савонаролы, и отлучении доминиканца, оглашенном в июне 1497 г.¹⁶⁷.

Другую часть источников обозначим как послания-апологии. К ним отнесем сочинение флорентийца Плачидо Чиноцци (1464 – 1503), который под воздействием проповедей фра Джироламо 18 июня 1496 г. стал монахом Сан Марко, а между 1501 – 1503 гг. составил «Послание», являющееся по сути агиографией Савонаролы. Этот труд, сравнительно небольшой, имеет ряд сходных пассажей с работой Псевдо-Бурламакки, что дало основания исследователям предположить наличие заимствований, произведенных анонимом у Чиноцци¹⁶⁸. Посланием-апологией можно считать и письмо Клименту VII, направленное 1 ноября 1530 г. упомянутым ранее флорентийским философом и поэтом Джироламо Бенивьени¹⁶⁹, который, сохраняя приверженность идеям доминиканского брата, стремился защитить память о нем, а также, вероятно, питал надежду на возможность обновления Церкви сверху, посредством Папы-реформатора.

К этой же группе источников (апологии) отнесем письма монахов и граждан Флоренции в защиту действий брата и его личности: письмо от 26 мая 1493 г. инок Сан Марко с просьбой об отделении от Ломбардской конгрегации¹⁷⁰; письма братьев Сан Марко и горожан Папе в защиту Савонаролы, отправленные после оглашения 18 июня 1497 г. послания Понтифика об

¹⁶⁷ Altoviti F. In defensione de' magistrati e delle leggi e antiche cerimonie al culto divino della città di Firenze contro alle invettive e offensione di Fra Girolamo // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua» ... P. 140–147.

¹⁶⁸ Cinozzi P. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatorum S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrara, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 1 – 28.

¹⁶⁹ Lettera di Girolamo Benivieni a Clemente VII // Opere di Benedetto Varchi, ora per la prima volta raccolte con un discorso di A. Racheli intorno alla filologia del secolo XVI e alla vita e agli scritti dell'autore; aggiuntevi le lettere di Gio. Battista Busini sopra l'assedio di Firenze. Trieste: dalla Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1858. (Biblioteca classica italiana. Secolo XVI; 6). Vol. 1. P. 518–529.

¹⁷⁰ Atti originali dell'adesione dei Frati di S. Marco alla separazione [Carte del Convento di S. Marco] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ... P. 42–52.

отлучении брата¹⁷¹; письмо Папе 3 апреля 1498 г., в котором братья Тосканской конгрегации сообщали, что они, а также множество мирян, готовы пойти на «испытание огнем» в защиту Савонаролы и его учения¹⁷².

Кроме того, к анализу в работе привлекались и *частные письма*. Письмо 18 мая 1492 г. Анджело Полициано одному из своих близких друзей – жившему в Милане Якопо Антикварио, о смерти Лоренцо Великолепного и о том, что происходило на вилле в Кареджи в это время, в том числе – о диалоге между умирающим Медичи и Савонаролой¹⁷³, представляет интерес в сравнении с версиями этой истории, изложенными в сочинениях «плакс» (П. Чиноцци и Псевдо-Бурламакки), в которых доминиканец уже в начале 90-х гг. репрезентуется в качестве последовательного защитника республиканских свобод.

Письмо 9 марта 1498 г. Н. Макиавелли, адресованное послу Флорентийской республики в Риме Риччардо Бекки, содержит рассказ о ситуации во Флоренции после возобновления проповедей Савонаролы в феврале означенного года, а также оценку действий и выступлений доминиканского брата, вступившего в открытый конфликт с Папой, но неуверенного в поддержке новой Синьории, и поэтому манипулирующего мнением толпы¹⁷⁴.

В другом письме, направленном 29 марта 1498 г. Франческо Фортунати – приходскому священнику в Кашине, его автор – Джироламо Бенивьени описывает настроения в городе после столкновения двух монахов (минорита Франческо ди Пулья и соратника Савонаролы – фра Доменико да Пеша) и появления идеи «испытания огнем»¹⁷⁵.

¹⁷¹ Due lettere e sottoscrizioni dei Frati di San Marco e dei Cittadini, indirizzate al Papa, in difesa e raccomandazione del Savonarola // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. XLII–XLIV.

¹⁷² Lettera dei Frati di S. Marco al Papa [3 aprilis 1498] // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ...* P. 219–220.

¹⁷³ Анджело Полициано приветствует Якопо Антикварио // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)* / под ред. Л.М. Брагиной. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 235–242.

¹⁷⁴ *Макиавелли Н.* Письмо Риччардо Бекки от 9 марта 1498 года // *Сочинения великих итальянцев XVI в.* / сост., вступит. статья, комментарии Л.М. Брагиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С. 27–30.

¹⁷⁵ Lettera di Girolamo Benivieni a don Francesco Fortunati, pievano di Càscina [XXVIII martii 1498] // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola ...* P. 216.

5. *Тексты Священного Писания, труды философов, гуманистов, богословов и проповедников.*

Анализ текстов Савонаролы и выяснение его позиции относительно вопросов реформирования общества невозможен без обращения к Священному Писанию и предшествующей богословской традиции. Соответственно, при проведении исследования возникла необходимость сличения русского синодального перевода Библии и латинской Вульгаты, а в последнем случае – Новой Вульгаты (Nova Vulgata) и Сикстино-Клементинской Библии (критическое издание перевода Иеронима Стридонского, подготовленное в 1590-е гг. на основании решения Тридентского Собора (в 1546 г.) и остававшееся авторитетным до появления Новой Вульгаты в 1979 г.)¹⁷⁶.

Поскольку в трудах Савонаролы, чрезвычайно почитавшего Фому Аквинского (ок. 1225 / 1226 – 1274), присутствуют прямые цитаты и косвенные отсылки к сочинениям этого богослова, к изучению были привлечены «Сумма теологии» и «О правлении государей». Помимо этого, полемика о пророческой миссии доминиканского брата вызвала потребность в изучении «Церковной истории» Евсевия Кесарийского (ок. 260 / 265 – ок. 340), сочинения Иринея Лионского (ок. 130 – 202) «Против ересей», работы Иеронима Стридонского (ок. 347- 419/20) «Три книги толкований на пророка Осию», труда «О граде Божиим» Блаженного Августина (354 – 430), а также работы Аристотеля (ок. 384 – 322 г. до н.э.) «О софистических опровержениях». Для выяснения вопроса, насколько Савонарола был оригинален в своих наставлениях, обращенных к женщинам, к сравнению были привлечены проповеди францисканца Бернардино Сиенского (1380 – 1444)¹⁷⁷. Поскольку своих

¹⁷⁶ Библия. Синодальный перевод // Азбука веры. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?r> (дата обращения: 15.08.2020); Biblia Sacra. Nova Vulgata // La Santa Sede. [Electronic resource]. URL: http://www.vatican.va/latin/latin_bible.html (дата обращения: 15.08.2020); Biblia sacra vulgatae editionis, Sixti V. pontificis maximi jussu recognita; et Clementis VIII. auctoritate edita; distincta versiculis, cum indice materiarum, nec non epistolarum, & Evangeliorum. Lugduni: apud Petrum Guillimin, in vico Bellae-Corderiae, 1692. – 482, 455 pp. // Google Books (Progetto Google-BNCF). [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=LjKO-b6p_KMC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.08.2020).

¹⁷⁷ Фома Аквинский. О правлении государей / публикация, перевод, вступительная статья и примечания Н.Б. Срединской // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI-XVII вв.). Ленинград: Наука, 1990. С. 224–244; *Он же*. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 90–114. Киев: Ника-Центр, 2010. –

предложениях, касающихся политических реформ, брат проявил знакомство с трудами Леонардо Бруни Аретино (1369 или 1374 – 1444), возникла необходимость обращения и к сочинениям этого гуманиста¹⁷⁸.

Научная новизна диссертационного исследования связана с выбранным ракурсом в изучении темы «Савонарола и общество» и формулировкой соответствующих исследовательских задач. Диссертация посвящена комплексному исследованию особенностей взаимодействия пророка-реформатора Джироламо Савонаролы с основной массой населения Флоренции, прежде всего – с обычными гражданами, женщинами и детьми, то есть теми, кто был не настолько вовлечен в политику, чтобы в полной мере заинтересовать современных исследователей «движения Савонаролы», но являлся основной аудиторией городских проповедников и представлял собой источник формирования тех или иных настроений и соответствующих действий, способных привести к трансформации если не всего общества в целом, то отдельных аспектов его существования. Кроме того, анализ практики проведения духовно-нравственных преобразований во Флоренции позволил обратиться к насущному вопросу соотношения индивидуального и коллективного благочестия в религиозно-нравственной реформе Савонаролы.

Исследование специфики восприятия и усвоения простыми горожанами идей монаха, а также изучение примеров индивидуальных переживаний и коллективных эмоциональных состояний, возникавших в процессе вербаль-

432 с.; *Он же*. Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 123–189. Киев: Ника-Центр, 2014. – 736 с.; *Он же*. Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 1–46. Киев: Ника-Центр, 2011. – 576 с.; *Евсевий Кесарийский*. Церковная история / введ. ст., коммент., библиогр. список и указатели И.В. Кривушина. Санкт-Петербург: «Издательство Олега Абышко», 2013. – 544 с.; *Иероним Стридонский*. Три книги толкований на пророка Осию // Библиотека творений Св. Отцов и Учителей Церкви западных, издаваемая при киевской Духовной Академии. Кн. 21. Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 12. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894. – 416 с.; *Ириней Лионский*. Творения. Москва: Паломник Благовест, 1996. – 622 с.; *Августин Блаженный*. Творения. Т. 3. О граде Божием. Кн. I – XIII / сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. – 595 с.; *Аристотель*. О софистических опровержениях // Аристотель. Сочинения. В 4 т. / ред. и вступ. ст. З.Н. Микеладзе. Москва: Мысль, 1978. Т. 2. С. 533–593; *Predicha VII // Le prediche volgari di San Bernardino da Siena dette nella Piazza del campo l'anno MCCCXXVII, ora primamente edite da Luciano Banchi*. Siena: Tip. Arciv. S. Bernardino Edit., 1880. Vol. 1. P. 161–189; *Predicha XXII // Le prediche volgari di San Bernardino da Siena dette nella Piazza del campo l'anno MCCCXXVII, ora primamente edite da Luciano Banchi*. Siena: Tip. Arciv. S. Bernardino Edit., 1884. Vol. 2. P. 173–202.

¹⁷⁸ *Bruni L. Istoria fiorentina di Leonardo Aretino tradotta in volgare da Donato Acciajuoli*. Firenze: Felice Le Monnier, 1857. Vol. 2. – 576 p.; *Бруни Л.* О Флорентийском государстве // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / под ред. Л.М. Брагиной. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 67–71.

ной и невербальной коммуникации проповедника и паствы (вопрос, недостаточно изученный в современной историографии), привело к необходимости изменения подхода к анализу источников, а также к привлечению материала, редко или практически не задействованного в научных работах (в частности, переписка Савонаролы с женщинами-мирянками, поэтические произведения флорентийцев).

Обращение к «Трактату о чудесах Джироламо Савонаролы», позволило, используя теоретические наработки такого направления в историографии как история святости, впервые рассмотреть нарративные конструкции чудес о Савонароле с позиции их соответствия традиционному набору признаков святого, а также вычленить реалии XV – начала XVI вв., связанные с положением «плакс» после смерти пророка и их действиями по утверждению культа «нового святого» (что, в свою очередь, вызвало необходимость осмысления процессов конструирования коллективной памяти).

В диссертационном исследовании было также отмечено наличие консенсуса в том, что представления Савонаролы о пророчестве сформировались под воздействием томистского учения, флорентийской идеологии и ветхозаветных образцов, но при этом выделение основных признаков ветхозаветной модели нельзя назвать завершенным; данная работа дополняет их набор, что, в свою очередь, должно способствовать более глубокому постижению логики действий брата, а также его сторонников и противников.

Положения, выносимые на защиту:

1. В становлении Савонаролы в качестве проповедника можно выделить несколько этапов: до сер. 80-х гг. XV в. (первое появление во Флоренции) – наставник паствы, произносящий интеллектуальные и сложные (в духе Ордена, к которому принадлежал), но безличные тексты; 2-я пол. 80-х гг. (проповеди в Сан-Джиминьяно) – 1-я пол. 90-х гг. (второй приход во Флоренцию) – прогностик, возвещавший подобно многим другим предсказателям конца века скорое обновление Церкви через испытания; и наконец (события 2-й

пол. 1494 г.) – пророк, связавший свою миссию с темой избранности Флоренции.

2. Предложенный монахом проект идеального устройства – «христианская полития» (термин, употребленный Савонаролой), являющийся, по сути, смешением томистско-аристотелевской теории и флорентийской республиканской идеологии, представлял собой связь концепции единого мистического тела с концепцией *res publica* – общественного блага, когда социально-политическое тело и тело Христа нераздельны, и община может воплотить образ подлинного Града Божьего на земле; концепт «общего блага», лежащий в основе этой модели, позволил проповеднику обратиться к проблеме морального измерения политики и экономики, связать внутреннее (духовное) обновление с политическими и экономическими преобразованиями.

3. Главным инструментом воздействия на флорентийское общество был пророческий статус фра Джироламо; сущность предложенной им идеальной модели социального устройства вкупе с обещаниями обретения духовных и мирских благ избранной Богом общине, позволяют говорить о нем, как о «городском пророке», в таком случае тезис Д. Вайнстейна о «поглощении» Савонаролы «флорентийским мифом» можно считать оправданным; однако, нельзя недооценивать влияние на доминиканца ветхозаветной модели пророчества, ориентация на которую позволила ему обрести значительную степень свободы в духовных и мирских делах, а также автономности в отношении различного рода властей.

4. Поскольку речь шла как об индивидуальном, так и о коллективном обновлении и, как следствие, спасении и достижении высшего блага, монах обращался не только к наставлениям (в проповедях, письмах, сочинениях) о необходимости следования божественному закону, но и использовал свой авторитет для поддержки политических преобразований – институциональной реформы и принятия государственных законов, соответствующих принципу «общего блага»; при этом часть предложений брата подверглась корректровке при издании соответствующих правительственных распоряжений, что

свидетельствует как об ограниченных рамках влияния доминиканца на управление государством, так и несколько отличающемся видении текущих реформ у него и его последователей – «плакс» (которые, даже преобладая в правящих советах, претворяли в жизнь далеко не все инициативы монаха).

5. С одной стороны, убежденность в доброкачественности предложенной городу модели общественного устройства, а с другой – несоответствие ожиданий и реальному положению дел, вели доминиканца к разочарованию в политических методах и, как следствие, сосредоточению на религиозных аспектах реформы; поворотным стал рубеж 1495 г. – 1496 г., связанный с началом детской реформы, за которым (в марте 1496 г.) последовало обращение к женщинам взять дело собственной реформы в свои руки.

6. Практики использования женщин и детей в качестве инструментов влияния на городской социум существовали и до Савонаролы; отличие монаха в том, что он объявляет их, – «простых сердцем», – основной силой нравственных преобразований в городе; в одном случае, это привело к масштабному и длительному функционированию «детских отрядов»; в другом (касающемся женщин), так и осталось, по существу инициативой: для патриархального, маскулинно-ориентированного общества вряд ли был возможен иной исход.

7. Провозглашение «простых сердцем» главным двигателем духовных преобразований не привело монаха к отказу от апеллирования к рациональным доводам, как средству убеждения паствы и ведения полемики с оппонентами, однако все более заметным становится использование инструментов эмоционального воздействия на горожан (пример обратившихся к вере детей; организация «костров суеты» 1497 г. и 1498 г.; образы войны, ведущейся между дьявольским войском и избранными в проповедях доминиканца).

8. Анализ содержания и способов осуществления религиозно-нравственной реформы Джироламо Савонаролы позволяет прийти к заключению, что одновременно с поощрением индивидуального благочестия про-

исходит сохранение и даже усиление коллективного начала (стимулирование ощущения принадлежности к единому телу общины истинно верующих); вместе с поощрением инициативы и самостоятельности осуществляется их ограничение (необходимое для сохранения контроля над проведением реформы и недопущения выхода паствы за рамки ортодоксального учения Церкви).

9. Все возрастающая погруженность брата Джироламо в религиозно-нравственную реформу, с отсылками на волю Бога – единственного господина, которому он, как пророк, обязан повиноваться, укрепляла позиции тех, кто обвинял его в непомерных властных амбициях и покушении на флорентийскую свободу, вызывал подозрения если не в схизме, то нарушении церковной дисциплины; отсюда особое значение приобрел вопрос о пророческом статусе доминиканца.

10. Соответственно, «испытание огнем» – акт, в котором были заинтересованы все участники истории с «флорентийским пророком»: Синьория и Папа, а самое главное – народ Флоренции, которому уже не хватало исключительно рациональных доводов в речах брата, обосновывающих его пророческий статус, а, учитывая позицию Рима (действующее отлучение, угроза интердикта и других санкций), требовалось подтверждение свыше – с помощью сверхъестественных знаков; таким образом ордалия в апреле 1498 г. обусловлена потребностью общества в разрядке напряженной ситуации неопределенности.

11. Казнь пророка – результат быстрой реакции его противников на изменение общественного мнения после «испытания огнем»; смешение чувств ее зрителей проявилось как в карнавальном глумлении, так и переживании ритуала принесения в жертву одного ради спасения многих; уподобление брата Христу в его мучениях за веру, а также появление историй о произведенных им при жизни и после смерти чудесах (начало формирования культа «нового святого»), можно расценивать как один из способов реакции «плакс» на последовавшие за казнью гонения (духовный реванш, произво-

дящий терапевтический эффект), основу для сплочения группы последователей и средство поддержания их стойкости в следовании учению доминиканского проповедника.

Практическая значимость диссертации. Выводы теоретического характера, касающиеся особенностей взаимодействия проповедника-реформатора с паствой, уточняют и углубляют представления об особенностях коммуникации представителей интеллектуальной культуры с «обычными» людьми (их группами); о новизне и традиционализме Савонаролы относительно реформирования современного ему общества; о соотношении коллективного и индивидуального начал в религиозно-нравственной реформе Савонаролы; о специфике такого инструмента в преобразовании социума, как пророчество. Фактический материал, теоретические положения работы могут быть использованы при написании научных и научно-популярных работ по различным проблемам истории и культуры Возрождения и Церкви, а также в преподавательской работе, при чтении общих и специальных курсов по истории Средневековья и Ренессанса.

Соответствие диссертационного исследования паспорту научной специальности. Работа выполнена в рамках научной специальности 07.00.03 – Всеобщая история (история средних веков), и затрагивает следующие области исследования: п. 3. История Средних веков (история Средневекового Востока, история Византии, история славян, история Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы); п. 18. Человек в истории (весь комплекс культурно-антропологической проблематики, в том числе история ментальности, история повседневности и т.п.); п. 19. Личность в истории. Персоналии; п. 20. История общественной мысли. Интеллектуальная история; п. 22. История религии и церкви.

Апробация результатов исследования и выносимых на защиту положений проводилась в форме публикаций в научных изданиях, докладов на международных, всероссийских и вузовских научных конференциях. По теме диссертации опубликовано 52 научные работы, в том числе 17 в рецензируе-

мых научных изданиях из Перечня российских рецензируемых научных журналов, 1 монография. Материалы исследования были также апробированы в ходе чтения спецкурса по культуре и искусству итальянского и Северного Возрождения.

Текст диссертации обсуждался и был рекомендован к защите на заседании кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Гуманитарного института ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет».

Структура диссертации. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Джироламо Савонарола: основные этапы эволюции проповедника (80-е – первая пол. 90-х гг. XV в.)

1.1. Новый проповедник в медичейской Флоренции

В кон. XV в. Флоренция становится полем активной проповеднической и реформаторской деятельности доминиканского монаха Джироламо Савонаролы (1452 – 1498). Однако, прежде чем обрести признание прихожан и способность влиять на социум одного из ведущих политических и культурных центров Италии эпохи Ренессанса, доминиканский монах, как проповедник и пророк, пережил определенную эволюцию.

Савонарола приходил в город дважды. В 1482 г. он был направлен во Флоренцию в качестве лектора в монастырь Св. Марка. Плачидо Чиноцци¹⁷⁹, автор одной из самых ранних биографий Савонаролы, сообщает, со ссылкой на некоего монаха – очевидца событий, что братья Сан Марко высоко оценили интеллектуальные и нравственные качества вновь прибывшего преподавателя богословия: приор обители – Винченцо Банделли¹⁸⁰, «зная о его учености и доброте, назначил его читать лекции»; фра Джироламо «в силу своей эрудиции и своего примера был всеми чрезвычайно почитаем, и настойчиво

¹⁷⁹ Плачидо Чиноцци (1464 – 1503) – флорентиец, под воздействием проповедей фра Джироламо 18 июня 1496 г. становится монахом Сан Марко, между 1501 – 1503 гг. пишет «Послание», являющееся по сути агиографией Савонаролы. См.: *Ristori R. Cinozzi, Placido // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1981. Vol. 25: Chinzer-Cirni. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/placido-cinozzi_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/placido-cinozzi_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 05.12.2016).*

¹⁸⁰ Винченцо Банделли (1435 – 1506) – доминиканец, обладал блестящими знаниями в области философии и теологии, магистр теологии (1484), был инквизитором в Болонье (1490), дважды возглавлял Ломбардскую конгрегацию (1489 и 1493), был приором в монастырях Болоньи и Милана (Санта Мария делле Грации), в 1501 – 1506 гг. генеральный настоятель Ордена. См.: *Ferrua A. Bandelli, Vincenzo // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1963. Vol. 5: Bacca-Baratta. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/vincenzo-bandelli_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/vincenzo-bandelli_(Dizionario-Biografico)) / (дата обращения: 05.12.2016); *D'Amato A. Formazione religiosa e dottrinale di fra Girolamo Savonarola // Il ferrarese Savonarola: atti del Convegno, Ferrara 25 ottobre 1997 / a cura di Giuseppe Cenacchi. – Ferrara: Corbo, 1998. P. 94.**

призывал всех изучать Писание», а когда приходил на занятия «глаза его были наполнены слезами, так как, скорее всего, он предавался молитвенному созерцанию, а не заучивал лекцию»¹⁸¹.

Однако, в отличие от монастырской братии, паства, – «в ближайший Великий пост он был избран проповедовать в церкви Сан Лоренцо», – не приняла фра Джироламо. Чинопци утверждает, что сам присутствовал на этих великопостных проповедях, где монах «ни жестами, ни манерой говорить, не удовлетворил почти никого», и концу поста «осталось меньше 25 мужчин, женщин и детей»¹⁸². Видимо, среди главных причин неудачной публичной проповеди были, во-первых, отсутствие опыта; во-вторых, слишком отвлеченный характер выступлений перед паствой, что соответствовало традиции доминиканского ордена, с его, как указывает Лоренцо Полидзотто, «абстрактным, интеллектуально сложным и, сверх того, вырванным из социального контекста» характером проповедования, от которого начинающий проповедник вряд ли мог позволить себе отклониться¹⁸³.

Радикальным изменениям в западном христианском мире XVI в. предшествовало тотальное ощущение кризиса Церкви как сообщества верующих: обмирщение церковных институтов и преобладание внешнего культа над практиками внутреннего благочестия свидетельствовали об отступлении от

¹⁸¹ Cinozzi, Placido. Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatorum S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrarla, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 10. Далее – Cinozzi P. Epistola ...

¹⁸² Cinozzi P. Epistola ... P. 11. В анонимном «Жизнеописании» Савонаролы, составителем которого мог быть сторонник и последователь монаха, доминиканец Пачифико Бурламакки (далее – Псевдо-Бурламакки), также сообщается, что, проповедуя в Великий пост в церкви Сан Лоренцо, фра Джироламо «не обрел какого-либо расположения народа, ни жестами, ни манерой говорить, ни умением выступать перед публикой, ни произношением»; в итоге, к концу поста у проповедника осталось 25 слушателей, включая женщин и детей. См.: La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. P. 16. Далее – La Vita ...

¹⁸³ Polizzotto L. Savonarola e la riorganizzazione della società // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 149. «На основе того, что до нас дошло, – отмечает другой итальянский исследователь, Клаудио Леонарди, имея в виду ранние выступления доминиканца, – его проповедь была духовного и морального типа, в соответствии с традицией нищенствующих братьев». См.: Leonardì C. La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola // Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone. Firenze, 1999. P. 5.

заветов Бога и его воли, в осуществлении которой мыслилась вся суть человеческой истории как истории спасения. В этих условиях с новой силой заявил о себе феномен пророчества. Последние десятилетия XV в. – время всплеска эсхатологических и милленаристских ожиданий, когда различного рода предсказатели вещали, что близка реформа христианского мира, что радикальные изменения произойдут через великие потрясения, и что это произойдет скоро, некоторые даже называли год – 1484 («*annus mirabilis*»)¹⁸⁴.

Савонарола, пережив первый и неудачный опыт публичных выступлений перед флорентийской паствой, довольно быстро оказывается в числе проповедников милленаристского типа, избравших профетический способ обращения к верующим¹⁸⁵. Первым выражением пророческого дара доминиканского брата стали великопостные проповеди в местечке Сан-Джиминьяно зимой 1484 – 1485 г¹⁸⁶. Фра Джироламо провозглашает положения типичные для той эпохи: Церковь будет наказана, затем обновлена, и это произойдет в самом скором времени¹⁸⁷.

В 1487 – 1488 гг. монах, следуя предписаниям Ордена, покидает Флоренцию: преподает богословие в университете Болоньи и проповедует в северной Италии (Брешия, Павия, Генуя), одновременно совершенствуясь в умении общаться с паствой. У апологета и биографа монаха – Псевдо-Бурламакки имеются сведения о том, как в Брешии этот доминиканский брат развивал милленаристские мотивы, обозначенные в Сан-Джиминьяно: в ап-

¹⁸⁴ См.: *Pezzella S.* La vita religiosa nel Quattrocento. Messina, Firenze: D'Anna, 1976; *Vasoli C.* Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // *Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Convegno polacco-italiano*, Varsavia: 25-27 settembre 1972. Wroclaw, Warszawa etc., 1974. P. 16–29; *Reeves M.* The influence of prophecy in the later Middle Ages: a study in joachimism. Oxford: Clarendon press, 1969. P. 429–431.

¹⁸⁵ *Leonardi C.* Op. cit. P. 5.

¹⁸⁶ Армандо Верде, ссылаясь на регистр прибытий и убытий Коллегиальной церкви Сан-Джиминьяно, в одной из своих публикаций составил обзор доминиканских проповедников, выступавших там в период с 1474 по 1495 гг.; Савонарола проповедовал здесь в 1485 и 1486 гг.; имеются схемы (наброски) его великопостных проповедей, которые впервые обнаружили и исследовали, соответственно, Джулио Каттин (*Cattin*) и Роберто Ридольфи. См. *Verde A.* «Et andando a San Gimignano a predicarvi». La predicazione del Savonarola a San Gimignano // *Girolamo Savonarola a San Gimignano / a cura di Sergio Gensini*. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 2003. P. 27, 34–40, etc.

¹⁸⁷ Псевдо-Бурламакки в своей биографии Савонаролы пишет: «В год 1484 от Рождества Христова слуга Божий стал получать от Господа божественные откровения, как обнаруживается в записи одной из его проповедей об обновлении Церкви, составленной в 1494 г., и он там показал, что Церковь божия нуждается в обновлении, и Италию должно постигнуть бедствие, и другие доводы, чтобы произвести означенное преобразование Церкви». См.: *La Vita ...* P. 14.

реле 1520 г. «достопочтенный отец, брат Бартоломео ди Джованни да Рагуза (Ragugia), в то время приор монастыря Св. Доминика в Рагузе», поведал монахам Сан Марко, как в Брешии, «в день Св. Андрея ... услышал проповедь той главы Апокалипсиса, где говорится о двадцати четырех старцах¹⁸⁸, и как один из них подошел к нему (Савонароле – Е.Т.), говоря, чтобы он провозгласил, что великое испытание должно прийти в Италию, и *особенно в Брешию* (выделено мной – Е.Т.), и что он призвал к покаянию, говоря, что отцы увидят убийство их сыновей ...»¹⁸⁹. Если сведения о содержании этих выступлений верны, то перед нами пример проповедника, уже принявшего публично пророчествовать, но все еще продолжающего искать то место, где его идеи обретут должный и максимальный отклик.

В 1490 г. фра Джироламо вновь оказывается в городе на Арно: Лоренцо Великолепный по предложению Джованни Пико делла Мирандолы 29 апреля 1489 г. пишет письмо к генеральному настоятелю Ордена Доминиканцев с просьбой направить монаха во Флоренцию, а в мае 1490 г. на капитуле Ломбардской конгрегации такое решение принимается¹⁹⁰. Присущая доминиканцам ученость и интеллект самого брата привлекли к нему внимание Мирандолы еще во время их первой встречи, которая произошла в 1482 г. на капитуле доминиканцев Ломбардии в Реджо-Эмилии. Согласно Псевдо-Бурламакки, присутствуя на устроенном братьями диспуте, Пико увидел фра Джироламо, «который чрезвычайно ему понравился и *показался человеком удивительной жизни, учености и манеры дискутировать* (выделено мной – Е.Т.), так что расположил его к себе и настолько полюбился своими добродетелями и нравами, что тот не представлял жизни без него»¹⁹¹. Основанием

¹⁸⁸ Откр. 4:4; 7: 11 – 17.

¹⁸⁹ La Vita ... P.15. В проповеди 13 января 1495 г. Савонарола также упоминает, что «свет пророчества» проявился «сначала в Брешии, когда там проповедовал, говорил некоторые вещи». Predica III // Savonarola G. Prediche sopra i salmi / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1969. Vol. 1. P. 41.

¹⁹⁰ О мотивах Пико и Лоренцо см.: Garfagnini G.C. Girolamo Savonarola e il movimento savonaroliano // Storia della civiltà toscana. Vol. 2: Il Rinascimento / a cura di Michele Ciliberto. Firenze: Le Monnier, 2001. P. 459; Idem. Girolamo Savonarola: profeta della libertà in Cristo // L'Ordine dei Predicatori. I Domenicani: storia, figure e istituzioni (1216-2016) / a cura di Gianni Festa, Marco Rainini. Bari-Roma: Laterza, 2016. P. 162; Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa, 1452-1494. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. P. 128–129; Hugedé N. Savonarole et les florentins. Paris: France-empire, 1984. P. 91–94.

¹⁹¹ La Vita... P. 17.

заинтересованности в присутствии монаха в городе мог стать принцип разнообразия путей постижения истины, декларируемый членами флорентийской Платоновской академии, к которой принадлежал Мирандола¹⁹². О том, что доминиканский брат, обладающий «величайшим умом и образованностью», являющийся «превосходным томистом», «хорошо защищающим и доказывающим свою позицию», становится объектом внимания флорентийских интеллектуалов, свидетельствует, например, «Флорентийская история» Бартоломео Черретани, где автор указывает, что на проповеди монаха приходили «многие достойнейшие люди, среди которых были мессер Марсилио Фичино, мессер Уливьере Ардуини (Ulivere Arduini), мессер Малатеста да Римини и Джироламо ди сер Паоло Бенивьени, выдающиеся философы и теологи, граф Иоанн делла Мирандола – величайший ученый своего времени, а также многие другие выдающиеся и величайшей добродетели люди, и с большим восхищением слушали это означенное утверждение от Бога, и не оставляли без внимания его (Савонаролы – Е.Т.) невероятную ученость»¹⁹³.

В «Компендиуме откровений (Compendium revelationum)», написанном между весной и летом 1495 г., Савонарола вспоминал что, прибыв в город, он в этом же году «первого августа, в воскресенье» начал «публично толковать Апокалипсис в нашем Сан Марко»¹⁹⁴, и «проповедуя весь год во Флоренции,

¹⁹² Глава Академии – Марсилио Фичино, осуществивший перевод с греческого на латинский язык диалогов Платона и сочинений неоплатоников, выдвинул мысль о близости их философии и Божественного откровения, а шире – о том, что учения древних мыслителей неизбежно согласуются с христианской доктриной, поскольку проистекают из одного и того же источника (Божественного Логоса), и поэтому можно говорить о существовании непрерывной традиции «благочестивой философии» или «ученой религии». См.: Кудрявцев О.Ф. «Ученая религия» флорентийской Платоновской академии // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. Москва: Наука, 1997. С. 88–96. Уверенность платоников Кареджи в возможности означенного синтеза, проявилась, в том числе, в их речах-проповедях, произносимых в объединениях светского благочестия – широко распространенных во Флоренции XV в. религиозных братствах, когда при истолковании религиозных тем в качестве авторитетов наряду со Св. Писанием и отцами церкви выступали античные авторы. До наших дней дошли речи и проповеди, написанные для братства волхвов (Compagnia dei Magi) Христофоро Ландино, Джованни Нези, Аламанно Ринуччини, Пьерфилиппо Пандольфини, Бартоломео Скала. См.: Tromboni L. Uno strumento per il predicatore: il compendio di filosofia aristotelica di Girolamo Savonarola // L'antichità classica nel pensiero medievale. Atti del XIX Convegno internazionale di studi della SISPM (Società Italiana per lo Studio del Pensiero Medievale). Trento, 27-29 settembre 2010. Porto: FIDEM, 2011. P. 453–456. Также см., например, анализ речей Ринуччини и Нези: Брагина Л.М. Деятельность гуманистов в религиозных братствах Флоренции XV в. // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. Москва: Наука, 1997. С. 50–59.

¹⁹³ Cerretani B. Storia fiorentina / a cura di Giuliana Berti. Firenze: L. S. Olschki, 1994. P. 192–193.

¹⁹⁴ Псевдо-Бурламакки о начале публичных проповедей брата в 1490 г. пишет следующее: Господь «разлил в уста слуги Божьего такую значительную благодать, что братья [после обеда и ужина] не могли насытиться необъятной сладостью Св. Писания», и «слава и имя его стали распространяться по городу», отчего «горо-

постоянно предлагал народу три вещи: во-первых, что Церковь должна обновиться в настоящее время; во-вторых, что перед этим обновлением Бог пошлет большое наказание (испытание) для всей Италии; третье, что это произойдет скоро». «И эти три положения, – продолжал монах, – я постоянно стремился обосновать доказательствами и примерами из Св. Писания и других подобных (источников), или притчами, основанными на том, что наблюдается в настоящее время в Церкви, не объявляя им, что я мог бы иметь эти вещи (откровения – Е.Т.) иным путем, нежели рассуждения, поскольку они еще не казались мне готовыми поверить в это»¹⁹⁵. У анонимного агиографа Савонаролы описание содержания первой публичной проповеди в церкви Сан Марко практически полностью совпадает с текстом «Компендиума», – Псевдо-Бурламакки явно использовал означенный источник, – но при этом присутствуют дополнительные детали. Автор отметил огромное количество желающих услышать фра Джироламо, так что «в церкви не осталось места для монахов», которым пришлось размещаться где придется – на хорах, в сакристии, в воротах и других местах, а «миряне, из-за большого количества, стояли, некоторые взбирались на решетки, чтобы иметь возможность лучше слышать»¹⁹⁶. Другой биограф, Плачидо Чиноцци, очевидно полагаясь на свои воспоминания, сообщает, что проповедник «в первый день месяца приступил к изложению Апокалипсиса, и на основе означенного текста выдвинул следующие положения: во-первых, истину веры Иисуса Христа; во-вторых, истину доброй христианской жизни; третье – обновление Церкви; четвертое – обращение неверных»¹⁹⁷.

В Рождественский пост 1490 г. Савонарола проповедует на Первое послание ап. Иоанна, где обличает пороки флорентийцев, в том числе корысто-

жане стали приходить послушать слово Божье», и так он стал проповедовать в монастыре Сан Марко, «в саду, окруженный множеством братьев и мирян»; количество слушателей росло, и «миряне стали просить, чтобы он читал в церкви, как месте, вмещающем большое количество народа». В итоге «в воскресенье 1 августа» он «приступил к толкованию Апокалипсиса в церкви Сан Марко». См.: *La Vita ...* P. 22.

¹⁹⁵ *Savonarola G. Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / a cura di Angela Crucitti. Roma: A. Belardetti, 1974. P. 9.*

¹⁹⁶ *La Vita ...* P. 22–23.

¹⁹⁷ *Cinozzi P. Epistola ...* P. 11.

любие и ростовщичество¹⁹⁸. Здесь стоит обратить внимание на выбор текстов для толкования, явно отражающий духовный (эсхатологический, миллениаристский) настрой проповедника: имеющий исключительно профетический характер Апокалипсис и Послание этого же апостола, – как выразился К. Леонарди, – «типичный образец мистики любимого ученика Христа»¹⁹⁹.

Перед началом великопостных проповедей 1491 г. монах, согласно его собственному свидетельству в «Компендиуме», испытывал определенные сомнения в необходимости сохранять пророческий тон проповедей, но преодолел их: «Я вспоминаю, как в первый Великий пост, когда я должен был проповедовать во Флоренции в Санта Репарата²⁰⁰, уже подготовив проповедь для второго воскресенья, которая была составлена в подобной манере, я решил оставить ее и более не проповедовать подобных вещей. Бог свидетель, что весь день субботы и всю ночь до утра воскресения я бодрствовал, но не мог никак обратиться к другому ...; и утром, обессилив от продолжительного бдения, я услышал голос, говоривший мне: “Глупец, ты не видишь, что это воля Божья, и что ты должен проповедовать подобным образом”. И таким образом, в это утро я произнес повергающую в трепет (*spaventosa*) проповедь»²⁰¹. Об этом времени и своих пророчествах Савонарола напоминал пастве в выступлениях последующих лет. Так, в проповеди на Аггея от 1 ноября 1494 г., когда войска Карла VIII успешно продвигались по территории Италии, монах заявлял: «... ты не помнишь, как я говорил тебе, что Бог хочет обновить свою Церковь и свой христианский народ, и с помощью меча, и вскоре, и что Богу неуютно это правительство? Видишь, все совершается по порядку; и я говорю тебе, что все то, что я сказал в слове Божиим ни нару-

¹⁹⁸ Паскуале Виллари относит эти проповеди к 1491 г., а современные исследователи – к Адвенту 1490 г. См.: Виллари П. Джироламо Савонарола и его время. В 2 т. в 1 кн. Москва: Ладомир, 1995. Т. 1. С. 97–100; Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 137–138; Leonardi C. Op. cit. P. 6–7; Martines L. Savonarola. Moralità e politica a Firenze nel Quattrocento. Milano, 2009. P. 23.

¹⁹⁹ Означенное сходство отметил этот итальянский исследователь. См.: Leonardi C. Op. cit. P. 7.

²⁰⁰ Собор Санта Мария дель Фьоре был возведен на месте церкви Санта Репарата; в сочинениях горожан часто встречается именование собора прежним названием.

²⁰¹ Savonarola G. Compendio di rivelazioni ... P. 9–10. Сходные сведения имеются в сочинении Псевдо-Бурламакки, см.: La Vita ... P. 23.

шится ни на йоту»²⁰². А в другом своем выступлении, 15 августа 1496 г., он указывал на время начала своих предсказаний во Флоренции: «... я призывал шесть лет, и грудь моя разрывалась от криков: “Италия, ты будешь наказана, Рим, ты будешь наказан, если не обратитесь к покаянию”. И не было тогда ни облачка на небе, и все пребывало в мире. Ты знаешь, что я говорил тебе: “Этот мир мне подозрителен”. И вот уже шесть лет, как я начал взывать к тебе, что это прекрасное время и этот мир могут разрушиться»²⁰³. Препредвещая всяческие испытания и призывая к покаянию, в великопостных проповедях 1491 г. доминиканец не только рассуждал о пороках современного клира и о необходимости скорейшего обновления Церкви, но и продолжал развивать тему социальной несправедливости и притеснений, чинимых простому народу богатыми и власть имущими. Так в упомянутой «повергающей в трепет (*spraventosa*)» проповеди монах заявлял: «... отцы ... побуждают сыновей своих идти в духовное звание, чтобы пользоваться церковными доходами и привилегиями»; «бедные между тем отягощены податями, когда они приходят, чтобы заплатить невыносимо обременительные для них суммы денег, богатые кричат им: отдайте нам и остальное; есть такие, которые зарабатывая 50, платят налогов 100; богатые же платят мало, ибо налоги распределяются произвольно; когда вдовы плачут, им говорят: убирайтесь вон; когда бедные жалуются, им говорят: платите и платите»²⁰⁴.

О содержании выступлений фра Джироламо, ситуации в городе и положении проповедника можно также судить по письму Савонаролы своему собрату по Ордену и сподвижнику, фра Доменико Буонвичини (да Пеша) 10

²⁰² Predica I // *Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / a cura di Luigi Firpo. Roma: A. Belardetti, 1965. P. 14.

²⁰³ Predica XVIII // *Savonarola G.* Prediche sopra Ruth e Michea / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 2. P. 91.

²⁰⁴ Цит. по: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 1. С. 98–100. Также см.: *Cordero F.* Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 140–143; *Martines L.* Op. cit. P. 25–27. Проповеди Великого поста 1491 г. сохранились только в виде схем, сделанных Савонаролой на латыни, в 2001 г. был опубликован итальянский перевод означенных набросков, при этом составители издания – Армандо Ф. Верде и Электра Джакони – попытались обогатить текст за счет примечаний, сделанных самим монахом и его последователями (Доменико да Пеша, Доменико и Джироламо Бенивьяни, и проч.). См.: *Savonarola G.* Il Quaresimale del 1491: la certezza profetica di un mondo nuovo / a cura di Armando F. Verde O.P. ed Elettora Giacomini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 2001. – LIII, 392 p.

марта 1491 г.²⁰⁵. В нем монах сообщает проповедовавшему в то время в Пизе брату Доменико²⁰⁶, что он во Флоренции «постоянно провозглашает обновление Церкви и грядущие испытания», но «не абсолютно (не напрямую), а неизменно с опорой на Св. Писание; таким образом никто не может меня упрекнуть, за исключением тех, кто не желает идти прямо». Таким образом письмо, как и «Компендиум», свидетельствует о том, что в означенное время Савонарола, чтобы обрести доверие паствы к своим предсказаниям, представляет их прежде всего как результат размышления над библейскими текстами и проведения аналогий между священной историей и современными событиями, и остерегается категорических заявлений об обладании божественным светом как источнике своих пророчеств. В конце послания фра Джироламо сообщает о присутствии графа, то есть Пико делла Мирандолы, на проповедях и милостыне, которая поступает от него, что является не только явным знаком расположения последнего, но косвенным свидетельством определенного успеха среди городских интеллектуалов. В целом проповедник настроен довольно оптимистично, заявляя: «дела наши идут хорошо», несмотря на «значительные противоречия (враждебность)» со стороны «maiores (оптиматов)», – очевидно, со стороны тех, на кого была направлена его

²⁰⁵ Письмо датировано 10 марта 1490 г., так как по флорентийскому стилю летоисчисление велось ab Incarnatione (от Воплощения), и начало года приходилось на праздник Благовещения 25 марта.

²⁰⁶ «Dilectissime frater in Christo Iesu, pax et gaudium in Spiritu Sancto. Res nostrae prospere succedunt. Deus enim mirabiliter operatur, quamquam magnas apud maiores contradictiones patiamur; quas cum veneris et ad nos redieris per ordinem enarrabo. Nunc vero non expedit talia scribere. Dubitaverunt multi, et adhuc aliqui in ambiguo sunt, ne mihi sicut et fratri Bernardino accidat. Res nostra certe non fuit sine periculo in hac parte, sed semper speravi in Domino, sciens quia cor regis in Manu Domini: quocumque voluerit vertet illud. Confido in Domino quod magnos fructus faciet per os nostrum, nam et me quotidie consolatur et pusillanimum per voces spirituum suorum confortat; qui mihi saepe dicunt: Ne timeas; loquere fiducialiter quicquid Dominus inspiraverit, quia Dominus tecum est; scribae et pharisaei pugnant contra te; sed non perficient. Tu etiam confortare et st robustus, quia res nostrae prospere succedunt. Ne turberis si in hac civitate multi non occurrunt ad praedicationes; sufficit enim talia paucis nuntiasse. In semine enim parvo magna virtus est. Frater Iulianus et soror mittunt salutes; quae dicit te non debeo timere, quia Dominus tecum est. Ego saepissime denuntio renovationem Ecclesiae et tribulationes futuras, non absolute sed semper cum fundamento Scripturarum; taliter quod nullus potest me reprehendere, nisi qui non vult recte ambulare. Comes semper in Domino augetur et saepe venit ad nostras praedicationes. Eleemosynas mittere non possum; quamvis enim pecuniae Comitum venerint, tamen oportet ad hoc modicum expectare, propter bonas causas. Cetera quae scribis facere conabor. Brevis sum quia tempus fluit. Commenda me Patri Priori et Lectori et fratri Georgio et fratri Cosmo et ceteris. Omnes bene valemus, praesertim nostri angeli qui se tibi commendant. Vale et ora pro me. Expecto tuum adventum cum desiderio magno, ut possim tibi narrare mirabilia Domini. Ex Florentia, die X martii 1490. Hieronymus». См.: A Fra Domenico Buonvicini [Firenze, 10 marzo 1491] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 15. См. также: A fra Domenico da Pescia che predicava a Pisa [X martii 1490] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 281–282.

критика, – и то, что «многие боялись, а некоторые и по сей день боятся, что мне уготована участь брата Бернардино». Характеризуя свое состояние он отмечает: «я постоянно уповаю на Бога», поскольку «Сердце царя – в руке Господа»²⁰⁷ (вероятно, речь о Лоренцо Медичи и его позиции), а «книжники и фарисеи, сражающиеся против тебя, цели своей не достигнут»²⁰⁸.

Итальянский исследователь Джан Карло Гарфаньини полагает, что эти высказывания свидетельствуют о том, что Савонарола имел «четкое представление о враждебности, которая окружала его и его проповеди, направленные на разоблачение коррупции, одним словом – плохое управление, преобладающее в медичейской Флоренции», и не исключал возможности повторения участи Бернардино да Фельтре, изгнанного, как нарушитель общественного порядка, из города²⁰⁹. Действительно, деятельность Бернардино да Фельтре (1439 – 1494) во Флоренции может быть примером того, как коммуна отсекала от себя то, что могло нарушить городской мир и единство: в 1488 г. этот францисканец развернул кампанию по учреждению ломбарда (*Monte di Pietà*) и обратился в своих выступлениях к критике евреев-ростовщиков; чтобы пресечь еврейские погромы²¹⁰, монаха выдворили за пределы Флоренции, а когда он возвратился в 1493 г., то позволили проповедовать, но на определенных условиях, «что он пообещает не говорить ни о Монте, ни о евреях»²¹¹. Социальная критика, присутствующая в выступлениях Савонаролы, очевидно породила среди горожан представления о вероятности исхода, аналогичного да Фельтре, о чем свидетельствует Псевдо-Бурламакки. Ссылаясь на сведения Бартоломео Ридольфи, человека «честного и почитающего Господа», автор указывает на интриги в окружении Лоренцо Великолепного и передает историю о том, что «Аньоло Кардуччи (*Agnolo Carducci*) из Ордена Св. Франциска, будучи в доме Медичи, услышал разговор: “Этому слуге Бо-

²⁰⁷ Здесь отсылка на текст Книги Притчей Соломоновых: Притч. 21:1.

²⁰⁸ Возможно ссылка на Мф. 23: 13, Лк. 11: 52 – 54.

²⁰⁹ *Garfagnini G.C.* Girolamo Savonarola e Domenico Buonvicini // *Garfagnini G.C.* «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 422.

²¹⁰ См. об этом параграф 3.1 данной работы.

²¹¹ *Parenti P.* Storia fiorentina / a cura di Andrea Matucci. Firenze: L. S. Olschki, 1994. Vol. 1: 1476-78, 1492-96. P. 49.

жъему фра Джироламо мы сделаем то же, что и фра Бернардино да Монтефельтро (Бернардино да Фельтре – Е.Т.)” ... Тогда этот Аньоло Кардуччи... пошел к слуге Божьему и рассказал ему все по порядку...»²¹². Однако Лоренцо не обратился к открытым репрессивным мерам, возможно радея как о социальном мире, так и о собственной репутации, поскольку прекрасно видел растущую популярность проповедника и не желал провоцировать народное недовольство, подобное тому, когда он «уже однажды изгнал из Флоренции Бернардино да Фельтре, имевшего репутацию святейшей жизни, на что народ ответил обвинениями в адрес Лоренцо»²¹³.

Правитель Флоренции применил в отношении монаха иную стратегию. Согласно сведениям, оставленным современниками событий, Медичи инициировал визиты именитых граждан к Савонароле с целью убедить его «оставить новый способ проповедования и вернуться к прежнему»²¹⁴, «не предвещать будущее»²¹⁵. Сам фра Джироламо в своей последней проповеди 18 марта 1498 г., ссылаясь на имеющихся свидетелей, следующим образом описал одно из таких посещений: «Вспомните, как в начале, когда мы принялись проповедовать эти вещи (выражусь более ясно – во времена Лоренцо Медичи), пришли ко мне пять ваших ведущих горожан, что тогда управляли городом, *из которых еще живы четверо*, и высказали предупреждение, как бы от себя, чтобы я не произносил этих вещей. Я им ответил, и среди прочего сказал: “Вы заявляете, что никто вас не посылал, а я утверждаю обратное. Идите и передайте Лоренцо Медичи, чтобы покался в своих грехах, поскольку Бог хочет покарать его самого и его близких”. Я не ведаю, передали ли они это ему ... И после ... многие мне говорили ... что я буду выслан; этим я отвечал: “Вы боитесь ссылки поскольку имеете жен и детей, я не боюсь, если мне не суждено быть здесь, эта ваша земля подобна чечевичному зерну в

²¹² La Vita... Р. 32.

²¹³ Гвиччардини Ф. История Флоренции // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступит. статья, комментарии Л.М. Брагиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С. 102.

²¹⁴ La Vita... Р. 26.

²¹⁵ Гвиччардини описывает ситуацию следующим образом: «Лоренцо не запрещал ему проповедовать, но иногда посылал мессера Аньоло Никколини, Пьерфилиппо и других, чтобы они как бы от своего имени убеждали фра Джироламо не предвещать будущее». См.: Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 102.

сравнении со всей остальной землей. Я о себе не беспокоюсь, пусть он действует, но пусть знает: хоть я и чужеземец, а он – гражданин и первый в городе, мне надлежит остаться, а ему – уйти, я останусь, а не он»». Далее, монах, касаясь тех, кто препятствовал его проповедям, – соответственно, божественному замыслу, – призывает паству вспомнить, «что, когда прошел год после проповеди, кто умер от лихорадки, кто от чумы, кто от ножа»²¹⁶. Плачидо Чиноцци, очевидно подразумевая эту мартовскую проповедь 1498 г., сообщает, что «когда он повторял это (историю с посольством 5 граждан – Е.Т.) с кафедры, там присутствовали двое из названных горожан, которые подали знак окружающим, что это было правдой»²¹⁷. При этом, данные об именах участников означенной миссии в сочинениях апологетов Савонаролы несколько разнятся: у Чиноцци – «мессер Доменико Бонси, мессер Гвидантонио Веспуччи, Паголоантонио Содерини, Пьерфилиппо Пандольфини или скорее всего Бернардо Ручеллаи»; у Псевдо-Бурламакки – Доменико Бонси, Джованни Антонио Веспуччи, Паголо Антонио Содерини, Франческо Вало-ри; а Симоне Филипеппи²¹⁸ называет Гвидантонио Веспуччи, Аньоло Никколини, Пьер Филиппо Пандольфини, Бернардо ди Джованни Ручеллаи и Доменико Бонси, причем, первые трое, как отмечает этот «плакса», вторя проповеднику, умерли преимущественно неприглядной смертью²¹⁹.

Повторение означенной истории, – здесь возникает вопрос, мог ли Савонарола позволить себе столь резкие высказывания в адрес Лоренцо, – в трудах последователей доминиканского брата, в сопровождении подробностей, в том числе касающихся кончины людей, каким-либо образом противостоящих монаху, современный итальянский исследователь Франко Кордеро удачно, но несколько жестко охарактеризовал как проявление «коллективного психотического синдрома», все чаще обнаруживающегося после смерти

²¹⁶ Predica XXII // *Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo* / a cura di Pier Giorgio Ricci. Roma: A. Belardetti, 1956. Vol. 2. P. 326 – 327.

²¹⁷ Cinozzi P. Epistola ... P. 14.

²¹⁸ Брат живописца Сандро Боттичелли, «плакса» – страстный и преданный последователь Савонаролы (сторонники монаха получили прозвище *piagnoni* – «плаксы»).

²¹⁹ Cinozzi P. Epistola ... P. 13; *La Vita*... P. 26–27; *Filipepi S. Cronica* // *Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita* / P. Villari, E. Casanova. Firenze: Sansoni, 1898. P. 454.

Савонаролы ²²⁰. Действительно (если оставить тему психических расстройств), подобные рассказы, изобилующие в сочинениях «плакс», похоже, имели психотерапевтическое назначение – это своеобразный духовный реванш проигравшей партии, связанный также со стремлением очистить имя своего лидера, преданного несправедливому суду и казни.

Обращаясь ко времени Лоренцо Великолепного, фра Чиноцци и Псевдо-Бурламакки указывают на еще одну группу маневров Медичи в отношении доминиканца. При этом авторы, интерпретируя события, выстраивают идеальный образ проповедника-порока, абсолютно неподкупного, не преклоняющегося перед властью предержащими. Лоренцо, по словам Чиноцци, «видя, что слава этого отца возрастает, и что он в своем проповедовании не выражает никакого почтения, поскольку чрезмерно обнажает его скрытую тиранию, стал использовать различные ухищрения и способы проявления благосклонности в его отношении, как он поступал со многими другими»²²¹. Псевдо-Бурламакки подробно излагает подобного рода истории, когда Лоренцо «не прекращал расставлять силки и плести интриги», желая «испытать, сможет ли он подкупить его (Савонаролу – Е.Т.) и подчинить своей воле». Например, настоятели флорентийских монастырей имели обыкновение после своего избрания посещать Лоренцо Медичи, «чтобы возблагодарить за то, что в его прекрасном и славном городе они обрели высокий пост и почести, выражали готовность исполнять его волю и служить ему, препоручая ему себя и свой монастырь», между тем фра Джироламо, став в июле 1491 г. приором Сан Марко, отказывается следовать этому обычаю, ссылаясь на то, что он обрел эту должность благодаря Господу, а не Лоренцо. В другой раз, Медичи приходит в Сан Марко, ожидая, что по заведенному обычаю его встретит настоятель, «чтобы сопроводить (в прогулке) по монастырю, беседуя и говоря приятные ему вещи», однако Савонарола в ответ на известие от братии, что правитель Флоренции в монастырском саду, задает вопрос:

²²⁰ *Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa... P. 144.*

²²¹ *Cinozzi P. Epistola ... P. 13.*

«Спрашивал он меня?», а услышав: «Нет, Отец», заключает: «Оставьте его бродить в его набожности (молитвах)», и не выходит из своей кельи. Лоренцо также пытается соблазнить нового приора богатыми пожертвованиями обители, но тот, обнаружив среди подаяния 300 золотых дукатов, приказывает отдать их «людям Св. Мартина²²², чтобы раздать беднякам, ибо мы не нуждаемся в больших деньгах»²²³.

Авторы-«плаксы», кажется, чрезмерно политизируют действия Савонаролы начала 90-х гг., представляя его последовательным критиком тирании Лоренцо Медичи²²⁴, что явствует как из приведенных выше высказываний, так из легенды о смерти этого правителя, содержащейся в их сочинениях. В несколько ранее написанной братом Плачидо «Эпистоле» сообщается, что Лоренцо, будучи при смерти, послал за Савонаролой, – которого он высоко ценил как «истинного монаха», – чтобы принять от него последнее благословение. Фра Джироламо перед исповедью потребовал от Медичи признания трех вещей: «Лоренцо необходимо иметь твердую веру»; «следует возвратить нечестно отнятое»; «*вернуть свободу республике*». Лоренцо согласился с первыми двумя условиями, и ничего не ответил на последнее требование, в итоге «означенный Отец ушел без исповеди»²²⁵. Другая версия, переданная Псевдо-Бурламакки, исходит из того, что Лоренцо просил отпущения трех грехов, в ответ на что монах выдвинул умирающему три условия. Правитель Флоренции желает получить прощение за «разорение Вольтерры... где много девушек утратили цветок их девственности, вверглись во зло, и там произошли другие бесчисленные злодеяния; второй грех – Банк приданых (*Monte delle Fanciulle*), и я не вернул им приданое, от чего со многими приключилось зло, и они остались дома (не вышли замуж – Е.Т.); третий грех – дом Пацци,

²²² Общество помощи бедным, основанное Св. Антонином Флорентийским (1389–1459).

²²³ *La Vita*... Р. 24–26.

²²⁴ Ф. Гвиччардини, напротив, не столь категоричен в оценке ситуации. В своей «Истории Флоренции» он пишет, что во время правления Лоренцо Великолепного доминиканец, «стал всенародно проповедовать, указывая, хотя и с осторожностью, на грядущие бедствия и испытания», и что «эти проповеди не очень нравились Лоренцо, однако непосредственно его не затрагивали». *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 102.

²²⁵ *Cinozzi P.* *Epistola* ... Р. 16.

где многие невинные были убиты»²²⁶. Рефлексия, приписанная Лоренцо сторонниками монаха, весьма показательна, и позволяет понять суть критики и настроений оппозиции: Медичи кается в экономическом преступлении – присвоении денег в Банке приданных, и политических «ошибках» – город Вольтерра был захвачен в 1471 г., как свидетельствует Ф. Гвиччардини, из меркантильных соображений: здесь имелось месторождение квасцов²²⁷; заговор Пацци, состоявшийся 26 апреля 1478 г., не удался, а его основные участники были казнены по приказу Лоренцо. Требования, якобы выдвинутые Савонаролой, соответствуют описанным Чинопци: «И слуга Божий сказал ему: “Первое, чтобы вы обрели большую и живую веру в то, что Господь хочет и может вас простить”; на что Лоренцо отвечал: “Это так, большая (вера – Е.Т.), и я верю так”. Слуга Божий прибавил: “Необходимо второе, чтобы все, скверно приобретенное, вы каждому возвратили ...”. На эти слова Лоренцо несколько помедлил, и затем сказал: “И это также сделаю”. Тогда слуга Божий перешел к третьей вещи, говоря: “Последнее: необходимо вернуть Флоренции свободу в прежнем народном управлении, на манер Республики”. На эти слова Лоренцо отвернулся от него и не дал никакого ответа. И таким образом слуга Божий удалился ... и вскоре Лоренцо умер и оставил эту жизнь»²²⁸. Для подтверждения этой легенды оба автора указывают источники информации: Чинопци называет монаха Сан Марко Сильвестро Маруффи, «который умер вместе с братом Иеронимом» и самого Савонаролу; Псевдо-Бурламакки указывает на означенного фра Сильвестро и Доменико Бенивьени, кроме того ссылается на некое письмо мессера Аньоло де Монтепульчано, где тот сообщал: «с трудом Пико²²⁹ удалился, когда феррарец Джироламо, человек необычайной учености и святости, выдающийся проповедник небесного учения, вошел в его комнату и побуждал Лоренцо принять ве-

²²⁶ La Vita... P. 33.

²²⁷ Квасцы – закрепитель для окраски сукна. *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 75.

²²⁸ La Vita... P. 33.

²²⁹ Пико делла Мирандола.

ру»²³⁰. Не исключено, что история о монахе – радетеле республиканских свобод, была инспирирована выступлениями Савонаролы после ноябрьского переворота 1494 г. В дальнейшем она имела успех в трудах историков XIX в.²³¹, однако затем была раскритикована в XX в.²³².

В итоге, в том, что касается характера взаимоотношений Лоренцо Медичи и Савонаролы, можно предположить следующее. Правитель Флоренции избрал тактику привычную, неоднократно применяемую как им самим, так и его дедом – Козимо: пытался расположить к себе доминиканца (в определенном смысле поставить его под контроль), посредством личных контактов и денег; оградить проповедника от «опрометчивых» заявлений, связанных с критикой власти, смущающих народ и связанных с потенциальной возможностью нарушения социального мира (или его иллюзии); при этом действовал не сам, а через других лиц, как светских, так и духовных.

Последнее связано с попыткой дискредитировать пророческие заявления монаха из Сан Марко при помощи другого, авторитетного проповедника – августинца Мариано да Дженаццано. Тексты Плачидо Чиноцци и Псевдо-Бурламакки, описывающие публичную полемику двух монахов весной 1491 г., за исключением некоторых нюансов, практически идентичны. Оба автора указывают на особое покровительство, оказываемое Лоренцо августинцу. «Мариано делла Барба, который проповедовал во Флоренции множество постов ...; для которого означенный Лоренцо соорудил монастырь Сан-Галло и оказал множество других благодеяний, таким образом, что он обрел значи-

²³⁰ Ibid. Существуют и иные версии происходящего на вилле в Кареджи. Так, например, секретарь Лоренцо, а затем воспитатель его сыновей Пьетро и Джованни, гуманист Анджело Полициано в своем письме 18 мая 1492 г. своему другу Якопо Антикварио пишет: «Коротко говоря, едва лишь удалился Пико, как в опочивальню вошел Джироламо из Феррары, муж замечательной учености и благочестия, блистательный проповедник божественного учения, и стал убеждать Лоренцо не терять веры; тот отвечал, что он тверд в ней. Убеждал он Лоренцо, чтобы в дальнейшем тот старался вести самую безукоризненную жизнь; Лоренцо отвечал, что, разумеется, будет стремиться к этому всеми силами; убеждал, чтобы даже смерть, если уж она неизбежна, встретил с твердостью духа: “Поистине, – сказал он, – нет ничего приятнее, если это так установлено богом”. И уж он уходил, как Лоренцо воскликнул: “Ах, отче, дай мне благословение, прежде чем покинешь меня”. Тотчас же, склонив голову, потупив взор и совершенно приняв вид благоговейный и набожный, Лоренцо стал отвечать на слова и молитвы священника, согласно обычаю и по памяти». Как видим, версия очевидца свидетельствует о достаточно мирном и сдержанном поведении двух сторон. См.: Анджело Полициано приветствует Якопо Антикварио // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / под ред. Л.М. Брагиной. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 238–239.

²³¹ См., например, фундаментальный труд Паскуале Виллари: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 1. С. 116–117.

²³² См.: *Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa...* P. 186–196.

тельную репутацию среди людей доброй жизни», – сообщает об этом монахе Чиноцци, указывая, что «он всегда имел поразительную аудиторию, большую, чем какой-либо проповедник во Флоренции за 30 или более лет до этого». «Маэстро Мариано да Дженаццано, монах-еремит, которому Лоренцо возвел монастырь Сан-Галло и оказал множество благодеяний, дабы привлечь его в друзья», – характеризует монаха аноним и отмечает, что Медичи посещая его проповеди «приводил за собой всю знать», среди которой об августинце сформировалось «высокое мнение». Оба автора-«плаксы» указывают: Лоренцо устроил так, чтобы отец Мариано произнес проповедь, в которой «коснулся бы того, что проповедовать будущее и выходить за пределы обычной манеры (проповедования), принятой у других, является признаком самонадеянности и высокомерия, и что это не приведет ни к чему иному, нежели к бунту и раздору в народе»; а августинец выступил с обличением доминиканца поскольку, с одной стороны, был многим обязан своему благодетелю, а с другой – наблюдал отток паствы к конкуренту. Таким образом, фра Мариано в день Вознесения произносит в церкви Сан-Галло проповедь на новозаветный текст: «Не ваше дело знать времена или сроки»²³³, а фра Джироламо в следующее воскресенье, взяв тот же отрывок, предоставляет пастве иное толкование, и, если верить биографам доминиканца, публично изобличает своего оппонента в двуличии, сообщая, что совсем недавно тот посещал Сан Марко и всячески превозносил проповеди Савонаролы и эффект, который они производят, а также уверял в своей готовности оказать «любую услугу, всяческую помощь», но вдруг переменялся, отчего стоит задать вопрос: «Кто в столь короткое время вложил тебе в сердце подобные вещи? И по какой причине ты столь быстро переменял свое мнение?»²³⁴. Означенное выступление Мариано да Дженаццано стало, как отметили биографы доминиканца, причиной того, что тот «целиком утратил репутацию, которую долго приобретал, поскольку многие ушли от него и направились

²³³ Деян. 1:7.

²³⁴ Cinozzi P. Epistola ... P. 14–15; La Vita ... P. 27–29.

внимать слуге Божией», в том числе «граф Мирандола удалился от него вместе со многими другими»²³⁵.

Стоит обратить внимание еще на одну важную деталь: в лице двух монахов столкнулись разные стили проповедования – «изящный» и «простой». Фра Мариано представлял собой тип оратора, как описал его Псевдо-Бурламакки, «скорее исполненного красноречием, чем мудростью святых»²³⁶. Джироламо Бенивьени (1453 – 1542) – поэт и философ, принадлежавший к кругу флорентийских неоплатоников, а затем ставший последователем Савонаролы, по словам анонима, «как-то раз сказал ему (Савонароле – Е.Т.), когда он читал (проповеди на) Апокалипсис: “Если бы вы, Отец, обладали красноречием маэстро Мариано, не нашлось бы лучше вас”»²³⁷. Сам Бенивьени, в послании папе Клименту VII²³⁸ 1 ноября 1530 г., повествует о своем первоначальном восприятии нового проповедника: «Я сначала очень сомневался в его намерении, и поэтому некоторое время ходил (к нему), наблюдая; потом, посредством непрерывной практики, постоянного общения и близости, которые, – вместе с доброй памяти синьором Джованни Пико делла Мирандола, и мессером Доменико, прозванным Scotino²³⁹, моим братом, – я имел с ним, и из-за учения, доброты и целостности жизни, которая наблюдалась в нем, и по многим другим причинам, я в итоге стал верить ему, – с тем, однако, допущением, что он или я можем обманываться, – положившись во всем на Бога»²⁴⁰. С того момента, как Савонарола начал проповедовать в Сан Марко (1490 г. – Е.Т.), эти трое «часто приходили слушать его, привлеченные истинной и пользой его учения», и этому, по словам автора письма, «не препятствовало то, что манера его проповедования, жесты, и произношение некото-

²³⁵ La Vita ... P. 28; Cinozzi P. Epistola ... P. 15.

²³⁶ La Vita... P. 27.

²³⁷ La Vita... P. 28–29.

²³⁸ Джулио Медичи (1478 – 1534) – внебрачный сын Джулиано Медичи, племянник Лоренцо Великолепного, был избран Папой в 1523 г.

²³⁹ Доменико Бенивьени (1460 – 1507) – флорентийский философ, богослов, священник; сторонник Савонаролы и защитник его идей.

²⁴⁰ Lettera di Girolamo Benivieni a Clemente VII // Opere di Benedetto Varchi, ora per la prima volta raccolte con un discorso di A. Racheli intorno alla filologia del secolo XVI e alla vita e agli scritti dell'autore; aggiuntevi le lettere di Gio. Battista Busini sopra l'assedio di Firenze. Trieste: dalla Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1858. (Biblioteca classica italiana. Secolo XVI; 6). Vol. 1. P. 521.

рым образом неприятно поражали глаза и слух»²⁴¹. Бенивьени передает разговор своего брата с Савонаролой относительно характера общения с паствой последнего. «Отец Джироламо, невозможно утверждать, что учение, которое вы проповедуете, не является истинным, полезным и необходимым; но этот ваш способ проповедования, это произношение, эти ваши беспорядочные (*incomposti*) жесты, лишенные изящества», – обратился к монаху Доменико и, продолжая мысль, указал на более прославленного и популярного конкурента, – «у этих ваших слушателей перед глазами пример отца Мариано ... и возможность каждый день внимать его красноречию (*facondia*) и изысканности (*eleganzia*) его слов». На что монах из Сан Марко «с улыбкой» отвечал: «Это правда; но вам следует понять, что значительное красноречие, изысканность и украшение словами фратта Мариано должны потерпеть неудачу ..., а простоте нашего способа проповедования следует быть очищенной и возвышенной (*sublimata et esaltata*)»²⁴². В своем выступлении 15 августа 1496 г. Савонарола следующим образом описал тот тип проповедования, который был распространен в городе в начале 90-х годов, когда он только начинал завоевывать расположение паствы: «Открыто признаем истину: Св. Писание было заперто, этот свет был как бы потушен в людях. Мы должны сказать правду: Не было ли оставлено Св. Писание? Не взошли ли на этот амвон Аристотель и Платон? Не проповедовалось ничего, кроме вопросов (*questioni*). Сознаемся, говорю, в наших ошибках. В Пост говорилось только немного из Евангелия, а затем резко обращались к вопросам и диспутам (*alle questioni e alle dispute*)»²⁴³. Даже еще хуже, не взошел ли на это место Овидий? Ах, ты скажешь, что *Метаморфозы* Овидия все же хороши. Я тебе отвечу: Овидий – сказочник (*fabuliso*), Овидий – сумасброд (*pazzo*) ... Скажи мне, следует ли проповедовать отсюда Овидия, или же христианскую жизнь? Это то время, о котором говорит Павел: *“Ибо будет время, когда здравого учения принимать не бу-*

²⁴¹ Ibid. P. 522.

²⁴² Ibid.

²⁴³ Здесь аналогия с основными принципами преподавания, принятыми в средневековых университетах: лекции (*lectio*) заключались в чтении текста книги, выделении основной проблемы и вычленении вопросов; умение выделять вопросы (*questio*) считалось важнейшим, как и умение вести полемику – диспуты (*disputatio*), которые проводились еженедельно.

дут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням»²⁴⁴». И далее, повествуя о себе, фра Джироламо вспоминает о замешательстве слушателей, которое вызывали в то время его выступления: «И уже шесть лет как, первого августа ..., когда я начал толковать тебе Апокалипсис, многие обращались ко мне: Отец, вы не произносите нам никаких вопросов (nessuna questione); и я обратился к Господу и произнес: О Господи, когда-нибудь станет возможным, чтобы эта жажда вопросов (questioni) исчезла, и чтобы искали исключительно света и изложения Св. Писания? И тебе был в итоге предоставлен этот дар Божий. *И отверзся храм Божий на небе*²⁴⁵»²⁴⁶.

Итак, изысканности форм, практикуемых в то время популярными флорентийскими проповедниками, фра Джироламо противопоставил «простоту» разъяснения истин веры, основанную на толковании Священного Писания. И это не осталось незамеченным паствой, достаточно вспомнить, что все приведенные выше источники неизменно повторяют одну и ту же мысль: монахи не следуют обычному, «старому» (antiquo), «общепринятому» (secondo consueto modo delli altri) методу проповедования. Уже «начав проповедовать в Сан Марко», – как указал Бартоломео Черретани в своей «Флорентийской истории», – «он ввел как бы новый обычай провозглашения слова Божия, а именно – простоту, неотделимую от проповеди, без внесения вопросов (non proponendo quistione), пения песен и украшательств красноречием, исключительной его целью было истолкование некоторых вещей Ветхого Завета и введение простоты первоначальной церкви»²⁴⁷. Здесь необходимо задаться вопросом: почему Савонарола избирает подобный стиль? Вероятно причина заключается не только в его реформаторских идеях, но и в стремлении выделиться из числа прочих проповедников, привлечь паству новизной и необычностью формы публичных выступлений.

²⁴⁴ 2 Тим. 4: 3–4.

²⁴⁵ Откр. 11: 19.

²⁴⁶ Predica XVIII // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 2. P. 88–89.

²⁴⁷ Cerretani B. Op. cit. P. 192.

Еще одно качество проповедей доминиканца, вызывавшее различные реакции слушателей, – интерес, приятие, настороженная наблюдательная позиция, отрицание и противодействие, – это «предсказание будущего». Однако, как было уже отмечено выше, миллениаризм Савонаролы в начале 90-х гг. XV в. не выходил за рамки распространенных в то время идей о скором обновлении Церкви через испытания, сопровождавшихся призывами к покаянию, а сам монах не рисковал с публичными заявлениями о том, что свои откровения он получает непосредственно от Господа.

Примечательно, что информация о присутствии в ранних речах Савонаролы предсказаний, имеющих конкретный характер и касающихся как отдельных лиц, так и судьбы Флоренции, а значит выделяющих его из числа прочих прогностиков, появляется позднее и исходит от самого монаха и его почитателей. Так фра Джироламо, с некоторыми оговорками, упоминает об этом в проповеди 13 января 1495 г.: «Я проповедовал много лет назад смерть Лоренцо Медичи, смерть Папы Иннокентия. *Item (Также)* то, что произошло сейчас здесь, во Флоренции – перемену этого правления. *Также* я говорил, что в тот день, когда король Франции будет в Пизе, здесь произойдет обновление этого Государства. *Я не произносил этих вещей публично, но говорил о них тем, кто присутствует на этой проповеди, и я (в их лице) имею свидетелей здесь, во Флоренции*»²⁴⁸. В «Компендиуме откровений», написанном в этом же 1495 г., монах повторяет означенное утверждение, сопровождая пояснениями: о «частных вещах» «я не говорил публично, чтобы не породить скандала, но сообщал о них некоторым своим близким друзьям»²⁴⁹. В сочинениях «плакс» приводятся имена тех людей, которым доминиканец «раскрыл секрет своего сердца». Плачидо Чиноцци сообщает, что собравшимся как-то «в сакристии Сан Марко» Доменико Бенивьени, Алессандро Аччайуоли, Козимо Ручеллаи и Карло Карнесекки монах предсказал множество вещей, среди которых смерть Лоренцо, Папы и «короля Альфонсо, сына ко-

²⁴⁸ Predica III // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 59.

²⁴⁹ Savonarola G. Compendio di rivelazioni ... P. 15.

роля Феррандо»²⁵⁰; «приход короля Франции в Италию и утрата положения герцогом Миланским²⁵¹»²⁵². Джироламо Бенивьени также утверждал в послании папе Клименту VII, что доминиканец «предсказал в те самые времена некоторые вещи приватно, а не публично»; в частности, «гражданами, которым брат Джироламо предсказал вышеупомянутую революцию (антимедицейский переворот – Е.Т.), были Алессандро Аччайуоли, Джованни ди Пьер Франческо Медичи, Козимо ди Бернардо Ручеллаи и двое других, имена которых мной позабыты»²⁵³.

Изложенный выше материал позволяет прийти к заключению, что проповеди Савонаролы, относящиеся к началу 90-х годов в целом соответствовали той парадигме, которая сложилась среди нищенствующих братьев, и, как утверждает Л. Тромбони²⁵⁴, была общей для итальянских проповедников позднего средневековья: изложение основ христианского учения, надлежащих моделей благочестия, постоянный призыв к исповеди и покаянию. Милленаристские идеи, характерные для конца каждого столетия, также не были исключительным свойством выступлений доминиканца, как и активное вмешательство, словом и делом, в вопросы социальной и политической жизни городов, примером чего является, как упомянутый прежде францисканец Бернардино да Фельтре, так и ряд других выдающихся проповедников (достаточно вспомнить Бернардино Сиенского). Довольно сложно судить была ли (и насколько четко выражена) социальная критика в устах Савонаролы адресной; возможно в этом вопросе стоит, подобно другим исследователям²⁵⁵, ограничиться тем предположением, что любое, даже самое общее, изобличение социальных пороков, так или иначе, обретало политический оттенок, если не в устах проповедника, то в восприятии его паствы, тем более

²⁵⁰ Правители Неаполитанского королевства: Фердинанд умирает в 1494, его сын Альфонс – в следующем, 1495 г.

²⁵¹ Речь о Людовико Сфорца (1452 – 1508) по прозвищу Моро – правителе Милана (1480 – 1499 гг.): в ходе Итальянских войн Милан был захвачен французскими войсками Людовика XII; лишенный власти Моро был вывезен во Францию, где и скончался в заточении в замке Лош.

²⁵² Cinozzi P. *Epistola* ... P. 16–17.

²⁵³ Lettera di Girolamo Benivieni a Clemente VII... P. 523.

²⁵⁴ Tromboni L. *Op. cit.* P. 450–453.

²⁵⁵ Polizzotto L. Savonarola e la riorganizzazione della società ... P. 150–151.

такой политизированной, как население Флоренции; соответственно, при анализе высказываний и действий монаха следует, здесь и в дальнейшем, различать к чему стремился он, и чего желали его последователи. Последнее, очевидно, ясно представлял и описал Якопо Нарди²⁵⁶ в своем сочинении 1534 г.: вспоминая, что уже во время Лоренцо Великолепного Савонаролу называли «проповедником отчаявшихся и недовольных (*il predicatore de' disperati e malcontenti*)», Якопо отметил, что накануне событий 1494 г. монах уже обрел славу «человека святой жизни, чрезвычайно ученого и великого проповедника», что «до вышеуказанного времени» он преимущественно «излагал Писание, толкуя пророчества, и проповедуя реформу Церкви» и привлекал огромную аудиторию, которая, похоже по-своему воспринимала и истолковывала его пророческое послание, выражая стремление к тотальным переменам, – вероятно, не только в области духовной, но и социальной, – ибо «те, кто охотно слушает новые вещи, кажется страстно жаждут их и стремятся к ним», а «жаждущие новизны, более склонны к проявлению интереса к грядущим вещам»²⁵⁷.

1.2. Приор Сан Марко: начало реформ монастыря и образование самостоятельной конгрегации

²⁵⁶ Якопо Нарди (1476 – 1563) – флорентиец, сторонник и последователь Савонаролы; автор «Истории города Флоренции»: к ее написанию приступил около 1553 г., изложение событий начинается с 1494 г., работа осталась незавершенной и была опубликована посмертно в 1582 г. в Лионе. Сочинение, о котором речь пойдет ниже (*Breve discorso di Iacopo Nardi ...*), было написано ранее, и представляет собой краткий обзор исторических фактов и событий во Флоренции с 1494 г. См.: *Dall'Aglio S. Nardi, Jacopo // Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2012. Vol. 77: Morlini-Natolini. [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/jacopo-nardi_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 05.04.2017).

²⁵⁷ *Breve discorso di Iacopo Nardi, fatto in Vinegia dopo la morte di papa Clemente VII, l'anno 1534, ad istanza di alcuni gentili uomini viniziani; per informazione delle novità seguite in Fiorenza, dall'anno 1494 al detto anno 1534* // Villari P. *La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti*. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. LIX.

В 1491 г. фра Джироламо был избран приором Сан Марко. Новый настоятель стремится преобразовать монастырь в оплот истинной веры, место, где его проповедь обновления Церкви получила бы практическое воплощение²⁵⁸. Достижение этой цели представлялось невозможным без получения автономии, а значит отделения от Ломбардской конгрегации. Как сообщают в своих сочинениях «плаксы», успех этого предприятия казался довольно призрачным, поскольку «помощников внешних (за пределами монастыря) было меньше, чем противников», однако фра Джироламо «был незыблем как гора Сион, и подобно орлу взмывал ввысь к Богу и предавался молитвам» и, – в то время как посланцы монастыря, представители Ордена и флорентийской республики действовали в Римской курии, – предписал братьям молиться по 4–5 раз в день, а также уверял их в том, что поскольку «эта вещь от Бога, мы ее в любом случае обретем»; в итоге, «чудесным образом», 22 мая 1493 г. Александр VI²⁵⁹ утвердил бреве об отделении^{260 261}.

Преобразования, начатые в Сан Марко, вызвали неоднозначную реакцию в Ордене. Часть членов доминиканской общины настороженно отнеслась к действиям Савонаролы, полагая что с новым приором связаны произвольные нововведения, искажающие заветы Св. Доминика. Об этом, в частности, свидетельствует письмо фра Джироламо, направленное 10 сентября 1493 г. настоятельнице обители Св. Доминика в Пизе, в котором брат стремится рассеять ее сомнения. «Я с большим вниманием отнесся к вашим

²⁵⁸ См.: *Тельменко Е.П.* Начало реформ Савонаролы: монастырь Сан Марко и Тосканская конгрегация // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2018. № 1. С. 112–117.

²⁵⁹ Александр VI Борджиа (1431 – 1503) был избран Папой в 1492 г.

²⁶⁰ *Cinozzi P.* Epistola ... P. 11–12; *La Vita ...* P. 54–57. Сочинения Чиноцци и Псевдо-Бурламакки также содержат историю о том, как благодаря ловким действиям неаполитанского кардинала и протектора Ордена – Оливьеро Карафы удалось получить заверенное Папой бреве об автономии Сан Марко. Означенный сюжет довольно часто воспроизводится в трудах исследователей. Например, см.: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 1. С. 126–127; *Ченту Т.С.* Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы. Москва, 1998. С. 73–74; *Cordero F.* Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 241; 240–246. При этом, разумеется, учеными производится комплексный анализ событий с привлечением эпистолярных источников и труда Роберто Убальдини (*Roberto Ubaldini*) «*Annalia Conventus Sancti Marci*», касающихся действий лиц, причастных к отделению монастыря, а также их мотивов, среди которых присутствовали не только духовно-религиозные, но и политические.

²⁶¹ Breve d'Alessandro VI, con cui si separa San Marco dalla Congregazione lombarda // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. XXXVI–XXXVIII.

предостережениям, ибо знаю, что они вызваны милосердием», – обращается он к аббатисе и, продолжая, сокрушается, что не имеет возможности «поговорить лично, чтобы разъяснить вам основание, средство и цель наших дел», увещевает подождать «еще некоторое время, прежде чем произносить суждения», чтобы настало «время появления плодов»²⁶², поскольку «невозможно так быстро прийти к выводам из-за человеческой слабости, которая видит только внешнее». Монах дипломатично рассуждает об отделении от Ломбардской конгрегации, стараясь избежать какой-либо явной критики в ее адрес: «В духовном теле отделение члена может быть добром или злом: добром, когда остальное тело повреждено, чтобы не повредились здоровая часть; злом, когда все тело здорово ... Я говорю это не потому, что Ломбардская конгрегация больна ...». По поводу опасений, касающихся «новшеств», настоятель Сан Марко указывает, что, напротив, стремится восстановить изначально существующие правила Ордена: «Хочу также сообщить Вашей милости, что ... является ложью то, что мы приняли новый образ жизни ... мы не приняли ни нового образа жизни, ни облачения, ни еды и питья, ни прочих ритуалов, нежели те, которые соответствуют нашим правилам и уставам. Истинная правда, что мы избавились от некоторых излишеств, противоречащих установлениям наших Отцов ... и не стоит предполагать новизну в исполнении актов наших древних Отцов, с которыми наши нынешние не могут сравниться ни в мудрости, ни в святой жизни. Основывать нищие и простые монастыри, облачаться в грубые, ветхие и заплатанные одеяния, есть и пить умеренно, в соответствии с установлениями Святых отцов; иметь убогие кельи, без какого-либо излишества; соблюдать тишину и предаваться (молитвенному) созерцанию и уединению, оставив мирскую суету, этот образ жизни не нов. Но новым образом жизни нищенствующих братьев является возведение дворцов с мраморными колоннами, устройство помещений, которые приличествуют господам; владение недвижимостью вопреки установлениям

²⁶² Здесь монах обращается к текстам Нового завета. 1 Кор. 4:5: Посему не судите никак прежде времени. Мф. 7: 17–18, 20: Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые... Итак по плодам их узнаете их.

всего Ордена, не обладая верой во Христа, который говорит: “Ищите же прежде Царства Божия, и это все приложится вам”²⁶³; облачение не в дешевое, а более суетное одеяние; недостаточные молитвы; шатание по всяческим местам ... и подобные нововведения, смущающие души людей ... Наш образ жизни не вызывает никакого смущения и скандала во Флоренции, напротив, является значительным примером ... Я хочу, чтобы вы знали, что мы еще не приступили к тому, чего желаем – ни на шаг не отклоняться от первоначального курса, который является общим для нас всех; и мы будем постепенно утверждаться в нем при помощи молитв и добрых советов»²⁶⁴.

Таким образом порядки, установленные в Сан Марко, были основаны на строгом соблюдении правил монашеской жизни. «И изменившись и отделившись в послушании, – писал в своей «Флорентийской истории» Бартоломео Черрретани, – они таким образом отделились в нравах и одеяниях, не так, чтобы изменился цвет их одежд, но они стали преимущественно узкими, простыми и короткими, жизнь строгая, пищу одного вкушали двое; нравы: больше молчания, больше учения и величайшее послушание»²⁶⁵. Как отметил анонимный биограф монаха, тот, будучи «горячим приверженцем святой бедности» и простоты, «после отделения Тосканы от Ломбардской конгрегации сократил потребление пищи и сделал более простыми одеяния», которые стали «грубыми и короткими», «узкими», «в заплатках»; устроил так, что монахи спали на грубо сколоченных кроватях, застелив холстом соломенный тюфяк и укрывшись шерстяным покрывалом; очистил кельи от «излишеств», – «ибо сначала многие имели книги, украшенные золотом, с закладками из шелка и золота, застежками из серебра», – и вырученные от их продажи деньги пожертвовал бедным²⁶⁶; а чтобы избавить братьев от привязанности к

²⁶³ Мф. 6:33.

²⁶⁴ Alla Priora di S. Domenico di Pisa [Firenze, 10 settembre 1493] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte* / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 31–33.

²⁶⁵ *Cerretani B.* Op. cit. P. 193.

²⁶⁶ Здесь сведения Псевдо-Бурламакки несколько разнятся. Сначала биограф Савонаролы пишет, что когда тот «реформировал монастырь, то обнаружив много излишнего, продал все за 400 дукатов и отдал все бедным (братьям) монастыря в Прато». Далее, через некоторый интервал в тексте, упомянув о присоединении конвента Св. Доминика в Прато к Тосканской конгрегации в 1496 г., автор сообщает, что его «братья пребывали в величайшей нищете и горячем стремлении реформироваться», и «слуга Божий подал им милостыню

каким-либо суетным вещам, отвлекавшим от истинного служения Богу, «заставлял их часто меняться кельями, одеждами и священными книгами», при этом «прежде чем указывать другим, сначала сам исполнял» эти предписания²⁶⁷.

Судя по косвенным данным, присутствующим в письме Савонаролы пизанской настоятельнице, к началу сентября 1493 г. в Сан Марко имелось около сотни монахов²⁶⁸. Из них, как сообщает брат, «более 90 братьев склоняются к доброй жизни», «стремятся утвердиться в совершенном существовании ..., едины в сходном намерении»²⁶⁹. Часть иноков, несомненно, были теми, кто ранее поддержал идею автономии конвента. «Мысль об этом нашем отделении, прежде чем свершиться, – отмечает фра Джироламо в своей эпистоле, – зародилась в сердцах многих из нас уже более года назад»²⁷⁰. Сходная информация содержится в трудах Чиноцци и Псевдо-Бурламакки, повествующих о том, что побуждаемые своим приором к «достижению совершенства в духовной жизни», иноки рассудили, что «большому сообществу братьев будет сложно сделать это из-за разногласий», и поэтому «было бы хорошо отделиться от Ломбардии»²⁷¹, обосновывая свое стремление тем, что «это не ново, и в прежние времена Тоскана была отделена от Ломбардии», что «уже делалось нашим отцом Св. Домиником». При этом Чиноцци сообщает, что «в скором времени более сотни братьев поставили свои подписи под нотариально заверенным (прошением)», а согласно анониму «как минимум 55 монахов» совершали вместе с настоятелем ежедневные молитвы об успехе этого предприятия²⁷². Здесь стоит уточнить, что имеется еще один источник – упомянутое Чиноцци нотариально заверенное письмо от 26 мая

в 400 флоринов», при этом не указывается, где и каким образом фра Джироламо удалось получить означенную сумму. Затем труде анонима появляется еще один рассказ: монахи Сан Марко, устрешенные тем, что могут не обрести спасения после смерти, «все излишние вещи, которые имели в кельях, принесли к ногам слуги Божьего, он продал все за 300 скуди и отдал их беднякам». *La Vita...* P. 40; 60; 61.

²⁶⁷ Ibid. P. 41.

²⁶⁸ *Alla Priora di S. Domenico di Pisa ...* P. 35

²⁶⁹ Ibid. P. 34.

²⁷⁰ Ibid. P. 33.

²⁷¹ У Псевдо-Бурламакки: «возможно ли будет достигнуть большей пользы для исповедания веры, отделив два или три монастыря от Ломбардской конгрегации».

²⁷² *La Vita...* P. 54; *Cinozzi P. Epistola ...* P. 11.

1493 г.²⁷³, в нем стоят подписи 53 братьев²⁷⁴. Таким образом, если принять во внимание данные Савонаролы и соотнести их со сведениями других источников, можно предположить, что число сторонников реформы среди монахов Сан Марко изначально не было преобладающим, но могло вырасти как за счет вновь вступивших в обитель, так и вставших на путь исправления.

Разумеется, не все члены монашеской общины были готовы безоговорочно принять предложенный настоятелем крайне аскетический образ жизни. И здесь сведения, изложенные Псевдо-Бурламакки, позволяют предположить, что кроме увещаний и собственного примера фра Джироламо использовал иные, скорее психологические, методы воздействия на братьев. Так, в Сан Марко «после означенного отделения» распространяется весть, что «слугам Божиим явились в видениях Августин, Св. Фома и Св. Екатерина Сиенская», которые заявили, что из 28 умерших здесь монахов «25 осуждены на муки Ада, один попал в Чистилище, двое вознеслись на небо», при этом Святые утверждали, причиной подобного исхода стало то, что кто-то из этих братьев испытывал «чрезмерную любовь» к мирским вещам, кто-то «искал больше, чем необходимо», а кто-то проявлял «излишнюю привязанность к родственникам», и возвещали, что «из сотни конвентуалов (то есть тех, кто ратовал за смягчение правил монашеской жизни – Е.Т.) не спасется даже один». Если верить биографу, эффект не заставил себя ждать: монахи, «чрезвычайно напуганные», собрали в кельях всю суету и отнесли настоятелю; тот назвал им все их «тайные грехи, известные только Господу», и был объявлен братией «истинным слугой Божиим»; после чего «многие обратились к себе самим и собственному сердцу». Всплеск рвения был настолько велик, что обсерванты Сан Марко попытались «спасти» конвентуальных братьев-доминиканцев из флорентийского монастыря Санта Мария Новелла: Алессандро Ринуччини направился в этот монастырь, созвав при помощи колокола его обитателей, «после небольшой проповеди» призвал «подумать о своем

²⁷³ Очевидно, братья писали его, еще не получив известия о бреве Папы от 22 мая 1493 г.

²⁷⁴ *Atti originali dell'adesione dei Frati di S. Marco alla separazione [Carte del Convento di S. Marco] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 42–52.* В начале документа упомянуты 52 брата, в конце – 53 подписи.

спасении»; предложение некоего «магистра святой теологии» организовать диспут Алессандро оставил в пренебрежении и, «преисполненный духом Господним», вернулся обратно²⁷⁵.

В письме аббатисе пизанского монастыря Савонарола настаивает на том, что отделение от Ломбардской конгрегации и преобразование монастырской жизни является осуществлением воли Господа. После многочисленных призывов к реформированию, – «время реформировать народ Божий»; «настало время, Мать моя, возлюбленная во Иисусе Христе, жить особым образом»; «время преобразоваться»; «время сражаться с равнодушными»²⁷⁶ и ложными братьями», – приор, продолжая свою мысль, наставляет: «Вещи, связанные с Иисусом Христом, не воздвигаются как без войны, так и без победы. Когда вы совершаете нечто доброе и не имеете противодействия, опасайтесь, ибо не в обычае у Бога оставлять своих слуг без войны ... И поэтому вы должны верить, что это наше отделение было произведено с помощью, даже более того, собственноручно Богом»²⁷⁷.

Присутствие божественного вмешательства в дела монастыря отражено и в описании анонимного биографа. С одной стороны, часть монахов, внутренне сопротивлявшихся аскетическому образу жизни, – автор упоминает Пьеро Лотти, который был «более других братьев Сан Марко подвержен чувственным влечениям» и фра Никколо Маручелли (Maruscelli)²⁷⁸, которому аббат пенял, что «он не идет прямо по пути божьему», – чудесным образом преображаются: сокрушаются в своих грехах, соблюдают чрезвычайно строгий пост, непрерывно предаются молитвенному созерцанию, вдохновенно служат мессу, обретают за свои старания божественные видения, в святой

²⁷⁵ La Vita... P. 60–61.

²⁷⁶ «Равнодушные» или «теплохладные» – tiepidi. Наихудшее духовное состояние, осуждаемое Богом, который объявил Лаодикийской церкви: Знаю твои дела; ты ни холоден, ни горяч; о, если бы ты был холоден, или горяч! Но, как ты *тепл*, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Sic quia *tepidus* es et nec calidus nec frigidus, incipiam te evomere ex ore meo). Ибо ты говоришь: «я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды»; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг. Откр. 3: 15–17.

²⁷⁷ Alla Priora di S. Domenico di Pisa ... P. 36.

²⁷⁸ В «Эпистоле» Плачидо Чиноцци имеется сходная информация об этом монахе: «Был другой, который также притворялся и следовал скорее жизни конвентуалов, нежели обсервантов; Отец (Савонарола – Е.Т.) поведал о тайне его сердца, которую, как рассказал мне потом означенный брат, знали только Бог и он сам; и его обращение было таково, что изумило многих, и это был брат Никколо Маручелли». Cinozzi P. Epistola ... P. 17.

жизни становятся подобны ангелам и в итоге возносятся на небо²⁷⁹. С другой стороны, те, кто пренебрег божественной волей, «не уверовали, а напротив, противоречили», «почили дурной смертью»²⁸⁰. Винченцо Линайуоло (Linaiuolo) скорее всего не был плохим монахом, он просто решил покинуть реформируемый монастырь, аббат отпустил его, но предсказал, что тот умрет от «руки мертвеца»; прошло почти двадцать лет, и прорицание исполнилось – больной конверс («почти мертвец») ударил его ножом в сердце. Другой инок – Бенедетто да Монтелупо откровенно заявил в лицо проповеднику-реформатору «я вам не верю», на что тот предрек: «Меньше зла было бы, если бы ты впал в блуд, нежели говорил так об истине, знай же, что ты умрешь в наказание за этот грех». И снова: через много лет, «в 1520 г., будучи в Орвьето ... он был поражен чумой». Еще один – Кристофано дель Джильо (Giglio), «из-за исправления, которое оказал ему брат, стал недругом этой истины»; после смерти Савонаролы начал проповедовать против него; но поскольку «Бог, все вершит и ведает наши сердца, и не оставляет уготованного наказания для тех, кто впал в грех», Кристофано погряз в плотских грехах и, устыдившись, покинул Орден, вступив в общину камальдулов; умер он в 1527 г. во время «великой чумы»²⁸¹.

Здесь стоит отметить, что Псевдо-Бурламакки, увлекшись апологией реформатора-пророка, своими историями формирует у читателя (во всяком случае, современного) образ человека довольно жесткого, даже деспотичного, неизменно предвещавшего наказания и смерть для тех, кто хоть как-то противоречит воле Господа, в том числе воплощенной в деяниях «слуги Божьего». При этом фра Джироламо постоянно оглашает предсказания, порой смутные и основанные эмоциях, а порой рационально обоснованные и связанные с четким пониманием сложившейся ситуации. Примером подобного поведения являются прорицания относительно управляемой им монашеской общины, произнесенные, видимо, в 1493 г. Проповедуя своим братьям, Саво-

²⁷⁹ La Vita ... P. 61–62.

²⁸⁰ Ibid. P. 62.

²⁸¹ Ibid. P. 62–63.

нарола заявил, что «может вскоре наступить время, когда корм для собак покажется вам доброй пищей», а затем, обратившись к началу псалма «Хвали, Иерусалим, Господа»²⁸², принялся проливать слезы и говорить: «Сатана просеет и провеет вас, как это делается с зерном, и многие из вас изменят истине». Эта аллегория сопровождалась более конкретными прогнозами, свидетельствующими о четком понимании неизбежного разделения монахов в ходе реформ и оттока части несогласных. Касаясь фьезоланской обители, Савонарола предрек, что некие братья «согрешат по слабости», либо «из-за неведения», либо по своему «лукавству», «и, если не обратятся к покаянию ..., не пройдет и года, как покинут монастырь». Как далее сообщает биограф доминиканца, «когда дело коснулось объединения конвента во Фьезоле с этим Сан Марко», монастырь оставили Бартоло Дзокко (Zosso), Антонио далле Померанца (Pomerancie) и Никколо да Лукка²⁸³.

Автономия была лишь первым шагом. Савонароле, вещавшему о церковной реформе, для ее реализации одного монастыря было недостаточно, помимо принадлежавших Сан Марко странноприимных домов Св. Марии Магдалины в Валь-Муньоне, Биббиене и Лечето предполагалось включить в состав новой конгрегации доминиканские обители во Фьезоле, Пизе и Сан-Джиминьяно²⁸⁴.

Также как при отделении Сан Марко, помощь братьям оказало флорентийское правительство, свидетельством чего являются, в том числе, письма-инструкции представителям республики в Риме и Неаполе. Несомненно, в этом предприятии присутствовала политическая составляющая. Официально же декларируемая позиция связывала необходимость создания новой конгрегации с духовно-религиозными потребностями как тосканских монахов, так и флорентийских граждан. Разумеется, возникает вопрос: сколько в этом риторики, а сколько — действительно заботы о состоянии исповедания веры. Так,

²⁸² Пс. 147:1.

²⁸³ *La Vita...* P. 64. Здесь автор в своей обычной манере сообщает, что и этих отступников настиг Суд Божий, и с ними произошло нечто ужасное, однако при этом уведомляет, что фра Никколо «стал затем епископом Кирены».

²⁸⁴ *Ченто Т.С.* Указ. соч. С. 74; *Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ...* P. 256.

например, из переписки Синьории с ее секретарем в Риме Антонио да Колле следует, что власти Флоренции по-прежнему рассчитывали на поддержку протектора Ордена, неаполитанского кардинала Оливьеро Карафы; что объединение монастырей в новую конгрегацию обусловлено прежде всего желанием фьезоланских и пизанских братьев присоединиться к Сан Марко²⁸⁵ дабы следовать «его примеру доброй жизни, особенно после того как свершилось это отделение от Ломбардской конгрегации»²⁸⁶; что «святая жизнь этих братьев и их исключительная религиозность», вызывают любовь и почтение окружающих, а потому правительство, «чрезвычайно сильно желающее, чтобы на нашей территории исправилось монашество обсервантов», полагает и надеется, что этого можно «с легкостью достигнуть под управлением названного конвента Св. Марка». При этом должностные лица Флоренции, ссылаясь на опыт с отделением Сан Марко, когда «весь город остался доволен плодами, которые последовали» за этим, прогнозируют, что с новой конгрегацией обсервантов «возрастет божественный культ, весь город обретет утешение и духовные плоды»²⁸⁷²⁸⁸.

Итогом совместных усилий сторонников новой конгрегации стало папское бреве 1494 г., согласно которому пизанский монастырь Св. Екатерины и

²⁸⁵ Псевдо-Бурламакки также упоминает, что инок Св. Доминика во Фьезоле сами изъявили желание отделиться от Ломбардской конгрегации и присоединиться к обсервантам Сан Марко. См.: *La Vita...* P. 58. Здесь стоит обратить внимание на то, что в письмах Синьории, направленных Антонио да Колле, заметно изменение позиции в отношении монастыря Св. Доминика в Сан-Джиминьяно: если в послании 17 декабря 1493 г. флорентийские должностные лица предлагают настаивать на включении этого конвента в новое объединение, то 11 января 1494 г. предписывают своему секретарю «для облегчения переговоров (большой сговорчивости)» «оставить Сан-Джиминьяно и продолжать настаивать на этих двух». Дело в том, что в это время приором Сан-Джиминьяно был Франциск Меи, решительно выступавший против выхода монастыря из Ломбардской конгрегации и в итоге преуспевший в этом. Примечательно, что Плачидо Чиноцци в своей «Эпистоле» вспоминает, как Савонарола ранее предсказал Меи: «Ты притворяешься, что веришь мне, но ты не веришь, ты станешь моим противником; но в итоге Бог разоблачит тебя». *Cinozzi P. Epistola ...* P. 17. Действительно, как при жизни, так и после смерти брата Джироламо, Меи всячески противостоял флорентийскому пророку-реформатору. См.: *Rao I.G. Mei, Francesco // Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2009. Vol. 73: Meda-Messedaglia. [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-mei_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 05.04.2017).

²⁸⁶ *La Signoria di Firenze al Cardinale di Napoli* [28 novembris 1493] // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi*. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 58–59; *La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma* [28 novembris 1493] (*7. La medesima a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma) // *Ibid.* P. 59.

²⁸⁷ В тексте «*frutto spirituale*», вероятное толкование – «плоды Духа Святого», то есть добродетели.

²⁸⁸ *La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma* [17 decembris 1493] (*8. La stessa allo stesso) // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi*. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 59–60; *La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma* [11 ianuarii 1493] (*9. La stessa allo stesso) // *Ibid.* P. 60; *La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma* [7 aprilis 1494] (*10. La stessa allo stesso) // *Ibid.* P. 60–61.

фьезоланский Св. Доминика были отделены от Ломбардской конгрегации. В 1495 г. в Сан Марко создан первый генеральный капитул, на котором Савонарола был избран Генеральным викарием конгрегации²⁸⁹.

Таким образом появление новой конгрегации во главе с обсервантами Сан Марко создало условия для распространения преобразований на ряд доминиканских конвентов Тосканы. Разумеется, не все их обитатели положительно восприняли реформу. Часть монахов предпочла удалиться. И если, как было упомянуто выше, из Фьезоле ушли только трое братьев, то в Пизе 40 из 44²⁹⁰. Источники приводят также пример активного сопротивления экспансии (если можно так выразиться) Сан Марко. В этом же 1494 г., по приказанию Генерала Ордена, Савонарола вместе со своими братьями направился в Сиену «для реформирования монастыря» Сан Спирито. Собрав монахов обитатели он отстранил от обязанностей настоятеля, заменив новым. Однако ночью некий «конвентуал» стал поднимать народ на бунт против прибывших, а на следующий день те же «Синьоры Сиены», которые накануне приветствовали фра Джироламо в конvente, изгнали его за пределы города²⁹¹. Примечательно, что далее Псевдо-Бурламакки в своей обычной манере сообщает о небесных карах для тех, кто посмел противоречить воле Господа, воплощенной в деяниях монаха. Выйдя за пределы Сиены брат «отряхнул прах со своих сандалий», замечает аноним, ссылаясь на текст Евангелия²⁹², в котором предрекается незавидная судьба для тех, кто не внял слову Божьему. Смущавший сиенцев «конвентуал», – здесь биограф указывает на уже упоминавшегося в связи с событиями во Фьезоле Антонио далле Померанца, –

²⁸⁹ La Vita... P. 59.

²⁹⁰ De Maio R. Savonarola e la Curia romana. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1969. P. 52; Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 261. Относительно монастыря Св. Екатерины в Пизе Псевдо-Бурламакки сообщает, что сюда вскоре прибыли 24 монаха из Сан Марко и приором был избран Антонио де Оландиа (Antonio de Olandia), но обретались они там недолго, поскольку спустя несколько месяцев «скверные пизанцы», подняв мятеж против Флоренции (ноябрь 1494 г., связан с событиями начала Итальянских войн и похода Карла VIII – Е.Т.), изгнали их. См.: La Vita... P. 59.

²⁹¹ Здесь, также, как и в истории с присоединением пизанского монастыря, явно присутствует политический контекст, поскольку расширение конгрегации Сан Марко могло толковаться (вероятно, не без оснований), как распространение политического влияния Флоренции.

²⁹² Очевидно имеется в виду Мк. 6:11, где Христос, поучая Апостолов, заповедал: И если кто не примет вас и не будет слушать вас, то, выходя оттуда, отрясите прах от ног ваших, во свидетельство на них. Истинно говорю вам: ограднее будет Содому и Гоморре в день суда, нежели тому городу.

умер в Риме от чумы; а «препятствовавшие реформированию монастыря Св. Духа» горожане – Лючио Беланти и Никколо Боргези погибли при различных обстоятельствах, будучи «разрублены на куски»²⁹³.

Как видим, преобразования, к которым приступил Савонарола со своими единомышленниками в конгрегации Св. Марка, сопровождались разделением с «равнодушными и ложными братьями». Часть несогласных, критикующих монаха за излишний ригоризм и «новшества», покушающиеся на традиционные устои, покинули монастыри конгрегации. Оставшиеся же последователи реформатора вступили на трудный путь обретения духовного совершенства, связанный с борьбой с искушениями и собственными пороками. В свою очередь, преодоление внутреннего сопротивления на пути к строгому и точному исполнению правил монашеской жизни усиливало среди братьев ощущение пребывания на поле битвы с дьявольскими силами, осаждающими реформируемые конвенты. Определенную роль в этом, несомненно, сыграли наставления Савонаролы, о характере которых можно судить на основе его писем братьям и сестрам Ордена: «равнодушные не подвержены множеству гонений, поскольку дьявол не преследует своих; но ревностные испытывают массу противодействий, поскольку противостоят Сатане» – замечает монах в письме пизанской аббатисе; «величайшее беспокойство и постоянную тревогу испытываю я во время моего отсутствия, ибо знаю, что дьявол не дремлет ... и надеется внести разлад в ваши души» – начинает он письмо послушникам Сан Марко; «добрые солдаты Христовы», – величает приор иноков своего монастыря и, продолжая, поучает, – «душевный покой ... можно обрести только тяжким трудом и духовной войной»²⁹⁴. Позднее, с усилением влияния проповедника-реформатора на общество Флоренции, это поле борьбы рас-

²⁹³ О каждом из них биограф Савонаролы пишет: «fu tagliato a pezzi». La Vita... P. 58–59.

²⁹⁴ Alla Priora di S. Domenico di Pisa ... P. 36; Ai giovani Frati e ai Novizi di S. Marco [Bologna, 12 marzo 1493] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 26; Ai Frati di S. Marco di Firenze [Bologna, fra il 10 e il 15 febbraio 1493] // Ibid. P. 20. Все письма относятся к 1493 г., соответственно: 10 сентября; 12 марта; 10 или 15 февраля.

ширятся за пределы мужских и женских конвентов конгрегации и охватывает весь город²⁹⁵.

Реформа монашеской жизни в Сан Марко и во вновь образованной конгрегации может восприниматься как еще одно свидетельство того, что в начале 90-х годов Савонаролу в большей степени занимали не столько социально-политические темы, сколько проблемы возрождения истинной веры и культивирования внутреннего благочестия. Практическая реализация означенных идей была бы невозможна без поддержки окружающих: собственно братьев Св. Марка, затем монахов присоединенных конвентов, орденового начальства и городских магистратов Флоренции. И даже если действия представителей церковной и светской власти были обусловлены преимущественно политическими интересами, то для остальных очевидно присутствие (преобладание) духовно-нравственных мотивов, стремление к преобразованиям если не в Церкви в целом, то, по крайней мере, в своем Ордене. Означенная поддержка, а также определенные успехи, связанные с появлением новой конгрегации и ее функционированием, вероятно укрепляли Савонаролу в мысли о возможности осуществления более широкой духовной реформы²⁹⁶.

В завершении стоит отметить следующее. Как покажут дальнейшие события, Савонароле, несмотря на трудности, удалось в итоге сформировать сплоченную общину последователей из монахов и монахинь конгрегации, которая при проведении религиозно-нравственной реформы во Флоренции стала для мирян примером в культивировании универсальных качеств «доброго христианина», а также местом притяжения для наиболее экзальтированной части паствы.

²⁹⁵ Подробно об этом далее в работе.

²⁹⁶ Так, после отделения Сан Марко он пишет настоятельнице монастыря в Пизе: «...весь мир обретается в духовной скудости (во мраке), сейчас многие мужчины и женщины развращены (испорчены), и настало время обновить (реформировать) народ Божий. Время, время, время, мать моя, возлюбленная во Иисусе Христе, начать жить исключительным образом, ибо этот всеобщий образ жизни в настоящее время порождает отвращение всемогущего Господа ...». См.: Alla Priora di S. Domenico di Pisa ... P. 36.

1.3. От милленаристского проповедника к пророку

В Рождественский пост 1491 г. Савонарола приступил к проповедям на книгу Бытия. «Я, – пишет монах в «Компендиуме откровений» (1495 г.), – начал проповедовать на Бытие в 1491 г., и продолжал вплоть до 1494 г. во время всех Рождественских и Великих постов (исключая один, во время которого проповедовал в Болонье²⁹⁷), и всегда начинал с того места текста Бытия, на котором я остановился в предшествующий Адвент²⁹⁸ или Великий пост»²⁹⁹. В своих выступлениях он не прекращал призывать прихожан к доброй жизни и обновлению духа, сопровождая мысль о необходимости преобразования Церкви (христианского мира) предсказаниями о грядущих испытаниях, которые будут посланы Богом.

В «Компендиуме» фра Джироламо, характеризуя проповеди этого периода, сначала повторяет мысль о том, что в «первые годы», «поскольку народ был нерасположен (не готов)», он провозглашал будущее, опираясь на Св. Писание, рациональные доводы и различные сравнения; и, продолжая повествование, сообщает: постепенно «я начал становиться более откровенным и демонстрировать, что обрел видение этих предстоящих вещей от света иного, нежели только постижение Св. Писания», и стал «обращаться к словам ... вдохновленным небом». Здесь монах уточняет: «поскольку видения носили пространственный характер, (только) часть их я оглашал публично ..., чтобы они не были осмеяны сомневающимися³⁰⁰» и прибавляет: «мне представилось необходимым только записывать эти (видения), поскольку я намеревался последовательно их обнародовать»³⁰¹.

²⁹⁷ Савонарола проповедует в Болонье в Великий пост 1493 г.

²⁹⁸ Рождественский пост.

²⁹⁹ Savonarola G. Compendio di rivelazioni ... P. 12.

³⁰⁰ increduli – неверующие, недоверчивые.

³⁰¹ Savonarola G. Compendio di rivelazioni ... P. 11–12.

Одно из таких видений, как заявляет монах в «Компендиуме», он обрел в 1492 г. «в ночь перед последней проповедью, которую я произносил в тот Адвент в Санта Репарата»³⁰². Фра Джироламо узрел на небе руку с мечом, на котором было написано: «*Gladius Domini super terram cito et velociter (Меч Господень на землю скоро и быстро)*». Затем монаху показались «три лица в едином свете», между которыми произошел диалог, фактически составленный из цитат Ветхого Завета³⁰³: «первое из них произнесло: *Нечестие моих святилищ вопиет ко мне от земли*³⁰⁴; второе отвечало: *Посещу жезлом беззаконие их, и ударами – неправду их*³⁰⁵; третье молвило: *Милости же Моей не отниму от него, и не изменю истины Моей и буду милосерд к нищему и убогому*³⁰⁶. Тогда первое отвечало: *Оставил народ мой Мои заповеди – нет числа дням*³⁰⁷; второе отвечало: *Истреблю и поражу их и не пощажу никого*³⁰⁸; третье произнесло: *Помню, поступали по заповедям моим*³⁰⁹. И затем от всех трех лиц снизошел громкий глас навесь мир: *Внимайте, все жители земли сей. Так сказал Господь: Это я, Господь, говорю в ревности святой моей. Вот наступает день, и меч свой обнажу против вас. Обратитесь ко мне, прежде чем возгорится гнев мой: ибо идет пагуба, тогда будут искать мира и не найдут*³¹⁰». Вслед за тем с «неба на землю сошли ангелы, облаченные в белое, со множеством белых стол на плече и красным крестом в руке, и пошли по миру, предлагая каждому человеку белую одежду и крест»; люди же повели себя различным образом: «некоторые принимали и надевали их; другие не желали принимать, но не препятствовали прочим ...; иные не хотели ни брать, ни дать возможность прочим принять их: это были равнодушные и мирские мудрецы, которые насмехались и стремились склонить к против-

³⁰² Ibid. P. 12.

³⁰³ Ранее в тексте фра Джироламо, приводя пример своих «наиболее часто повторяющихся» откровений, заявил: «Эти слова не извлечены из Св. Писания, как полагают некоторые, но снова снизошли с неба». Ibid. P. 11–12.

³⁰⁴ Быт. 4:10. Здесь и далее ссылки на предполагаемые библейские источники цитирования.

³⁰⁵ Пс. 88:33.

³⁰⁶ Пс. 88: 34; 71:13.

³⁰⁷ Иер. 18:15; 2:32.

³⁰⁸ 2 Цар. 22: 38–39.

³⁰⁹ Лев. 26:3.

³¹⁰ Иоил. 1:2; Иез. 38:19; Лев. 26: 24–25; Иез. 7: 25.

ному». После этого «рука обратила меч к земле, и ... полились дождем мечи, с превеликим грохотом обрушились град, камни и огонь; и была на земле война, чума и голод, и огромные лишения». И ангелы, проходя среди народа, давали пить прозрачное вино принявшим белые одежды и кресты, а тем, кто отказался, приходилось пить его осадок, и «казалось, что они хотели бы обратиться к покаянию, но не могли, и зывали: *Для чего забываешь нас, Господи?*³¹¹ ... и претерпевали мучения». Видение завершается предписанием Савонароле «увещевать людей, чтобы они просили Бога, дабы он наслал страх свой на землю и обновил любовь и память о благодеяниях Страстей Сына Божьего ..., и чтобы направил добрых пастырей, которые пасли бы свое стадо, а не самих себя»³¹².

Как уверяет фра Джироламо, тогда же, в «1492 г., проповедуя в Великий пост в Сан Лоренцо, увидел в ночь святой пятницы два креста»: первый, черный крест, возвышался над Римом и на нем было написано «*Крест гнева Божия*», появились тучи, задули ветры и засверкали молнии, разразилась буря, и с неба стали сыпаться «град, огонь и мечи», было «убито множество людей и лишь немногие остались на земле»; после этого стало тихо и светло, явился «другой, превосходящий первый, крест над Иерусалимом, который так сиял, что озарил весь мир, и все вокруг расцвело и возвеселилось; и на нем было написано: *Крест милосердия Божия*», множество «мужчин и женщин со всех концов земли пришли поклониться ему и заключить в свои объятия»³¹³.

Подробное изложение видения Креста и Меча прихожане слышали только в проповеди 13 января 1495 г., – в этом же году был написан «Компендиум откровений», – в своем выступлении перед паствой монах предоставил следующее толкование: ангелы – это проповедники, возвещающие испытания, красный крест – символ бедствий, посланных для исправления Церкви, белые одежды – очищенное сознание, избавленное от всяческих пороков,

³¹¹ Плч. 5: 20.

³¹² Savonarola G. Compendio di rivelazioni ... P. 12–14.

³¹³ Ibid. 22–23.

а чаша с вином – испытания. Те, кто добровольно примет крест и белые одежды (совершат покаяние), легко перенесут наказания и обретут жизнь вечную³¹⁴. Представляется, что в данном случае нет смысла задаваться вопросом о времени появления означенных видений, важно отметить другое: мысль о необходимости индивидуального преобразования (сознания, духа, жизни) и его связи с обновлением Церкви (сообщества верующих, единого христианского тела), постоянно присутствует в проповедях и трудах монаха, начиная с самого раннего периода и до трагического конца реформатора, а эсхатология, – *«Меч Господень на землю скоро и быстро»*, – исключительно инструмент в достижении провозглашенной цели.

Итак, толкование книги Бытия «во время всех Рождественских и Великих постов» 1491 – 1494 гг. прерывалось в 1493 г. великопостными выступлениями Савонаролы в Болонье, а также рождественскими проповедями этого же года на псалом «*Quam bonus*»³¹⁵. Цикл, состоящий из 25 проповедей Адвента 1493 г., в силу своей насыщенности наставлениями доктринального характера, получил неоднозначную оценку среди исследователей. Так Паскуале Виллари, отметив, что помимо проблем реформирования Церкви и общества монах «подробно останавливается на более важных пунктах христианского богословия», желая «представить изложение почти всего своего учения», заявил: «Смело можно сказать, что со стороны богословской эти проповеди являются лучшими из проповедей Савонаролы»³¹⁶. В свою очередь современный итальянский исследователь Франко Кордеро выказал мнение,

³¹⁴ «Я видел меч, который находился над Италией и сотрясался, и видел ангелов, которые пришли и имели красный крест в одной руке, а в другой – множество белых одежд. И эти ангелы давали целовать этот крест всякому, кто хотел, и также протягивали белые одежды. И были некоторые, кто принимал эти белые одежды, и были те, что не желали их; некоторые другие не только не желали их, но побуждали также других, чтобы те не брали их, и делали таким образом, что многие через их уговоры не брали их. После того, как ушли эти ангелы, пришло множество ангелов с чашами в руке, полными до краев хорошим, сладким вином, но на дне их был горчайший осадок. И эти ангелы протягивали чаши всякому; и те, кто добровольно взял одежды, охотно пили вино, которое сверху было сладким, и радовались; другим они давали горький осадок, – тем, кто не взял одежды, – но они не хотели и отворачивались, однако его необходимо было пить. Я видел, что тотчас меч, который сотрясался, обратил острый конец вниз, и стал многих разить. Но те, которые надели белые одежды, мало испытали этих страданий и пили сладкое вино, которое было в чаше. Те, другие, пили насильно горький осадок, и в том наказании просили других, которые имели одежды: Дайте на некоторое время эту одежду, чтобы я не принуждался пить этот горький осадок, – и был им ответ: Не время для этого». Predica III // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 52–53.

³¹⁵ Пс. 72.

³¹⁶ Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 132–133.

что представленная в этих выступлениях «чисто доминиканская ортодоксия» имеет «мало общего с накаленной атмосферой» того времени и «диссонирует с апокалипсическими настроениями 1493 г.», когда «созревают великолепные возможности для апокалипсического возвещения»³¹⁷.

В «Компендиуме откровений» Савонарола вспоминает, что в то время, когда он толковал книгу Бытия, произошло нечто «изумившее людей умных и образованных»: проповедуя, он «никак не мог достигнуть потопа, пока не наступили эти бедствия», а «весь Адвент и весь Великий пост 1494 г. потратил на тайну (*misterio*) сооружения Ноева ковчега, и закончил проповедовать именно в том месте, где Св. Писание гласит: *Cenacula et tristega facies in ea*³¹⁸»³¹⁹. У Бартоломео Черретани также имеется упоминание о начале проповедей по строительству ковчега: «... в 1493 г. он направился в Сан Лоренцо³²⁰ проповедовать и приступил к сооружению ковчега, как это делал в Ветхом завете Ной, и в каждой проповеди строил и соединял доски с чудесными толкованиями, предвещая, что в скором времени наступит потоп, то есть солдаты и предводители, которые захватят города, крепости только своим присутствием (*solo cholla presentia*), и что Италия неизлечимо больна и не имеет лекарства, и что все это сказано от Господа. На означенные проповеди стекалось множество народа и многие достойнейшие люди ...»³²¹.

Другой современник Савонаролы, флорентиец Бенедетто Лускино (*Benedetto Luschino*), в своей поэме «Кедр Ливанский (*Cedrus Libani*)»³²², написанной в 1510 г., вспоминал об этих проповедях: «... Пророк мой, Савонарола / Взошел на амвон с величайшей простотой, / И я внимал его словам ... / Ходите, пока есть свет с вами³²³; / В покаяние, – сказал он, – пусть всякий человек облачится. / И вы, что ... наблюдаете это правление, пребывающее в мире, / Не доверяйте этому спокойствию. / Это славное время скоро прервет-

³¹⁷ Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 273–274.

³¹⁸ Быт. 6:16: устрой в нем нижнее, второе и третье [жилье].

³¹⁹ Savonarola G. Compendio di rivelazioni ... P. 10.

³²⁰ Церковь во Флоренции. См. также: Cordero F. Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 274.

³²¹ Cerretani B. Op. cit. P. 193.

³²² О фра Бенедетто и его поэме см. параграф 5.2 данной работы.

³²³ Ин. 12:35.

ся: / И тебя, Италия, за твои великие прегрешения, / Вскоре постигнут голод, меч и чума. / О, Рим! О, злодейские священники! Из-за тебя, священник, придет эта буря ... / Покайся, это просьба, / Которую посылает тебе Господь через меня, презренного слугу ... / Вскоре ты увидишь низвержение всех тиранов, / И завоеванной всю Италию, / К ее стыду, позору и урону. / Рим, ты будешь вскоре покорен. / Я вижу нисходящий на тебя меч гнева: / Время близко, и дни летят ... / Равнодушный народ, сбрось покров / Ваших внешних церемоний ... / Недостает тех, кто почитает Христа, / Вера в мире, кажется, погасла ... / Следовательно, великое испытание может исцелить тебя ... / Мой Господь желает обновить Церковь / И обратить варваров: / И будет едино стадо и один пастырь. Но прежде Италия должна испытать скорби, / И в ней прольется так много крови, / Что повсеместно сократится число людей. / Флоренция, я пришел проповедовать сюда, / Вдохновленный Богом ... / Твой народ испытает меньше страданий, / Нежели прочие, поскольку ты избрана ... / Ты станешь более богата и более сильна, чем когда-либо ... / Прежде я, истолковывая текст, привел вас в ковчег Ноя, / Вскоре он должен быть заперт: / Войди всякий ... / Скорее, грешник, не мешкай, / Войди в ковчег покаяния, / Прежде чем почувствуешь разливающийся потоп ...»³²⁴. Даже допуская, что в этом сочинении фра Бенедетто, написанном спустя почти полтора десятилетия после означенных событий, произошло смешение различных по времени выступлений Савонаролы, стоит обратить внимание на некоторые детали: к уже отмеченным выше мотивам прибавляется все возрастающее ощущение близящихся испытаний, в которых Флоренция изведает «меньше страданий, нежели прочие», а ее избранность, – если пророк в то время еще не говорил об этом прямо, – уже обнаруживается в том, что в этом городе звучит призыв возвести «ковчег спасения».

Очевидно, в это же время фра Джироламо начинает говорить о «новом Кире». «В 1494 г., проповедуя в Сан Лоренцо, – пишет Плачидо Чиноцци, со-

³²⁴ *Luschino B. (fra Benedetto O.P.). Cedrus Libani ossia Vita di fra Gerolamo Savonarola scritta da Fra Benedetto da Firenze l'anno 1510 / a cura V. Marchese // Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. Firenze: G. P. Vieusseux, 1849. T. VII. Appendice. P. 65–68. Далее – Luschino B. Cedrus Libani ...*

единяя свои воспоминания с «Компендиумом откровений» Савонаролы³²⁵ – он сказал *formaliter* эти слова (поскольку все вокруг пребывало в спокойствии, по большей части над ними насмехались): “Поверьте в то, что я вам говорю, скоро придет некто из-за гор, подобный Киру, для которого Бог будет руководителем и вождем, и никто не сможет ему сопротивляться, и он возьмет города, и крепости, с их богатством и всеми жителями, будут разрушены”. Предвещал флорентийцам в этих самых проповедях: “Когда придет этот, подобный Киру, тогда, Флоренция, ты будешь как пьяная, сильно шататься (колебаться), к кому тебе примкнуть ...”³²⁶.

Таким образом проповеди на ковчег органично сочетались с текстом пророка Исайи о Кире³²⁷: «новый Кир» и есть «потоп» – это орудие Господа (*flagellum Dei, gladius Dei*), призванное покарать народ за его грехи и восстановить истинную Церковь, вернуть людям свободу и установить царство добра и справедливости, способствовать обращению к Богу «варваров» (язычников, неверующих), и, как следствие, наступлению всеобщего мира. По сути, в этих выступлениях Савонаролы воспроизводился типичный миллениаристский топос, – установление идеального правления в конце времен, связанного, в том числе, с приходом царя-избавителя, – берущий начало от ветхозаветных пророков³²⁸ и широко распространенный в Европе XV в., ко-

³²⁵ В «Компендиуме» фра Джироламо сообщает: «Затем я сказал, также просветленный Богом, что из-за гор возможно придет некто, подобный Киру, о котором пишет Исайя ... И я сказал, что Италия не сможет полагаться ни на горные твердыни, ни на крепости, поскольку он возьмет их ... без труда. Я сказал флорентийцам (подразумевая, прежде всего, тех, кто управлял в то время), что они, вероятно, примут противоположное решение, то есть сблизятся с тем, кто потерпит неудачу; я сказал, что они будут подобны пьяным, которые теряют всяческое благоразумие. Этому они не поверили ...». *Savonarola G. Compendio di rivelazioni ...* P. 14–15.

³²⁶ *Cinozzi P. Epistola ...* P. 17.

³²⁷ Ис. 44:28;45: 1–6: Который говорит о Кире: пастырь Мой, и он исполнит всю волю Мою и скажет Иерусалиму: «ты будешь построен!» и храму: «ты будешь основан!» Так говорит Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду пред тобою и горы уравнию, медные двери сокрушу и запоры железные сломаю; и отдам тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы ты познал, что Я Господь, называющий тебя по имени, Бог Израилев. Ради Иакова, раба Моего, и Израиля, избранного Моего, Я назвал тебя по имени, почтил тебя, хотя ты не знал Меня. Я Господь, и нет иного; нет Бога кроме Меня; Я препоясал тебя, хотя ты не знал Меня, дабы узнали от восхода солнца и от запада, что нет кроме Меня; Я Господь, и нет иного.

³²⁸ Помимо Исайи см., например, пророка Захарию: Ликуй от радости, дочь Сиона, торжествуй, дочь Иерусалима: се Царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий, кроткий, сидящий на ослице и на молодом осле, сыне подъяремной. Тогда истреблю колесницы у Ефрема и коней в Иерусалиме, и сокрушен будет бранный лук; и Он возвестит мир народам, и владычество Его будет от моря до моря и от реки до концов земли. Зах. 9: 9–10.

гда «во всей полноте» проявили себя политические пророчества, в том числе послужившие оправданием Итальянских войн³²⁹. Так, в означенное время имела хождение легенда о приходе второго Карла Великого, который покорит Италию, восстановит истинную религию в Риме, а затем отвоюет Святую землю и объединит всех верующих в одну овчарню во главе с истинным пастырем. Особую популярность она обрела при французском дворе, где идеи относительно итальянской экспедиции по возвращению Анжуйского наследства и мечты молодого Карла VIII о славе и власти стали благодатной почвой для всевозможных апокалипсических прорицаний: короля воодушевлял калабрийский монах-еремит Франческо ди Паола³³⁰; придворный врач Жан Мишель³³¹ сообщил о своем видении, в котором правитель предстает в качестве божественного посланца, призванного завоевать мир; Жан Гилльош из Бордо³³² связывал с ним создание универсальной монархии³³³.

³²⁹ *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы / пер. с фр. А.И. Поповой. Санкт-Петербург: «Александрия», 2008. С. 267–268.

³³⁰ Св. Франциск из Паолы (1416–1507) – ерemit, основатель соответствующего ордена (который в 1493 г. стал называться *Ordo minorum fratrum heremitarum fratris Francisci de Paula*; а с 1501 г. – *Fratres minimi fratris Francisci de Paula*); в 1483 г. прибыл во Францию по приглашению короля Людовика XI; его святость и мудрые наставления также ценились преемником Людовика – Карлом VIII. См.: *Giordano S.* Francesco di Paola, santo // *Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1997. Vol. 49: Forino-Francesco da Serino. [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-di-paola-santo_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 01.03.2018).

³³¹ Колетт Бон (Beaune) указала, что большинство пророчеств того времени о новом Карле Великом следуют единой, классической схеме: король приходит к власти в 13 лет, усмиряет мятежников; направляется в Италию, разрушает Флоренцию и Рим, обретает свою вторую корону; затем, переплыв море, завоевывает Константинополь и Иерусалим, где и оканчивает свои дни; после этого наступает тысячелетнее царство мира и радости, предшествующее концу времен. Автор публикации обращается к теме источников, структуры и содержания текста Жана Мишеля. Исследовательница полагает, что сочинение было написано весной 1494 г. и быстро распространилось между апрелем 1494 г. и декабрем 1495 г., при этом «география мест издания следует за ходом королевской армии». По мнению К. Бон провидец вдохновлялся Ветхим Заветом, а также был знаком с проповедями Савонаролы. См.: *Beaune C.* Visionnaire ou politique? Jean Michel, serviteur de Charles VIII // *Journal des savants*. 1987. № 1–2. P. 66, 69, 75–76.

³³² Jean Guilloche (de Bordeaux). В своем стихотворном произведении Гилльош предсказывал, что Карл VIII совершит «великие битвы», покорит Италию, захватит Рим и коронуется здесь, разрушит «город греха» Флоренцию, переплывет море, вступит в Грецию и станет именоваться ее королем, отвоюет Иерусалим и взойдет на Масличную гору. *La Prophécie du roy Charles VIII*, par Maître Guilloche Bourdelois. Publiée pour la première fois, d'après le ms. unique de la Bibliothèque impériale, par le Marquis de La Grange. Paris: Académie des bibliophiles, 1869. P. 5–8. Де Ла Гранж, опубликовавший в 1869 г. сочинение Жана Гилльоша, выказал предположение, что оно было завершено к началу июня 1494 г., и что возможно Гилльош слышал проповеди Савонаролы. *De La Grange E.* Introduction // *Ibid.* P. XIX, XXI–XXII.

³³³ См. также: *Delaborde H.F.* L'expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire. Paris: Firmin-Didot, 1888. P. 314–317; *Vasoli C.* A proposito delle tradizioni profetiche e millenaristiche nella storia religiosa italiana tra la fine del Quattrocento e gli inizi del Cinquecento // *Vasoli C.* Civitas mundi: studi sulla cultura del Cinquecento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1996. P. 26–27; *Weinstein. D.* Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance. Princeton, 1970. P. 112–114; *Cordero F.* Savonarola. Vol. 1. Voce calamitosa ... P. 269.

Видимо, во время великопостных проповедей монаха о готовящейся экспедиции Карла говорили все. Так, например, Франческо Гвиччардини в своей «Истории Флоренции», касаясь событий 1493 г. – начала 1494 г., сообщает, что «поскольку король был молод, горяч и хотел пуститься это предприятие, вызывавшее при дворе большое сочувствие ..., дело закипело, и слух о нем распространился по Италии»; что «так как король намеревался во что бы то ни стало совершить поход в Италию, и он и его двор говорили об этом открыто»; что «с каждым днем все больше распространялся и подтверждался слух о походе французского короля в Италию», даже когда «французы уже не говорили, что желают выступить в поход, хотя готовились совершить его в ближайшее время»; что после смерти Фердинанда I Неаполитанского (январь 1494 г.) Франция «бурлила все сильнее»³³⁴. Сам Савонарола в проповеди 13 января 1495 г. напоминал слушателям, что в течение года в Италии распространялась молва «об этом короле Франции», и «слух пролетал как ветер и колебал горы, то есть государей Италии, и этот год они пребывали в смятении – верить или не верить, что этот король должен прийти ...», «ты говорил: он не придет, у него нет всадников, сейчас зима, а я смеялся над тобой, ибо знал, что это должно было случиться»³³⁵.

Отсюда приведенное выше утверждение Чинопци о том, что фра Джироламо предсказал приход «Кира», когда «все вокруг пребывало в спокойствии», должно вызвать недоумение. Можно было бы предположить, – как это сделал, например, К. Леонарди, – что уже в Рождественский пост 1492 г. доминиканец предрекал приход «нового Кира», основанием чего является ретроспективное свидетельство самого Савонаролы в «Компендиуме откровений»³³⁶. Однако иных доказательств этого утверждения нет: в сохранившихся выступлениях монаха до 1494 г., – как выяснил Д. Вайнштейн, – не обнару-

³³⁴ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 87–88.

³³⁵ Predica III // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 55.

³³⁶ В тексте «Компендиума» монах, сразу после изложения видения о «Мече Господнем», которое относится к Адвенту 1492 г., сообщает о том, что возвестил о возможности появления нового Кира. Savonarola G. Compendio di rivelazioni ... P. 14.

живается упоминания о подобном пророчестве³³⁷. Как представляется, уточнение года появления означенного выражения в лексике брата Джироламо необходимо в том случае, если бы с ним было связано некое новое утверждение, выделяющее брата из общего числа предсказателей конца XV в. Но, как показано выше, пророчество монаха о «новом Кире» в целом вписывается в общую картину миллениаристских ожиданий той эпохи. Скорее всего, интерес должен быть проявлен к тому, как со временем меняется, а точнее – пополняется, набор аллегорий, которыми оперирует доминиканец.

Здесь стоит вновь обратиться к проповеди 13 января 1495 г., которую Савонарола посвящает «повторению всего того, что нами было сказано ... в прошлые годы относительно преобразования Церкви». В ней брат напоминает прихожанам: «три года назад ... я тебе говорил, что придет *ветер* ... этот ветер сотрясет горы»; «уже прошло три года, как ... я проповедовал ..., что гнев Божий пробудился, и *меч* уже приготовлен и скоро»; «три года назад я приступил к чтению книги Бытия», а «прошлый Великий пост я начал с “*по-топа*” и приступил к постройке “ковчега”»³³⁸. Появление же «*Нового Кира*» в этом наборе иносказаний, связанных с грядущими божественными испытаниями, – даже при наличии аллюзии на Карла VIII, по крайней мере неизбежной в сознании паствы, – выглядит скорее не как попытка конкретизации пророчества, а как проявление осторожности в политических вопросах (более того, желание занять, насколько это возможно, отстраненную позицию) и стремление оставить свободу маневра в зависимости от изменяющейся действительности.

Итак, за время прошедшее с первого появления в городе на Арно, Савонарола совершенствуется в искусстве проповеди: к глубокой интеллектуальной составляющей выступлений, что соответствовало традициям доминиканского ордена, присоединяются широко распространенные в то время апокалипсические мотивы, сопровождающиеся порицанием пороков современ-

³³⁷ Leonardi C. Op. cit. P. 9; Weinstein. D. Op. cit. P. 129.

³³⁸ Predica III // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 37, 55, 56–57.

ного общества и призывом к покаянию и нравственному исправлению. В целом, что касается содержания, монах воспроизводит модель проповедования, широко распространенную в то время. Стилль же проповедей принципиально отличается от того, к которому привыкла искушенная флорентийская паства – изящной риторике современных популярных проповедников, построенной на обращении к античным авторитетам, монах противопоставляет «простоту», связанную с толкованием исключительно Св. Писания.

Доминиканца в большей степени занимают вопросы возрождения истинной веры и культивирования внутреннего благочестия, свидетельством чего является реформа монашеской жизни в Сан Марко и во вновь образованной Тосканской конгрегации; этим, возможно, также объясняется не совсем логичное с точки зрения Ф. Кордеро появление цикла проповедей на псалом «*Quam bonus*» в Адвент 1493 г. Соответственно, можно выразить свое согласие с теми историками, которые полагают, что «между 1491 г. и 1493 г. Савонарола не был еще человеком политики, по крайней мере, на сознательном уровне»³³⁹. Социальная критика, скорее всего, была связана с главной целью – требованием духовного обновления, и носила довольно общий характер. В противном случае, – если бы высказывания и действия фра Джироламо угрожали общественному миру и спокойствию, – его постигла бы участь тех проповедников (например, Бернардино да Фельтре), которые были вынуждены по настоянию городского правительства покинуть пределы Флоренции, чего не произошло с доминиканским монахом, ни при Лоренцо Медичи, ни при его сыне Пьеро. Во взаимоотношениях Лоренцо Великолепного с приором Сан Марко, очевидно, существовала определенная граница допустимых действий и высказываний, которую каждый из них старался не преступать. Таким образом, умеренная позиция в социальных и политических вопросах позволила Савонароле сохранить свое присутствие во Флоренции до начала событий ноября 1494 г.

³³⁹ *Martines L. Op. cit. 30–31.*

Представляется, что аналогичная ситуация складывается и с высказываниями фра Джироламо пророческого характера: они не выходят за рамки общей апокалипсической картины, воспроизводимой в выступлениях других проповедников; весть о божественном наказании относится к Италии и обществу христиан в целом, а не исключительно к городу на Арно, – как это, например, делал после смерти Лоренцо в апреле 1492 г. францисканский проповедник Доменико да Понцо, смущавший флорентийцев заявлениями, «что если они не исправятся, то породят ужасную смуту в городе, и в скором времени кровь побежит по улицам», а после угрозы высылки со стороны правительства, вынужденный замолчать³⁴⁰, – и основаны на толковании текстов и аллегорий Св. Писания, даже тогда, когда проповедник, по его словам, приступает к возвещению вещей, обретенных непосредственно от Бога. Если верить свидетельству самого фра Джироламо, изложенному в «Компендиуме откровений», осознание себя в качестве медиатора между Господом и людьми, носителя слова Божьего возникает у монаха уже в начале 90-х годов. Однако, как представляется, между этим осознанием и репрезентацией своей пророческой индивидуальности существовал разрыв во времени, последнее с большей уверенностью можно отнести к периоду, последовавшему за событиями 1494 г.

³⁴⁰ Parenti P. Op. cit. P. 27–28.

Глава 2. «Христианская полития» и проблемы ее реального воплощения

2.1. Флорентийский пророк и город Христа

Перипетии конца 1494 г. обусловили трансформацию Савонаролы – проповедника миллениаристского типа в собственно пророка, точнее – пророка флорентийского. Здесь необходимо внести некоторую ясность. В одной из своих статей Клаудио Леонарди отметил, что в эпоху Средневековья «рефлексия относительно феномена пророчества... была редкой и спорадической вплоть до времени схоластики», именно в тогда она обрела свою «интеллектуальную полноту», в том числе в трудах Фомы Аквинского. Аквинат, – как и чрезвычайно почитавший этого богослова Савонарола, – понимал пророчество как дар Господа, причастность человека к божественному свету, обладание которым связано не столько с постижением грядущего, сколько с познанием Бога, поскольку пророчество представляет исторические события в контексте божественного управления; таким образом функция пророчества – направлять людей к их истинной цели, Богу³⁴¹. Другой итальянский исследователь – Паоло Проди также критически отнесся к попыткам осмысления Савонаролы, основанным исключительно на его миллениаризме, заявляя, что «предсказание будущих событий не имеет ничего общего с пророчеством», и что «пророк не тот, кто объявляет будущее, но тот, кто обличает настоящее», а «обличать настоящее означает сравнивать реальность с вечным словом»³⁴². Таким образом пророк – не предсказатель, он скорее обличитель пороков современного ему общества, призывающий людей привести свою жизнь в со-

³⁴¹ *Leonardi C.* Op. cit. P. 15–17.

³⁴² *Prodi P.* Profezia vs utopia. Bologna, 2013. P. 26, 108, 112.

ответствие с божественными установлениями. Ветхозаветные пророки, служившие образцом для доминиканца, не только призывали к духовному и нравственному исправлению, но и играли важную роль в общественной и политической сфере. Таким образом соединение пророческой деятельности монаха с участием в политической жизни города на Арно представляется вполне логичным воплощением изложенной выше модели³⁴³. К тому же, этому способствовал объективный ход событий.

Для Флорентийской республики настало время «испытаний». Казалось, сбывается то, о чем ранее предвещал доминиканский проповедник. Весть о потопе превращается в реальность с началом Итальянских войн (1494 – 1559 гг.): летом 1494 г. на Апеннинский полуостров вступили французские войска под руководством Карла VIII. Предлогом для вторжения послужило так называемое «Анжуйское наследство»: со второй половины XIII в. Неаполитанское королевство принадлежало Анжуйской династии, а в 1442 г. перешло к Арагонскому дому, смерть в январе 1494 г. Фердинанда I позволила французскому королю предъявить претензии на престол в Неаполе.

Практически все авторы – современники событий, отмечают стремительный характер продвижения французских войск по территории Италии: Карл VIII, «не встречая никакого сопротивления, ... захватывал каждый день столько земель, сколько успевал пройти»³⁴⁴, овладевая городами и местностями «без сопротивления, чудесным образом», «не вытащив шпаги из ножен»³⁴⁵. Согласно Ф. Гвиччардини, французы поразили население полуострова новыми методами ведения войны: если конфликты между итальянскими государствами «были затяжными», войска «медлительны», «осада одной крепости занимала целое лето», «в сражениях было мало или почти не было убитых», многое решала дипломатия, то французы «вели войны быстрые и беспощадные... штурм городов был теперь молниеносным и занимал не ме-

³⁴³ См.: Тельменко Е. П. По воле Господа через меня ты будешь посвящен в его тайны и в грядущие вещи» (рефлексия Савонаролы о природе и роли пророчеств) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: КомКнига, 2005. Вып. 14. С. 243–264.

³⁴⁴ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 106.

³⁴⁵ Filiperi S. Op. cit. P. 462–463.

сяцы, а дни и часы, сражения стали крайне жестокими и кровавыми», судьба государств решалась «не в канцеляриях, ... а с оружием в руках прямо на полях сражений»³⁴⁶. Успешному продвижению войск Карла VIII способствовало и то обстоятельство, что он не встретил сопротивления итальянских государств, не пожелавших сплотиться для отпора иностранцам. Так Ф. Гвиччардини сетовал, что в это время «единство Италии исчезло и ни одно государство не заботилось больше об общей ее судьбе»³⁴⁷.

Сын Лоренцо Великолепного – Пьеро Медичи занял весьма неудачную позицию в отношении французов: Флоренция, имевшая давние политические и экономические связи с Францией, идет на союз с Неаполем. Современники событий отмечают, что неоднократные миссии и послания, направлявшиеся французским королем с целью «склонить к дружбе», игнорировались правительством Пьеро³⁴⁸. Отказ Медичи сотрудничать с французами, породил массу слухов о том, что король Франции поклялся отдать город на разграбление своим солдатам³⁴⁹. Если антифранцузская политика Пьеро противоречила интересам флорентийцев, помимо прочего терявшим богатые рынки Франции и лишившимся рабочих мест³⁵⁰, то его капитуляция еще более уязвляла город на Арно: Медичи сдал пограничные крепости Сарцано, Сарцанелло и Пьетрасанту, а также жизненно важные порты Пизу и Ливорно и пообещал заплатить контрибуцию в 200 тысяч дукатов.

Современник событий, флорентийский горожанин С. Филиппеи, говоря, – в связи со сдачей этих крепостей, – о посольстве Пьеро к Карлу VIII, заметил: «Пьеро Медичи был там ... с большой свитой молодых друзей и верных ему людей, он очень угождал в присутствии короля и был обласкан

³⁴⁶ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 90–91.

³⁴⁷ Там же. С. 90.

³⁴⁸ Cerretani B. Op. cit. P. 187–188; Landucci L. Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. Firenze: Sansoni, 1883. P. 69–70; Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 89, 90.

³⁴⁹ См.: Filipepi S. Op. cit. P. 457; Landucci L. Op. cit. P. 69–70.

³⁵⁰ Ф. Гвиччардини сообщает, что после очередного отказа Флоренции предоставить французам свободный проход через земли республики король «изгнал из своего королевства всех наших купцов». См.: Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 90.

им и осчастливленным вернулся во Флоренцию»³⁵¹. Другой флорентиец – Л. Ландуччи в своем «Дневнике» также характеризует Пьеро как неумелого политика: «Он поступил как мальчишка, но, в конце концов, остался другом короля»³⁵². Очевидно, сам Пьеро расценивал свой последний политический шаг как успех, сполна компенсирующий прежние просчеты в отношении французов и гарантирующий спасение Флоренции от обещанного Карлом VIII разорения³⁵³. По крайней мере, Медичи пытался укрепить себя и уверить горожан в подобной точке зрения, иначе как объяснить тот факт, что по своему приезду 8 ноября 1494 г. в город он, в знак принесенной им радости, приказал сыпать сладости и раздавать вино народу³⁵⁴.

На следующий день после прибытия во Флоренцию, 9 ноября, Пьеро, собрав лояльные ему отряды, направляется в Палаццо Синьории. В то время как вооруженного Медичи не пускают в здание, на площади перед ним начинает собираться народ во главе со своими гонфалоньерами, со всех сторон слышится крик «*popolo e liberta*» («народ и свобода»); испуганный Пьеро, с частью своих сторонников, бежит из города³⁵⁵. Свержение Пьеро Медичи, стало следствием, во-первых, непродуманной внутренней политики. Как, например, отмечает Бартоломео Черретани в своей «Флорентийской истории», – и его мнение совпадает с точкой зрения Ф. Гвиччардини³⁵⁶, – «обретение положения Пьеро после смерти отца на фоне всеобщего единения было знаком стабильности при общем спокойствии», однако наследник Лоренцо Медичи «не стремился следовать отцовским обычаям и предостережениям, и

³⁵¹ *Filipepi S.* Op. cit. P. 455.

³⁵² *Landucci L.* Op. cit. P. 71.

³⁵³ В сочинениях современников встречается суждение, что Пьеро здесь пытался подражать, «совершенно в других обстоятельствах и весьма некстати», «примеру отца, вспомнив его поездку в Неаполь». См.: *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 92, 73; см. также *Nardi I.* *Istorie della città di Firenze* / pubblicate per cura di Agenore Gelli. Vol. 1. Firenze, 1858. P. 26. Речь идет о событиях, развернувшихся после подавления заговора Пацци (1478 г.), когда папа Сикст IV наложил на Флоренцию интердикт и открыл против нее военные действия в союзе с Неаполитанским королевством. Лоренцо Медичи, выказав готовность рискнуть жизнью и свободой ради республики, в декабре 1479 г. без ведома Синьории отбыл в Неаполь, где ему удалось заручиться поддержкой короля, пообещавшего заключить мир (1480 г.). Подробное описание означенных событий имеется у Н. Макиавелли: *Макьявелли Н.* История Флоренции / пер. Н.Я. Рыковой. Москва: Наука, 1987. С. 318–330.

³⁵⁴ *Landucci L.* Op. cit. P. 73; *Filipepi S.* Op. cit. P. 455.

³⁵⁵ См.: *Landucci L.* Op. cit. P. 73–76; *Filipepi S.* Op. cit. P. 455–456; *Nardi I.* Op. cit. P. 31–36; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 93–95.

³⁵⁶ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 83–85.

не держался старых друзей отца, обращаясь к новым – молодым и малоопытным, демонстрируя невеликое уважение к старым (друзьям правления – Е.Т.), но вверяя дела в руки молодых и незнатных (*ingnobilis*); это постоянно вызывало недовольство и серьезное, что было причиной того, что постоянные и ежедневные ошибки увеличились до такой степени, что его друзья потеряли надежду и ожидали увидеть ухудшение положения»³⁵⁷. Во-вторых, как уже было сказано, его внешняя политика была крайне неудачна. Собственно, об этих причинах падения дома Медичи говорит в своей «Истории Флоренции» и Ф. Гвиччардини: «Это произошло только потому, что против Пьеро всех настроили его собственные свойства и поведение, наглость его приближенных и особенно то, что он накликал на своих сограждан жесточайшую невыносимую войну и без всякой нужды и причины отдал на разграбление и разорение свое государство»³⁵⁸.

В то время как Пьеро Медичи окончательно настраивает против себя флорентийцев, Савонарола участвует в посольских миссиях к Карлу VIII, что является знаком растущего к нему доверия. В напряженные дни ноября 1494 г. доминиканец неоднократно встречался с французским правителем: в составе посольства, отправленного горожанами 5 ноября³⁵⁹; затем, согласно Р. Ридольфи, 17 ноября, когда французы вошли во Флоренцию; 21 ноября, когда обсуждались условия соглашения между королем и республикой; и, наконец, после подписания договора 25 ноября, когда Карл не торопился покинуть город³⁶⁰. О том, что участие в политических делах республики усиливает авторитет проповедника, свидетельствует распространяющееся, вероятно среди значительного числа горожан, мнение, что уход французов 28 ноября – в значительной степени заслуга Савонаролы. Прибыв к королю, – как отмечает в своей Хронике флорентийский горожанин Симоне Филиппи, – Савонарола произнес «с великим порывом духа большую речь от имени Бога, заключив ее тем, что король должен уйти из Флоренции и оставить ее такой,

³⁵⁷ *Cerretani B.* Op. cit. P. 186.

³⁵⁸ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 95.

³⁵⁹ *Landucci L.* Op. cit. P. 72; *Filipepi S.* Op. cit. P. 455. *Parenti P.* Op. cit. P. 117–119.

³⁶⁰ *Ridolfi R.* Vita di Girolamo Savonarola. Firenze, 1974. P. 70–74.

какой она была, когда он в нее вошел». Король отвечал, что должен посоветоваться, тогда монах снял распятие с груди и произнес: «Это Христос, распятый грешниками, послал тебя». «В это самое мгновение, – передает С. Филиппи, – как было угодно Богу, король весь переменялся в душе, и без всяких слов вскочил на лошадь, и с 4 или 6 своими баронами помчался по Римской дороге», остальные французы последовали за ним³⁶¹. «И говорили, – сообщает другой горожанин Лука Ландуччи, – что брат Джироламо из Феррары, славный наш проповедник, пошел к королю и сказал ему, чтобы он исполнил волю Бога, хватит стоять, нужно идти дальше. И затем говорили, что он пошел к нему во второй раз, когда увидел, что король не уходит, и сказал ему, что если он не выполнит волю Бога, то зло, которое он тем самым причинит другим, к нему же и вернется. Именно это, является причиной того, что он уехал так быстро, ибо брат Джироламо пользовался в то время огромным авторитетом у людей как предсказатель и человек святой жизни и во Флоренции, и во всей Италии»³⁶². Пьеро ди Марко Паренти в своей «Флорентийской истории» также указывает, что «брат Иероним достойно трудился ради нашей свободы», и его «увещевания вместе с отвагой флорентийского народа, готового умереть за сохранение собственной свободы»³⁶³, привели к избавлению горожан от «огромного зла»³⁶⁴.

В своих обращениях к французскому королю, а также выступлениях перед паствой, Савонарола совмещает бытующее в то время пророчество о втором Карле Великом (новом Кире) с идеей особого покровительства, оказываемого Богом Флоренции, что позволяет ему с еще большим рвением обратиться к теме покаяния, личного и коллективного духовного преобразования. В проповеди 30 ноября 1494 г., после ухода французских войск, монах напоминает своим слушателям о «потопе» и строительстве ковчега: «Воз-

³⁶¹ *Filipepi S. Op. cit. P. 458.*

³⁶² *Landucci L. Op. cit. P. 87–88.*

³⁶³ В трудах современников сообщается о страхе, который охватил в то время не только горожан, опасавшихся обещанного разграбления Флоренции и возвращения Пьеро Медичи, но и чужеземцев, поскольку граждане вооружались и укрепляли дома, всячески демонстрируя готовность выйти по первому сигналу колокола на защиту свободы. Например, см.: *Landucci L. Op. cit. P.81–87; Parenti P. Op. cit. P. 145–146; Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 98–99.*

³⁶⁴ *Parenti P. Op. cit. P. 147.*

любленные мои, помните, в прошлом году, – во время Рождественского и Великого постов, – мы говорили о ковчеге, и не могли его завершить, будучи отвлечены множеством других занятий. Но недавно мы его окончили³⁶⁵, прежде чем сюда пришли войска и начались ваши испытания. ... те, кто в нашей жизни, в этом мире, живут по Богу, находятся в ковчеге»³⁶⁶. Избавление Флоренции от французской опасности есть знак расположения Бога к городу, жители которого взойшли на ковчег, то есть стали на путь обновления христианской жизни. «Мы пребывали в величайшей опасности и по благодати Бога сейчас избежали испытаний», – заявляет монах и продолжает свою мысль наставлениями о том, что горожанам следует признать и осознать это благодеяние Бога, возблагодарить его и перемениться самим, то есть быть простыми, отказавшись от излишеств, вести праведную жизнь и творить добро в отношении ближнего³⁶⁷. «Таким образом, – слышит паства 7 декабря, – говорю тебе, Флоренция: обнови свой разум, который ты, кажется, утратила, прибегай к Богу во всех твоих делах, и не бойся, ни войск, ни Кира, который идет против Вавилона и Иерусалима, то есть против Церкви, чтобы разрушить то, что плохо построено, и затем обновить»³⁶⁸.

Тема избранности Флоренции появляется и в связи с антимедицейским переворотом 9 ноября 1494 г. То обстоятельство, что он произошел без пролития крови трактуется Савонаролой как проявление божественной помощи и милости к городу, который к тому времени уже стал отвечать постом и покаянием на призыв Господа к исправлению. «Поверь мне, Флоренция, что должно было пролиться много крови во время твоей революции. Но Бог отчасти смягчился... и все это по милосердию Божию»³⁶⁹. Вероятнее всего, подобное мнение, не без усилий проповедника, распространяется и укореняется среди граждан. Пьеро Паренти – участник событий, в своем сочинении довольно хорошо отражающий изменения настроений в городе, пишет: «Я не

³⁶⁵ Савонарола запирает ковчег в проповеди 16 ноября, накануне вступления Карла VIII во Флоренцию. См.: См.: Predica V // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 77–90.

³⁶⁶ Predica VII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 106.

³⁶⁷ Ibid. P. 105–122.

³⁶⁸ Predica VIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 129.

³⁶⁹ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 74.

ведаю, какое чудо больше: когда во время восстановления нашей свободы, на Площади собрался весь вооруженный народ, и только один, подлец, кричавший «шары»³⁷⁰, умер; или, когда затем, в этом беспорядке (постой французских войск – Е.Т.), погибло не более десяти человек» (автор уточняет – «среди итальянцев и французов»); и продолжая мысль, заключает: «За обретенное благодеяние следует возблагодарить всемогущего Господа, который предоставил нам подобный дар не за наши заслуги, но по своей милости и доброте»³⁷¹.

После изгнания Медичи, город на Арно сталкивается с другого рода проблемами, в сущности также касающимися сохранения свободы, теперь уже внутренней, связанной, во-первых, с установлением социального мира и единства, а во-вторых – с необходимостью политической реформы, которая гарантировала бы стабильность в государстве одновременно с укреплением республиканских основ правления. Переворот неизбежно накалил внутриполитическую обстановку во Флоренции: претерпевшие от медичейского режима жаждали мести, а проигравшая сторона – сторонники Медичи – пребывала в ожидании обычно практиковавшихся в подобном случае преследований, конфискаций имущества и ссылок. Ф. Гвиччардини описывает ситуацию в городе следующим образом: «После изгнания Пьеро решением Синьории были возвращены граждане, высланные и изгнанные государством с 1434 и по девятое ноября 1494 года, и хотя это было с радостью встречено всеми, однако опасность, нависшая над городом, отравила веселье граждан. И действительно, я думаю, что уже давным-давно Флоренция не была в столь тяжелом положении: ... прежний образ правления стал непригодным, и немалый страх обуял всех тех, кто имел влияние во времена Лоренцо и Пьеро, всех тех, кто сам или чьи предки когда-либо обидели изгнанников или их предков; всех тех, кто владел имуществом объявленных прежде вне закона ...»³⁷². «Отсюда появилась новая забота у народа, – сообщает Якопо Нарди, –

³⁷⁰ Сторонник Медичи, так как «шары» изображены на их гербе.

³⁷¹ Parenti P. Op. cit. P. 144–145.

³⁷² Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 96.

так как в каждом поселился страх, и особенно в тех, кто принадлежал к старому правлению, а еще больше – в тех, кто был причастен к восстановлению свободы, и те, и другие желали оградить себя от вышеназванной опасности»³⁷³.

Авторитет Савонаролы и его проповеди способствовали снижению накала страстей и, как следствие, отсутствию массовых преследований медичейцев. В выступлениях, последовавших за переворотом, монах удачно сочетает мысль об исполнении его пророчеств о грядущем наказании с темой особого отношения Бога к городу. «Я неоднократно говорил тебе в прошлом, Флоренция, что хотя Бог уготовил для всех великие бедствия, тем не менее, с другой стороны, Господь любит тебя и желает тебе добра, и поэтому можно сказать, что на тебе исполнились слова: *Misericordia et veritas obviaverunt sibi*³⁷⁴, то есть милосердие и справедливость встретились во Флоренции. С одной стороны, пришло бедствие, а навстречу, с другой стороны – милосердие ... Бог хотел проявить в отношении тебя справедливость и одновременно милосердие и спасти тебя»³⁷⁵. Господь справедлив и вместе с тем милосерд, его милосердие превосходит справедливость. Таким же образом должны поступать горожане, не прикрывая демагогическими рассуждениями о справедливости акты личной мести. «Некоторые, – заявляет проповедник, – говорят, что желают вершить правосудие из Божественного рвения, и, однако большей частью ими движет ненависть и месть»³⁷⁶. Таким образом монах принял на себя трудную, но небезуспешную функцию миротворца.

Разумеется, без жертв не обошлось. 12 декабря, «после избрания магистратов, чтобы удовлетворить народ, на окнах Барджелло был повешен Антонио ди Бернардо, понимавший в делах Монте (банк Флоренции) и других финансовых делах», которому инкриминировали «гордость и жестокость по отношению к бедным»³⁷⁷; та же участь угрожала Джованни ди сер Бартоло-

³⁷³ Nardi I. Op. cit. P. 47.

³⁷⁴ Пс. 84: 11: Милость и истина сретятся.

³⁷⁵ Predica VIII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 133–134.

³⁷⁶ Predica VI // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 102.

³⁷⁷ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 101. См. также: Landucci L. Op. cit. P. 91; Parenti P. Op. cit. P. 152.

мео да Пратовеккьо, – стоявшему «во главе отдела приказов коммуны», человеку «неродовитому, возбуждавшему всеобщую ненависть»³⁷⁸, – но, как указывает Ф. Гвиччардини, «его спас фра Джироламо, провозгласив с амвона, что настало время не правосудия, а милосердия»³⁷⁹. Действительно, в проповеди 13 декабря Савонарола, упоминая это событие («ты была жестокой и пролила кровь»), вновь призывает Флоренцию вернуться «на путь Божий» и быть «сострадательной и милосердной, а не жестокой»³⁸⁰.

Провозглашение необходимости милосердия как великодушия к политическим противникам в итоге перерастает в настойчивый призыв проповедника произвести амнистию и установить «всеобщий мир», как основу общественного единства и процветания. Жителям Флоренции следует преодолеть ненависть и партийную принадлежность, заключить мир и стать «другом Бога», который «сохранит твой город», отсутствие же мира будет «твоей гибелью»³⁸¹. Через некоторое время, во многом благодаря поддержке доминиканца, правительство республики примет «Закон о всеобщем мире и праве на апелляцию “шести бобов”»³⁸².

В обращениях к пастве ноября – декабря 1494 г. четко прослеживаются основные компоненты пророчества: пророк – уста Господа, он несет слово Божье; призыв к покаянию и исправлению образа жизни; упование на милосердие Всевышнего для тех, кто раскается и встанет на путь преобразования, в противном случае – угроза божественного правосудия³⁸³. Так, в проповеди

³⁷⁸ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 101. Пьеро Паренти, выражая общее мнение граждан Флоренции, замечает, что смерть сера Джованни была бы заслуженной, ибо был он «человек неприличный и зловредный (homo scandaloso e pernizioso)», «постоянно содействовал и помогал грандам, и ни о чем другом не думал, как об уменьшении власти народа», «был автором, изобретателем и исполнителем всех мошенничеств в отношении народа». См.: Parenti P. Op. cit. P. 158.

³⁷⁹ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 101. Примечательно, что оба автора, – и Ф. Гвиччардини, и Пьеро Паренти, – высоко оценивают заслуги Савонаролы в качестве миротворца, однако в случае с этим горожанином, указывают на личный (и даже корыстный) интерес доминиканского брата. Так, Гвиччардини сообщает, что сер Джованни «кстати, был его (Савонаролы – Е.Т.) другом», а Паренти замечает, что «поскольку он внес довольно много милостыни в монастырь брата Иеронима, тот определил, что было бы хорошо не лишать его жизни, и постоянно так увещевал». Возможно, подобные мнения (слухи) относительно монаха распространились в городе в то время. См.: Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 103; Parenti P. Op. cit. P. 159.

³⁸⁰ Predica XII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 208.

³⁸¹ Predica XIV // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 246.

³⁸² 18 марта 1495 г. закон был одобрен в Совете восьмидесяти, 19 марта принят в Большом совете.

³⁸³ Turchetti M. Savonarola: la tirannide secondo un profeta // Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. P. 24–26.

1 ноября 1494 г. брат указывает, что его слова есть результат божественного вдохновения, причем здесь отчетливо видно, что Савонарола мыслит себя собственно флорентийским пророком, этот дар дан ему ради избранного Богом города: «О, Флоренция, Господь вещал тебе различными способами; и если бы Бог не просветил меня, не была бы просвещена ты посредством многочисленных проповедей»³⁸⁴. Эта самоидентификация, а точнее – самоверификация, проходит красной нитью практически через большую часть последующих проповедей фра Джироламо. Далее, все выступление монаха в этот день всех святых пронизано призывом к покаянию, обновлению Церкви, духовной жизни и морали «христианского народа»; и, наконец, выражением упования на то, что «Господь окажет вам (покаявшимся – Е.Т.) милосердие», а колеблющихся ждет наказание³⁸⁵. В проповеди 15 декабря 1494 г. присутствует место, где эти три элемента пророчества выражены в концентрированном виде. Савонарола подтверждает свою пророческую миссию ссылкой на пророка Амоса: «*Ибо Господь Бог ничего не делает, не открыв Своей тайны рабам Своим, пророкам*»³⁸⁶; говорит, что и в настоящее время, желая обновить Церковь, Бог заранее возвестил об этом, теперь же ему угодно «чтобы ты обновил свой город и государство, и чтобы твой город стал городом Бога, а уже не городом Флоренция»; и, заканчивает этот пассаж характерным для пророков «*imprecatio*»³⁸⁷: «тем более ты должен поверить, что я обещаю тебе всяческое благо»³⁸⁸.

Таким образом, в проповедях на Аггея Савонарола претает перед паствой как пророк избранной Богом Флоренции: он наделяет горожан уверенностью в положительном исходе событий, обещая, что в случае исполнения воли Бога (осуществления реформ), город уподобится «небесному Иеру-

³⁸⁴ Predica I // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 11.

³⁸⁵ Ibid. P. 18–21.

³⁸⁶ Ам. 3:7

³⁸⁷ Термин «*imprecatio*» полисемичный, он может означать либо проклятие, либо благословление Бога в зависимости от того, насколько народ следует его воле и слову. См.: Turchetti M. Op. cit. P. 25. Так в проповеди на Аггея 16 ноября 1494 г. Савонарола указывает прихожанам, что Господь всегда говорит через своих пророков в условном наклонении (*sub conditione*): «Если ты сделаешь (будешь)», то есть, что покаяние и исправление может отвратить предсказанное наказание. Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 88.

³⁸⁸ Predica XIV // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 231–232.

салиму»³⁸⁹ и обретет не только духовные блага, но и мирские. Так, оканчивая проповедь 10 декабря 1494 г., флорентийский пророк провозглашает: «... я возвещу городу эту благую весть, что Флоренция будет более прославлена, более богата, более сильна, чем когда-либо... и отсюда начнется обновление, которое распространится повсюду, ибо здесь пуп³⁹⁰ Италии, и ваши советы (органы управления республики – Е.Т.) реформируют все, посредством света и благодати, которые даст вам Бог... Флоренция обретет неисчислимые богатства, и Бог умножит вам всякую вещь... ты расширишь свои владения³⁹¹, и таким образом обретешь власть мирскую и духовную, и вы будете иметь такое благословенное изобилие, что скажете: Мы большего не желаем. Но если не сделаете того, что я вам сказал, не получите этого»³⁹².

Следует согласиться с Д. Вайнстейном в том, что во Флоренции 1494 г. присутствуют все признаки «миллениаристской модели»: «социальный кризис, харизматичный лидер, взгляд на мир как поле битвы между добрыми и злыми силами, избранный народ, видение окончательного избавления в земном раю»; и что под воздействием войны, переворота и внутреннего кризиса, в том числе ощутив «невозможность возобновить домедичейский порядок олигархического республиканизма», горожане приняли «модель избранной нации (the model of the Elect Nation)»³⁹³. Также не вызывает сомнений связь означенной реакции с давней традицией «культа флорентийского величия» (Д. Вайнстейн обозначает его как «миф о Флоренции»), а именно с отраженными в городских источниках представлениями о Флоренции как дочери Рима, преимущественно республиканского, и как Новом Иерусалиме – центре возрождения и христианского обновления; идеями, которые, как показывает автор, появившись в XIII в., бытовали – отдельно, либо переплетаясь, – до конца республики в XVI в.³⁹⁴.

³⁸⁹ Predica IX // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 151.

³⁹⁰ центр Италии.

³⁹¹ imperio – господство.

³⁹² Predica IX // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 166–167.

³⁹³ *Weinstein D. Op. cit.* P. 33.

³⁹⁴ Ibid. P. 34–36; 37–66. О стремлении к «наложению» античных героев и исторических эпизодов на ситуации и события флорентийской истории, а также рассуждениях о связи истории города на Арно с Древним

Очевидно, Савонарола в своих проповедях усилил именно христианский аспект «мифа о Флоренции», провозгласив 28 декабря 1494 г. правителем города Иисуса Христа. «Слушай, Флоренция, Господь желает удовлетворить тебя и дать тебе одного правителя и одного царя, чтобы управлял тобой. Это Христос ... Будь с Христом, Флоренция, не ищи себе другого правителя», – заявляет в этот день монах и повторяет мысль о великом предназначении города: если тот примет предложенную Господом «реформу святой жизни», будет «пребывать в Его законе», соблюдая заповедь любви к Богу и ближнему и сохраняя единство, то положит «начало преобразованию всей Италии и не только Италии»³⁹⁵.

Установление царства Христа в городе на Арно, к которому монах подготавливал паству в проповедях декабря 1494 г., позволяет обратиться к вопросу о том, как Савонарола связывает насущную для флорентийцев политическую реформу со своей главной целью – духовным преобразованием общества верующих христиан.

Примечательно, что с 7 по 28 декабря 1494 г., – время, связанное с началом реформ управления, – фра Джироламо практически ежедневно поднимается на церковную кафедру. В своем «Дневнике» Лука Ландуччи, фиксируя выступления монаха, отмечал, что он «проповедовал в Санта Мария дель Фьоре каждый день», и что его речи были обращены «не женщинам, но мужчинам»³⁹⁶, то есть носили политический характер. Особое место в череде этих выступлений занимает проповедь 14 декабря, где присутствовали члены Синьории и «все должностные лица Флоренции», и во время которой «брат проповедовал о государственном деле, и что нужно любить и бояться Господа и любить общее благо; и чтобы никто не желал больше поднимать голову над остальными и становиться грандом»³⁹⁷.

Римом в сочинениях флорентийских горожан, также см.: *Краснова И.А., Тельменко Е.П.* Уровни восприятия античности флорентийскими горожанами (по семейным книгам, дневникам, переписке) // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Москва: ИВИ, 2018. Вып. 65. С. 87–88.

³⁹⁵ Predica XXIII // *Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo ... P. 423.

³⁹⁶ Landucci L. Op. cit. P. 92, 94.

³⁹⁷ Ibid. P. 92–93.

В начале своего выступления брат Джироламо, в духе Аристотеля и Фомы Аквинского, характеризуя свойства человека, обозначает его как «общественное животное, не способное жить в одиночку», а потому стремящееся объединиться с другими людьми и «совместно удовлетворить свои потребности». Соответственно, «всякий народ и поселение, стремящиеся ко всеобщему благу, нуждаются в управлении». И здесь Савонарола, также как Аквинат³⁹⁸, заявляет, что наилучшей формой власти является монархия. При этом монах признает, что для Италии, и особенно Флоренции, «где природа людей не терпит высшего над собой», скорее подходит «правление многих», которое должно быть «хорошо организовано», иначе неизбежно общество разделится и последуют конфликты. Отсюда следует «тщательно выбирать форму» правления³⁹⁹. Для Савонаролы именно «общее благо», а не власть является целью политики. «О, горожане, – обращается доминиканец к пастве, – если вы объединитесь и от всей души будете стремиться к общественному благу, каждый из вас обретет намного больше мирских и духовных благ, чем если бы он заботился только о личном благе. Стремитесь, говорю вам, к общему благу города, а кто захочет возвыситься надо всеми, того следует лишить всех благ»⁴⁰⁰. Управление государством не может осуществляться людьми, ищущими исключительно собственной выгоды и власти, поскольку это признак дурного гражданина, о свойствах которого монах рассуждал несколько ранее, в выступлении 12 декабря⁴⁰¹. Здесь прослеживается четкая взаимосвязь, на которую обратил внимание в одной из своих работ К. Леонарди, подчеркнувший очевидную томистскую основу идеальной модели, открывающейся слушателям в проповедях доминиканца: «общее благо (*bene*

³⁹⁸ См.: *Фома Аквинский. О правлении государей* / Публикация, перевод, вступительная статья и примечания Н.Б. Срединской // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Ленинград: Наука, 1990. С. 224–244. Трактат «*De regimine principum ad Regem Cypri*» («О правлении государей, посвященное королю Кипра») был создан Фомой Аквинским около 1266 г. Здесь Аквинат излагает свое учение о государстве: его происхождении, формах правления, достоинствах и недостатках каждой из них, в том числе говорит о монархии как идеальной форме правления. См. также обзор научных исследований, посвященных этому сочинению Св. Фомы: *Срединская Н.Б. Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей»* // Там же. С. 217–223.

³⁹⁹ *Predica XIII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 210–212.

⁴⁰⁰ *Ibid.* P. 221.

⁴⁰¹ *Predica XI // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 170–189.

comune)» свободного государства для Савонаролы немислимо без «ben vivere» – «добродетельной жизни горожан», а она, в свою очередь, является залогом достижения «beato vivere (блаженного существования)» – цели не только отдельного человека, но и общества в целом⁴⁰².

Эта схема в пространном изложении может быть представлена следующим образом. Государство призвано направлять людей ко благу всех, а также способствовать укоренению добродетелей. Савонарола, – и здесь заметно влияние на доминиканца одной из ведущих установок сознания флорентийских граждан – *fiorentina libertas*⁴⁰³, – твердо убежден, что в случае Флоренции именно народное правление может обеспечить достижение означенной цели. Одновременно с этим, монах своим авторитетом поддерживает идею реформы по венецианскому образцу⁴⁰⁴, следование которому должно было при расширении рамок демократии обеспечить стабильность нового режима; на практике это приводит к учреждению 22–23 декабря 1494 г. Большого совета – органа управления, решавшего вопросы, связанные с законодательной деятельностью, а также назначением глав магистратов (государственных учреждений)⁴⁰⁵. Затем, как уже было отмечено выше, 28 декабря доминиканец провозглашает Христа правителем города на Арно. В политическом плане этот шаг по мысли монаха-реформатора, как совершенно справедливо отметил П. Проди, «предоставляет возможность полного суверенитета народа и предотвращает возникновение тирании»⁴⁰⁶. Положение о том, что царство Христа является базой для демократического устройства и свободы, Савонарола, к примеру, защищает в полемике с теми, кто «утверждает,

⁴⁰² *Leonardi C.* Op. cit. P. 10.

⁴⁰³ Принцип «флорентийской свободы», внутривполитической и внешней, превознесение республиканских порядков и отрицание тирании. См., например: *Viti P.* Savonarola e la tradizione repubblicana fiorentina // *Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997)* / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 1998. P. 55–65.

⁴⁰⁴ *Predica XIII // Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo ... P. 226, 228.

⁴⁰⁵ О функциях Большого совета см.: *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 103–104.

⁴⁰⁶ *Prodi P.* Gli affanni della democrazia. La predicazione del Savonarola durante l'esperienza del governo popolare // *Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996)* / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze, 1997. P. 29. Сходная мысль о том, что с объявлением Христа царем Флоренции «теоретический монархизм монаха трансформируется в практический республианизм», прозвучала в недавней статье, посвященной выявлению доктринальной основы реформы Савонаролы на основе анализа его трактатов. См.: *Barenstein J.* Savonarola en Florencia: Reforma religiosa y construcción de la autoridad // *Ámbitos. Revista de estudios de ciencias sociales y humanidades*. 2019. № 41. P. 21–22.

что Государство не управляется молитвами (*paternostri*)». «Кто так говорит, – заявляет доминиканец 19 апреля 1495 г., – или невежественны, или скверные люди, которые желали бы управлять с помощью тирании» и, продолжая мысль, заключает: «в мире нет лучше правления, чем то, которое устроено согласно законам Христа, и нет лучшей политики (*politia*), чем христианская»⁴⁰⁷.

И здесь следует обратить внимание, что значительное пространство проповеди 14 декабря 1494 г. занимает сравнение «духовного» и «плотского» государств, сопровождающееся выводом: как «всякая вещь тем сильнее, чем она духовнее», так и «государство тем сильнее и лучше, чем оно духовнее», поскольку «ближе к Богу»⁴⁰⁸. Меры по устройству подобного государства, перечисленные далее проповедником, направлены на то, чтобы коллектив граждан, он же – совокупность верующих, исповедью очистились от грехов; удалили из города все, что мешает божественному служению (плохих клириков, содомию, дурные привычки); и соблюдали принцип общего блага во всех сферах своей жизни⁴⁰⁹.

Соответственно, государство при помощи своих (человеческих) законов может содействовать «*ben vivere*», которая является предпосылкой обретения «*beato vivere*», но лишь отчасти, поскольку достижение сверхприродного блаженства, то есть высшего блага, которое заключено в Боге, возможно на пути следования божественному закону, к чему и призывал Савонарола современников, исполняя функцию пророка. В свою очередь, индивидуальное «преобразование» христианской жизни, связанное с обращением к «живой вере» и исполнением евангельского завета любви к Богу и ближнему, должно способствовать не только личному спасению, но и коллективному, поскольку ведет к преобразованию единого мистического тела сообщества верующих. Таким образом модель «христианской политики» Савонаролы представляет собой связь концепции единого мистического тела с концепци-

⁴⁰⁷ Predica XLIV // *Savonarola G. Prediche sopra Giobbe* / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1957. Vol. 2. P. 385.

⁴⁰⁸ Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo* ... P. 215–219.

⁴⁰⁹ Ibid. P. 219–224.

ей *res publica*, общественного блага, когда социально-политическое тело и тело Христа нераздельны, и община может воплотить образ подлинного Града Божьего на земле⁴¹⁰.

Итак, в последние месяцы 1494 г., – время, когда Флоренция находилась в состоянии политической нестабильности и неопределенности, – доминиканский проповедник обретает максимум доверия со стороны ее жителей, поскольку, развивая в выступлениях тему избранности города Богом, вселяет пастве надежду на благоприятный исход событий. Именно в это время ему удается утвердиться в качестве признанного гражданами флорентийского пророка и получить возможность влиять своим авторитетом на ход и характер предпринимавшихся в социуме преобразований. В цикле проповедей на пророка Аггея можно выделить несколько ключевых моментов, к которым приковано внимание доминиканца: необходимость установления «всеобщего мира»; введение справедливых законов и правосудия; реформа управления и учреждение Большого совета. Кроме того, в выступлениях ноября-декабря 1494 г. намечаются основные контуры, – томистско-аристотелевской по своей сути, – идеальной модели общественного устройства для Флоренции, где политика и нравственность неразрывно связаны, а народовластие представлено в качестве наиболее подходящей формы правления.

2.2. Начало реформ. Пути достижения «общего блага» в проповедях доминиканского брата конца 1494 г.

⁴¹⁰ Канторович Э.Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М.А.Бойцова и А.Ю.Серегинной. Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015. С. 289–333.

После ухода французских войск республика приступила к реформам. 30 ноября 1494 г. Синьория собирает Совет призванных – пратику⁴¹¹, дабы выяснить «желания народа относительно формы управления города в будущем». На совещании было решено избрать новую Синьорию «вручную (а mano)», – то есть не, как обычно, по жребии (la tratta)⁴¹², – чтобы исключить элемент случайности и, – как отметил П. Паренти, – «не допустить того, что произошло в 1433 г.», то есть реставрации Медичи⁴¹³, «ибо опыт прошлого – истинный учитель будущего». Также участники совещания предложили созвать народное собрание – Парламенто для одобрения реформ органов управления⁴¹⁴. 2 декабря «по звуку большого колокола» на площади Синьории собрались все 16 городских гонфалонов⁴¹⁵, «каждый из которых состоял из всех своих граждан без оружия». Прежде у собравшихся уточнили, присутствует ли 2/3 горожан, положительный ответ был получен, и «сер Антонио ди сер Батиста, новый нотариус Риформаджони, прочел установления», «много пунктов и статуты, написанных на значительном количестве листов». После «у народа спросили, согласен ли он с этим, и он ответил “да”», на этом собрание было завершено – «Синьория вместе с Коллегиями⁴¹⁶ возвратилась во Дворец, и горожане были распущены»⁴¹⁷.

⁴¹¹ У Паренти – Consiglio di richiesti. Пратика – особое консультативное совещание, созываемое по решению Синьории. См.: Краснова И.А. Должности и потестарные институты во Флоренции // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред.: Т.П. Гусарова. Москва: КДУ, 2011. С. 318.

⁴¹² О многоступенчатой системе выборов во Флоренции, которая заканчивалась этапом tratta, где действовали случай, судьба, см.: Краснова И.А. Должности и потестарные институты во Флоренции ... С. 320–321.

⁴¹³ Речь идет о том, когда «в 1433 г. Альбицци, взяв верх над Козимо, повели себя беспечно, не пересмотрев избирательные списки, и год спустя были изгнаны». См.: Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. P. 55.

⁴¹⁴ Parenti P. Op. cit. P. 147.

⁴¹⁵ Флоренция в это время была разделена на 4 части (картьеры) – Санто Спирито, Санто Кроче, Санта Мария Новелла и Сан Джованни, каждая из которых, в свою очередь, состояла из более мелких территориально-административных округов – гонфалонов (gonfalone – знамя, хоругвь; так обозначался одновременно и отряд народного ополчения в пределах гонфалона), по 4 в каждой картъере.

⁴¹⁶ Шестнадцать гонфалоньеров компаний и Двенадцать добрых мужей – члены этих Коллегий избирались сроком на 6 месяцев и привлекались Приоратом к обсуждению и решению важных государственных дел. Приоры вместе с гонфалоньером справедливости, Шестнадцать гонфалоньеров компаний и Двенадцать добрых мужей составляли правительство Флоренции – Синьорию. Граждане в обиходе называли эти посты «старшие должности». См.: Краснова И.А. Должности и потестарные институты во Флоренции ... С. 310–317.

⁴¹⁷ Landucci L. Op. cit. P. 89; Parenti P. Op. cit. P. 149.

Суть предложенных к одобрению Парламенту политических преобразований сводилась к следующему: «аннулировать все законы с 1434 г. и по сей день»; отменить органы власти, созданные в медичейскую эпоху – «комиссию Восьми пратики и Совет Семидесяти»⁴¹⁸, «коллегию Десяти и Восемь балии»⁴¹⁹; «решить, что следует сделать с Советом Народа и Советом Коммуны»⁴²⁰; избрать комиссию из 20 аккопьяторов, – как пишет Л. Ландуччи, «людей знатных и мудрых», – которые в течение года должны формировать Синьорию «вручную» и за это время подготовить новые списки для будущих выборов по жребию; избрать «десять человек, которые будут называться Десятью свободы и займутся делами Пизы и ведения войны»⁴²¹, «обновить»⁴²² Восемь балии»⁴²³.

В сущности, проект, предложенный на Парламенту, кроме упразднения структур власти, появившихся при Медичи, и исключения возможности занятия должностей активными сторонниками прежнего режима, каких-либо нововведений в системе управления не подразумевал. Здесь стоит согласиться с Ф. Кордеро, что его инициаторы, – Ф. Гвиччардини называет Танаи де' Нерли, Пьеро Каппони, Франческо Валори, Лоренцо ди Пьерфранческо (Медичи) и Бернардо Ручеллаи⁴²⁴, – «желали старого режима, но без Пьеро», олигархического по своей сути⁴²⁵. При этом методы достижения означенной

⁴¹⁸ Совет семидесяти – созданный при Лоренцо Медичи в 1480 г. коллегиальный орган, обладал обширными и не определенными четко полномочиями, фактически в его руках сосредоточился контроль над избранием на должности и большая часть законодательной власти; Восемь пратики (*Otto do Pratica*) – одна из двух постоянных коллегий при Совете семидесяти, занимавшаяся вопросами внешней политики и наймом войск. См.: *Краснова И.А.* Должности и потестарные институты во Флоренции ... С. 326–327.

⁴¹⁹ Коллегия Десять войны после 1494 г. обрела название Десять свободы и мира; Восемь гвардии (Восемь безопасности) – магистрат, связанный с охраной государственного режима от заговоров и посягательств; осуществлял полицейско-судебные функции.

⁴²⁰ Так пишет Лука Ландуччи. У Пьеро ди Марко Паренти: «Советы народа и коммуны должны обрести полную власть». В медичейской республике эти Советы продолжали действовать, однако с введением Совета ста (1458 г.), Главного совета (1471 г.) и Совета семидесяти (1480 г.) постепенно отодвигались на второй план. О Советах см.: *Краснова И.А.* Должности и потестарные институты во Флоренции ... С. 309, 326–327.

⁴²¹ В день антимедичейского переворота Пиза подняла мятеж и объявила о своей свободе.

⁴²² По смыслу текста: преобразовать не сам институт, а произвести смену его состава.

⁴²³ См.: *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 90–91; *Landucci L.* Op. cit. P. 89; *Parenti P.* Op. cit. P. 149; *Nardi I.* Op. cit. P. 49.

⁴²⁴ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 99–100.

⁴²⁵ *Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ...* P. 55. Автор исследования называет его «пентархией». Действительно, означенные лица вошли в избранную 3 декабря 1494 г. Коллегию двадцати аккопьяторов, а Ф. Гвиччардини в «Истории Флоренции» причисляет их к «первым людям в правительстве», отмечая, что «их влияние было тогда велико». См.: *Parenti P.* Op. cit. P. 150; *Nardi I.* Op. cit. P. 49; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 100, 103.

цели сходны с теми, что практиковались прежде Козимо и Лоренцо Медичи: созывы Парламенто создавали иллюзию демократии, участия народа во власти, однако этим собранием можно было успешно манипулировать; а с помощью и через участие в Коллегии двадцати аккопьяторов контролировать «старшие должности».

Как свидетельствует Пьеро Паренти, практически сразу возникли подозрения в антинародном характере проекта: Бартоломео Кардуччи, Франческо Риччальбани (Riccialbani), Козимо Мартелли, Аньоло ди Бьяджо дель Судзеска (Suzesa), «хватило духу дать волю гневу в Палаццо и возражать Парламенто, им казалось, что происходящее не в интересах народа, то есть – надеяться 20 людей (большой) властью»; однако, эти граждане, – продолжает современник событий, – «не были заслушаны, напротив с угрозами выдворены из Палаццо»⁴²⁶. Кратковременное единение горожан, проявившееся при изгнании Пьеро Медичи и во время постоа французских войск, сменяется ростом конфронтации между оптиматами и пополо, о чем довольно эмоционально пишет автор «Флорентийской истории». На следующий день после Парламенто были избраны двадцать аккопьяторов, а затем Десять свободы и Восемь балии, и город, как сообщает этот сторонник народной партии, «пал духом», «все добрые граждане были удручены». «Они сокрушались, что взялись за оружие ради свободы, а в итоге это свершилось не для народной свободы, а для сохранения положения тех же самых, кто управлял прежде». Затем Паренти замечает, что означенная «форма (управления – Е.Т.) была составлена согласно их желанию», – то есть тех, кого Пьеро называет «Principali»⁴²⁷, – а мыслили они «оставить нетронутым (свое) положение, и как бы всех своих родственников или спасти, или снова ввести в управление», и таким образом «блюли свои интересы, нисколько не заботясь об общем благе»⁴²⁸. Однако и внутри этой группы наметился раскол: с одной стороны, «Франческо Валори, Пьеро Каппони и другие известные и амбициоз-

⁴²⁶ Parenti P. Op. cit. P. 149–150.

⁴²⁷ Паренти здесь употребляет термины «Principali» или «principali cittadini», а также «Primati» – «ведущие граждане», противопоставляя их народу (popolo).

⁴²⁸ Ibid. P. 150–151.

ные лидеры, каждый стремился к исполнению собственных желаний и продвижению на должности своих друзей и родственников», с другой – партия, во главе которой стал Паолантонио Содерини, выражавшая стремление, как выразился Паренти, «*popolarmente vivere*» и возбуждавшая народ против двадцати аккопьяторов⁴²⁹. Относительно последних стоит обратиться к Ф. Гвиччардини, согласно которому Содерини не будучи избран к Коллегию двадцати, что «приписывали влиянию его врага Пьеро Каппони, пользовавшегося большой властью», впоследствии «из-за этого оскорбления ... убедил фра Джироламо совершить государственный переворот и в своих целях воспользовался его проповедью народного правления»⁴³⁰. Разногласия среди граждан вели также к тому, что «воодушевление вернулось ко всем друзьям прошлого правления и Пьеро Медичи, полагавшим, что, если между горожанами вновь возникнут раздоры, Пьеро Медичи в скором времени, призванный, сможет вернуться»^{431 432}.

Таким образом в начале – первой половине декабря 1494 г. в городе сложилась весьма напряженная обстановка: народ жаждал расправы над сторонниками прежнего режима; действовали группы различной политической ориентации; вопрос определения формы государственного устройства еще не нашел своего разрешения и вызывал «большие расхождения среди горожан» (как заметил Л. Ландуччи, «кто желал вареного, а кто – жареного»)⁴³³. «Город, – и здесь Паренти выражает единодушное мнение сограждан, – пребывал в ужаснейшем состоянии, и в ожидании разрушения и смерти, или по крайней мере большого пролития крови и гражданской войны»⁴³⁴.

⁴²⁹ Ibid. P. 152.

⁴³⁰ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 100. Сходные утверждения имеются в сочинении Бартоломео Черретани. См.: *Cerretani B.* Op. cit. P. 223.

⁴³¹ *Parenti P.* Op. cit. P. 151.

⁴³² Насколько горожане были обеспокоены перспективой возвращения Медичи, свидетельствует изданный Синьорией 9 декабря 1494 г. указ, в котором Пьеро запрещалось на 100 миль приближаться к флорентийской территории. См.: *Landucci L.* Op. cit. P. 91; *Parenti P.* Op. cit. P. 156.

⁴³³ *Landucci L.* Op. cit. P. 93.

⁴³⁴ *Parenti P.* Op. cit. P. 151. Также см.: *Breve discorso di Iacopo Nardi, fatto in Vinegia dopo la morte di papa Clemente VII, l'anno 1534 ...* P. LX.

И в этой сложной ситуации, как выразился Ф. Гвиччардини, «неожиданно пришла помощь от фра Джироламо»⁴³⁵. «Если бы не было этого Брата, пролилась бы кровь», – похоже, это утверждение является общим местом в сочинениях современников описываемых событий, как и то, что он «всегда поддерживал народ»⁴³⁶, «проповедуя, обещал, что всегда будет на стороне народа и покажет себя его защитником против могущества Грандов, ... и что следует надеяться, что они (народ – Е.Т.) не будут подавлены Приматами»⁴³⁷.

Кроме того, потребность разрядить напряжение в обществе способствует появлению (точнее – укреплению) идеи реформирования управления по венецианскому образцу. Пьеро Паренти, являвшийся, как уже было выше отмечено, непосредственным участником событий, утверждает, что означенная инициатива возникла среди «приматов», которые, «видя ропот народа и страхась, как бы со временем он не обратился против них», пытались таким образом решить две задачи – «упрочить и укрепить собственное положение» и «стабилизировать» обстановку в республике за счет расширения участия граждан в государственных делах. При этом, автор указывает, что Савонаролу, который в то время «обладал величайшим авторитетом среди народа, таким, что чтобы он ни сказал, будет одобрено», планировалось использовать в качестве инструмента для достижения означенной цели⁴³⁸.

Действительно, в проповедях декабря 1494 г. доминиканский брат обращается к венецианской модели, как некоторому примеру для подражания. Так, выступая перед народом 7 декабря, он, рассуждая о «хорошей форме этого вашего нового правления», где «никто не сможет поднимать голову», предлагает либо взять пример венецианцев, либо поступить «как лучше внушит вам Бог»⁴³⁹. В проповеди 14 декабря монах опять напоминает о своем призыве «принять добрую форму вашего нового правления, чтобы никто не

⁴³⁵ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 101–102.

⁴³⁶ Landucci L. Op. cit. P. 93.

⁴³⁷ Parenti P. Op. cit. P. 156. Ф. Гвиччардини замечает, что доминиканский проповедник «был весьма неприятен Бернардо Ручеллаи, Франческо Валори, Пьеро Каппони, Лоренцо ди Пьерфранческо, Нерли и другим первым людям в правительстве (то есть тем, кого П. Паренти называет «Principali» и «Primati»)), хотя в то время «открыто ему никто не оказывал противодействия» См.: Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 103.

⁴³⁸ Parenti P. Op. cit. P. 157.

⁴³⁹ Predica VIII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 135.

мыслил сделаться главой», замечает, что существующее ныне «не лучше, чем у венецианцев» и что можно «взять их пример, при этом отвергнув то, что не соответствует нашему намерению и нуждам, например, должность дожей», что «не следует стыдиться учиться у других», ибо при этой форме правления «у них никогда не было гражданских междоусобиц»⁴⁴⁰. Сходные положения доминиканец повторяет в выступлении 21 декабря 1494 г.: «реформа венецианцев могла бы вам подойти, и вы бы стали жить более мирно, чем до сего дня»; «опыт показывает, что они не лучше других, но за длительное время этого правления в их городе не слышно о раздорах и мятежах, которые в прошлом имелись в вашем»; «говорю вам, чтобы вы отсекали то, что не для вас». Примечательно, что в этой же проповеди брат заявляет – его пристальное внимание к политической реформе и ее содержанию не связано с уговорами и убеждениями (*persuasione*) кого-то из людей, он «движим истиной, и ничем иным»⁴⁴¹.

Приведенные выше пассажи о венецианской модели, вкупе с последним прямым высказыванием проповедника о наличии самостоятельной точки зрения, позволяют заключить, что *Serenissima* с ее способом правления, обеспечивающим отсутствие внутренних политических катаклизмов, была образцом, притягательным для большинства флорентийских политиков – как для оптиматов, так и для представителей народной партии. В свое время это отметил еще П. Виллари, указавший, что «разница была лишь в том, что одни хотели несколько расширить его, другие, наоборот, сузить»⁴⁴². Таким образом, Савонарола публично выражал лишь общие настроения⁴⁴³. Но, несомненно, монах тяготел к «широкому», народному правлению. Так, например, в проповеди 14 декабря, упомянув о Венеции, он добавляет, что было бы хо-

⁴⁴⁰ Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 226, 228.

⁴⁴¹ Predica XIX // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 341.

⁴⁴² Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 196–198.

⁴⁴³ См.: Тельменко Е.П. «Нужны добрые формы для вашего нового правительства, чтобы никто не мог высидеться, как сделали венецианцы...» (к вопросу об учреждении Большого совета в савонаролианской Флоренции кон. XV в.) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. № 9 (64). Вып. 11. С. 41–44; Она же. Джироламо Савонарола и начало политической реформы во Флоренции 1494 г. // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2017. № 1. С. 122–128.

рошо к управлению во Флоренции «привлечь ремесленников и благоприятьствовать им», и чтобы «старшие должности были выборными, а младшие определялись по жребии»⁴⁴⁴. Означенные советы свидетельствуют также о том, что этот духовный лидер был достаточно осведомлен в практических вопросах флорентийской политики. Сугубо прагматический подход связан и с озвученной в этой проповеди рекомендацией провести всенародное обсуждение относительно выбора наиболее приемлемого образа правления в государстве: в каждом гонфалоне обсудить наилучшую форму управления и выдвинуть один проект; таким образом, будет 16 проектов, из которых гонфальоньерам надлежит выбрать 4 и представить их на рассмотрение Синьории, где один из четырех получит преимущество⁴⁴⁵.

«19 декабря, в пятницу, – записывает в своем «Дневнике» Л. Ландуччи, – во Дворец (Синьории – Е.Т.) было доставлено множество проектов управления. Каждый гонфальоньер предоставил один проект, как было сказано Братом»⁴⁴⁶. Другой современник – П. Паренти, сообщает, что «в итоге не последовали способу брата Иеронима, но взяли сходный: Синьория предоставила проект, также сделали Коллегии, 20 аккопьяторов, Десять балии и Капитаны партии (гвельфов – Е.Т.⁴⁴⁷)», а Ф. Гвиччардини указывает, что «когда дошло до дела» было поручено предоставить проекты комиссиям «Двенадцати, Двадцати, Десяти и Восьми» и «предложения комиссии Десяти снискали наибольшее одобрение»⁴⁴⁸. Р. Ридольфи интерпретирует сообщения источников следующим образом: доставленные в Синьорию проекты гонфалонов были сведены к четырем, которые, соответственно, представили для обсуждения коллегии Двенадцати, Двадцати, Десяти и Восьми⁴⁴⁹. То, что окончательное решение не желали принимать в отсутствии брата, и специально пригласили его во дворец Синьории⁴⁵⁰, указывает на то, насколько высоким

⁴⁴⁴ Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 226.

⁴⁴⁵ Ibid. P. 228. Также см.: *Parenti P.* Op. cit. P. 158.

⁴⁴⁶ *Landucci L.* Op. cit. P. 93.

⁴⁴⁷ «Capitani della parte» у Паренти – усеченное «Capitani di parte guelfa».

⁴⁴⁸ *Parenti P.* Op. cit. P. 159–160; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 103.

⁴⁴⁹ *Ridolfi R.* Op. cit. P. 76.

⁴⁵⁰ *Parenti P.* Op. cit. P. 160; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 103.

авторитетом и огромным влиянием обладал Савонарола в то время. В итоге можно согласиться с Р. Ридольфи в том, что заслуга монаха заключается не в изобретении этой формы правления, а в ее выборе и введении⁴⁵¹.

После того, как проект был одобрен 22 декабря Советом народа, а 23 декабря окончательно утвержден Советом коммуны⁴⁵², верховную власть в государстве обрел Большой совет (*Consiglio Maggiore*, *Consiglio generale*, *Consiglio grande*) – орган управления, решавший вопросы, связанные с законодательной деятельностью, а также обладавший правом назначения глав государственных учреждений (магистратов).

В Большой совет могли войти граждане, достигшие 29 лет, не имеющие задолженностей в уплате налогов, «бенефициаты по отцу, деду или прадеду», которые «либо сами, либо их отцы, деды или прадеды» занимали (*seduto*) или номинировались (*veduto*) хотя бы на одну из старших должностей^{453 454}. Одновременно закон 23 декабря предусматривал возможность расширения состава Совета: раз в три года в него избирались 60 граждан, не соответствующих описанным выше критериям, и раз в год – 24 бенефициата в возрасте 24 лет. Таким образом «широкое правление» подразумевало возможность участия в Большом совете горожан в количестве немногим более 3000 человек.

Кроме того, этот же закон устанавливал, что с 15 января следующего года Большому совету надлежало избрать из своего числа 80 граждан в возрасте от сорока лет, которые образуют Совет восьмидесяти, состав которого должен сменяться каждые шесть месяцев, и в чьи обязанности вменялось консультировать Синьорию, проводя с ней совещания как минимум раз в неделю; принимать участие в выборах важных должностных лиц – послов и военных комиссаров, а также в законодательном процессе: «все распоряжения, после обсуждения в Синьории и Советах, должны были проходить через Со-

⁴⁵¹ *Ridolfi R.* Op. cit. P. 77.

⁴⁵² *Parenti P.* Op. cit. P. 161; *Nardi I.* Op. cit. P. 48.

⁴⁵³ «Старшие должности»: приоры, гонфалоньер справедливости, Шестнадцать гонфалоньеров компаний и Двенадцать добрых мужей.

⁴⁵⁴ *Cerretani B.* Op. cit. P. 231; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 103.

вет восьмидесяти, хотя окончательную форму они приобретали лишь в Большом совете, решения которого считались действительными, только если в нем присутствовала тысяча человек»⁴⁵⁵. Означенный орган власти, в который входили «Синьоры и Коллегии, Восемь гвардии и балии, Десять войны, Капитаны партии гвельфов и некоторые другие магистраты во время пребывания их на должности», также как и Большой совет, имел прообраз в венецианской системе управления: флорентийский Совет восьмидесяти или *Consiglio de'richiesti* («Совет призванных», как иначе он назывался) соответствовал *Consiglio dei Pregadi* («Совет испрошенных» или Сенат)⁴⁵⁶.

Таким образом, закон 23 декабря стал отходом от явно олигархических устремлений, проявившихся в начале месяца. Савонарола в означенное время не только проповедует необходимость политических преобразований и поддерживает идею учреждения Большого совета, но и вселяет в граждан оптимизм относительно перспектив реформы управления. 15 декабря монах приступил к толкованию книги Аггея – малого пророка, деятельность которого относится ко времени после возвращения иудеев из вавилонского плена, а главная тема пророчества – призыв к скорейшему восстановлению разрушенного Храма⁴⁵⁷. Савонарола, уподобляя себя этому пророку, обращается к слушателям: «так и я говорю тебе, Флоренция: настало время вновь построить дом для Господа и обновить твой город», «я говорю тебе, что Господь желает этого, и тебе необходимо обновить город и государство», и уточняет – «все дело заключатся в форме, которую ты избереешь: изменив форму, ты изменишь город»⁴⁵⁸. На следующий день он начинает выступление с приведения примеров из Св. Писания, которые позволяют обратиться к обоснованию закономерности и объективной обусловленности изменений: «времена меняются» и поэтому неизбежен выбор «нового образа жизни и правления»⁴⁵⁹. В

⁴⁵⁵ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 104.

⁴⁵⁶ Об этом см.: Nardi I. Op. cit. P. 51. О венецианском *Consiglio dei Pregadi* см., например: Юсупов А.Ю. Система управления Венецианской республики в VII–XV вв. // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред.: Т.П. Гусарова. Москва: КДУ, 2011. С. 366, 369.

⁴⁵⁷ Агг. I: 1–11.

⁴⁵⁸ Predica XIV // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 231, 232.

⁴⁵⁹ Predica XV // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 249–250.

проповеди 18–19 декабря, когда во Флоренции шло обсуждение проектов реформы, доминиканец развивает означенную тему следующим образом: «*Portate ligna (Носите дерева⁴⁶⁰)*, – говорил Аггей народу Иерусалима: носите деревья для восстановления храма Божия. Также и вы, горожане, приносите ваши советы и с милосердием и любовью советуйте, как устроить ваш храм, то есть ваше новое правление»⁴⁶¹. На следующий день проповедник объявляет, что также, как главы иудейского народа вняли призыву Аггея, «горожане, поставленные во главе магистратов для управления городом, услышали меня, и я вижу, что дело двинулось в добром направлении», «Господь многих воодушевил к этой реформе, и они принялись за нее, и сейчас осталось преодолеть лишь некоторые затруднения»⁴⁶². Монах ободряет горожан, проводя параллель между надлежащими им действиями и сотворением мира Богом за шесть дней: «как бы создавая город заново», следует продвигаться шаг за шагом, «сначала наметить план реформы, а затем постепенно доводить все до совершенства»⁴⁶³⁴⁶⁴. 21 декабря Савонарола, заявляя, что «воля Божья состоит в том, чтобы ты не управлял более так, как в прошлом, до сего дня, но чтобы был установлен народный образ правления»⁴⁶⁵, опять повторяет мысль о постепенном реформировании и вновь обращается к понятию «формы»: «создай эту первичную форму», «действуй как природа, которая сначала заботится о форме, а затем об акциденциях ... сначала посылает семя, которое обладает порождающим свойством ... создает ... сердце, и затем голову и прочие основные члены», после этого уточняет – «семя для проведения твоей реформы и прочих твоих решений – это твой совет» и выражает надежду, что если не в этот день, то «до Рождественского сочельника» политическое решение будет принято⁴⁶⁶. Выступление 23 декабря, в день окончательного утверждения Большого совета, монах посвящает теме един-

⁴⁶⁰ Агг. 1: 8.

⁴⁶¹ Predica XVII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 292.

⁴⁶² Predica XVIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 309, 310.

⁴⁶³ Ibid. P. 311–312.

⁴⁶⁴ Проповедник также приводит пример с постепенным приручением жеребца. См.: Ibid. P. 319.

⁴⁶⁵ Predica XIX // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 341.

⁴⁶⁶ Ibid. P. 342–343.

ства и мира, и продолжает развивать ее в последующих проповедях цикла. Примечательно, что 25 декабря, толкуя вторую главу Аггея, доминиканец отмечает поразительное сходство этой библейской истории с событиями в городе на Арно, – иудеи «в двадцать четвертый день месяца начали возводить» Иерусалимский храм⁴⁶⁷, и с этого же дня Флоренция «начала закладывать основание нового правления и изменила форму», – и в очередной раз заключает, что это «дело Божье»⁴⁶⁸, «Господь вновь даровал вам свободу, и вы заложили фундамент вашей новой реформы», и что следует продолжать двигаться дальше, «ибо Господь с вами»⁴⁶⁹.

Стоит обратить внимание на некоторые моменты, содержащиеся в приведенных выше текстах проповедей на Аггея: основание Большого совета уподобляется строительству Храма; этот орган власти представляется семенем и «формой», определяющей народный характер и закладывающей фундамент и основание нового правления. Однако, для монаха возведение разрушенного Храма – это не только восстановление республиканских порядков, искаженных во время «тирании» Медичи, но также возрождение утраченной духовности, возвращение к истинно христианскому образу жизни. Политическая реформа, по мысли доминиканца, невозможна без моральной: преобразование государства подразумевает и внутреннее обновление его граждан. «*Ponite corda vestra super vias vestras*»⁴⁷⁰. Взгляните также на пути ваши, не только мирские, но и духовные, – обращается к своим слушателям проповедник и, продолжая, поясняет, – ... если ты не изменишь форму, будешь становиться все хуже и хуже ... *Domus mea deserta est, et vos festinatis unusquisque in domum suam*»⁴⁷¹ ... не оставляй дом Божий в запустении, но прими иной образ жизни, чего ты до сих пор еще не сделал; я говорю о делах духовных и мирских, тебе необходима новая форма, если ты хочешь, чтобы

⁴⁶⁷ Агг. 2: 10, 15.

⁴⁶⁸ Predica XXI // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 363.

⁴⁶⁹ Ibid. P. 373.

⁴⁷⁰ Агг. 1: 5: Обратите сердце ваше на пути ваши.

⁴⁷¹ Агг. 1: 9: Мой дом, который в запустении, тогда как вы бежите, каждый к своему дому.

все шло хорошо и постоянно совершенствовалось»⁴⁷². И здесь опять употребляется понятие «формы», как того, что, соединяясь с материей, определяет качество той или иной вещи, соответственно, «обновление ее (вещи – Е.Т.) состоит изначально и главным образом в форме, а затем – в материи»; аналогично и с человеком, который «состоит ... из души и тела» – «тело создано для души, поэтому сначала необходимо обновить душу»⁴⁷³; также и с государством: Флоренция должна стать городом добродетельных людей⁴⁷⁴, – истинных христиан, ибо «не найдешь жизни лучшей и более чистой, чем у истинных христиан»⁴⁷⁵. «Говорю тебе, Флоренция, – обращается Савонарола 13 декабря к пастве, – что никогда не сможешь обновиться и хорошо провести реформу без Бога и без христианской жизни, и если поступишь иным образом, все будет тщетно»⁴⁷⁶. Таким образом, город должен измениться изнутри, усовершенствовав «форму», а для этого взять «Бога себе в руководители», «жить по его законам», и тогда его «тело» – государство (управление) станет «более устойчивым и совершенным», а его гражданам «ничего не нужно будет страшиться»⁴⁷⁷.

В проповеди 7 декабря, когда горожане Флоренции уже приступили к политической реформе, брат, рассуждая о качествах тех, кто может быть допущен к управлению государством, указывает, что эталоном для них должен стать Иисус Христос, которому были присущи три качества – простота, смирение и любовь к ближнему. Сын Божий, как отмечает проповедник, является «образцом и мерилom для всех других», и не только в «делах духовных», но «также для всякого и во всем», в том числе для тех, кто причастен ко власти, ибо он, «*Царь царей и Господь господствующих*»⁴⁷⁸, соблюдая эти добродетели, «хотел таким образом показать тем, кто властвует и управляет дру-

⁴⁷² Predica XV // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 260–261.

⁴⁷³ Predica VIII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 126.

⁴⁷⁴ После изгнания Медичи, – рассуждает монах в проповеди 19-20 декабря, – «твоя форма, Флоренция, была пустой, лишенной всякой добродетели и наполненной тьмой ... Господь пришел обновить тебя, Он пришел править тобой и сказал в этот первый день: *Fiat lux* (Быт. 1:3), да будет свет во Флоренции». См.: Predica XVIII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 314.

⁴⁷⁵ Predica XVII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 287.

⁴⁷⁶ Predica XII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 195.

⁴⁷⁷ Predica XV // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 258.

⁴⁷⁸ Откр. 19:16.

гими, что следует также придерживаться их»⁴⁷⁹. Соответственно, Флоренция должна в своем правлении «возвышать добрых и обладающих добродетелью смирения», ибо «их всегда просвещает Бог» в том, как надлежит действовать, они «изгоняют пороки, беспристрастны, поступают по справедливости», и таким образом способствуют «согласию в городе». Обладающие добродетелью милосердия, любви к ближнему, «умудряются обращаться с народом по доброму, мягко, ослабляя, насколько это возможно, подати и налоги, и прочие вещи, обременяющие народ». «Простота», то есть обращение к жизни «более скромной», «без роскоши», «без излишеств», приведет к тому, что город сделается «более богатым и состоятельным», что усилит его способность защититься от внешних врагов⁴⁸⁰.

На следующий день, избрав для толкования псалом «*Beatus vir*»⁴⁸¹, проповедник размышляет о качествах «истинного гражданина». Повторив мысль о том, что Флоренция должна «обновиться с помощью трех добродетелей» (смирение, простота и любовь), монах предлагает своим слушателям более подробно рассмотреть свойства «доброго горожанина, который стремится жить по-христиански»⁴⁸². Ссылаясь на пример пророков Аггея и Захарии, он наставляет прихожан: «необходимо постоянно радеть об общественном благе и всегда помнить о благодеяниях Бога и благодарить его; так надлежит поступать доброму и истинному гражданину, любящему свой город»⁴⁸³. Два основных предписания должны определять существование такого горожанина: «первое, всегда имей страх Божий ...; второе, проявляй милосердие к ближнему, следуй путем Господним и *крепко люби заповеди его*»⁴⁸⁴. Далее доминиканец уточняет: «бойся Бога страхом сыновним, а не рабским», то есть «бойся всегда и страшись, как бы не оскорбить Бога и не нарушить

⁴⁷⁹ Predica VIII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 136.

⁴⁸⁰ Ibid. P. 137.

⁴⁸¹ Пс. 111: «Блажен муж».

⁴⁸² Predica IX // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 144.

⁴⁸³ Ibid. P. 145.

⁴⁸⁴ Пс. 111: 1: *in mandatis eius volet nimis*.

Его заповеди»⁴⁸⁵. Добродетельный человек, то есть тот, кто «всегда действует добродетельно душой, разумом и внешними делами», «может называться истинным гражданином высшего града, а не только земного»⁴⁸⁶, – развивает свою мысль этот духовный пастырь и, спустя некоторое время, заключает – «если твой город обладает подобными горожанами, блаженна ты, Флоренция, поскольку вскоре станешь как небесный Иерусалим»⁴⁸⁷.

Как видим, добродетельная жизнь, основанная на подражании Христу и исполнении новозаветных предписаний любви к Богу и ближнему⁴⁸⁸, связана в проповедях доминиканского брата с необходимостью следования принципу общего блага, соблюдение которого, в свою очередь, является важным условием создания нового государства. Одновременно культивирование христианских добродетелей подразумевает соединение с благодатью, и, следовательно, обретение спасения. Внутреннее (духовное) преобразование и политические преобразования переплетаются и соединяются, направляя верующих и одновременно граждан к одной и той же высшей цели. «Не кажется ли вам, если хорошо посмотреть, – замечает в одной из своих декабрьских проповедей Савонарола, – что Господь ведет вас скрытыми путями к реформированию этого вашего города, чтобы управление им было связано с божественным служением? ... Я проповедовал вам о ковчеге, в котором нужно спастись от вод испытаний, и постепенно Бог подвел нас к реформе вашего

⁴⁸⁵ Ibid. Р. 149. Эти высказывания Савонаролы имеют томистскую основу. Фома Аквинский рассуждает о различии страха «сыновнего» и «рабского» в своем «Трактате о надежде» (Вопрос 19. О даре страха). См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 1–46*. Киев: Ника-Центр, 2011. С. 211–235. В частности, он пишет: «Итак, если человек обращается к Богу и твердо прилепляется к Нему из-за страха перед наказанием, то речь идет о рабском страхе, а если это происходит из-за страха перед совершением греха, то речь идет о сыновнем страхе, поскольку ребенку приличествует бояться оскорбить отца. Если же это происходит по обеим причинам, то речь идет об изначальном страхе, который занимает промежуточное положение между первыми двумя». См.: Там же. С. 214. В свою очередь этот старший собрат Савонаролы по Ордену ссылается на другой авторитет – Блаженного Августина. Обращаясь в этом же сочинении к глоссе «на слова [из Послания к римлянам] (Рим. 8, 15)», которая «говорит, что “если человек что-либо из страха делает, то хотя бы он доброе делал, добрым это не сделает”», Аквинат указывает: «это высказывание Августина должно относить к человеку, который делает что-либо из рабского страха как такового, то есть из страха перед наказанием при полном безразличии к правосудности». См.: Там же. С. 217, 219. Аналогично в другом труде Св. Фомы – «Трактате о законе»: «Но тот, кто повинуется закону только из страха перед наказанием, не является добрым, поскольку, согласно Августину, “если что-то хорошее делается из-за рабского страха, то есть страха перед наказанием, то оно не является благом”». См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 90–114*. Киев: Ника-Центр, 2010. С. 28.

⁴⁸⁶ Ibid.

⁴⁸⁷ Ibid. Р. 151.

⁴⁸⁸ Мк. 12: 29–31; Мф. 22: 36–40; Лк. 10: 25–28.

управления, с тем чтобы вы провели ее к спасению вашему»⁴⁸⁹. Причем, как уже отмечалось в предыдущем параграфе, речь идет о коллективном спасении, попечение о котором позволяет монаху, с одной стороны, обосновать собственное вмешательство в политические дела республики, а с другой – соответствующим образом истолковать функции государства, которое своими законами и действиями должно способствовать очищению социума от пороков и укоренению добродетелей. В проповеди 21 декабря фра Джироламо, рассуждая о собственном призвании, воспроизводит мысленный диалог с Господом. Заявляя о своей готовности обращать души к Богу, искоренять пороки и культивировать добродетели, он вопрошает Создателя: «Но почему я должен проповедовать о флорентийском государстве?». И получает ответ: «Проповедь, которой ты занимаешься, дело духовное, но необходимо также, устремляясь главным образом к духовному, укреплять все то, что поддерживает и сохраняет дух, и то, что управляется духом. Также здесь, желая создать град духовный, который будет жить праведно, необходимо создать основание и ограду, чтобы сохранить дух и добро, и чтобы (добрая жизнь – Е.Т.) не была умалена и рассеяна развратными людьми. ... Также необходимо поступить с Флоренцией, если хочешь, чтобы она стала хорошей: устроить государство, чтобы оно сохраняло добро, если она хочет быть доброй»⁴⁹⁰.

Соответственно, если образцом и мерой для всех людей является Христос, то, в свою очередь, устраивая хорошее правление необходимо «стремиться к более совершенному закону», таковым является «евангельский закон» – «самый совершенный из всех существующих», именно он должен стать «мерой и образцом для всех прочих законов»^{491 492}. Эта мысль Савона-

⁴⁸⁹ Predica XVIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 305.

⁴⁹⁰ Pre dica XIX // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 328.

⁴⁹¹ Predica XVII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 280.

⁴⁹² И в этом случае очевидно томистское основание утверждений флорентийского проповедника-реформатора. «Трактат о законе» Св. Фомы раскрывает сущность и соотношение вечного, естественного, человеческого и божественного законов. Согласно Аквинату закон есть «правило и мера действий, в соответствии с которыми человек обязан действовать или воздерживаться от действия». Далее, опираясь в своих рассуждениях на Аристотеля, Фома указывает, что «закон в первую очередь определен к общему благу»; при этом, «если бы человек определялся исключительно к таким целям, которые были бы адекватны его природной способности, то он бы не нуждался ни в каком ином определении со стороны своего разума, кроме естественного закона и вытекающего из него человеческого закона», однако конечная, сверхъесте-

ролы неоднократно встречается в проповедях декабря 1494 г. К примеру, в выступлении 7 декабря монах заявляет: «Если вы хотите принять добрые законы, прежде примиритесь с законом Божиим, поскольку все хорошие законы проистекают из закона вечного, соблюдением которого обретается благодать Святого Духа»⁴⁹³. В близкой по общему смыслу проповеди 18-19 декабря он также призывает: «Научитесь от Христова закона создавать собственные законы: Его закон – единство и любовь; пусть ваша реформа будет пронизана любовью и милосердием ... Сделай так, Флоренция, чтобы твоим внутренним законом были любовь, единство и милосердие»⁴⁹⁴.

Собственно, на двух основных предписаниях евангельского закона основаны условия, которые Флоренции необходимо выполнить для того, чтобы в настоящее время обрести стабильность и процветание, а в перспективе – уподобиться Новому Иерусалиму и снискать спасение; их брат Джироламо повторяет из проповеди в проповедь: страх Божий; общее благо; всеобщий мир и реформа⁴⁹⁵.

Разумеется, не все готовы следовать, полностью или частично, предписаниям нравственного, «внутреннего закона», и здесь, согласно флорентийскому проповеднику, государство с его человеческими законами и инструментами, принуждающими к их исполнению, должно способствовать обращению своих граждан к доброй жизни и, следовательно, воплощению принципа «общего блага». В проповеди 18–19 декабря 1494 г. монах заявляет:

ственная цель людей – «вечное блаженство», поэтому, «необходимо, чтобы помимо естественного и человеческого закона человек определялся к своей цели посредством закона, данного ему Богом», а «чтобы человек стал причастным вечному закону более совершенно, Бог дополнительно даровал нам [божественный] закон». Затем этот *Doctor angelicus* указывает: «...когда нечто делается ради цели, его форма должна быть определена так, чтобы она была адекватна этой цели, что подобно тому, как форма пилы приспособлена для пиления. Итак, все, что управляется и измеряется, должно иметь форму, адекватную правилу и мере. Но оба эти условия применяются к человеческому закону, поскольку он есть и то, что определено к цели, и то, что является правилом и мерой, управляемым и измеряемым более возвышенными [правилом и] мерой. И эти более возвышенные [правило и] мера двойки, а именно божественный закон и естественный закон, как было разъяснено нами выше». См.: *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 90–114... С. 4, 7, 17, 19, 63.

⁴⁹³ Predica VIII // *Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo ... P. 133.

⁴⁹⁴ Predica XVII // *Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo ... P. 292–293.

⁴⁹⁵ См., например, изложение в концентрированном виде этих 4 основных условий в следующих проповедях: Predica XVI // *Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo ... P. 274–275; Predica XVII // Ibid. P. 300; Predica XVIII // Ibid. P. 320; Predica XIX // Ibid. P. 330–343 (в этой проповеди монах подробно описывает означенные требования, прибавляя к ним пятое – «изменить образ жизни»); Predica XX // Ibid. P. 359; Predica XXIII // Ibid. P. 416–417.

«Поскольку не всякий человек является хорошим, но плохих большинство, необходимо, чтобы внешний закон был уздой, удерживающей зло, которое тебе (Флоренции – Е.Т.) хотят причинить. Закон положен не для праведника⁴⁹⁶, закон не нужен добрым, но скверным людям, чтобы удерживать их от зла и наказывать, когда они его творят»⁴⁹⁷. В выступлении, прозвучавшем на следующий день, он повторяет означенную мысль, ссылаясь на авторитет Фомы Аквинского: «Св. Фома говорит: если бы все люди были хорошими, милосердие и любовь правили бы ими в мире, но поскольку не все люди являются добрыми, необходим закон, который будет уздой для плохих людей»⁴⁹⁸⁴⁹⁹.

По этой причине Савонарола уже в описываемое время не ограничивается исключительно духовными наставлениями, но и выступает с предложениями по принятию государством различных постановлений. Так, непрерывно вещая о необходимости установления всеобщего мира, проповедник, во-первых, обращается с призывом к горожанам простить и забыть прежние обиды, «смириться перед обидевшим тебя и помириться с ним»⁵⁰⁰. «Какая цель у тебя в сознании, если хочешь быть добрым горожанином?», – вопрошает доминиканец и заключает, – «Цель, которая тобой движет – это един-

⁴⁹⁶ 1 Тим. 1: 9.

⁴⁹⁷ Predica XVII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 293.

⁴⁹⁸ Predica XVIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 315.

⁴⁹⁹ В «Трактате о законе» Аквинат развивает следующие положения, которые, как было отмечено выше, присутствуют и в проповедях Савонаролы: «общее благо государства не может преуспевать, если не добродетельны его граждане, по крайней мере, те из них, кто призван управлять»; «человеческий закон создан для множества людей, большая часть которых далека от совершенства в добродетели»; «если приучить человека избегать зла и делать добро из-за страха перед наказанием, то со временем он может прийти к тому, что станет поступать подобным образом с удовольствием и по собственному почину; поэтому закон даже через посредство наказания делает людей добрыми»; «целью человеческого закона является приведение людей к добродетели, но не сразу, а постепенно; поэтому он не обременяет множество несовершенных людей тем требованием, которым обременяет себя добродетельный, а именно требованием удерживаться от всяческого зла». См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–I. Вопросы 90–114...* С. 27, 71, 29, 72. Дж.К. Гарфаньини, анализируя аналогичные проповеди на Аггея высказывания Савонаролы в «Трактате об управлении Флоренцией» (1498 г.), отметил, что здесь к аристотелевскому определению человека как социального животного монах сразу же присоединяет положение о том, что эта социальность имеет дело с августиновской испорченностью грехом, из-за чего «нет животного более дурного, чем человек без закона», отчего возникает необходимость в нормативной силе государственных законов, которые в свою очередь являются собственно инструментом государственного управления, которое тем более приемлемо, чем больше стремится к общественному благу. См.: *Garfagnini G.C. Politica e profezia: l'esperienza savonaroliana a Firenze // Città in guerra: esperienze e riflessioni nel primo '500: Bologna nelle «Guerre d'Italia» / a cura di Gian Mario Anselmi, Angela De Benedictis Argelato. Bologna: Minerva, 2008. P. 30–31. Также см.: Trattato circa el reggimento e governo della città di Firenze // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 439–440.*

⁵⁰⁰ Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 227; Predica XXII // *Ibid.* P. 395.

ство, согласие и дружба между горожанами, чтобы город пребывал в спокойствии и тишине. И всеобщий мир, к которому я тебя призывал, является тем, что поможет тебе следовать этой цели, и поэтому ты должен установить его сейчас, а не говорить: Время не настало. ... Поэтому я призываю тебя установить этот мир; не медли, говорю тебе, начни сегодня же внутренние и внешние преобразования. Говорю (тебе): мир! мир!»⁵⁰¹. «Я говорил и вновь повторяю, – взывает он к пастве 21 декабря, – очистите сердца ваши от этой старой вражды, которая распространена среди вас, когда один ненавидит другого из-за прошлого и бывших причин; и под этим я имею в виду дела и интересы, касающиеся государства, все то, что произошло до этих ваших последних перемен в государстве. Пусть все будет прощено и вычеркнуто из памяти»⁵⁰². Во-вторых, монах настаивает на принятии властью соответствующего закона. В последней проповеди цикла, прозвучавшей 28 декабря и имевшей политический характер⁵⁰³, доминиканский брат в преддверии выборов новой Синьории⁵⁰⁴ обращается к действующему, а затем и новому правительству: «Вы ... должны, по крайней мере, прежде чем покинете свой пост, добиться заключения этого всеобщего мира ... если вы не доведете до совершенства эту реформу (а ее совершенство – это мир), и если станете причиной ее недостатков или по небрежению, или из-за чего-либо другого, Господь прогневается на вас и лишит вас доброй славы, и напротив, пошлет вам наказание там, где другим он дал славу ... Прежние и новые правители, все вместе, позаботьтесь об установлении этого всеобщего мира, примите добрые законы, которые поддерживали бы и укрепили ваше правительство»⁵⁰⁵. Вкупе с этим призывом Савонарола проявляет обеспокоенность возрождающейся партийностью во флорентийской политике и предлагает магистратам

⁵⁰¹ Predica XIV // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 243–244. См. также: Predica XV // *Ibid.* P. 253, 257, 258, 259. В этой проповеди Савонарола предлагает горожанам вспомнить «сколько разрушений и мятежей было в твоём городе, сколько переворотов и потрясений» произошло «с 1494 г. и до сего дня» причиной чего было отсутствие «истинного мира».

⁵⁰² Predica XIX // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 338.

⁵⁰³ Л. Ландуччи пишет, что брат Джироламо не желал присутствия на ней женщин. См.: *Landucci L. Op. cit.* P. 94.

⁵⁰⁴ Согласно Ландуччи на следующий день, 29 декабря, состоялись выборы «новой Синьории», а к исполнению своих обязанностей ее члены приступили 1 января 1495 г. См.: *Ibid.* P. 94, 95.

⁵⁰⁵ Predica XXIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 426–427.

жестко пресекать ее проявления: следует принять постановления, «чтобы никто больше не назывался “белыми” или “серыми”⁵⁰⁶, но все были едины», ибо «от этих партий и разделения в городе не будет добра», необходимо «установить наказание для тех, кто станет “белым” или “серым”», в противном случае в городе появится нечто подобное прежним гвельфам и гибеллинам, и за этим последует его разрушение и гибель⁵⁰⁷. Здесь стоит отметить, что если ради общего блага монах призывал к милосердию и прощению прежних политических противников, то для защиты нового правления от возможности установления тирании он в перспективе одобрял наказание провинившихся. 21 декабря, свой призыв ко всеобщему миру проповедник сопровождает следующей ремаркой: «довольно того, что за государственные дела вплоть до сего времени всякий будет прощен», «но если кто-то в будущем согрешит (поступит дурно), совершит какое-либо зло, тот должен быть наказан»⁵⁰⁸.

Одновременно обеспокоенность брата в ограждении народного правления от тиранических притязаний выражается как в моральной проповеди, так и увещевании правительства принять надлежащие законы. С одной стороны, брат Джироламо наставляет граждан остерегаться гордыни, не искать высоких должностей и не стремиться возвыситься над прочими⁵⁰⁹, а с другой – настойчиво призывает принять соответствующий «закон, чтобы никто больше не смог бы поставить себя главой (надо всеми)», «не сделался главой, верховным правителем над другими горожанами», «не мог стать главой города, дабы ты не утратил свободы, данной и возвращенной тебе Богом»⁵¹⁰. В том, что касается высшего органа власти, он предлагает после того, как «добрая реформа» будет проведена, ввести «хороший закон», согласно которому

⁵⁰⁶ Плачидо Чиноцци, повествуя в «Эпистоле» о событиях рубежа 1494 – 1495 гг., сообщает, что в это время «уже распространилось пагубное» деление на серых (*bigi*) и белых (*bianchi*), «и первые означали партию Медичи, а вторые – народную партию». Якопо Нарди в своей «Истории города Флоренции» поясняет читателям, что прежде, чем город разделился на сторонников («плаксы») и противников («озлобленные») Савонаролы, существовало иное деление – на «серых» («друзей Медичи», «ненадежных и подозрительных») и «белых» («друзей государства и свободы»). *Cinozzi P. Epistola ... P. 21; Nardi I. Op. cit. P. 98.*

⁵⁰⁷ Predica XXIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 427.*

⁵⁰⁸ Predica XIX // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 338–339; Predica XV // Ibid. P. 255.*

⁵⁰⁹ Predica V // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 81; Predica VIII // Ibid. P. 138; Predica XI // Ibid. P. 179; Predica XXII // Ibid. P. 397.*

⁵¹⁰ Predica VIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 132; Predica XIII // Ibid. P. 224; Predica XV // Ibid. P. 253.*

раз в год будет осуществляться проверка членов совета относительно их дурного поведения, голосования бобами⁵¹¹ или клеветы, и недостойные станут удаляться из него; он также рекомендует сочетать постановление с методами морального воздействия: при попытке проникновения подобных лиц во дворец Синьории, преграждать им путь с помощью увещаний двух «старых и уважаемых граждан»⁵¹².

Аналогичным образом следует поступать касательно морали и нравственности: внутренней, духовной реформе правительство может и должно содействовать посредством очищения города от пороков и их носителей. В проповеди 16 декабря монах выражает надежду, что во Флоренции будут установлены «добрые законы, которые будут способствовать хорошему управлению городом, распространению добрых нравов»⁵¹³, а двумя днями ранее вносит более конкретные предложения: «Необходимо, чтобы великодушная Синьория приказала устранить из города все то, что противоречит божественному культу. ... дурные священники и дурные монахи должны быть устранены ... необходимо, чтобы Синьория издала закон против этого ужасного греха содомии ... издай, говорю, закон, чтобы без какого-либо снисхождения таких людей побивали камнями и сжигали ... необходимо принять закон, как я уже говорил, против содомии и бесчестных людей, и устранить из твоего города всякий порок»⁵¹⁴.

Тему «общего блага» Савонарола в описываемое время рассматривает и в контексте решения социально-экономических проблем современного ему социума. И вновь в его проповедях конца 1494 г. моральные наставления перемежаются с конкретными предложениями. Здесь, с одной стороны, подход монаха имеет в целом традиционный характер, но с другой, – как и в случае с политической реформой, – проповедник улавливает настроения горожан и

⁵¹¹ Голосовали при помощи бобов: белые бобы – против, черные – за.

⁵¹² Predica XVI // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 276–277.

⁵¹³ Predica XV // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 258.

⁵¹⁴ Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 220, 226. См. ранее об этом же: Predica V // *Ibid.* P. 83.

своим авторитетом поддерживает определенные варианты разрешения насущных вопросов.

Призыв оказать помощь бедным гражданам Флоренции и ее округи фра Джироламо сопровождает многочисленными увещеваниями к раздаче милостыни. Из проповеди в проповедь брат повторяет мысль о том, что все, кто «обладает излишним, обязаны отдать это беднякам Христовым»⁵¹⁵. В упомянутом выше толковании на псалом «*Beatus vir (Блажен муж)*», посвященном «трем добродетелям» (смирение, простота и любовь) «доброго горожанина», доминиканец, рассуждая о милосердии и любви к ближнему заявляет: «Всякий обязан подавать милостыню в двух случаях: во-первых, когда ты видишь ближнего в крайней нужде, тогда ты обязан подать под страхом смертного греха ...; во-вторых, когда ты имеешь излишнее»⁵¹⁶. И вслед за этим, ссылаясь на авторитет Амвросия, Августина, Иеронима, Василия, Фомы Аквинского, он обращается к более подробному интеллектуальному обоснованию проявления щедрости в отношении бедняков. Цитируя высказывания первых трех богословов, монах проводит мысль о том, что обладание излишними благами, без стремления к распределению их среди нуждающихся, граничит с кражей; затем поясняет с помощью Аквината «что обладание вещами излишними является благом того, кто ими владеет, но не правом пользования ими, и что, если Бог предоставил это богачу, то он дал это ему, чтобы тот раздал все излишнее беднякам»⁵¹⁷⁵¹⁸, и заключает наставлением: «если ты

⁵¹⁵ Predica I // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 20; Predica V // *Ibid.* P. 83; Predica VII // *Ibid.* P. 121; Predica VIII // *Ibid.* P. 140; Predica XX // *Ibid.* P. 356.

⁵¹⁶ Predica IX // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 151.

⁵¹⁷ *Ibid.* P. 152–153.

⁵¹⁸ Вероятно, преимущественной основой этой части проповеди стал текст «Трактата о любви» (Вопрос 32. О подаении) Фомы Аквинского, дополненный цитированием других церковных авторитетов. Так, Св. Фома пишет: «Таким образом, мы обязаны подавать милостыню от своего избытка, а ещё – подавать ее тому, кто находится в крайней нужде; в остальных же случаях подаение, равно как и любое другое благодеяние, является предметом отдельного рассмотрения. ... Предоставляемые нам Богом временные блага являются нашими в смысле обладания, но в смысле пользования они принадлежат не одним только нам, но и тем другим, которым мы можем помочь из того, что мы имеем сверх наших потребностей. В связи с этим Василий говорит: “Если вы сознаете, что они”, то есть временные блага, “даны вам Богом, то неужто думаете, что Он, неравномерно распределив их, несправедлив? Для чего вы богаты, а другой – беден, как не для того, чтобы вам заслужить награду за доброе пользование, а ему – за смирение? Не съеденный вами хлеб – это пища голодного; хранящийся про запас плащ – это одежда нагого; изгнившие без дела сандалии – это обувь босого, хранящиеся в сундуке ценности – это деньги нищего. Это вы несправедливы в той мере, в какой могли бы помочь”. И то же самое, но другими словами, говорит нам Амвросий». См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 1–46 ...* С. 414–415.

христианин, то всеми возможными способами должен искать благодати Христа и Господа твоего, и если он дал тебе имущество, ищи его благодати любовью к бедным и милостыней, особенно при наличии излишков»⁵¹⁹. На следующий день, продолжая комментировать указанный псалом, монах, похоже, пытается воздействовать на эмоции слушателей, но при этом не оставляет практику интеллектуальных упражнений. Он приводит несколько переводов стиха *Bonus est homo, qui miseretur et commodat* (Добрый человек милует и займы дает) – Св. Иеронима (*bonus homo* / добрый человек); Блаженного Августина (*suavis homo* / приятный человек); и «тот, что читают в латинской Церкви» (*iocundus homo* / радостный человек); а затем дает свою интерпретацию. «Итак, подумаем немного над всеми этими тремя словами, то есть *bonus, suavis, iocundus*, что все они проистекают от этого милосердия и того, кто является человеком милосердным»⁵²⁰, – предлагает Савонарола и продолжая поясняет их смысл: «добрый», поскольку «добро распространяется само по себе, ... всегда отдает себя», «добрый человек добровольно отдает себя и то, что имеет, другим»⁵²¹; «радостный» так как, охотно дающий милостыню, во-первых, на основании любви обретает наслаждение, ибо «любит того, кому дает, или того, ради кого предоставляет дар; и поскольку любовь есть вещь, объединяющая и переносящая любящего в любимое, поэтому это состояние щедрого подателя есть вещь, доставляющая наслаждение», во-вторых, такой человек «обретает доброе имя и добрую славу среди людей, что возвышает его среди прочих; и поскольку превосходство доставляет наслаждение, то в результате человек становится веселым и радостным», в-третьих, радостным его делает надежда, ибо поданная им «милостыня порождает надежду на жизнь вечную»; и, наконец, «приятный», поскольку тот, кто со смирением помогает нуждающимся, «приятен им, помогая нести бремя бедности, болезни и нищеты»⁵²². Помимо наставлений монах организует сбор средств во время церковных праздников, а также призывает граждан

⁵¹⁹ Ibid. P. 153.

⁵²⁰ Predica X // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 158.

⁵²¹ Ibid. P. 159.

⁵²² Ibid. P. 160–161.

Флоренции жертвовать в Компанию Добрых мужей Св. Мартина, члены которой распределяли милостыню среди бедных⁵²³.

Монах не ограничивался поощрением каритативных практик. В одной из его декабрьских проповедей 1494 г. сформулированы требования к доброму бедняку, свидетельствующие о том, что проповедник не поощрял социальное иждивенчество: если нуждающемуся «подали больше, чем необходимо, он не должен брать выше своих потребностей, и если возьмет, то должен вернуть»; также не следует принимать милостыню, «если не испытываете нужды, иначе придется возратить ее»; и, наконец, «если вы можете обеспечить себя иным образом, сделайте это и работайте, иначе согрешите, отбирая хлеб у бедных»⁵²⁴. В свою очередь, горожанам следует позаботиться «об открытии мастерских, чтобы бедные могли работать и зарабатывать на жизнь»⁵²⁵, «чтобы каждый, особенно бедные, могли работать и прокормить себя своим трудом»⁵²⁶. Слова проповедника о предоставлении работы беднякам нельзя назвать маргинальными на фоне его же многочисленных призывов о пожертвованиях в пользу нуждающихся. Стоит обратить внимание на то, как сам фра Джироламо несколько позже отвечал своим оппонентам. «Подойди сюда, ты, кто говорит, что я не желаю, чтобы работали, и что я смущаю народ ... ты плохо слушал: я проповедую это открыто и приватно, побуждая многих к работе ..., если бы я не делал этого, многие не работали бы так, как трудятся в это тяжелое время», – заявляет Савонарола 6 марта 1496 г.⁵²⁷. В проповедях того же года монах несколько раз повторял мысль о том, что лучшая милостыня – это предоставление работы беднякам: «я говорю тебе, чтобы ты дал работу всякому, кто может; предоставьте, говорю, работу беднякам, и уповайте на помощь Бога, ибо это доброе дело – давать пропитание беднякам, и нет лучше милостыни, чем эта, то есть предостав-

⁵²³ Predica I // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 20; Predica VII // *Ibid.* P. 121–122. Подробно об этих практиках – в последующих разделах работы.

⁵²⁴ Predica VIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 141.

⁵²⁵ Predica X // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 169.

⁵²⁶ Predica VII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 122; Predica XX // *Ibid.* P. 356.

⁵²⁷ Predica XIX // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri.* Roma: A. Belardetti. 1971. Vol. 2. P. 38–39.

лять работу беднякам и платить за тяжелый труд их рук»; «вы, горожане, сделайте так, чтобы ваши цехи работали, поскольку это наилучшая милостыня, которую вы можете сделать, и не бойтесь, ибо Господь Бог откроет вам путь, который вы не утратите»⁵²⁸. Этих слова, прозвучавшие два года спустя, можно было бы интерпретировать либо как желание доминиканца оправдать себя и многочисленные процессии, сопровождавшиеся значительным сбором милостыни, либо как результат эволюции проповедника, либо предположить, что уже в 1494 г. монах, пребывающий во Флоренции не первый год, проникся насущными потребностями своей паствы⁵²⁹.

Еще одним препятствием для реализации принципов «общего блага» было разорявшее одних и чрезвычайно обогащавшее других занятие ростовщичеством. Для Савонаролы, как и для любого другого проповедника, практика ростовщичества была не только причиной материальных проблем социума и разорения отдельных граждан, но обнищания духовного. И здесь трудно не согласиться с мнением Микеле Луццати и Кристины Галассо, охарактеризовавших позицию фра Джироламо следующим образом: «Ростовщичество должно было исчезнуть из жизни города, не только потому, что противоречило всякому божественному и естественному праву, но и потому, что, подобно жуткому червю (*pessimo verme*), пожирало человеческую плоть и душу»⁵³⁰. «О, купцы, оставьте свое ростовщичество, верните несправедливо приобретенное и чужое имущество, иначе лишитесь всего», – обращается Савонарола к горожанам Флоренции 1 ноября; в последующих проповедях конца 1494 г. он, возвращаясь к этой теме, еще не выдвигает четко оформленных предложений, ограничиваясь призывом вернуть «ближнему его имущество», «возместить то, что несправедливо было захвачено у частных лиц

⁵²⁸ Соответственно, проповеди 26 февраля и 4 марта 1496 г. См.: Predica X // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria / a cura di Paolo Ghiglieri. Roma: A. Belardetti. 1971. Vol. 1. P. 281; Predica XVII // Ibid. P. 428.

⁵²⁹ См.: Тельменко Е.П. Джироламо Савонарола и проблемы реформирования социально-экономической жизни Флоренции конца XV в. // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион: Науч. образоват. и прикл. журн. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2010. № 2. С. 97–100.

⁵³⁰ Luzzati M., Galasso C. Primi appunti su Girolamo Savonarola e gli ebrei dello stato fiorentino // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 36.

или у коммуны»⁵³¹. Практика займов одобряется им исключительно в контексте помощи ближнему: согласно монаху, также как и милостыню, их необходимо предоставлять в случае крайней нужды и наличия излишнего, но не для получения прибыли, а безвозмездно. «Если ты хочешь быть истинным христианином и добрым гражданином своего города, – наставляет монах своих прихожан, – ... предоставляй безвозмездно и помогай своей родине и ближнему своему во всех нуждах ... давайте другим, не уповая на награду или иную прибыль, кроме жизни вечной»⁵³². И, тем не менее, за этими довольно расплывчатыми рассуждениями стояли актуальные проблемы флорентийского общества, – положение заемщиков, вынужденных брать средства под высокий процент у частных лиц, а также финансовые трудности коммуны, которые правительство пыталось решить посредством займов и налогов, – не ощущать которые монах не мог, и, как показывают дальнейшие события, стал катализатором реформ, направленных на их урегулирование.

В свою очередь, как отмечает Франческо Мартелли, ссылаясь на исследования своих предшественников, «вопросы налогообложения и, в частности, введения прямого налога, были одной из доминирующих тем, волновавших граждан с момента переворота, ставшего причиной изгнания Пьеро Медичи из Флоренции»⁵³³. Савонарола и здесь улавливает общие настроения. Так в посвященной политическим вопросам проповеди 14 декабря 1494 г., на которой присутствовали, как уже ранее упоминалось, члены Синьории и прочие должностные лица города, он достаточно четко формулирует основные принципы налоговой реформы, отвечающей «общему благу»: «в хорошо управляемом городе необходимо, чтобы те, кто правит, устроили так, чтобы налоги (речь о прямых налогах – Е.Т.), которые платят город и подчиненные территории, взимались справедливо и пропорционально имуществу, а не по произволу (*non per arbitrio*), как это иногда случалось»; эти налоги должны

⁵³¹ Predica X // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 166; Predica XV // *Ibid.* P. 256.

⁵³² Predica X // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 162.

⁵³³ *Martelli F. Alcune considerazioni sull' introduzione della «Decima» a Firenze in epoca savonaroliana // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 131.*

быть «умеренными, такими, чтобы не превышать доходов» с означенного имущества⁵³⁴. Насколько назревшей была необходимость усовершенствования системы сбора налогов, свидетельствует и то обстоятельство, что уже 22–23 декабря Совет народа и Совет коммуны принимают постановление с обязательством принять новый закон о налогообложении в ближайшем будущем, а также решить вопрос с просроченными задолженностями граждан фиску (это начинание имело также важное политическое значение, поскольку должники коммуны не могли быть номинированы на государственные должности)⁵³⁵.

Итак, если до 1494 г. обращение Савонаролы к социальным проблемам и порождавшему их институциональному порядку можно назвать спорадическим и связанным с довольно общими рассуждениями о несправедливости власть имущих и необходимости улучшения положения простого народа, то после антимедичейского переворота вмешательство монаха в политику обретает более конкретный и перманентный характер. Проповеди на Аггея позволяют увидеть, как доминиканец, улавливая настроения большинства, озвучивает их и поддерживает своим авторитетом те инициативы, касающиеся политического и экономического реформирования Флоренции, которые, по его мнению, соответствуют «общему благу».

Собственно, идеальная модель общественного устройства, основные очертания которой обозначились в выступлениях фра Джироламо конца 1494 г., – как уже было отмечено выше, томистско-аристотелевская в своей основе, – имеет целью достижение общего блага. Концепт «общего блага» позволяет проповеднику обратиться к проблеме морального измерения политики и экономики, связать внутреннее (духовное) обновление с политическими и экономическими преобразованиями, и в итоге утверждать, что «государство народа Божия всегда управляется с помощью молитв и доброй жизни»⁵³⁶.

⁵³⁴ Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 223–224.

⁵³⁵ Martelli F. Op. cit. P. 133.

⁵³⁶ Predica XXIII // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 417. Об этом же в проповеди 7 декабря 1494 г.: ... государства истинных христиан управляются с помощью молитвы и добрых дел, и неправду говорят безум-

Взаимосвязь религиозно-нравственного реформирования с изменениями в сфере общественных отношений основывается на понятии человека как социального существа, и выражается в отстаивании монахом положений о том, что, во-первых, добрые христиане – идеальные граждане совершенного государства: выполнение предписаний евангельского закона предполагает проявление не абстрактной, а деятельной любви к Богу и ближнему, эта любовь, превращаясь в социальное действие, способствует утверждению принципов общего блага в политике и экономике, и, соответственно, ведет к укреплению единства граждан и процветанию государства и общества; и, во-вторых, совершенство человека связано с качествами общества, в котором он существует, поэтому создание совершенного («духовного» и основанного на народном правлении, согласно Савонароле) государства – основа для формирования добрых граждан (совершенных людей).

Сопоставительный анализ последующих проповедей и дальнейших событий дает возможность выяснить, с какими трудностями реализации на практике столкнулся проект совершенного общества (государства) Савонаролы. Но, прежде чем обратиться к этому вопросу, стоит, отметив очевидное совпадение рассуждений монаха об идеальном (для города на Арно) государственном устройстве в выступлениях на Аггея и в составленном им в 1498 г. «Трактате об управлении Флоренцией», предположить, что все это время монах сохранял уверенность в доброкачественности означенной модели.

2.3. Проект идеального общественного устройства и политическая реальность

ные и злые люди, что нельзя править государством с помощью «Отче наш». Это сказано о тиранах, а не о добрых правителях. Так управляются тирании, но они недолговечны. См.: Predica VIII // Ibid. P. 134–135.

Итак, модель идеального общества, предложенная Флоренции доминиканским монахом, предполагала обеспечение единства (и соответственно – процветания) социума через соблюдение принципов общего блага и справедливости. Проект Савонаролы, как и любая теоретическая схема, должен был пройти испытание изменяющейся социальной и политической реальностью. Как представляется, главной проблемой с которой неизбежно сталкивается любой реформатор, и фра Джироламо здесь не исключение, является сохранение долговременной сплоченности общества и его движения в намеченном преобразователем направлении, что обеспечивается различными способами, – как силой убеждения, так и с помощью различных инструментов принуждения.

Примечательно, что современник доминиканца – Никколо Макиавелли в своем сочинении «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия», обращаясь на примере Нумы Помпилия к вопросу о месте и роли религии в обществе, заметил: «Вообще нельзя назвать ни одного учредителя чрезвычайных законов, который не ссылался бы на Бога, потому что в противном случае эти законы не были бы приняты народом; ведь многие блага, представляющиеся таковыми благоразумному человеку, не столь очевидны, чтобы можно было убедить в этом других. Мудрые люди, желая устранить это неудобство, прибегают к ссылке на Бога»⁵³⁷. Развивая далее свою мысль, итальянский политик указал среди «первопричин процветания» древнего Рима религию, поскольку от нее «пошли добрые обычаи, которые способствуют удаче, а удача помогает успешному завершению всех предприятий» и заключил – «если соблюдение богопочитания ведет к величию республик, то пренебрежение им бывает причиной их краха», ибо «в отсутствие страха Божия царство непременно должно погибнуть, или недостаток благочестия в нем должен быть

⁵³⁷ *Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / пер. М.А. Юсима // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. Москва: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 170–171.*

возмещен страхом перед государем»⁵³⁸. Успех Нумы этот мыслитель объяснил набожностью и неразвитостью людей того времени, но при этом указал – «это не значит, что невозможно воздействовать с их помощью (подобными методами – Е.Т.) на цивилизованных людей, которые считают себя просвещенными» и привел пример флорентийцев, которых «брат Джироламо Савонарола убедил, что он беседовал с Богом». Не берясь судить об истинности утверждений доминиканского монаха, Макиавелли попытался объективно и с рациональных позиций осмыслить феномен Савонаролы, заявив, что «о таких людях должно говорить с уважением», и что «для подкрепления веры» огромного количества горожан «ничего необыкновенного не потребовалось», поскольку «образ его жизни, учение и предмет, избранный им, обладали достаточной силой убеждения, чтобы они уверовали»⁵³⁹.

В другом своем труде – «Государь», утверждая, что преобразователи общества тем успешнее в достижении поставленных целей, чем более они «самодостаточны» и «могут применить силу», ибо «нрав людей непостоянен и если обратить их в свою веру легко, то удержать в ней трудно», Макиавелли, обратившись к событиям во Флоренции конца XV в. назвал Савонаролу «безоружным пророком», отметив, что «введенные им порядки рухнули, как только толпа перестала в них верить, у него же не было средств утвердить в вере тех, кто еще верил ему, и принудить к ней тех, кто уже не верил»⁵⁴⁰.

Означенные рассуждения Макиавелли, – в том числе о религии как инструменте обоснования введения новых законов и культивирования добрых нравов, способствующем «величию» государства, – во-первых, имеют определенное сходство с позицией Савонаролы, во-вторых, позволяют увидеть, как Никколо обнаруживает и оценивает политическую составляющую в действиях доминиканского реформатора, обладавшего силой убеждения, но не имевшего в своем распоряжении инструментов для принуждения⁵⁴¹.

⁵³⁸ Там же. С. 171.

⁵³⁹ Там же. С. 172.

⁵⁴⁰ Макиавелли Н. *Государь* / пер. Г. Муравьевой. Москва: Директ-Медиа, 2012. С. 36–37.

⁵⁴¹ См., например, статью А.В. Топоровой, в которой автор не только сравнивает политические идеи Савонаролы и Н. Макиавелли, но и обращается к проблеме отношения последнего к доминиканскому пророку-

В сущности, предложенная Савонаролой Флоренции модель идеального общества, в которой мораль и политика были тесно взаимосвязаны, ставила монаха в положение, когда он должен был проявить себя не только как духовный лидер, но и как политический деятель, и при этом, в качестве последнего, избежать обвинений в авторитаризме и претензиях на тираническое управление.

В праздник Богоявления, 6 января 1495 г. Савонарола возобновляет проповеди. Центральное место в его обращении к прихожанам, основанном на толковании псалмов, занимает вопрос установления всеобщего мира: причем, доминиканец сосредотачивается не только, и даже не столько, на нравственных наставлениях, сколько на практических шагах правительства по принятию соответствующего правового акта. Видимо, рассчитывая на действенность общественного мнения в продвижении закона, фра Джироламо посвящает паству в подробности своего выступления во дворце Синьории в последний день декабря 1494 г. «Я был во Палаццо в день Св. Сильвестра для заключения этого всеобщего мира», – сообщает монах, и, продолжая, заявляет: «... поскольку там, наверху, я обращался к немногим ..., сейчас я изложу здесь публично ... все доводы, которые приводил»⁵⁴². В пользу этого мира свидетельствуют согласно монаху, во-первых, «божественные основания»: практически бескровный переворот и то, что Флоренция устояла до сего дня среди «опасностей и испытаний» – знак того, что Господь простил «многочисленные грехи» ее жителей, подобным же образом следует отнестись «к твоим близким и горожанам»⁵⁴³.

В свою очередь «естественные доводы», которым, по словам проповедника, флорентийцы доверяют намного больше, сводятся к следующему: кто без греха, может наказывать других (но практика показывает, что таких людей, в сущности, нет); кто «обагрит руки кровью» и причинит страда-

реформатору, в том числе, ссылаясь на современную зарубежную историографию. *Топорова А.В.* Савонарола и Макиавелли: взгляд на политику // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. Сборник статей. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2013. С. 255–269.

⁵⁴² Predica I // *Savonarola G.* Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 9.

⁵⁴³ Ibid. P. 11.

ния, сам затем претерпит подобное; совершив зло в отношении одного сделаешь своими врагами все его семейство; милосердие к другим обернется милосердием к тебе; если не сделать этого, «город разделится на две части, то есть добрых и скверных людей, и иссякнет любовь в твоём городе»; осудив невинных вызовешь гнев Господа на себя; подвергнутые ссылке, «направятся к Государям и разгласят секреты твоего государства, что может причинить чрезвычайно большой вред»; и, наконец, «опыт показывает», что «скопившееся в прошлом значительное раздражение необходимо разрешить сейчас»⁵⁴⁴.

Франческо Гвиччардини, практически дословно воспроизведя в своей «Истории Флоренции» отрывок проповеди на Богоявление, где доминиканец разъясняет, что он понимает под установлением всеобщего мира⁵⁴⁵, сообщает еще об одной об инициативе Савонаролы, напрямую связанной с целью «установить в городе спокойствие» и состоящей в том, «чтобы шесть членов Синьории были лишены права по собственной воле будоражить народ, изгонять и убивать граждан по своему произволу, как то было в прежние времена», то есть «ограничить власть шести бобов и постановить, чтобы всегда в случае, если какой-либо гражданин от имени государства приговорен к наказанию, отстранен от участия в Синьории или любой другой должности, он мог бы апеллировать в Большой совет»⁵⁴⁶. Речь идет о праве правительства республики шестью голосами приговаривать виновных в преступлениях против государства и тяжких уголовных деяниях к ссылке и изгнанию, конфискации имущества и смерти⁵⁴⁷.

Действительно, в выступлении 6 января 1495 г. фра Джироламо призывает «несколько умерить власть шести бобов Синьории» и в качестве апелляционной инстанции предлагает «Совет восьмидесяти или ста, избранный из членов Большого совета». При этом монах пытается развеять сомнения в том, что появление апелляционного Совета умалит власть и пошатнет авторитет Синьории. Правительство, согласно проповеднику, может стремиться обре-

⁵⁴⁴ Ibid. P. 12–13.

⁵⁴⁵ Ibid. P. 11.

⁵⁴⁶ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 104.

⁵⁴⁷ Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 214.

сти влияние и авторитет, верша либо зло, либо добро; в первом случае «этого нельзя допустить», а во втором – действия Синьории «будут одобрены означенным Советом»; таким образом «этот Совет по апелляциям не лишит Синьорию влияния, но скорее – скверного авторитета»⁵⁴⁸. В этой и в последующих проповедях Савонарола представляет Совет не только как узду для Синьории, но и как стимул и опору в ее решениях. «Будет величайшей поддержкой Синьории этот Совет, если только он будет создан», ибо таким образом Синьория станет «настроена наказывать дурных людей ... поскольку она не одна»⁵⁴⁹, – обосновывает необходимость введения нового магистрата Савонарола, и, продолжая свои рассуждения в следующей проповеди 11 января, заявляет: «Я тебе говорил об этих шести бобах, что необходимо предоставить им некую палку (*bastoncello*), то есть этот Совет по апелляциям, и таким образом ... Синьория будет более настойчива и решительна в любом деле»⁵⁵⁰.

При этом монах демонстрирует хорошее знание флорентийской системы управления, с ее достоинствами и недостатками: частая сменяемость магистратов в республике была не только проявлением демократии, но и основанием нестабильности общества, в котором действовали различные партии и группировки; вероятный приход в Синьорию политических оппонентов (тем более в случае ущемления их интересов прежним составом), тормозил принятие важных, в том числе судебных, решений, а также вызывал стремление разделить ответственность с другими органами и структурами власти. Об этой проблеме Савонарола упоминает в проповеди на Благовещение⁵⁵¹, а затем более пространно рассуждает в выступлении 17 января 1495 г. «Зло твое пребывает внутри, ... оно в государственном режиме, который сейчас существует», – замечает монах, и продолжая уточняет: «Я не утверждаю, что имеется сейчас кто-либо здесь, кто желает творить зло, но он появится, поскольку ты возвышаешь значительное число людей на короткий промежуток вре-

⁵⁴⁸ Predica I // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 13.

⁵⁴⁹ Ibid. P. 14.

⁵⁵⁰ Predica II // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 32.

⁵⁵¹ Predica I // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 13–14.

мени, которые завидуют друг другу и сталкиваются между собой; поэтому вполне возможно наступит время, когда некая часть грандов (*grandi*) обретет в качестве друзей большинство Синьоров (то есть шесть бобов) и изгонит, и уничтожит других»⁵⁵². При этом проповедник предлагает горожанам вспомнить историю Козимо Медичи, изгнанного в 1433 г. и вернувшегося в следующем 1434 г. благодаря действиям «дружественно настроенной» к нему Синьории. Возражения, основанные на том, что новый способ формирования Синьории, – очевидно, подразумевалась введенная сроком на год практика выборов ее состава «вручную» Комиссией 20 аккопьяторов, – гарантирует правительство от злоупотребления этим правом, не убеждают Савонаролу. «Ты скажешь: “Ах, мы выбираем Синьоров таким способом, что не может произойти подобной неприятности”. Безумец! Ты не замечаешь, что шесть бобов противодействуют и вредят тому, кто их применяет», – выражает свои сомнения фра Джироламо, и призывает народ не позволить ввести себя в заблуждение, ибо «шесть бобов» удобно применять в борьбе с противниками и для того, чтобы возвыситься⁵⁵³. Кроме того, продолжая в проповеди 20 января отстаивать необходимость введения права на апелляцию, Савонарола обращается не столько к проблеме политической ориентации членов Синьории, сколько к необоснованной, по его мнению, абсолютизации непогрешимости их решений: «Ты говоришь: “Подобно тому, как разум, являющийся первой потенцией души, не имеет апелляции, также и Синьория во Флоренции, являющаяся первой силой (*la prima potenza*) этого города, не имеет апелляции”». Приведя этот «наиболее сильный» довод оппонентов реформы, монах тут же опровергает его как не соответствующий реальности, «ибо ты знаешь, что в этом месте постоянно не пребывают наиболее мудрые граждане города»⁵⁵⁴. Примечательно, что в упомянутой прежде проповеди 17 января Савонарола, ссылаясь на опыт Венеции, – притягательность этой модели политического устройства, как для проповедника, так и горожан, очевидны, – и

⁵⁵² Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 79.

⁵⁵³ Ibid. P. 79–80.

⁵⁵⁴ Predica VI // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 107.

здесь находит пример существования права на апелляцию, причем не к «широкому совету», а к ограниченному кругу лиц. «Кроме того, – заявляет проповедник, – ты можешь поступить как Синьория Венеции, что имеет десять достойных людей, которые не принимают апелляции, но после исполнения своей должности они состоят в синдикате (*stanno a sindacato*), и вновь обсуждают все то, что ими было скверно содеяно»⁵⁵⁵.

Принятие закона о всеобщем мире и шести бобах затянулось до марта 1495 г. Выступление доминиканского брата 25 января свидетельствует о его неудовлетворенности текущим положением дел, связанным с воплощением предложенной флорентийцам идеальной модели общественного устройства на практике. Савонарола напоминает пастве о том, что проповедовал «четыре вещи, которые были твоим спасением», то есть «первое – страх Божий, второе – общее благо, третье – всеобщий мир, четвертое – реформа»; затем указывает, что до сих пор «сделано недостаточно из того, что я тебе говорил, то есть немного относительно реформы», что горожане похожи на больного, который не делает «всего того, что ему предписал врач», и таким образом либо желает умереть, либо ухудшить свое состояние. Все это, по мнению проповедника, позволяет ему «предоставить место некоторому гневу»: фра Джироламо в сердцах заявляет, что хочет стать просто монахом, не вникать в государственные дела, в том числе – «не вмешиваться более в шесть бобов», сверх того – уйти проповедовать в Лукку⁵⁵⁶, а «затем, возможно, еще дальше», к язычникам⁵⁵⁷.

«Флорентийская история» Пьеро ди Марко Паренти позволяет увидеть, как с января по март происходит трансформация отношения городского правительства и граждан республики к введению всеобщего мира и закону о шести бобах. При этом, стоит обратить внимание на то, как в тексте сочинения

⁵⁵⁵ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 80. О венецианском Совете десяти, например, см.: Юсупов А.Ю. Система управления Венецианской республики в VII–XV вв. ... С. 371–376.

⁵⁵⁶ Лука Ландуччи в своих записях об этом дне замечает, что «народ был очень огорчен» означенным заявлением монаха. См.: *Landucci L. Op. cit.* P. 99.

⁵⁵⁷ Predica VII // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 124–125.

этого современника (в том числе при описании сходных ситуаций⁵⁵⁸) обнаруживается проблема постоянного, если можно так выразиться, «многоголосья» в городе на Арно, ситуативного изменения и переплетения мнений и суждений по важным государственным вопросам.

В январе 1495 г., когда доминиканский брат начал публично призывать ограничить право Синьории «отправлять в ссылку 6 бобами» и разделить эту власть «с другим магистратом или множеством граждан», «гранды», согласно Паренти, опасаясь утратить свое влияние, выступили против, обосновывая свою позицию, в-первых, тем, что «это лишит Синьорию репутации», поскольку «одобрение (санкционирование наказания – Е.Т.) другими, будь то учреждения либо люди, приведет к тому, что они возвысятся над ней, а не она над ними», и, во-вторых, тем, что этот шаг будет означать отход от традиции, когда издревле⁵⁵⁹ Синьория постоянно обладала подобным правом⁵⁶⁰.

Затем автор «Флорентийской истории» сообщает: поскольку монах непрестанно увещевал к заключению мира, Синьория созвала «большую Пратику»⁵⁶¹, где было решено принять постановление о прощении преступлений, совершенных до 9 ноября, а после – подвергать провинившихся наказанию. Однако, «полагая, что такая вещь может быть опасной», поскольку «Серые» – сторонники партии Медичи, «возрадуются», «избавятся от страха» и «вступят в сговор», ибо только «страх» и «осмотрительность сдерживает их», была собрана другая, уже «секретная Пратика», на которой «было условлено ничего не предпринимать, и сказать брату Иерониму оставить это (предприятие – Е.Т.)»⁵⁶². Кроме того, на тайном совещании было решено «не лишать (Синьорию – Е.Т.) власти шести бобов», и таким образом «сохранить инструмент⁵⁶³ для оперативного наказания какого-либо сильного горожанина из приверженцев прежнего правления». Реакция народа, в силу отрицатель-

⁵⁵⁸ Например, см. выше о реформах в декабре 1494 г.

⁵⁵⁹ «ab antico».

⁵⁶⁰ Parenti P. Op. cit. P. 167.

⁵⁶¹ Судя по порядку изложения событий во «Флорентийской истории», Пратика была созвана после 20 января.

⁵⁶² Ibid. P. 172–173.

⁵⁶³ bastone – «палку».

ного отношения к промедичейской группировке, в целом совпала с позицией правительства. «Эти два заключения, хоть отчасти и не нравились людям, которые стремились удовлетворить брата Иеронима, – замечает Паренти и, продолжая, уточняет, – тем не менее были по сердцу, когда речь шла о возможности наказания кого-либо из лидеров Серых»⁵⁶⁴.

В марте ситуация складывается по-иному. Прежняя Синьория сменилась новой, состоящей «из уважаемых и состоятельных людей», часть которых оказалась «ближайшими родственниками ненавистников нового правления»⁵⁶⁵, то есть сторонников прежнего режима⁵⁶⁶. Как сообщает Паренти, в это время «горожане, живущие плохой или доброй жизнью, обретались без какого-либо различия в правительстве», при этом «многие желали Пьеро Медичи»⁵⁶⁷. Кроме того, республика нуждалась в «*cittadini grandi*» – богатых и влиятельных гражданах, как источнике средств, необходимых «чтобы заплатить королю Франции» часть суммы, оговоренной в ноябрьском соглашении 1494 г., а также в качестве искусных дипломатов и администраторов, «которые вели переговоры с синьорами Италии, и постоянно наблюдали за интригами правителей, и принимали участие в обсуждениях относительно нашего города, и исполняли все надлежащие им (обязанности – Е.Т.)»⁵⁶⁸. По этой причине, если предыдущая Синьория «проявляла стремление наказать» Серых, то новому ее составу это представлялось практически невозможным⁵⁶⁹.

Паренти выказывает также еще одно предположение, объясняющее почему городская верхушка («*Grandi*») начала склоняться к принятию решения о введении всеобщего мира и ограничении «власти шести бобов»: согласно Пьеро ди Марко, эта часть граждан, видя, что правление «становится все бо-

⁵⁶⁴ Ibid. P. 173.

⁵⁶⁵ Ibid. P. 189.

⁵⁶⁶ «*strettissimi parenti delli essosi al nuovo reggimento*»: Ф. Кордеро в своем труде указывает на возможность двойственного толкования текста источника – либо «приверженцы узкого правления», либо «медичейский истеблишмент», но полагает, что хронист подразумевал второе значение. См.: *Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ...* P. 240. Действительно, дальнейшие рассуждения П. Паренти подтверждают то, что сочинитель имел в виду «Серых».

⁵⁶⁷ *Parenti P. Op. cit.* P. 189.

⁵⁶⁸ Ibid. P. 190.

⁵⁶⁹ Ibid.

лее народным», и существует перспектива «с течением времени формировать Синьорию посредством народных выборов», стала опасаться утратить власть и политическое влияние, по этой причине была заинтересована в сужении прав Синьории, а также в преуменьшении ее авторитета, представив этот отправляющий горожан в ссылку орган «в качестве источника опасности» для нового режима⁵⁷⁰. Таким образом, заключает Паренти, «гранды, понимая ..., что невозможно чувствовать себя в безопасности в городе, если не умалить власть Синьории, вновь подстрекаемые множеством Серых, приложили усилия, совместно с расположенной к подобному результату Синьорией, чтобы относительно власти 6 бобов, равным образом и всеобщего мира, принять решение прежде, чем уйдут послы к королю Франции»⁵⁷¹.

Здесь упомянута еще одна причина, побуждавшая правительство к скорейшему принятию закона, внешняя. Заключалась она в необходимости призвать Карла VIII к соблюдению пунктов ноябрьского договора с Флоренцией, согласно которому король обязывался вернуть республике принадлежавшие ей крепости, в том числе Пизу, после того, как французы захватят Неаполь. 5 марта были избраны послы к Карлу VIII, чтобы поздравить его с победой и напомнить о выполнении означенного соглашения⁵⁷². Как утверждает Паренти, принятое накануне отбытия посольской миссии постановление должно было «показать королю Франции, что наш народ един, и не стоит более ожидать разделения во Флоренции, которое должно разрушить нашу свободу», что «все готовы к защите нашей свободы, желая получить обратно наше (крепости – Е.Т.) и жить в мире и согласии с Его Величеством, как это надлежит добрым сыновьям»⁵⁷³.

Между тем, наделение Синьории «в давние времена» правом подвергать репрессиям, согласно Паренти, толковалось гражданами Флоренции, как

⁵⁷⁰ Ibid. P. 190–191.

⁵⁷¹ Ibid. P. 192.

⁵⁷² Ibid. P. 188. Ландуччи в своем «Дневнике» сходным образом описывает настроения в городе касательно исполнения договора французами. В записи 5 марта 1495 г. он сообщает об избрании четырех послов; а 6 марта отмечает: «много обсуждали, что означает то, что Король не отдает нам Пизу, видя среди нас множество друзей его короны, и пообещав (передать) ее нам после обретения Неаполя». См.: *Landucci L.* Op. cit. P. 102. Неаполь был взят французскими войсками 22 февраля 1495 г.

⁵⁷³ *Parenti P.* Op. cit. P. 195.

средство защиты государства и социально слабых, низших слоев населения («Minori») от оптиматов, которые «первоначально не боялись ни Синьории, ни прочих Магнатов, полагаясь на собственную силу». Соответственно, со стороны народа в означенное время обнаруживается «значительное противодействие, (связанное с мнением – Е.Т.), что лучше было бы поскорее наказать Серых, чем поступать по-иному, и не умалять власть 6 бобов»⁵⁷⁴.

В конце концов, гонфалоньер справедливости Танаи де Нерли, «видя намерения народа, который выступал за то, чтобы ничего не менять», счел нужным заняться этими вопросами «для блага города»: правительство созвало Пратику дабы выслушать мнения «за и против»⁵⁷⁵. Консультативное совещание выказало одобрение относительно «установления мира и предоставления апелляции на Синьорию». Народ «еще более подозрительно» воспринял это решение, поскольку (если доверять информации Паренти) распространилось суждение, что Синьория «обратилась к умиротворению граждан не для пользы народа и города, а для обеспечения безопасности Грандов, связанных с прошлым и нынешним правлением, а также Серых, с тем, чтобы уберечь всякого своего родственника и друга»⁵⁷⁶. Паренти сообщает о «скрытом волнении» в городе; о «колебаниях»; подозрениях, что «за этим постановлением скрыт обман»; о том, что среди граждан «обнаружилось твердое намерение взяться за оружие», поскольку «многим казалось, что свобода может быть утрачена, особенно, если власть Синьории будет ущемлена»⁵⁷⁷.

Согласно новой процедуре принятия законов, после Синьории и Коллегий свое заключение должен был дать Совет восьмидесяти, «в котором обрелся цвет города вместе с Двадцатью и Десятью», поскольку «считалось, что если это постановление пройдет (здесь) тщательное обсуждение, то затем с легкостью будет принято в Большом совете»⁵⁷⁸. В итоге, 16 марта закон был одобрен «Синьорией и Коллегиями», 18 марта – Советом восьмидесяти, а 19

⁵⁷⁴ Ibid. P. 191.

⁵⁷⁵ Ibid. P. 191, 192–193.

⁵⁷⁶ Ibid. P. 193.

⁵⁷⁷ Ibid. P. 194.

⁵⁷⁸ Ibid.

марта утвержден Большим советом⁵⁷⁹. Как сообщает Паренти, на Большом совете собралось «около 700 человек», из которых только 163 проголосовали против. Примечательно, что в агиографических сочинениях последователей Савонаролы («плакс») такой исход голосования представлен как чудо. Плачидо Чиноцци, например, вспоминал, что монах, говоря о продвижении реформы Флоренции, утверждал: «Вы сделаете это в любом случае, хотите вы того или нет, белые бобы превратятся в черные»⁵⁸⁰. Псевдо-Бурламакки в «Жизнеописании» Савонаролы приводит аналогичное высказывание брата, а также находит сходство между событиями, связанными с учреждением Большого совета и принятием закона о всеобщем мире и шести бобах: в обоих случаях принятию постановлений предшествовали бурные обсуждения, мощное противодействие и сомнения в положительном итоге голосования; «многие подавали белые бобы», а затем изумлялись, что при подсчете голосов большинство из них оказывались черными, «как (о том прежде) говорил слуга Божий»⁵⁸¹.

Принятый таким образом закон провозглашал амнистию для приверженцев прошлого правления, «прощение проступков с 9 ноября и по сей день», «за исключением долгов Коммуне и убийства»; также те, «кто был осужден Синьорией и Балией Восьми на денежный штраф более 300 флоринов, или изгнание, или смерть, или телесное наказание, могли в установленный срок (8 дней – Е.Т.) апеллировать к Большому совету»⁵⁸².

И тем не менее, при некоем общем консенсусе, состоявшем в том, что подобное нововведение позволяет, во-первых, «ограничить власть верховных магистратов касательно преступников, чтобы они не подвергались жестокому исправлению» и предоставить возможность прибегнуть к помощи «народа Флоренции, который должен быть господином всего», и, во-вторых, проде-

⁵⁷⁹ Landucci L. Op. cit. P. 102–103.

⁵⁸⁰ Cinozzi P. Epistola ... P. 21. То есть голоса «против» превратятся в голоса «за».

⁵⁸¹ La Vita ... P. 77–78. Брат Джироламо, проповедуя 27 марта 1495 г. и касаясь введения закона о «смягчении власти шести бобов», кроме того, заявлял: «Бог и Дева Мария были теми, кто произвел это действие, а не вы». См.: Predica XXV // Savonarola G. Prediche sopra Giobbe ... Vol. 2. P. 15.

⁵⁸² Parenti P. Op. cit. P. 193, 195. См. также: Landucci L. Op. cit. P. 102–103 (Примеч. 2); Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 216.

монстрировать французскому королю единство горожан и их готовность отстаивать свободу, у многих, как сообщает Паренти, остались сомнения относительно второй части постановления, касающейся права на апелляцию. Этим гражданам «казалось, что наша свобода может быть таким образом подчинена фортуне»: как поясняет автор сочинения, апелляция в Большой совет означала затягивание времени разбирательства, что в определенных случаях могло создать опасное положение в городе, ибо «с отсутствием возможности тотчас прибегнуть к жестокости, устранялась перспектива быстрого установления блага»⁵⁸³; еще одно основание для подобного мнения предложил П. Виллари, согласно которому на решения Большого совета, в силу его многочисленности и «неопытности большинства», «скорее могли повлиять страсти, чем правосудие»⁵⁸⁴. В итоге, как сообщил современник Савонаролы, разумные люди пришли к заключению, что «судить о последствиях можно лишь подождав результата, который ясно сможет показать хорошо это или плохо»⁵⁸⁵⁵⁸⁶.

В дальнейшем, поскольку Флорентийская республика не смогла избежать заговоров против народного правления, практика обращения к закону об апелляции выглядит довольно неоднозначной. Так, когда в 1496 г. был обнаружен подобный сговор, 28 апреля «решением Синьории и комиссии Восьми» часть его участников была «временно лишена прав», а трое, – Филиппо Корбицци, Джованни Беницци и Джованни ди Тиньяно, – «лишены прав и навечно заключены в тюрьму Стинке». Последние «по закону 1494 года апеллировали в Большой совет». На его заседании «было зачитано сначала их дело, а затем то, что они написали в свою защиту», однако приговор был сочтен справедливым и «узников так и не выпустили на свободу»⁵⁸⁷.

⁵⁸³ Parenti P. Op. cit. P. 195–196.

⁵⁸⁴ Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 217.

⁵⁸⁵ Parenti P. Op. cit. P. 196.

⁵⁸⁶ См. также: Краснова И. А., Тельменко Е. П. Политические реформы во Флоренции 1494 – 1495 гг. «Закон о всеобщем мире и праве на апелляцию “шести бобов”» // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2020. № 4. С. 58–63.

⁵⁸⁷ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 114–115; Landucci L. Op. cit. P. 130; Cerretani B. Op. cit. P. 231–232. Лука Ландуччи и Бартоломео Черретани сообщают, что преследованиям подверглись еще 25 человек.

Другая группа заговорщиков, связанных с появлением у стен Флоренции 28 апреля 1497 г. Пьеро Медичи⁵⁸⁸, была раскрыта посредством некоего Ламберто делла Антелла. Этот флорентийский изгнанник направил обличительное письмо одному членов из магистрата «Десяти» – Франческо Гвалтеротти, и затем, по своем прибытии в город 5 августа 1497 г., был схвачен и подвергнут допросу. Часть подозреваемых успела скрыться, были задержаны пять человек – Бернардо дель Неро, который во время апрельского заговора исполнял должность гонфалоньера справедливости, Никколо Ридольфи, Джаноццо Пуччи, Лоренцо Торнабуони и Джованни Камби. Заговор «был расценен как весьма значительный». 17 августа состоялась обширная Пратика, в которой участвовало около 180 – 200 граждан, общее собрание которых, после бурных обсуждений, постановило, что следует «предать смерти и конфисковать имущество» означенных горожан. Заключенные, «согласно закону, установленному с помощью брата Джироламо», уже «примененному в деле Филиппо Корбицци, Джованни Беницци и других», просили о реализации права на апелляцию к Большому совету. По этому поводу вновь собралась столь же многочисленная Пратика, где в итоге было принято решение отклонить просьбу об апелляции и как можно скорее казнить преступников; той же ночью, 21 августа, обвиняемым дали возможность исповедаться, а затем лишили жизни⁵⁸⁹.

Примечательно, как один из очевидцев, не причастный к высокой политике Лука Ландуччи, описывает реакцию горожан на происходящее в августе 1497 г. В своем «Дневнике» он воспроизводит пересуды во Флоренции во время арестов заговорщиков: «Много говорили, что будет с ними. Кто утверждал, что здесь ошибка, а кто – нет». Когда стало известно о приговоре, вынесенном первой Пратикой, «всякий удивлялся, что могла быть сделана

⁵⁸⁸ 25 апреля 1497 г. во Флоренции узнали, что «Пьеро Медичи в Сиене с большим количеством людей»; 28 апреля он с отрядом из 400 – 500 всадников и 2000 пехотинцев достиг Флоренции и расположился перед воротами Сан Пьеро (San Piero Gattolino), ожидая, что его сторонники откроют проход в город, однако этого не случилось; в итоге, Медичи пришлось уйти обратно в Сиену. См.: *Landucci L. Op. cit. P. 147; Cerretani B. Op. cit. P. 234–235; Nardi I. Op. cit. P. 95–97; Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 119–120, 123–124.*

⁵⁸⁹ *Landucci L. Op. cit. P. 156–157; Cerretani B. Op. cit. P. 236–240; Nardi I. Op. cit. P. 106–110; Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 124–129.*

подобная вещь, и не могли в это поверить». Отказ в праве на апелляцию показался «слишком жестоким по отношению к подобным людям», а сам автор не мог сдерживать слез, когда увидел Торнабуони, несущих тело казненного «юного Лоренцо»⁵⁹⁰.

В том, что касается упомянутого Лоренцо, любопытно, как характеризует его и еще одного молодого заговорщика – Джаноццо Пуччи, автор «Истории города Флоренции» Якопо Нарди отмечает диссонанс в их поведении и дает ему оценку, распространяя свои выводы на часть городского сообщества. Так, по словам Нарди, Лоренцо ди Джованни Торнабуони «за многие свои добрые качества был всеобщим любимцем». Джаноццо Пуччи – «искусный и хитрый» юноша, поскольку его считали одним из «самых набожных, первым из тех, кто верил в пророчества монаха, и, следовательно, любил свободу и великий совет, ибо верить в пророчества и одновременно не любить совет, подразумевало бы противоречие»; сходное мнение, как указывает автор, бытовало относительно и Торнабуони. В итоге Якопо заключает: «Так что на примере этих двоих представляется истинным то, что ранее мы говорили о симуляции и притворстве (*simulazione e dissimulazione*), которые в это время царили в несчастном нашем отечестве»⁵⁹¹. Действительно, в сочинениях других современников подобная модель поведения (демонстрация себя в качестве приверженца учения доминиканского брата, но при этом преследование собственных целей, в том числе связанных с продвижением политической карьеры) упоминается и описывается. Однако, представляется обоснованным и несколько иное восприятие текста «Истории» Нарди, которое позволяет охарактеризовать сложившуюся к 1497 г. ситуацию в городе следующим образом: речь идет об оценке гражданами действенности той модели республиканской демократии, которая вводилась при поддержке городского пророка, основой, фундаментом которой мыслился Большой совет. К этой проблеме обратимся позже, а пока, в качестве аргумента для такого ее истол-

⁵⁹⁰ Landucci L. Op. cit. P. 156, 157.

⁵⁹¹ Nardi I. Op. cit. P. 107.

кования стоит привести текст Ф. Гвиччардини, посвященный описанию того же Торнабуони: Лоренцо, по словам этого автора, «не испытывал недостатка в любви и расположении народа, который благоволил к нему больше, чем к кому бы то ни было другому», но «считал, что Совет долго не продержится»⁵⁹².

Серьезность ситуации подтверждается тем обстоятельством, что Синьория в обоих случаях, – решение о казни и отклонение апелляции, – стремилась разделить ответственность с широким кругом причастных к управлению города граждан. При этом поведение сторонников брата – «*frateschi*» отличалось довольно большой напористостью и агрессивностью: предложение отстаивавшего право заключенных на апелляцию Гвидантонио Веспуччи «внимательно изучить, какого наказания заслуживают обвиняемые – одного и того же или разных», отвергается; лидер «плакс» Франческо Валори заявляет на второй Пратике, что «либо умрет он, либо обвиняемые»; на членов Синьории во время консультативных совещаний оказывается, как моральное давление криками «правосудия, правосудия», так и физическое воздействие: некий горожанин (возможно, Карло Строцци) хватает одного из голосовавших против (вероятно, Пьеро Гвиччардини) и грозит выкинуть его из окна; палатцо Синьории в ночь казни напоминает, по свидетельству Бартоломео Черретани «кузницу или скорее пещеру, насыщенную иступлением, которую наводнили люди, преисполненные яростным негодованием и гневом, с оружием в руках и бранью на устах». Помимо прочего, после вынесения приговора «для безопасности государства на площадь Синьории был направлен отряд пехоты, который простоял там вплоть до казни монаха»⁵⁹³.

В том, что касается Савонаролы, то согласно Черретани, по городу благодаря «некоторым» людям распространились слухи следующего свойства: «утверждали, что брат Джироламо послал к гонфалоньеру справедливости, которым тогда был Доменико Бартоли, двух братьев, чтобы те возвестили

⁵⁹² Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 127.

⁵⁹³ Cerretani B. Op. cit. P. 237, 239; Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 125–127.

ему, что Господь желает, чтобы свершилось правосудие»⁵⁹⁴. Написавший в начале XVI в. свою «Историю Флоренции» Ф. Гвиччардини высказывал соображения о неизбежности казни этих пяти граждан, «на которых народ так возроптал, что, несомненно, их не спасла бы и апелляция». При этом, развивая мысль, этот младший современник Савонаролы заключает: «Конечно, если бы тот, кто управлял городом, спокойно позволил прибегнуть к защите закона, суд был бы более справедливым и принес бы городу славу, а не хулу, но кто слишком многого хочет, обычно поддается страху и всех подозревает»⁵⁹⁵. Франческо здесь не называет монаха, но явно подразумевает именно его. Складывается ощущение, что это суждение близко по сути к высказываниям другого современника – Н. Макиавелли. В «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» тот прямо уличает доминиканца в непоследовательности. «Не думаю, – заявляет Никколо, – чтобы республиканская власть могла придумать что-нибудь худшее, чем издать закон и не выполнять его, тем более по вине самого его автора». Закон, который монах «смог провести с превеликим трудом и только после долгих уговоров», в случае с пятью гражданами «не был соблюден». По мнению Макиавелли, необходимо было предоставить саму возможность апелляции, а уже затем отклонить или принять ее. «Это происшествие как никакое другое подорвало доверие к брату Савонароле, потому что, если указанная апелляция имела смысл, он должен был допустить ее, если же она не имела смысла, ему следовало настоять на ее отклонении», – заключает этот критик. Кроме того, Макиавелли пеняет брату на то, что «в своих проповедях, читанных после нарушения закона» тот «никогда не осуждал виновников этого, но и не извинял их, как бы не желая порицать их за то, что было ему выгодно, а оправдывать не имея возможности». В итоге, как утверждает этот флорентинец, Савонарола обнаружил таким образом «свой властолюбивый и пристрастный нрав», «нанес ущерб своей репутации и вызвал дурные толки»⁵⁹⁶.

⁵⁹⁴ Cerretani B. Op. cit. P. 238.

⁵⁹⁵ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 128.

⁵⁹⁶ Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия ... С. 230–231.

Паскуале Виллари, автор опубликованного в конце XIX в. фундаментального и до сих пор авторитетного и часто цитируемого исследования, посвященного монаху, приводит массу аргументов в его оправдание, среди которых: несоответствие окончательной редакции закона первоначальному замыслу Савонаролы, который «желал апелляции вовсе не к Великому совету, а совету с небольшим количеством членов»; отсутствие у монаха возможности повлиять на народ и на судей, поскольку в означенное время, «после отлучения»⁵⁹⁷, брат Джироламо был лишен возможности проповедовать, а «каких-либо не прямых или негласных мер он не признавал»; значительное «влияние на решение суда» Франческо Валори, который «слишком увлекся ненавистью или завистью к своему политическому сопернику Бернардо дель Неро» и поддался минутному порыву; стечение обстоятельств, когда на решение Пратики повлияли письма о действиях противников республики (папа, герцог миланский), угрожавших ее свободе; и, наконец, этот итальянский ученый предположил, что «главными виновниками беспорядков были защитники подсудимых», обратившиеся к вместо обычной практики рассмотрения дел к чрезвычайному суду и тянувшие время в ожидании избрания новой Синьории⁵⁹⁸.

Представляется, что при анализе описанных выше ситуаций 1496 г. и 1497 г., связанных с возможностью осуществления права на апелляцию согласно закону 1495 г., стоит обратить внимание на проблемы реализации на практике савонаролианской идеальной модели общественного устройства. Монах, как уже неоднократно упоминалось, в качестве ведущих оснований сохранения свободы и процветания республики указывал на страх Божий; общее благо; всеобщий мир и реформу. Немаловажным условием достижения флорентийцами земных и высших целей являлось сохранение единства в обществе, которое могло быть обеспечено, в том числе, не только прекращением старой вражды и прощением прежде совершенных проступков, но и

⁵⁹⁷ Папа Александр VI издает 12 – 13 мая 1497 г. бреве с отлучением доминиканца, которое было оглашено во Флоренции 18 июня.

⁵⁹⁸ Виллари П. Указ. соч. Т. 2. С. 43–44, 48–50.

справедливым правосудием в дальнейшем. Таким образом, новые законы и судебная практика должны были способствовать реинтеграции общества после политических потрясений конца 1494 г.

Однако, всплеск единения, обозначившегося во время ноябрьского переворота, довольно скоро сменился разделением горожан на группы, преследовавшие собственные интересы. История с принятием и функционированием закона о шести бобах является лишним тому подтверждением. Вместо инструмента сплочения общества, – и здесь стоит согласиться с выводами А. Зордзи (A. Zorzi), касающимися периода между падением Медичи и установлением герцогства Тосканского, – закон и правосудие выступали в качестве «стратегического ресурса политической борьбы»⁵⁹⁹. И, несомненно, сам флорентийский пророк прекрасно осознавал это, о чем свидетельствуют его публичные выступления. Так, к примеру, 19 марта 1495 г., в день рассмотрения и утверждения закона о всеобщем мире и шести бобах в Большом совете, монах увещевает свою паству следующим образом: «Также и вы, горожане, когда на ваших совещаниях обнаружится различие во мнениях, с мягкостью совместно обсудите, чтобы обнаружить истину, а не для чего иного; *не будьте пристрастны и злопамятны* (выделено мной, Е.Т.), но согласны в общем благе, и обращайтесь с молитвами к Богу, который вас просветит, и совместным образом обретете истину»⁶⁰⁰. 27 марта этого же года, когда уже был принят закон об апелляции к Большому совету вместо предлагавшихся Савонаролой более узких советов восьмидесяти или ста, доминиканец выражает удовлетворение уже тем, что был достигнут консенсус относительно самой возможности подачи апелляции. «Что касается смягчения власти шести бобов, я привел тебе доводы, которые требовались от меня, и сказал, чтобы ты поступал так, как подсказывает тебе разум; что затем ты и предпринял, и это было сделано хорошо, и ты не мог бы сделать ничего лучше», – заявляет он

⁵⁹⁹ Zorzi A. La giustizia al tempo di Savonarola. Rappresentazioni culturali e pratiche politiche // Girolamo Savonarola l'uomo e il frate: atti del 35. Convegno storico internazionale, Todi, 11-14 ottobre 1998. Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1999. P. 242.

⁶⁰⁰ Predica XVII // Savonarola G. Prediche sopra Giobbe / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1957. Vol. 1. P. 322.

пастве, присутствовавшей на проповеди в этот день⁶⁰¹. 1 мая, возвращаясь к проблемам реформирования государства, он опять упрекает горожан в преследовании личных и групповых (партийных) интересов в ущерб общему благу. Создается впечатление, что монах, сохраняя уверенность в доброкачественности предложенной флорентийцам модели общественного устройства, испытывает некоторое разочарование, оценивая реальное положение дел: «Я проповедовал общее благо ... *я говорю вам, что все ваше зло происходит отсюда, от амбиций этих грандов* (выделено мной, Е.Т.). Я проповедовал тебе о мире и устранении шести бобов и говорил, чтобы ты не доверял мне, но доводам, которые я приводил. Ты их слышала, о неблагодарная, неблагодарная Флоренция»⁶⁰².

Савонарола, этот «безоружный пророк», непрестанно увещевал граждан Флоренции преобразовать правосудие таким образом, чтобы оно стало действенным инструментом, способствующим укоренению и культивированию добродетелей в городе, и, как следствие, вело к его процветанию. В одной из апрельских проповедей 1495 г. монах обрушивает свой гнев на коррумпированных судей. «В наше время», заявляет он, имеется «множество судей, которые не стесняются открыто вершить всяческое зло, брать взятки⁶⁰³ и творить иные прегрешения», в то время как добрые люди «стыдятся поступать хорошо ... из-за опасений быть обвиненными в лицемерии»⁶⁰⁴. Справедливый судья должен быть не только неподкупен, но и принимать решения, невзирая статус обвиняемых и ходатайства вышестоящих и авторитетных лиц. Последнее брат относит и к самому себе, когда в выступлении 19 июня 1496 г. увещевает паству не обращаться к нему с просьбами о заступничестве; если же это произойдет, по воле ли самого монаха, либо по принуждению, — «если ты увидишь, что я когда-либо сделал это, говоря тебе, чтобы ты не вершил правосудие», — этот лидер Флоренции призывает (причем, не-

⁶⁰¹ Predica XXV // Savonarola G. Prediche sopra Giobbe ... Vol. 2. P. 15.

⁶⁰² Predica IX (VIII) // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 156.

⁶⁰³ В тексте — *simonie*.

⁶⁰⁴ Predica XXXI // Savonarola G. Prediche sopra Giobbe ... Vol. 2. P. 111.

сколько раз): «не верь мне»⁶⁰⁵. Правосудие должно быть суровым. Однажды, на проповеди, Савонарола сформулировал означенную мысль следующим образом: «Правосудие желает быть всеобщим; и, если ты обнаружишь кого-либо мошенника, не смотри кто он таков, предай его смерти. Люби правосудие». На замечание воображаемого прихожанина-оппонента о том, что надлежит проявлять жалость и сострадание следует однозначный ответ: «Милосердие состоит в том, чтобы ты удалил один палец, дабы сохранить целым и здоровым все тело»⁶⁰⁶. В проповеди 8 декабря 1496 г. пророк обращается к вставшим на путь исправления горожанам – «избранным» с предсказанием (а скорее – с прогнозом, основанным на рациональном подходе): «Избранный, я говорю тебе, что весь ваш город зависит от того, как вершится правосудие, вся важность состоит в этом. Всякий, следовательно, молись чтобы были избраны люди безжалостные и суровые (*terribili e rigidi*) в этот магистрат Восьми, поскольку если такие станут творить суд, город будет свободен и испытания минуют его; но, если не будут этого делать, вас постигнут лишения»⁶⁰⁷. Несколько месяцев ранее монах сокрушался, что таковых людей в городе либо совсем нет, либо присутствует совсем незначительное количество. Взяв для толкования текст из Евангелия Иоанна⁶⁰⁸, повествующий о том, как Христос, когда «дурные люди привели к нему прелюбодейку, прося свершить суд над нею», ответил пришедшим: «*Кто из вас без греха, первый брось на нее камень*»⁶⁰⁹, Савонарола заявляет: «... если бы я мог с таким же правом сказать: “Кто пребывает в магистрате, и кто взирает только на Бога и блюдет общественное благо без оглядки на личности, бобы и расположение народа, останьтесь все здесь, а остальные удалитесь”, – ты увидел бы, что все покинули бы это место, или же остались бы очень немно-

⁶⁰⁵ Predica XII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea* / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 1. P. 362.

⁶⁰⁶ Predica XVI // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 2. P. 29. Сходные мысли брат высказывает и в следующей проповеди: «... вершите правосудие, ибо те грехи, которые вы не накажете, ваши, и обратятся на вас. Прострите однажды длань свою к правосудию, сурово вершите его, невзирая на личности». См.: Predica XVII // *Ibid.* P. 69.

⁶⁰⁷ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele* / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1955. Vol. 1. P. 53.

⁶⁰⁸ Ин. 8:2–11.

⁶⁰⁹ Ин. 8:7.

гие»⁶¹⁰. В проповеди 13 декабря 1496 г., посвященной теме справедливости и правосудия, и произнесенной «по настоянию Великолепной Синьории», фра Джироламо вполне реалистично оценивает предельные возможности влияния на общество тех инструментов и средств, которыми он обладает. Прихожанам он пеняет на то, что многие «приобрели одну привычку – слушать (проповеди – Е.Т.), и другую – скверно действовать», что «всякий слушает проповеди, и лишь немногие стремятся поступать хорошо». Граждане Флоренции, согласно монаху, уже заимели обыкновение «слушать, как им говорится: “будь справедлив, верши правосудие”», и этим стали напоминать ворону на звоннице, «которая услышав первый звук колокола пугается, но затем, когда начинает привыкать, ты можешь звонить сколько угодно, она останется на колоколе и не двинется с места»⁶¹¹. Доминиканский брат призывает не только внимать его проповедям, но действовать. «Ты, народ, желаешь этой справедливости?», – вопрошает монах, и, продолжая, заключает, – «устрой для нее прекрасное помещение, сделай так, чтобы она могла прийти, не препятствуй ей». Аналогичным образом он обращается к тем, кто причастен к управлению коммуной: «О, консулы цехов, вы желаете этой справедливости? О, должностные лица Флоренции, о, синьоры Восьми, кто из вас хочет принять это правосудие? Никто не отвечает. Великолепные Синьоры, что касается вас, вам надлежит встретить ее (справедливость, правосудие – Е.Т.)⁶¹² ... Подготовьте для нее помещение, приготовьте путь»⁶¹³. Поскольку «правосудие не приходит без меча», монах советует «держат меч при себе», то есть иметь в распоряжении правительства «200 или 300 вооруженных людей» для задержания и ареста преступников, а в случае их недостаточности привлекать и народ. Кроме того, для обеспечения справедливого суда, брат призывает налагать на судей то наказание, которое следовало бы преступнику по

⁶¹⁰ Predica del reverendo padre frate Ieronimo da Ferrara, fatta il dì di Santo Simone e Iuda, a' dì 28 di ottobre 1496, per commissione della Signoria di Firenze, essendo la città in timore grandissimo per la venuta dello Imperadore // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 2. P. 444.

⁶¹¹ Predica VI // Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ... Vol. 1. P. 91–92.

⁶¹² Giustizia – справедливость, правосудие (в итальянском языке – женского рода).

⁶¹³ Ibid. P. 100–101.

закону, но не было утверждено ими⁶¹⁴. Вместе с этими практическими рекомендациями проповедник-пророк обращается к теме Флоренция – город Христа. Опираясь на 84 псалом, – *«истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес; и Господь даст благо, и земля наша даст плод свой; правда пойдет пред Ним и поставит на путь стопы свои»*⁶¹⁵, – монах представляет Правосудие «посланницей Господа»: подобно «приближенным короля», идущим впереди его, «дабы подготовить и открыть ему путь», оно должно быть принято и утверждено гражданами города на Арно, если они хотят, чтобы «ваш Царь и ваш Христос пришел и наделил вас благами»⁶¹⁶. Сходные мысли Савонарола продолжал высказывать и в дальнейшем. Так, в появившемся в 1498 г. «Трактате об управлении Флоренцией» монах, рассуждая о правосудии, перечисляет положительные последствия его укоренения: оно «очищает город от дурных людей или заставляет их пребывать в страхе»; «добрые и праведные берут верх, ибо их охотно избирают на должности те, кто любит справедливость»; «Бог просвещает их относительно всех хороших законов, и они являются причиной всякого блага» здесь, в республике; город «преисполняется добродетели», которая «поощряется правосудием», соответственно «умножаются добрые люди, которые охотно собираются там, где обретается справедливость»; наконец, Господь «распространит господство»⁶¹⁷ Флоренции также, как это произошло с римлянами, которым, «оттого, что они имели строгое правосудие, дал власть над универсумом, желая, чтобы его народы управлялись по справедливости»⁶¹⁸.

Стоит обратить внимание на фразу, прозвучавшую в упомянутой выше проповеди 13 декабря 1496 г., когда Савонарола призывает городское правительство «приготовить помещение» для правосудия. Возможно, речь идет о *Ruota* – городском судебном трибунале, коллегии профессиональных юристов, находящихся на жаловании коммуны, о необходимости учреждения ко-

⁶¹⁴ Ibid. P. 101.

⁶¹⁵ Пс. 84:12–14.

⁶¹⁶ Predica VI // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 102.

⁶¹⁷ Imperio.

⁶¹⁸ Trattato circa el reggimento e governo della citta di Firenze // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 479.

торой монах начинает говорить с июня по июль означенного года. Так, 5 июня 1496 г. фра Джироламо обращается к присутствующим на проповеди: «Если хочешь, чтобы соблюдалась справедливость, сделай так, как прежде я говорил тебе во Дворце (Синьории – Е.Т.), устрой Ruota и увидишь, будет ли вершиться правосудие»⁶¹⁹. 12 июня он повторяет призыв: «Народ, учреди Ruota, ибо это доброе дело. Когда вы будете в Совете, поднимитесь и скажите: “Мы хотим Ruota”. Когда некая вещь хороша, люди должны желать ее»⁶²⁰. 19 июня проповедник сокрушается: «Истинно, вы ненавидите добро, и любите зло. Вы не желаете собственного блага; я вам говорил, чтобы вы устроили Ruota»⁶²¹. Выступая 3 июля, дабы убедить паству в необходимости основания этого нового института, монах описывает его преимущества и предлагает совершить первые, финансово необременительные шаги по его учреждению: если народ хочет справедливого правосудия, необходимо устроить так, чтобы в Ruota оказались «опытные, богатые и заботящиеся о своей чести люди», которых невозможно будет совратить и подкупить ни десятью, ни пятьюстами дукатами; изначально их может быть не так много – «если ты не хочешь на данный момент расходов, связанных с Ruota, пусть один достойный человек станет судьей по апелляциям (*iudice alle Appellazioni*), а другой – судьей по торговым делам (*iudice alla Mercanzia*), эти двое на данный момент и станут Ruota»⁶²². В итоге, означенная коллегия появилась только в апреле 1502 г.⁶²³. По мнению А. Зордзи этот значительный промежуток между озвученной доминиканцем инициативой и ее воплощением мог быть обусловлен несколькими обстоятельствами: во-первых, тем, что в указанное время преобладал традиционализм, связанный с отсутствием стремления создавать новые судебные структуры⁶²⁴, а во-вторых – поскольку «обращение к профес-

⁶¹⁹ Predica X // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 289.

⁶²⁰ Predica XI // *Ibid.* P. 337.

⁶²¹ Predica XII // *Ibid.* P. 362.

⁶²² Predica XVII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 2. P. 69–70.

⁶²³ Zorzi A. *Op. cit.* P. 219–220.

⁶²⁴ В подтверждение означенного положения А. Зордзи указывает на то, что реформа свелась, во-первых, к улучшению функционирования Торгового трибунала (*corte della Mercanzia*), когда в январе 1495 г. было решено обновить сумки для выборов в него, в мае этого же года – предложен новый сборник законов, касающихся этого суда, а в ноябре 1497 г. его реформированные статуты были утверждены; во-вторых, к восста-

сиональным судьям-иностранцам не было связано с запросом на дополнительные гарантии» в области правосудия, последнее, по мнению автора, подтверждает и позиция Савонаролы, предлагавшего в *Ruota* не чужеземцев, а граждан Флоренции, что «соответствовало его конституционной модели, которая следовала не абстрактным принципам гарантии, а более прагматичным институциональным механизмам контроля»⁶²⁵. Действительно, приведенные выше высказывания брата Джироламо свидетельствуют о том, что он видит в качестве основы для обеспечения функционирования справедливого и честного правосудия не приглашение гипотетически непредвзятых арбитров из числа иноземцев, как это практиковалось в прежние времена⁶²⁶, но избрание достойных жителей города на Арно и контроль над их деятельностью, осуществляемые Большим советом – органом управления, призванным реализовывать на практике принципы «общего блага».

Еще одно, поддержанное доминиканским проповедником, начинание – реформа налогообложения⁶²⁷, также заняла больше времени, чем предполагалось изначально. В своем «Дневнике» Лука Ландуччи оставил записи о том, что 4 февраля 1495 г. в Совете восьмидесяти, а на следующий день – в Большом совете был одобрен «налог на имущество, то есть Децима, с тем, чтобы взимать его не более одного раза в год или реже»⁶²⁸. Для введения налога, который должен был составить 1/10 часть годового дохода с недвижимости, 12 февраля Большой совет утвердил 16 Чиновников децимы (по 4 от картьеры). Им надлежало упорядочить списки налогоплательщиков, опираясь на сведения предыдущих кадастров и новые данные, полученные от владельцев имущества⁶²⁹. 18 февраля появился указ о том, что горожане должны «в течение

новлению упраздненной в 1477 г. должности капитана народа, что произошло в апреле 1498 г. См. *Ibid.* P. 223–224. См. также о Торговом суде: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 1. С. 223–224.

⁶²⁵ *Zorzi A.* Op. cit. P. 224.

⁶²⁶ См.: *Краснова И.А.* Должности и потестарные институты во Флоренции ... С. 306–308.

⁶²⁷ См. параграф 2.2.

⁶²⁸ *Landucci L.* Op. cit. P. 99.

⁶²⁹ Бартоломео Черретани в своей «Флорентийской истории» сообщает: «И видя, что налог, называемый «шкала (scala)», обладает скверными свойствами, решили, что децима будет более оптимальным и справедливым распределением (налога – Е.Т.); и поэтому были избраны 16 человек, по четыре от картьеры, им надлежало собрать сведения обо всем недвижимом имуществе за пределами и внутри города, и за каждые 10

всего марта»⁶³⁰ предоставить необходимую информацию в соответствии с предложенными им рекомендациями. Предполагалось, что для выполнения поставленных задач комиссии будет достаточно года, однако работа чиновников заняла более трех лет и завершилась только во второй половине 1498 г.⁶³¹. Соответственно, поскольку республика нуждалась в средствах, приходилось прибегать к обычным приемам – займам и чрезвычайным налогам (*accatti, balzelli*), вызывавшим значительное недовольство у населения. Так, например, 18 января 1495 г., еще до принятия правительством решения о переходе к дециме, Л. Ландуччи описывает реакцию горожан на «указ о займе (*accatto*) в 100 тысяч флоринов»: «народ был чрезвычайно встревожен, и почти каждый свернул работу; все были очень недовольны», «каждый говорил: “так невозможно жить”»; аналогичная ситуация возникла в мае этого же года – известие о решении «установить тяжелый налог (*balzello*)» опять вызвало «значительное недовольство граждан»⁶³². Согласно Ф. Мартелли, уже во время Савонаролы должностные лица республики пытались использовать при налогообложении вновь собранные сведения о доходах с недвижимости, но даже к 1502 г. взимание децимы происходило не ежегодно, а в соответствии с потребностями государства и «сочеталось с определенной долей произвола, касавшегося движимого имущества, промышленности и торговли, и связанного со старой традицией “по усмотрению”», и только в герцогстве Тосканском сбор десятины приблизился к тому, что было заявлено в момент ее учреждения – ежегодному фиксированному налогу с дохода на недвижимое имущество⁶³³.

Также проблема улучшения финансового положения республики и ее населения была связана с решением вопроса о ростовщичестве. 28 декабря 1495 г. правительство принимает постановление об учреждении ломбарда

дукатов дохода уплачивался один». См.: *Cerretani B.* Op. cit. P. 222. Также об этом см.: *Martelli F.* Op. cit. P. 134–136.

⁶³⁰ *Landucci L.* Op. cit. P. 101. Согласно Ф. Мартелли время, отведенное горожанам для подачи деклараций несколько больше – это март-июнь 1495 г. См.: *Martelli F.* Op. cit. P. 136.

⁶³¹ *Ibid.* P. 137.

⁶³² *Landucci L.* Op. cit. P. 97, 105.

⁶³³ *Martelli F.* Op. cit. P. 138–139, 146.

(Monte di Pietà), согласно которому следовало избрать восемь граждан для выработки его устава, ростовщические конторы подлежали закрытию, а евреям-ростовщикам, надлежало, удовлетворившись возвратом долгов, в течение года покинуть Флоренцию⁶³⁴. Савонарола поддержал своим авторитетом это нововведение, об устройстве которого уже давно пеклись францисканские братья. Так, в проповеди 8 марта 1496 г. среди пороков, от которых следует избавиться горожанам, дабы избежать тяжких испытаний, брат указывает ростовщичество; упоминает о состоявшемся избрании чиновников, которые в настоящее время заняты устройством Монте, «чтобы изгнать иудеев из твоей земли»; и выказывает мысль о том, что, если паства желает, «чтобы это дело продвинулось вперед», можно обратиться к тому способу действия, «если он вам по нраву, о котором говорят эти братья Св. Франциска». Далее, толкуя евангельский текст, – «*взаймы давайте, не ожидая ничего*»⁶³⁵, – доминиканец, этот ревнитель и проповедник «общего блага», уточняет, что средства, помещенные в ломбард, не будут связаны ни с прибылью вкладчиков, ни с доходом управляющих Монте, последним «не принадлежат эти деньги» и они «не станут брать ничего», кроме установленной им коммуной «платы за их тяжкий труд»⁶³⁶. В другом выступлении, 20 марта этого же года, монах, вновь обращаясь к теме основания ломбарда, призывает всех, имеющих такую возможность, внести деньги в это учреждение, ибо «это наилучшая милостыня», обещает содействовать таким людям «публично и приватно»⁶³⁷. Через несколько дней, во время организованной братом и его последователями религиозной процессии в Вербное воскресенье 27 марта 1496 г., состоялся сбор средств для основания Монте⁶³⁸. В итоге, как сообщает Л. Ландуччи, «2 августа 1496 г. Монте делла Пьета открылся первый раз в доме Франческо Нори»⁶³⁹.

⁶³⁴ Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 229; Luzzati M., Galasso C. Op. cit. P. 36–37.

⁶³⁵ Лк. 6:35.

⁶³⁶ Predica XXI // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 2. P. 106–107.

⁶³⁷ Predica XXXIII // Ibid. P. 433.

⁶³⁸ См.: Parenti P. Op. cit. P. 326–327; Landucci L. Op. cit. P. 128; La Vita ... P. 128. Также см. описание процессии 27 марта 1496 г. в параграфах 3.2 и 5.1.

⁶³⁹ Landucci L. Op. cit. P. 135.

В том, что касается вопроса присутствия евреев в городе, стремившемся избавиться от ростовщичества, следует обратить внимание на несколько моментов. Правительство республики, пытаясь решить финансовые проблемы различными способами, было вынуждено просить у иудеев заем: сначала три тысячи флоринов в июне 1496 г., а затем еще шесть тысяч в ноябре этого же года, последний шаг сопровождался обязательством вернуть деньги через три года, после чего евреи должны были в шестимесячный срок покинуть пределы города; при этом, продление времени их пребывания обосновывалось возможностью обращения в христианство. В итоге, поскольку на характер отношения к этой части населения Флоренции существенное влияние оказывала нужда государства в денежных средствах, высылка евреев была фактически отложена на неопределенную перспективу⁶⁴⁰. Последнее не означает, что среди жителей Флоренции, в том числе сторонников фра Джироламо, не имелось тех, кто был решительно настроен на избавление города от евреев не только в качестве ростовщиков, но и иноверцев. Так, последователь доминиканского монаха – Доменико Чекки в феврале 1497 г. публикует свой проект реформ, где настаивает на том, чтобы «любым способом выслать из города иудеев, поскольку они враги Христа», «постоянно вредят нам и устраивают козни христианам»; также евреи, как заявляет этот горожанин, являются «главной причиной торговли временем», они приобщают флорентийцев к ростовщичеству, и, заключает этот торговец шелком, «если Господь посылает нам неприятности, то они тому причиной, ведь из-за них грехи распространяются среди христиан»⁶⁴¹. Судя по высказываниям самого доминиканского проповедника, он был настроен против ростовщичества, а не евреев как таковых. Еще в письме 18 мая 1493 г. жителям Лукки, вопрошавшим можно ли разрешить пребывание в городе евреев-ростовщиков, Савонарола указывает на то, что поскольку иудеи являются «свидетельством нашей ве-

⁶⁴⁰ Luzzati M., Galasso C. Op. cit. P. 38–40.

⁶⁴¹ Cecchi D. Riforma sancta et pretiosa // Mazzone U. «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. Firenze: L. S. Olschki, 1978. P. 194.

ры»⁶⁴², они «не подлежат изгнанию из христианских государств», и христиане, «без риска для собственных убеждений», могут сосуществовать и общаться с ними; но, что ростовщичество «противоречит божественному и естественному закону», и, следовательно, по своей природе является злом, поэтому евреи могут остаться жить в городе, однако не в качестве ростовщиков, а как источник «иных благ для государства». В заключении письма монах замечает, что в некоторых случаях допустимо позволить евреям практику займов (ограничивая проценты по ним) «ради меньшего зла»⁶⁴³. Здесь можно предположить, что если со временем доминиканец продолжал проявлять толерантность к этой этнической и религиозной группе, то касательно ростовщичества, как начала, вредящего социуму, его позиция в 1496 г. отличается жесткостью большей, чем в письме к лукканцам. Так, в проповеди 4 марта 1496 г., вспоминая свое детство в Ферраре, когда городские мальчишки, заведя евреев, вопили на всю улицу «глядите, мошенник», а все население их ненавидело, Савонарола, как кажется, пытается преобразовать негативное отношение паствы к кредиторам-евреям в отрицание ростовщичества как такового. Здесь же монах призывает к епископскому суду над ростовщиками на основе канонического права⁶⁴⁴. В упомянутом выше выступлении 8 марта 1496 г. он, говоря прихожанам о способах борьбы с ростовщичеством, заявляет: «в том, что касается меня, не думаю, что вам следует проявлять здесь какую-либо деликатность», а в продолжение речи об основании ломбарда укоряет флорентийское правительство в излишней мягкости в вопросах правосудия⁶⁴⁵.

Наконец, стоит обратиться к проблемам функционирования Большого совета, который, как уже отмечалось, представлялся Савонаролой в качестве фундамента народного правления. Здесь необходимо вспомнить, что появле-

⁶⁴² Здесь монах ссылается на Пс. 58:12: Не умерщвляй их, чтобы не забыл народ мой ...

⁶⁴³ Lettera alla Signoria di Lucca [Firenze, 18 maggio 1493] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte* / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 28–30.

⁶⁴⁴ Predica XVII // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P. 428.

⁶⁴⁵ Predica XXI // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 2. P. 107. Одновременно доминиканский брат высказывает следующее соображение: «И было бы хорошо издать постановление, что, когда ростовщики будут осуждены епископом, викарий мог бы иметь светскую власть для их наказания».

нию этого органа власти предшествовало основание 3 декабря 1494 г. Коллегии двадцати аккопьяторов: в течение года они должны были избирать Синьорию посредством голосования и тем самым обеспечивать стабильность нового режима. В свою очередь, Большой совет был учрежден 23 декабря 1494 г. и наделен правом утверждения законов, назначения глав магистратов, а с 19 марта 1495 г. стал инстанцией, принимавшей апелляции на судебные решения («шесть бобов») Синьории. Сама история появления этих структур в системе управления Флоренции стала выражением двух тенденций – олигархической и демократической⁶⁴⁶. С началом функционирования Большого совета появилось формальное основание для отмены института аккопьяторов, через который определенный круг лиц (оптиматов) мог обеспечить себе преимущественные позиции в правительстве республики. Ф. Гвиччардини следующим образом охарактеризовал ситуацию, сложившуюся весной 1495 г.: «В это время во Флоренции все более утверждалась и укреплялась власть народа, что вызывало неудовольствие Двадцати и многих других, стоящих у кормила правления ... Их имена и должности были сами по себе ненавистны народу, как из боязни, что Двадцать могут разложить Совет, так и из-за их поведения, – они действовали грубо и неразумно, кто во что горазд»⁶⁴⁷. Пьеро ди Марко Паренти оставил упоминание об одном случае в апреле этого же года, сопроводив его комментарием, позволяющим судить об отношении горожан к аккопьяторам. «Наши Коллегии, собранные в зале Синьории, испытав неудобство из-за задержки, связанной с тем, что она (Синьория – Е.Т.) давала аудиенцию Двадцати, возроптали, указав, что по достоинству они стоят на втором месте после Синьории, и им представляется неподобающим, что, будучи призванными, они допущены в помещение после Двадцати, без соблюдения иерархии, и что их низко ценят», – сообщил автор «Флорентийской истории», а затем резюмировал, что это «действие по-настоящему бла-

⁶⁴⁶ Об этом см. предыдущий параграф. Как представляется, наиболее эмоциональное и пространное описание противостояния народной и олигархической группировок содержится в сочинении Пьеро ди Марко Паренти, а в более сжатом виде присутствует у Бартоломео Черретани; оба автора согласны в том, что через должности аккопьяторов оптиматы (в том числе медичейский истеблишмент) рассчитывали закрепиться во власти и установить «узкое правление». См., например: *Cerretani B. Op. cit.* P. 222.

⁶⁴⁷ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 106–107.

горазумных людей, которые начали осознавать свободу»⁶⁴⁸. Недовольство граждан вызывало расширение полномочий этих «выборщиков», вмешивавшихся в принятие важных политических решений. Тот же П. Паренти замечает, что аккопьяторы «Синьорией, которою они формировали, каждый раз приглашались на Пратику и постоянно пребывали в непрерывном управлении обществом», что «Синьория покровительствовала Двадцати, и, вопреки всяческим доводам разума, отдалялась от народа»⁶⁴⁹. К тому же, и в выполнении своих непосредственных обязанностей эти должностные лица проявили себя не самым лучшим образом. Современники отмечают что отсутствие единства среди членов Коллегии двадцати влияло на эффективность их работы, и, как следствие, вело к утрате репутации среди народа. Разногласия проявились с самого начала: уже первый, получивший должность благодаря аккопьяторам, гонфалоньер справедливости – Филиппо Корбицци был избран не квалифицированным, как положено, а простым большинством голосов, ему «не хватило трех черных бобов»⁶⁵⁰. Согласно Ф. Гвиччардини, в итоге, «ведя себя по-разному по отношению ко всякому новому кандидату в гонфалоньеры, Двадцать разошлись друг с другом настолько, что у них не осталось ни взаимного доверия, ни согласия, и хотя не раз они пытались объединиться, все было напрасно; в усилении раздоров виновен был каждый из них», и, как следствие, «власть Двадцати становилась все слабее», а «в народе стали злословить по поводу Двадцати, угрожать им» отчего «они пребывали в великой тревоге»⁶⁵¹.

Среди флорентийцев распространяется мнение об отсутствии необходимости в «полномочиях и власти двадцати реформаторов и аккопьяторов», о том, что «следует положить конец этому магистрату, оставив в будущем попечение о выборах глав коллегий и иных магистратов» Большому совету, «для чего он и был устроен»⁶⁵²; в Синьории «различные граждане» начинают

⁶⁴⁸ Parenti P. Op. cit. P. 204.

⁶⁴⁹ Ibid. P. 219.

⁶⁵⁰ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 107; Nardi I. Op. cit. P. 66–67.

⁶⁵¹ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 107.

⁶⁵² Nardi I. Op. cit. P. 66.

«неоднократно» выказывать мысль, что «было бы хорошо, чтобы они сами отказались от своей должности», поскольку таким образом «народ будет удовлетворен, и исчезнет причина разногласий между горожанами», особенно, когда станет видно, что «Большой совет не ошибается с выборами, а в Синьории будут люди надлежащего качества»⁶⁵³. В итоге, как сообщают современники, один из аккопьяторов – Джулиано ди Франческо Сальвиати⁶⁵⁴, в мае 1495 г. публично заявляет о своем отказе от должности. Среди причин, толкнувших Франческо Сальвиати на этот шаг, авторы трудов по истории Флоренции перечисляют следующие: страх; влияние проповедей фра Джироламо; желание обрести расположение народа; осознание невозможности «нести такое бремя, как формирование Синьории»⁶⁵⁵. Большая же часть аккопьяторов проявила нежелание досрочно расстаться со своими полномочиями и таким образом утратить власть в государстве; тесно связанная с ними Синьория также не поддержала инициативу Сальвиати⁶⁵⁶. Однако, растущее недовольство населения Флоренции привело к тому, что в начале лета члены Коллегии двадцати изменили свою позицию. Л. Ландуччи в своем «Дневнике» 7 июня оставляет запись о том, что «20 человек» отказались от власти в пользу Большого совета, и сопровождает это известие замечанием, что «всякому, кто хочет жить хорошо», Совет «представляется самым прекрасным способом управления, которое когда-либо существовало во Флоренции»⁶⁵⁷. В результате, как сообщает П. Паренти, «в течение 4 дней организовали освобождение от должности аккопьяторов»: «немедленно собрались Коллегии» для обсуждения вопроса в Синьории; затем Совет восьмидесяти «с большим

⁶⁵³ Parenti P. Op. cit. P. 214.

⁶⁵⁴ У Якопо Нарди упоминается еще одно лицо – Лоренцо д' Амфрионе Ленци (Lorenzo d' Amfrione Lenzi). См.: Nardi I. Op. cit. P. 67.

⁶⁵⁵ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 107; Nardi I. Op. cit. P. 67; Cerretani B. Op. cit. P. 223; Parenti P. Op. cit. P. 214–215.

⁶⁵⁶ Пьеро Паренти упоминает еще о четырех аккопьяторах, при этом не называя их имен, которые направились в Синьорию и заявили, что они готовы отказаться от должности, если это будет сочтено необходимым. Синьоры, во главе с гонфалоньером справедливости Бардо Корси, рекомендовали им «пока повременить», обосновав это, во-первых, тем, что решение таких дел не входит в компетенцию правительства, поскольку магистрат появился с одобрения Парламента, и, во-вторых, что Синьории пока недосуг заниматься подобными вещами, ибо имеются более животрепещущие вопросы изыскания финансовых средств на нужды государства. См.: Parenti P. Op. cit. P. 215–216.

⁶⁵⁷ Landucci L. Op. cit. P. 107.

единством утвердил распоряжение»; после в Большом совете, «где присутствовало семьсот человек, при голосовании было подано не более 34 белых бобов (против – Е.Т.)». Означенное постановление, в котором одновременно оговаривалось «каким образом в будущем должна будет формироваться Синьория», было принято 8 и 10 июня⁶⁵⁸. Первые выборы в Синьорию, «в соответствии с новой реформой», состоялись 26 июня, гонфалоньером справедливости стал Лоренцо Ленци, и в начале июля 1495 г. синьоры, избранные «посредством голосования означенного Большого совета», приступили к своим обязанностям⁶⁵⁹.

Ликвидация Коллегии двадцати и передача их полномочий Большому совету сопровождались всплеском народного воодушевления. Так, П. Паренти сообщает, что известие об отказе аккопьяторов от исполнения обязанностей «вселило в наш народ, особенно в тех, кто стремился к доброй жизни, такую отраду, что больше уже и дать было невозможно»; при этом «практически все признали, ибо это было истиной, что теперь мы стали абсолютно свободны, отныне мы могли без всякого сомнения утверждать, что обрели прочную свободу, которую невозможно вырвать из рук народа без величайших усилий»⁶⁶⁰. Ему вторит Л. Ландуччи, обращая внимание на то, что «народ, казалось, удовлетворен таким (новым – Е.Т.) способом избрания» Синьории, и «всякий был согласен с тем, что это истинный образ флорентийской народной жизни, превосходящий когда-либо существовавший»⁶⁶¹.

Однако в руках оптиматов сохранялся еще один инструмент, которым можно было манипулировать для продвижения своих интересов – Парламент. Пьеро Паренти, рассуждая в своей «Флорентийской истории» об этом народном собрании, напоминает читателю, что «Гранды» использовали его, «чтобы устранить народ от управления», и что здесь зачастую «принимались решения противно воле народа»⁶⁶². Савонарола поддержал тех горожан, ко-

⁶⁵⁸ Parenti P. Op. cit. P. 233–234. О датах постановления см.: Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 225.

⁶⁵⁹ Landucci L. Op. cit. P. 110; Nardi I. Op. cit. P. 67.

⁶⁶⁰ Parenti P. Op. cit. P. 233.

⁶⁶¹ Landucci L. Op. cit. P. 110.

⁶⁶² Parenti P. Op. cit. P. 257–258.

торые выступили с инициативой запрета проведения Парламенто. Паренти упоминает о проповеди монаха, произнесенной уже после избрания новой Синьории, и в присутствии ее членов. В ней доминиканец подчеркнул, что именно народ – «господин и обладает властью над любым учреждением на территории (государства – Е.Т.), в том числе над Синьорией», и что необходимо выработать меры противодействия в случае, если «какая-либо Синьория вознамерится организовать» это собрание граждан, поскольку, во-первых, «Парламенто есть ни что иное, как отстранение народа от власти», и, во-вторых, «наилучшая и безукоризненная форма, устанавливающая народное правление» состоит в том, чтобы принимать решения «на основе человеческого благоразумия (*umana prudenza*)», очевидно подразумевая, что толпа на столь многочисленном сбирище скорее склонна не к рациональным суждениям, а эмоциональным порывам⁶⁶³. В итоге, 13 августа 1495 г. в Большом совете был одобрен закон о запрете созыва Парламенто; постановление предписывало лишать жизни и имущества тех, кто «будет рассуждать» об этом, и «сулило величайшие награды тому, кто известит и раскроет» подобные планы⁶⁶⁴.

Отказ от плебисцитарной демократии, связанной с Парламенто, безусловно, должен был укрепить позиции Большого совета. Однако, для полноценного функционирования этого органа власти было необходимо помещение, способное вместить всех его членов. Согласно П. Паренти, Совет, включавший в себя в полном составе 3600 человек, с января 1495 г. стал собираться «по звону колокола» в количестве 1200 человек (третьей части) «в зале Совета в Палаццо», при этом «Гранды» всячески пытались препятствовать его работе, в том числе «откладывали устройство зала для Совета»⁶⁶⁵. Сходная мысль звучит и в проповеди Савонаролы 1 мая 1495 г., где монах в

⁶⁶³ Ibid. P. 254. Подробное цитирование проповеди 28 июля 1495 г., в которой Савонарола заявляет, что вопросы, ранее выносимые на Парламенто, сейчас в состоянии решить Большой совет, и что необходимо принять постановление, запрещающее созыв этого народного собрания под страхом лишения жизни и имущества, имеется в труде П. Виллари. См.: Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 226.

⁶⁶⁴ Landucci L. Op. cit. P. 114; Parenti P. Op. cit. P. 257. П. Виллари в своем исследовании приводит извлечение из текста этого закона. См.: Виллари П. Указ. соч. Т. 1. С. 227.

⁶⁶⁵ Parenti P. Op. cit. P. 169.

качестве причины медленного реформирования Флоренции указывает на «амбиции этих грандов». Продолжая свои рассуждения, он обращается к теме Большого совета и строительства зала для него. «Я говорил тебе о Совете, также говорю сейчас, что этот Совет – твое спасение, и чтобы ты построил зал», – призывает брат в этой, а затем и в последующих проповедях 1495 года⁶⁶⁶. Бартоломео Черретани обращает внимание читателей «Флорентийской истории» на то, что во многом (если не исключительно) благодаря Савонароле и его публичным выступлениям «началось возведение просторнейшего зала вместимостью 2500 человек над таможенной, рядом с дворцом (Синьории – Е.Т.), с восточной стороны»; при этом доминиканец способствовал продвижению этого предприятия не только словом, но и делом: те средства, которые получил монастырь Сан Марко при вступлении в него «некоторых знатных людей», брат Джироламо «направил на возведение этого зала, который в скором времени сделался прекраснейшей резиденцией, соответствующей достоинству магистратов»⁶⁶⁷. Другой флорентиец, старший современник Б. Черретани, Лука Ландуччи⁶⁶⁸ в своем «Дневнике» фиксирует этапы строительства. 18 июля 1495 г. Лука видит только фундамент: «В означенный день был окончен первый ряд окон во дворце Строцци. И еще больше было сделано на Таможне и фундаменте большого зала: и все это время брат увещевал двигаться дальше. По его совету сооружался этот зал». 12 августа этот горожанин замечает, что «закончен свод большого зала в той части, которая перекрывает двор Капитана», 2 октября наблюдает, как «были завершены своды большого зала Таможни», а 15 декабря – «установлены стропила, чтобы по-

⁶⁶⁶ Predica IX (VIII) // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 156. В конце месяца, 31 мая, доминиканец вновь увещевает граждан: «... помогите устроить зал для Большого совета, ибо в нем спасение вашего города». См.: Predica XVI // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 262. Позднее, 28 июля, он сетует, что строительство идет медленно, и просит паству помочь деньгами для скорейшего его завершения. Также см.: *Prodi P. Gli affanni della democrazia ...* P. 36.

⁶⁶⁷ *Cerretani B. Op. cit.* P. 231.

⁶⁶⁸ Бартоломео Черретани родился в 1475 г., а Лука Ландуччи – в 1437 г. См.: *Malanima P. Cerretani, Bartolomeo // Dizionario biografico degli italiani.* Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1979. Vol. 23: Cavallucci-Cerretesi. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-cerretani_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-cerretani_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 5.04.2017); *Calonaci S. Landucci, Luca // Dizionario biografico degli italiani.* Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2004. Vol. 63: Labroca-Laterza. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/luca-landucci_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/luca-landucci_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 5.04.2017).

ложить кровлю»⁶⁶⁹. И вот уже 25 февраля следующего года он сообщает: «Синьория вошла в новый зал, который был перекрыт кровлей, но еще не до конца отделан, и не были установлены скамьи», «прорублен вход из Дворца, который вел в зал», и «в зале помещены две надписи на мраморе, одна была в стихах на вольгаре, а другая на латыни». Ландуччи останавливается на подробном описании этих надписей: «На вольгаре были стансы из восьми строк, высказывание гласило: “Кто хочет устроить Парламенто, тот желает лишить народ управления”. Другая, на латыни, возвещала, что этот Совет от Бога, и кто захочет нанести ему вред, понесет наказание»⁶⁷⁰.

Одновременно, в упомянутом выше выступлении 1 мая 1495 г., монах указал на другую проблему, которая влияла на качество работы Большого совета и создавала угрозу народному правлению. В его словах звучит явное раздражение: «Но ты говоришь, что невозможно собрать Совет; ты мог бы принять необходимые меры, и созвать его, если бы ты захотел. Ты думаешь, что я настолько глуп, что не понимаю тебя. Ты очень хорошо умеешь собирать пратики, когда захочешь. Эти сговоры (*intelligenzie*) вредят твоему городу. А ты говоришь: “Ах, этого не происходит”. Ты лжешь; разве я тебя не вижу? Также, как всякого рода теплохладные, духовные и светские, объединились против простоты, так и дурные люди объединились против этого общего блага»⁶⁷¹. О том, что Савонарола проявляет чрезвычайную обеспокоенность, более того – недовольство, связанное с образованием в Большом совете различных группировок, свидетельствует Пьеро Паренти. Описывая события июля 1495 г. этот автор, обращаясь к проповедям и действиям доминиканца, замечает: «Он также питал отвращение к тайным объединениям (*sette*),

⁶⁶⁹ *Landucci L.* Op. cit. P. 112–113, 114, 117, 121.

⁶⁷⁰ *Ibid.* P. 126. Авторство текстов надписей принадлежит Савонароле. Даже после принятия закона о запрете Парламенто 13 августа 1495 г. брат Джироламо продолжает проявлять обеспокоенность по поводу его возможного созыва и ослабления таким образом власти Большого совета. Так, выступая перед паствой 11 октября 1495 г. он призывает молодых жителей города на Арно заучить упомянутую Л. Ландуччи фразу: «*chi vuole fare parlamento, vuole tórre dalle mane al popolo il regimento*». А 18 октября произносит проповедь, в которой «увещевал твердо держаться этого управления и Большого совета» (см.: *Landucci L.* Op. cit. P. 117), «продолжить сооружение большого зала» и установить там каменную доску с воспроизведением означенной цитаты, а того, кто говорит о созыве Парламенто и «дурно отзывается об этом Государстве и управлении» расценивать как «врага и мятежника против Христа» и лишать жизни (Цит. по: *Prodi P.* *Gli affanni della democrazia ...* P. 36).

⁶⁷¹ *Predica IX (VIII)* // *Savonarola G.* *Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 156.

которые могут наличествовать в Большом совете, и показал средство не допустить этого: побуждал Синьорию принять необходимые меры касательно подобных вещей»⁶⁷².

Избавление от этой негативной тенденции, проявившейся практически с самого начала утверждения «народного правления», Савонарола видел в укреплении и усовершенствовании Большого совета – органа власти, предназначенного для воплощения в жизнь интересов большинства и принимающего решения на основе открытого, основанного на рациональных доводах, обсуждения насущных проблем. В своем стремлении достигнуть означенной цели он обращается к различным методам и приемам: во-первых, поддержка строительства зала для Совета; во-вторых, непрекращающиеся наставления и увещевания; в-третьих, попытка использовать «оружие» республики – силу законов.

Великопостные проповеди следующего 1496 г. свидетельствуют о том, что доминиканский брат все еще рассчитывает на силу морального внушения. Так, в выступлении 18 февраля 1496 г. монах вновь в духе Аристотеля и Фомы Аквинского рассуждает о формах правления, одна из которых, «где один добрый глава и хорошее управление», является «наилучшей», другая – «оптиматов, как в Венеции», а третья – «как твоя, которая, как я говорил, больше всего подходит тебе, и Господь надели тебя ею». Затем фра Джироламо, в защиту предложенной им модели общественного устройства, указывает, что она превосходным образом сочетает в себе все три типа общественного устройства: Бог «сделался твоим Царем»; он также «хочет, чтобы ты имел нечто от оптиматов, которые являются баронами короля, и это – Его избранные, поскольку он возвеличит добрых граждан»; и, наконец, «ты также имеешь свое гражданское или народное правительство»⁶⁷³. В последующих проповедях февраля Савонарола продолжает развивать тему Большого совета как оплота против тирании, а также притязаний на власть со стороны опти-

⁶⁷² Parenti P. Op. cit. P. 254.

⁶⁷³ Predica II // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 65–66.

матов. При этом проблема функционирования этого органа власти, согласно монаху-реформатору, заключается не в качестве изначального проекта, в эгоистических устремлениях граждан, вошедших в Совет.

«Какова власть, устроенная для тебя, народ Флоренции?», – вопрошает брат прихожан на проповеди 21 февраля 1496 г. «Это Большой совет, поскольку он, подобно властителю и государю формирует все должности», – следует за этим ответ и усиление мысли через повтор, – «Это твой король, Флоренция; это твой господин». Далее монах замечает, что имеется три рода людей, кому «не по нраву это управление» – «амбициозные, глупые и порочные»⁶⁷⁴. Со всеми этими недовольными и «ропщущими» на Совет он вступает в мысленный диалог: «Ответь мне, что лучше для тебя, чтобы ты был рабом, или свободным? Ты все же скажешь, что лучше быть свободным ... что, следовательно, лучше, когда ты в безопасности, или нет? Ты скажешь все же, что лучше быть защищенным». Все это невозможно при тирании, когда «закон тирана – это его воля», при новом же правлении такое положение исключено, поскольку никто не испытывает страха «перед одним человеком». Кроме того, положительные свойства нового режима подтверждаются на практике: в то время, когда вся Италия и каждый человек в ней пребывает в «подвешенном состоянии», «лодке» Флоренции, – как кажется монаху, именно благодаря «большой мудрости» в устройстве управления, – удалось продвигаться далее и «устоять среди вод» потопа⁶⁷⁵. Граждане Флоренции получили «множество явных знаков», которые позволяют понять, что Совет «является делом Бога», и Господь, прощающий многое, здесь «тебя не простит, то есть в том, что касается твоих сговоров (*intelligenzie*), злого умысла и дурного желания навредить общественному благу»⁶⁷⁶. Не только Всевышний, но и сами граждане должны встать на защиту Совета. Покусившийся на него должен понести кару, положенную за убийство любого светского властителя. Здесь Савонарола выстраивает следующую логическую цепь рассуждений: «Сейчас

⁶⁷⁴ Predica V // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P. 151–152.

⁶⁷⁵ Ibid. P. 152–153.

⁶⁷⁶ Ibid. P. 154–155.

скажи мне, какого наказания заслуживает тот, кто убьет короля или господина города? – Ах, заслуживает величайшего наказания, *quia est crimen lesae maiestatis* (поскольку это преступление против величия⁶⁷⁷). – Чего, следовательно, заслуживает тот, кто пытается разрушить и испортить этот Совет? – Конечно, он должен понести то же наказание, что и тот, кто убьет короля или князя. – Если тот, кто убивает человека, заслуживает смерти, что следует тому, кто убивает коммуну или республику? – Ох, разумеется, величайшая кара. – Если подобает значительное наказание за посягательство на этот Совет, каждому надлежит всеми своими силами защищать его, чтобы никто не мог посягнуть на него»⁶⁷⁸. Последнее заявление, как представляется, объясняет довольно жесткую позицию, которую занял монах в отношении лиц, замешанных в апрельском заговоре 1497 г.

В другой проповеди этого же цикла, произнесенной 24 февраля, монах, вновь повторяя мысль о том, что Большой совет устроен Богом в качестве надежной защиты от тирании, призывает укреплять и совершенствовать его. «Народ, – обращается он горожанам, – сделай все для защиты Совета, прояви готовность положить жизнь для его сохранения, потому что он – ваше спасение, и пока он будет существовать, ты будешь господином»⁶⁷⁹. Фра Джироламо признает, что при воплощении замысла на практике, «в самом начале» реформы Совета, «там появилось нечто не очень хорошее», но обнаруживает оптимизм, замечая, что «невозможно любую вещь сделать в один миг, а требуется постепенно продвигаться, совершенствуя то, что сделано». Кроме того, согласно реформатору, «недостатки, которые обнаружили позже, появились не из-за несовершенства Совета, но из-за ваших амбиций и отсутствия единства»⁶⁸⁰. Избавившись от первых и культивируя второе, граждане

⁶⁷⁷ Преступление, заключающееся в оскорблении величества. Изначально *crimen maiestatis* – преступление, направленное непосредственно против римского государства и народа в целом, которое можно квалифицировать как государственная измена и посягательство на существующий государственный строй. См.: Щеголев А.В. Закон об оскорблении величия в политической истории Рима: I в. до н. э. – I в. н. э.: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 2000. С. 4-5. См. также в указанной работе Главу I «Понятие *maiestas* и общая характеристика закона о величии».

⁶⁷⁸ Ibid. P. 151.

⁶⁷⁹ Predica VIII // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 231.

⁶⁸⁰ Ibid. P. 231–232.

смогут совместно противостоять любой опасности и «обретут величайшее счастье, большее, чем когда-либо»⁶⁸¹. Обращаясь к недавнему прошлому, Савонарола подчеркивает, что именно основание Большого совета вскоре после изгнания Медичи, а затем принятие закона о всеобщем мире, позволило избежать борьбы партий и группировок за власть и, как следствие, утраты свободы, связанной с повторением истории возвышения одного семейства, как это было во времена Козимо. «Если бы не был учрежден Совет», – рассуждает доминиканец, – «каждое тайное объединение выдвинуло бы главу, эти предводители были бы окружены свитой приспешников и друзей, что породило бы между ними зависть, и от этой зависти – вражду, и однажды пришла бы Синьория, которая шестью бобами изгнала бы одного из этих лидеров и выслала за пределы города его последователей, а затем другая Синьория возвратила бы их ...»⁶⁸². Именно Большой совет, по мысли проповедника, мешает захватить власть в государстве могущественным и богатым гражданам и тем самым способствует сохранению свободы возрожденной республики. В прошлые времена, замечает монах в выступлении 26 февраля, были те, кто желал «сделаться грандом», «стать господином»; после того, как «Флоренции была возвращена свобода», каждый также продолжал «лелеять собственные фантазии», но «появилась сеть и захватила всех, и этой сетью стал Большой совет»⁶⁸³.

Превознесение роли Совета в делах республики, как заметил П. Проди, одновременно позволяло доминиканцу защититься от обвинений в стремле-

⁶⁸¹ Ibid. P. 232–233.

⁶⁸² Ibid. P. 232.

⁶⁸³ Predica X // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 279. Летом этого же 1496 г. Савонарола, развивая в проповеди 29 июня тему достижения мира и спокойствия в государстве, вновь возвращается к проблеме усовершенствования Большого совета как гаранта отсутствия разделения граждан и укоренения принципа «общего блага»: «Кроме того, говорит Св. Фома в *De regimine principum*» (речь об упомянутом выше «*De regimine principum ad Regem Cypri*» («О правлении государей, посвященное королю Кипра») – Е.Т.), что в Италии, которая изобилует силой и умом, не может править ни Король, ни Государь, и если они там правят, то являются тиранами; и поэтому подобное управление не будет для тебя, Флоренция, добрым. Чего ты, следовательно, хочешь, тревоги в сердце? Какого управления ты желаешь? Хочешь правления нобилей? ... Ответят эти малые (*piccoli*, люди низкого состояния – Е.Т.), что не будут согласны с грандами: вот, следовательно, ты не обрешь мира, и будет здесь хаос, и не сделается хорошо. Что нам тогда остается? Что касается меня, я не сумел бы найти управления лучше, чем это (в настоящее время – Е.Т.) ... Объединитесь все вместе для общего блага, и всякий убьют вас. Займитесь усовершенствованием этого Совета, пребывайте в мире, и вскоре достигнете идеального состояния Государства». См.: Predica XV // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 459–460.

нии возвыситься и обрести контроль над государственным управлением, и, соответственно, отвести от себя подозрения в плетении заговоров в монастыре Сан Марко⁶⁸⁴. Действительно, в выступлении 22 февраля 1496 г. Савонарола упоминает о подобных слухах и в ответе оппонентам не удерживается от сарказма. В ответ на то, что некие люди в городе утверждают: монах «хочет создать высших должностных лиц (*gran maestri*) здесь, во Флоренции», он заявляет: «Ты не видишь, что я постоянно говорю, чтобы ты укреплял Большой совет, и если он обретет крепость, никогда во Флоренции не смогут появиться (*gran maestri*)». Тому, кто «говорит, что мы ночью собираем совет в доме Сан Марко», монах иронично предлагает поместить стражу у всех трех входов в монастырь, и проявить особенное усердие во время дождя или «когда наступят большие холода», ибо «тогда вероятнее всего придут люди, которые хотели бы появиться скрытно»⁶⁸⁵. Собственно, с самого основания нового правления Савонароле постоянно приходилось отвечать на подобные упреки, касающиеся его вмешательства в политику. Не стало исключением и лето 1496 г., когда в одной из проповедей он снова отвечает на домыслы о том, что его внимание к делам управления связано с жадной обретения денег и власти, и вновь обращается к проблеме сговоров (*intelligenzie*). 24 июня фра Джироламо отвечает своим критикам: «Ты говорил также о сговоре, и ты знаешь, как искал по всем закоулкам, но ничего не обнаружил, ни здесь, ни там. Я говорю, что желаю тебе добра, и равным образом желаю добра всем; и не думайте, что я желаю какого-либо зла тем, кто пытался нанести мне вред». Далее, в ответ на замечание о тех, кто «каждый день появляются в доме» у монаха, а значит могут считаться его друзьями, он заявляет: «Я не могу удержать человека, чтобы он не приходил, но не думайте, что я хочу (видеть) одного больше, чем другого. Я всегда стремился ко благу для всех и старался дать тебе доброе управление ... Я не забочусь о том, чтобы предоставить должность одному больше, чем другому; и если кто-то говорит тебе

⁶⁸⁴ Prodi P. Gli affanni della democrazia ... P. 37.

⁶⁸⁵ Predica VI // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 171–172.

подобное, и что он находится под моим покровительством, не верьте ему, ибо это не входит в мои намерения ... я не могу удержать язык такого человека. Не верь, что я стремлюсь обрести слуг или сторонников ... Не этого я ищу, не этого желаю. Я здесь в качестве вашего советника, и только Христос – ваш Царь, Он – тот, кто вами правит»⁶⁸⁶. Примечательно, что в этой же проповеди он пытается противопоставить тайным «сговорам», связанным с разделением общества на политические группировки, публичный «заговор» всех добродетельных людей, то есть с помощью морали и религии в очередной раз укрепить демократию. Обращаясь к своей пастве, он призывает: «Я хочу, чтобы мы устроили заговор (*intelligenza*) ... Ну же, мы устроим добрый сговор, поскольку в любом случае они говорят, что я составляю заговоры. Поэтому, соберемся все вместе, ибо, хотя добродетели недостаточно, когда она объединена, то обладает большой силой ... Мы не хотим составлять наш заговор подобно вашим, мы хотим это сделать открыто»⁶⁸⁷, чтобы всякий человек знал о нем ... Объединимся вместе в этом сговоре: он нам необходим, чтобы всем любить Бога превыше всего, и чтобы горячо молиться, поскольку нам это необходимо»⁶⁸⁸.

И, наконец, уже не будучи в силах рассчитывать исключительно обращение к нравственному началу, доминиканский брат поддерживает инициативу с введением закона против тайных соглашений. 21 августа 1496 г. он выражает свое сильное недовольство тем, что означенный проект не получил одобрения со стороны флорентийского правительства. Рассуждая об организации правосудия в городе на Арно, монах сокрушается, обращаясь к его жителям: «Ты не желаешь вершить правосудие, не хочешь победы добрых законов. Что означает то, что ты не захотел принять закон о заговорах (*intelligenzie*)? ... ты не хочешь принять его, поскольку страшишься. Почему я не боюсь этого закона? Если бы я составлял заговоры, как ты утверждаешь, разу-

⁶⁸⁶ Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 411–412.

⁶⁸⁷ in publico.

⁶⁸⁸ Ibid. P. 405.

меется, я бы не увещевал тебя к принятию этого закона. Кто поступает хорошо, не страшится законов»⁶⁸⁹.

Необходимо отметить, что в это же время, с весны 1496 г., Савонарола пытается утвердить в Большом совете еще один закон, связанный с нравственными преобразованиями в городе, это положение о реформе женщин⁶⁹⁰. Действия Совета свидетельствуют о нежелании принять означенное постановление, возможно, поскольку оно расценивалось как недостаточно серьезное, ибо в качестве аргумента против одобрения проекта заявлялось о наличии в нем большого количества «вздора, чепухи»⁶⁹¹. Позиция правительства вызывала раздражение и гнев проповедника-реформатора, о чем свидетельствуют его выступления. Так, в ранее упомянутой проповеди 24 июня 1496 г. брат негодует: «Я предложил вам добрый и святой закон, и многие глумились над ним ... И это ваше зло, ибо вы не печетесь об общем благе, и не понимаете, что находитесь в этом Совете, чтобы оберегать общественное благо, и духовное, и материальное; вы недостойны войти в эту залу Христову; вы не желаете победы реформы; вы говорите: Ах, там много вздора. – Скажи мне, ты ничего туда не добавил, отчего он (проект закона – Е.Т.) кажется полной чепухой? – Что ты имеешь в виду? – Я полагаю, что ты добавил туда нечто, чтобы помешать реформе, и что также там имеется много того, что тебе представляется вздором, но не является таковым ... Но если бы я находился в этом Совете и огласил бы тебе эту реформу, они (ее положения – Е.Т.) не показались бы тебе вздором, и ты не стал бы смеяться ... Я бы зачитал тебе ее со всей серьезностью, так, что она не показалась бы тебе чепухой»⁶⁹².

Оба случая, как представляется, демонстрируют то, что Н. Макиавелли в своем определении Савонаролы как «безоружного пророка» был, в сущности, прав: монах пытался использовать законотворчество для воздействия на население Флоренции, однако не мог свободно манипулировать этим инструментом в условиях той демократической модели управления, становле-

⁶⁸⁹ Predica XX // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 2. P. 145.

⁶⁹⁰ Реформе нравственности посвящены последующие главы данной работы.

⁶⁹¹ frasche.

⁶⁹² Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 412–413.

нию которой сам содействовал. Оставалось рассчитывать только на моральное внушение, уповать на Бога, и, ссылаясь на Его волю, продолжать продвижение к намеченным целям. Об этой решимости свидетельствует, к примеру, проповедь 8 сентября 1496 г., в которой доминиканский брат выражает стремление в любом случае продолжить борьбу за реформы как в политической, так и нравственной сферах жизни общества. «Мы хотим установить в этом городе наилучшее правление, и сделаем это в любом случае, но с ущербом для тех, кто будет противоречить. Законы будут еще более суровыми, чем те, о которых я тебе говорил», – провозглашает с амвона монах и затем обращается к теме собственного вмешательства «в светские дела». Согласно доминиканцу, необходимо приять во внимание цель его действий: «Это правда, что не следует вмешиваться из-за обладания мирскими вещами; но, когда светское мешает духовному, то есть намерению тех, кто следует за Богом, следует вмешаться». Вслед за этим он заявляет, что намерен изменить модель своего поведения: «Я не желаю больше вмешиваться, то есть напоминать: делай так и так. Я не хочу, если только Бог не переменит меня; поскольку ты не хочешь действовать себе во благо; но буду вмешиваться посредством молитв, и из-за того, о чем я скажу тебе сейчас – потому, что ты подобно ослу нуждаешься в палке»⁶⁹³.

Относительно «сговоров (*intelligenzie*)» в Большом совете стоит также обратить внимание на то, что здесь теоретическая конструкция демократии столкнулась с политической реальностью: в многочисленном собрании, каким был Совет, добиться единства в принятии решений практически невозможно, неизбежно должны были появиться отдельные фракции, отстаивающие определенные мнения. И в этом случае попытка монаха противостоять означенной тенденции посредством единственно доступного ему способа, – моральных наставлений и проповеди единения всех добродетельных граждан, – представляется изначально обреченной на провал.

⁶⁹³ Predica XXIV // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 2. P. 249.

В демократическом устройстве республики обнаружилось еще одно уязвимое место: участвовавшие и продолжительные заседания Большого совета стали вызывать недовольство граждан непродуктивной тратой времени, что влекло за собой проблемы с обеспечением необходимого кворума. Савонарола, уловив опасную тенденцию самоустранения горожан от участия в работе Совета, в мае 1496 г. обращается к флорентийцам с критикой создавшегося положения и призывом исправить возникший изъян. Он признает, что «управление, которое ты сейчас имеешь, Флоренция, еще несовершенно»; замечает, что в Совете имеется много «ненужного, излишнего»⁶⁹⁴, а именно – прения в основе которых лежит «дурная» и «завистливая» природа участников, когда «один утверждает, что некая вещь будет доброй, а другой противоречит ему, поскольку не обладает подобной славой», и советует «сократить разговоры в Совете»⁶⁹⁵; затем, указывая на «утомленность» граждан частотой собраний, рекомендует «сделать что-то с созывом, чтобы не доставлять неудобство»; резюмируя же, заявляет, что для этого существует «множество способов», и здесь горожане должны действовать по собственному разуме-

⁶⁹⁴ superfluo.

⁶⁹⁵ Большой совет мыслится Савонаролой в качестве места, где свободно и открыто высказываются различные мнения, дискуссия касается существа обсуждаемых вопросов и не переходит на критику личных качеств оппонентов (это и есть – «излишнее», разговоры, которые стоит «сократить»). Об этом монах, к примеру, говорит в проповеди 26 июня 1496 г.: «Позволь сведущим людям говорить то, что они пожелают, и не допускай проявлений недовольства. Устрой так, чтобы каждый мог подняться и сказать то, что он полагает необходимым для благополучия города. Не высказывай раздражения по поводу того, что говорится; удержи-вай Совет в равновесии; затем бобы рассудят (голосование – Е.Т.), кто говорил хорошо, а кто – нет. Когда некто излагает свои соображения, позволь ему смело высказаться, и, если тебе (эти мысли – Е.Т.) не по нраву, поднимись затем ты; и не предавайся негодованию и порицанию, но поступи подобно умудренным опытом людям, скажи: “Высказанные соображения хороши, но мне представляется, что есть и иные доводы”, и решительно изложи собственные, и в заключение скажи: “Так видится мне, если нет иного, более лучшего суждения”. Таким образом ты найдешь верное решение и наиболее подходящие способы (его достижения – Е.Т.)». См. *Predica XIV // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 435–436*. В другом выступлении, 20 августа этого же года, брат Джироламо вновь обращается к проблеме характера прений в Совете: «... позвольте всякому свободно давать советы, и не клеветайте затем на того, кто говорил. Когда горожане собраны вместе, невозможно хорошо говорить и давать добрые советы, если не произносится то, что человек имеет в виду. Позволь каждому говорить то, что он хочет ... Не беспокойся, позволь каждому свободно говорить в твоих Советах то, что подсказывает им их жизненный опыт. Устройте так, чтобы невозможно было роптать на то, что было сказано в Совете под страхом наказания; но если тебе не нравится высказанная рекомендация, не говори плохо о нем (авторе высказывания – Е.Т.); скажи: “Мне не по нраву это соображение”, и приведи лучшее; поскольку если вы будете дурно отзываться друг о друге, то не станет ни одного, кто потом захочет говорить ... Совет хочет быть свободным. Установите здесь наказание для тех, кто говорит: “Этот горожанин говорит дурно, он – негодяй и скверный человек”. Лучше скажи: “У него добрый ум, но его суждение мне не по нраву”». См.: *Predica XIX // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 2. P. 136–137*.

нию⁶⁹⁶, тем более, что Господь, «Царь вашего города», желает, чтобы управление развивалось и совершенствовалось⁶⁹⁷.

Сходные рассуждения о проблемах функционирования Большого совета имеются в сочинении сторонника брата – Доменико Чекки, который предложил свой вариант их разрешения, «чтобы не было столько неудобств и раздражения для народа». В своем проекте реформ этот флорентийский горожанин выказал мысль, что было бы хорошо устроить так, чтобы Совет собирался «только по поводу важных вещей», «один раз в неделю для одного дня работы» (и «не было бы нужды созывать его в дни праздников и по вечерам»), также чтобы его заседания стали «более краткими», и «за более короткое время решалось большее количество дел». Для этого Доменико предложил создать «малый совет» из 237 человек, куда, помимо «синьоров» и «коллегий», вошли бы по 50 человек от картьеры, и который занялся бы рассмотрением менее значимых «проступков и дел, которые стоят менее 600 лир»⁶⁹⁸. Чекки также обратился к описанию последствий отсутствия кворума в Совете, когда «50 – 60 не собравшихся» становятся причиной неудобства для остальных, которые «проведут в тоске и скуке несколько часов, а потом разойдутся, так ничего и не сделав, а многие потом уже из-за этого не придут». В этом случае горожанин предложил вести счет пришедших на входе, чтобы быстро установить необходимое число присутствующих, а затем перекрыть доступ в помещение Совета, не впуская опоздавших, прибывшим же в надлежащее время предоставить некоторые преимущества в выборах на должности⁶⁹⁹. Появление означенного текста проекта Чекки в феврале 1497 г. свидетельствует о том, что вопросы кворума и эффективности работы Большого совета не потеряли своей актуальности и на рубеже 1496 – 1497 гг.

⁶⁹⁶ Сам же брат, проповедуя, увещевает прихожан не пренебрегать своими обязанностями в отношении Большого совета. Так, например, в упомянутом выше выступлении 20 августа 1496 г., он, обращаясь к теме Совета, укоряет граждан одновременно наставляя: «Вы не поддерживаете его: когда звонит колокол, тот находится в боттеге, этот направляется на виллу; вы не пребываете в единстве. Поступайте подобно монастырской братии, которая вся собирается по первому звуку колокола. Когда тебе надлежит направиться в Совет, не тяни долго; поскорее распорядись в своей боттеге и скажи: “Я должен идти”, и устройте хорошо этот Совет, и усовершенствуйте его». См.: Ibid. P. 135.

⁶⁹⁷ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 121–122.

⁶⁹⁸ Cecchi D. Op. cit. P. 185.

⁶⁹⁹ Ibid. P. 185–186.

И, наконец, будущее демократического устройства Флоренции было тесно связано с проблемами реализации на практике принципов сменяемости и выборности власти. Периодическое обновление состава магистратур республики посредством выборов и в прежнее время мыслилось в качестве действенного средства, препятствующего складыванию замкнутой олигархической системы управления⁷⁰⁰; причастность же Большого совета к проведению граждан на ведущие посты в государстве должна была существенным образом укрепить систему народовластия. Ликвидация летом 1495 г. института 20 аккопьяторов позволила Совету обратиться к осуществлению своих прав в отношении избрания главных магистратов, прежде всего – членов Синьории. Примечательно, что Савонарола, судя по его проповедям, демонстрирует отсутствие стремления к использованию своего авторитета для продвижения сторонников, но накануне выборов обращается к пастве с соответствующими морально-нравственными наставлениями, призывая избирать «по совести», руководствуясь не личными интересами, а стремлением к общему благу, людей достойных и рассудительных, пекущихся о чести и славе своего отечества.

К примеру, в проповедях конца февраля 1496 г. брат, обращаясь к теме выборов, следующим образом увещевает горожан. Каждый гражданин, заявляет монах в выступлении 25 февраля, направляясь в Совет, должен быть настроен действовать «на благо города и во славу Бога», голосовать «по совести», подавая «черные бобы» за тех, кому доверяет, и кто отвечает «двум условиям» – является «добрым и также благоразумным». Если относительно кандидатуры претендента на должность возникнут определенные сомнения, проповедник советует, приводя пример избрания апостолами Матфия вместо отпавшего Иуды Искарота⁷⁰¹, положиться на Бога: «... прежде помолись, и

⁷⁰⁰ Сходные мысли высказывает и Савонарола в своих обращениях к пастве: «... ты говоришь, что эта Синьория хочет произвести грандов ... сын мой, это не так. Эта Синьория через два месяца уже не будет Господином: тираническая Синьория – это та, которая длится вечно». См.: *Predica XIX // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 2. P. 136.*

⁷⁰¹ Матфий – один из учеников Иисуса Христа, по жребию занявший место среди двенадцати апостолов вместо Иуды Искарота. См. Деян. 1: 15–26: И в те дни Петр, став посреди учеников, сказал... Итак надобно, чтобы один из тех, которые находились с нами во всё время, когда пребывал и обращался с нами Господь

возьми в руку белые и черные бобы, и вытащи боб, не глядя на него, и Бог направит тебя к тому, что лучше, если ты будешь действовать с чистым сердцем». В случае, если кто-либо станет просить проголосовать за него, следует дать ему «белый боб» (против – Е.Т.), «поскольку он не иначе как амбициозен». Кроме того, надлежит сторониться тех, кто создает тайные объединения (*setta*), ибо Господь неизбежно покарат таких граждан. Савонарола также настроен против практики тайных интриг в отношении претендентов на должности: «добрый человек, радеющий за свое отечество», – наставляет монах, – «вышел бы и прилюдно, и решительно заявил бы: “В этом человеке город не нуждается”; и если ты страшишься сказать это, то ты неразумен, ибо не ведаешь, что нет тирана, и что можно говорить, и не понимаешь, что ты – свободный человек»⁷⁰².

В другой проповеди, 28 февраля, монах призывает голосовать за кандидатов не по партийному признаку, а исходя из личных качеств претендента: «... имеются некоторые в Совете, которые, когда некто выдвигается на голосование, говорят: “Дадим ему черный или белый боб, поскольку от из такой-то партии”; и, *что еще хуже*⁷⁰³, я полагаю, что имеются те, кто говорит: “Он из партии брата, дадим ему черный боб”. Как? Я вас учил этому? У меня нет иного друга, кроме Христа и того, кто поступает хорошо. Больше так не действуйте, поскольку мое намерение заключается не в этом; так вы вскоре породите разделение между собой. Голосующие, отдайте бобы тому, кто представляется вам добрым и благоразумным, (голосуйте – Е.Т.) по совести (как я вам говорил неоднократно), и остерегайтесь предоставлять их тем, кто является дурным и глупым, и не обращайтесь на лицо *персоны*»⁷⁰⁴.

Иисус, начиная от крещения Иоаннова до того дня, в который Он вознесся от нас, был вместе с нами свидетелем воскресения Его. И поставили двоих: Иосифа, называемого Варсавою, который прозван Иустом, и Матфия; и помолились, и сказали: Ты, Господи, Сердцеведец всех, покажи из сих двоих одного, которого Ты избрал принять жребий сего служения и Апостольства, от которого отпал Иуда, чтобы идти в свое место. И бросили о них жребий, и выпал жребий Матфию, и он сопричислен к одиннадцати Апостолам.

⁷⁰² Predica IX // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P. 256–257.

⁷⁰³ *quod peius est.*

⁷⁰⁴ Predica XII // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P. 334.

Итак, согласно Савонароле, идеальная выборная система подразумевала: во-первых, наличие добродетельных и рассудительных граждан, чуждых тщеславия и честолюбия, заботящихся об общественном благе и процветании государства; во-вторых, открытое обсуждение кандидатур и голосование за достойных кандидатов «по совести», а не на основании партийной принадлежности. И в этом случае политика тесным образом переплеталась с нравственностью, поскольку только моральное совершенствование жителей города на Арно могло стать основанием для достижения желаемого результата. По сути, речь идет об упомянутой выше «христианской политике», основы которой уже были заложены с началом реформ во Флоренции, но для полного воплощения на практике еще предстояло приложить значительные усилия. Доминиканец, прекрасно осознавая это, не переставал повторять мысль о необходимости совершенствования установившегося в республике правления, обращаясь при этом к довольно жесткой критике в отношении граждан и государственных институтов.

Проповедник порицал «амбиции» отдельных граждан, выражающиеся в стремлении занять ту или иную должность, не обладая при этом надлежащими качествами. Так, например, в проповеди 7 марта 1496 г. он с сарказмом заметил: «Иной раз мы видим какого-либо из наших горожан, глупца, который даже не может совладать со своей женой и семьей, но желает управлять государством, и все же он возвышается, а общество затем смеется над его поступками. Тебе следовало бы сказать: “Если я попаду в этот магистрат, я поступлю как та обезьяна, которая, чем выше лезет, тем более демонстрирует свой срам”. Также и ты, насколько выше взбираешься, настолько больше демонстрируешь свой недалекий ум, который высмеивают»⁷⁰⁵. Соперничество в обретении должностей порождает раздоры среди горожан и вносит беспорядок в избирательную систему. «Вы неприязненны друг к другу и завистливы: *Parvulum occidit invidia*⁷⁰⁶. Вы домогаетесь бобов; ты испытываешь зависть,

⁷⁰⁵ Predica XX // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 2. P. 59–60.

⁷⁰⁶ Иов. 5:2: несмысленного губит раздражительность.

когда некто избирается, и один пытается сбросить вниз другого»⁷⁰⁷, – укоряет монах своих слушателей в майской проповеди, а в декабре, касаясь недавнего голосования в Большом совете, снова не может удержаться от эмоционального комментария: «Приведите в порядок Совет, в котором имеется разлад и не все хорошо. Я узнал, что, когда пришли туда, чтобы голосовать⁷⁰⁸, устроили большой беспорядок; это стыд и срам; дети поступают лучше, чем взрослые»⁷⁰⁹. В следующем, 1497 г., вновь обращаясь к теме голосования в Совете, Савонарола в который раз призывает прихожан к исправлению собственного несовершенства: «... имеются некоторые, что говорят: “Я не избран на должности, я обременен налогами, я дам белый боб”. И таким образом вредят или пытаются нанести ущерб делам Бога. ... Если бы вы были добрыми людьми, то, не избравшись, вам следовало бы сказать: “Это случилось из-за моих грехов, Господь проявил справедливость”, ибо наказание всякого зла происходит от Бога»⁷¹⁰.

Таким образом, истоки проблем, связанных с функционированием избирательной системы, обнаруживаются, по мысли брата, не в практикующемся в настоящее время способе продвижения на должности, а морально-нравственном состоянии горожан, недостаточном укоренении добродетелей, которые формируют не только истинного христианина, но и настоящего гражданина. Как представляется, именно эта мысль звучит в обращении к пастве 13 декабря 1496 г., когда монах высказывает свое отрицательное отношение к суждениям о возвращении к применению жребия во время выборов. Савонарола, полемизируя с воображаемым оппонентом, заявляет: «Тот, другой, говорит: “Я хотел бы, чтобы были устроены выборы по жребию⁷¹¹ (так вы это называете)”. Говорю вам, что тот, кто желает жребия, руководствуется не разумом, а страстями. Покайся, признай, что ты не настоящий христиа-

⁷⁰⁷ Predica IX // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 269.

⁷⁰⁸ pigliare ballotte.

⁷⁰⁹ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 51–52.

⁷¹⁰ Predica XLIII // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele / a cura di Roberto Ridolfi. Roma: A. Belardetti, 1955. Vol. 2. P. 251.*

⁷¹¹ sorte del mazzocchio.

нин⁷¹², а скверный человек: ибо, зная свою жизнь, ты страшишься, что не будешь избран, поэтому жаждешь жребия. Скажи мне только: почему ты не станешь добрым? Подобные люди, говорю тебе, являются безумными и скверными, это те, кто всякий раз голосует против»⁷¹³.

Примечательно, что для обоснования неприемлемости жеребьевки на выборах монах апеллирует к мнению одного из крупнейших гуманистов первой половины XV в., канцлера Флоренции и убежденного сторонника республиканского строя – Леонардо Бруни Аретино: «Пойди, почитай свою историю, которую написал мессер Лионардо ди Ареццо, где он говорит, что город благоденствовал, пока обходился без жребия, и что затем этот жребий был затеян амбициозными людьми. И он всегда привлекается этими скверными людьми, которые нашептывают подобные вещи»⁷¹⁴. Действительно, в своей «Истории флорентийского народа в 12 книгах»⁷¹⁵ этот политический деятель, сообщив, что в 1323 г. «было учреждено тянуть жребий на должности, которые прежде занимались посредством избрания и голосования», и описав выборы на основе «modo della sorte» (жеребья), обращается к анализу его положительных и отрицательных сторон. Согласно Л. Бруни, с одной стороны, «практика показала, что этот закон пригоден для избавления от распрей, которые ... часто возникали между горожанами»⁷¹⁶; однако, с другой стороны, означенное нововведение «насколько было полезно для республики, настолько же и чрезвычайно вредно, ибо посредством жребия многие недостойные обретали должности в магистратах». По мнению флорентийско-

⁷¹² cristianaccio («христианчик»).

⁷¹³ Predica VI // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 96–97.

⁷¹⁴ Ibid. P. 97.

⁷¹⁵ *Historiarum florentini populi libri XII* написана Л. Бруни (1369 или 1374 – 1444) по заказу коммуны; в 1429 г. начинают выходить первые 6 книг этого сочинения; в 1439 г. «История» была торжественно преподнесена Флорентийской синьории, ее итальянский перевод, сделанный Донато Аччайуоли, опубликован в Венеции в 1476 г. См.: *Эльфонд И.Я.* Леонардо Бруни // *Культура Возрождения: Энциклопедия.* В 2 т. / ред. кол.: Н. В. Ревякина (отв. ред.) и др. Москва: РОССПЭН, 2007. Т. 1. А–К. С. 249–250.

⁷¹⁶ В трактате «О Флорентийском государстве», составленном в 1439 г. на греческом языке по просьбе византийского ученого Георгия Амирутци Трапезундского, Бруни указывает на сочетание аристократических и демократических начал в современной ему коммуне, а затем отмечает еще один положительный для демократии аспект практики выборов по жребию: ««Благу народа способствует то, что лица, находящиеся на государственных должностях, пребывают у власти короткое время ... Еще более демократично то, что вожди избираются по жребию, а не по какому бы то ни было имущественному цензу». См.: *Бруни Л.* О Флорентийском государстве // *Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век)* / под ред. Л.М. Брагиной. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985. С. 70.

го канцлера, при таком способе избрания «умалается стимул к добродетели, поскольку, если бы люди должны были соперничать за голоса, и открыто подвергать опасности свою репутацию, они обращали бы гораздо больше внимания на свою жизнь и поступки». Завершая рассуждения по означенному вопросу Л. Бруни уточняет свою позицию: «Первый способ, несомненно, был более похвальным и полезным для республики, его постоянно придерживался римский народ при устройстве собственных магистратов; и тем не менее, способ, основанный на жребии, введенный в то время во Флоренции, дошел до наших дней и, из-за явной популярности у народа, продолжает практиковаться в республике»⁷¹⁷. Таким образом, можно отметить определенное сходство доминиканского проповедника и представителя «гражданского гуманизма»: во-первых, предпочтение практики выборов, основанных на обсуждении кандидатур и последующем голосовании, а не на жребии, ибо такой путь гарантирует прохождение на должности лиц с надлежащими способностями и качествами; во-вторых, мысль о том, что стабильность и успехи демократического режима связаны с нравственным совершенствованием граждан Флорентийской республики (разумеется, с учетом того, что их этико-политическая доктрина имела разные основания: у Л. Бруни опиралась на гражданственную этику античности, у Савонаролы – на христианское учение). Стоит также обратить внимание на то, что оба политических деятеля, каждый в свое время, отмечают желание народа сохранить, либо возродить употребление жребия.

Здесь необходимо уточнить, что по закону 23 декабря 1494 г. об учреждении Большого совета, выборными становились главные должности, а менее значимые оставались связанными со жребием. Согласно современнику событий – Пьеро ди Марко Паренти, жребий был сохранен, «чтобы не вызвать полное недовольство пополанов, дабы они прониклись, что способ выборов ведет не только к восстановлению положения нобилей, ... но и при-

⁷¹⁷ *Bruni L. Istoria fiorentina di Leonardo Aretino tradotta in volgare da Donato Acciajuoli. Firenze: Felice Le Monnier, 1857. Vol. 2. P. 81–82.*

способлен для ... людей среднего состояния»; кроме того, среди должностей, в отношении которых продолжал действовать жребий, «некоторые были чрезвычайно доходными (*alcuni n'erano di grandissimo utile*)»⁷¹⁸. Таким образом, жребий в республике не был отменен, однако, выступления доминиканского монаха 1496 – 1497 гг. свидетельствуют о стремлении горожан к его активному применению. Причина подобной тяги, как выяснила Э. Браун, заключалась в том, что на протяжении 1495 г. в коммуне выросло число должностей, подлежащих избранию, и, соответственно, область применения жребия сузилась. Помимо этого, согласно английской исследовательнице, проблема возвращения к практике жеребьевки была связана не только с вопросом участия народа в политике («политической справедливостью»), но и имела материальное основание – речь шла об интересе простых граждан к обретению оплачиваемых должностей⁷¹⁹. Собственно, о наличии среди горожан установки на реализацию «политической справедливости» и одновременно материальной заинтересованности, свидетельствует и появившееся в начале 1497 г. сочинение Д. Чекки. В своем проекте реформ он предложил издать постановление, согласно которому, те, «кто пятьдесят лет платит налоги во Флоренции и живет с доходов своего ремесла», будут внесены в сумки для голосования; Доменико также выразил надежду на то, что места в Большом совете займут те, «кто платит налоги по доброй воле», ибо это окажет благотворное воздействие как на доходы коммун, так и на эффективность работы ее главного органа власти. Кроме того, этот горожанин выказал

⁷¹⁸ *Parenti P.* Op. cit. P. 161–162.

⁷¹⁹ *Brown A.* Firenze e la crisi del repubblicanesimo // *L'Italia alla fine del Medioevo: i caratteri originali nel quadro europeo* / a cura di Francesco Salvestrini. Firenze: Firenze University Press, 2006. P. 220–221, 226–227. В своей статье Э. Браун прослеживает следующую динамику: если к концу 1495 г. количество выборных должностей в республике растет, то с рубежа 1496 г. – 1497 г. начинается движение в обратном направлении – закон 12 мая 1497 г. вносит радикальные изменения в избирательную систему, распространяя жребий на оплачиваемые должности; а с реформой 31 мая 1499 г. «когда было решено избирать жребием множество наиболее важных должностей, как почетных (*onore*), так и приносящих доход (*utile*), – после выдвижения, выборов и помещения в сумки, – была достигнута кульминация процесса в направлении жеребьевки». Одновременно английская исследовательница отмечает эволюцию сознания (идеологии), указывая на то, что к проблеме распределения должностей флорентийские горожане начала XVI в. стали подходить в большей степени с точки зрения дохода, чем «политической справедливости». В итоге, Э. Браун приходит к выводу, что «республиканизм шестнадцатого века больше не был ни идеологией активной гражданственности четырнадцатого века, ни даже идеологией консенсуса и платонизма конца пятнадцатого века», это была новая «реалистическая идеология, которая признала материализм большинства людей, согласных играть более пассивную роль в правительстве, если они свободны» наслаждаться материальными благами. *Ibid.* P. 222, 228, 231.

следующие соображения о влиянии практики выборов (вероятно, речь идет как раз об оплачиваемых должностях) на экономическое положение граждан и, как следствие, процветание Флоренции: «среди нас есть многие, кто не имеет никаких торговых выгод и не могут устроить боттегу (мастерскую) в городе, но очень этого хотят», «если такие люди получают больше мест в сумках (для голосования), то они смогут устроить боттеги для производства шерсти или шелка», от этого будет «большая польза коммуне и народу» – простые люди обретут работу, торговля будет процветать, а город начнет собирать «большие габеллы (налоги)»⁷²⁰.

Итак, в своих рассуждениях, касающихся обновления общества и государства, Савонарола неоднократно обращался к образу тела, преобразование которого невозможно без надлежащей «формы». Новой «формой» всего социально-политического организма города на Арно, согласно наставлениям брата, должны были стать истинные христиане, культивирующие в себе простоту, смирение, любовь к Богу и ближнему, радеющие об «общем благе». Такое изменение «формы» должно было способствовать преобразению и единого тела – государства. Государству же надлежало выполнять функцию «ограды» для сохранения доброй жизни и «основания» для достижения общего блага, как в его земном измерении, так и в том, что касается коллективного спасения. Во Флоренции таким целям соответствовало государство, основанное на народном правлении, фундаментом которого стал в декабре 1494 г. Большой совет. И не случайно в рассуждениях монаха об этом новом для республики органе власти также периодически появлялось понятие «формы»: в представлении доминиканца, Большой совет – это квинтэссенция нового демократического режима, «дело Бога», «семья» реформы. Постоянно подчеркивая в своих публичных выступлениях ключевую роль Совета в системе государственного управления, Савонарола значительную часть усилий направил на укрепление его позиций и улучшение его работы. После учре-

⁷²⁰ *Cecchi D.* Op. cit. P. 186–187. Также см.: *Краснова И.А., Тельменко Е.П.* Конструирование образа «доброго купца» во Флоренции XIV-XV вв. // Вестник Института Дружбы народов Кавказа. «Теория экономики и управления народным хозяйством». Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. № 1 (29). С. 48–49.

ждения Совета в республике был произведен ряд важнейших реформ по совершенствованию нового режима (закон о «всеобщем мире», отмена Коллегии двадцати аккопьяторов и Парламента, основание ломбарда, начало реорганизации налоговой и судебной систем). Однако, Флоренции недоставало важнейшего элемента «общего блага» – единства общества. Разделение на политические группировки (к «серым» и «белым» прибавились сторонники и противники брата), тайные соглашения и голосование по партийному признаку, несколько раскрытых заговоров, и, наконец, проблемы с кворумом в Большом совете – все это свидетельствовало о том, что горожане не готовы отказаться от личных и групповых интересов ради общих, и значит неспособны внутренне преобразиться. Без этого политическая реформа утрачивала свою цельность в глазах Савонаролы. Его надежды на обновление общества начинают все больше смещаться в религиозную сферу и переноситься на новое поколение флорентийцев, тех, с кем связано будущее – детей.

Глава 3. Религиозно-нравственная реформа. Место и роль детей в преображении Флоренции в Новый Иерусалим

3.1. Юное поколение как инструмент воздействия на городской социум: опыт предшественников брата Джироламо

К реформе молодежи, – одной из составных частей (если не главной) общей реформы нравов, – Савонарола приступил на рубеже 1495–1496 гг. Однако в это время фра Джироламо был лишен возможности регулярно проповедовать в силу того, что настроенный противниками и не дождавшийся прибытия доминиканского монаха в Рим для объяснений⁷²¹, Александр VI Борджа в бреве от 8 сентября 1495 г. запрещает ему публичные выступления, а также аннулирует независимую конгрегацию Сан Марко и переподчиняет ее Ломбардской конгрегации. Следующим бреве от 16 октября 1495 г. Понтифик отменяет все свои постановления, но рекомендует фра Джироламо воздержаться от проповедей до тех пор, пока ситуация не будет тщательно исследована⁷²².

По этой причине посредником между приором Сан Марко и паствой на некоторое время оказался его собрат по ордену и сподвижник – фра Доменико да Пеша. По сути, этот брат стал «правой рукой» Савонаролы в осуществлении «детской реформы». Об этом, например, следующим образом писал Псевдо-Бурламакки: «И, поскольку он (Савонарола – Е.Т.) был постоянно занят чрезвычайно важными вещами, он поручил заботу о них (детях – Е.Т.) фра Доменико да Пеша, его единственному (*individuo*), преданному вплоть до

⁷²¹ Папа своим бреве от 21 июля требует немедленного прибытия Савонаролы в Рим, монах, ссылаясь на нездоровье, не выполняет приказ.

⁷²² Ченте Т.С. Указ. соч. С. 94–99, 103–105; Виллари П. Указ. соч. Т.1. С. 296.

смерти на Св. Кресте, товарищу; который, горячо благодаря Господа, принял (это поручение – Е.Т.), и, неоднократно собирая их вместе, при помощи увещаний божественного писания пас стада маленьких овец»⁷²³. О том, что действия фра Доменико не ограничивались наставлениями, будет сказано несколько позже. Прежде, необходимо выявить причины пристального внимания Савонаролы к детям Флоренции.

Не исключено, что в какой-то степени объяснение связано с демографической ситуацией в городе. Так, в частности, Ч. Пуэлли-Маестрелли, беря за основу возраст от 6 до 25 лет, и опираясь на исследования К. Клапиш и Д. Херлихи, приходит к выводу, что между 1494 и 1497 гг., – то есть во время активной проповеднической и реформаторской деятельности Савонаролы, – население Флоренции было слишком молодым, и средний возраст половины жителей был до 22 лет⁷²⁴. Если означенные выводы истинны, то такое соотношение числа молодежи к общему количеству жителей города на Арно трудно не заметить невооруженным взглядом, и этот факт отчасти мог повлиять на логику действий доминиканца.

Определяя причины обращения Савонаролы к детям при осуществлении реформы нравов стоит также обратить внимание на, – заметную по текстам его проповедей, а также отмеченную еще современниками, – увлеченность монаха образами и моделями поведения пророков Ветхого завета, его стремление уподобить себя «новому Моисею», а флорентийцев – избранному народу Израиля⁷²⁵. Действительно, в сознании проповедника и паствы (не без влияния доминиканца) явно складывались параллели между событиями, произошедшими во Флоренции кон. 1494 г. – 1495 г. и историей Исхода: освобождение флорентийцев от тирании Медичи – избавление евреев от рабства в Египте; утверждения Савонаролы об особом положении города перед лицом

⁷²³La Vita ... P. 121.

⁷²⁴Puelli-Maestrelli C. Savonarole, la politique et la jeunesse à Florence// Théorie et pratique politique à la Renaissance. Paris, 1977. P. 2–3.

⁷²⁵См., например, письмо одного из анонимных противников Савонаролы: Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 131–132. Подробно о содержании этого послания см. параграф 6.1.

Бога, его миссии как центра христианского обновления – действия Моисея, посвятившего всю свою жизнь превращению закабаленных племен в народ, избранный Богом⁷²⁶; нарушение временного единства граждан, и разделение города с января 1495 г. на противоборствующие группировки – нарушение народом Израилевым заповедей Завета, их малодушие и ропот; и, как следствие, объявление Господом Моисею своего решения: «... все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего, не увидят земли, которую Я с клятвою обещал отцам их; [*только детям их, которые здесь со Мною, которые не знают, что добро, что зло, всем малолетним, ничего не смыслящим, им дам землю, а] все, раздражавшие Меня, не увидят ее*»⁷²⁷ – обращение Савонаролы к флорентийским детям, как основе для проведения нравственной реформы, которая должна окончательно превратить Флоренцию в Новый Иерусалим, по выражению Анны Бенвенути – «город праведных, управляемый невинными»⁷²⁸. Одним из свидетельств, подтверждающих закрепление стараниями проповедника подобной параллели (преобразованный христианский мир для новых людей – детей) в сознании его паствы, служит запись в «Дневнике» последователя монаха Луки Ландуччи. Этот горожанин, описывая охватившие Флоренцию к лету 1497 г. бедствия – голод и чуму, 16 июля отметил, что умирали «все главы домов, от 20 до 50 лет, а не дети (мальчики)», и «казалось, *сбывается сказанное братом об обновлении Церкви и мира* (выделено мной – Е.Т.)»⁷²⁹.

Итак, ситуация складывалась таким образом, что реальность и ее интерпретация проповедником обусловили сближение монаха с этой прослойкой городского населения. Однако, как следует из трудов современных исто-

⁷²⁶ См. слова Яхве, обращенные к Моисею (Исх. 19: 5–6): «... если вы будете слушаться гласа Моего и соблюдать завет Мой, то будете Моим уделом из всех народов, ибо Моя вся земля, а *вы будете у Меня царством священников и народом святым* (выделено мной, Е.Т.)».

⁷²⁷ Чис. 14: 20–23.

⁷²⁸ Benvenuti A. I Bruchi di Frate Gerolamo: l'eversivo anacronismo del Savonarola // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 1997. P. 168.

⁷²⁹ Landucci L. Op. cit. P. 155. Сходную мысль автор «Дневника» повторяет и позже – 18 октября 1497 г.: «от лихорадки умирало множество глав домов и добрых горожан, и не умирали ни женщины, ни дети». См.: Ibid. P. 158.

риков, пример савонаролианской Флоренции не является уникальным. Так, например, в своих работах Оттавиа Никколи показала и проанализировала как, до и после Савонаролы, светские и духовные лица пытались поставить под контроль и использовать в своих интересах детей, а также свойственную им агрессивность и жестокость. Рассуждая о потенциальных вариантах разрешения этой острой проблемы в сообществах в период между Средневековьем и Ранним новым временем, исследовательница указала на тщетность попыток насильственного подавления юношеской агрессии. В итоге, итальянское общество эпохи Возрождения представилось этому специалисту «скорее принявшим» детское буйство и жестокость «как неизбежную и неотвратимую часть себя»⁷³⁰, но при этом не оставляющим попыток использовать их для достижения определенных целей.

Взрослые, – как светские, так и духовные лица, – прилагали всяческие старания поставить под контроль детское насилие и управлять им. Так, дети, как отмечает О. Никколи, выступали в качестве «агентов (или инструментов: трудно определить) политического насилия»⁷³¹: подростки, – в представлении общества мыслящиеся орудием божественной воли, – выплескивали свою жестокость в отношении людей, которых социум определял как собственных врагов. Это, по сути, «ритуальное насилие» проявлялось в том, что молодежь предавала поруганию трупы политических преступников, обвиненных в государственной измене; нападала на ростовщиков (как правило – евреев) и их конторы; следуя древней традиции, забрасывала камнями евреев, появлявшихся на улицах города во время Страстной недели⁷³².

Действительно, в истории Флоренции XV в. обнаруживаются яркие образцы подобного поведения молодежи. Здесь можно привести, ставший уже хрестоматийным, пример францисканского проповедника Бернардино да Фельтре. Брат Бернардино, проповедуя в Великий пост 1488 г. во флорентий-

⁷³⁰Niccoli O. *Il seme della violenza: putti, fanciulli e mammoli nell'Italia tra Cinque e Seicento*. Roma: GLF editori Laterza, 2007. P. 89.

⁷³¹ «... una violenza politicamente significativa». См.: Niccoli O. *I bambini del Savonarola* // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario* / a cura di Gian Carlo Garfagnini Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 281.

⁷³²Niccoli O. *I bambini del Savonarola* ... P. 280–281; *Eadem*. *Il seme della violenza* ... P. 61–62, 70–75.

ском кафедральном соборе Санта Мария дель Фьоре, призывал к организации дешевого ломбарда (Монте ди Пьета) и изгнанию евреев, многие из которых занимались ростовщичеством, чрезмерно отягощавшим граждан. В итоге, после очередного выступления монаха 12 марта, возбужденные дети направились к дому одного из евреев-ростовщиков – Мануллино, намереваясь «убить его и разграбить эту ростовщическую контору». Городским магистратам удалось пресечь еврейские погромы под угрозой повешения участников и выселения их семей; а самому монаху было предписано прекратить проповедь и покинуть пределы города. При этом интересна интерпретация последующих событий, изложенная в «Дневнике» Луки Ландуччи: автор, описывая трагическую смерть членов городского магистрата (Балии Восьми), издавших указ о преследовании зачинщиков беспорядков и применивших карательные меры в отношении францисканца, – кто-то сломал шею на лошади, а кто-то обезумел и умер в госпитале, – заключает, что по всеобщему мнению монах был святым, и потому произошедшее с его преследователями является божественной карой⁷³³. Соответственно, уже только один этот пример показывает, что модель «святой проповедник и опекаемые им дети – вершители божественной воли», реализовывалась в итальянских городах и до Савонаролы, а также свидетельствует о том, что до конца подчинить себе детскую агрессию не удавалось никому⁷³⁴.

Другой пример, когда действия молодежи стали воплощением кары свыше, направленной уже против политических преступников, связан с расправой над участниками заговора Пацци (апрель 1478 г.). История надругательства флорентийских детей над телом казненного правительством республики главы семейства Пацци – Якопо изложена в нескольких источниках⁷³⁵.

⁷³³Landucci L. Op. cit. P. 53–54.

⁷³⁴ По свидетельству другого источника, – об этом сообщает в своих воспоминаниях Трибальдо де' Росси, – Бернардино да Фельтре лишь призвал мальчиков Флоренции к молитвам, дабы Бог направил сердца взрослых на учреждение ломбарда и изгнание евреев, однако те вышли из-под контроля и направились сами вершить суд. См.: *Tribaldo de' Rossi. Ricordanze // Delizie degli eruditi toscani*. Firenze, 1786. T. XXIII. Vol. 4. P. 238–240. См. также: *Niccoli O. Il seme della violenza ...* P. 75–76.

⁷³⁵ В сокращенном виде рассказ об этих событиях присутствует в «Истории Флоренции» Н. Макиавелли, где автор не уточняет, кто совершал издевательства над трупом Пацци. См.: *Макьявелли Н. История Флоренции ...* С. 317. Более пространное изложение, с указанием в качестве главных действующих лиц детей, содержит-

15 мая 1478 г. его труп был сначала изъят из фамильной усыпальницы в Санта Кроче и перезахоронен за городской стеной. 17 мая мальчики еще раз вырыли тело, и, издеваясь над ним, – по свидетельству А. Полициано, изображая шествие знатного рыцаря со свитой⁷³⁶, – протащили по улицам Флоренции; затем, когда им наскучило это занятие, сбросили труп в реку, распевая сочиненную ими сатирическую песенку, в которой были слова: «Мессер Якопо вниз по Арно идет». Однако на этом поношение заговорщика не окончилось: на другой день дети выловили труп из воды, подвесили его на иве и стали избивать палками, после чего опять сбросили в реку⁷³⁷. Здесь стоит предварительно оговориться, что та же самая схема действий проявилась при надругательстве флорентийских мальчиков над телом казненного Савонаролы⁷³⁸.

О. Никколи, исследовав сообщения источников о сходных действиях детей в одно и то же время – 70-е гг. XV в. в разных городах Италии (Флоренция, Милан, Пьяченца), приходит к выводу об отсутствии подражательных заимствований⁷³⁹. Следовательно, наличие общей модели, воспроизводимой в различных местах, позволяет не только лишний раз увериться в повторяемости ситуаций преследования «врагов» городского сообщества, где особая роль принадлежала детям как инструментам карающей воли Божьей, но и убедиться в наличии древней, архаической праосновы поношения, применявшегося детьми в отношении преступников. Этот культурный пласт «смеховой культуры» отчетливо прослеживается в описанных выше действиях молодежи над трупом Якопо Пацци, где поношение связано с возвышени-

ся в сочинениях флорентийского горожанина Луки Ландуччи и итальянского гуманиста Анджело Полициано, последний написал свой труд сразу после расправы над семействами Пацци и Сальвиати, в мае-августе 1478 г.

⁷³⁶ «Притащив его к дому, – пишет Полициано, – принялись ударять труп головой в узкую дверь, вопрошая, есть ли кто-нибудь дома и встретит ли кто-нибудь хозяина». Лука Ландуччи сообщает, что, проходя мимо дома Якопо Пацци, мальчики прицепили веревку, за которую тянули труп, к колокольчику у входа и поволокли тело дальше, приговаривая «стучит в дверь». См.: *Полициано А. О заговоре Пацци* // Культура Возрождения и средние века. Москва: Наука, 1993. С. 214; *Landucci L. Op. cit.* P. 21.

⁷³⁷ *Landucci L. Op. cit.* P. 21–22.

⁷³⁸ *Istorie di Giovanni Cambi cittadino fiorentino pubblicate, e di annotazioni, e di antichi munimenti accresciute, ed illustrate da fr. Ildefonso di San Luigi* // *Delizie degli eruditi toscani*. Firenze, 1785. T. XXI. Vol. 2. P. 127 (Далее – *Cambi G. Istorie ...*); *La Vita ...* P. 185.

⁷³⁹ *Niccoli O. I bambini del Savonarola ...* P. 281.

ем, ужасное со смешным, когда происходит «переворачивание мира», и детская жестокость преобразуется в ритуальное разрушение, необходимое для восстановления социального (космического) порядка.

В этом своем качестве молодежная агрессия могла быть использована не только в преследовании реальных или мнимых врагов сообщества, но и нашла свое место в праздниках церковного календаря. Здесь стоит обратиться к рассуждениям о свойствах празднеств М.М. Бахтина, который отмечал, что их основой является тесная связь со временем, его восприятием, что «празднества на всех этапах своего исторического развития были связаны с кризисными, переломными моментами в жизни природы, общества и человека», и «именно эти моменты... создавали специфическую праздничность праздника»⁷⁴⁰. В календарных же празднествах наиболее ярко выражены идеи смены и обновления, смерти и возрождения, где смерть является амбивалентным образом, поскольку за ней следует рождение, где хаос (разрушение) неизбежно влечет за собой восстановление порядка природного или культурного⁷⁴¹.

Детская агрессивность и склонность к насилию, таким образом, вписывалась в организацию ряда церковных праздников, где молодые люди были связаны с деструктивным началом, заведовали стороной ритуального разрушения, функционально необходимого для реконструкции природного или культурного порядка. Так, в одной из своих статей итальянский историк Анна Бенвенути показала, как эта архаическая основа праздника «переосмысливалась в рамках новых культурных кодов», и также проявлялась в участии детей в торжествах рождественского и пасхального циклов литургического года⁷⁴². К примеру, исследовательница указывает, что в декабрьские дни «подготовка к обрядам инверсии» начиналась с праздника Св. Николая (6 декабря) – покровителя детей и в целом молодежи. Именно в этот день, соглас-

⁷⁴⁰Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. Москва: Худож. лит., 1990. С. 14.

⁷⁴¹ Там же. С. 9–18, 31–32. См. также: Даркевич В.П. Народная культура средневековья: светская, праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. Москва: Наука, 1988. С. 123, 125, 168.

⁷⁴²Benvenuti A. Op. cit. P. 170–172.

но средневековой традиции, молодежью избирался *episcopus puerorum* (детский епископ), власть которого длилась⁷⁴³ вплоть до Дня святых Невинных Младенцев Вифлеемских (28 декабря)⁷⁴⁴. Праздник в честь погибших по приказу Ирода младенцев (Мф. 2:16), – во время которого молодежь инсценировала эту библейскую историю, – являлся, согласно А. Бенвенути, «одним из ключевых моментов, во время которого исполнялись обряды христианской реорганизации (*rifondazione*) времени и пространства»: вольности связанные с действиями детей, приводили к тому, что «хаос вновь обретал превосходство», после чего наступало время обновления и восстановления⁷⁴⁵. Сходные функции (деструкция с целью обновления), как представляется, выполняли и «мальчики» Савонаролы при организации «костров суеты», о чем будет сказано ниже.

Еще одной попыткой контролировать насилие молодежных группировок стала организация детских братств. Рональд Вейсман, подробно изучивший феномен братств (*confraternita*) во Флоренции эпохи Возрождения, отнес их начало к XIII в. и выделил два типа этих сообществ – *laudesi* (связанные с культом святых и мертвых) и *disciplinati* (братства покаяния, флагелланты). Члены этих объединений светского благочестия избирали себе святого покровителя, занимались похоронами своих собратьев, заказывали мессы во спасение души живых и умерших товарищей, поддерживали в надлежащем порядке алтари церквей, на общих собраниях внимали проповедям как священников, так и мирян, совершали общие молитвы и трапезы, упражнялись в пении духовных гимнов (*lauda* – гимн, хвала), устраивали шествия (праздничные или покаянные), а также принимали участие в организации религиозных празднеств в городе или в отдельном кварта-

⁷⁴³ В этот промежуток времени отмечалось и собственно Рождество (25 декабря).

⁷⁴⁴ См.: Gnoli U., Turchi N. Nicola di Mira o di Bari, santo // Enciclopedia Italiana (1934). [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/nicola-di-mira-o-di-bari-santo_\(Enciclopedia-Italiana\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/nicola-di-mira-o-di-bari-santo_(Enciclopedia-Italiana)/) (дата обращения: 09.12.2014); De Luca G., Corso R. Festa // Enciclopedia Italiana (1932). [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/festa_\(Enciclopedia-Italiana\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/festa_(Enciclopedia-Italiana)/) (дата обращения: 09.12.2014).

⁷⁴⁵ Benvenuti A. Op. cit. P. 170–172.

ле⁷⁴⁶⁷⁴⁷. Как указывает Вейсман, «типичное позднесредневековое братство по своей структуре было миниатюрой коммуны»: жизнь этих ассоциаций регулировалась уставами, утвержденными местной властью; должности, – priori, governatori, consiglieri, reggitori, capitani, – как и система выборов, а также сроки пребывания на посту (4 месяца), аналогичны порядкам управления республикой⁷⁴⁸. Помимо этого, братства являли собой некое подобие «Эдемского сада», поскольку для них была характерна атмосфера равенства и ритуалов подражания Христу в смирении и милосердии⁷⁴⁹, во время которых происходила социальная инверсия⁷⁵⁰. Гетерогенный социальный состав братств, а также их преимущественно общегородской характер приводили к «размыванию» родственных и соседских связей, что оказывало влияние на политическую жизнь города – партии находили в них социальную основу. Следовательно ассоциации благочестия могли как способствовать утверждению социального согласия, так и стать основой раздора⁷⁵¹. Очевидно, именно по этой причине, после изгнания Пьеро Медичи деятельность братств во Флоренции была запрещена постановлением Синьории от 2 декабря 1494 г.⁷⁵²

⁷⁴⁶ О функциях братств, а также о различиях между братствами *laudesi* и *disciplinati* см.: Weissman R. *Ritual Brotherhood in Renaissance Florence*. New York: Academic Press, 1982. P. 44–58.

⁷⁴⁷ Джорджио Вазари, в биографии флорентийского мастера Чекки, занимавшегося устройством технических приспособлений для проведения празднеств в медичейской Флоренции, пишет, что среди празднеств «самыми торжественными и общенародными были четыре, устраивавшиеся почти ежегодно, и причем, не считая праздника св. Иоанна, когда устраивалась особо торжественная процессия, по одному в каждом городском квартале (выделено мной, Е.Т.), а именно: в Санта Мариа Новелла – праздник св. Игнатия; в Санта Кроче – праздник св. Варфоломея, именуемого святым Баччо; в Санто Спирито – праздник Св. Духа и в Кармине – праздники Вознесения Господня и Успения Богоматери». См.: Жизнеописание Чекки, флорентинского инженера // Вазари Д. *Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих*. Полное издание в одном томе / пер. с итал. А. Г. Габричевского и А. И. Бенедиктова. Москва: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. С. 378.

⁷⁴⁸ Weissman R. *Op. cit.* P. 58–63.

⁷⁴⁹ Исследователь приводит примеры обрядов вступления в братство, празднования «святого четверга» перед Пасхой.

⁷⁵⁰ Weissman R. *Op. cit.* P. 80–104.

⁷⁵¹ Ibid. P. 67–76, 164–165. Также см.: Брагина Л.М. Деятельность гуманистов в религиозных братствах Флоренции XV в. // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи*. Москва: Наука, 1997. С. 50–59.

⁷⁵² Синьория, выдвинула следующее обоснование этого шага: «для сохранения свободы и мира, и устранения причин махинаций и подстрекательств к мятежу». Цитирующий эту фразу из постановления городского правительства Р. Вейсман полагал, что означенная мера была предпринята скорее в профилактических целях. См.: Weissman R. *Op. cit.* P. 173–174.

Детские братства появляются в XV в. Во Флоренции такими ассоциациями молодежи стали компании Рождества⁷⁵³, Иоанна Евангелиста, Св. Николая⁷⁵⁴. Первоначально они объединяли мальчиков 13 – 24 (20) лет, однако, как отмечают исследователи, это правило строго не соблюдалось: с одной стороны, постепенно происходило снижение возрастного порога, а с другой – граница перехода из детского во взрослое братство была довольно зыбкой⁷⁵⁵. К примеру, Бартоломео Маззи (Masi), флорентийский медник, согласно его воспоминаниям, вступил вместе со своим братом Пьеро в детскую компанию Иоанна Евангелиста в 1490 г., когда им было, соответственно, 10 и 12 лет; Бартоломео вышел из нее в 1507 г. в возрасте 27 лет⁷⁵⁶. В это же время, как с гордостью пишет Маззи, в братстве состоял сын Лоренцо Медичи – Джулиано⁷⁵⁷, который был на год старше Бартоломео, и «в следующий карнавал стал главой означенной компании (*messere di detta compagnia*)»⁷⁵⁸. Соответственно, воспоминания этого ремесленника свидетельствуют о том, что молодежные братства по разнообразию социального состава и своей структуре мало отличались от взрослых, но опекались старшими светскими и духовными лицами, в частности, имели при себе наблюдателя (*guardiano*) из числа мирян, неженатого, в возрасте не младше 36 лет: Бартоломео пишет, что в то время «Джованбатиста д'Андреа (*Giovanbatista d'Andrea*) – сапожник (*calzolaio*), который был тогда нашим соседом, являлся смотрителем (*guardiano*) означенной компании»⁷⁵⁹. В братствах проводились собрания и службы, читались

⁷⁵³ Организовано одним из первых, в 1410 г. Упоминается также, как братство архангела Рафаила: согласно А. Бенвенути, в 1427 г., эта компания разделилась на две – собственно, братство Рождества, еще одним покровителем которого стал Рафаил, и братство *Purificazione della Vergine Maria e S. Zanobi* (Сретения и Св. Зиновия). См.: *Benvenuti A.* Op. cit. P. 173. О появлении детских братств во Флоренции, возрасте их участников также см.: *Trexler R.C.* Public life in Renaissance Florence. Ithaca: Cornell University Press, 1991. P. 370–371.

⁷⁵⁴ Полное название братства – *San Niccolò del Cerro*. Николай Чудотворец, как выше было сказано, покровитель молодежи, праздник (6 декабря) которого предшествовал Рождеству (*festa del cerro, Pasqua di cerro*).

⁷⁵⁵ *Weissman R.* Op. cit. P. 64; *Niccoli O.* Il seme della violenza ... P. 64.

⁷⁵⁶ Отец Бартоломео и Пьеро – флорентийский медник Бернардо Маззи, входивший в цех кузнецов (*Arte dei Chiavaiuoli*), мать – Екатерина, была дочерью пекаря Аньоло ди Ванны Джани (*Agniolo di Vanni Giani*); Пьеро родился 27 декабря 1478 г., Бартоломео – 18 декабря 1480 г.; в братство Евангелиста мальчики вступили 21 декабря 1490 г. См.: *Ricordanze di Bartolomeo Masi calderaio fiorentino dal 1478 al 1526 / per la prima volta pubblicate da Gius. Odoardo Corazzini.* Firenze: Sansoni, 1906. P. 4, 6, 15, 81.

⁷⁵⁷ Джулиано ди Лоренцо ди Пьеро ди Козимо Медичи – сын Лоренцо Медичи и Клариче Орсини, родился в 1479 г. В этой же компании также состоял другой сын Лоренцо, Джованни (будущий папа Лев X), родившийся в 1475 г.

⁷⁵⁸ *Ricordanze di Bartolomeo Masi* ... P. 16.

⁷⁵⁹ *Ibid.* P. 15–16.

проповеди⁷⁶⁰, мальчики вместе молились и пели гимны на вольгаре, совершали совместные трапезы, отмечали праздники, участвовали в организации мистерий и шествий, а также мирских театральных представлений, играли в мяч⁷⁶¹. Так Мази с восторгом вспоминает праздник, устроенный компанией во время карнавала 1491 г., где присутствовал сам Лоренцо Великолепный, и во время которого его сын сделал «три прекрасных дара (*colizione*) всем⁷⁶² и мальчикам означенной компании, со множеством готового платья и штанов, берлингоцци и треббьяно⁷⁶³ (*confezione e cialdoncini e berlingozzi e trebiano*), и это было чудесно». После мальчики компании организовали на специально устроенном в саду помосте представление на тему Св. Иоанна и Св. Павла, на которое пришло посмотреть «множество народу, что было чудесной вещью»⁷⁶⁴. Итак, феномен молодежных братств свидетельствует о том, что уже до Савонаролы с его детскими отрядами, во Флоренции имелся опыт организации детей в благочестивые группы, с целью усмирить их агрессию, углубить религиозное образование и воспитание, а также направить их энергию в «мирное» русло.

Дети, объединенные в братства, представляли образец поведения, коренным образом отличавшийся от практик городских подростковых банд. Если действия последних могли, – в лучшем случае, как это показано выше, – восприниматься как знак карающей божественной воли, то мальчики, обратившиеся к добродетельной и благочестивой жизни, «казались, представителями экстраординарной реальности, превращая город, в котором они жили, в новый Иерусалим: настолько поразительной казалась модель детского поведения, избавленная от насилия»⁷⁶⁵. И здесь, на первый план выходило другое качество детей (точнее, если можно так выразиться «детства», как состояния)

⁷⁶⁰ К примеру, Р. Вейссман цитирует проповедь Джованни Неци, которую он произнес в пасхальный «святой четверг» 1476 г. в детской компании Рождества, в этом своем выступлении флорентийский гуманист уделил значительное внимание достоинству смирения. См.: *Weissman R. Op. cit. P. 102.*

⁷⁶¹ *Trexler R.C. Op. cit. P. 373–375; Niccoli O. Il seme della violenza ... P. 65*

⁷⁶² Вероятно, имеется в виду «множество других добрых людей», которые пришли посмотреть на устроенное мальчиками представление.

⁷⁶³ Берлингоцци – сладкие крендели, треббьяно – белое вино.

⁷⁶⁴ *Ricordanze di Bartolomeo Masi ... P. 16.*

⁷⁶⁵ *Niccoli O. Il seme della violenza ... P. 89.*

– образ невинности, незапятнанности и чистоты. Не случайно в праздничных религиозных представлениях они изображали ангелов⁷⁶⁶, а во время процессий облачались в белые одеяния⁷⁶⁷. Участие молодежи в религиозных шествиях мыслилось как эффективное средство обращения к милосердию Бога в периоды кризисов, поражавших общество, – природные катаклизмы, эпидемии болезней, социальные и политические потрясения, – поскольку Господь, как считалось, гораздо быстрее воспримет и ответит на искренние молитвы чистых сердцем детей. Кроме того, вид ангельских созданий, кающихся и взывающих к Создателю и его святым, неизменно должен был вызвать умиление, размягчить жестокие сердца взрослых и склонить их к внутреннему и внешнему благочестию (в том числе к практикам благотворительности в отношении коммуны и ее отдельных, нуждающихся членов).

Таким образом дети оказывались прекрасным инструментом в руках проповедников, стремящихся преобразовать духовную и социальную жизнь коммун, достаточно вспомнить приведенный выше пример одного из предшественников Савонаролы во Флоренции – Бернардино да Фельтре. Несомненно, цели, преследуемые духовными наставниками паствы, разнообразны, поскольку во многом были определены местом, временем и сложившейся ситуацией, но следует согласиться с О. Никколи, что, прежде всего они состояли в желании «показать, с помощью масс детей, первые плоды обновле-

⁷⁶⁶ К примеру, Паола Вентроне приводит сведения камальдула Агостино ди Портико (Agostino di Portico) об устроенном связанной с его орденом компанией благочестия «Представлении о Благовещении» во флорентийской церкви Сан Феличе. Описание праздника имеет сходство с данными Вазари о конструкции, которую соорудил в этой церкви Филиппо Брунеллески для «празднования Благовещения по обряду, совершавшемуся во Флоренции в этом месте, согласно древнему обычаю»: под полушарием, изображавшим небесный свод, располагались площадки, где помещались 12 двенадцатилетних мальчиков, изображающих танцующих ангелов; медную мандорлу, на фоне которой разворачивалось центральное действо, окружали площадки с девятилетними детьми-ангелочками («букет из восьми ангелов»); принесшего благую весть ангела изображал пятнадцатилетний юноша. Агостино Портико, видевший это «чудесное сооружение», писал, что это действо «исторгало слезы из глаз и заставляло меня рыдать». См.: *Ventrone P. La festa di San Giovanni: costruzione di un'identità civica fra rituale e spettacolo (secoli XIV-XVI) // Annali di Storia di Firenze. Firenze: Firenze University Press, 2007. Vol. 2. P. 61; Жизнеописание Филиппо Брунеллеско, флорентийского скульптора и архитектора // Вазари Д. Указ. соч. С. 273–275.*

⁷⁶⁷ Примеры подобных шествий многочисленны, в частности – сведения об их проведении в различных местностях Италии представлены в монографии О. Никколи, сходное описание имеется у П. Вентроне, анализирующей торжества во Флоренции во время праздника ее покровителя – Иоанна Крестителя. Р. Трекслер, говоря о практиках привлечения флорентийских детей (их братств) к участию процессиях в 1-й пол. XV в., указал на начало «ритуальной революции»; собственно, время Савонаролы можно считать ее кульминацией. См.: *Niccoli O. Il seme della violenza ... P. 65–70; Eadem. I bambini del Savonarola ... P. 281; Ventrone P. Op. cit. P. 60; Trexler R.C. Op. cit. P. 375–377.*

ния города, достигнутые благодаря их (проповедников – Е.Т.) красноречию», затем в стремлении «укрепить в детях их добрые наклонности», и, наконец, в необходимости «встряхнуть взрослых горожан и пробудить в них своего рода благочестивое подражание»⁷⁶⁸.

Изложенный выше материал свидетельствует о том, что и практика привлечения детей для поддержания реализации замысла какого-либо проповедника, и методы их использования, сложились и бытовали до Савонаролы, который, по сути, повторил в своих действиях уже существующую модель.

3.2. Отряды «мальчиков брата» – авангард реформы и средство контроля над паствой

Итак, реформа молодежи, как и в целом обращение флорентийских горожан к «ben vivere (добродетельной жизни)», должна была способствовать превращению города на Арно, правителем которого был объявлен Христос, в Новый Иерусалим. Сообществу флорентийских горожан (которое в данном случае наилучшим образом характеризует метафора единого мистического тела), чтобы стать подлинным образом Града Божьего, следовало, как духовно и нравственно обновиться, так и очистить себя от всяческой скверны. Соответственно, дети, в силу приписываемых им свойств – выразителей карающей божественной воли или примера духовной чистоты, могли стать превосходным инструментом в достижении означенной цели.

Прежде всего, монах направил свои усилия на избавление молодежи от различного рода «пороков». Первоначально, это, скорее всего, происходило при осуществлении общей реформы нравов, к которой Савонарола присту-

⁷⁶⁸Niccoli O. Il seme della violenza ... P. 68.

пил, проповедуя на Иова в Великий пост 1495 г., затем он продолжил эту тему в проповедях на Псалмы летом того же года⁷⁶⁹. В результате выступлений фра Джироламо, как пишет анонимный биограф монаха, мальчики, которые прежде «украшениями и прическами напоминали девочек, и даже более – публичных женщин, бесстыдных в словах и делах», оставили «излишества в одеяниях», «кошели по-французски»⁷⁷⁰, у них «были подрезаны волосы»⁷⁷¹. При этом, как следует из рассуждений апологета Савонаролы, монах преследовал не только изменение внешнего вида молодежи, что само по себе важно, если вспомнить высказывания доминиканца о красоте внутренней и внешней⁷⁷². Скромность в одежде и, как следствие, в поведении, была также связана с борьбой против содомии – порока «чрезвычайно мерзкого, чтобы быть упомянутым» и весьма распространенного в то время⁷⁷³.

Поскольку с сентября 1495 г. Папа запретил доминиканцу публичные выступления, наставление паствы и поддержание реформы нравов было поручено Савонаролой его ближайшему сподвижнику Доменико да Пеша. Очевидно, что благодаря действиям, в первую очередь именно брата Доменико, а также других лиц, стоявших во главе движения последователей доминиканского пророка – «плакс», порыв детей к благочестивой жизни приобрел некоторую упорядоченность. В четырех городских кварталах («quartiere»⁷⁷⁴) организовывались объединения реформированных мальчиков, в качестве «ядра» которых, видимо, выступали уже существующие детские религиозные братства.

⁷⁶⁹ Виллари П. Указ. соч. Т.1. С. 257–261, 287–288.

⁷⁷⁰ Видимо, имеется в виду омоньер – мешочек (сумка) для денег, который крепился на пояс; в XIV–XV вв. выполнял не только практическую функцию, но и стал служить украшением костюма; был отделан вышивкой, золотыми нитями, бисером и драгоценными камнями (особенно женский вариант кошеля).

⁷⁷¹ La Vita ... P. 119, 121.

⁷⁷² В одной из проповедей на Аггея Савонарола рассуждал следующим образом: «Красота телесная явно заметна, особенно на лице персоны; красота лица мужчины и женщины не основывается в каждой части, самой по себе, но заключается во всем, то есть в пропорциях всех частей лица; и еще, *не происходит красота только от лица, поскольку красота является следствием чистоты душевной; какова душа, таково и тело* (выделено мной – Е.Т.)». См.: Predica III // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 49.

⁷⁷³ La Vita ... P. 119. О. Проблема гомосексуализма вызывала большую тревогу граждан, особенно Венеции и Флоренции, и в определенной степени стала одним из стимулов образования детских компаний благочестия. См.: Trexler R.C. Op. cit. P. 379–382; Niccoli O. Il seme della violenza ... P. 63–64.

⁷⁷⁴ Деление на 4 квартала (quartiere) появилось во Флоренции с 1343 г.

Основанием для такого утверждения может послужить «Жизнеописание» Джованни да Эмполи, которому в то время (1495 – 1496 гг.) было 12–13 лет⁷⁷⁵. Как указывает его биограф, в семье заботились о религиозном воспитании мальчика: «чтобы он не пребывал в праздности, и имел некоторое представление о божественных вещах и Священном Писании, его отец сделал небольшую книгу, где было собрано множество извлечений из Священного Писания... и множество прекрасных высказываний Блаженного Августина и Святого Амвросия». Этот мальчик, также, как и упомянутый выше Бартоломео Мази, состоял в детской компании Иоанна Евангелиста. При этом автор сочинения – дядя Джованни, Джироламо да Эмполи, отметил, что «в это время все мальчики, *особенно, принадлежащие к Компаниям* (выделено мной – Е.Т.), находились под наставлением достопочтенного отца брата Иеронима из Феррары; который в то время проповедовал против непристойных пороков и грехов». «Эти дети, – сообщает далее Джироламо, – собрались вместе, и выбрали среди себя должностных лиц, то есть, мессеров (глав, командующих – Е.Т.), советников и других должностных лиц, которые пошли по земле (по городу – Е.Т.), чтобы истребить игры и другие пороки». Главой этой компании в то время был «сын мессера Луиджи делла Стуфа (Luigi della Stufa), прозванный Принцивалле (Prinzivalle)», а Джованни, как с гордостью указывает его дядя, «был сделан одним из советников, и стал одним из глав при этом командующем (*era principale di detto messere*) и обрел большое доверие в этом деле»⁷⁷⁶. Соответственно, сравнение сведений «Жизнеописания» да Эмполи, воспоминаний Мази и сочинения Псевдо-Бурламакки, подробно описавшего устройство детских отрядов Савонаролы, позволяет увидеть, что структура и должности объединений «мальчиков» брата, – их костяк, основа,

⁷⁷⁵ Bertuccioli G. Da Empoli, Giovanni // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1985. Vol. 31: Cristaldi-Dalla Nave. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-da-empoli_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-da-empoli_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 09.12.2014).

⁷⁷⁶ La vita di Giovanni da Empoli da che nacque a che morì, scritta da Girolamo da Empoli suo zio // Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. Firenze: G.P. Viesseux, 1846. T. III. Appendice. P. 22. Далее – La vita di Giovanni da Empoli ...

сформированная благодаря усилиям Доменико да Пеша⁷⁷⁷, – в целом повторяли схему организации уже существующих в городе молодежных братств. По сути, это и было религиозное братство (*confraternita*), расширенное до пределов города и имевшее свои подразделения в его кварталах.

Во главе мальчиков каждой из 4 частей города – кварталов (*quartiere*) стоял сторож (кустод); ему помогали 4 советника, «собрание которых должно одобрить всякую вещь, и без этого ничто не является законным»⁷⁷⁸. В подчинении кустодов находились, собственно, отряды мальчиков, каждый из которых выбирал своего предводителя – капитана. Внутри отрядов существовало распределение обязанностей. «Миротворцы» (*paciali*) должны были «устанавливать и поддерживать мир», как в пределах этого сообщества реформированных детей, так и среди подростков квартала, примиряя ссорящихся. «Распорядители» (*ordinatori*) следили за подготовкой процессий, а также за пребыванием в церквях, предпринимая «необходимые меры, чтобы во время проповеди соблюдалась тишина, ... когда в церкви внимали божественным вещам». «Чистильщики» (*lustrelatori*) являлись теми, кому надлежало поддерживать чистоту и порядок там, где располагались изображения святых и кресты. «Собирающие милостыню» (*elemosinieri*) были ответственны за сбор даров для «стыдливых бедняков»: они, – как пишет Псевдо-Бурламакки, – при совершении процессий «несли сосуды для сбора милостыни», а также во время карнавала стояли у специально сооруженных на перекрестках улиц алтарей «с крестом и яркими светильниками» и, видя прохожих, «брали прекрасный сосуд, поставленный на алтарь, и, поклонившись, с величайшим почтением просили милостыню для бедняков». В этих объединениях имелись также должности «исправителей» (*correttori*) и «инквизиторов» (*inquistitori*) – своеобразная детская «полиция нравов», поскольку первые, как указывает

⁷⁷⁷ Согласно О. Никколи (*Niccoli O. I bambini del Savonarola ...* P.282) «плаксы», заимствовали схему организации детских братств, что логично, поскольку последние в свое время копировали устройство уже существующих взрослых *confraternita*. Если же предположить, что организации «мальчиков брата» появлялись на основе объединения братств одного квартала, то модель просто автоматически воспроизводилась, наполнялась новым смыслом и трансформировалась в соответствии со вновь обретенными функциями (чему могли способствовать опекавшие братства «наблюдатели» из числа «плакс»).

⁷⁷⁸ *Cerretani B. Op. cit. P. 232; La Vita ... P. 122.*

анонимный автор «Жизнеописания» Савонаролы, «должны были по-братски исправлять тех, кто грешил, в соответствии с евангельским образцом, тех, кто носил суету, как мужчин, так и женщин, [исправлять] от имени Царя и Царицы Флоренции, которыми являлись благословенный Иисус Христос и его девственная мать Мария», а вторые – «круглый год, и во время праздничных дней, после обедни (*doppo destinare*) и вечерни (*doppo vespro*), обходили весь город внутри и снаружи» и разоблачали преступления против нравственности⁷⁷⁹.

Разумеется, покровители мальчиков – фра Савонарола и фра Доменико понимали, что положение этих молодежных объединений следует укрепить, обратившись к правительству Флоренции с прошением о принятии соответствующего закона о нравственности. В сочинении Псевдо-Бурламакки в сокращенном виде имеется один из вариантов проекта этого постановления. Во-первых, декларировалось, что «всякий мальчик, который желал бы быть мальчиком Иисуса Христа и благочестивого слуги Божьего фра Джироламо и его учения, со всяческим прилежанием должен следовать указаниям Бога и Святой Римской Церкви». Также в означенном документе были описаны более подробные шаги реформы: детям необходимо преобразоваться внешне – носить простую одежду и обрезать волосы; избавиться от скверных привычек – избегать дурных игр и компаний, «не посещать школы фехтования, игры в мяч (*di balli*), музыки (*suoni*)», не читать нечестивые книги, отказаться от присутствия «на языческих представлениях, каковыми являются палио (конные состязания), фейерверки, маскарады и подобное». Реорганизованные дети должны проявлять усердие в посещении проповедей, исповеди и причастия, а в праздничные дни «заниматься божественными делами с подобающей скромностью, кротостью и почтением к божественным вещам». Кроме

⁷⁷⁹ Ibid. P. 122–124. Об этих функциях детских отрядов см.: Тельменко Е.П. Савонарола, горожане и «мальчики Христа»: к вопросу о судебных полномочиях детской «полиции нравов» во Флоренции кон. XV в. // Право в средневековом мире. Москва: ИВИ РАН, 2010. С. 169–181.

того, здесь также оговаривались структура и функции должностей в молодежных отрядах⁷⁸⁰.

В 1496 г. сами дети представили проект реформы городскому правительству с просьбой официально санкционировать ее. Юноши-послы, торжественно сопровождаемые большим количеством молодежи, отправились в Синьорию. Просители заявили (в передаче Псевдо-Бурламакки не по-детски четко сформулировав мысль): верховные правители города – Иисус Христос и Дева Мария даровали городу свободу от тирании, с тем, чтобы «мы наилучшим образом реформировали и нашу жизнь, и обычаи». Далее была изложена суть вопроса: «Потому произведена наша реформа и изложена в письменном виде, то есть о надлежащих нравах и одеждах, и мы просим Вас, глубокоуважаемая Синьория, чтобы вы нам это утвердили и подкрепили письменно с приложением и скреплением печатью, с тем, чтобы при помощи вашего авторитета мы могли преследовать содомитов, изгонять проституток, игроков, содержателей таверн, и очищать весь наш город от пороков, и наполнять его светом добродетели, выражая, таким образом, волю Высочайшего Господа, который каждый день посредством своих пророков нам ее изъясняет и демонстрирует. Об этом новшестве всеми нашими силами, насколько мы можем и разумеем, просим Синьорию, из любви к Царю нашему, благословенному Иисусу Христу, и к нашей Царице – Деве Марии, удовлетворить наши пожелания и праведное прошение, с тем, чтобы мы совместно могли достигнуть беспредельной и высочайшей славы Блаженных»⁷⁸¹.

Возможно покровители реформированных мальчиков рассчитывали на эффект от формы подачи этого прошения, – ангелоподобные в своей кротости дети обращались к великолепным флорентийским синьорам, – и он был произведен: должностные лица Синьории умилились и прослезились. Однако правительство города дальше этого не пошло: пропост⁷⁸² Синьории, похвалив

⁷⁸⁰ La Vita ... P. 121–122.

⁷⁸¹ Ibid. P. 125–126.

⁷⁸² Пропост (proposto) – заранее назначенный докладчик по обсуждаемым вопросам.

мальчиков за их усердие, отпустил их с миром, пообещав, что «ответ будет дан святым пророкам фра Джироламо и фра Доменико»; а прибывшие затем к монахам официальные лица, заявив, что им и так дана возможность реформировать паству, принесли, по сути, отрицательный ответ⁷⁸³. Вместо утверждения этого проекта 25 января 1497 г. было принято положение, которое излагало правила, касающиеся одежды детей⁷⁸⁴.

Таким образом действия детских отрядов не были подкреплены законами флорентийской Синьории. Единственным их основанием становится авторитет городского пророка-реформатора. Савонарола, – Синьория добилась негласного разрешения проповедовать ему в Великий пост 1496 г., – начинает цикл проповедей на пророков Амоса и Захарию, в которых пытается доказать легитимность акций молодежи по истреблению различного рода пороков. Проповедь в Пепельную Среду 17 февраля 1496 г., произнесенная монахом после долгого вынужденного молчания, видимо, произвела на различные группы горожан неоднозначное впечатление. Так, стремящийся занять взвешенную позицию, Пьеро ди Марко Паренти в своей «Истории Флоренции», все же не удерживается от некоторой язвительности в оценке обще-

⁷⁸³О ходатайстве мальчиков в Синьорию вскользь упоминает в своей «Истории Флоренции» Бартоломео Черретани (точного указания на время автор, как и Псевдо-Бурламакки, не дает, но перед этим описывает события весны 1496 г.), см.: *Cerretani B.* Op. cit. P. 232. В целом совпадает с рассказом Псевдо-Бурламакки об этом событии информация в «Истории Флоренции» Пьеро ди Марко Паренти, где автор сообщает (март 1496 г.), что мальчики от своего лица «отправили послов упрашивать Синьорию, чтобы она утвердила это, и они произнесли речь, что пришли от лица царя Христа и Царицы жизни вечной просить об означенном утверждении. И Гонфалоньер взял книгу, в которой содержалась эта небольшая (piccola) реформа, и намеревался утвердить ее; но его товарищи (compagni) не выразили согласия, и поэтому мальчики вернулись, не достигнув цели». См.: *Parenti P.* Op. cit. P. 321. Ф. Гвиччардини в своей «Истории Флоренции» также отмечает, что эта реформа не была завершена; согласно этому автору Савонарола «предложил законы об украшениях и одежде женщин и подростков, – законы, вызвавшие такое сопротивление со стороны его противников, что их так и не провели в Совете, кроме законов о подростках, но и они не исполнялись». См.: *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 137.

⁷⁸⁴П. Виллари, а за ним и О. Никколи, указывают дату 25 января 1496 г., вероятно, воспроизводя сведения источников без учета специфики флорентийского календаря, где был принят стиль *ab incarnatione* (от Воплощения), и началом нового года считалось 25 марта. Закон был принят только в январе 1497 г. Л. Полидзотто, а затем и Дж. Чаппелли, ссылающийся на него, приводит иные сведения: «реформа» была представлена правительству в июне 1496 г.; с июля по август Большой совет четырежды отклонял ее; и только когда Синьорию возглавил сторонник Савонаролы – Франческо Валори, закон 24 – 25 января 1497 г. провели через Советы, в итоге он касался только одежды. См.: *Виллари П.* Указ. соч. Т.1. С. 368, Т.2. С. 410 (*Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1859. Vol. 1. P. 460); *Niccoli O.* Il seme della violenza ... P. 80; *Polizzotto L.* The Elect Nation. The Savonarolan Movement in Florence, 1494–1545. Oxford: Claredon Press, 1994. P. 39 –40; *Idem.* Children of the Promise: the Confraternity of the purification and the socialization of youths in Florence, 1427–1785. New York: Oxford university press, 2004. P. 118–119; *Ciappelli G.* Carnevale e Quaresima: comportamenti sociali e cultura a Firenze nel Rinascimento. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1997. P. 216.

го контекста выступления Савонаролы: «Первая проповедь брата Иеронима своим содержанием повторяла предшествующие, утверждая, что ни на йоту не нарушится то, что было сказано: однако не определяла – когда, хотя говорилось, что он это знает, но что мы не удостоены знать это из-за наших скверных поступков и т.д. Затем он обратился против своих врагов, понося их образ жизни и увещевая их обратиться к добру и т.д. И он хвалил мальчиков»⁷⁸⁵. Действительно, в этой великопостной проповеди Савонарола восклицает: «О, старые негодяи, закоснелые в грехах (извините меня, вы, порядочные старики), – я обращаюсь к тем, которые не только не хотят поступать хорошо, но также считают плохим то, что молодежь и дети живут хорошо, – если вы не исправитесь, Бог накажет вас в этом мире и в другом. Вы стремитесь захватить власть из-за ваших седых волос: необходимо иметь седые (то есть умудренные) чувства и разум, а не волосы. Вы более тщеславны, более похотливы и более скупы, нежели молодые. Молодые обращаются к доброй жизни, а вы упорствуете; молодые хорошо относятся к этому свободному управлению, а вы не можете оторваться от этого тиранического управления и говорите молодым, что они не обладают опытом, а вы не обладаете мудростью, напротив, преисполнены пороков и невежества»⁷⁸⁶. Доминиканец указывает слушателям, что реформированные дети – это не только и не столько «мальчики брата», как их называют окружающие, но скорее – Иисуса Христа, который является истинным правителем Флоренции⁷⁸⁷, соответственно их действия оправдываются божественной волей. «Обратите внимание, скверные горожане, – вещает присутствующим фра Джироламо, – что мальчиков призвал Христос в качестве их короля, а вы не желаете его управления»⁷⁸⁸. Флорентийский монах ставит их в пример старшему поколению. В другой проповеди этого же цикла он замечает: «Посмотрите на вашу молодежь, после того, как они назвали Иисуса своим королем, они стали жить

⁷⁸⁵Parenti P. Op. cit. P. 312–313.

⁷⁸⁶Predica I // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 48.

⁷⁸⁷Призыв к горожанам взять Иисуса Христа в качестве короля Флоренции, как уже было указано выше, прозвучал в проповеди от 28 декабря 1494 г. Согласно Д. Вайнстейну, таким образом он может быть точно датирован. См.: Weinstein D. Op. cit. P. 294.

⁷⁸⁸Predica I // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 39.

иным образом, чем прежде: они посещают проповедь, добровольно обрезают волосы; первоначально родители не могли исправить их, сейчас они сами начали исправляться»⁷⁸⁹. Таким образом, реформированные дети, возглавляемые Христом, представлялись пророком как образец доброй христианской жизни, и получали в этом качестве одобрение на совершение акций по искоренению пороков флорентийского общества.

Итак, во-первых, поведение обратившихся к благочестивому существованию детей должно было вызвать положительный эмоциональный всплеск у взрослых, и стать стимулом для их нравственного преобразования. После возобновления Савонаролой выступлений перед паствой зимой 1496 г., в соборе, из-за большого притока слушателей, пришлось увеличить количество мест, для чего, по свидетельству Псевдо-Бурламакки, по периметру здания были возведены большие помосты в 17 ступеней, на которых, соответствующим образом, располагались мужчины, женщины и дети. «Такая чудесная вещь, – отмечает этот биограф Савонаролы, – надлежащим образом украшенная, никогда не устраивалась и не сооружалась ни для какого проповедника»⁷⁹⁰. Видимо, начиная с первой проповеди доминиканца на Амоса и Захарию, становится обычной практикой исполнение молодежью духовных гимнов, предваряющих выступления Савонаролы. «17 февраля 1496 г. – пишет в своем «Дневнике» Лука Ландуччи – в первый день поста на проповедь брата Джироламо в Санта Мария дель Фьоре пришло большое количество мальчиков. Для этих детей, за женщинами, были возведены ступени вдоль стены, напротив кафедры; и многие (дети – Е.Т.) также находились между женщин; и все те, кто пребывал на ступенях, перед проповедью пели сладостные гимны (лауды); и затем вышли на амвон клирики и запели литанию, и мальчики им отвечали. И так, что *каждый прослезился от охватившего его умиления, и чрезвычайно здравые умы говорили: это дело Бога* (выделено мной – Е.Т.). И так было каждое утро поста перед тем, как прийти брату. И

⁷⁸⁹Predica XIX // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 2. P. 50.

⁷⁹⁰La Vita ... P. 120. См. также: Parenti P. Op. cit. P. 313; Nardi I. Op. cit. P. 79.

это было столь чудесно, что нельзя было ни одного мальчика удержать утром в кровати, все бежали к проповеди раньше своих матерей»⁷⁹¹. Симоне Филиппи дает сходное описание выступлений Савонаролы перед паствой: «Проповеди его были страстными и весьма действенными, они вселяли тоску и беспокойство. Слушать его обычно сходились восемь или десять тысяч человек. И приходили за два или три часа до проповеди, чтобы занять место. Дети становились все вместе на специальных скамьях, и их было около трех тысяч, и они также приходили за час или два до проповеди; они то читали псалмы, то восхваляли, а часто все вместе хором пели псалмы и гимны самым благочестивым образом. И когда отец подходил, чтобы подняться на кафедру, дети пели «Ave maris stella» и народ отвечал им, и так было все время, с утра и до конца проповеди, и *казалось, что воистину наступил Рай* (выделено мной – Е.Т.)»⁷⁹². Другой последователь Савонаролы – анонимный автор его биографии (Псевдо-Бурламакки), также сообщает, что мальчики «были ревностны в восприятии божьего слова, ибо всегда были первыми на проповеди»; что дети перед появлением проповедника исполняли либо специально сочиненные духовные стихи на тосканском языке, либо церковные гимны, литании и молитвы «на тему преобразования Церкви», такие как *Tempus faciendi Domino dissipaverunt legem tuam*⁷⁹³ и *Tu exurgens misereberis Sion quia tempus miserendi eius quia venit tempus*⁷⁹⁴, или *Adcelera ut eruas me*⁷⁹⁵, или *Benefac Domine bonis et rectis corde*⁷⁹⁶, а когда монах восходил на амвон – *Benedictus Dominus Deus Israhel*⁷⁹⁷ или *Nunc dimittis servum tuum Domine*⁷⁹⁸, и тогда взрослым «*казалось, что отворен Рай* (выделено мной – Е.Т.)»⁷⁹⁹.

⁷⁹¹Landucci L. Op. cit. P. 125–126.

⁷⁹²Filipepi S. Op. cit. P. 475.

⁷⁹³Пс. 118: 126: Время Господу действовать: закон Твой разорили.

⁷⁹⁴Пс. 101:14: Ты восстанешь, умилосердишься над Сионом; ибо время помиловать его; ибо пришло время.

⁷⁹⁵Пс. 30: 3: Inclina ad me aurem tuam, *accelera, ut eruas me* (приклони ко мне ухо Твое, *поспеши избавить меня*).

⁷⁹⁶Пс. 124: 4: Благовтори, Господи, добрым и правым в сердцах своих.

⁷⁹⁷Benedictus (Песнь Захарии) основана на Евангелии от Луки, см.: Лук 1: 68-79: благословен Господь Бог Израилев.

⁷⁹⁸Песнь Симеона Богоприимца, основана на Евангелии от Луки, см.: Лук 2: 29–32: Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко.

⁷⁹⁹La Vita ... P. 120.

О том, что, продолжая выступления на Амоса и Захарию, Савонарола, поощрял молодежь к подобным действиям, свидетельствует его призыв в одной из проповедей этого цикла: «Сейчас мы немного поговорим с вами, мальчики. Послушайте меня, вы здесь поете утром песни, и это хорошо; но я также хотел бы, чтобы вы как-нибудь спели церковные песни, такие как «Ave maris stella» или «Veni creator spiritus»⁸⁰⁰, и не будет ничего плохого, если народ откликнется; и когда я поднимусь на амвон, если я обнаружу, что вы поете эту «Ave maris stella», возможно подпою и я; не говорю, чтобы вы начинали сейчас, но тогда, когда представится случай»⁸⁰¹. Очевидно, таким образом доминиканец рассчитывал на создание атмосферы всеобщей возвышенности чувств и стремлений, которая усиливала эффект его проповедей: голоса детей, сливавшиеся в «ангельский хор», воспринимались как некое предвосхищение и обещание небесного Иерусалима, в который Флоренция должна превратиться в результате реформ.

Сходное воздействие должны были производить внешний вид и поведение реформированных мальчиков. Монах, — как пишет Псевдо-Бурламакки, очевидно выражая мнение определенной части горожан, — совершил с флорентийской молодежью то, что может быть «любым человеком расценено как невозможное», поэтому, приходит к выводу автор, «всякий благочестивый и благорасположенный человек мог рассудить, что это скорее дело Бога, как, проповедуя, неоднократно заявлял слуга Божий». Этот восторженный апологет Савонаролы отмечает, что в детях, которые «стали для своих родителей и других взрослых зеркалом, образцом и примером доброй жизни», «явилась во всем великолепии божественная благодать». что «в их

⁸⁰⁰ «Радуйся, Звезда морская (путеводная)» — католический гимн, посвященный Деве Марии; обыгрывается фонетическая близость слов *maris, maria* (*mare* — море) и *María*; используется в различных богородичных службах. «Приди, Дух животворящий» — католический гимн, используется от Вознесения до Пятидесятницы, а также в некоторых других торжественных службах.

⁸⁰¹ Predica XX // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 2. P. 80–81.

лица присутствовало такое сияние благодати, что они казались ангельскими»⁸⁰².

В преобразовании поведения флорентийской молодежи также не случайным представляется то, что созданием детских отрядов фра Доменико да Пеша занялся на рубеже 1495 – 1496 гг.: приближалась зима, а значит время карнавальных торжеств, обычной практикой которых были «шалашики (sarpannucci), шесты (stili) и камни (sassi)». Вероятно, одной из главных и ближайших целей реформатора было искоренение этих, связанных с детьми, «дьявольских обычаев»⁸⁰³.

В сочинении Псевдо-Бурламакки можно обнаружить объяснение сути этих карнавальных забав. Развлечения с «шестами» заключались в том, что молодые люди «брали длинный шест и перегораживали им общественную улицу, когда шел какой-либо человек, и особенно молодая женщина, им не позволяли пройти, покуда те не давали деньги, которые они затем тратили на собственные наслаждения и на приятную тщету»⁸⁰⁴. Особое внимание юношей к молодым, недавно вышедшим замуж женщинам, позволило Джованни Чаппелли выдвинуть интересное положение о том, что по мотивам этот сбор пошлины за проход напоминает шаривари, во время которых холостая молодежь собирала плату за вновь заключенные супружеские союзы, компенсируя таким образом недостаток женщин на брачном рынке, и пуская собранное на устройство развлечений⁸⁰⁵.

«Шалашики», в свою очередь, представляли собой установленные на улицах «большие шесты ... к которым были приставлены фашины, хворост и бревна с тем, чтобы сжечь (это – Е.Т.) в вечер карнавала»⁸⁰⁶. По сути, капануччи выполняли во время масленичных торжеств несколько функций. Вече-

⁸⁰²La Vita ... P. 119. В другом месте автор приводит сходное суждение: «Их лица были, посредством божественной благодати, которая преображает плоть, светящимися и сияющими так, что всем тем, кто их видел, они казались ангелами...». Ibid. P. 135.

⁸⁰³Так характеризует их Псевдо-Бурламакки. См.: Ibid. P. 123.

⁸⁰⁴Ibid.

⁸⁰⁵Ciappelli G. Op. cit. P. 137. О дискуссиях, связанных с внутренним смыслом шаривари см.: Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции. Москва: Наука, 1991. С. 144–145.

⁸⁰⁶La Vita ... P. 123.

ром, в холодный месяц февраля они служили источником тепла и света. На масленицу, писал Джорджио Вазари в биографии художника Бартоломео из Сан Марко, «по городскому обычаю на площади устраивали соломенные или деревянные шалаши, а во вторник вечером по древнему обычаю сжигали их с любовными танцами, во время которых мужчины с женщинами, взявшись за руки, кружились вокруг костра, распевая разные песни»⁸⁰⁷.

Днем капаннуччи выступали центрами иного рода активности – агональной. «Неоднократно случалось так, – отмечал современник Савонаролы, – что в день означенного карнавала рядом с этими шалашиками происходило множество сражений, когда с камнями, а когда с оружием, чтобы сжечь шалаши друг друга, и одна партия билась с другой с такой яростью, что часто погибали люди»⁸⁰⁸. Таким образом, сооружение шалашиков было связано с другим, как указывал этот же автор, «древним»⁸⁰⁹ развлечением молодежи – игрой в камни. Сходное свидетельство, подтверждающее данную связь, оставил в своей «Истории» флорентийский горожанин Джованни Камби. Описывая масленичные торжества после смерти Савонаролы, он повествует о том, как во время «Карнавала дьявола», в «жирный вторник» 12 февраля 1499 г. «в городе было сооружено 15 капаннуччи», вокруг которых собрался народ; затем все эти группы были объединены в две партии, которые перешли к сражению с применением камней, а после и оружия. Поскольку драка сопровождалась смертельными исходами, должностные лица флорентийской синьории приказали «сжечь днем все эти шалашики», дабы к вечеру избежать новых беспорядков⁸¹⁰. Игры в камни представляли собой состязания, имитирующие военные действия, шалашики – своего рода символический центр отдельной группы участников, захват и сожжение которого означал ее проигрыш. Число упомянутых Камби капаннуччи (15) близко к количеству гонфа-

⁸⁰⁷ Жизнеописание фра Бартоломео из Сан Марко, флорентийского живописца // *Вазари Д.* Указ. соч. С. 489.

⁸⁰⁸ *La Vita ...* P. 123.

⁸⁰⁹ «Во Флоренции существовал давний обычай играть в камни, непрерывно существовавший многие века», – писал автор «Жизнеописания» Савонаролы. См.: *Ibid.* P. 120.

⁸¹⁰ *Cambi G. Istorie ...* P. 136–137.

лонов (16) – территориально-административных округов Флоренции⁸¹¹, поэтому вполне вероятно, что стычки происходили между территориальными группировками; игра шла на выбывание, и в итоге происходило финальное сражение между двумя командами, прошедшими нечто вроде «отборочного турнира»⁸¹².

Преобразование детей в ангелоподобные создания, в действительности, не сопровождалось истреблением и исчезновением указанных выше практик, а лишь их трансформацией, изменением смысла и цели, как это произошло в случае «шестов» и «шалашиков». Из письма Паоло Соменци – агента Людовико Моро, описывающего события карнавала 1496 г. следует, что «шесты» сохранились, однако собранные с их помощью деньги были направлены не на коллективные пирушки, а на благотворительность. Почти на каждом перекрестке Флоренции, как свидетельствует этот очевидец, были сооружены алтари с водруженными на них распятиями, вокруг которых собиралась «большая толпа мальчиков с чашами в руках, выпрашивая деньги для стыдливых бедняков». «И они чрезвычайно докучали, – пишет Соменци, – так, что с трудом можно было перейти улицу, если не подать им какой-либо мелкой монеты, и особенно женщинам, и еще больше – молодым, чем старым ... и они держали длинные палки в руках, чтобы никто не мог пройти, прежде не заплатив что-либо; таким образом было собрано около 300 дукатов»⁸¹³.

«Шалашики» флорентийской молодежи, в свою очередь, не исчезают, а сменяются одним большим сооружением («*un gran sarannuccio*»⁸¹⁴) – костром тщеты, организованным на площади Синьории в дни «благочестивых» карнавалов 1497 и 1498 гг. И здесь, в поведении детей, заметно присутствие архаического – праздничного, карнавального начала. Прежде всего, за ними со-

⁸¹¹4 городских квартала (*quartiere*) Флоренции, состояли из более мелких территориально-административных округов – гонфалонов (16 – по 4 в *quartiere*), в границах которых формировался отряд народного ополчения и создавались компании народа, имевшие свои директивные исполнительные органы.

⁸¹² Дж. Чаппелли на основе сравнительного анализа практик организации подобных сражений в итальянских городах XIV – XV вв. убедительно доказывает «территориальность» групп-участников. *Ciappelli G.* Op. cit. P. 129–136.

⁸¹³Lettera di un agente segreto di Moro [16 februarii 1495] // Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. XCI. Далее – Lettera di un agente segreto di Moro ...

⁸¹⁴La Vita ... P. 130.

храняется упомянутая выше функция деструкции с целью обновления (времени, общества): брат наделяет своих мальчиков правом ритуального разрушения сложенной в костер «суеты». В сочинениях современников, описывающих карнавал 1497 г., отмечено, что кульминацией праздника стало поджигание костра четырьмя «кустодами» – юношами, возглавлявшими детские отряды в одной из частей города (квартале –quartiere)⁸¹⁵. Таким образом, с одной стороны этот акт был связан с низвержением карнавала, а с другой – с воспроизведением его глубинных основ. Последнее проявлялось также в исполнении детьми шутливых инвектив в адрес Карнавала. В источниках, касающихся описания праздника 1497 г., имеется упоминание такого рода песни. Псевдо-Бурламакки повествует о процессии горожан, которая, пройдя весь город, и сделав остановку у собора Санта Мария дель Фьоре, направилась к площади Синьории, где был устроен костер суетных вещей, здесь дети «исполнили нового сочинения шутливую инвективу на Карнавал (выделено мной – Е.Т.)» и сожгли «тщету» под всеобщее ликование⁸¹⁶. Другой «плакса», Джироламо Бенивьени – участник событий, поэт, в комментарии к своей канцоне «Da che tu ci hai, Signore»⁸¹⁷ пишет о карнавале 1497 г.: «...означенная процессия, прибыла к Санта Мария дель Фьоре, была исполнена специально написанная мной...Лауда или правильнее – Канцона⁸¹⁸, пожертвовано Беднякам Христовым то, что юноши собрали в виде милостыни...и все вместе они направились на площадь Синьории. Где, – после того, как эти самые юноши с одинаковым усердием исполнили Канцону, сочиненную в виде веселой инвективы на этот Карнавал (выделено мной – Е.Т.), – со

⁸¹⁵Ibid. P.132; Nardi I. Op. cit. P. 93.

⁸¹⁶La Vita ... P. 131–132.

⁸¹⁷Его комментарии к канцонам и сонетам были опубликованы в 1500 г.: Benivieni G. Commento di Hieronymo Benivieni cittadino fiorentino sopra a più sue canzone et sonetti dello amore et della bellezza divina allo illustrissimo Principe Giovanfrancesco Pico, Signore de la Mirandula et Conte della Concordia. Firenze: Tubini, 1500. Видимо это издание использовал Исидоро дель Лунго в публикации отрывка сочинения Бенивьени, о котором пойдет речь ниже, см.: Dal commento di Hierony. B. sopra a più sue canzone et sonetti dello amore et della bellezza divina. Impresso in Firenze per S. Antonio Tubini et Lorēzo di Francesco Venetiano et Andrea Ghyr. Da Pistoia Adì. VIII. di Settembre. MCCCCC. In folio. A carte CXV – CXVII, nel commento alle canzoni Da che tu ci hai, Signore; e Venite, ecco el Signore // Canzona d'un piagnone pel bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498: da una rarissima stampa contemporanea / a cura di Isidoro Del Lungo; aggiuntavi la descrizione del bruciamento fatta da Girolamo Benivieni. Firenze: presso gli eredi Grazzini, Tipografia Galileiana di M. Cellini, 1864. P. XVII - XXV. Далее – Benivieni G. Commento ...

⁸¹⁸Da che tu ci hai, Signore – именно ей посвящен комментарий.

всех сторон подожгли указанное сооружение»⁸¹⁹. В анонимной канцоне, исполненной во время одного из савонаролианских карнавалов⁸²⁰, и представляющей собой диалог между флорентийцем и убегающим из реформированной Флоренции Карнавалом, житель города на Арно язвительно вопрошает беглеца: «Где твои мальчики? Шалашики, шесты и камни, джостры и многочисленные развлечения?»⁸²¹. В ответ Карнавал с печалью заявляет: мальчики – «моя погибель», а по прибытию в развращенный Рим, обращаясь к сочувствующему ему окружению, уточняет, что во Флоренции ему была уготована смерть на костре, для чего «мальчики... подготовили шалашик (саранписсио)»⁸²². Главному персонажу этой канцоны не стоило так удручаться, в контексте изложенного выше о нем можно было бы сказать, переиначив известную фразу: «Карнавал умер. Да здравствует Карнавал!».

Якопо Нарди в своей «Истории Флоренции», рассуждая о положительном влиянии проповедей Савонаролы на городские нравы, особо подчеркнул: их наиболее заметный и значительный эффект проявился в том, что «в это время была добровольно оставлена и прекращена глупая и жестокая привычка играть в камни, обыкновенно употреблявшаяся во дни карнавалов, которая настолько была укоренена из-за своей древности, что даже суровые и устрашающие указы магистратов не могли никак усмирить и искоренить ее»⁸²³. Это заявление флорентийского горожанина, – практически дословно воспроизводящее высказывание фра Джироламо в проповеди 17 февраля 1496, произнесенной на следующий день после карнавального «жирного вторника»⁸²⁴, – лишь отчасти соответствует реальности. Практика «sassi» не была полностью истреблена Савонаролой.

⁸¹⁹Benivieni G. Commento ... P. XXII – XXIII.

⁸²⁰ Издавший ее в XIX в. Исидоро дель Лунго полагал, что это был карнавал 1498 г., однако современные исследователи, цитирующие означенную канцону, проявляют большую осторожность в вопросах времени ее воспроизведения. См.: *Del Lungo, Isidoro. Prefazione // Canzona d'un piagnone ... P. VII; Ciappelli G. Op. cit. P. 225–226; Martines L. Op. cit. P. 113.*

⁸²¹Canzona che fa uno Fiorentino a Carnasciale // *Canzona d'un piagnone ... P. 3.*

⁸²²Ibid. P. 4, 13.

⁸²³Nardi I. Op. cit. P. 79–80.

⁸²⁴См.: *Predica I // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 38.* Об этих рассуждениях монаха см. ниже.

С разделением города на сторонников (*piagnoni* – «плаксы») и противников (*arrabbiati* – «озлобленные») монаха, под покровительством последних в городе начинает действовать группировка молодых недругов доминиканца – *compagnacci*. «Вожди противоположной партии, – пишет Ф. Гвиччардини о событиях 1497 г., – видя, что многие порядочные юноши, страстные, горячие, имеющие оружие, были врагами монаха, объединили их в союз так называемых компаньяччи во главе с Доффо Спини»; далее автор отмечает, что они «происходили из хороших домов, имели оружие» и «держали всех в страхе», таком, что даже горячий сторонник монаха Паолантонио Содерини ввел туда своего сына Томмазо, «чтобы обезопасить себя в случае неблагоприятных обстоятельств»⁸²⁵. Псевдо-Бурламакки так описывает возникновение этой молодежной группировки: «Названный выше Пьер Франческо деи Медичи (сын Лоренцо Великолепного – Е.Т.) имел множество друзей во Флоренции, подобных себе, среди врагов слуги Божьего; они, собираясь на свои пиры, много дурного говорили о слуге Божьем, от них произошла компания, названная Компаньяччи, врагов слуги Божьего»⁸²⁶. Таким образом, в представлении современников, *compagnacci* – отпрыски состоятельных семей, в том числе патрицианских фамилий, связанных с Медичи. Такое определение «компаньяччи», скорее всего, не отражает полностью их состав, поскольку в источниках, как правило, сообщается о верхушке этого движения. Поэтому предположение Ч. Пуэлли-Маестрелли о том, что *compagnacci*, также, как и «мальчики брата», могли происходить из всех социальных слоев, представляется вполне логичным. Правда, ученый, развивая свою мысль, уточняет, что пристрастие к свободной жизни и праздникам свидетельствует о принадлежности «компаньяччи» к зажиточной прослойке горожан (что также можно допустить), и, наконец, предполагает, что это та группа молодежи, которая сумела сохранить свои индивидуальные политические и религиозные убеждения⁸²⁷. Последняя формулировка несколько смущает; скорее взрослые по-

⁸²⁵ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 129–130.

⁸²⁶ La Vita ... Р. 101.

⁸²⁷ Puelli-Maestrelli C. Op. cit. Р. 8.

кровители *compagnassì* сумели убедить их в позитивности противодействия режиму монаха, который рассматривался как репрессивный в политическом и религиозном, духовном отношении.

Компаньяччи всячески стремились помешать проповедям Савонаролы: поднимали шум в церкви – «могли разбить какую-нибудь скамью, или шуметь, или звенеть какими-нибудь предметами»; глумились над проповедником и его последователями – однажды «перед самой проповедью они стали благословлять народ луковицей», очевидно, намекая на прозвище последователей монаха («плаксы»)⁸²⁸. Особое впечатление, если судить по сочинениям современников, произвела на горожан их акция в соборе Санта Мария дель Фьоре 4 мая 1497 г., в день Вознесения, когда молодым противникам монаха удалось сорвать его выступление. Накануне они замыслили поджечь церковь, но затем реализовали другой план – испачкали кафедру нечистотами и поместили на нее дохлого осла; однако ранним утром служители собора успели очистить собор от скверны. Компаньяччи не отступились, и во время проповеди Савонаролы подняли шум и суматоху, как отмечают очевидцы, с целью убить монаха; в итоге, брату пришлось прервать свое выступление и удалиться в сопровождении вооруженной охраны и огромного количества народа в свой монастырь Сан Марко⁸²⁹.

Эта же молодежь старалась любым способом нарушить благочестие тех процессий, которые устраивались братом и его сторонниками. Так у С. Филиппи и Л. Ландуччи имеются взаимодополняющие сведения о выходе *compagnassì* и *arrabiati* во время процессии 25 мая 1497 г., организованной в честь праздника Тела Христова: противники Савонаролы выкрикивали оскорбления против братьев Сан Марко, норовили плюнуть на скинии или в лица участвовавших в шествии детей, вырывали распятия, ломали их и кида-

⁸²⁸*Filipepi S.* Op. cit. P. 485.

⁸²⁹Подробный рассказ об этих событиях содержится у Псевдо-Бурламакки, Якопо Нарди и, отчасти, у Луки Ландуччи. С. Филиппи упоминает о срыве проповеди в день Вознесения в двух местах своей хроники, кроме того, он сообщает о нескольких акциях компаньяччи по осквернению кафедры, начиная со слов «в другой раз». См.: *La Vita ...* P. 106–109; *Nardi I.* Op. cit. P. 100; *Landucci L.* Op. cit. P. 147–148; *Filipepi S.* Op. cit. P. 467, 485; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 120.

ли под ноги⁸³⁰. Примечательно, что характер действий компаньяччи и место их нападения на процессию – мост Санта Тринита, совпадают с описанием Псевдо-Бурламакки событий, связанных с шествием сторонников Савонаролы во время карнавала 1498 г. И при этом у авторов, повествующих о, возможно, не различающихся по времени происшествиях, упоминаются «*sassi*». С. Филипепи указывает на то, что компаньяччи и аррабиати, которых было около 60 человек, «стали бросать камни в процессию»⁸³¹. Псевдо-Бурламакки сообщает, что когда компаньяччи принялись бросать камни, «мальчики света и друзья истины» стали отвечать им: «они совлекли одежды и сделав щит, начали бросать камни в ответ, и таким образом стали одолеваять их, так, что те обратились в бегство»; причем, в сражении приняли участие и взрослые, со стороны «плакс», – как свидетельствует аноним, очевидно лишний раз подчеркивая значимость и истинность учения монаха, – «это были люди не из простого народа, но первые лица в городе ... находясь на стороне всяческого достоинства и человеческой мудрости, они мужественно сражались с врагами Христа и [их] мальчиками»⁸³². Таким образом, мост как обычное место проведения подобных акций⁸³³ и, собственно, сражение двух группировок, правда, разделенных не по географическому (кварталы – *quartiere*), а «идеологическому» принципу, свидетельствует о том, что монаху так и не удалось окончательно уничтожить этот старый городской обычай.

В повествование о столкновении на мосту Санта Тринита у симпатизировавших монаху авторов вплетается еще один, очень любопытный, сюжет о божественном наказании, постигшем юношу-компаньяччи. Псевдо-Бурламакки и С. Филипепи утверждают, что молодой человек из фамилии Федериги (*Federighi*), осыпавший бранью участников процессии, отобравший и

⁸³⁰*Filipepi S.* Op. cit. P. 486; *Landucci L.* Op. cit. P. 150–151

⁸³¹*Filipepi S.* Op. cit. P. 486.

⁸³²*La Vita ...* P. 135. Дж. Чаппелли указывает на еще одно описание происшествия, которое его автор – Пьеро Паренти, также как и Псевдо-Бурламакки, относит к карнавалу 1498 г., и где упоминается, что сторонники Савонаролы ответили на выходку компаньяччи: «На мосту Санта Тринита, где по обыкновению происходили сражения камнями, эта процессия была задержана... не постеснявшись, мессер Лука Корсини, ученый человек (*dottore*), снял с себя плащ и ответил с камнями в руке тем, кто препятствовал процессии, говоря, что готов положить жизнь за веру». Цит. по: *Ciappelli G.* Op. cit. P. 232.

⁸³³О реке, как о линии демаркации между городскими кварталами и одновременно «ничьей территории» – нейтральном пространстве, на котором разыгрывались сражения, см.: *Ibid.* P. 135–136.

разломавший у одного из них крест, через непродолжительное время заболел чумой⁸³⁴ и скончался на том самом месте, где совершил злодеяние, «что было явлено всему городу и расценено как кара Бога»⁸³⁵. Этот «*scelleratissimo* (мерзопакостнейший, преступнейший)», как и его товарищи, юноша, противопоставляется «благочестивым мальчикам», даже более того – не только это столкновение, но и противостояние между группировками описывается (а значит и мыслится «плаксами») как оппозиция «врагов истины», «мальчиков дьявола», подстрекаемых «их главой и наставником Сатаной» и «ангелов» – детей брата.

И здесь необходимо обратиться к еще одному, как было показано выше – традиционному и распространенному среди предшественников монаха, методу использования реформированных детей – организации Савонаролой торжественных процессий. Не обращаясь в данном разделе работы к подробному анализу праздников в савонаролианской Флоренции, ограничимся повторением нескольких положений: участие «детей брата» в религиозных шествиях, как и порядок, который они соблюдали на выступлениях доминиканца, должны были являть городу уже достигнутые результаты действий монаха по преобразованию нравственности; служить методом воздействия на сознание и поведение взрослых, образцом для подражания; и, наконец, в контексте проповедей фра Джироламо, становились неким прообразом Нового Иерусалима, которым в итоге должен был стать в результате реформ избранный Богом город.

Уже описания современниками первого, последовавшего за началом «детской реформы», карнавала 1496 г. свидетельствуют об изумлении, которое испытали взрослые, наблюдая за поведением детей, отказавшихся от традиционных для этого праздника забав. Миланский посол Паоло Соменци, в письме от 16 февраля 1496 г., пишет: «Сегодня, во время карнавала, здесь состоялся праздник, который невозможно вспомнить, чтобы когда-либо вер-

⁸³⁴С. Филиппеи, очевидно, чтобы вызвать еще большее отвращение к объекту своего описания, говорит, что это произошло в доме проститутки.

⁸³⁵*La Vita ...* P. 136; *Filipepi S. Op. cit.* P. 486. Упоминание у двух авторов, описывающих разные события, одного и того же происшествия, заставляет усомниться в их разнице во времени.

шился во Флоренции»⁸³⁶. В карнавальные дни мальчики, по приказу Савонаролы, в обычных для развлечений с «шестами» местах устроили сбор милостыни, которую, в завершении процессии, состоявшейся в последний день праздника, преподнесли специально занимающейся помощью «стыдливим беднякам» компании Св. Мартина. Довольно сдержанно настроенный в отношении монаха Пьеро Паренти в своей «Истории Флоренции» писал: «Следует отметить великое послушание, которое они проявили в означенной церемонии (организации шествия – Е.Т.), но более удивительно, что была оставлена закоснелая привычка игры в камни, устройства преград (*fare le stili*) и капаннуччи, и они занялись выпрашиванием подаяния во имя Бога»⁸³⁷. В «жирный вторник» 16 февраля несколько тысяч мальчиков⁸³⁸, после посещения мессы в соборе, организованные по кварталам, каждому из которых предшествовало знамя с его символом (Распятие, Дева Мария и проч.), держа оливковые ветви в руках, распевая благочестивые лауды и крича: «Славься Христос!», обошли торжественной процессией центр города, и на это «собрался посмотреть весь народ». По словам Паренти, «в последний день карнавала, когда всякий предавался беспредельному земному наслаждению, видя действия мальчиков, терзался». Пространное и красочное описание ощущений и переживаний, вызванных детской процессией оставил «плакса» Лука Ландуччи. Наблюдая ее, пишет горожанин, «люди мудрые и добрые сдержанно плакали, говоря: “Истинно, это новшество – дело Бога”»; «нам казалось, что мы видим толпы Иерусалима, которые идут навстречу Христу, говоря: “Благословен Грядущий во имя Господне!”»⁸³⁹ И как тут не вспомнить слова Писания: “Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу”⁸⁴⁰»⁸⁴¹.

⁸³⁶Lettera di un agente segreto di Moro ... P. XC.

⁸³⁷Parenti P. Op. cit. P.312.

⁸³⁸П. Паренти говорит о 4000 мальчиков, Л. Ландуччи называет цифру 6000 от 5-6 до 16 лет, П. Соменци сообщает о 10000 детей от 6–9 до 14 лет. Количество участников явно завышено. См.: Parenti P. Op. cit. P. 311; Landucci L. Op. cit. P. 125; Lettera di un agente segreto di Moro ... P. XCI.

⁸³⁹Мф. 21:9.

⁸⁴⁰У Ландуччи: «Infanzium e lattenzium perfecisti laude». Пс. 8:3: Ex ore infantium et lactantium perfecisti laudem. См. также в Евангелии Матфея (Мф. 21: 16): Iesus autem dicit eis: Utique; numquam legistis: Ex ore infantium et lactantium perfecisti laudem? (Иисус же говорит им: да! разве вы никогда не читали: из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу?).

⁸⁴¹Landucci L. Op. cit. P. 125.

Несомненно, такое восприятие шествия мальчиков, во многом, есть результат наложения мыслей, высказанных монахом, на увиденное горожанами, симбиоза визуального эффекта и проповедей.

На следующий день, в первой великопостной проповеди 17 февраля, Савонарола, рассуждая о том, что накануне лицезрели флорентийцы, делится своими впечатлениями: «... мне показалось, что я вижу мальчиков и тот народ, который вышел навстречу Спасителю, который прибыл на осле в Иерусалим». Кроме того, он выдвигает несколько аргументов в обоснование утверждения: случившееся молодежью – проявление божественной воли и дело рук Господа. «Во-первых, ты знаешь, – обращается монах к пастве, – что в прошлые времена было невозможно ни силой какого-либо магистрата, ни указами, ни тяжелыми наказаниями устранить этот дурной обычай метать камни во время карнавала, так что каждый год кто-нибудь умирал, а сейчас некий монашек немногими словами, при помощи молитв добрых людей, прекратил это. Во-вторых, ты ведаешь, что во время карнавалов совершались многие грехи, а сейчас покаялись также и мальчики, и этот карнавал стал подобен посту, что не может быть, если не с божественной помощью. Третье, мальчики имели привычку кланяться деньгам, чтобы делать кинжалы, играть в карты, есть и пить; сейчас они выпросили немало денег для бедняков, которых, как ты понимаешь, не бывает много. Четвертое, вместо смеха и разврата, которыми народ имел обыкновение заниматься в этот день, ты знаешь, сколько слез было пролито, когда слышались эти детские голоса, поющие хвалы нашему Спасителю и его матери Марии... В-пятых, ты знаешь, что все дела Божьи имеют противодействие (*contradizione*), и поэтому, вместе с другими признаками, противодействие, которое имеет это святое дело, является знаком, что оно от Бога»⁸⁴².

Несколько позже, проповедуя в пятое воскресенье поста 1496 г., Савонарола представляет пастве мальчиков в качестве инициаторов новой процессии, которая должна, в еще большей степени, чем предыдущая, стать под-

⁸⁴²Predica I // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P. 37, 38–39.

ражением евангельскому сюжету: «Дети мои, я слышал, что вы хотите организовать процессию в Вербное воскресение; я прошу вас, горожане, чтобы позволили им действовать, ибо это божественное побуждение. ... Ну же, дети мои, вершите всякое дело серьезно, чтобы побудить людей к пролитию слез. И Синьория окажет вам помощь своей властью»⁸⁴³.

В Вербное воскресение 27 марта 1496 г. шествие состоялось. Впереди процессии несли изображение Иисуса Христа, въезжающего на осле в Иерусалим. За ним, как пишет Ландуччи: «...шли дети, все с оливами в руках и на голове, и сверх того, каждый нес в руках красный крест длиной со шпагу или более. Там было 5000 мальчиков, и также большое число девочек; все облачены в белые одежды, и девочки также с крестами и оливами в руках и на голове; и после них шли все должностные лица и управляющие; затем все мужчины Флоренции, потом женщины; и не было никогда столь большой процессии»; «все кричали: *Да здравствует Христос, наш Царь*»⁸⁴⁴. В «Истории Флоренции» Пьеро Паренти более подробно описывает порядок процессии: он сообщает, что изображение Христа венчала корона, «в соответствии с видением означенного брата Иеронима, но прежде на несомой доске были два венца, посвященные Царю и Царице небесным», все участники «пели лitanии и часто восклицали: “Слава, слава царю Христу и Царице небесной!”»; шествие возглавляли разделенные по четырем городским кварталам (quartiere) мальчики, число которых автор определил в 6000 или 7000, за ними следовали девочки, а затем представители монашеских орденов, белое духовенство, «должностные лица (magistrati della terra), начиная с Коллегий, поскольку Синьория осталась в Палаццо», и, наконец, «весь народ, мужчины и женщины следовали в огромном количестве»⁸⁴⁵. Происходящее кажется воплощением наяву проповедей Савонаролы. Флоренция – Новый Иерусалим; в город, избранный Богом вступает его Царь – Христос; за ним следуют дети, а после – взрослые горожане.

⁸⁴³Predica XXXIII // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 2. P. 433.

⁸⁴⁴Landucci L. Op. cit. P. 128.

⁸⁴⁵Parenti P. Op. cit. P. 327.

Присутствие в религиозных процессиях детей в белых одеяниях, символизирующих их чистоту и непорочность, как было указано выше, практиковалось и прежде. Однако здесь их внешний вид связан с другими дополнительными смыслами. Прежде всего, приведенные ранее сведения о возрасте участников детских братств и, соответственно, «мальчиков брата», позволяют разделить мнение Джованни Чаппелли о том, что, поскольку «существенная часть “мальчиков” преступила возраст, в котором они могли быть обозначены непорочными согласно нормам католической церкви», белые облачения юных участников данного шествия являлись не только и не столько признаком «чистоты», как свойства присущего детству, но и, прежде всего, знаком обращения флорентийской молодежи к «доброй жизни»⁸⁴⁶. Действительно, облик детей, проходящих по улицам города на Арно 27 марта, соответствовал описанию, прозвучавшему в выступлении Савонаролы 13 января 1495 г. Это известная проповедь монаха, в которой он изложил свое видение Креста и Меча. «Я видел меч, – вещал годом ранее брат Джироламо, – который находился над Италией и сотрясаясь, и видел ангелов, которые пришли и имели красный крест в одной руке, а в другой – множество белых одежд. И ангелы давали целовать этот крест всякому, кто хотел, и также протягивали белые одежды. И были некоторые, кто принимал эти белые одежды...»⁸⁴⁷. Принявшие эти знаки – суть те, кто покаяться и встал на путь истинной веры, то есть последовал за Христом, как это сделали дети Флоренции, которые таким образом являли собой пример для взрослых.

Об атмосфере, царившей в городе во время Вербного воскресения 1496 г., переживаниях и ощущениях горожан, прежде всего – плакс, пишет Псевдо-Бурламакки. В шествии, как он утверждал, приняло участие около 8000 мальчиков; утром они, как и взрослые горожане, пришли на проповедь и причастие в соборе, а после обеда собрались в монастыре Сан Марко, где «каждому был вручен красный крест согласно мистическому видению, кото-

⁸⁴⁶См.: Ciappelli G. Op. cit. P. 222.

⁸⁴⁷Predica III // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 52–53. Изложение этого видения затем появляется в написанном весной – летом 1495 г. «Компендиуме откровений (Compendium revelationum)». См.: Savonarola G. Compendio di rivelazioni... P. 12–14.

рое слуга Божий увидел и описал в начале (*in primo*) Компендиума своих пророчеств». Реформированные дети поражали окружающих своим видом: «Это было чудом, не имевшим отношения к возрасту мальчиков, видеть порядок и дистанцию, благочестие и построение (*compositione*), молчание и рвение, и благодать в их жестах; они пели молитвы (*uffitii*) и гимны таким образом, что нельзя было не признать, что они в этом деле направляются и сопровождаются ангелами». Сами мальчики также «одеждой и видом походили на ангелов, испускали сияние благодати и целомудрия, так что казались сошедшими из Рая». В подражание им, «не только женщины..., но люди знатные, благоразумные и осторожные, оставив всяческую человеческую мудрость, облачились в белое». Духовный порыв был настолько велик, что все вокруг плакали и, «многие, как бы выходя из себя, с презрением сбрасывали с себя все тщеславие и достоинство статуса (*degnità*), неся оливковые ветви и распевая громко с мальчиками: “Да здравствует Иисус Христос, наш Царь!”». Праздник завершился на площади Сан Марко, где братья этого монастыря и миряне, юноши и старики, организовав общий хоровод, танцевали и пели духовные песни и псалмы «без всяких чинов». Здесь стоит отметить, что эта часть описания Псевдо-Бурламакки по духу близка к картине еще одного сторонника флорентийского пророка – Сандро Боттичелли: в своем «Рождестве» (Лондон, Национальная галерея), написанном в 1500 г., художник изобразил танец мира, объединяющий ликующих ангелов и людей с оливковыми ветвями в руках и венками на головах. «Несомненно, – заключает автор, завершая описание праздника 27 апреля 1496 г., – это был чудесный день, наполненный Господом воодушевлением и радостью, во время которого весь народ помешался из-за любви к Иисусу. И истинно, в это время Флоренция была счастлива и блаженна и казалась Новым Иерусалимом»⁸⁴⁸. Таким образом, Флоренция, описанная плаксами, – Л. Ландуччи, Псевдо-Бурламакки, – во время устроенных Савонаролой религиозных шествий, предстает как город уже превратившийся в Новый Иерусалим. Однако, для

⁸⁴⁸ La Vita ... P. 127–129.

достижения этой цели эпизодических, пусть и добрых, порывов части флорентийских горожан было недостаточно. Общине города на Арно, чтобы стать подлинным образом Града Божьего и оплотом спасения, требовалось очиститься от различного рода скверны. И здесь, «искоренившие» собственные дурные обычаи и привычки дети принялись выполнять еще одну функцию – осуществлять своего рода полицейский контроль над общественной моралью.

Поскольку, как было сказано выше, действия детских отрядов так и не были подкреплены законами флорентийской Синьории, единственным их основанием стали авторитет городского пророка-реформатора, его отсылка на волю короля Флоренции – Иисуса Христа, а также обоснование права молодежи на акции в отношении всего населения приобретением в ходе ее реформирования качеств истинного христианина. Как уже упоминалось, с надзором за нравственностью горожан были связаны должности «исправителей» (*correttori*) и «инквизиторов» (*inquistitori*) в компаниях «мальчиков брата». Уже перед карнавалом 1496 г. произошел следующий случай, описанный Л. Ландуччи: «В день 7 февраля мальчики сорвали с головы одной девушки вуаль и устроили скандал при всем народе на улице Мартельи (*Via de'Martegli*). Это произошло потому, что мальчики были настроены братом Джироламо на то, что они должны исправлять непристойную манеру одеваться и игроков, и поэтому, когда говорят: “Вот мальчики брата”, каждый игрок, как бы он ни храбрился, бежит, а женщины идут со всяческой скромностью»⁸⁴⁹. 27 февраля этого же года Лука упоминает, что «мальчики были поощрены Братом, изъять корзины с берлингоцци (сладкие крендели – Е.Т.), игральные доски и множество женских непристойных (деталей) костюма, поэтому, когда игроки чувствовали, что приближаются мальчики брата, все бежали, и не было женщины, которая посмела бы выйти наружу не как положено»⁸⁵⁰. Действительно, в одной из февральских великопостных проповедей

⁸⁴⁹ *Landucci L.* Op. cit. P. 123.

⁸⁵⁰ *Ibid.* P. 126.

Савонарола рассуждает на эту тему: «Кроме того, я полагаю, что вы крайне мало почитаете праздники, ибо во время праздников продается, все, что угодно, особенно берлингоцци. И необходимо принять меры, или по крайней мере дать разрешение этим мальчикам, чтобы они могли отбирали их у тех, кто продает и ест, я говорю, без устройства скандала или причинения зла кому-либо из них»⁸⁵¹. Далее, 29 февраля, через день после предыдущего упоминания, Ландуччи делает очередную запись о действиях детей: «означенные мальчики прошлись повсюду, в пределах городских стен, в таверны, где они осматривали собравшихся (*ragunate*); и это делали все кварталы, и кто сопротивлялся им, то его жизни грозила опасность, и они творили, что хотели»⁸⁵². Псевдо-Бурламакки также сообщает об «ужасе» и «испуге», который внушали эти блюстители нравов, и даже отмечает такую практику, когда «мальчики ... были поставлены повсеместно для устрашения, чтобы их видели, и когда они шли по какой-либо улице, скверные люди перебегали на другую»⁸⁵³. «Там, где они проходили, – писал другой приверженец монаха, Симоне Филипеппи, – они преследовали и изгоняли игроков и разных других мошенников с таким необыкновенным усердием и рвением, что невозможно было противостоять их натиску». Помимо этого, повествуя о действиях реформированной молодежи, он указывал, что детские отряды «терроризировали всех порочных людей из плебса и очищали город не только внутри, но и снаружи, на пять – шесть миль»⁸⁵⁴.

⁸⁵¹ Predica XII // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P. 334. Сходное рассуждение было озвучено монахом 19 июня 1496 г., накануне праздника городского покровителя – Иоанна Крестителя: «Желательно также принять необходимые меры, чтобы в день праздника вашего защитника не ходили продавать или покупать. Праздники устроены, чтобы возносить хвалы Богу, а не заниматься торговлей. Вы видите в эти праздничные дни берлингоцци и множество безделиц пустяков: необходимо удалить их, и чтобы мальчики забрали их и отдали беднякам». См.: Predica XII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 380.

⁸⁵² Landucci L. Op. cit. P. 127.

⁸⁵³ La Vita ... P. 125.

⁸⁵⁴ Filipeppi S. Op. cit. P. 477. О том, что мальчики брата действовали и в городской округе, упоминается в биографии одного из участников детских отрядов Джованни да Эмполи: «И они также проходили по контадо, производя значительный результат ...». См.: La vita di Giovanni da Empoli ... P. 23. Кроме того, Лауро Мартинес в своем исследовании приводит текст напечатанного в типографии письма Доменико да Пеша от 3 сентября 1497 г., в котором он обращается к мальчикам, покинувшим город с семьями из-за чумы. Доменико призывает, насколько возможно, воссоединиться в отряды во главе с должностными лицами и «очистить все контадо, все виллы, все дома за пределами Флоренции, как прежде в Пост вы очистили этот город от ... бесполезных, суетных и сладострастных вещей». См.: Martines L. Op. cit. P. 110–112.

Энергия детских отрядов была направлена на борьбу с содомией и проституцией, пристрастием к играм и светским увеселениям, богохульством и увлечением суетными книгами, а также со страстью к украшениям и роскошным одеждам, то есть со всеми теми изысками флорентийского общества, которые монахи не переставая клеймили в своих выступлениях, призывая горожан жестоко преследовать их носителей. Примечательно, что в проповеди от 8 декабря 1496 г. Савонарола укоряет правительство города в отсутствии должного рвения, и ставит в пример мальчиков – «это лучше делают люди молодые, нежели взрослые (*grandi*)»: «Я знаю, что должны сделать Восемь⁸⁵⁵, изберите людей, которые бы вершили правосудие, о магистраты, прогоните игроков, богохульников, содомитов. Доколе я должен об этом говорить?»⁸⁵⁶. Вероятно, определенные шаги в законодательстве (прежде всего, или исключительно) были предприняты городскими властями, о чем свидетельствует дневник Луки Ландуччи, где 22 декабря 1494 г. упоминается, что, разумеется под влиянием монаха, уже принят закон о тех, кто будет замечен в «неприличном пороке (содомия – Е.Т.)», суть которого заключалась в следующем: «Если будет замечен в первый раз, будет предан бесчестью; во второй – поставлен к позорному столбу, в третий раз – сожжен»⁸⁵⁷. Однако, очевидно монаху не доставало только устрашения, он рассчитывал на реальное и тотальное очищение города, причем, как видно из его высказываний, не только

⁸⁵⁵ Скорее всего речь идет о *Otto di Guardia* (Восемь гвардии) – коллегии, возникшей в 1378 г. и представлявшей собой своего рода магистрат государственной безопасности, охранявший режим от посягательств и заговоров; возникнув как временный орган Восемь гвардии стал постоянно действующей коллегией, одной из могущественнейших в коммуне. См.: *Краснова И.А.* Должности и потестарные институты во Флоренции ... С. 318–319.

⁸⁵⁶ *Predica IV // Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ... Vol. 1. P. 52.* Действительно, в проповедях на Аггея, произнесенных после антимедичейского переворота, Савонарола неоднократно призывает правительство очистить город от пороков. К примеру: «Великий грех этого города – грех содомский, из-за него Господь не хочет тебя видеть, о Флоренция: им преисполнен народ и особенно клир. Если ты не примешь соответствующие меры, о Флоренция, Флоренция, Бог накажет тебя. Другим грехом является богохульство и азартные игры. Прими меры, Флоренция, и сурово накажи тех, кто впал в него». См.: *Predica II // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 44–45.* О призыве принять суровый закон против содомии см. также: *Predica XIII // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 220–221.* В другой проповеди этого цикла перечень пороков представлен более широко: «Так и вы должны позаботиться о том, чтобы в вашем городе во всем жилось целомудренно, и особенно это касается этого ужасного порока (содомии – Е.Т.), если вы не хотите подвергнуться опасности, откажитесь от танцев, закройте таверны, так вы исключите всякую другую похоть; примите меры относительно одежды и причесок женщин, чтобы они ходили скромно и просто». См.: *Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 83.*

⁸⁵⁷ *Landucci L. Op. cit. P. 94.*

от тяжких грехов, но и более мелких пороков, связанных с моралью (вплоть до почти невинного занятия — поедания, как было указано выше, сладких калачей по праздникам).

Савонарола, в итоге, не столько усмирил агрессивность молодежных шаяк, сколько перенаправил ее на «благие» цели. При этом дети, судя по приведенным выше описаниям современников, не только осуществляли функции надзора над городской моралью, но и предпринимали активные действия в отношении нарушителей, то есть в определенной степени присваивали себе и судебные полномочия. Примечательно, что Синьория, не утвердив в полном объеме «реформу молодежи», то есть не признав официально эти полномочия детей, все же не предпринимала жестких мер по пресечению их действий. Более того, если верить сведениям Псевдо-Бурламакки, по настоянию родителей правительство предприняло некоторые меры по защите членов молодежных отрядов: видимо, прежде всего имея в виду должности «инквизиторов», этот автор пишет, что в их адрес посылали ругательства, а «некоторые избивали их»; прослышав об этом «их отцы рассердились и постановили, чтобы Восемь огласили в каждом квартале фамилию каждого, исполняющего означенную обязанность в компании, и защитили их»⁸⁵⁸.

Здесь можно отчасти согласиться с положением, выдвинутым О. Никколи, о том, что специфика «мальчиков брата» заключалась ни в каких-то их особых действиях, и даже не столько в роли, которую приписывал им Савонарола, а в явном и открытом признании этой роли со стороны горожан⁸⁵⁹, что порождало недоумение и вызывало большой резонанс за пределами Флоренции. Действительно, Пьеро ди Марко Паренти в своей «Истории Флоренции» сообщает, что в марте 1496 г. проповедующий в церкви Санто Спирито монах-августинец Грегорио да Перуджа (Gregorio da Perugia) критиковал брата Иеронима, вызывал его на диспут, а также заявлял: «... вызывает большое удивление, что Флорентийцы, почитающиеся опытными и обладающими

⁸⁵⁸ La Vita ... P. 124.

⁸⁵⁹ Niccoli O. I bambini del Savonarola ... P. 283, 284–285, 287.

проницательным умом, были доведены до такого падения и низости, что оказались в подчинении у мальчиков и допустили их управление»; далее автор указывает, что, поскольку Савонарола в то время имел хорошую репутацию и оказывал значительное влияние на город, «двое из Балии Восьми довели до сведения брата Грегорио, что им неприятно проникаться подобными материями, и что ему следует заниматься своими обычными проповедями, в противном случае может разразиться скандал, и, возможно, опасность для него самого»⁸⁶⁰. Также в письме от 26 марта 1496 г. флорентийский посол в Риме Риччардо Бекки, описывая реакцию Римской курии на ситуацию, сложившуюся в связи с монахом и его юными последователями, отмечает, что Папа и кардиналы скорее «сетуют не на брата Иеронима, а на город, который разрешает и позволяет ему это». За пределами Флоренции, продолжает Бекки, складывается впечатление, что из-за того, что брат наделяет мальчиков смелостью и дерзостью (*dare ardire a'fanciulli*), он лишает «тех, кому это надлежит», «решать, постановлять и судить»; что он «вдохновляет мальчиков (*dia ardire a'fanciulli*) таким образом, что здесь и повсеместно говорится, что брат и мальчики управляют Флоренцией, и что они сделались Синьорами, Восемью, Десятью и Восемьюдесятью⁸⁶¹, и наказывают (*gastighino*) пороки, и что горожане боятся, и не решаются говорить и судить против его воли; что, если послушать, является стыдом и бесчестьем». Однако (на что стоит обратить внимание), посол одновременно указывает, что многим, в том числе «любящим город», кажется, что Синьория позволила ситуации «зайти слишком далеко», и что подобное положение может стать причиной «скандала и разрушения города»⁸⁶².

⁸⁶⁰ Parenti P. Op. cit. 321–322.

⁸⁶¹ Синьория – правительство коммуны Флоренции; Восемь – упоминавшиеся выше Восемь гвардии; Десять – коллегия Десять войны, после 1494 г. – Десять свободы и мира, ее члены занимались внешнеполитической деятельностью и войной; Восемьдесят – Совет восьмидесяти, консультативная структура из 80 граждан, выделившаяся из состава Главного (Большого) совета, созданного после антимедичейского переворота 1494 г. с целью укрепить республиканские устои. См.: Краснова И.А. Должности и потестарные институты во Флоренции ... С. 319, 328–329.

⁸⁶² Il Becchi ai Dieci [XXVI martii 1496] (17. Il Becchi ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 141.

Соответственно, проповедник оказывается в ситуации, когда цель – очищение города от пороков – является праведной, но ее воплощение сопровождается проявлениями детской агрессивности и жестокости, что, в свою очередь, вызывает раздражение одной, столкнувшейся с преследованиями мальчиков, части граждан Флоренции, и предостережения другой, симпатизирующей брату, но опасующейся усиления раздоров в обществе. В проповеди 29 мая 1496 г. Савонарола ведет воображаемый диалог с недовольными горожанами: «О, Брат, мальчики набрались дерзости (*hanno preso ardire*). – Скажи, отчего тебе кажется, что они стали дерзкими? Ты не хочешь, чтобы были изъяты карты, и чтобы игроков прогнали с улиц». При этом доминиканец, очевидно, не желает выглядеть ригористом в отрицательном значении этого слова, поскольку, продолжая проповедь, заявляет, что «развлечения необходимы, но лучше, чтобы развлекались в добрых, нежели дурных вещах». Одновременно монах обращается к своим юным приверженцам, призывая их несколько умерить свой пыл: «Мальчики, я нисколько не хочу, чтобы вы устраивали скандал. Если вы можете отобрать у них карты и прогнать игроков без скандала, сделайте это»⁸⁶³. Еще ранее, выступая перед паствой 12 мая 1496 г., Савонарола, с одной стороны, пытается обосновать легитимность действий мальчиков, ссылаясь на некое постановление правительства, а с другой – ограничить их произвол, порождающий недовольство горожан. «Синьоры Восьми, – обращается Савонарола к детям, – предоставили вам разрешение отбирать карты у игроков, которых вы обнаружите; но не отнимайте у них иного. И было бы хорошо, если бы издали постановление с целью истребить эту игру, что кто будет застигнут в этом грехе, будут определенное количество раз вздернуты на дыбе (*tratto di fune*). Так что, мальчики мои, идите и наблюдайте, чтобы не играли»⁸⁶⁴. Кроме того, монах не оставляет попыток распространить и укоренить в детских отрядах иную модель действий, основанную на скромности и смирении, увещании и убеждении. В

⁸⁶³ Predica IX // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 267–268.

⁸⁶⁴ Predica II // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 67.

проповеди 4 декабря 1496 г. он озвучивает свое пожелание в виде диалога с мальчиками: «Ну же, дети мои, живите хорошо, реформируйтесь, ибо Бог избрал вас. – О, отец, что мы должны делать? Мы хотели бы очистить город от пороков, но не можем. – Ну же, дети мои, поскольку вы не можете предпринять ничего другого, и они не желают, чтобы вы очищали город, действуйте так: прогуляйтесь и, обнаружив тех, кто играет, скажите им: О, бедные люди, грядет величайшая война, страшная чума и большой голод, страшнее которого не помнишь ни ты, ни кто-либо старше тебя; поэтому мы просим, чтобы вы оставили игры и не вызывали гнев Бога против вас и вашего города. Мы вас просим и приказываем от лица короля нашего Иисуса Христа, чтобы вы не играли. – Таким образом вы обратите многих, и поскольку не желают действовать старшие, действуйте вы, малые. Также идите к тем женщинам, которые ведут себя непристойно, и скажите, чтобы они оставили непорядочность и пышность, поскольку грядут великая чума, глад и война»⁸⁶⁵. Внутреннее такого образа действий, где агрессия молодежи была бы сведена к минимуму, видимо, стало насущной необходимостью, поскольку проповедник-реформатор, судя по отдельным фразам, – «хотели бы очистить город от пороков, но не можем», «поскольку не желают действовать старшие, действуйте вы, малые», – кажется, к декабрю 1496 г. смирился с позицией Синьории, не желавшей официально предоставлять детям полицейские и судебные (тем более!) полномочия.

Возможно, что за первоначальным «взрывом» активности последовало некоторое снижение агрессивности «мальчиков брата». Так Джироламо да Эмполи, описывая действия детских отрядов участником одного из которых был этот его племянник Джованни, отмечает: «Они, как уже было сказано, проходили по городу, изымая карты и кости; и также собирая книги любовного содержания и рассказы, и все предавали огню: и также, продвигаясь по улицам, если обнаруживали кого-либо из молодых женщин девушек пышно одетыми, со шлейфами (*istrascichi*) и в одеждах нескромного покроя

⁸⁶⁵ Predica II // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 25–26.

(fogge disoneste), они *со всяческой любезностью приветствовали их и вежливо упрекали* (здесь и далее выделено мной – Е.Т.), говоря: “Любезная донна, вспомните, что вы должны умереть, поэтому оставьте всякую помпезность и изысканность, и всю эту тщету”; и некоторыми другими словами склоняли к подобным действиям, таким образом, что постепенно, они, *если не по любви, то со стыда*, оставляли большую часть их суеты. Также бесчестные и порочные мужчины, из-за страха привлечь внимание и быть раскрытыми, воздерживались от многих вещей»⁸⁶⁶. Аналогичное описание имеется и у Псевдо-Бурламакки. Мальчики «передвигались по городу и, когда встречали какую-либо девушку или женщину, украшенную с величайшей пышностью и тщеславием, исправляли ее, говоря: от имени Иисуса Христа, Царя нашего города, и Девы Марии, мы говорим тебе, чтобы ты сняла с себя и оставила эту тщету, иначе ты заболеешь (ti verrà il morbo) ... эти слова они произносили с такой кротостью, что, сокрушаясь этими примерами, обливаясь слезами, те снимали с головы суету и отдавали им, чтобы они ее сожгли»; у игроков дети «отбирали карты, кости и доски и все игровые принадлежности, и иногда – деньги, и отдавали их беднякам, *кроткими и добросердечными словами добываясь всего*»⁸⁶⁷. Очевидно, касаясь сбора тщеты для сожжения на карнавальном костре, этот анонимный автор пишет: «Они ходили по домам, *с кротостью и очень вежливо выпрашивая всю суету* и непристойные изображения (figure), которые им отдавали с благосклонностью, и они благодарили их напоследок, всячески благословляя... И такая большая благодать исходила из их уст, что все, растрогавшись, плакали, отыскивая все, даже если были их недругами, предоставляя им всякую вещь, обливаясь слезами, как мужчины, так и женщины»⁸⁶⁸. Однако данные тексты, составленные позитивно настроенными в отношении Савонаролы и его сторонников авторами XVI в., не могут выступать неопровержимым свидетельством отказа молодежи от насилия и агрессии. Скорее всего, в них представлена обобщенная информация, обу-

⁸⁶⁶ La vita di Giovanni da Empoli ... P. 22–23.

⁸⁶⁷ La Vita ... P. 124.

⁸⁶⁸ Ibid. P. 124–125.

словленная сглаживанием событий в воспоминаниях, а также связанная с осознанным или неосознанным стремлением к идеализации прошлого – времени, когда городскому пророку-реформатору удалось достигнуть поразительных результатов – сделать нормой для детей благочестивое и добродетельное поведение.

Итак, проповедник-реформатор, мысливший превратить Флоренцию в подобие Града Божьего, и полагавший, что достижение «общего блага» и процветания города на Арно невозможно без культивирования добродетельной жизни, в Великий пост 1495 г. приступает к общей реформе нравов. Одной из ее составляющих стала реформа молодежи, начало которой относится к рубежу 1495 – 1496 гг. Использование Савонаролой детей для достижения собственных целей не является уникальным явлением, подобные практики существовали и до него в различных местностях Италии, в том числе и во Флоренции. Эмоциональная восприимчивость молодежи позволяла, как светским, так и духовным лицам пытаться манипулировать ею, используя два основных качества, присущих «нежному» возрасту: с одной стороны – детскую невинность, чистоту и незапятнанность, с другой – склонность подростков к активным действиям, зачастую агрессивным и жестоким. Соответственно, дети – их участие в процессиях и молитвы, скорее доходящие до Господа, их нравственное преображение как образец для подражания взрослых, – могли выступать в качестве действенного орудия спасения общества. Агрессия юных созданий, направленная против политических противников или на искоренение нравственных пороков, представала в качестве проявления карающей божественной воли, и таким образом отчасти легитимизировалась и некоторым образом ставилась под контроль (довольно призрачный и слабый). Обе функции молодежи, – инструмент спасения и орудие наказания, – как свидетельствует изложенный выше материал, Савонарола и его последователи использовали при осуществлении моральных преобразований во Флоренции кон. XV в.

Успешность действий проповедника по организации флорентийской молодежи в определенной степени связана с заимствованием модели и опыта детских братств, возникших в городе в начале XV в. При этом организованные в городских кварталах савонаролианские отряды «мальчиков Христа» обладали существенными особенностями: в отличие от того или иного братства они образовали единую, управляемую из одного центра (монастырь Сан Марко) «сеть» объединений, охватившую весь город; и из их деятельности были исключены те занятия, которые, так или иначе были связаны со светскими развлечениями.

Действия детских отрядов по очищению города от скверны не были официально поддержаны законами флорентийской Синьории. Приведенные выше публичные заявления Савонаролы на проповедях позволяют выказать предположение, что реформатор ожидал от городского правительства большей законодательной активности, касающейся норм морали и преследования порочных людей, однако не обнаружив должного рвения со стороны взрослых, признал за детьми и стал открыто утверждать их ведущую роль в проведении реформы нравственности. В свою очередь, городские магистраты явно не препятствовали осуществлению этой миссии молодежью. Таким образом Флоренция оказалась в весьма деликатном, отличающемся двусмысленностью, положении: с одной стороны, усилиями брата и его «мальчиков» продвигалась к воплощению идеальной модели Нового Иерусалима, а с другой – в восприятии части современников, предоставив значительную свободу монахам и детям, республика наносила вред своему внешнеполитическому престижу и допускала появление повода к распрям и столкновениям внутри городского сообщества.

Глава 4. Женщины и проповедь духовного обновления

4.1. Провозглашение «простых сердцем» главным двигателем религиозно-нравственных преобразований

При проведении нравственной реформы Савонарола пытался найти опору не только в детях, но и в женщинах Флоренции: с весны 1496 г. доминиканец стал более настойчиво обращаться к своим прихожанкам.

Как уже было отмечено, благодаря упорству Синьории и посредничеству в римской курии протектора доминиканцев – кардинала Оливьеро Карафа (Oliviero Carafa), монах взошел на кафедру в Великий пост 1496 г. Для проповедей фра Джироламо избирает книги двух пророков – Амоса и Захарии. Такой выбор не кажется случайным: во-первых, он позволил доминиканцу вернуться к теме пророчества, как необходимого руководства в жизни христиан, «особенно, как в его время, когда христианский мир испорчен мирскими интересами и личной выгодой»; а во-вторых, «возродить свою программу обновления христианства»⁸⁶⁹. Следует подчеркнуть, что означенные пророки были причастны к созданию библейской эсхатологии, и их положения о близящихся испытаниях и необходимости преобразоваться и искать истинного Бога, чтобы спастись от грядущей катастрофы, резонировали предсказаниями Савонаролы. Кроме того, эти ветхозаветные пророки, – что актуально для проповедуемой доминиканцем нравственной реформы, – настаивали на примате морального совершенствования верующих над культом: так, Амос, не отрицая храмового культа, утверждал, что обряды теряют

⁸⁶⁹ *Leonardi C.* Op. cit. P. 13; *Valerio A.* La predica sopra Ruth, la donna, la riforma dei semplici // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze : SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2001. P. 250.

всякий смысл, если они сосуществуют с падением нравов и социальной несправедливостью, а спасение обретут те, кто проявит стремление к добродетели и моральному совершенству, поскольку именно в этом состоит основополагающий принцип древней веры в Бога Израилева; Захария, сходным образом, видел основной принцип служения Богу в соблюдении этических норм — милосердия и сострадания, справедливости и приверженности истине⁸⁷⁰.

В великопостных проповедях на Амоса и Захарию доминиканец стремится поощрить женщин и детей к активному участию в преобразованиях. К примеру, вот как, используя историю о насыщении Христом пяти тысяч человек, монах объясняет свое отношение к ним: «Поскольку было там, приблизительно, пять тысяч человек, не считая женщин и детей, о которых не повествует Св. Писание, ибо женщины и дети обладают ничтожной душой, а те, кто следует за Христом, должны обрести душу большую; но, если ты, женщина, и ты, дитя, желаешь жить хорошо, ты больше не женщина или дитя, а человек и обладаешь душой мужественной».⁸⁷¹ Очевидно, придя к выводу, что не может больше полагаться исключительно на мужчин, занятых преимущественно политическими преобразованиями и более прохладно относящихся к духовным и нравственным реформам, Савонарола при их проведении обратился к тем категориям населения, которые отличаются большей эмоциональной восприимчивостью и внушаемостью. Кроме того, не исключен расчет проповедника на то, что женщины своим примером, поведением и наставлениями могли бы воздействовать на мужей и детей и, таким образом, выступать в качестве медиаторов его духовных наставлений в семью.

Как и в случае детей, фра Джироламо озабочился вопросом о необходимости принятия специального законодательства, которое предоставило бы женщинам возможность более активного участия в реформировании города на Арно. В своих мартовских проповедях 1496 г. он заявляет об этом пуб-

⁸⁷⁰ Ам. 4: 4–5; 5:4–6, 14–15, 21–4; Зах. 7: 1–6, 9–10; 8: 15–17, 22–23.

⁸⁷¹ Predica XXVI // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 2. P. 240.

лично. Так, выступая перед паствой в пятое воскресенье поста (20 марта 1496 г.⁸⁷²) монах, обращаясь к флорентийкам, изрекает: «Вы, женщины, необходимо, чтобы вы произвели свою реформу; однако Господь Бог вдохновил меня, чтобы я не отдавал ее в ваши руки, поскольку начнется беспорядок, но что следует отдать эту реформу в руки некоторых добрых мужей и отдельных магистратов, которые устроят ее для вас»⁸⁷³. Почти год, с марта 1496 г. по январь 1497 г., Савонарола будет трудиться, чтобы принять закон о реформе женщин, очевидно, хорошо представляя суть возражений, и вдохновляя слушателей, в свою очередь, к действиям: «О женщины и мальчики, ваша реформа не еще победила. Скажите, ссылаясь меня, Великолепной Синьории, что эта вещь не от людей, но от Бога, и организуйте к ним это посольство: чтобы они поправили, если эта вещь не слишком хороша, и чтобы они придали ей совершенство, и что если они этого не сделают, и надсмеются над делами Бога, или будут им противоречить, Царь накажет их; и скажите им, что они не Господа, но слуги Господа и Царя нашего Христа»⁸⁷⁴. Не оставляя надежды на появление соответствующего постановления, фра Джироламо одновременно увещевает женщин самим начать преобразования. «Мне кажется, – упрекает он городское правительство уже в июне 1496 г., – что вы враждебны скромности»⁸⁷⁵, и не хотите произвести реформу женщин и детей», а затем, продолжая, обращается к горожанкам: «Женщины, произведите свою реформу сами...; и немного подождите, поскольку я вам говорю, что она со-

⁸⁷² Савонарола объявил флорентийкам о начале реформы в проповеди 18 марта 1496 г.: монах призвал своих прихожанок избрать от каждого городского квартала (*quartiere*) 1–2 представительницы для внесения конкретных предложений городскому правительству; однако, через два дня, под давлением своего окружения, брат отступил на более традиционалистские позиции, предполагающие курирование преобразований мужчинами. Здесь необходимо отметить, что в имеющемся в нашем распоряжении тексте проповеди не содержится подобного предложения фра Джироламо. Об этой попытке свидетельствует написанное в тот же день письмо Якопо Бонджанни (*Bongianni*), адресованное фра Санти Ручеллаи. См.: *Kent F.W. A Proposal by Savonarola for the Self-Reform of Florentine Women (March 1496) // Memorie domenicane. N.S. 1983. Vol. 14. P. 335–341; Polizzotto L. When Saints Fall Out: Women and the Savonarolan Reform in Early Sixteenth-Century Florence // Renaissance Quarterly. 1993. Vol. 46. №. 3. P. 486–487; Idem. Savonarola, savonaroliani e la riforma della donna // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 229–244; Valerio A. Introduzione // Savonarola G. Fede e speranza di un profeta: pagine scelte / introduzione, traduzione e note di Adriana Valerio. Milano: Paoline, 1998. P. 53; Eadem. La predica sopra Ruth ... P. 251; Herzig T. Le donne di Savonarola: spiritualità e devozione nell'Italia del Rinascimento. Roma: Carocci, 2014. P. 31.*

⁸⁷³ Predica XXXIII // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 2. P. 433.*

⁸⁷⁴ Predica III // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 96–97.*

⁸⁷⁵ onestà – целомудрие, порядочность.

вершится (будет принят закон? – Е.Т.) в любом случае: и также, как тебе говорил о мире, прежде чем он установился⁸⁷⁶, говорю о ней: что это в любом случае произойдет»⁸⁷⁷. Примечательно, что решимость женщин, в некоторых случаях, подкрепляется аргументами, сходными с теми, которые монах предоставлял мальчикам для убеждения горожан в необходимости нравственных преобразований: «Ну же, женщины, пока производите свою реформу сами, ибо когда настанет время, однажды будет провозглашено от имени Христа, Царя города, “что в те дома, которые не произведут ее, и не будут блюсти целомудренную жизнь, которую устанавливает реформа, когда придет чума, – выражаясь, как вы говорите, – туда проникнет болезнь”»⁸⁷⁸. Однако, не смотря на все усилия Савонаролы и его сторонников, закон так и не был одобрен городским правительством: предложения монаха были отклонены Большим советом, который, как уже было сказано, ограничился изданием 25 января 1497 г. постановления относительно одежды⁸⁷⁹.

Рассчитывая пробудить жительниц Флоренции к деятельному участию в нравственных и духовных преобразованиях фра Джироламо в мае 1496 г. приступает к проповедям на Руфь, избирая для толкования книгу Ветхого завета, где главная героиня – женщина. В первой проповеди этого цикла монах объясняет слушателям причины своего выбора: «В предыдущих проповедях мы говорили о вере ... в это утро мы хотим продемонстрировать, что вера заключается в добродетели сердца, и в том, чтобы быть простым внутри и снаружи ... Мы хотим истолковать эту маленькую книгу Руфи, в которой спудно демонстрируется простота, и вся эта история соответствует ей. В этой книге говорят определенные женщины, определенными способами, как вы увидите, все наполнено простотой. Бог сотворил Писание, и хотя он говорит в нем, когда он вводит женщину, чтобы та говорила, она говорит как обыкновенно говорят женщины... Таким образом, в этом месте женщины говорят присущими им любовными и простыми словами... И это подходящий способ

⁸⁷⁶ Очевидно, здесь идет речь об установлении всеобщего мира после антимедицейского переворота.

⁸⁷⁷ Predica XII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 363.

⁸⁷⁸ Predica XIII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 413.

⁸⁷⁹ Valerio A. La predica sopra Ruth ... P. 251; Ciappelli G. Op. cit. P. 216.

представить вещь, как она есть..., но когда ты хочешь словами Цицерона и (при помощи) красноречия изложить понятие простоты, ты ее извращаешь»⁸⁸⁰. Соответственно, образ Руфи был избран проповедником не случайно – она символизировала собой простоту, необходимую каждому доброму христианину.

На протяжении нескольких майских дней 1496 г. проповедник излагает своим слушателям историю Руфи: от буквального воспроизведения текста он переходит к разъяснению его символического значения, сближая ветхозаветную историю с современной, и раскрывая сущность божественного плана по преобразованию избранного города в частности и христианского мира в целом.

Итак, Руфь – синоним простоты. Наряду с этим, главным значением имени проповедник предлагает пастве и другие его интерпретации, позволяющие наиболее полно раскрыть суть нравственных преобразований, соответствующих божественному плану обновления Церкви, мыслящейся, прежде всего, как сообщество верующих. Так в одной из проповедей этого цикла монах указывает, что Руфь может толковаться как *videns*, *festinas*, *deficiens*, то есть: «*videns* означает, что эти простые (*simplici*) видят и просветлены⁸⁸¹; *festinas*, что они усердны и ревностны в доброй жизни; *deficiens*, что они унижены и смиренны»⁸⁸².

Для того, чтобы как можно глубже постигнуть, как совокупность этих качеств связана с реформаторскими задачами доминиканца, необходимо упомянуть еще об одном значении имени Руфь в проповедях фра Джироламо. Излагая историю этой моавитянки, он, обращаясь к трем женским персонажам – Ноемини и ее двум невесткам – Орфе и Руфи, связывает Ноеминь с первоначальной Церковью Христовой, супругой «нашего Спасителя», Орфу с Восточной Церковью, а Руфь с Западной. Ноеминь – вдова, она утратила своих сыновей, а ее невестки (обе Церкви) лишились мужей: «умерли апо-

⁸⁸⁰ Predica IV // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P.105–106.

⁸⁸¹ illuminati – озарены.

⁸⁸² Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 149.

стола, затем святые мученики и Учителя». Восточная Церковь – Орфа, которая толкуется как «объятая гордыней», оставила Ноеминь, отделилась от нее; Западная – Руфь, хоть и не покинула свою свекровь, утратила свои основания и нуждается в обновлении⁸⁸³.

Рассуждая о Церкви как о едином мистическом теле, проповедник разъясняет пастве, чего лишилась современная Церковь по сравнению с первоначальной, которая мыслится в качестве идеального образца для подражания. «Устройство Церкви, – говорит доминиканец в одной из проповедей на Руфь, – подобно единому телу, и форма ее – благодать Святого Духа, и гармонией⁸⁸⁴, которая сохраняет эту благодать, является простота сердца; поэтому когда она иссякает, исчезает Церковь, поскольку распадается гармония этого устройства. Во время первоначальной Церкви была величайшая простота, и поэтому тело Церкви было устойчивым, она была наполнена Духом; но сейчас утрачена эта простота и чистота, утрачена Церковь: ее форма разрушена, *и не найти сегодня более чистоту сердца, если не в некоторых простых (людях) и в некоторых глупых женщинах* (выделено мной – Е.Т.)⁸⁸⁵. Нет более никакой формы Церкви»⁸⁸⁶.

Таким образом, монах-реформатор, характеризовавший современное ему общество как общество равнодушных, где внешние обряды преобладают над внутренним культом, проповедники соревнуются в красноречии, и большая часть духовных лиц занята не столько спасением паствы, сколько приобретением материальных благ, заявляет, что «сейчас в Церкви осталось не большое количество людей, которые являются добрыми», и это «некоторые добрые женщины и некоторые простые люди, чистые (*purì*), как женщи-

⁸⁸³ Predica IV // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 115–117.

⁸⁸⁴ la proporzione: пропорцией, которая определяет это устройство.

⁸⁸⁵ donnicciole – бабах, бабенках (пренебрежительное выражение).

⁸⁸⁶ Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 132. Аналогичные высказывания относительно этого качества, характеризующего истинных христиан, имеются и в других проповедях, например: «Форма христианина – благодать Св. Духа, которую нельзя обрести без простоты; и поэтому, кто утрачивает простоту, теряет благодать, и кто не обладает формой вещи, не является (этой) вещью: следовательно, кто не обладает простотой, не является истинным христианином». См.: Predica IV // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 127.

ны»⁸⁸⁷. Именно эти «простые» люди, а не главы коррумпированной Церкви, станут основой для ее обновления. «Я уже говорил, – напоминает фра Джироламо слушателям, – что Бог обновлял церковь и весь мир посредством простых (людей) и рыбаков, и что так будет и в настоящее время; и поэтому я говорил, что вы не должны отчаиваться, поскольку также те немногие, которые имеются во Флоренции, предоставят свет всей Италии и всему миру»⁸⁸⁸. Касаясь начала своих проповедей во Флоренции, Савонарола вспоминает о немногочисленности первых слушателей: «... первоначально, когда мы начинали проповедовать, приходило послушать чрезвычайно мало людей: были только некоторые простые люди и женщины (*donnicciole* – бабенки)»⁸⁸⁹. Эти люди, согласно доминиканцу, подобны евангельскому горчичному зерну, которое в итоге превращается в большое и густое дерево. «“Царство Небесное подобно зерну горчичному”⁸⁹⁰, которое (сначала) очень маленькое, а после того, как посажено, превращается в большое дерево, прилетают птицы небесные, чтобы обитать на нем. – Кто является этим семенем? – Это Ноэминь и Руфь, которые должны превратиться в большие деревья» – истолковывает доминиканец эту притчу, связывая ее с основной темой своих майских проповедей, и, продолжая раскрывать ее перед паствой, заявляет, – «И наш текст гласит, что наступил большой голод: Наступил большой голод Писания, и не проповедовалась простота, а проповедовалась философия и тщета с амвонов, необходимо быть небольшим горчичным зерном». Далее он разъясняет, что подобно тому как обычное зерно, обладая «вегетативным свойством (*virtù vegetativa*)», производит плод, свойством «зерна», о котором идет речь, является вера. «Смотри, сейчас, когда нет веры, не появляется никакого

⁸⁸⁷ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 117.

⁸⁸⁸ Predica V // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 133.

⁸⁸⁹ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 122–123. Здесь монах вспомнил свои проповеди, относящиеся к первому приходу во Флоренцию в 1482 г. Псевдо-Бурламакки, упоминая о них в «Жизнеописании» доминиканца отметил, что, проповедуя в Великий пост в церкви Сан Лоренцо, фра Джироламо «не обрел какого-либо расположения народа, ни жестами, ни манерой говорить, ни умением выступать перед публикой, ни произношением»; в итоге, к концу поста у проповедника осталось 25 слушателей, включая женщин и детей. См.: *La Vita ...* P. 16.

⁸⁹⁰ Мф. 13: 31–32: «Царство Небесное подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своём, которое, хотя меньше всех семян, когда вырастает, бывает больше всех злаков и становится большим деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его». См. также: Мк. 4: 30–32. Лк. 13: 18–19.

плода» – рисует монах ситуацию в современном ему обществе, и тут же подает надежду слушателям, отмечая позитивные изменения в городе, произошедшие под воздействием его проповедей, – «И все же некоторые добрые люди начали верить, и эта вера начала преумножаться, таким образом, что это зерно произвело уже дерево и ветви, и уже начали произрастать некоторые ветви во Флоренции ...»⁸⁹¹.

Итак, истинный христианин – человек веры, главным свойством которого является простота. Простота, которая присуща отдельным верующим, а также женщинам и детям, представляется Савонаролой в качестве одного из важных оснований реформы, как нравственной, так и политической, поскольку мыслится не как наивность и простодушие, а как отсутствие двойственности, двуличия. «Простые, о которых мы говорим, – разъясняет слушателям это понятие доминиканский проповедник, – это те, которые противоположны человеку двуличному и лукавому, который одно говорит снаружи, языком, а другое говорит у себя, внутри сердца. Противоположно, таким образом, этому двуличному – то, что мы называем простотой». Двуличный человек – это равнодушный, который «внутри преисполнен гордыни, а снаружи демонстрирует всяческую кротость»: среди подобного рода людей достаточно и духовенства, и простых горожан, и тех, кто управляет республикой. Относительно последних монах замечает: «Посмотри, как живет и происходит сейчас, вплоть до того, что в магистратах действует двуличие. Говорят с двуличием, чтобы угодить один другому»⁸⁹². Согласно А. Валерио, интерпретация понятия простоты у Савонаролы близка к францисканской традиции понимания этого качества, и представляет собой «“невежество”, озаренное Духом (того, кто лишен культуры и, тем не менее, полностью верит в Божью благодать); ... прозрачность жизни, которая противостоит двусмысленности слов, жестов лицемерия, формализма поведения», и речь идет об «неинтеллектуальной духовности, которая ценит мудрость простых серд-

⁸⁹¹ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 120–121.

⁸⁹² Predica V // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 140.

цем таких, как дети и женщины, которые готовы признать и принять Христа»⁸⁹³. Действительно, рассуждая об этом качестве, фра Джироламо, представляя пастве воображаемый диалог с неким ученым человеком, заявляет: «Тебе, мудрец, кажется, что это безумие? – Это простота, о которой я говорю. Мне кажется, что это большая мудрость ...; и они (простые люди – Е.Т.) основывают свою жизнь целиком в Боге, как внутри, так и снаружи»⁸⁹⁴.

Поскольку Христос⁸⁹⁵ и его последователи, составлявшие раннюю Церковь, являются идеальным образцом для подражания тем, кто стремится культивировать в себе эту «простоту», одним из существенных, если не главных, условий реформирования и обновления современных христиан является их обращение к изучению Библии. Эту мысль Савонарола настойчиво повторяет в своих выступлениях перед паствой: «В предыдущих проповедях мы видели, что форма христианина – это любовь, простота и чистота (непорочность) сердца, что очень хорошо приобретается во время слушания Св. Писания»⁸⁹⁶. Призыв монаха к прихожанам, в том числе женщинам, изучать священное Писание присутствует в форме аллегорического толкования книги Руфи. После того как Ноеминь и Руфь переселились из Моава в Вифлеем, естественная нужда в пропитании приводит к тому, что Руфь испрашивает у своей свекрови позволения пойти на поле, подбирать колосья, и оказывается на поле Вооза – родственника Ноемини по мужу; тот проявляет к женщине особое расположение, предлагая не искать другого поля, а трудиться вместе с

⁸⁹³ Valerio A. La predica sopra Ruth ... P. 254.

⁸⁹⁴ Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 141. В предшествующем этой проповеди 20 мая выступлении перед паствой 18 мая 1496 г. монах высказывает сходные мысли. Также, обращаясь к мудрецу, он говорит: «Ты утверждаешь, что простота и глупость – это одно и то же; я тебе говорю, что нет, но мудрость и простота едины. Большая мудрость, говорю тебе, заключается в христианской простоте. Ты хочешь это увидеть? Посмотри, кто лучше живет, ты или он; посмотри также, с кем говорит Бог, с мирскими мудрецами или с простыми. Почитай Писание, и ты обнаружишь, что Бог постоянно говорил с простыми ... Следовательно, возлюби простоту, и оставь излишество». Predica IV // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 127.

⁸⁹⁵ Так, например, в одной из проповедей цикла на Псалмы, предшествовавшего толкованию книги Руфи, фра Джироламо, обосновывая необходимость следования принципу простоты, утверждал: «Насколько некая вещь проще, настолько она лучше... если следовать этому доводу, Господь, который есть наиболее простое существо, является самым совершенным. Пойди, почитай о жизни Христа, и подумай, была ли когда-либо подобная простота». См.: Predica V // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 91.

⁸⁹⁶ Predica VI // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 161.

его жнецами и служанками⁸⁹⁷. Вооз, в интерпретации проповедника, это Иисус Христос, его поля – книги Св. Писания: «одно поле – это (книга) Бытия, одно – Исхода, одно – Левит, и так все прочие книги Ветхого и Нового Завета». Далее Савонарола, описывая жатву на поле Вооза, объясняет ее смысл применительно к современной ситуации: «И вот наступило время жатвы, и Руфь захотела пойти собирать колосья. Пойдем вместе на жатву: идите к колосьям⁸⁹⁸, то есть идите слушать проповеди; собери колосья в твоём гумне, то есть в твоей душе ... Вот наша Руфь, которая пошла собирать колосья на поле Вооза, то есть на поле Христа и в его Писании, где был юноша поставленный над жнецами: юноша, поставленный над теми, кто жал, то есть над теми, которые изучают это Писание, – это тот, кто учение других (il Dottore delli altri). Юноша, то есть сильный для тебя (forte per te), тот, кто преисполнен Святым Духом. Жнецы – это те, кто более образован. Там же были также служанки Вооза, для того, чтобы жать; эти женщины означают простых и необразованных⁸⁹⁹, которые также пребывают на поле Писания, чтобы собрать несколько колосьев»⁹⁰⁰.

В означенном пассаже проповеди, как представляется, содержится мысль о том, что Св. Писание открыто не только ученым людям, но и простым, и что главным при этом является не столько ученость, сколько обладание «Святым Духом», божественной благодатью, что «колосья» – «сентенции Св. Писания» необходимо собирать в собственной душе, и искать Бога в простоте собственного сердца⁹⁰¹. Писание – источник духовной пищи истинного

⁸⁹⁷ Руф. 2.

⁸⁹⁸ andate a spigare: здесь глагол *spigare* – колоситься, очень похож по звучанию на другой глагол *spiegare* – объяснять, толковать. По этой причине представляется наиболее приемлемым вариантом перевода указанной фразы текста – идите к колосьям, то есть, обратитесь к толкованиям, объяснениям Св. Писания, которые простые люди могут получить, слушая проповеди. Данное предположение подтверждается тем, что Савонарола в этой части проповеди разъясняет слушателям смысл текста следующим образом: ячмень, на жатве которого оказалась Руфь – это текст Ветхого Завета, который является «более жестким, трудным (più duro)», пшеница – Нового, поскольку «он более открыт и ясен» для понимания; солома – «общий смысл и буквальное значение» текста; «обмолачивать зерно, значит извлекать аллегорический, анагогический и прочие смыслы»; перемалывать зерно на мельнице – обдумывать Св. Писание, размышлять над ним.

⁸⁹⁹ grossi – грубых.

⁹⁰⁰ Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 147–148.

⁹⁰¹ «Ищите Господа в простоте вашего сердца», – призывает Савонарола своих прихожан в следующей проповеди на Руфь 23 мая 1496 г., практически буквально воспроизводя фразу Книги Премудрости Соломона (Прем. 1: 1). См.: Predica VI // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 169.

христианина, является основой его религиозного опыта, и потому должно быть передано простым языком. Представляя воображаемый диалог с простым человеком, который сетует: «У меня нет книг, я не могу изучать», Савонарола советует: «Иди собирать колосья на других полях, то есть на проповедь»⁹⁰². Однако в этом случае монах-реформатор предупреждает: «Послушай, возлюбленная душа, не ходи на другие поля, то есть не ходи на другие проповеди, где можешь оказаться в опасности». При этом, с одной стороны, чтобы его не поняли превратно, и не обвинили в переманивании паствы, а с другой – явно критикуя современное духовенство он уточняет: «О брат, значит нам не следует слушать других проповедников? – Я не говорю об этом, но о том, чтобы не ходить сейчас на поле равнодушных», имея в виду тех проповедников, для которых внешняя красота и изысканная риторика проповеди важнее ее содержания. «Приди, – призывает фра Джироламо внимавших ему прихожан, – приди к Писанию»⁹⁰³: не к парижским диспутам (*quistioni parisiense*), нет; не к положениям учителя Сентенций (*punti del maestro delle Sentenzie*)⁹⁰⁴; мы не хотим диспутов; диспуты – это не пшеница, а плевелы, которые засоряют мозг, и кружат голову. Оставь эти плевелы, и когда ты почувствуешь какой-либо добрый колос, который касается тебя, скажи: – Это хорошо, – возьми и сбереги его, и скажи: – Это мой»⁹⁰⁵.

На первый взгляд может показаться, что Савонарола допускает самостоятельное чтение священных текстов и произвольное их толкование любым христианином, единственными условиями при этом являются вера и озарение Св. Духом. Действительно, сходные мысли присутствуют в высказываниях монаха: «Когда Руфь находилась в поле, туда пришел Вооз ...; это означает то, что, *если вы обратитесь к этому Писанию, что придет Спаси-*

⁹⁰² Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 149.

⁹⁰³ По словам Псевдо-Бурламакки, последователи фра Джироламо готовились к выступлениям брата и «приходили на проповедь, уже изучив текст из означенного Писания, который слуга Божий утром должен был толковать». См.: La Vita ... P. 92.

⁹⁰⁴ Не совсем ясен смысл выражения: возможно, имеется в виду теолог и схоласт XII в. Петр Ломбардский, который является автором знаменитого сочинения «Четыре книги сентенций» (*Libri quatuor sententiarum*), за что был прозван Учителем сентенций (*Magister sententiarum*). См.: Бурлака Л.В. Петр Ломбардский // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. / под ред. С. С. Неретиной; сост. С.С. Неретиной, Л.В. Бурлака. Санкт-Петербург: РХГИ, 2001. Т. 1. С. 477–480.

⁹⁰⁵ Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 149–150.

тель или ангел и откроет вам многие смыслы Писания (выделено мной – Е.Т.), но сегодня не изучается и клочка Писания: оно оставлено в пыли»⁹⁰⁶. Однако, стоит ли говорить о радикализме проповедника в этом вопросе, когда в своих выступлениях он высказывает традиционный взгляд на присутствие в Библии как буквального смысла, так и мистического, который, в свою очередь, проявляется в аллегорическом, метафорическом и анагогическом толкованиях⁹⁰⁷, что, в принципе, не предполагает возможности простому верующему самостоятельно проникнуть во все означенные пласты. Отсюда, практически параллельно с приведенным выше высказыванием, в одной и той же проповеди, имеется мысль о том, что «служанкам, то есть простым, следует идти позади тех, кто более образованы⁹⁰⁸, и собирать их колосья, то есть их слова и их комментарии⁹⁰⁹»⁹¹⁰.

Соответственно, пастве не могут быть доступны все тонкости толкования Св. Писания без помощи наставников – «людей, обладающих большим интеллектом». Однако чрезмерная увлеченность последних схоластическими рассуждениями и спорами скорее отдаляет их от Библии («Писание оставлено в пыли»), затемняет ее истинный смысл для «идущих позади них» простых верующих. Поэтому Савонарола замечает: «Тонкие вещи пропорциональны интеллекту философа, а не разуму женщины: по этой причине могут быть ей не понятны. Таким образом, чтобы были хорошо поняты священные тексты, которые сотворены светом вышним, необходимо, чтобы они были осмыслены интеллектом, озаренным этим высшим светом. Однако ты видишь, что *гораздо лучше понимают священные Писания и вещи Бога те, у которых ум средний (mediocre), и кто следует доброй жизни* (выделено

⁹⁰⁶Ibid. P. 150.

⁹⁰⁷ Predica III // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 46. Св. Иероним говорит об анагогическом толковании священного текста, понимая под этим раскрытие внутреннего, то есть мистического смысла. Св. Августин, классифицируя методы толкования Св. Писания не называет анагогического, выделяя 4 вида: исторический, аллегорический, аналогический (когда указывается на согласие Ветхого и Нового Заветов) и этиологический (когда приводятся причины слов и действий). См.: Св. Антоний Падуанский / под ред. В. Л. Задворного. Москва: Изд-во францисканцев-братьев меньших конвентуальных, 1997. С. 389; Топорова А.В. Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению. Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. С. 20, 209–215.

⁹⁰⁸ che sono di grande intelletto.

⁹⁰⁹ esposizione – толкования, комментарии.

⁹¹⁰ Predica V // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 151.

мной – Е.Т.), чего не делают те, кто те, кто обладает большим разумом без высшего света»⁹¹¹. Таким образом, Писание открывается простым⁹¹², поскольку его текст, прежде всего, должен быть воспринят сердцем.

В письме сестрам Третьего ордена Св. Доминика, Савонарола, обращаясь также ко «всем другим сестрам и благочестивым и страждущим персонам», разъясняет как и для чего необходимо читать Библию. «Тому, кто хочет обрести результат от духовных упражнений и постигнуть священные тексты, прежде необходимо хорошо очистить сердце от всевозможных вещей, и не только от всякого смертного греха, но также от всяческого чувства себя-любия», – наставляет монах своих последовательниц, поясняя, что это необходимо сделать, чтобы в сердце хорошо подготовленного человека «Св. Дух мог написать то, что читается снаружи (в тексте – Е.Т.), поскольку человек тем больше знает, чем больше написано в сердце». Определяя цель подобного чтения, доминиканец уточняет, что надлежит «читать не только для того, чтобы поучать, но прежде, чтобы самому научиться доброй жизни»⁹¹³. Приступая к тексту «следует прежде помолиться Богу», чтобы он «осветил путь истины», затем читать «прилежно, не торопясь, обдумывая сентенции и сохраняя их в памяти», постоянно «возвращаясь к собственному сознанию».

Здесь, как утверждает фра Джироламо, Писание выступает в качестве «зеркала» для верующего: христианин должен с его помощью «рассмотреть, нет ли в разуме и сознании чего-либо ошибочного или какого-либо пятна, чтобы очистить его», а когда он таким образом проанализирует «самого себя», просить Бога, чтобы он «наделил его благодатью поступать согласно тому, чему он выучился» при чтении текстов⁹¹⁴. Далее Савонарола подчеркивает необходимость не только внимательно читать и размышлять над прочи-

⁹¹¹ Predica XVIII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 2. P. 94.

⁹¹² Мф. 11: 25: В то время, продолжая речь, Иисус сказал: славлю Тебя, Отче, Господи неба и земли, что Ты утаил сие от мудрых и разумных и открыл то младенцам. См. также: Лк. 1: 21.

⁹¹³ Alle suore del Terz'Ordine di S. Domenico dette di Annalena [Firenze, 17 ottobre 1497] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi*. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 184–185.

⁹¹⁴ Здесь Савонарола проводит близкую для дам аналогию: по словам доминиканского наставника, это похоже на то, как прихорашивается у зеркала женщина, которая смотрит в него, «чтобы увидеть лицо свое, голову, и посмотреть все ли в порядке». Ibid. 185.

танным, но действовать согласно усвоенным принципам – «в делах следовать тому, что человек читает», в ином случае имеется риск стать «равнодушным». В итоге монах дает своим последователям совет: «Лучше читать немного и исполнять это, чем читать много и не соблюдать», приводя в качестве образцов для подражания Св. Антония, Св. Франциска и Св. Павла Простого⁹¹⁵. Таким образом, в адресованных пастве поучениях Савонаролы, Св. Писание, – как удачно выразилась А. Валерио, – выступает в качестве важного «элемента обновления сердца, необходимого для осуществления реформы»: оно должно быть «не проанализировано тонкостью философского разума, а скорее обдуманно сердцем, подвергнуто созерцанию в молитве, услышано в своем глубоком смысле, испытано в проведении “доброй жизни”»⁹¹⁶.

Св. Писание, и те, кто ему следовал в прежние времена, являют идеальную модель существования в «простоте», которая понимается как непротиворечивость, отсутствие «двойственности» во внутренней и внешней жизни. «Все в христианине, – наставляет проповедник слушателей, – стремится быть простым и чистым», и, продолжая, заявляет: «мы хотим вернуться к жизни простой, к жизни апостолов», подразумевая необходимость обретения как внутренней, так и внешней простоты⁹¹⁷. Здесь необходимо отметить, что в том же 1496 году, когда читались проповеди на Руфь, Савонарола публикует трактат «О простоте христианской жизни», в котором формулирует понятие простоты в различных смыслах⁹¹⁸. В этом сочинении он заявляет, что «если истинный христианин обладает внутренней простотой и всеми своими силами старается усовершенствовать ее, то он также любит и хранит внеш-

⁹¹⁵ Ibid. 186–187. Очевидно, что выбор именно этих святых в качестве примеров для подражания связан с тем, что послание было адресовано прежде всего монахиням. Однако автор письма более подробно останавливается на описании эпизода, подходящего для наставления всех категорий верующих, связанного с жизнью Св. Павла Простого. Савонарола рассказывает историю о том, как этот последователь и ученик одного из основателей монашества – Антония Великого попросил некоего монаха объяснить ему один псалом. Выслушав начало псалма (Пс. 38 (39): 2): «Буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешить мне языком моим», он заявил, что не желает обучаться далее, пока не выполнит то, о чем говорит этот текст. Через несколько лет они встретились, и на вопрос монаха, почему Павел не пришел продолжить изучение остальной части текста, тот ответил, что причина в том, что он «еще не выполнил то, о чем говорит первая строка».

⁹¹⁶ Valerio A. La predica sopra Ruth ... P. 256.

⁹¹⁷ Predica IV // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 126.

⁹¹⁸ В 1496 г. трактат был переведен с латинского на итальянский язык сторонником реформатора – Джироламо Бениввени, что, – и это особенно важно для реформы нравственности, проводившейся в городе, – сделало его более доступным для паствы.

нюю простоту»; что «никакой человек не может обладать благодатью и внутренней простотой без влечения к простоте внешней»⁹¹⁹. Аналогичные мысли высказываются монахом и во время толкования книги Руфи: «Тогда Ноеминь сказала: “Требуется также иное, чем внутренняя простота”, – следует освободиться также от внешних вещей, то есть, не только избавиться от привязанности к мирским вещам и имуществу, но также не держать в ларях, поскольку не стоит удерживать излишнее и употреблять тщету»⁹²⁰. Важность следования принципу простоты во всех ее проявлениях фра Джироламо объясняет следующим образом: «Внешняя простота позволяет судить о внутренней». При этом пастве, в обоснование означенного суждения, рисуется довольно яркий пример, предоставляющий повод для соответствующих размышлений и действий: «Что сказал бы ты о некоем человеке, который считался бы святым, и будучи священником шел бы хорошо и очень пышно одетым? Как только бы ты его увидел, ты сказал бы: “Горе мне, и это тот святой?” Также, когда бы ты увидел его рассуждающим на риторические темы, ты сказал бы: “Здесь внутри нет простоты”, поскольку то, что внутри, познается через то, что демонстрируется снаружи. Следовательно необходима также внешняя простота». Соответственно, проповедник неоднократно возвращался к этой теме в своих выступлениях, упорно внушал – «в доме, в словах, в манере одеваться, и во всякой внешней вещи следует быть простыми»⁹²¹.

Таким образом преобразование «внешнее», касающееся различных аспектов повседневной жизни, органично вписывается в общую реформу нравов, поскольку тесно связано с проблемами духовности: «тщета» и «помпа» – это символ развращенности современного общества; это «излишнее», отдаляющее людей от сущности христианской веры и отклоняющее от основного пути реформы. В этом контексте все наставления Савонаролы представляются не обычной попыткой вмешательства духовного лица в обыденную жизнь горожан с целью утвердить некие правила и ограничения в области морали и

⁹¹⁹ *Savonarola G. De simplicitate christianae vitae / a cura di Giorgio Ricci. Roma: A. Belardetti, 1959. P. 193, 194.*

⁹²⁰ *Predica IV // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 125.*

⁹²¹ *Predica VI // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 169.*

нравственности, но охватывают более глубокие основания и принципы существования христианина в сотворенном Богом мире. Здесь «простота» выступает как основной, ведущий двигатель преобразования Церкви, а ее носители – «простые люди», женщины и дети предстают главными действующими лицами реформы.

О том, что источник реформы – не мирские мудрецы и не главы Церкви, а «простые» верующие в союзе с Богом, и именно им предстоит создать обновленную Церковь, следует из продолжения толкования проповедником книги Руфи. Ноеминь, желая «найти пристанище» для невестки, сообщает ей, что Вооз – их родственник, и по существующим законам можно надеяться, что он возьмет Руфь в жены. Савонарола объясняет пастве, что Вооз – это символическое воплощение Христа, который, вочеловечившись, стал «родственником» всем людям: «Христос, означенный через Вооза, сделался нашим родственником, он сделался человеком, и принял нашу человеческую плоть»⁹²². Вооз, отвечая на желание Руфи стать его женой, – то есть Христос, обращаясь к простым верующим, – просит прежде повременить: «Я хочу, чтобы ты (Руфь – Церковь, Е.Т.) обновилась, и я возьму тебя в жены..., но имеется другой, более близкий родственник, и, если он не пожелает, я возьму тебя и найду способ тебя утешить»⁹²³. Этими «близкими», в интерпретации проповедника, являются светские и церковные главы – это им, в первую очередь, следует обновиться, чтобы реформировать остальных⁹²⁴: «Вооз означает Христос, всеобщая причина нашего спасения, и желает породниться и обновить свою Церковь. Он пообещал, что если родственники, то есть прелаты, Государи, проповедники и главы управления, не захотят Руфи, то есть Церкви его, и устроить так, чтобы жилось хорошо (способствовать устройству доброй жизни – Е.Т.), что он заберет ее у них, и снова сделает своей женой»⁹²⁵. Означенные «родственники» отказываются от Руфи⁹²⁶: «О прелаты, о

⁹²² Ibid. P. 175.

⁹²³ Predica VII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 203.

⁹²⁴ «... не сможет снизить благодать Св. Духа, и преобразоваться народы в доброй жизни, если сначала не исправятся вышестоящие». См.: Ibid. P. 205–206.

⁹²⁵ Ibid. P. 207.

главы Италии, сначала преобразуйтесь вы; вы хотите это поле, и эту женщину таким образом. Они отвечают: *Cedo iure propinquitatis*⁹²⁷; говорят, что уступают, поскольку ничего не хотят делать. Сейчас будьте свидетелями, что они были призваны, но не пожелали взять; будьте свидетелями. что я их призывал уже 6 лет, более того, Христос звал их, а они не захотели прийти»⁹²⁸.

Церковь простых оказалась в небрежении тех, кто в первую очередь должен печься о ней, поэтому Вооз (Христос) должен лично вмешаться и взять замуж Руфь (Церковь как сообщество верующих). В следующей проповеди, завершающей толкование на книгу Руфи, прихожане слышат: «И поэтому Христос скажет, как сказал Вооз: “Станьте свидетелями, что эти близкие родственники отказались от Руфи и покинули ее, будьте свидетелями, что добрые и простые оставлены и покинуты. Я хочу взять Руфь за себя (замуж), я обновлю эту Церковь, станьте свидетелями, что так и случится”»⁹²⁹. И как от союза Вооза и Руфи родится сын Овид, так и Христос вместе с простыми создадут обновленную Церковь, реформируют ее. «Так родился и сын Овид у Руфи и Вооза ее мужа, и пришли женщины и сказали Ноемини: “*Benedictus Dominus qui non est passus ut deficeret successor familiae tuae!*”⁹³⁰, “благословен Господь, который не оставил твою семью без наследника”, – так обращаются души к Церкви: Благословен Бог, который обновил свою Церковь: “*Ut habeas qui consoletur animam tuam et enutriet senectutem*”⁹³¹. Ты, Ноеминь, ты, Церковь, постарела, теперь ты будешь обновлена, и Бог утешил твою душу в твоей старости. Благословен Бог, который, молитвами простых, порождает великих людей, и тех, кто может утешить всю Церковь. Ноеминь взяла мальчика на руки: Церковь также примет в лоно свое многих своих сы-

⁹²⁶ Здесь очевидно *Руфь* имеет несколько значений: отказались от *простоты*; отказались от *Церкви простых*, не пожелали заботиться о ней.

⁹²⁷ Руф. 4: 6: не могу я взять ее себе.

⁹²⁸ Predica VII // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 212.

⁹²⁹ Predica VIII // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 238.

⁹³⁰ Руф. 4:14: Благословен Господь, что Он не оставил тебя ныне без наследника! И да будет славно имя его в Израиле.

⁹³¹ Руф. 4:15: Он будет тебе отрадою и питателем в старости твоей.

новой и многие добрые души, и женщины окружают ее, чтобы утешить ее, то есть простые и добрые люди, все восславят Бога»⁹³².

Итак, призыв к женщинам приступить к собственной реформе сопровождался, с одной стороны, постоянно выражаемой в проповедях надеждой на то, что городское правительство в итоге поддержит ее соответствующим законом, с другой – неотступной мыслью о том, что подлинными вершителями реформы Церкви, понимаемой прежде всего, как совокупность верующих, станут «простые», люди, а в их числе – женщины и дети. Преображение этого мистического тела Церкви заключалось в том, чтобы каждый ее член стал истинным христианином и реформировался «внутри и снаружи» – обратился к внутреннему благочестию и простоте в повседневной жизни. Таким образом, данные преобразования были органической частью общей реформы, которая, изменив город, окажет влияние на весь христианский мир. «Необходимо, – наставляет Савонарола паству, – оставить все старое и обновить прежде себя тому, кто хочет обновить других»⁹³³.

4.2. «Добрая жизнь» в миру: наставления женщинам в письмах, проповедях и сочинениях Савонаролы

Сложно судить, насколько проповедник отходит от традиционных культурных стереотипов, касающихся природы женщин, их места и роли в жизни общества: с одной стороны, брат заявляет, что реформу женщин не стоит «отдавать в их руки», с другой – говорит о том, что следующие за Христом более не женщины и дети, но люди, которые «обрели душу большую»,

⁹³² Predica VIII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 240.

⁹³³ Ibid. P. 242. «Мы молим, чтобы она, – говорит Савонарола от имени своих прихожан о “флорентийской Церкви”, – стала примером для всей Италии и всего мира; мы молим, чтобы обновление произошло повсеместно, и чтобы эта Руфь произвела добрых сыновей». См.: Ibid. P. 239.

что для Бога, – в том, что касается духовной жизни, – нет различий между мужчиной и женщиной⁹³⁴. Во всяком случае, анализ проповедей и сочинений монаха, позволяет предположить, что он сосредоточен на формировании типа «доброго христианина» в целом, а специфические «женские» вопросы не настолько занимают его, чтобы подробно разбирать их в отдельных сочинениях и письмах, направленных своим последовательницам⁹³⁵.

Так, в упомянутом выше письме сестрам Третьего Ордена Св. Доминика монах говорит о том, что к настоящему времени уже создано множество трудов, как на латинском языке, так и на вольгаре, которые могут послужить верующему наставлением на пути доброй жизни. «Мы имеем сочинения о простоте христианской жизни, о любви к ближнему, о смирении, о молитвах, о десяти заповедях, о правилах совершенствования для монашествующих, и о множестве других вещей, подобающих для совершенства духовной жизни, – пишет своим последовательницам Савонарола и, продолжая, заявляет, – мне не представляется необходимым писать другие утешения на народном языке (вольгаре), напротив, даже более того – излишним, поскольку вышеупомянутые труды напечатаны и в большинстве своем переведены, поэтому их достаточно для того, кто хочет хорошо поступать. Если только не приключится некий частный случай, как-то необходимость погасить какое-либо заблуждение, которое вновь возникло, или утвердить согласие там, где появился раздор, или по каким-либо частным поводам, из-за которых следует написать или сочинить то, чего требует время и нужда данного обстоятельства. Но пи-

⁹³⁴ Например, в проповеди 17 марта 1498 г. Савонарола заявляет: «Но необходимо отметить, что рядом с Богом нет никаких различий между мужчиной и женщиной. Бог не обращает внимания на тела или интеллект, но только на душу и чистоту жизни, а не на то, является ли человек мужчиной или женщиной; отсюда апостол Павел говорит: *apud Deum non est masculus neque femina* (Гал. 3: 26–28: Ибо все вы сыны Божии по вере во Христа Иисуса; все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись. Нет уже Иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужеского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе. – ЕТ). То есть Бог не ценит мужчину выше женщины, а только ищет, чтобы душа жила хорошо, и чтобы была святость жизни». См.: Predica XXI // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo / a cura di Pier Giorgio Ricci. Roma: A. Belardetti, 1956. Vol. 1. P. 256.

⁹³⁵ См. также: Тельменко Е.П. «Если ты, женщина... желаешь жить хорошо, ты больше не женщина..., а человек и обладаешь душой мужественной»: О савонаролианской проповеди «простоты христианской жизни» среди женщин // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. Москва: ИВИ РАН, 2008. № 15. С. 139–158; Она же. Духовные наставления в письмах Джироламо Савонаролы к женщинам Флоренции кон. XV в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2017. № 3. С. 66–71; Она же. Пророк и город «праведных»: религиозно-нравственная реформа Джироламо Савонаролы во Флоренции конца XV века. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. С. 88–104.

сать и повторять одни и те же вещи, значит наводить тоску и не производить (никакого) плода»⁹³⁶.

Очевидно по этой причине среди эпистол фра Джироламо, направленных женщинам, пространных текстов не так много. По большей части они написаны лаконично и повторяют, в той или иной степени, изложенные в проповедях мысли монаха-реформатора об основных составляющих «доброй жизни», которым должны и в силах следовать все христиане, вне зависимости от пола или социального статуса, как светские, так и духовные лица. «Что остается делать? – задает вопрос воображаемый оппонент брата в одной из проповедей на Руфь, на который тот отвечает, – Ничто иное, как обратиться к доброй жизни, жить как христианин: И первое – верить; второе, любить вещи незримые превыше этого мира; третье, жить в чистоте и святости; четвертое, пребывать со всеми в мире и согласии; пятое, терпеливо переносить всякую вещь; шестое, положить свою жизнь за Христа, когда это потребует-ся. Если ты будешь жить таким образом, ты блажен»⁹³⁷.

Так в письме, направленном 24 мая 1497 г. герцогине Феррары Марии Анжеле Сфорца д'Эсте, доминиканский монах позитивно оценивает ее стремление к благочестивой жизни, и в качестве поощрения применяет достаточно часто встречающийся в его проповедях образ встречного движения Бога и человека⁹³⁸. «Господь рядом с вами и стучит в дверь», – заявляет Савонарола герцогине, поясняя, что от нее требуются ответные действия, приближающие верующего к Спасителю – очищение сознания от любви к преходящим и суетным вещам, а также добрые дела. «Вот, – указывает флорентийский проповедник, – образец доброй жизни: любить Бога превыше всякой другой вещи, и остерегаться всего того, что может вызвать сожаление у

⁹³⁶ Alle suore del Terz'Ordine di S. Domenico dette di Annalena [Firenze, 17 ottobre 1497] ... P. 184.

⁹³⁷ Predica VIII // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 123–124.

⁹³⁸ Например, в одной из проповедей на пророков Амоса и Захарию Савонарола рисует в воображении пастырь своеобразный пример, касающийся этой проблемы: он предлагает слушателям представить себе темницу, вход в которую может открыть особым образом изнутри только заключенный, только тогда, пришедший накормить его стражник, сможет, в свою очередь, отпереть камеру. Аналогично поступает с человеком Бог, который обращается к нему: «Я нахожусь... у двери твоей свободной воли и говорю: открой мне, обратись». См.: Predica XXXIII // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 2. P. 424–425.

вас⁹³⁹» и далее призывает обрести «невероятное наслаждение добрыми делами»⁹⁴⁰. Аналогичным образом доминиканец наставляет другую представительницу дома Сфорца – Екатерину, правительницу Имолы и Форли, от которой, судя по посланию, составленному монахом 18 июня 1497 г., он периодически получал письма с вопросами о совершенствовании в духовной жизни. Фра Джироламо одобряет и поддерживает желание этой синьоры «обрести прибежище в Боге», выражает надежду что, в свою очередь, Господь «наставит и направит» ее, а для достижения означенной цели советует идти по пути «доброго и истинного сокрушения в своих грехах, освобождения от них с помощью благочестивых дел» – раздачи милостыни бедным, справедливого отношения к своим подданным. Для сохранения твердости и упорства в делах благочестия проповедник советует Екатерине чаще размышлять о «ничтожности и краткости этой жизни» и стремиться к постепенному обретению осознания «величия божественной доброты»⁹⁴¹.

Сходные мотивы присутствуют в переписке фра Джироламо с представительницами знатного флорентийского семейства Мирандола. На расположение последних к проповеднику-реформатору и превращение в его последовательниц, очевидно, не последнюю роль сыграли мужчины этого рода: знаменитый философ-неоплатоник Пико делла Мирандола – сторонник и почитатель Савонаролы, который, если верить его современникам из числа «плакс», перед смертью принял облачение доминиканского ордена⁹⁴²; пле-

⁹³⁹ Имеется в виду: остерегаться впадения в тот или иной грех.

⁹⁴⁰ A Maria Angela Sforza d'Este, Duchessa di Ferrara [Firenze, 24 maggio 1497] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi*. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 132–133.

⁹⁴¹ A Caterina Sforza, Signora di Imola e Forli [Firenze, 18 giugno 1497] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi*. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 135.

⁹⁴² Джованни Пико делла Мирандола (1463 – 1494) умер 17 ноября 1494 г. Псевдо-Бурламакки в своем «Жизнеописании» сообщает: «К простоте Христа обращался каждый сорт людей, то есть теологи, законоведы, гуманисты и чрезвычайно высокопоставленные лица, которые жили в наше время, среди них был такой значительный человек как Джованни Пико делла Мирандола, глубоко почитаемый в наше время, которому слуга Божий отважился заявить, что единственный высочайший разум принадлежал Августину. Он неоднократно задавал ему вопросы о принятии монашеского облачения, в итоге принял его перед самой смертью: он был похоронен в Сан Марко; относительно него слуга божий получил откровение, что за нерадивость, которую он проявил, он должен будет находиться девять дней в Чистилище». В другом месте своего сочинения этот «плакса» повторяется: «И он провозгласил с кафедры, когда умер граф Пико дела Мирандола, что тот девять дней должен будет пребывать в Чистилище, поскольку сопротивлялся божественному внушению обратиться к святой вере». См.: *La Vita ...* P. 93, 138. Действительно, в проповеди, произнесенной через несколько дней после смерти гуманиста, Савонарола выразил уверенность в том, что Мирандола,

мянник Пико – философ-гуманист и богослов Джованни Франческо Пико делла Мирандола, последователь доминиканца, посвятивший ему ряд сочинений, автор одной из биографий флорентийского пророка-реформатора⁹⁴³.

Очевидно, между дамами этой фамилии и Савонаролой существовал регулярный обмен письмами, а с некоторыми из них, в частности Джованной Караффа – женой Джованни Франческо, вероятно завязались и более близкие, доверительные отношения. Свидетельством в пользу последнего предположения может стать, например, адресованное Джованне послание фра Джироламо 10 апреля 1496 г., в котором автор намекает на наличие неких важных новостей из Флоренции, которые нельзя доверить письму: «Если синьор Граф Иоанн Франческо еще не прибыл к вам, и если мне хватит времени, я напишу Вашей милости несколько слов; но лучше он передаст вам на словах то, что я не могу и не имею возможности написать на бумаге»⁹⁴⁴. В своих письмах к этой синьоре доминиканец выказывал всяческое одобрение ее «доброму намерению», «стремлению к доброй жизни», «настойчивости» в обретении веры, которая является «даром Божиим», призывал не страшиться лишений, поскольку «тот, кто наделил вас этой верой и этой доброй волей, предоставит вам также силу и радость в испытаниях»⁹⁴⁵.

«благодаря молитвам братьев, а также из-за некоторых своих добрых дел, и из-за молитв других (людей)», пребывает в Чистилище, поскольку «долго медлил с приходом к вере в своей жизни, прежде чем испустить дух». См.: Predica VI // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 104.

⁹⁴³ Джованни Франческо Пико делла Мирандола (1469 – 1533), с одной стороны, высказывал мысли о необходимости реформы нравов и реорганизации церковной дисциплины, с другой – выражал свое несогласие с позицией гуманистов круга Платоновской академии о возможности согласования христианского вероучения и античной философии; этот философ также «истине», связанной с верой, противопоставлял «заблуждения» разума, указывая на его недостаточность и слабость. После отлучения Савонаролы в 1497 г. Джованни Франческо публично выступил в его защиту; написал биографию доминиканца «*Vita Hieronymi Savonarolae*». См.: Pico della Mirandola, Giovanni Francesco II // *Dizionario di filosofia* (2009). [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pico-della-mirandola-giovanni-francesco-ii_\(Dizionario-di-filosofia\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/pico-della-mirandola-giovanni-francesco-ii_(Dizionario-di-filosofia)/) (дата обращения: 05.05.2015); Кудрявцев О.Ф. Пико делла Мирандола Джованни Франческо // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. Москва: Мысль, 2010. Т. III, Н – С. С. 231–232; Акоюн О.Л. Споры об астрологии в ренессансной мысли второй половины XV – начала XVI века: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.03. Москва, 2014. С. 325–349.

⁹⁴⁴ A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 10 aprile 1496] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi*. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 108.

⁹⁴⁵ Возможно рассуждения монаха о стойкости в испытаниях и лишениях в письме 13 августа 1497 г. были связаны не только с наставлениями о том, что любовь к Богу и жизнь вечную необходимо предпочесть переходящим благам этого мира, но и с тревогами, охватившими жителей города и contado в связи с бушевавшей в это время чумой. Не случайно автор письма указывает на то, что «в настоящее время нашему взору постоянно предстают необычайные примеры в этом городе, как среди мирян, так и монахов»; что «невозможно описать, с какой радостью существуют те, кто верит посреди этих испытаний»; что «те, которые

Примечательно, что в случае с Джованной, а также ее золовкой Дианорой, монаху приходилось даже несколько умерять их религиозное рвение, связанное с излишней строгостью к себе и своим поступкам, и, как следствие, чрезмерной боязнью согрешить. В нескольких посланиях, адресованных этим дамам, проповедник выражал свою обеспокоенность их непомерной щепетильностью. Господь, – увещевал их Савонарола, – «хотя и не желает, чтобы мы шли по длинному пути грехов, нем не менее, не требует от нас чрезмерно строгого отношения к себе»⁹⁴⁶, такого, что всякую соломинку мы стремимся воспринять как бревно»⁹⁴⁷. Фра Джироламо согласен с тем, что следует по возможности избегать всяческих грехов, но предостерегает: «кто совестится по каждому поводу больше чем необходимо, демонстрирует, что недостаточно верит в божественную доброту, которая не требует от нас большего, чем в наших силах». Более того, брат указывает, что «проявлять стремление к превращению простительных грехов в смертные – значит беспокоиться о себе самом и сделать христианскую жизнь работой, – которая по милости Бога в высшей степени свободна, – и сделать закон страха равным закону любви»⁹⁴⁸. Подразумевая, что любовь и страх являются теми началами, которые движут человека к Богу, Савонарола призывает своих последователей избрать «срединный путь», а в случае необходимости выбора предпочесть любовь, уповая на доброту и милосердие Господа. Согласно наставлениям фра Джироламо следует «жить радостно, и следовать срединному пути, и не обладать ни преувеличенным страхом, чтобы не лишиться надежды, ни чрезмерной надеждой, чтобы не отдалиться от страха (утратить страх Божий – Е.Т.)», но если нет возможности соблюдать означенное равновесие, то, по мысли монаха, лучше склониться «к избыточной надежде, чем к непомерному страху; ибо наш Господь – любящий (нас – Е.Т.), более охотно

умирают, с большим благочестием и радостью покидают эту жизнь, так что никто из видевших их не сомневается, что они направляются к жизни вечной». См.: A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 15 dicembre 1495] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi*. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 80; A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 13 agosto 1497] // *Ibid.* P. 164–165.

⁹⁴⁶ la conscientia tanto stretta.

⁹⁴⁷ A Giovanna Caraffa e Dianora della Mirandola [Firenze, 3 aprile 1497] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi*. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 119.

⁹⁴⁸ *Ibid.* 120.

склоняется к милосердию, нежели к наказанию»⁹⁴⁹. Заповедь любви является фундаментом христианской этики (Мф. 22:37 – 39). «Все Писание, – внушал в свою очередь доминиканец в одной из проповедей на Псалмы, – в сущности, содержит две вещи, а именно, любить Бога и ближнего»⁹⁵⁰. Таким образом, в письмах, как и в проповедях, Савонарола обращается к теме любви и ее высшей формы – милосердия. Примечательно, что призывая дам к каритативным практикам, он почти дословно повторяет одну и ту же мысль, связывающую дела милосердия с устранением и избавлением от греховных поступков: «Любовь к ближнему гасит все грехи, подобно тому, что делает вода с огнем»⁹⁵¹.

Наличие связи между внутренним благочестием и его внешними проявлениями вызывало неизбежные вопросы об отношении к церковным обрядам и таинствам. Так, одна благочестивая почитательница Савонаролы из Болоньи, очевидно испытывая ту же самую потребность, что и Джованна с Дианорой, – очиститься от всякого греха и постоянно поддерживать и сохранять ощущение чистоты и незапятнанности, – вопрошала брата: «Можно ли причащаться один раз в восемь или пятнадцать дней?». В своем письме-ответе фра Джироламо постарался обратить внимание женщины на то, что частое обращение к причастию может быть, как очень полезной, так и чрезвычайно опасной вещью. Польза, – по мысли доминиканца, – имеется в том случае, если исповедь и причастие сопровождаются стремлением к истинному раскаянию, как в смертных, так и простительных грехах; если имеется ежедневное тяготение к доброй жизни и очищению сознания «не только от грехов, но и от земных и телесных чувств ради любви к Богу и ближнему»⁹⁵². Частое обращение к этим таинствам возможно, – допускает монах, – если эта верующая женщина чувствует, что таким образом ее благочестие и любовь к

⁹⁴⁹ A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 6 novembre 1497] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte* / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 194.

⁹⁵⁰ Predica XX // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi* / a cura di Vincenzo Romano. Roma: A. Belardetti, 1974. Vol. 2. P. 26–27.

⁹⁵¹ A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 6 novembre 1497] ... P. 194; A Caterina Sforza, Signora di Imola e Forlì [Firenze, 18 giugno 1497] ... P. 135.

⁹⁵² Ad una devota donna bolognese [1493?] // *Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte* / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 38–39.

Богу и ближнему растут, а благоговение перед таинствами не умаляется; если этого не происходит или начинается обратный процесс, то есть появляется опасность через возникновение привычки стать «равнодушным» – следует остановиться⁹⁵³⁹⁵⁴.

Аналогичные мысли Савонарола, порицавший современников за формальное отношение к церковным таинствам и обрядам, совершаемым и воспринимаемым по привычке, без надлежащей внутренней подготовки, высказывал в своих проповедях, предназначенных для всех категорий граждан. Так в одной из проповедей на Амоса и Захарию брат, чтобы лучше донести свою мысль пастве, приводит близкий и понятный пример: «Таинство, предоставляемое различными способами, является причиной совершенства и несовершенства человека. Возьми растение, помести его на добрую почву, чтобы оно подверглось влиянию солнца, и ты увидишь, что, под воздействием всего этого, растение будет расти и процветать, и, напротив, растение, само по себе, вырванное из земли и обожженное солнцем, превратится в сухое. Также ... таинство, предоставленное одному, – тому, кто пребывает на доброй земле набожности, – хорошее превращает в лучшее, и, напротив, ... из плохого делает худшее, человек становится неисправимым, как мы видим это каждый день»⁹⁵⁵. Таким образом, главная мысль, которую Савонарола хочет донести, как в письмах, так и в проповедях, сводится к утверждению о невозможности обращения к внешним проявлениям религии без обретения надлежащего внутреннего благочестия.

Если в письмах к своим последовательницам фра Джироламо приходилось порой ограждать их от крайностей, связанных с рвением на пути духов-

⁹⁵³ Ibid. P. 40.

⁹⁵⁴ 21 канон IV Латеранского Собора (1215 г.) предписывал верующим исповедоваться в грехах не реже одного раза в год; в качестве исповедника выступал свой приходской священник. В проповеди 22 февраля 1496 г. духовный реформатор призывал паству, в достаточно разумных пределах, увеличить количество исповедей: «Ну же, говорю вам, детишки мои, более не ограничивайтесь исповедью только один раз в году, но я хочу, чтобы вы исповедовались чаще, по крайней мере пять раз в год: на Пасху, следующий за Пасхой День Святого Духа, третий – Вознесение Богоматери, четвертый – День всех Святых, пятый – Рождество, из почтения к пяти ранам Христовым. Не поступайте как делают плохие христиане, которые грешат целый год, а затем исповедуются на Пасху, и затем немедленно возвращаются к тем же самым грехам, и даже большим». См.: Predica VI // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P. 177–178.

⁹⁵⁵ Predica XII // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P. 327–328.

ного совершенствования, то в проповедях и сочинениях, обращенных к широкой публике, имеются пассажи, в которых монах критикует типично (или преимущественно) женские пороки.

Так в небольшом сочинении 1491 г., посвященном образу жизни вдов⁹⁵⁶, Савонарола порицал тех женщин, которые «шатаются по всем церквям и желают говорить о том, сколько известных монахов находится в городе, сколько проповедников пришло проповедовать, всех их стремятся посетить, утверждая, что это они делают из благочестия»⁹⁵⁷. Здесь доминиканец затрагивает типичную и широко распространенную практику: посещение церквей воспринималось многими женщинами как специфическая отдушина, своеобразный «выход в свет», туда, где можно обменяться новостями с такими же жаждущими общения кумушками и одновременно явить окружающим свою набожность⁹⁵⁸. Подобная модель поведения и стоящие за ней мотивы, не находили одобрения у фра Джироламо. «Это их благочестие, утверждал монах, – расточает чистоту сознания; это их благочестие является величайшим легкомыслием»⁹⁵⁹.

Как уже было отмечено выше, призыв монаха не только к внутренней, но и внешней простоте был обращен ко всем прихожанам, желающим приоб-

⁹⁵⁶ Первое издание этого сочинения Джироламо Савонаролы вышло во Флоренции в 1491 г. и было озаглавлено «Книга жизни вдов» (*Libro della vita viduale*).

⁹⁵⁷ *Savonarola G. La vera vedova // Savonarola. Prediche e scritti commentati e collegati da un racconto biografico. L'influenza del Savonarola sulla letteratura e l'arte del Quattrocento. Bibliografia ragionata / [a cura di] Mario Ferrara. Firenze: L. S. Olschki, 1952. Vol. 1. P. 51–52.* Далее – *Savonarola G. La vera vedova ...*

⁹⁵⁸ Издатель текста и составитель комментариев к нему – Марио Феррара, указал на сходство позиций Савонаролы и его старшего современника – францисканского проповедника Бернардино Сиенского (1380 – 1444), который в проповеди, также посвященной вдовам, не рекомендовал им «сверх меры находиться в церкви», чтобы избежать злорадной болтовни в свой адрес; тех же, кто поступает подобным образом этот францисканец обозвал двумя резкими словами с пренебрежительным оттенком – «frataia», «pretaia», которые можно перевести, соответственно, как «почтительница монахов» и «питающая слабость к священникам». *Savonarola G. La vera vedova ... P. 51–52.* Примеч. 38, 40. «Не следует пребывать сверх меры в церкви: отринь всякий повод; подай хороший пример собой и своей жизнью. Послушай, что говорит Павел: *Sic luceat lux vestræ coram hominibus, ut videant opera vestra bona*: (Мф. 5:16: Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела). ... Говорит она: Я не совершаю ничего дурного, оттого что хожу, говорю и нахожусь во многих местах. ... Ах! Если видно, что одна говорит с братом (монахом), семь судачат о ней. И если она просто вошла в церковь, столкнись она с братом, даже если они не говорили, все равно будут сплетничать о них; и даже если видна была только стена, не нужно большего». «Не следует стремиться находиться в близких отношениях с мужчинами, ни желать быть названной ни почтительницей монахов (frataia), ни питающей слабость к священникам (pretaia)». См.: *Predicha XXII // Le prediche volgari di San Bernardino da Siena dette nella Piazza del campo l'anno MCCCCXXVII, ora primamente edite da Luciano Banchi. Siena: Tip. Arciv. S. Bernardino Edit., 1884. Vol. 2. P. 186, 180.*

⁹⁵⁹ *Savonarola G. La vera vedova ... P. 52.*

рести качества истинного христианина. Применительно к женщинам означенные требования обретали весьма интересную и специфическую окраску. Так тема внутреннего совершенствования в одной из проповедей сопровождалась рассуждениями Савонаролы о красоте. «Красота телесная, – утверждает он, – явно заметна, особенно на лице персоны; красота лица мужчины и женщины не основывается в каждой части, самой по себе, но заключается во всем, то есть в пропорциях всех частей лица; и еще, не происходит красота только от лица, поскольку красота является следствием чистоты душевной; какова душа, таково и тело⁹⁶⁰. Продолжая развивать эту мысль, проповедник в качестве примера предлагает лишить двух женщин – целомудренную и развратную – внешней привлекательности, в итоге, – заключает он, – первая будет отличаться ангельской красотой, вторая – ужасать окружающих. В итоге фра Джироламо указывает на общепринятый образец для подражания – Деву Марию, основанием красоты которой являются ее добродетели⁹⁶¹.

Необходимости соблюдения простоты и скромности в одежде противостояла другая женская слабость – страсть к нарядам и украшениям. Здесь проповедник-реформатор, с одной стороны, обращается к своим сторонникам в городском правительстве с просьбой издать соответствующий закон: «Так и вы должны принять надлежащие меры, чтобы в вашем городе во всех делах жилось целомудренно ... примите необходимые меры по отношению к одежде и манере причесываться женщин, чтобы они ходили одетыми скромно и просто»⁹⁶², а с другой, призывает прихожанок самим приступить к реформе, не дожидаясь появления официального распоряжения⁹⁶³.

В одной из проповедей на пророка Амоса Савонарола, критикуя чрезмерное увлечение нарядами и увещевая женщин измениться, прибегает к довольно жестким и ярким сравнениям. Толкуя фразу из книги этого ветхоза-

⁹⁶⁰ Predica III // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 49.

⁹⁶¹ Ibid. P. 50.

⁹⁶² Predica V // *Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 83.

⁹⁶³ Например, в проповеди 12 июня 1496 г. монах порицает городское правительство, медлящее с принятием закона, и обращается к жительницам Флоренции: «Они спорят о нравственной реформе женщин (*riforma della onestà delle donne*) ... Женщины, если они не хотят, чтобы она (реформа) победила, поступайте так, как я вам говорю, сделайте ее сами ... реформируйте сами себя». См.: Predica XI // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 332.

ветного пророка – «Слушайте слово сие, телицы Вассанские, которые на горе Самарийской»⁹⁶⁴, – монах заявлял: «Корова – животное безвкусное и грубое, и само по себе как кусок мяса с глазами. Женщины, примите меры, чтобы ваши дочери не стали телками. Сделайте так, чтобы они ходили, прикрыв грудь, не носили шлейфа, как коровы хвост, не носили бы рогов⁹⁶⁵, заставьте их оставить этот парусник⁹⁶⁶. Я уже не говорю, чтобы вы не ходили со скрученной и измятой вуалью, но наряжайтесь подобно женщинам порядочным и целомудренным»⁹⁶⁷. Обращение к женщинам одеваться просто, обосновывалось проповедником тем, что это, во-первых, практично, а во-вторых, будет иметь следствием уважение со стороны окружающих. Наряду с этими, в общем-то, житейскими доводами Савонарола, – как в проповедях, так и в трактате «О простоте христианской жизни», – ссылался на более мощные аргументы, позволяющие ему снова и снова выходить на проблему внутреннего благочестия: монах цитировал соответствующие выдержки из Посланий апостолов Петра и Павла⁹⁶⁸, где утверждалось, что не внешняя, но внутренняя красота должна отличать женщину, а именно – ее благочестие и добрые дела⁹⁶⁹.

Комментирование означенных апостольских Посланий позволило Савонароле выйти на еще один, важный как в практическом, так и в моральном отношении, вопрос: какова мера простоты в женских нарядах и отчего она зависит. Разумеется, в том, что касается богатых одежд и драгоценностей, то проповедь умеренности в нарядах должна была касаться, прежде всего, состоятельных и имеющих вес представительниц флорентийского общества.

⁹⁶⁴ Амос. 4: 1.

⁹⁶⁵ Вероятно, речь о вычурных головных уборах типа эскофьон-а-корн («эскофьон в виде рогов») XV в. См.: Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов: В 4 т. Москва: Академия моды, 1993. Т. 1. С. 542.

⁹⁶⁶ Возможно, имеется в виду эннен с вуалью, появился при бургундском дворе во 2-й пол. XV в. См.: Там же.

⁹⁶⁷ Predica XII // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 324.

⁹⁶⁸ См.: I Пет. 3: 1–4: Также и вы, жены, повинуйтесь своим мужьям, чтобы те из них, которые не покоряются слову, житием жен своих без слова приобретаемы были, когда увидят ваше чистое, богобоязненное житие. Да будет украшением вашим не внешнее плетение волос, не золотые уборы или нарядность в одежде, но сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом. I Тим. 2: 9–10: Чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением волос, не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию.

⁹⁶⁹ Savonarola G. De simplicitate christianae vitae ... P. 198.

Так, опираясь на авторитет апостола Павла, монах в одной из проповедей делает следующее заключение: «Не говорил Св. Павел этого монахиням, поскольку знал, что они не носят драгоценных камней и золота, также не обращался он к крестьянкам, которые не имеют обыкновения носить их. Следовательно, он говорил тебе, богатая и знатная женщина и тебе, горожанка: не носите ни золота, ни драгоценных камней и платья, ни завитых волос, но ходите просто»⁹⁷⁰. В трактате «О простоте христианской жизни» Савонарола высказывается более конкретно: он признает, что одежда выполняет важную роль знака, указывающего на социальный статус ее обладателя. По этой причине он заявляет, что понятие излишества в нарядах относительно, что «есть четкая мера одеяний во всяком положении и состоянии», и останавливается на подробном описании платьев (качество материи, цвет), которые надлежит носить представительницам той или иной общественной прослойки⁹⁷¹. При этом реформатор одинаково отрицательно относится, как к нежеланию женщин изменять что-либо в своих нарядах, так и к стремлению чрезмерно их упростить. В первом случае он предвидит возможное оправдание через ссылку на Св. Цецилию – знатную римлянку, мученицу, которая жила в первые века христианства и «носила власяницу под золотыми одеждами»⁹⁷². «И если бы, – высказывается по этому поводу Савонарола, – какая-либо женщина сейчас сказала: «Я также буду христианкой в сердце и укрою обет христианства под богатыми одеждами», мы бы ответили ей, что существуют две заповеди милосердия – любовь к Богу и ближнему, и необходимо ... проявлять добрые качества и святость не только перед Богом, но и перед всеми людьми».

⁹⁷⁰ Predica V // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 92. В прочитанном несколько позже цикле проповедей на Руфь Савонарола, рассуждая о простоте, приводит аналогичные суждения: «Требуется также иное, чем внутренняя простота, следует освободиться также от внешних вещей, то есть, не только избавиться от привязанности к мирским вещам и имуществу, но также не держать в ларях, поскольку не стоит удерживать излишнее и употреблять тщету. Говорит Св. Павел, что женщины не должны носить драгоценные камни. Если он запрещает это женщинам, это явно не стоит говорить монахиням, которые не носят их, но следует говорить женщинам порядочным. Нет нужды в большой помпе тому, кто хочет быть истинным христианином, необходима простота ... Оставьте украшения, как вам говорит апостол Павел. И если молодым женщинам будет хорошо ходить без украшений, тем более это надлежит старым, и еще более бедным, чем богатым, и еще более мужчинам, чем всем женщинам, и еще более духовенству, чем мирянам, и намного больше монахам». См.: Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 125–126.

⁹⁷¹ *Savonarola G. De simplicitate christianae vitae ...* P. 201–202.

⁹⁷² Ibid. P. 202.

ми»⁹⁷³. Иначе говоря, подобные женщины, даже стремясь к сохранению внутренней чистоты веры, грешат, ибо своими нарядами подают «дурной пример ближнему»⁹⁷⁴. Другая крайность – тяготение к большей, чем позволяет статус, простоте в одеяниях расценивается проповедником как признак гордыни. «Не следует, – утверждает Савонарола, – безрассудно понимать эту внешнюю простоту, то есть стремиться одеваться и жить таким образом, каким не действует никто другой, поскольку это было бы скорее чванством, нежели простотой»⁹⁷⁵. Соответственно, декларируемой монахом простоте в одеяниях надлежало соответствовать социальному положению прихожанки и при этом свидетельствовать о ее благочестии.

Тема культивирования женского благочестия приводила флорентийского монаха-реформатора к соприкосновению с актуальными проблемами городского социума, среди которых важное место занимал вопрос устройства браков дочерей и, соответственно, проблема приданого. Сугубо практический подход к браку в деловой среде Флоренции приводил к тому, что размеры приданного постоянно росли, следствием чего становилось ухудшение финансового положения семьи и незавидная судьба не нашедших супруга девиц. И.А. Краснова, проанализировав мемории и хроники флорентийских горожан XIV – XV вв. указывает на многочисленные сетования отцов и матерей, пекущихся о замужестве дочерей. Так, если, согласно исследованиям этого автора, в начале XIV в. максимальная сумма приданого составляла 1000 флоринов, то к середине XV в. Алессандра Строцци, беспокоясь о судьбе своих дочерей, сокрушалась, что приданное в 1000 флоринов является приличным только для ремесленников⁹⁷⁶, а уже концу века Джованни Камби с тревогой описывал сложившуюся ситуацию: «Если 40 лет назад (то есть, в середине XV в. – И.К.) самые богатые давали 1400 флоринов между горожанами высокого ремесла (то есть, старших цехов – И.К.), то теперь дают 2500

⁹⁷³ Ibid. P. 203.

⁹⁷⁴ Ibid.

⁹⁷⁵ Ibid. P. 196.

⁹⁷⁶ Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. Ставрополь - Москва: Изд-во СГПУ, 1995. Ч. 2. С. 26.

– 3000 флор., иначе невозможно выдать замуж. Чтобы выдать четверых или пятерых дочерей, надо иметь 15000 флоринов, которые будут затрачены без всякого возмещения. И приходится выдавать дочерей на виллы за людей невежественных и стариков, или держать их дома взаперти. Это смерти подобно – так выдавать замуж»⁹⁷⁷.

В своих выступлениях перед паствой фра Джироламо неоднократно обращался к этой проблеме, которая приобретает в его интерпретации не только экономический, но и религиозно-нравственный характер. Уже в проповедях на пророка Аггея, произнесенных им после антимедицейского переворота и предшествующих толкованию книги Руфи, монах, увещевая горожан реформироваться и приобрести качества истинного христианина, сочетает призыв к милосердию в отношении своего ближнего с требованием избавиться от излишнего и обратиться к простоте. Так, в завершении одной из проповедей на псалом «Блажен муж»⁹⁷⁸ он напоминает каждому слушателю: «... ты не просто человек, но христианин, и в святом крещении ты отказался от *Sathanae et omnibus pompis eius*⁹⁷⁹. Для чего тебе излишки, если не для роскоши и суетности? ... Если ты христианин, следуй за своим главой, Христом, который возлюбил (бедность) и желал быть бедным». И, далее, рассуждая, как представляется, именно о простоте, как качестве необходимом для тех, кто стремится подражать Христу, монах заявляет: приданое «необходимо ограничить до уместных⁹⁸⁰ размеров, оно не должно быть таким роскошным и излишним, как у вас»⁹⁸¹. В другой проповеди этого же цикла призыв сократить размеры приданого сопровождался иными, скорее экономическими, доводами. Указывая на то, что «часто беднеют дома и семьи от чрезмерных размеров приданного», Савонарола называет суммы, подходящие для различных категорий горожан: «Приданое тоже должно быть умеренным, так,

⁹⁷⁷ Краснова И.А. Горожанки Флоренции между семьей и монастырем: индивидуальный выбор, брачные стратегии и социальное принуждение // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Москва: КРАСАНД, 2010. Вып. 31. С. 133–134.

⁹⁷⁸ Пс. 111: 1: Блажен муж, боящийся Господа и крепко любящий заповеди Его.

⁹⁷⁹ *Sathanae et omnibus pompis eius* – Сатаны и всяческой его помпы (роскошества, тщеты, тщеславия).

⁹⁸⁰ *onesto* – умеренный, честный.

⁹⁸¹ *Predica IX // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ...* P. 152–153.

чтобы не разорялись многие семьи и дома, как это ты не раз наблюдал, когда приданное было чрезмерным; к примеру, наибольшая сумма приданного горожан не должна превышать 500 дукатов, а для ремесленников 300, что представляется наилучшим, чтобы стабилизировать это положение⁹⁸²; и никому нельзя касаться приданного в Monte, которое является общим благом»⁹⁸³.

Упомянутый Савонаролой Monte delle doti – «Банк приданных» был создан в 1425 г. также с целью облегчить решение проблем, связанных с приданым. Вклады, внесенные в этот банк из расчета 5 – 7 % годовых на срок 6 – 15 лет, при взносе 800 флоринов через 10 – 12 лет давали 1200 флоринов, что не только являлось существенной помощью семье, но и позитивно решало вопрос замужества молодых девушек, которые, в противном случае, могли очутиться в монастыре. А поскольку многие из них не чувствовали никакого призвания к сестринскому служению, неизбежно происходило обмирщение жизни в конвентах, которые, согласно замечанию одного из монахов, проповедующего в 1497 г., представляли собой дома терпимости и бордели⁹⁸⁴. И в этом случае проблема из экономической превращалась духовную и нравственную, особенно в перспективе реформ, предпринимаемых Савонаролой в монастырях Тосканской конгрегации, которые, благодаря стараниям брата и его последователей, стали отличаться более строгим уставом, соблюдать который были в силах только истинно верующие приверженцы фра Джироламо⁹⁸⁵.

Принцип простоты и умеренности, согласно доминиканскому монаху, должен был соблюдаться и при организации свадебных торжеств. Их чрез-

⁹⁸² Судить о том, насколько рекомендации доминиканского брата совпадали с мнением флорентийцев, позволяет сочинение «плаксы» Доменико Чекки (1447 – 1531/1534?). Этот торговец шелком в своем проекте реформ, опубликованном в феврале 1497 г., выразил стремления и идеи, широко распространенные в городе во время Савонаролы. Для обеспечения нормального функционирования городской экономики Доменико призывал ограничить суммы приданого следующим образом: для членов старших цехов – не более 500 флоринов, для членов средних – не более 300 флоринов, для всех прочих – не более 100 флоринов, а для жителей контадо – 50 флоринов. См.: *Cecchi D.* Op. cit. P. 190. О Чекки см.: *Ristori R. Cecchi, Domenico // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1979. Vol. 23: Cavallucci-Cerretesi. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/domenico-cecchi_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/domenico-cecchi_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 5.04.2017).*

⁹⁸³ Predica XIII // *Savonarola G.* Prediche sopra Aggeo ... P. 224.

⁹⁸⁴ *Mazzone U.* Op. cit. P. 93–94.

⁹⁸⁵ О вступлении флорентийцев в монастыри Тосканской конгрегации см. параграф 5.2.

мерная пышность вредит душе, и, – как советует проповедник, – будет намного лучше, если лишние средства направляются не на помпу и удовлетворение тщеславия, а на помощь нуждающимся. «Я обращаюсь к вашим процессиям, – говорит Савонарола, – когда вы устраиваете свадьбы: оставьте многочисленные corteji, ибо я говорю вам, что они являются ножами в душе молодых людей и женщин. ... Если ты должен израсходовать 50 или 100 дукатов в шествиях, отдай их из любви к Богу. Ну же, я обращаюсь к вам, дети мои: стремитесь жить хорошо»⁹⁸⁶.

Соответственно, заключение брака, по мысли фра Джироламо, должно превратиться в некое «духовное празднество», к которому необходимо отнестись со всей серьезностью. Чистота и целомудрие супругов является залогом божественной благодати, которая снизойдет на семью. В одной из проповедей на пророка Иезекииля Савонарола в качестве примера приводит уже упоминавшуюся выше Св. Цецилию, которая отличилась тем, что сумела сохранить целомудрие в браке и обратить в веру собственного мужа. «Брак, – обращается к прихожанам монах, – является таинством, вы все свели к вещам дьявольским. Три ночи супруг и супруга имели обыкновение пребывать в молении и блюсти целомудрие; после Бог наделял их великой благодатью, как было со Св. Цецилией»⁹⁸⁷. При этом проповедник полагал, что для новой семьи было бы полезно, если бы две – три пожилые женщины осуществляли надзор за молодыми и своими советами помогали им соблюдать нравственную чистоту в доме⁹⁸⁸. Монах, разумеется, не требовал от своей паствы невозможного, и не отождествлял целомудрие в браке с девственностью. Он признавал естественность плотских отношений между мужчинами и женщинами, однако, при этом, призывал к духовной чистоте, которая не дает супругам забывать о служении Богу. «Похоть, – обращался Савонарола к своим слушателям, – является очень сильной вещью, которая дарована живым существам для сохранения их рода, и, поскольку она действует в вещах плот-

⁹⁸⁶ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 52–53.

⁹⁸⁷ Predica V // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 67.

⁹⁸⁸ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 52–53.

ских, то притягивает все чувства к вещам телесным, и по этой причине ты не удивляйся, если похотливые не верят и если они утрачивают естественный разум целиком и загрязняют⁹⁸⁹ все действия разума»⁹⁹⁰.

Духовная чистота несовместима с крайними проявлениями похоти, блуд отвращает человека от его высшего предназначения – единения с Богом. Здесь монаха, как представляется из его проповедей, вопрос страстей отдельного индивидуума интересует в более широком контексте: избранный город – совокупность верующих, единое мистическое тело, нуждающееся очищении от загрязняющих его пороков, препятствующих единению верующих с Телом Христа – Его Церковью. Следует предположить, что в этом вопросе позиция Савонаролы основывается на положениях Нового Завета, прежде всего – Первого послания Коринфянам, в котором апостол Павел называет тело храмом живущего в христианах Святого Духа⁹⁹¹, говорит о том, что тело предназначено «не для блуда, но для Господа, и Господь для тела»⁹⁹², и, предупреждая, наставляет: «Разве не знаете, что тела ваши суть члены Христовы? Итак, отниму ли члены у Христа, чтобы сделать их членами блудницы? Да не будет! Или не знаете, что совокупляющийся с блудницею становится одно тело с нею? ибо сказано: два будут одна плоть. А соединяющийся с Господом есть один дух с Господом»⁹⁹³.

Проповедник определяет блуд как грех по неразумию, указывая прихожанам на то, что всякий грех происходит либо от неведения, либо от неразумия. Вот, что он говорит по этому поводу в проповеди 2 ноября 1496 г., посвященной искусству хорошо умирать: «Но тот, кто совершает блуд, зная, что это грех, грешит не по неведению, а по неразумию, потому что грех услаждения приводит тогда к тому, что он не думает об этом, потому что, если ты твердо отдашь себе отчет о том, что это – нехорошо, то ты не согре-

⁹⁸⁹ Возможно, переносное значение: позорят, бесчестят.

⁹⁹⁰ Predica XII // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 1. P.321.

⁹⁹¹ 1 Кор.6:19: Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои?

⁹⁹² 1 Кор.6:13.

⁹⁹³ 1 Кор.6:15–17.

шишь»⁹⁹⁴. Таким образом, добрые горожанки, осознавая всю греховность блуда, должны беречься от встреч с публичными женщинами, подающими скверный пример. Савонарола указывает на необходимость изгнать куртизанок из Флоренции, во всяком случае – запретить им свободно передвигаться по городу и не допускать их появления в церкви. При этом всем жителям города на Арно следует объединить свои усилия в борьбе с этим пороком: женщины, если сами не могут управиться с ними, должны послать приватное сообщение в Совет Восьми, которому следует принять соответствующие меры, «мальчикам» брата надлежит устыдить их и обратить к доброй жизни своими назиданиями, в противном случае – изгнать, священники должны также нетерпимо относиться к пребыванию в храмах публичных женщин. Вот, что говорит сам проповедник о подобных мерах против «телиц», как он называет куртизанок, при толковании первого стиха четвертой главы книги пророка Амоса: «Ну же, не робей, я хочу обратиться к этой праведной женщине; когда вы видите, о, женщины, что эти телицы на вашем пути, соберитесь и пошлите сообщение в Совет Восьми, который устранит ее от вас, и вы, мальчики, исправляйте их по-братски, и ничего иного. И, если вы их не подымите и не возвратите в хлева,⁹⁹⁵ мы пошлем к вам солдат христовых. И, если Совет Восьми не услышит вас, женщины, предоставьте вашим мальчикам изгнать их. Священники должны изгонять их из церкви»⁹⁹⁶. Таким образом, борьба за чистоту нравов была весьма жесткой: проститутки предавались физическим наказаниям, их изгоняли, публичные дома закрывались.

⁹⁹⁴ Савонарола, Иероним. Проповедь об искусстве хорошо умирать / перевод, вступление и комментарий архимандрита Амвросия (Погодина) // Вестник РХД. Париж-Нью-Йорк-Москва, 1981. III–IV (№ 135). С. 107.

⁹⁹⁵ Бордели.

⁹⁹⁶ Predica XII // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 326. Аналогичное высказывание можно встретить и в другой проповеди этого же цикла, см.: Predica XX // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 2. P. 71.

4.3. Полностью предавшие себя служению Богу. Модель поведения «истинной вдовы» и монахини в представлении фра Джироламо

Флорентийский реформатор также проявлял живой интерес к устройству благочестивой жизни женщин, пребывающих во вдовствующем положении. Результаты исследований демографической ситуации, проведенных Д. Херлихи и К. Клапиш-Зубер, сформировали среди ученых общее мнение о том, что во Флоренции XV–XVI вв. вдовы составляли существенную долю женского населения: значительный возрастной разрыв между супругами, – поздний возраст вступления в брак для мужчин, в среднем около 35 лет, и очень ранний, от 13 (15) до 18 лет, для женщин, – предопределял более ранний уход из жизни мужей, и, соответственно, порождал проблему дальнейшего устройства овдовевших в сравнительно молодом возрасте женщин. Поскольку шансы повторно выйти замуж были невелики, «большинство, в конечном счете, предпочитало положение вдовы после смерти первого мужа»⁹⁹⁷.

В итоге, в сочинениях светских и религиозных авторов XV в. формируется отвечающий насущным потребностям городской среды образ «истинной вдовы» – женщины, отказавшейся от перспективы нового замужества и оставшейся с детьми от первого брака. Как отметила в одной из своих работ И.А. Краснова, анализ городской литературы свидетельствует о том, что «таких женщин возлагалась новая функция, несвойственная супругам, – ответственность за воспитание детей», и действующие во Флоренции кон. XIV – первой половины XV вв. собраты по ордену и предшественники Савонаро-

⁹⁹⁷ Согласно Д. Херлихи, в 73 брачных союзах, заключенных во Флоренции в 1427–1428, средний возраст девушек, вступивших в первый брак, был равен 17,6 годам, а средний возраст женихов приближался к 34 годам; средняя разница в возрасте супругов составляла 13 лет. К. Клапиш-Зубер отметила, что в XV в. повторно вступала в брак одна из трех двадцатилетних вдов и одна из десяти тридцатилетних. См.: *Herlihy D. Vieillir à Florence au Quattrocento // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 24e année. 1969. №. 6. P. 1346, 1341–1342; Herlihy D., Klapisch-Zuber Ch. I toscani e le loro famiglie. Uno studio sul catasto fiorentino del 1427 / trad. it. di Mario Bensi. Bologna: Il Mulino, 1988. P. 548–549; Klapisch-Zuber C. La famiglia e le donne nel Rinascimento a Firenze / trad. it. di Ezio Pellizer. Roma-Bari: Laterza, 1988. P. 288–289.*

лы, такие как Джованни Доминичи и Антонин Флорентийский, в ответ на потребности этой категории женщин в моральной поддержке и наставлении, посвящали им специальные трактаты и вели переписку, где в образе «истинной вдовы» «апробировалась не родительница..., но мать, воспитывающая своих детей»⁹⁹⁸. Наиболее известным, и ставшим уже хрестоматийным, примером приближения к реальному воплощению этой идеальной модели «истинной вдовы» стала Алессандра Мачинги Строцци⁹⁹⁹.

О том, что проблема вдов и, соответственно, интерес к наставлениям в их адрес, сохранялись как во второй половине XV в., так и в начале XVI в., свидетельствует судьба составленного Савонаролой трактата «Книга жизни вдов» (*Libro della vita viduale*): после его первой публикации в 1491 г., в течение трех лет вышли, одно за другим, еще три издания, а за полвека после смерти брата его труд еще восемь раз печатался во Флоренции, Венеции и Милане¹⁰⁰⁰.

В своем сочинении фра Джироламо также оперирует понятием «истинная вдова» и в качестве образца для подражания указывает на вдову Анну, о которой говорится в Евангелии от Луки¹⁰⁰¹¹⁰⁰². Соответственно, – по мысли проповедника, – «истинная вдова – это та, которая не только хранит целомудрие и имеет намерение беречь его, но также полностью предает себя служению Богу, как делала Анна»¹⁰⁰³. Таким образом, интерпретация домини-

⁹⁹⁸Краснова. И.А. Горожанки Флоренции между семьей и монастырем ... С. 132–133. См. также переводы сочинений Джованни Доминичи и Антонина Флорентийского: Доминичи, Джованни. Наставления в семейных делах / пер. И.А. Краснова // Антология педагогической мысли христианского средневековья: Пособие для учащихся пед. колледжей и студентов вузов В 2 т. Т. 2: Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. Москва: АО «Аспект Пресс», 1994. С. 261–286; Краснова И. А., Пастельняк О. Г. Проповедник и его духовные дочери. Антонин Флорентийский. Письма // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. Вып. 23. С. 331–389.

⁹⁹⁹Eisenbichler K. Savonarola e il problema delle vedove nel suo contesto sociale // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 2001. P.263–264, 271.

¹⁰⁰⁰Ibid. P. 264.

¹⁰⁰¹Лук. 2:36–37: Тут была также Анна пророчица, дочь Фануилова, от колена Асирова, достигшая глубокой старости, проживши с мужем от девства своего семь лет. Вдова лет восьмидесяти четырех, которая не отходила от храма, постом и молитвою служа Богу день и ночь.

¹⁰⁰²См. также: Тельменко Е.П. Образ «истинной вдовы» в трактате Джироламо Савонаролы «Книга жизни вдов» // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2016. № 1. С. 121–125; Она же. Пророк и город «праведных» ... С. 104–111.

¹⁰⁰³Savonarola G. La vera vedova ... P. 48.

канского брата отличалась от описанной выше: если у его предшественников этот тип вдовы подразумевал женщину, не утратившую в своем вдовстве социальной активности и не оставившую заботы о семье и детях, то идеал Савонаролы заключался в отдалении «от всяческого мирского беспокойства и волнения», оставлении мира ради молитвенного созерцания и служения Господу¹⁰⁰⁴.

Однако монах не требовал от всех вдовствующих женщин чрезмерной сублимации и пытался дифференцированно подойти к представительницам означенной социальной группы. Так Савонарола принимал во внимание тот факт, что не все женщины могут жить в положении вдовы и многие из них стремятся выйти замуж. Данное желание проповедник встречал с пониманием и утверждал, – с опорой на авторитет апостола Павла¹⁰⁰⁵, – что повторный брак является лучшим выходом в следующих ситуациях: трудные семейные и жизненные обстоятельства, например – материальная нужда или отсутствие пристанища; молодость вдовы и ее нежелание посвящать себя монашеской жизни; тот случай, когда женщина «понимает, что не может жить в чистоте, ибо целомудрие есть особый дар божий и не дается всем»¹⁰⁰⁶. Как видим, позиция фра Джироламо не только не противоречит Писанию, но и очевидно, воспроизводит распространенное среди итальянских проповедников XV в. мнение¹⁰⁰⁷, в основе своей довольно прагматичное, поскольку проблемы этой

¹⁰⁰⁴ Савонарола ссылается на Первое послание Павла к Тимофею (1 Тим. 5:5): Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь. См.: *Savonarola G. La vera vedova ...* P. 46.

¹⁰⁰⁵ 1 Тим. 5:14: Итак, я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию; 1 Кор. 7:9: Но если не могут воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться.

¹⁰⁰⁶ *Savonarola G. La vera vedova ...* P. 43–44.

¹⁰⁰⁷ Итальянский исследователь М. Феррара в своих комментариях к тексту трактата указал, что сходное утверждение о допустимости повторного брака для вдов можно встретить у Св. Августина в сочинении «De bono viduitatis» (cap. VIII), где автор комментировал послание ап. Павла (1 Кор. 7: 9), а также обнаружить в проповедях францисканца Бернардино Сиенского. См.: *Savonarola G. La vera vedova ...* P. 43. Примеч. 2. Выше уже упоминалось о наличии сходства высказываний Св. Бернардино и Савонаролы в адрес женщин, однако необходимо также отметить, что тексты первого отличаются присутствием более пространных рассуждений и большим количеством примеров. Так в одной из них Бернардино приводит пример «мудрой и доброй» римлянки, которая, осталась «молодой и богатой» вдовой. Она, будучи «молодой и прекрасной», «опасалась, говоря сама с собой: я не знаю, могу ли я пребывать во вдовстве. ... если я возьму мужа, что скажут обо мне?». Как поведет себя общественное мнение эта женщина решила выяснить следующим образом: на протяжении трех дней она поручила слуге выезжать в город на ободранных (ella fece scorticare un cavallo) лошадях и рассказывать о действиях окружающих. Если в первый день собралась большая толпа, все изумлялись и обсуждали увиденное, то во второй день количество любопытных уменьшилось, а на третий никто не проявил интереса. На основании чего матрона сделала вывод: «О, я могу взять мужа, ибо, если

категории женщин имели как нравственный, так и социально-экономический характер, и отражались на состоянии социума в целом.

Отчасти отказываясь в этом случае от идеала Савонарола, тем не менее, не допускал повторный брак по причинам, граничащим со смертными грехами, такими как похоть, алчность и гордыня. «Но, — заявлял монах, — когда некая вдова выходит замуж или желает вступить в брак из-за похоти или скарденности, или чтобы попасть туда, где она знает, что имеется имущество (наследство), или из-за спеси, когда она ищет человека высокого положения, или из-за влюбленности, или по другой порочной причине и развратной цели, несомненно, это ее желание будет греховным»¹⁰⁰⁸. Необходимо обратить внимание, что в этом ряду недопустимых «развратных и порочных» оснований для брака присутствует мотив — «из-за влюбленности». Конрад Айзенбихлер (Eisenbichler) предположил, что «поступая таким образом, Савонарола примыкает к современной ему купеческой и аристократической концепции брака как социального контракта, который связывает семьи и политические группы, и который должен быть предпринят разумно и рационально в целях исключительно экономических или политических, а не из-за страсти или личной чувственности». И если с этим положением исследователя можно согласиться, то сделанный в продолжение его мысли вывод о том, что «очевидно, Савонарола не предлагает и не поддерживает современную концепцию брака как союза между двумя людьми, которые уже близки друг к другу на основе эмоциональных связей и взаимной сексуальной привлекательно-

все же они захотят судачить обо мне, некоторое время поговорят и устанут». Так и случилось. В итоге, проповедник заключает: «И я говорю, то она поступила очень хорошо. Но я не говорю, однако, чтобы ты взяла мужа, если ты, вдова, можешь обходиться без него, я говорю тебе, чтобы ты не брала его. Я сказал о ней, что она поступила хорошо, поскольку она была молода и не мыслила обходиться без (мужа). Также говорю тебе, что, если ты чувствуешь, что не можешь обходиться без него, возьми его; но если ты в силах, не бери более мужа, и предоставь болтать кому и что угодно, и ты поступишь в любом случае хорошо». См.: Predicha VII // *Le prediche volgari di San Bernardino da Siena dette nella Piazza del campo l'anno MCCCCXXVII, ora primamente edite da Luciano Banchi*. Siena: Tip. Arciv. S. Bernardino Edit., 1880. Vol. 1. P. 174–175. В другой проповеди францисканец, прежде чем прийти к сходному заключению, с пылом критикует вызывающе неприличное поведение вдов: «Я вижу, как эти вдовы шествуют таким образом, что все они, мне кажется, вызывают похоть своим поведением. Вы не кажетесь мне чистыми: вот я вижу, идет вдова в длинной накидке, собранной в складки, с чистым лицом, и накидка оставляет лицо открытым, знай, что она демонстрирует щеку. И как будто прикрыла накидкой лицо! Действие проститутки. Хочешь замуж? Иди и возьми его, во имя Господа, и сочетайтесь браком». См.: Predicha XXII // *Le prediche volgari di San Bernardino da Siena ...* Vol. 2. P. 197.

¹⁰⁰⁸ *Savonarola G. La vera vedova ...* P. 44.

сти»¹⁰⁰⁹, кажется недостаточно обоснованным. Одна фраза из текста не может служить доказательством, как позиции монаха, так в целом того, что эта тема занимала флорентийского реформатора. Скорее можно предположить, что если этот вопрос и возникал у брата, то исключительно в контексте его рассуждений о том, что любовь к творению не должна отвлекать человека от главной цели – Господа.

Среди вдов автор трактата выделял и тех, которые по различным причинам не проявляют охоты вновь связывать себя брачными узами. Одни из них ведут развратный образ жизни – «не служат целомудрию и открыто демонстрируют подобным образом, что предоставят распутным молодым людям то, чего они пожелают»¹⁰¹⁰. Другие – «решают не выходить замуж, живя в целомудрии, как душой, так и телом, но делают это не из любви к Богу, а скорее из-за определенного людского уважения ...»¹⁰¹¹.

Еще одна, наиболее близкая к означенному выше идеалу, группа вдов: они «обладают твердым намерением хранить чистоту и служить всем своим сердцем Богу»¹⁰¹², однако «не являются в служении Господу во всем свободными», поскольку связаны необходимостью опекать своих близких и «не могут отдалиться или от сыновей, или от дочерей, или от родственников, по причине их юного возраста, поскольку им не будет хорошо одним». Здесь Савонарола пытается соотнести желание женщины и конкретные жизненные обстоятельства, в которых она пребывает, наделить этих вдов решимостью в исполнении их долга и предоставить им утешение. «Всякий тяжелый труд, который они исполняют в семье, – заявляет монах, – когда они совершают его из любви к Богу, зная, что к нему они понуждаемы им (Богом), будет вознагражден в жизни вечной»; те же, кто оставит своих домашних, тот «отрекся от веры и хуже неверного»¹⁰¹³ – вторит он апостолу Павлу¹⁰¹⁴.

¹⁰⁰⁹ Eisenbichler K. Op. cit. P. 266.

¹⁰¹⁰ Savonarola G. La vera vedova ... P. 44–45.

¹⁰¹¹ Ibid. P. 45–46.

¹⁰¹² Ibid. P. 46.

¹⁰¹³ Ibid. P. 46–47.

¹⁰¹⁴ 1 Тим. 5: 8:

И, наконец, те вдовы, кому уже не нужно заботиться о семье, «пребывают в более спокойном состоянии и скорее способны снискать большее совершенство» и уподобиться Св. Анне, которая «служила Богу в постах и молитвах независимо от дня и ночи»¹⁰¹⁵. Среди этих женщин, уже преклонного возраста, как указывает доминиканец, имеются те, кто проявляет нерешительность: «или из-за робости, или из сострадания» не могут покинуть семью. Савонарола не осуждает их, но мягко увещевает: «если они могут отдалиться, не нанеся какой-либо вред в проявлении милосердия к ближнему и (не вызвав) скандала¹⁰¹⁶, для большего их душевного спокойствия и большего совершенства» они «могли бы с какой-нибудь благочестивой компанией отправиться в безопасное и удаленное место и предаться молитвенному созерцанию»¹⁰¹⁷. Те же из них, кто нашел в себе силы оставить мир и целиком посвятить себя Господу, и есть «истинные вдовы»¹⁰¹⁸.

Как видим, фра Джироламо хорошо осознавал, что не всякая женщина имеет возможность стать «истинной вдовой». Однако, главное здесь – желание следовать добродетельной жизни, считает проповедник, заявляя: «И если все те вдовы, которые стремятся служить Богу, не могут обладать этим качеством Анны, им все же необходимо стараться следовать ее примеру, насколько это возможно»¹⁰¹⁹. Именно к таким женщинам Савонарола обращает свои наставления: в чем состоят намерения и желания «истинной вдовы»; какими должны быть их слова и поведение; как им следует вести себя в контактах с обществом и отдельными людьми так, чтобы при всем том сохранять свои помыслы о Боге.

Так вдове надлежит всячески избегать возможности впадения в грех сладострастия, по этой причине она должна: отстраняться от общения с представителями мужского пола, как посторонними, так и родственниками (особенно молодыми), а также с предрасположенными к чрезмерным формам

¹⁰¹⁵ *Savonarola G. La vera vedova ...* P. 48.

¹⁰¹⁶ *senza scandalo* – не посеяв раздора; не вызвав скандала.

¹⁰¹⁷ *Ibid.* P. 47–48.

¹⁰¹⁸ *Ibid.* P. 48.

¹⁰¹⁹ *Ibid.*

общения клириками; всем своим внешним видом и речью проявлять отсутствие склонности к разврату и особенно «беречься желания прикосновения», ибо «многие женщины и многие мужчины впали (в грех – Е.Т.) только через прикосновение рукой»; избегать применения чувственных ароматов, «поскольку эти вещи испускают запах дурного знакомства и недостаточной стыдливости от тех, которые их используют». Кроме того, «истинная вдова» воздерживается от характерного для женщин многословия; она избегает различного рода наслаждений, связанных с телесными чувствами; ведет умеренную жизнь и соблюдает положенные Церковью посты¹⁰²⁰. Здесь мы видим проповедь умеренной жизни и воздержания, которые в целом соответствуют статусу благочестивой женщины.

Необходимо обратить внимание на то, что в своих наставлениях вдовам Савонарола, говоря о необходимости обуздать свою чувственность ради избавления от отдаляющей человека от Бога излишней привязанности к миру, особое внимание уделяет проблеме сексуальных отношений, призывая женщин к непрестанному стремлению оградить себя от соблазна, связанного с ними. С одной стороны, такая позиция брата может пониматься как топос, связанный с длительной христианской традицией, предписывающей женщинам подавлять свою сексуальность и практиковать воздержание; с другой – восприниматься как ответ на актуальные, социальные и моральные, проблемы современного общества, проистекающие из распространенной среди зажиточных слоев особенностей матримониальной практики, когда существенная разница между супругами приводила к появлению молодых вдов. Поэтому совет фра Джироламо отстраниться от общения с молодыми мужчинами был обращен, прежде всего к тем женщинам, которые, как заметил К. Айзенбихлер, «преодолели идеальный возраст для брака (15 – 18 лет), но которые еще обладают возрастом, способным к полноценной сексуальной жизни». Таким образом речь шла о контактах ровесников, вполне способных ощущать друг к другу влечение и сексуальное желание, один из которых в два-

¹⁰²⁰ Ibid. P. 52–53.

дцать – тридцать лет мог быть еще холостяком и только пытался завести семью, а другая «уже закончила ее строить», что, в итоге создавало потенциальную угрозу для социального мира внутри городского сообщества¹⁰²¹.

Еще один пассаж трактата нуждается в разъяснении. «Истинная вдова», в интерпретации Савонаролы, уже будучи не отягощена заботами о родных, преисполнена решимости отдалиться от мира в служении Господу. Это определение, а также рекомендация «робким» вдовам «благочестивой компанией отправиться в защищенное и удаленное место и предаться молитвенному созерцанию» дает основание предположить, что из всего многообразия существующих в то время форм женского благочестия, в различных пропорциях сочетавших в себе светский и монашеский образ жизни, монах имел в виду, если не исключительно, то преимущественно, вступление в монастырь. Своего рода подтверждением может служить тот общеизвестный факт, что деятельность этого доминиканского проповедника привела к резкому увеличению числа монашествующих в городе на Арно.

В этом отношении фра Джироламо не выступал в качестве новатора. Как отметила Анна Бенвенути, «эпоха Савонаролы пожинала созревшие плоды установившейся уже в начале XV в. тенденции к упорядочиванию ... женского религиозного движения», его унификации «внутри монастырских стен». Стремление Церкви взять под контроль различные проявления женского благочестия влекло за собой усиление практики «резкого разграничения между состоянием светским и монашеским, с целью разрешить целый ряд ситуаций, “промежуточных” с точки зрения институциональной», что проявилось в поощрении терциариев (членов третьих орденов) и обительниц «рассеянных поселений кающихся» к принятию обетов и облачения второго ордена. Одним из флорентийских монастырей, связанных с этим процессом унификации стала обитель Св. Люции¹⁰²². Во время Савонаролы этот монастырь вошел в состав созданной им Тосканской конгрегации, приняв

¹⁰²¹ См.: Eisenbichler K. Op. cit. P. 269–270.

¹⁰²² Benvenuti A. Op. cit. P. 178–179. См. также: Herzig T. Op. cit. P. 33.

строгий устав и объединив внутри своих стен последовательниц флорентийского реформатора¹⁰²³.

Другим направлением деятельности монаха-реформатора было преобразование доминиканских общин, в том числе женских, в духе раннехристианского благочестия. Т.С. Ченти, говоря о находящихся под влиянием фра Джироламо женских обителях Св. Люции и Св. Екатерины Сьенской, отметил: «эти две общины решали по сути дела ту же задачу, какую в сфере нравственного воспитания мужчин и подростков Савонарола отводил монастырю Св. Марка» и, что «под влиянием этих общин многие десятки юношей и девушек посвятили себя служению Богу»¹⁰²⁴.

Соответственно, будучи приором Сан Марко и реорганизатором монашеской жизни, фра Джироламо знал, насколько большая степень сублимации требуется от тех, кто выбрал этот путь служения Богу. В одном из писем, написанном вероятно в 1495 г. и адресованном избравшей монашескую стезю Маддалене Пико дела Мирандола, доминиканец настойчиво повторял мысль о том, что она должна хорошо осознавать – вступление в монастырь означает полный отказ от мирских страстей и привязанностей. «Вы, – писал Савонарола, обращаясь к своей духовной дочери, – должны покинуть этот мир, как вы намеревались, но оставить его не частично, а целиком, и предать себя полностью Богу, только в любви к которому обретаются мир и покой»¹⁰²⁵. Соответственно Маддалена должна избежать ошибок, свойственных многим ее современникам, которые «намереваются оставить мир, но скорее меняют его и идут от одной мирской вещи к другой ... и утрачивают и этот мир, и иной»¹⁰²⁶.

Чтобы монашеская жизнь этой женщины не стала аналогом мирской, приор Сан Марко останавливается на подробном разъяснении того, как необходимо соблюдать три монашеских обета – бедности, целомудрия и послу-

¹⁰²³ Об увеличении количества желающих вступить в монастыри Тосканской конгрегации см. параграф 5.2.

¹⁰²⁴ Ченти Т.С. Указ. соч. С. 108.

¹⁰²⁵ A Maddalena Pico della Mirandola [Firenze, 1495?] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 89.

¹⁰²⁶ Ibid. P. 81.

шания. В настоящее время, – отмечал фра Джироламо, – монахиням с большим трудом удастся следовать обету бедности: они «оставляют в миру большие вещи, а в монастыре запутывают сердце в малых», то есть трепетно относятся к обладанию новой и изысканной одеждой, дорогими требниками, обустроенной с комфортом и наполненной всяческими ненужными мелочами келье¹⁰²⁷. Все это – знак того, что монахиня не отрешилась полностью мирских искушений. Оправдания тех, «которые утверждают, что бедность состоит не в отказе от обладания внешними вещами, а во внутреннем чувстве» монах не приемлет полностью, утверждая, что, «хотя это верно, тем не менее очень тяжело, и даже практически невозможно обладать внешними вещами и не любить их», поэтому «тот, кто служит Господу в монастыре, должен быть бедным не только внутри, но и снаружи¹⁰²⁸»¹⁰²⁹.

Соблюдению сестрами обета целомудрия, – по мысли Савонаролы, – мешают общение со светскими людьми, телесные желания и отсутствие соответствующего внутреннего настроя. Бороться с этими искушениями можно, противопоставив им в качестве оружия три вещи: затворничество, то есть отказ от общения с родственниками и другими визитерами; покаяние, то есть умеренность в телесных потребностях, удовлетворение которых должно уподобиться приему лекарства; постоянное очищение, духовное и телесное, посредством молитв, пения псалмов и чтения духовных книг и «ручного труда¹⁰³⁰»¹⁰³¹.

Препятствием к исполнению обета послушания для некоторых сестер является неспособность забыть о своем привилегированном положении в миру. Таким затворницам следует «пренебречь мирской славой и преходящим статусом, и помнить, что все – дети Адама, все смертны и все одинаковы по

¹⁰²⁷ Ibid. P. 83–85.

¹⁰²⁸ et con lo affetto et con lo effetto – и в чувстве и в действии.

¹⁰²⁹ Ibid. P. 85–86.

¹⁰³⁰ В конце письма Савонарола повторяет эту мысль: «занимаясь ручным трудом будете сосредоточены на духовных вещах». См.: Ibid. P. 91. Здесь труд понимается как способ отвлечения от ненадлежащих, суетных желаний и мыслей, как средство религиозной дисциплины и духовного совершенствования.

¹⁰³¹ Ibid. P. 86–87.

природе»¹⁰³². При соблюдении этого обета следует взять за образец кротость Спасителя, а не гордыню Люцифера.

Таким образом, рассуждения Савонаролы, касающиеся как жизни в миру, так и существования в монастыре, основывались на том, что конечной целью истинного христианина является обретение Царствия Небесного, а целью «более близкой» – «любовь к Богу и ближнему»; совершенства же в этой любви «невозможно снискать без чистоты сердца», которая обретается через отказ от чрезмерной привязанности к мирской тщете и культивирование внешней и внутренней «простоты»¹⁰³³. «Следует ясно понимать, постоянно принимать во внимание, горячо любить и ревностно делать то, что является целью верующих христиан, и особенно тех, кто призван для высшей степени совершенства жизни, соответственно, монашествующим»¹⁰³⁴, – указывал в своем письме Маддалене доминиканский проповедник, на собственном примере хорошо представлявший насколько несоизмеримо больших духовных усилий по преодолению земных соблазнов на пути внутреннего очищения требуется от вступивших в обитель.

Итак, жители избранного Богом города должны превратиться в истинных христиан, основа существования которых заключается в любви к Богу и ближнему; достижение этого идеального состояния невозможно без культивирования добродетельной жизни; главным же принципом «ben vivere» является внутренняя и внешняя «простота» – свойство, присущее в значительной степени женщинам и детям, которые могут и должны стать, по мысли монаха-реформатора, образцом для подражания.

Действия Савонаролы по реформированию женщин во Флоренции различным образом оцениваются в трудах современных историков. Так, Анна Бенвенути усмотрела в деятельности монаха исключительно повторение культурных стереотипов, продолжение и совершенствование ранее обозначившихся традиций пастырских наставлений женщинам и действий по упо-

¹⁰³² Ibid. P. 88.

¹⁰³³ Ibid. P. 81–82.

¹⁰³⁴ Ibid. P. 81.

рядочиванию их духовной жизни и поведения, контроля над ними. Лоренцо Полидзотто отметил определенный отход монаха от традиционных установок в отношении женщин: автор полагал, что «нет никаких сомнений в том, что Савонарола разделял мизогинию его современников», но при этом оценил «духовный потенциал» женщин, что привело монаха в начале нравственных преобразований к попытке привлечь их в качестве активных участников самостоятельно осуществляемой собственной реформы. Согласно Адриане Валерио доминиканец в целом принимал и разделял «традиционный взгляд на женщин, как хрупких и неустойчивых» созданий, но при этом в высказываниях и действиях фра Джироламо можно обнаружить «в немалом количестве элементы новаторства», важнейшим среди которых является то обстоятельство, что нравственная реформа шла «по пути протAGONизма простых и женщин»¹⁰³⁵

Рассуждения означенных исследователей, как представляется, так или иначе связаны с вопросом о степени допускаемой монахом (и социумом, в котором он действовал) свободы и самостоятельности женщин при реализации нравственной реформы. Имеющиеся в проповедях Савонаролы упоминания о свойственных женщинам слабостях и недостатках типичны для представителя патриархального, маскулинно-ориентированного общества, каковым он, по сути, и являлся. Соответственно то, что в итоге фра Джироламо заявил о необходимости передать женскую реформу «в руки некоторых добрых мужей» может быть истолковано как стремление сохранить контроль над любыми формами женского благочестия и избежать крайностей в его проявлениях.

При этом анализ обращенных к женщинам текстов проповедей и посланий доминиканца, свидетельствует о том, что он не стремился к пространным рассуждениям и подробным наставлениям, касающимся повседневного, обыденного существования этой части паствы. Назидания Савона-

¹⁰³⁵ Polizzotto L. Savonarola, savonaroliani ... P. 232; Benvenuti A. Op. cit. P. 177–178; Valerio A. La predica sopra Ruth ... P. 258–259.

ролы имеют скорее универсальный характер и затрагивают основные аспекты надлежащего каждому истинному христианину образа «доброй жизни», построенной на основе, пользуясь выражением А. Валерио, «теологии простоты». И поскольку именно «простота» является основой реформы Церкви как сообщества верующих, назначение ее носителей, в том числе женщин, заключалось в том, чтобы, утвердившись в ней, стать примером нравственного поведения для других, и тем самым преобразовать все общество.

5.1. Иерусалим воплощенный: трансформация праздничной культуры Флоренции при Джироламо Савонароле

Положение Савонаролы о том, что Флоренция – избранный Богом город, жители которого должны преобразоваться внутренне и снаружи – в своих делах и поступках, неизбежно влекло за собой изменение праздничной культуры сообщества, в котором он проповедовал. Флорентийский пророк-реформатор сосредоточился, с одной стороны, на очищении городских праздников от их «суетности», связанной, прежде всего, с устройством конных кортежей, аллегорических повозок, фейерверков (жирандолей), скачек (palio). С другой стороны, действия доминиканца, направленные на усиление религиозного рвения своих прихожан, приводили к сознательному поощрению устройства празднеств, связанных с литургическим годом, как более важных, и организации соответствующих процессий. Благодаря усилиям брата, – пишет в своей «Истории Флоренции» Пьеро ди Марко Паренти, – «были оставлены две древние традиции: первая – проведение Палио, вторая – празднование Карнавала, и занялись мессами и процессиями»¹⁰³⁶.

Преобразование карнавалов в городе, которым стал управлять Христос, как указывает Джованни Чаппелли, совершалось непрямо, почти незаметно. По мнению этого итальянского исследователя изменения уже начали, хотя и неявно, происходить во время карнавала 1495 г., когда на протяжении трех дней, с четверга по субботу, организовывались процессии, возносящие благодарение Богу за взятие Неаполя королем Франции, союзницей которого

¹⁰³⁶ Parenti P. Op. cit. P. 312.

была Флоренция¹⁰³⁷. Лука Ландуччи в своем «Дневнике» по этому поводу оставил следующую запись: «25 февраля 1494 (1495) г. узнали, что король Франции взял Неаполь, и что 21 февраля уже вступил туда... Весть эта была принята с большой радостью, с трубами и дудками, и закрылись боттеги, и был фейерверк и большой праздник в честь этого завоевания. И 26 февраля устроили большую процессию ... и так было три дня»¹⁰³⁸. Действительно, здесь трансформация праздничной культуры практически неощутима, что нельзя сказать о следующем карнавале 1496 г. Ему, как было отмечено выше, предшествовало начало детской реформы на рубеже 1495–1496 гг., осуществлявшейся в контексте общей реформы нравов, к которой Савонарола приступил в Великий пост 1495 г. О том, что монахи, и лояльное к нему правительство республики, заранее подготавливали почву для более существенных изменений, свидетельствует заметка в «Дневнике» Ландуччи, относящаяся к началу 1496 г. «9 января, – сообщает этот флорентинец, – был издан указ, чтобы не рассуждали о Государстве, или о Короле, или о Братьях, и не носили маски; под (страхом) наказания 25 флоринов или 10 tratti di fune¹⁰³⁹»¹⁰⁴⁰. В 1496 г. изменения, прежде всего, коснулись поведения детей: они оставили карнавальные развлечения – «камни», «шесты», «капаннуччи», праздничные дни посвятили сбору милостыни, и, в итоге, 16 февраля приняли участие в торжественном шествии, прославляющем Христа. Остальное население при этом выступило в качестве зрителей, и испытало, судя по оставленным свидетельствам современников довольно широкий спектр чувств: удивление и ощущение новизны, восхищение и сокрушение¹⁰⁴¹. А уже в последующих карнавалах 1497 и 1498 гг. взрослые жители города на Арно сами участвуют в шествиях и акциях, связанных с «кострами суеты».

¹⁰³⁷ Ciappelli G. Op. cit. P. 215.

¹⁰³⁸ Landucci L. Op. cit. P. 101. Пьеро Паренти также сообщает о том, что 26 февраля «помимо зажигания огней и праздника, устроенного в честь большого успеха короля Франции, ... 3 дня проводились торжественные процессии». См.: Parenti P. Op. cit. P. 185.

¹⁰³⁹ 10 вздергиваний на дыбе (tratti di corda).

¹⁰⁴⁰ Landucci L. Op. cit. P. 122.

¹⁰⁴¹ См. подробное описание этого праздника в параграфе 3.2.

Изменения происходили не только в системе светских праздников Флоренции. Вероятно, увеличилось число религиозных процессий. 27 марта 1496 г. – в Вербное воскресенье было организовано шествие и детей, и взрослых, посвященное учреждению ломбарда (*Monte di Pietà*). Следует уточнить, что инициатива организации ломбардов, практика процессий с целью сбора пожертвований для этих учреждений, а также привлечение детей – все это изначально связано с инициативой и деятельностью монахов францисканского ордена¹⁰⁴², и Савонарола здесь не был новатором. В контексте сказанного выше вызывает интерес сообщение Пьеро Паренти, который утверждал, что основать ломбард «увещевал проповедник из Санта Кроче (францисканец – Е.Т.), а брат Иероним не противоречил этому»; и, соответственно, «по существующей традиции организовывать процессии и торжества при учреждении и начале подобного дела, были совмещены процессии по поводу Монте делла Пьета и мальчиков, организованных братом Иеронимом ко дню Вербного воскресения, которые по новой привычке (*con abito nuovo*) должны были просить Господа, чтобы он отвратил гнев свой от этой земли, избавил от заразы и от всех прочих грозящих напастей»¹⁰⁴³. Восхищаясь происходящим, Л. Ландуччи отмечал, что «столь большой процессии еще не было», поскольку «не оставалось ни мужчины, ни женщины, которые не пошли бы пожертвовать»¹⁰⁴⁴. Паренти писал о том, что в это время «по улицам проносили корзины и чаши, в которые собиралось все, что подавал народ: деньги, ткани без счета, другие ценные вещи, такие как подушки, кольца, пояса, вилки и ложки из серебра»¹⁰⁴⁵. Кроме того, как указал Псевдо-Бурламакки, «должностные лица организовали мальчиков так, чтобы те взяли в руки серебряные чашечки, которые они наполняли милостыней – деньгами,

¹⁰⁴² *Niccoli O.* Il seme della violenza ... P. 70. Такие процессии, где дети несли в своих руках флажки из бумаги с именем Иисуса и собирали пожертвования, которые должны были составить первоначальный капитал для новых ссудных учреждений, как указывает О. Никколи, были организованы в 1491 г. в Падуе и в 1509 г. в Ферраре.

¹⁰⁴³ *Parenti P.* Op. cit. P. 326–327.

¹⁰⁴⁴ *Landucci L.* Op. cit. P. 128.

¹⁰⁴⁵ *Parenti P.* Op. cit. P. 327.

собираемыми для основания Ломбарда»¹⁰⁴⁶. Процессия¹⁰⁴⁷ «совершив обычный обход», то есть повторив традиционный путь всех подобных городских шествий, в итоге вернулась в Санта Мария дель Фьоре, где все пожертвования, как собранные накануне, так и в день праздника, были принесены четырьмя городскими кварталами на большой алтарь этого храма. Происходящее действо, по мнению анонимного биографа Савонаролы, «напоминало народ Израиля, который охотно жертвовал Моисею и Аарону драгоценные вещи для сооружения скинии Господу»¹⁰⁴⁸.

Значительная доля религиозных процессий в период духовного лидерства приора монастыря Сан Марко (1494 – 1498 гг.), не обходилась без пожертвований в адрес бедных. Описания современников событий рисуют картину всеобщей религиозной экзальтации, сопровождавшейся к тому же умеренной щедростью, изумлявшей самих горожан: не только женщины, но и мужчины – деловые люди Флоренции, трезвомыслящие и расчетливые, прежде склонявшиеся к «упорядоченным и рациональным формам проявления веры»¹⁰⁴⁹, в порыве набожности жертвовали значительные суммы на благотворительность, как образно выразилась итальянская исследовательница А. Бенвенути, – «ослабили завязки кошелька и души»¹⁰⁵⁰. К примеру, Лука Ландуччи сообщает о том, что 5 июня 1495 г., когда в город прибыл образ Мадонны Импруненты¹⁰⁵¹, брат Джироламо установил «два стола в Сан Феличе

¹⁰⁴⁶ La Vita ... P. 128.

¹⁰⁴⁷ См. подробное описание процессии 27 марта 1496 г. в параграфе 3.2.

¹⁰⁴⁸ La Vita ... P. 129. Скиния – переносное святилище Бога, которое соорудили израильтяне по Его указанию во время странствований по пустыне после исхода из Египта. Скиния, ее утварь и одеяния первосвященника были сделаны из разнообразных материалов, добровольно пожертвованных народом, см.: Исх. 25: 1–7; 35: 1–9.

¹⁰⁴⁹ Краснова И.А. Влияние культуры Возрождения на духовную жизнь флорентийцев // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. Москва: Наука, 1997. С. 46–47.

¹⁰⁵⁰ Benvenuti A. *Op. cit.* P. 169.

¹⁰⁵¹ Этот образ хранится в церкви местечка Импрунента, недалеко от Флоренции (6 миль); горожане обращались к нему и устраивали торжественные шествия, преимущественно когда требовалось вызвать или остановить дождь, а также по другим серьезным поводам, в т.ч. таким как ведение войны и принятие важных политических решений. Например, Лука Ландуччи сообщает о процессиях в честь Богоматери Импрунеты, организованных в 80-е гг. XV в. – нач. XVI в. Среди упомянутых им шествий конца XV в.: 30 мая 1483 г. и 19 мая 1494 г. горожане молили Мадонну о прекращении дождя; 30 октября 1496 г., когда Флоренция и ее округа были поражены голодом, в день процессии прибыло известие о том, что в порт Ливорно вошли корабли из Марселя с зерном («Все полагали, что воистину Святая Дева Мария пожелала помочь Флоренции, и что это было испытанием ... что это поразительное чудо», – писал Лука в своем «Дневнике», представляя ретроспективное осмысление этого события); 17 февраля 1499 г. флорентийцы просили Богоматерь о помощи в принятии важного политического вопроса – вступить в Лигу или остаться в союзе с королем

на Площади и два в Санта Мария дель Фьоре, и там собиралась большая милостыня»; этот, как выразился автор «Дневника», «грандиозный сбор подаяний» для бедняков «брат устроил так, что *ему повиновались даже те, кто ему не верил* (выделено мной – Е.Т.)». В завершении своей записи Лука делится впечатлениями о процессии, которая «была так хорошо организована и благочестива, что другой такой еще не было»¹⁰⁵². Обращаясь к событиям карнавала 1496 г., преобразованного монахом с помощью детей в духовное празднество, Ландуччи также сообщает о проявлениях значительной щедрости горожан: «казалось, что каждый хотел отдать все, что он имел, и особенно женщины», милостыня «была оценена во многие сотни флоринов». При этом автора, как представляется, восхищала не столько величина собранного подаяния, сколько эмоциональный настрой граждан, являвших собой пример великой любви и милосердия, и дающих «без жадности» все, вплоть до ложек и косынок – «казалось, что каждый хочет поднести пожертвование Христу и его Матери». Примечательно, что заключительный пассаж этого сообщения свидетельствует о том, насколько Лука был сам ошеломлен происходящим, и поэтому предполагал недоверие со стороны читателя: «*И я пишу о тех вещах, которые на самом деле были, и я это видел* (выделено мной – Е.Т.) и испытывал умиление»¹⁰⁵³.

Преобразование монахом духовной и нравственной жизни горожан затронуло и традиционные церковные торжества, которые он стремился очистить от привнесенных со временем светских, прежде всего – развлекательных элементов. Здесь следует согласиться с мнением Дж. Чаппелли, предположившим, что ключевая фраза, способная прояснить, какими по своей сути должны быть праздники в представлении Савонаролы, была произнесена им в первой великопостной проповеди 17 февраля 1496 г. – «карнавал стал по-

Франции; 24 августа 1499 г. ожидали знака об исходе противостояния с Пизой. См.: Landucci L. Op. cit. P. 44, 68, 139–140, 193, 199. Подробный анализ культа Мадонны Импруненты имеется в труде Р. Трекслера, где автор привлекает к анализу более обширный круг источников, см.: Trexler R.C. Op. cit. P. 62–73.

¹⁰⁵² Landucci L. Op. cit. P. 106–107.

¹⁰⁵³ Ibid. P. 125.

добен посту»¹⁰⁵⁴. Действительно в своем выступлении перед паствой 29 мая 1496 г. доминиканец, имея в виду чрезмерную насыщенность городских религиозных празднеств различного рода забавами и излишествами, заявил: «Сейчас вспоминаю, что когда я ходил на эти шествия, потом, когда возвращался, я стремился как можно скорее сотворить большое покаяние»¹⁰⁵⁵. В этой же проповеди на Руфь и Михея фра Джироламо занялся наставлениями паствы относительно соответствующего поведения во время грядущих праздников. «Мне бы хотелось, – заявил он, – чтобы в этот праздник Тела Христова (*Corpus Domini*)¹⁰⁵⁶ вы организовали процессию Бога, а не дьявола». Затем брат описал надлежащий порядок участников шествия: сначала – духовенство с Дарами, затем – Синьория, после мужчины, а за ними женщины. Тем, «кто не сможет пойти со всеми» монах рекомендовал стоять «в дверях домов, а не на улицах»; при этом он обратил особое внимание на манеру поведения женщин, указав, что «среди прочих вещей желательно, чтобы женщины не торчали на улицах, и когда будет продвигаться Тело Христово, чтобы они не стояли там наряженные, подобно проституткам»¹⁰⁵⁷.

Савонарола, связывая религиозные торжества прежде всего с актами сокрушения и милосердия, выступил против еще одной флорентийской традиции – конных состязаний (*палио*), которые, как отмечает П. Вентроне, проводились либо в праздники городских покровителей – Св. Иоанна Крестителя (24 июня), Св. Репараты (8 октября), либо, будучи приурочены ко дням определенных святых, устраивались «в годовщины больших поражений, наносимых врагам, как внутренним, так и внешним, которые угрожали свободе и независимости граждан»¹⁰⁵⁸. Накануне двух таких праздников монах призы-

¹⁰⁵⁴ Predica I // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 38. См.: Ciappelli G. Op. cit. P. 219.

¹⁰⁵⁵ Predica IX // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 269.

¹⁰⁵⁶ Праздник Тела и Крови Христовых (или *Corpus Christi*) отмечается на одиннадцатый день после Пятидесятницы, в четверг, следующий за Днём Святой Троицы (60-й день после Пасхи). В этот день вокруг храма или по улицам города совершается торжественная процессия со Святыми Дарами; ее возглавляют священники, несущие дароносицу, за ними следуют прихожане. См.: Сахаров П. Тело Христово // Католическая энциклопедия. В 5 т. / В. Л. Задворный (гл. ред.) и др. М: Изд-во Францисканцев, 2011. Т. 4: Р – Ф. С. 1278–1282.

¹⁰⁵⁷ Predica IX // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 269–270.

¹⁰⁵⁸ Так, например, П. Вентроне указывает, что *палио* Сан Барнаба (11 июня) должно было напоминать о битве при Кампальдино 1289 г., а *палио* Сан Витторио (28 июля) – о поражении пизанцев в 1364 г., *палио*

вает горожан отказаться от этой забавы: «Полагаю, что в день Св. Варнавы состоится палио; вам кажется, что это время для палио? Я вам говорю, что это время для плача, а не для смеха. Вы скорее должны сделать в ваших Советах так, чтобы отдать эти деньги компании Св. Мартина для распределения их стыдливым беднякам, так вы совершите вещь более угодную Св. Варнаве, нежели организация палио. Тоже самое говорю о палио Св. Иоанна (Крестителя – Е.Т.): Сделайте так, чтобы он (праздник – Е.Т.) состоялся без палио, и Св. Иоанн обретет о этого намного больше ...»¹⁰⁵⁹. Граждане города, для которых в то время авторитет Савонаролы был непререкаем, летом 1496 г. отказались от этого зрелища, о чем свидетельствует не только процитированный выше Пьеро Паренти, но и Лука Ландуччи, который в своем «Дневнике» отметил, что 24 июня «не было никакого праздника, кроме процессии и принесения пожертвований Св. Иоанну»¹⁰⁶⁰. Фра Джироламо удалось лишь на время избавить город от пристрастия к «дурному» обычаю: в записи, относящейся к следующему, тяжелому для Савонаролы периоду, – когда положение пророка несколько пошатнулось из-за издания 12 – 13 мая папой Александром VI бреве с отлучением, провозглашенным во Флоренции 18 июня 1497 г., – этот «плакса» сокрушался по поводу того, что 11 июня 1497 г. «состоялось палио в день Св. Варнавы, а ведь уже прошли годы в течение которых не было скачек во Флоренции из-за проповедей Пророка». «Но эта Синьория, – продолжает Ландуччи, – решила провести бега, и не жить больше так, как (говорил) означенный брат, заявляя: развлечем немного народ. Разве мы должны превращаться в монахов? А ведь нас лишили слова Божьего»¹⁰⁶¹.

Стоит еще раз обратить внимание на свидетельство Ландуччи, который указывает, что 24 июня 1496 г. «не было никакого праздника, кроме процессии и принесения пожертвований». Действительно, согласно сложившейся к

Св. Анны (25 июля) ассоциировалось с поражением герцога Афинского в 1343 г. См.: *Ventrone P.* Op. cit. P. 55. Судя по упоминаниям в источниках, флорентийцы кон. XV в., – ко времени, когда проповедовал Савонарола, – с особым усердием проводили палио в день Св. Иоанна Крестителя (24 июня) и в день Св. апостола Варнавы (11 июня).

¹⁰⁵⁹ Predica IX // *Savonarola G.* Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 270.

¹⁰⁶⁰ *Landucci L.* Op. cit. P. 133.

¹⁰⁶¹ Ibid. P. 152.

тому времени традиции, праздник покровителя Флоренции – Иоанна Крестителя город отмечал с большим размахом. Торжества длились несколько дней, с 21 по 24 июня, и включали в себя процессии клира, горожан и земель, подвластных республике; приношения даров; шествия «повозок» – репрезентаций сцен из Св. Писания; палио; фейерверк.

Неизменным атрибутом городских праздников, в том числе торжеств в честь покровителя Флоренции Иоанна Крестителя, являлась иллюминация города, зажигание огней. Описание применения пиротехнических устройств (жирандолей), которыми народ любовался в ночь на 24 июня, имеется в сочинении Вазари: «Во Флоренции был обычай почти что каждый год по случаю праздника святого Иоанна Крестителя на главной площади вечером под Иванову ночь сооружать жирандоль, то есть целую машину, набитую бураками, ракетами и другими искусственными огнями, и жирандоль эта имела то вид храма, то корабля, то утеса, а то и целого города или ада как вздумается изобретателю»¹⁰⁶². Скорее всего в 1496 г., под воздействием авторитета Савонаролы, город оставил и этот обычай. Во всяком случае, только после смерти монаха Лука Ландуччи упоминает о возобновлении традиционной забавы флорентийских горожан: «И 24 июня 1498 г. был св. Иоанн, и соорудили жирандоль, на которую установили свинью, великанов и собак ...»¹⁰⁶³.

Еще одним элементом праздника Св. Иоанна был кортеж «повозок» или «сооружений» («edifizii»), как, согласно П. Вентроне, их начали называть, со второй половины XV в. Они представляли собой движущуюся платформу на которой члены религиозных братств воспроизводили сцены из Ветхого или Нового Завета; в этом представлении могли использоваться как деревянные фигуры, так и люди¹⁰⁶⁴. К примеру, Джорджио Вазари в биографии фло-

¹⁰⁶² Жизнеописание Никколо по прозвищу Триболо, скульптора и архитектора // *Вазари Д.* Указ. соч. С. 827.

¹⁰⁶³ *Landucci L. Op. cit.* P.180.

¹⁰⁶⁴ *Ventrone P. Op. cit.* P. 59–60. Исследовательница приводит примеры таких тематических колесниц во время праздника Св. Иоанна в 1454 г., ссылаясь на подробное их описание, оставленное гуманистом Маттео Пальмиери в его «Истории Флоренции». Также эта часть труда М. Пальмиери имеется в сборнике источников *Le feste di S. Giovanni Batista in Firenze descritte in prosa e in rima da contemporanei / a cura di Cesare Guasti Firenze: G. Cirri, 1884. P. 20–23.* В сочинении флорентийского гуманиста сообщается о мероприятиях, относящихся к каждому дню торжества (21–24 июня); автор указывает, что 22 июня состоялась «Процессия всех

рентийского мастера Чекки, конструировавшего различные технические приспособления для проведения празднеств во Флоренции XV в., сообщает: «... во времена Чекки ... устраивались колесницы, похожие на триумфальные, какие в ходу и поныне. Первой из них была Монетная колесница, которая была доведена до совершенства, как это ныне ежегодно можно видеть в Иванов день, когда ее выпускают мастера и начальники Монетного двора, сверху увенчав ее фигурой Св. Иоанна и окружив ее снизу многими другими святыми и ангелами, изображаемыми живыми людьми»¹⁰⁶⁵. В эпоху Лоренцо Великолепного были привнесены ощутимые изменения в традиции праздника городского покровителя: «повозки» с представлениями эпизодов Св. Писания вытесняются так называемыми «триумфами» – репрезентациями, которые вдохновлялись римской историей и классической культурой. К примеру, Трибальдо де Росси вспоминал праздник Св. Иоанна в 1491 г., во время которого по распоряжению Медичи были показаны 15 триумфов, связанных с историей римского полководца Павла Эмилия¹⁰⁶⁶. Об устройстве «триумфов» сообщает и Вазари, который в биографии флорентийского живописца Франческо Граначчи (р. 1469) отметил, что тот «знал толк в разного рода убранстве, каким во время масленичных празднеств обряжался весь город, великолепный Лоренцо Медичи всегда пользовался его услугами во многих подобных вещах, и в особенности в маскараде, представлявшем триумф Павла Эмилия по случаю победы, одержанной над некими чужими народами», и при этом уточнил, «что Лоренцо деи Медичи был первым изобретателем этих маскарадов, представляющих то или другое, и именуемых во Флоренции «Песнями», какие раньше в иные времена не устраивались»¹⁰⁶⁷. Как ука-

Сооружений (*Processione di tutti gli Edifici*)», в ней участвовало 22 «сооружения», которые предстали «на Площади перед Синьорами», шествие длилось с утра до 16 часов. Герардо де Симоне в своей публикации указывает на разнообразие терминов, применяемых авторами-современниками при описании таких колесниц: «*arbori*», «*torri*», «*ceri*», «*castelli*», «*edifici*», «*nuvole*» (соответственно: деревья, башни, свечи, замки, сооружения, облака). См.: *Simone, Gerardo de. Feste, spettacoli e trionfi nell'Italia del Rinascimento // Corti italiane del Rinascimento: arti, cultura e politica, 1395 – 1530 / a cura di Marco Folin. Milano: Officina libraria, 2010. P. 245–246.*

¹⁰⁶⁵ Жизнеописание Чекки, флорентинского инженера // *Вазари Д.* Указ. соч. С. 380.

¹⁰⁶⁶ *Ventrone P.* Op. cit. P. 62–64; *Tribaldo de' Rossi.* Op. cit. P. 270–271. Трибальдо также упоминает здесь жирандоль и палио Св. Иоанна.

¹⁰⁶⁷ Жизнеописание Франческо Граначчи, флорентийского живописца // *Вазари Д.* Указ. соч. С. 702.

зал в своем исследовании А. Шастель, «за отсутствием точных дат, первые такие колесницы можно отнести к 1480 г., а последние – к 1490», практика их применения была возобновлена в 1511 и затем в 1515 гг., что «было воспринято как “возвращение эры Медичи”»¹⁰⁶⁸.

Маловероятно, что Савонарола был настроен проводить различие между «сооружениями» религиозных братств и «триумфами» Медичи; скорее всего, для флорентийского пророка-реформатора «повозки» были зрелищем, отвлекавшим горожан от сути церковного торжества, профанным элементом, от которого следовало очистить духовный праздник. Об этом своем желании избавиться от кортежа повозок фра Джироламо и заявляет в майской проповеди 1496 г.: «Не масса дьяволят (*spiritelli*), не множество излишних украшений (*frasche* – вздор, чепуха); необходимо, чтобы все ваши дела были связаны с Христом, поскольку время, говорю вам, плакать ...»¹⁰⁶⁹.

Вместо всех этих, описанных выше, развлечений доминиканец призывает горожан «в этот праздник Св. Иоанна, который является покровителем вашей земли, чтобы вы исповедовались и причастились, и вы совершите то, что ему по нраву»¹⁰⁷⁰. При этом абсолютного, буквального уподобления праздника посту Савонарола не допускает, – несомненно понимая, что это слишком радикальный шаг, и он вряд ли будет позитивно воспринят большинством флорентийцев, – однако, стремясь превратить день Св. Иоанна в торжество духовное, монах, с одной стороны, рекомендует попоститься перед днем святого покровителя, а с другой – не предаваться различного рода излишествам во время празднества. 19 июня 1496 г. проповедник поучает

¹⁰⁶⁸ Шастель А. Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме. Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. С. 157.

¹⁰⁶⁹ Predica IX // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 270. На основании сведений, изложенных Псевдо-Бурламакки, можно предположить, что Савонарола еще до 1496 г. всячески стремился отвлечь своих сторонников от участия в обмирщенном празднике Св. Иоанна. Так автор, к сожалению, не указывая времени происходящих событий, сообщает, что однажды, во время городских торжеств, посвященных Крестителю, «многие верующие и благочестивые (*fedeli et devoti*) были собраны слугой Божиим в Сан Марко на вечерню, чтобы избежать представлений (*spettacoli*) и тшеты, связанных с этим днем; слуга Божий понимая это и видя их рвение, открыл вторые ворота внутреннего двора монастыря, после вечерни все вошли вовнутрь, и он, сидя посреди них на лужайке, произнес прекрасную проповедь, которая длилась вплоть до повечерия... после проповеди, как можно быстрее, они возвратились в церковь славить Господа». См.: La Vita ... P. 96.

¹⁰⁷⁰ Predica IX // Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ... Vol. 1. P. 270.

паству: «Устройте так, чтобы накануне праздника всякий постился; также и мои мальчики будут поститься в этот день накануне Св. Иоанна, поскольку он заступник вашего города, и ходатайствует за вас перед Господом. Желательно также принять необходимые меры, чтобы в день праздника вашего защитника не ходили продавать или покупать. Праздники устроены, чтобы возносить хвалы Богу, а не заниматься торговлей. Вы видите в эти праздничные дни берлингоцци¹⁰⁷¹ и множество безделиц: необходимо удалить их, и чтобы мальчики забрали их и отдали беднякам»¹⁰⁷².

Преобразование Савонаролой духовной и нравственной жизни горожан, связанное с изменением традиционного флорентийского культа и введением новых форм религиозных празднеств было одобрено не всеми. В городе, уже с января 1495 г. разделенном на противоборствующие группировки, звучали голоса критиков, которые, также как и монах, для распространения своих взглядов стали использовать печать. Один из таких оппонентов брата – Франческо Альтовити, вероятно летом 1497 г.¹⁰⁷³ опубликовавший инвективу против фра Джироламо, встал на защиту не только местного духовенства, но и флорентийских религиозных традиций. В своем публичном послании Альтовити говорит о том, что во Флоренции и без этого «чужестранца» уже сложились свои «древние и святые церемонии торжественных и праздничных дней Св. Иоанна Крестителя и преславной Девы Марии и других святых», когда горожане «как добрые христиане, в воспоминание благодеяний Бога, каждый год имеют обыкновение с большой пышностью и радостью воздавать почести и благодарения Богу, веселиться, украшать город общественными силами и частным образом, целомудренными трапезами (*conviti*), звонами, танцами и песнями созывать соседей и родственников ликовать в святые дни их праздников». Монах же, по словам Франческо, «дурно отзывается

¹⁰⁷¹ Сладкие крендели. Тема берлиннгоцци уже звучала в проповедях Савонаролы в Великий пост 1496 г.

¹⁰⁷² Predica XII // *Savonarola G. Prediche sopra Ruth e Michea ...* Vol. 1. P. 380.

¹⁰⁷³ Точная дата послания отсутствует, однако, судя по его тексту (автор бурно реагирует на проповедь монаха в день Вознесения 4 мая 1497 г. и «Послание ко всем избранным Божиим и верным христианам (*Epistola a tutti gli eletti di Dio e fedeli cristiani*)», которое Савонарола отдал в печать 8 мая 1497 г., а также упоминает об отлучении брата, которое было оглашено 18 июня 1497 г.) инвектива Альтовити появилась не раньше июня 1497 г.

о церемониях и праздниках нашего процветающего города и о наших древних обычаях (отправления) божественного культа, здоровом (*salutifero*¹⁰⁷⁴) и честном (*onesto*) образе жизни и не желает, чтобы мы в земной жизни танцевали, музицировали, пели со скромностью и целомудрием, подобно ангелам на небе», он стремится «отменить наши божественные и ежегодные церемонии и триумфы, праздники и восхваления (*plauso*) и зажигание огней (*luminare*), которые обращены к стопам и трону нашего преславного Господа»¹⁰⁷⁵. Эта позиция доминиканца, как заявляет автор инвективы, вредит бедным горожанам, поскольку, не желая, «чтобы богатые тратились на праздники», он создает ситуацию, когда «бедные ремесленники не могут получить какого-либо заработка»¹⁰⁷⁶. Более того, по мнению Альтовити нововведения монаха из Сан Марко могут обернуться несчастьями для всего города, поскольку таким образом он лишается покровительства своих святых. Отменяя или трансформируя обычные для Флоренции праздники, фра Джироламо, по словам его критика, «желает, чтобы наш покровитель и благодетель Св. Иоанн Креститель и другие святые, из-за утраты обыкновенно воздаваемых им почестей, презрели нас, и последовали разрушение и гибель»¹⁰⁷⁷. Таким образом письмо Ф. Альтовити свидетельствует о том, что проблема вмешательства Савонаролы в эту сферу жизни флорентийцев оказывается намного сложнее: монах-реформатор, – привнося изменения в праздники, прежде всего такие как день городского покровителя Иоанна Крестителя, – возможно, сам того не сознавая до конца, покушался не только на традиционный флорентийский культ, но, как выразился Джан Карло Гарфаньини, на «культ “гражданский”, который сделал город великим и могучим»¹⁰⁷⁸.

¹⁰⁷⁴ Возможный перевод: ведущем к спасению.

¹⁰⁷⁵ *Altoviti F.* In difesa de' magistrati e delle leggi e antiche cerimonie al culto divino della città di Firenze contro alle invettive e offensione di Fra Girolamo // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 142. Далее – *Altoviti F.* In difesa de' magistrati ...

¹⁰⁷⁶ *Ibid.* P. 145.

¹⁰⁷⁷ *Ibid.* P. 143.

¹⁰⁷⁸ *Garfagnini G. C.* Polemiche politico-religiose nella Firenze del Savonarola. L'Epistola responsiva e la Difensione dell'Altoviti // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua» ... P. 122. О том, что праздник Иоанна Крестителя был как способом сплочения граждан и формирования коллективной идентичности, так и демонстрацией силы и мощи республики подчиненным землям и иностранным государствам, пишет, например, П. Вентроне. См.: *Ventrone P.* Op. cit. P. 49–76.

1496 г. – время, когда Савонарола пребывал на пике своего влияния. Как писал Пьеро ди Марко Паренти о положении во Флоренции весной этого года: иные «проповедники разнообразнейшими способами притягивали наше внимание и, согласно с настроениями, различным образом обращались к нам; но монах все еще сохранял репутацию, и его “твердая монета” пока находилась в обращении, и, если можно так выразиться, наш город управлялся (им)»¹⁰⁷⁹. Разумеется, ведущее положение доминиканца не подразумевало, что он был единственным пастырем во Флоренции, устраивавшим в то время религиозные процессии. Паренти представляет своим читателям положение, сложившееся в городе на Арно к весне (марту) 1496 г., следующим образом. Флоренция, оказалась в сложной ситуации утраты единства граждан, разделившихся на «джироламистов и тех, кто против брата Иеронима», причем, состав этих двух основных группировок, как отмечает автор «Истории Флоренции», не был однородным: в них равным образом входили «Белые» и «Серые»¹⁰⁸⁰, пополаны (*popolani*) и знатные (*gentiluomini*). При этом, прежде всего противниками брата, высказывались сомнения в правильности и рациональности прежней политики республики, во многом вдохновленной Савонаролой, связанные с тем, что «мы не присоединились к Лиге»¹⁰⁸¹, и что держались с королем Франции, который постыднейшим образом обманул нас, и в итоге мы стали врагами всех имеющих власть в Италии». Одним из способов если не исправить, то минимизировать последствия этих, как выразился Паренти, «ошибок, если их можно назвать ошибками», было обращение к другим городским проповедникам: согласно этому хронисту оппоненты брата «не нашли лучшего средства, как при помощи той же религии и посредством

¹⁰⁷⁹ *Parenti P.* Op. cit. P. 321.

¹⁰⁸⁰ «Белые» – «*Bianchi*», выступающая за широкое правление часть населения города; «Серые» – «*Bigi*», группа флорентийцев, связанная с прежним, медичейским режимом.

¹⁰⁸¹ «Святая лига» (или «Венецианская лига») – антифранцузская коалиция, соглашение о ее создании подписано 31 марта 1495 г. в Венеции, в нее вошли Венеция, Милан, римский папа; к лиге также примкнули император Максимилиан I и испанский король Фердинанд II Арагонский. Франческо Гвиччардини в «Истории Флоренции» сообщает, что захват Неаполя (22 февраля 1495 г.) войсками Карла VIII повсеместно посеял страх и вызвал «недовольство не только у властителей Италии, но также у римского императора Максимилиана и у короля Испании Фердинанда... поэтому в защиту государств против Франции для всеобщей безопасности была создана лига между папой, императором, королем Испании, венецианцами и герцогом Миланским. Флорентийцы на приглашение присоединиться к лиге ответили отказом, не желая порвать с королем, ибо ожидали обещанного Карлом возврата своих крепостей». См.: *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 106.

доверия к другим проповедникам» попытаться изменить сложившуюся ситуацию. Паренти сообщает, что августинец Грегорио да Перуджа, который проповедовал, «хотя и скрытно», против Савонаролы в церкви Санто Спирито, в это время «извлек распятие» и организовал процессию, в которой «весь его народ, мужчины и женщины этого квартала», шествовали «со множеством огней и с величайшей экспрессией (*dimostrazione*), усмиряя гнев Божий и вызывая к (его) милосердию». Другой монах – францисканец, проповедовавший в церкви Санта Кроче, «также пожелал организовать процессию» для «избавления от заразы», и пронести по городу образ Мадонны Импруненты. Однако шествие не состоялось, как сообщает Паренти, из-за опасений распространения болезни путем «смешения (больных и здоровых – Е.Т.)»¹⁰⁸². Возможно, правительство не одобрило инициативу минорита, проявляя таким образом заботу о здоровье граждан, но вполне допустимы и политические причины – стремление не допустить обострения противостояния противоборствующих городских группировок. В итоге, оценивая описанные выше действия оппозиционно настроенных по отношению к брату мирян и духовенства, автор «Истории Флоренции» приходит к заключению: «И таким образом всякий увеличивал добро, чтобы продемонстрировать, что не только брат Иероним любит город, но также и другие испытывают (это чувство – Е.Т.) и желают (блага – Е.Т.)»¹⁰⁸³.

Несомненно, действия флорентийского клира и монашества, в том числе организация проповедниками церковных процессий, были проявлением заботы об общем благе Флоренции. Однако, присутствовал и иной мотив, тот, который итальянский исследователь Ф. Кордеро назвал «войной кафедр»¹⁰⁸⁴. В городе шла борьба за души прихожан, которые покидая церкви своих приходов стремились на проповеди Савонаролы в соборе или в церкви его монастыря. На какое-то время восхищение доминиканским проповедником настолько охватило флорентийцев, что, как пишет Симоне Филиппеи,

¹⁰⁸² Parenti P. Op. cit. P. 320.

¹⁰⁸³ Ibid. P. 320–321.

¹⁰⁸⁴ Cordero F. Savonarola. Vol. 3. Demiurgo senza politica, 1496-1497. Torino: Bollati Boringhieri, 2009. P. 187–188.

«улица, по которой он шел из Сан Марко в Санта Мария дель Фьоре, в это время постоянно была полна мужчин и женщин, которые приходили посмотреть на него, если не имели возможности услышать, также происходило и по его возвращении»¹⁰⁸⁵.

Также, возможно не главным, но существенным основанием недовольства местного духовенства был отток пожертвований из приходских церквей и монастырей, не связанных с кругом Сан Марко. Мужчины и женщины, – а через руки последних, как совершенно верно выразился Л. Мартинес, «зачастую проходили деньги в пользу францисканцев, августинцев или местных церквей»¹⁰⁸⁶, – предпочтя проповедника из Сан Марко, несли свои дары этому монастырю, откуда те зачастую попадали в братство Добрых мужей Св. Мартина, распределяющее милостыню среди «стыдливых бедняков»¹⁰⁸⁷. В сочинениях современников упоминаются преимущественно случаи и размер пожертвований, собранных во время устраиваемых Савонаролой процессий и праздников. Однако имеются и другие сведения. Так например, С. Филиппи в своей «Хронике» сообщил, – правда не указав времени, к которому относится это известие, – что под влиянием Савонаролы «различные горожане», «чувствуя угрызения совести»¹⁰⁸⁸, пожертвовали «более 40 тысяч дукатов из любви к Богу»¹⁰⁸⁹.

Собственно, эти, описанные выше проблемы отмечал в своей инвективе, направленной против самоуправства Савонаролы-«чужестранца» во Флоренции, Ф. Альтовити. Проявляя специфический патриотизм, Франческо проводил критику фра Джироламо рассуждениями о том, что в городе нет недостатка в священниках и монахах, «превосходящих его в учении, святой и религиозной жизни, которые обыкновенно пекутся о наших душах», а также сокрушался, что из-за враждебности и «несправедливой» ненависти доминиканца «другие добрые монастыри и места благочестия», по сути, обделены

¹⁰⁸⁵ *Filipepi S.* Op. cit. P. 475.

¹⁰⁸⁶ *Martines L.* Op. cit. P. 140.

¹⁰⁸⁷ «Стыдливые бедняки» – термин обозначал обедневших горожан, стесняющихся просить милостыню.

¹⁰⁸⁸ «... si sentivano gravata la coscienza».

¹⁰⁸⁹ *Filipepi S.* Op. cit. P. 477.

вниманием верующих – «закрыты и в большой нужде»¹⁰⁹⁰. Как видим, здесь автор послания коснулся еще одной важной проблемы – запустения монастырей, не связанных с Савонаролой, между тем, как количество монахов Сан Марко постоянно увеличивалось.

5.2. Монастыри Тосканской конгрегации и реформа нравственности во Флоренции

Авторитет и популярность фра Джироламо, а также эмоциональный настрой, который ему удалось создать в городе, приводили к тому, что в порыве набожности многие изъявляли желание принять монашество и вступить в обители конгрегации Св. Марка¹⁰⁹¹. С. Филиппеи в своей хронике сообщает, что под влиянием проповедей Савонаролы 300 юношей, «большой частью богатых и знатных, многие из них также были хорошо образованы», приняли монашество. «Из дома Строцци, – по словам Симоне, – сделались монахами один за другим шесть братьев. Ни один из них не пожелал вступить во владение наследством и огромным состоянием, а ведь они были из числа самых богатых семей в мире ...»¹⁰⁹². В общину братьев Сан Марко стремились не только молодые, но и умудренные жизненным опытом флорентийцы. В 1495 г. одним из таких братьев, приняв при постриге имя Санти (Santi), стал Пандольфо ди Джованни Ручеллаи, которому в то время было около 59 лет¹⁰⁹³. Но прежде этот горожанин реализовался в банковском деле, написал труд о

¹⁰⁹⁰ Altoviti F. In defensione de' magistrati ... P. 141, 146.

¹⁰⁹¹ Савонарола добивается отделения Сан Марко от Ломбардской конгрегации – бреве 22 мая 1493 г. Новая, возглавленная фра Джироламо (избран Генеральным викарием в 1495 г.), Тосканская конгрегация отличалась более строгими порядками.

¹⁰⁹² Filipepi S. Op. cit. P. 477.

¹⁰⁹³ Лука Ландуччи оставил запись в своем Дневнике: «2 июня 1495 г. Пандольфо Ручеллаи, который был уже стариком, стал монахом Сан Марко». См.: Landucci L. Op. cit. P. 106.

финансах (*Trattato dei cambi e del Monte comune*), который посвятил Савонароле; кроме того, проявил себя в сфере политики – так, в 1494 г. Пандольфо избирали членом флорентийского посольства к Карлу VIII, а после изгнания Пьеро Медичи в магистраты Десяти свободы и мира¹⁰⁹⁴.

Росло не только число братьев, но и сестер Тосканской конгрегации. Последовательницы фра Джироламо вступали в реформированные братом женские монастыри со строгим уставом, среди которых был флорентийский монастырь Св. Люции. «И также для целомудренных флорентиек, посредством их отца, был реформирован монастырь Св. Люции, сначала из сестер третьего ордена Св. Доминика, а затем стараниями слуги Божьего монастырь наполнился знатными девами, уединившимися и благословленными им, где они служили Богу в строгом затворничестве, и число их умножалось ... – сообщает Псевдо-Бурламакки, а затем продолжает – В этом монастыре Св. Отец, после своей смерти, совершил многочисленные чудеса и неоднократно являлся»¹⁰⁹⁵. Одна из таких последовательниц фра Джироламо – Камилла Ручеллаи. Вдохновленные проповедями Савонаролы, Камилла с супругом Родольфо по обоюдному желанию решают расторгнуть брак, чтобы обратиться к монашеской жизни. В мае 1495 г. состоялся публичный развод в церкви Сан Марко, после чего Родольфо Ручеллаи поступил в монастырь Савонаролы, но позже отказался от пострига и «затем вернулся в мир и не упорствовал в вере (*non perseverò nella religione* – в стремлении идти по пути монашествующих, Е.Т.)». Камилла же оказалась более последовательной: в 1496 г. она принимает облачение третьего ордена Св. Доминика; религиозное рвение сестры Люции также проявилось в видениях и попытках пророчествовать¹⁰⁹⁶;

¹⁰⁹⁴ Пьеро Паренти в своей «Истории Флоренции» предположил, что скромность и осторожность Пандольфо Ручеллаи стали причиной того, что он начал избегать растущей вовлеченности в политические дела республики и удалился в монастырь. См.: *Parenti P.* Op. cit. P. 118, 166, 227, 231; *La Vita ...* P. 59. Также вызывает интерес публикация Рафаэлы Марии Заккарии, где автор только намечает основные направления исследования фигуры этого плаксы, в контексте проблемы Савонаролы и общество Флоренции. См.: *Zaccaria R.M.* Pandolfo Rucellai da mercante fiorentino a frate domenicano e savonaroliano // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini.* Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 1996. P. 99–103.

¹⁰⁹⁵ *La Vita ...* P. 60.

¹⁰⁹⁶ Савонарола знал Камиллу, но своими видениями она стала известна только после смерти монаха. Доминиканец не поощрял женский мистицизм, в отличие от визионерских практик мужчин (например, своих товарищей – фра Доменико и фра Сильвестро Маруффи; см. также далее по тексту видения в монастыре Сан

помимо этого, она стала одной из основательниц, а затем и настоятельницей женского монастыря, расположенного недалеко от Сан Марко и посвященного Св. Екатерине Сиенской, «который затем быстро приумножился»¹⁰⁹⁷, сестры этой обители, уже после смерти пророка, старались жить согласно его наставлениям¹⁰⁹⁸.

Здесь следует уточнить, что Савонарола не поощрял поспешных решений о принятии монашеского сана, особенно молодыми людьми, призывая: «... вы, детки, не становитесь монахами: подождите, по крайней мере, пока вам не исполнится 14 лет, и потом осознанно обдумайте, что вы собираетесь сделать»¹⁰⁹⁹. Имеется собственное, из первых уст, свидетельство флорентийца Бенедетто Лускино (Benedetto Luschino), предоставляющее пример одного из таких обращений. В 1510 г. фра Бенедетто создает поэму «Кедр Ливанский (Cedrus Libani)», по сути, представляющую собой историческое сочинение в стихах, повествующее о флорентийском пророке Савонароле. Здесь автор воспроизводит и историю своего вступления в доминиканский орден. Бетуччио родился в 1470 г. в семье ювелира, обрел профессию миниатюриста; отличался беспокойным характером и в молодости бурно предавался различно-

Марко). Судя по «Компендиуму откровений (Compendium revelationum)» противники, желая опорочить брата, утверждали, что его предсказания основаны на заимствованиях из видений его прихожанок. В означенном сочинении 1495 г., вступая в диалог с Искусителем (Дьяволом), Савонарола стремится рассеять эти подозрения: «Сказал Искуситель: Я слышал, что ты следуешь видениям неких бабенок, которые сообщают их тебе, и ты это проповедуешь. Я отвечал, что это не является ни правдой, ни подобием правды, поскольку я очень редко говорю с женщинами, как всем известно в городе: в эти редкие встречи быстро от них отделиваюсь, и через силу направляюсь к ним, как известно моим товарищам ... *Praeterea* (помимо этого), поскольку женщины по своей природе непостоянны и неспособны держать что-нибудь в секрете, вполне вероятно, что за столь многие годы это не могло бы сохраниться в тайне. *Praeterea* (кроме того), мне ведомо, что их свидетельства редко помещаются в Писании, хотя (там) встречается множество пророчиц; и поэтому я думаю, что Бог сделал так, чтобы мы не сильно полагались на их свидетельства, хотя нам не стоит с презрением относиться к ним, *sicut scriptum est: Prophetias nolite spernere* (1 Фес. 5:20: Пророчества не унижайте); причина в том, что женщины, будучи невежественными, по природе слабыми в суждениях и непостоянными, очень податливыми и чрезвычайно склонными к тщеславию, могут быть легко введены в заблуждение дьявольским лукавством. Не думайте, что я, зная это, доверяю их пророчествам, чтобы проповедовать их в присутствии большого количества народа, потому что, когда они потом не сбудутся, будет чрезвычайно серьезный раздор в вере, бесчестие для Бога, позор мне и немалый вред». См.: *Savonarola G. Compendio di rivelazioni* ... P. 40–41. Об отношении Савонаролы к визионерам см.: *Herzig T. Op. cit.* P. 34–45.

¹⁰⁹⁷ *Filipepi S. Op. cit.* P. 480.

¹⁰⁹⁸ *Vasoli C. Bartolini Rucellai, Camilla // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1964. Vol. 6: Baratteri-Bartolozzi. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/camilla-bartolini-rucellai_\(Dizionario_Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/camilla-bartolini-rucellai_(Dizionario_Biografico)/) (дата обращения: 15.01.2015); *Ibertis E. Predizioni del Savonarola. Torino: Societa Editrice Internazionale, 1957. P. 91; Herzig T. Op. cit.* P. 34.*

¹⁰⁹⁹ См.: *Predica XI // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 306.*

го рода светским удовольствиям¹¹⁰⁰. Одновременно, с 1488 г., Бенедетто начал посещать Братство Св. Павла, а в 1489 г. стал его членом, не отказавшись при этом от разнузданного образа жизни¹¹⁰¹. Как вспоминает этот флорентинец, он очутился на проповеди Савонаролы благодаря настойчивости некоей дамы, дом которой он посещал. Эта почитательница доминиканского проповедника следующим образом увещевала своего молодого гостя: «Я не знаю, ведаешь ли ты, что во Флоренцию прибыл / Величайший слуга Божий, проповедник, / Истинный пророк, ученый и мудрый. / Его слова проникают в ожесточенные сердца; / Озаряют затемненный разум, / И утешают всякого грешника. / Ну же! Иди, сынок, последуй по моим стопам: / Пойди послушай великие вещи, о которых говорит / Этот истинный пророк и святой брат»¹¹⁰². Когда Бетуччио пришел на проповедь монаха, по его словам, «множество людей изумилось» его появлению, а сам он «устыдился» своего внешнего вида и прежнего образа жизни: «Столько мускуса и духов я тогда употреблял, / С таким излишеством, изяществом и роскошью одевался / Что умом без перьев летал»¹¹⁰³. Услышав проповеди Савонаролы о Ковчеге спасения¹¹⁰⁴ он был глубоко потрясен, поскольку понял, что «скорее мертв, чем жив», ибо предпочел Богу «мир обманчивый, порочный и преисполненный бед». Бетуччио оставил любимые занятия музыкой, перестал посещать компанию друзей, скитался в одиночестве, рассуждая «сам с собою» о спасении души. Решение изменить жизнь сопровождалось борьбой с собственными чувствами, и перенесением насмешек приятелей, которые утверждали, что «он полностью обезумел», что «это прихоть, которая проистекает от меланхолии», что «тот обращается к вере, кто мечтателен и верит бабам» и призывали вер-

¹¹⁰⁰ *Luschino B. Cedrus Libani ...* P. 60–61.

¹¹⁰¹ Эти, а также иные сведения, не изложенные в «*Cedrus Libani*», содержатся в следующих публикациях: *Ragagli S. Luschino, Benedetto // Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2006. Vol. 66: Lorenzetto-Macchetti. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/benedetto-luschino_\(Dizionario_Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/benedetto-luschino_(Dizionario_Biografico)/) (дата обращения: 15.01.2015).; *Marchese V. Avvertimento (a Cedrus Libani) // Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia*. Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. Firenze: G. P. Vieusseux, 1849. T. VII. Appendice. P. 41–58; *Виллари П.* Указ. соч. Т.1. С. 264–266; *Cordero F. Savonarola*. Vol. 3. *Demiurgo senza politica, 1496-1497 ...* P. 8–13.

¹¹⁰² *Luschino B. Cedrus Libani ...* P. 64

¹¹⁰³ *Ibid.* P. 64–65.

¹¹⁰⁴ *Ibid.* P. 65–68.

нуться к «веселому времяпрепровождению»¹¹⁰⁵. В итоге, Бетуччио решился – юноша припал к ногам настоятеля Сан Марко с просьбой принять его в число братьев монастыря: «... я хотел бы изменить мою жизнь, / И последовать за Христом, которого я так оскорбил, / И принять облачение вашего Ордена». Однако Савонарола не торопился, и предложил первое испытание – жить похристиански в миру: «Молись, жди, готовься: / Когда настанет время, будешь призван; / Обрети большую веру, и никогда не предавайся излишествам». Выдержав очередную борьбу со страстями («... меня обуял Дьявол и вернул в прежнее состояние»), молодой человек вновь обращается к фра Джироламо. На это раз его приставили «служить больным» и «хоронить мертвых». «И так много месяцев в святом госпитале, – пишет Бенедетто, – я оказывал милосердие живым и мертвым», одновременно, поддерживаемый в борьбе с «Сатаной и его отрядом» наставлениями «Святого», «сведущего и ласкового пастыря» Савонаролы. Наконец искус был окончен, и «с подготовленной душой» 7 ноября 1495 г., в возрасте 25 лет, этот горожанин принял иноческое облачение, 13 ноября 1496 г. он произнес монашеские обеты, став фра Бенедетто – одним из самых верных последователей пророка-реформатора¹¹⁰⁶. Вспоминая в 1510 г. жизнь в монастыре Сан Марко этот брат передает ощущение охватившего его счастья: «В большой любви пребывали, / В мире все, и воспламененные Христом ... Если бы можно было увидеть на земле Рай, / Тогда я его лицезрел ...»¹¹⁰⁷.

Здесь стоит обратить внимание на некоторые фразы брата Бенедетто. Во-первых, свидетельство о том, что женщины, составляя значительную часть аудитории проповедников, могли оказывать существенное воздействие на обращение своих близких к внутренней и внешней вере. И, во-вторых, ощущение себя полем сражения дьявольских сил с Господом. Последнее

¹¹⁰⁵ Ibid. P. 68–70.

¹¹⁰⁶ Ibid. P. 71–73. Псевдо-Бурламакки упоминает фра Бенедетто среди тех монахов, кто намеревался с оружием в руках отстаивать монастырь Сан Марко, осажденный противниками Савонаролы в ночь Вербного воскресения 1498 г. По словам анонима: «... слуга Божий..., натолкнувшись на фра Бенедетто, миниатюриста, который уже был вооружен, показывая, как он уповает на Бога, приказал ему оставить оружие, говоря: "Наше оружие не плотское, а духовное, и не дело братьев сражаться оружием, и это неприемлемо"». См.: *La Vita ...* P. 156.

¹¹⁰⁷ *Luschino B. Cedrus Libani ...* P. 73.

чувство, как кажется, усиливалось у горожан благодаря проповедям Савонаролы, вещавшего о том, что граждане Флоренции, как в свое время народ Израиля, предназначены Господом для необычной участи и великой миссии – стать центром обновления христианского мира. Флоренция должна превратиться в город Бога и явить миру такую добродетель, с которой не сможет соперничать никакое другое людское сообщество. Она – центр из которого ведется война с развращенностью этого мира, его «равнодушием (теплохладностью)» и неверием. Авторы ряда исследований, посвященных Савонароле, отметили наличие, и даже преобладание, в проповедях доминиканца лексики, связанной с войной, сражениями, оружием, солдатами и капитанами, массовыми смертями, применявшимися для описания борьбы добрых христиан как в собственных пороках, так и со злом этого мира¹¹⁰⁸.

Так, в одной из рождественских проповедей на Иезекииля, произнесенной 6 декабря 1496 г. в день Св. Николая, Савонарола, рассуждая об опасности, исходящей от равнодушных, указывает на необходимость противодействия им со стороны добрых христиан, и вопрошает своих слушателей: «Не помните вы, как я вам говорил, что эта война должна наступить? ... Я хочу тебе продемонстрировать, каким образом придется вести эту войну»¹¹⁰⁹. «Сейчас послушай, – продолжает фра Джироламо при следующей встрече с прихожанами 8 декабря, – как мы должны вооружиться», и, развивая свою мысль, уточняет, что речь идет о духовном совершенствовании: «Итак, я говорю, что желая победить в этой войне, необходимо иметь форму и добродетель, превосходящую тех, кто противостоит нам. *Arma militae nostrae non sunt carnalia* (Оружия воинствования нашего не плотские), как говорит Апостол¹¹¹⁰, *sed potentia Deo* (но сильные Богом). Мы не хотим побеждать с по-

¹¹⁰⁸ Martines L. Op. cit. P. 142; Zancarini J-C. Far guerra con la pace nel cuore. La guerra nelle prediche di Girolamo Savonarola // Savonarola: democrazia tirannide profezia Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. – XV, 312 p. P. 43–51. Жан-Клод Дзанкарини в своей статье, рассуждая о войне «духовной и материальной, метафорической и реальной», склоняется к толкованию темы преимущественно в политическом ключе, полагая, что монах «в момент беспрецедентного кризиса, в период *изменения всех вещей*, начинает мыслить политику как поле сражения, как противостояние сил, как войну, ведущуюся иными средствами».

¹¹⁰⁹ Predica III// Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ... Vol. 1. P. 36.

¹¹¹⁰ 2 Кор. 10:4.

мощью оружия, ибо многие имеют отряды, превосходящие наши, и не с помощью интеллекта и знания, поскольку многие обладают этим больше нашего, и не посредством красноречия и изворотливости, ибо многие наделены этим больше нашего; следовательно, необходима иная форма и иная добродетель, которые превосходили бы это плотское оружие, и это Божья благодать, кто обладает благодатью Божьей, обладает великой вещью, превосходящей всякую другую»¹¹¹¹.

Стоит обратиться к еще одному выступлению Савонаролы, чтобы представить ощущения «плакс» и прочих горожан, внимавших речам флорентийского пророка о непрестанных баталиях зла и добра, воинств Дьявола и Господа. Речь о проповеди 11 февраля 1498 г., произнесенной братом после долгого молчания, связанного с его отлучением, провозглашенным во Флоренции в июне 1497 г.¹¹¹². В этот день Савонарола, нарушив запрет, взошел на церковную кафедру, опираясь исключительно на поддержку благоприятно настроенной в отношении его Синьории и приступил к проповедям на темы «Исхода». Борьба с «равнодушными» продолжается и, возможно, достигает своего апогея: укрепившиеся позиции антагонистов монаха – «озлобленных»; еще более явное разделение города на противников и сторонников брата; продолжающееся ухудшение отношений пророка с Римской курией, и, наконец, приближение дня «сатанинских торжеств» – карнавала, все это становится основой для оглашения очередного призыва к «верным» – готовиться к новой битве.

Обращаясь к «добрым христианам», Савонарола увещевает их «не страшиться испытаний» и сохранять внутреннее спокойствие – «обладать миром внутри». «Вы не помните сколько раз я вам говорил прежде, что нам нужно будет постоянно сражаться? И хотя иногда мы немного отдыхаем, нам следует вернуться затем на войну», – напоминает он. Развивая свою мысль фра Джироламо продолжает использовать военную лексику: «Солдаты, когда

¹¹¹¹ Predica IV // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 47.

¹¹¹² Как уже было сказано выше, Александр VI Борджиа 12 – 13 мая 1497 г. отлучил фра Джироламо от Церкви, а 18 июня текст отлучения был зачитан прихожанам в ряде флорентийских церквей.

примут участие в стычке, возвращаются; и те, кто повредил поножи, кто доспехи, а кто шлем, уходят починить все вооружение, а затем возвращаются, подготовленные к новой войне и обучив друг друга; кто говорит: держи так копье, ты так меч, и ты делай это, а ты другое. Потом идут впереди барабанщики, и солдаты идут, восклицая: – Марцокко! Марцокко¹¹¹³! – если они являются вашими (солдатами – Е.Т.); и таким образом они производят смотр, и предстают дисциплинированными и готовыми к новой войне. Мы поступили также, проведя стычку, привели в порядок оружие тех, кто повредил его: тот, кто не обладал совершенным знанием, привел себя в порядок и приобрел знание; этот не имел большого смирения, сейчас он обрел его; другой, кто не обладал совершенным послушанием, сделался покорным; и таким образом кто приобрел одну вещь, а кто другую. Затем мы произвели смотр, совершили процессии, многочисленные молитвы, славили, пели, проявляли рвение, распевая: *Ecce quam bonum et quam iucundum habitare fratres in unum* (Как хорошо и как приятно жить братьям вместе!)¹¹¹⁴. И после этого мы вернулись, и вот мы здесь, на поле (боя – Е.Т.), снова. *Nolite ergo timere, pusillanimes* (Не бойтесь же, малодушные)¹¹¹⁵. Кроме того, не говорил ли я вам неоднократно, что мы должны сражаться и победить? Я вам говорю, что мы должны победить в любом случае ...». Рассуждая о потерях в сражениях, проповедник вдохновляет своих сторонников тем, что описывает незавидную участь погибших врагов, составивших дьявольское войско, в отличие от избранных Богом, продолжающих и после смерти оказывать помощь правому делу: «И многие из тех, кто мертвы, умерли двумя смертями: одной – в этой жизни, другой – в Преисподней. Я тебе также мог бы назвать кого-либо из них, но добрые (люди – Е.Т.), которые кажутся тебе мертвыми, не умерли, но пребывают в иной жизни и молятся и помогают (нашему – Е.Т.) делу». И, наконец,

¹¹¹³ Так называли изображение сидящего льва на гербе Флоренции.

¹¹¹⁴ Пс. 132.

¹¹¹⁵ Ниже, в тексте проповеди приводится пространный вариант этого высказывания: *Nolite timere, pusillanimes, Dominus enim vobiscum est* (Не бойтесь, малодушные, ибо Господь с Вами). Возможно, цитата связана с книгой Исайи, Ис. 35: 4: *Dicite pusillanimis: «Confortamini, nolite timere! Ecce Deus vester, ultio veniet, retributio Dei; ipse veniet et salvabit vos»* (Скажите робким душою: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог ваш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас).

в заключении этого пассажа характеризуется противник и намечаются, если можно так выразиться «места сражений»: «И дьявол также провел смотр, созвав своих солдат, которые, когда отлучением от церкви, когда злословием, не стремятся ни к чему, кроме зла, и этот карнавал они наполняют пороками, а мы хотим из него сделать Пасху, насыщенную хвалами Богу и молитвами, и посмотрим потом, кто одержит победу. Ну же, ... Господь с нами, ... мы победим в любом случае»¹¹¹⁶.

Образные речи Савонаролы о разворачивающейся здесь и сейчас борьбе сатанинских сил и добрых христиан реформирующейся Флоренции, избравшей своим правителем Христа, вкупе с харизмой проповедника и его пылом, поражали сознание слушателей настолько, что в монастырях Тосканской конгрегации буквально разразилась борьба с демонами, непрерывно, в воображении братьев и сестер, осаждавшими их обители¹¹¹⁷. Подробное описание таких «сражений» представил Псевдо-Бурламакки. Так, ссылаясь на свидетельство одного из братьев – Руберто Строцци, он передает историю о молодом послушнике, борьба которого со своими мирскими привязанностями не обошлась без участия дьявольских сил. «Некий послушник таким образом отдалился от привязанности к своим родственникам и родным, что никоим образом больше не желал с ними разговаривать». Однажды, увидев своего отца, идущим через дворик монастыря, он, чтобы оградить себя от общения, заперся в своей келье. «Видя это, дьявол воспылал такой злобой, что ... жестоко избил ...; затем прислонил его голову к двери кельи, ибо не хотел, чтобы каким-либо образом она открылась»; после того, как братья взломали дверь, они «обнаружили послушника похожим на мертвого»¹¹¹⁸. Можно только представить, какое сражение с самим собой пришлось выдержать

¹¹¹⁶ Predica I // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo ... Vol. 1. P. 6–8.

¹¹¹⁷ Очевидно, что чувство борьбы с дьявольскими силами ощущалось обитателями монастырей намного сильнее нежели мирянами, поэтому описанные выше рассуждения Савонаролы, вместе с его наставлениями, обращенными собственно к братии, – например, Псевдо-Бурламакки сообщает, что беседы приора с монахами зимой 1494–1495 гг. сопровождалась его плачем и словами: «Сатана пропустит вас сквозь сито, и просеет, как просеивается зерно, и многие из вас отпадут от веры», – обретали здесь наиболее благоприятную почву и проявлялись в специфических фантазиях. См.: La Vita ... P. 64. Об отдельных проявлениях этой борьбы в монастырях см.: Martines L. Op. cit. P. 142–143.

¹¹¹⁸ Ibid. P. 65.

этому молодому человеку. Преследования Сатаны обрушиваются на всех монахов обители. Как сообщает Псевдо-Бурламакки, «древний враг рода человеческого, видя, что уже множество душ обрелись из-за этого обновления во Христе, будучи похищены из его лона, что слуга Божий уже расставил божью сеть и объявил об обновлении¹¹¹⁹», стал являться монахам Сан Марко «в различных формах и образах». Зимой 1495 г. некоторых братьев, бдевших ночами в «святых молитвах и созерцании», принялись обуревать демоны, являясь «в виде разнообразных фигур и устрашающих зверей, чтобы помешать их сладостной молитве, и зачастую говорили гадкие, непристойные и мерзкие слова, увещающие обрести удовольствия и обратиться к этой (мирской – Е.Т.) жизни, и тотчас исчезали». Противостояние между добром и злом порой обретало цвет, и мыслилось как антагонизм черного и белого: «Несколько раз 3 или 4 эфиопа являлись, избивая какого-либо брата, и однажды так измучили битьем одного, что на его вопли сбежался весь монастырь; и фра Лоренцо ... благочестивый и усердствующий в вере пономарь ... рассказал, как его ударили по голове, полагая, потому что каждую ночь он призывал братьев к заутрене славить Господа». Шесть месяцев длились «частые баталии» в монастыре, при этом, как утверждает автор, «мы испытывали большое рвение, понимая, что вначале будем смущены, и это случилось; но затем мы были утешены ангелами, которые ... просветили нас, и особенно относительно обновления Церкви»¹¹²⁰.

Затем демоны, согласно свидетельству Псевдо-Бурламакки, «оставив братьев пошли по городу», «стали рассеиваться в домах горожан», прежде всего стремясь овладеть «девами» и монахинями, «особенно в монастыре наших сестер Св. Лючии». Монахи стремились оказать всяческую помощь одержимым дьяволом людям, от успокаивающих бесед вплоть до проведения актов экзорцизма. Особенно отличился на поприще изгнания бесов фра Доменико да Пеша, «ибо Господь наделил его большой властью над ними»; де-

¹¹¹⁹ Псевдо-Бурламакки последовательно излагает события, но не всегда точно указывает их время; можно предположить, что речь идет о рубеже 1494–1495 гг.

¹¹²⁰ Ibid. P. 64–66.

моны также чрезвычайно страшились, по словам сочинителя «Жизнеописания», вида и имени фра Джироламо, потому старались каким-либо образом исказить его, используя фонетические ассоциации, оскорбительные для доминиканца – «frate Agira» (брат Обманщик), «frate Giraffa» (брат Жираф)¹¹²¹. К сожалению, в последнем случае трудно определить, связан ли (и насколько) этот пример словоупотребления со спецификой магических процедур подчинения бесов, как полагает Л. Мартинес¹¹²². В этом случае представляется возможным и иное толкование: автор текста, при построении рассказа воспроизводит прозвища брата, распространенные в то время среди его противников, и представляющие собой, по сути, проявления карнавального начала в повседневной культуре, связанного с осмеянием, поношением какой-либо признанной и авторитетной фигуры.

В самом же Сан Марко сопротивление демонам осуществлялось приором «с помощью молитв, псалмов, процессий и окропления святой водой». Борьба была упорной с обеих сторон, так, во время одного из ночных шествий бесы преградили путь монахам, приняв обличье «саламандры»¹¹²³. Очевидно одна из целей многочисленных ночных процессий, инициируемых Савонаролой, как раз заключалась в том, чтобы избавить братьев от страхов перед сатанинскими полчищами, осаждающими реформированный монастырь, превратить их в воинов Господа, коллективно противостоящих злу. Отличительным знаком этого «воинства» стал красный крест – символ покаяния и следования за Христом, уже упоминавшийся выше при описании городских религиозных празднеств, объединявший в отряды всех «истинных христиан», как духовных, так и светских лиц. Таким образом Франческо Альтовити, обвинявший брата в трансформации городского культа, был близок к истине. Во всяком случае анонимный монах-«плакса» – Псевдо-Бурламакки выказывал сходную мысль относительно изменений внешнего культа, произошедших в конvente. «В это время, – повествует аноним, сообщ-

¹¹²¹ Ibid. P. 66–67.

¹¹²² *Martines L.* Op. cit. P. 143.

¹¹²³ *La Vita ...* P. 65.

щая о событиях 1496 г.¹¹²⁴, – слуга Божий начал по-новому петь псалмы и молиться, что воспламеняло рвение братьев». Эти «молитвы и процессии совершались ночью и иногда днем», не только в Сан Марко, но и в других монастырях конгрегации – «Сан Доменико во Фьезоле и в Прато»; каждый монах «нес в руке по белой свече и красному кресту, и звонкими голосами пели псалмы, обходя монастырь, сад и двор, и таким образом, распевая псалмы вплоть до утренней зари, бодрствовали». Так продолжалось всю зиму означенного года, «особенно в праздники». Исключительно впечатляющей, по мнению автора, была процессия в Сан Марко, «во время которой слуга Божий в 4 или 5 местах делал остановки, где с величайшим пылом, неся в руках Св. Дары, объявлял (поднимал) их... », в завершение хода фра Джироламо «перед святой Троицей объявил, что был послан Богом во Флоренцию, чтобы Церковь могла обновиться, и неверующие обратились к вере в Иисуса Христа, и множество других вещей»¹¹²⁵. Сходное сообщение имеется в «Хронике» С. Филипеппи: «Отец имел обыкновение побуждать своих братьев к жизни духовной и милосердной, и в эти времена были особые, устраиваемые с редким пылом, благочестивейшие процессии внутри монастыря Сан Марко, особенно по ночам, и среди них была сделана одна ночью в канун Рождества, когда обошли весь конвент благочестивейшим образом, и иной раз останавливались в некоторых местах, чтобы помолиться, и в итоге дошли до церкви; где, после многочисленных молитв, отец произнес страстную и чудеснейшую проповедь об этом таинстве (Рождества); эта проповедь была напечатана среди других его трудов на вольгаре»¹¹²⁶.

Здесь необходимо отметить еще одно назначение процессий, устраиваемых в Савонаролой и его сподвижниками в монастырях Тосканской конгрегации, на которое уже обращал внимание своих читателей анонимный современник брата – «воспламенить и воодушевить сердца братьев в любви к

¹¹²⁴ Пассаж о шествиях в монастыре, устроенных «по-новому», включен автором «Жизнеописания» в рассказ о событиях чумы 1496 г.; по времени он совпадает с аналогичными процессиями горожан, устроенными Савонаролой во Флоренции.

¹¹²⁵ La Vita ... P. 116.

¹¹²⁶ Filipeppi S. Op. cit. P. 477.

Иисусу»¹¹²⁷. Тема любви и ее высшей формы – милосердия, как стимула, ведущего человека к Богу, неоднократно возникала в обращенных к пастве проповедях монаха, а также реализовывалась в поощрении практики пожертвований в адрес «стыдливых бедняков». В монастыре культивирование этого качества дополнялось упорной работой Савонаролы по созданию атмосферы некой особой, интимной близости монахов к Богу и Деве Марии. Первые попытки, если верить анонимному биографу брата, были предприняты им во время прихода во Флоренцию в 1482 г., когда фра Джироламо выполнял функции лектора, обучавшего братьев началам богословия и практике библейской экзегезы. Псевдо-Бурламакки рассказывает, что уже тогда Савонарола вводил следующую практику среди обучавшихся у него послушников: «Часто вечером, распевая псалмы и гимны, организовывали появление одного (новиция – Е.Т.) в образе маленького Иисуса и, поместив его в центр, усаживались вокруг него, и всякий преподносил ему в дар свое сердце, или другим, прося о милости (благодати) для себя и других, как например, дабы Господь допустил, чтобы некий мирянин обратился к служению Богу в святой вере». Далее автор сообщает, что монахи, благодаря Господа, наделяли его такими эпитетами, «как сладкий Иисус » или «Пресвятой Иисус». Также часто братья прибегали к Деве Марии, называя ее «*mamma nostra* (наша мать)», «прекрасная Дева», «благодатная Дева», «Дева – мать милосердия»¹¹²⁸.

Аналогичные практики бесед и ритуалов были продолжены Савонаролой после его второго прихода во Флоренцию, в 90-е гг. XV в. О том, какой эффект они производили в сознании монахов, можно судить по истории, поведанной С. Филиппи. Этот горожанин уверял, что сведения достоверны, ибо получены на следующий день после события, от человека «доброе знат-

¹¹²⁷ La Vita ... Р. 118. Здесь же Псевдо-Бурламакки сообщает, что «Слуга Божий фра Доменико да Пеша делал так во Фьезоле, и брат Антонио ди Оландиа (Olandia), приор Сан Доменико в Прато». Савонарола, фра Доменико и фра Антонио были дружны еще со времен обучения в Болонье; прежде, чем возглавить монастырь в Прато, последний пребывал некоторое время в Сан Марко. См.: D'Amato A. Op. cit. Р. 95–96. О нем же упоминал Псевдо-Бурламакки в связи попыткой попыткой установить контроль доминиканцев Сан Марко над обителью Св. Екатерины в Пизе (параграф 1.2).

¹¹²⁸ La Vita ... Р. 46.

ного, богатого и обладающего хорошей репутацией»¹¹²⁹, единственный сын которого является монахом этого Сан Марко. Якобы в следующую ночь после Рождества, одному из молодых братьев в его келье явился Господь «в виде маленького мальчика, каким он был, когда родился в яслях»; с приближением времени заутрени, у брата началась душевная борьба – «должен ли он идти, оставить здесь святого ребенка и лишиться себя такого огромного наслаждения или нет»; в итоге брат решился и взял его с собой, тщательно спрятав под рясой. «Трепеща от наслаждения и ужаса», взошел на хоры, «никому ничего не открыв»; и в какой-то момент ребенок соскочил с рук монаха; оторопевший брат «казалось, вышел из себя, ибо стал ходить по хору, как тот, кто ищет утраченную вещь». Окружающие заметили, что он что-то потерял, при этом «некоторые смутно догадывались», что причина не только в набожности брата, но и связана с тем, что «днем раньше Отец постановил, чтобы церковь и монастырь были вычищены со всей тщательностью ...; и приказал всем братьям горячо молиться, ибо среди них будет кто-то, кто ночью увидит мальчика, живого и истинного»¹¹³⁰.

Одним из наиболее ярких примеров ритуалов, способствующих формированию подобных настроений близости к Спасителю, как представляется, была процессия 1498 г. организованная в неделю Епифании – праздника, в католической церкви связанного главным образом с воспоминанием о поклонении волхвов. Шествие возглавил «послушник, одетый в прекрасную рубашку, и это был Якопо Гуччи, и он представлялся ангелом, нес на шесте сверкающую звезду; и за ним следовало множество братьев. После них шли трое в шелковых мантиях, представлявшие трех Волхвов». Участники процессии обошли территорию монастыря, изображая поиски «родившегося маленького Иисуса»: волхвы пели «на манер псалма, следующую строку: *Ubi est qui natus est rex Iudaeorum? Vidimus enim stellam eius in oriente* (Где родившийся Царь Иудейский? Ибо мы видели звезду Его на востоке)», а

¹¹²⁹ «... da un'huomo da bene, nobile, ricco et di buona fama».

¹¹³⁰ Filipepi S. Op. cit. P. 477–478.

остальные братья отвечали им: «*In Bethleem Iudaeae sic enim scriptum est per prophetam* (В Вифлееме Иудейском, ибо так написано через пророка)»¹¹³¹. Затем братья вернулись в монастырскую церковь и «пропели заутреню», во время которой «юноши, одетые наподобие ангелов, приблизившись к яслям, взяли маленького Христа и поместили его на подготовленный переносной алтарь и установили его посреди нижней части церкви, припевая: *Ecce dominator quem vos quaeritis et angelus testamenti quem vos vultis* (Вот Господь, Которого вы ищете, и Ангел завета, Которого вы желаете)¹¹³²). И братья отвечали: *Deus meus, Deus meus, es tu* (Господь мой, Господь мой, это ты)?». После этого, каждый из Волхвов поочередно брал младенца Христа и, цитируя строку из Песни песней Соломона, – первый: *Dilectus meus candidus et rubicundus electus ex milibus* (Возлюбленный мой бел и румян, лучше десяти тысяч других); второй: *Fasciculus myrrhe dilectus meus mihi inter ubera mea commorabitur* (Мирровый пучок – возлюбленный мой у меня; у груди моих пребывает); третий – *Obsculetur me osculo oris sui* (Да лобзает он меня лобзанием уст своих)¹¹³³, – передавал Иисуса братии, которая, соответственно, целовала его ноги, руки и, наконец, уста. По завершении службы «все братья, с зажженными факелами и красными крестами в руках, направились в трапезную на ужин, и, в то время как они вкушали пищу, один проповедовал с кафедры». Автор этого рассказа подчеркивает: «Чрезвычайно велики были рвение и радость братьев в те дни, когда их сердца обратились в любви к Иисусу; и миряне, в том числе противники, стекались посмотреть в дверях церкви, и, наблюдая, удивлялись подобному рвению»; а, подводя итог, заключает: «...рай был в этих монастырях, и снизошла настоящая духовность на землю, так что все воспламенились любовью»¹¹³⁴.

Стоит обратить внимание на некоторые фразы двух последних цитируемых здесь источников. В первом случае автор ссылается на информацию некоего горожанина, сын которого стал монахом Сан Марко. Во втором со-

¹¹³¹ Мф. 2:2, 5.

¹¹³² Мал. 3:1.

¹¹³³ Песн. 5:10; 1:12; 1:1.

¹¹³⁴ La Vita ... P. 117–118.

чинитель указывает, как во время организованного братьями монастыря шествия «миряне, в том числе противники, стекались посмотреть в дверях церкви, и, наблюдая, удивлялись подобному рвению». Эти авторские ремарки являются дополнительным подтверждением того, что сообщество монахов не представляло собой замкнутую, полностью отмежевавшуюся от внешнего мира группу. Скорее наоборот, монашеская община развивалась, в том числе создавала и культивировала ритуальные практики и образы-символы, связанные с целями и смыслами ее существования, коррелируя с городским, гражданским обществом Флоренции¹¹³⁵. И на какое-то время определяющей основой означенной взаимосвязи становится послание Господа, выразителем которого является реформатор-пророк Савонарола. В целом, можно предположить, что если Флоренция, правителем которой был провозглашен Христос, преобразившись, должна выполнить миссию центра обновления христианского мира, то монастыри Тосканской конгрегации – это своеобразный авангард «воинства» избранных, пример и эталон доброй христианской жизни, основанной на любви к Богу и ближнему и соблюдении принципов общего блага¹¹³⁶. И если граждане реформирующегося города на Арно начинают ощущать себя, – особенно во время устраиваемых братом религиозных шествий и праздников, – обитателями Нового Иерусалима, то преобразившиеся благодаря трудам фра Джироламо и его сподвижников конвенты, куда стремятся вступить наиболее экзальтированная часть флорентийцев, в силу достигнутого на тот момент совершенства их братьев мыслятся воплощением Рая на земле.

¹¹³⁵ Сходная мысль присутствует в монографии Ричарда Трекслера, подчеркивающего, что сообщества монахов и монахинь «не являются ... микрокосмическими единицами, динамика которых и создание неких смыслов (значений), не зависят от внешнего мира. Они являются социальными единицами...». Примечательно, что автор, цитируя аналогичные места из Псевдо-Бурламакки, касающиеся занятий Савонаролы с послушниками и организации процессии на Богоявление 1498 г., оставляет их без комментариев, поскольку, по его мнению, они излишни и способны только умалить силу воздействия источника. При этом для Р. Трекслера эти сведения, как он сам заявлял, необходимы для выявления общих элементов ритуальных механизмов, «отражающих флорентийскую культуру в целом, а не только какой-либо конкретный момент времени». *Trexler R.C. Op. cit. P. 187–190.*

¹¹³⁶ Вот как, например, рассуждает Савонарола, наставляя горожан в необходимости следовать принципам «общего блага»: «Единый город подобен хорошо управляемому монастырю, где каждая вещь общая, и живут всегда в мире и спокойствии. Разъединенный же город подобен монастырю, где никто не заботится о том, чтобы все было общим, каждый думает только о своем; вскоре такой монастырь разорится и придет в упадок». См.: *Predica XVI // Savonarola G. Prediche sopra Aggeo ... P. 275–276.*

5.3. Торжество веры. «Костры суеты»

Проведение во Флоренции нравственной реформы, как известно, сопровождалось организацией в 1497 и 1498 гг. «костров суеты». Здесь следует отметить давнее и пристальное внимание ученых к означенным акциям. При этом, в подходах к постановке проблемы и выборе ракурса исследования с течением времени произошла значительная эволюция. Так, если преимущественно в XIX в. историки рассматривали действия по уничтожению «суеты» либо как проявление вандализма, либо в качестве кульминационных моментов в духовной эволюции горожан, призванных обозначить факт обращения флорентийцев к истинной вере, очищенной от всяческих пороков¹¹³⁷, то авторы научных работ XX – нач. XXI вв., – очевидно, признав, что подход с позиций «прогресс–регресс», «значительный–несущественный ущерб» мало что дает для объяснения сути явления, – обратили внимание на иные аспекты темы «костров»: наличие у Савонаролы предшественников – монахов-проповедников из Ордена Св. Франциска; символическое значение этих «сожжений суеты», представлявших собой некую форму политико-религиозной пропаганды; и, наконец, связь савонаролианских «духовных празднеств» с народной карнавальной культурой¹¹³⁸.

Действительно, «костры» ко времени Савонаролы уже не были чем-то новым в практике проповедников. Инициатором и первым организатором

¹¹³⁷ Например, Я. Буркхардт считал, что Савонарола «отличался крайне малой свободой мысли» и следующим образом высказал свое удивление: «какого нужно было огня, чтобы заставить образовательный энтузиазм флорентийцев поклониться перед этим воззрением». См.: *Буркхардт Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. со 2-го нем. изд. Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1876. С. 395. Напротив, П. Виллари предположил, что на «кострах суеты» сгорели несколько экземпляров «Декамерона» и книг с непристойными рисунками, но среди предававшихся огню вещей «не могли быть драгоценные античные и современные картины и статуи, древние кодексы, иначе не было бы положительной оценки (действий монаха) со стороны гуманистов». Сходной точки зрения придерживался Исидоро дель Лунго, заявлявший, что «плаксы не стремились уничтожить чудеса искусства», что «глупо было бы полагать, что это могло быть сделано во Флоренции», что «сожжение суеты не могло быть ничем иным, как протестом против утонченной развращенности искусства... особенно Медичи и Римской курии». См.: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 1. С. 372; *Del Lungo, Isidoro.* Prefazione // *Canzona d'un piagnone ...* P. XIII–XIV.

¹¹³⁸ См., например: *Чентни Т.С.* Указ. соч. С. 124; *Ciappelli G.* Op. cit. P. 215, 224, 229; *Benvenuti A.* Op. cit. P. 163–186.

«костра Суеты» во Флоренции стал Бернардино Сиенский во время Великого поста 1424 г.; другой францисканец – Бернардино да Фельтре в июле 1493 г. после Пятидесятницы устроил в городе аналогичную акцию¹¹³⁹. Однако, здесь следует согласиться с точкой зрения Джованни Чаппелли, что отличия имелись и заключались в способе организации действия, а также смысле и значении, которое ему придавалось Савонаролой и его сподвижниками.

Костры 1497 г. и 1498 г. были организованы в центре города, на площади у палаццо Синьории, что уже свидетельствует о той значительной роли, которую они должны были выполнять в реформе нравов. Далее, грандиозность сооружений. Об устройстве Костра 1497 г. можно судить на основе подробных описаний, оставленных современниками событий – анонимным монахом (Псевдо-Бурламакки), поэтом Джироламо Бенивьени и флорентийским горожанином, автором «Истории Флоренции» Якопо Нарди. Конструкция, возведенная на площади Синьории «художниками, ремесленниками, плотниками, которые объединились для этой совместной работы», представляла собой восьмигранник «по типу пирамиды» высотой 30 и длиной каждой стороны в 15 локтей (согласно Псевдо-Бурламакки, бревна, прикрепленные к центральному столбу, «упирались в землю по окружности в 120 локтей»). Для лучшего горения, в основание конструкций были заложены хворост и бревна, а также «порох для бомбард». Каждая сторона была устроена в виде расположенных друг над другом ступеней, на которых в тематическом порядке размещались суетные вещи, изъятые у горожан «мальчиками брата»¹¹⁴⁰.

Поскольку после Рождества Савонарола был вынужден замолчать, «чтобы не раздражать своих противников и преследователей», его место занял фра Доменико да Пеша, «проповедуя в праздничные дни вплоть до поста», и как свидетельствует Я. Нарди, именно ему пришлось руководить кампанией по сбору «суеты» для костра: он «на протяжении этого краткого времени убеждал народ очистить дома от всех книг, как на латинском, так и на

¹¹³⁹ Ciappelli G. Op. cit. P. 224.

¹¹⁴⁰ Nardi I. Op. cit. P. 92; La Vita ... P. 130; Benivieni G. Commento ... P. XXI. В целом описания устройства этого сооружения у означенных авторов совпадают, однако Псевдо-Бурламакки говорит о 15 ступенях, в то время как Джироламо Бенивьени утверждал, что было 7 ступеней, соответствующих 7 смертным грехам.

вольгаре, похотливых и непристойных, от скульптур и картин любого сорта, которые могут склонить человека к дурным и бесстыдным помыслам»; также под его началом находились «мальчики», которые «пошли по домам горожан в своих кварталах, смиренно и со всяческой кротостью выпрашивая всяческую анафему – так называли подобные похотливые и непристойные вещи, как проклятые Богом и канонами Св. Церкви»¹¹⁴¹.

В итоге, на возведенной на площади Синьории конструкции отдельно было выставлено: все, что служило услаждению слуха – различные музыкальные инструменты и нотные записи; сладострастные сочинения поэтов и писателей; непристойные произведения живописи и скульптуры; разнообразные приспособления для азартных игр; женская суета – косметика, духи, накладные волосы, зеркала; карнавальная «чертовщина» – маски, бороды, парики. Сооружение венчала фигура Карнавала, «настолько чудовищная и безобразная, что с трудом можно вообразить такую», – как охарактеризовал ее Бурламакки. Бенивьени утверждал, что Карнавал был представлен в качестве предводителя семи смертных грехов «в виде настолько гнусного и отвратительного монстра, насколько можно вообразить», и символизировал пороки «ложных христиан»¹¹⁴². Костер суеты 1498 г., по словам Псевдо-Бурламакки, являл собой «большое сооружение, украшенное лучше прежнего», «по форме и модели напоминающее предыдущее, на вершине которого находился древний змей и на нем восседал Люцифер с семьей смертными грехами»¹¹⁴³. Здесь опять наблюдается некоторое сходство с францисканской традицией. Как отметил Д. Чаппелли, братья меньшие в свое время толковали собранные для уничтожения в огне вещи, как «замок дьявола»¹¹⁴⁴. Однако специфика савонаролианских костров заключается в их постоянной связи с карнавалом: сожжения проводились исключительно в дни этого праздника; фигура Карнавала, венчавшая конструкцию «дьявольских приспособлений»,

¹¹⁴¹ Nardi I. Op. cit. P. 91–92.

¹¹⁴² La Vita ... P. 131; Benivieni G. Commento ... P. XXI – XXII.

¹¹⁴³ La Vita ... P. 132–133. Как видим, окружение фигуры, увенчавшей, по словам Псевдо-Бурламакки, означенное сооружение, напоминает образ Карнавала 1497 г. у Бенивьени – это один из примеров сложности соотнесения сведений современников с конкретными датами событий.

¹¹⁴⁴ Ciappelli G. Op. cit. P. 225.

мыслилась как олицетворение Сатаны, Люцифера – предводителя всех грехов¹¹⁴⁵. Как представляется, современники, оставившие сообщения об этих событиях, смогли передать суть предпринятых монахом акций: флорентийцы, избравшие своим главой Иисуса Христа, совершают символический акт отказа от порочной жизни именно в то время, когда, согласно традиции, материально-телесное, греховное начало могло проявить себя с максимальной силой¹¹⁴⁶.

Выше отмечалось, что изменение карнавальных обычаев не было резким, а производилось постепенно. Если зимой 1496 г. монах при проведении «духовного праздника» сделал ставку на детей, то в торжествах 1497 и 1498 гг. в качестве активных участников выступают и взрослые. Организация процессий напоминает религиозные шествия горожан, практиковавшиеся на протяжении 1496 г., достаточно только сравнить тексты источников. Означенное сходство отмечали современники-очевидцы; так Джироламо Бенивьени, описывая карнавал 1497 г., сообщает, что «мальчики совершили процессию, подобную той, о которой мы пространно говорили в предыдущем рассуждении»¹¹⁴⁷, имея в виду комментарий на свою канцону «Viva ne' nostri suoi», исполненную детьми в Вербное воскресенье 27 марта 1496 г.

Утром 7 февраля 1497 г.¹¹⁴⁸ горожане посетили мессу и причастились. После обеда состоялась «торжественная процессия, обходящая город согласно обычаю». Как сообщает Псевдо-Бурламакки, возглавили процессию мальчики: сначала дети шествовали «по двое, в соответствии с порядком кварталов города»; за ними продвигались 4 мальчика, изображавшие ангелов, на плечи которых был водружен «переносной алтарь» с «маленьким Иисусом» – творением «великого скульптора Донателло», над этой группой «был балда-

¹¹⁴⁵ См.: Псевдо-Бурламакки: «при приближении сатанинских дней и карнавальных бесчинств», «в пакостном месте дьявольского праздника». *La Vita* ... Р. 129, 130.

¹¹⁴⁶ См.: Тельменко Е.П. «Пожелал слуга Божий превратить день распутств в день благоразумия, святости и пользы для души» // Вестник Северо-Кавказского федерального университета: научный журнал / гл. ред. В.Н. Парахина. Ставрополь, 2014. № 1 (40). С. 156–160; Она же. Костры во Флоренции в конце XV в. // Вопросы истории. Москва, 2015. № 8. С. 102–108, 111; Она же. Пророк и город «праведных» ... С. 144–156.

¹¹⁴⁷ *Benivieni G. Commento* ... Р. XXI.

¹¹⁴⁸ Далее приводятся сведения о карнавале 1497 г., оставленные Псевдо-Бурламакки и Джироламо Бенивьени. См.: *La Vita* ... Р.131–132; *Benivieni G. Commento* ... Р. XXII–XXIII.

хин из шелка удивительной красоты, расписанный с большим разнообразием, который несли, подняв на шестах, 12 мальчиков»; Иисуса «окружали мальчики-певцы, которые пели псалмы и духовные гимны, сердцем и голосом моля Господа за народ флорентийский»; затем «кусты с помощниками» и собиратели милостыни (*elemosinieri*) «несли сосуды из серебра для сбора милостыни для бедняков Св. Мартина». За мальчиками следовали мужчины «с красными крестами», а после – девочки и женщины. Все они пели «прекрасные гимны». «По-обыкновению» обойдя город, участники действия вновь достигли собора, где состоялся сбор милостыни для «стыдливых бедняков».

Здесь же, по словам Джироламо Бенивьени, была исполнена его «специально сочиненная для этого» канцона «*Da che ci hai, Signore*». В этой песне флорентийцы молили Господа исполнить свои обещания. Постоянно повторяемый припев являлся своего рода свидетельством того, что жители избранного Богом города обратились к истинной вере, и готовы проявить всяческое усердие на этом пути: «С тех пор, как ты, Господи / Иисусе, по милости своей избрал нас, / Наши сердца / Воспламенены твоей любовью». В куплетах песни нашли свое отражение присущие жителям города на Арно республиканизм и любовь к свободе, признание и провозглашение Христа правителем Флоренции. В ней воплотились эмоции, связанные с обрушившимися на город испытаниями: можно предположить, что фраза «Господи, почему так много страданий?» резонировала с настроениями флорентийцев, переживших трудный 1496 г. (результаты противостояния с Пизой; чума, сопровождавшаяся сифилисом; голод, поразивший город и его округу). Одновременно канцона выражала надежду на то, что Господь не оставит свой город, и тот обретет обещанную благодать и процветание. В тот день в Санта Мария дель Фьоре звучали следующие слова: «Прояви, Господи, / Свою мощь и приди: / Яви (всем), что ты Бог. / Господи, почему так много страданий? / Почему не свяжешь и не укротишь / Это беспрестанное волнение, / Которое смущает / Город Цветка?... / Ты знаешь, сладкий Иисусе, / Что наш город / Сейчас бо-

лее не имеет Царя на земле, / Помимо тебя¹¹⁴⁹, / Поэтому эта милость, / Господи, которой ты нас наградил, / (Состоящая в том,) что ты правишь нами, / Побеждает наш грех ... / Кому неизвестно, что за грехи / Твоего непокорного народа / Ты уготовил наказание, / Чтобы добрым вернуть отраду, / Королям оказать правосудие / В кратком гневе и ярости ... / Если разум дурно пропитан / Гордыней и безрассудством, / Питает отвращение к твоему правлению, / Поскольку погряз в пороках, / Он будет лишен в итоге / Обещанных ему даров ... / Так что жизнь – добрым людям, / Королям – смерть и скорби ... / Отвори свой источник и пролей, / Милостивый Иисусе, сейчас / Благодать, чтобы она обновила в тебе / Твою прекрасную Флоренцию. / Мы в этот новый век / Совершаем дар, / Поднося тебе в подарок сердце»¹¹⁵⁰.

Прежде, чем продолжить описание карнавала, стоит отметить, что канцоны и лауды Джироламо Бенивьени, сочинявшиеся для устраиваемых Савонаролой городских духовных празднеств, представляют один интереснейших примеров рецепции и осмысления идей монаха-реформатора его приверженцами. Прояснить смысл стихов позволяют комментарии самого поэта, которыми он сопровождал их печатное издание. Так, например, как сочиненная для карнавала 1497 г. канцона «*Da che ci hai, Signore*», так и в упомянутая выше песня по случаю процессии в Вербное воскресенье 1496 г. «*Viva ne' nostri suoi*» пронизаны верой в истинность пророчества доминиканского брата, прежде всего в том, что касается особого места Флоренции, – города, Царем которого стал Христос, – , в божественном плане преобразования христианского мира. При этом, в канцоне 1497 г. эта вера сопровождается упованием на то, что Господь наконец-то положит конец волнениям и тревогам, в недавнем времени постигшим город на Арно: осмысление сложившейся в тот момент ситуации происходит явно по схеме, настойчиво внушаемой на проповедях фра Джироламо – сначала испытания, и только затем – процветание. В канцоне 1496 г. присутствует сходный мотив, но гораздо шире представле-

¹¹⁴⁹ «*Fuor della tua bontà*» – «За пределами твоей доброты».

¹¹⁵⁰ Benivieni G. Canto. *Da che tu ci hai Signore* // *Libro di Carnevale dei secoli XV e XVI* / raccolto da Luigi Manzoni. Bologna: presso Presso Gaetano Romagnoli, 1881. P. 225–227.

на тема процветания и благополучия, которое в итоге должно наступить в реформированной Флоренции: здесь речь идет как о благах вечных, духовных, так и о мирских, преходящих, – опять же в соответствии с пророчествами брата о будущей судьбе города, в том числе экономической, политической, и, как выразился Джан Карло Гарфаньини, «даже империалистической»¹¹⁵¹. «Славься в наших сердцах, славься, о, Флоренция, / Да здравствует Христос, твой царь, да здравствует Супруга, / Дочь его и Мать, твоя путеводительница и королева; / Поскольку из-за их доброты, из-за их милосердия / Ты должна стать, как никогда, / Наиболее богата, сильна и прославлена: день приближается; / И не может быть большего обещания, О, бесценный дар ...»¹¹⁵², – так начинается песня на Вербное воскресение, автор которой в своих комментариях поясняет: «“наиболее богата” благами, как вечными и духовными, так и преходящими и материальными; “более сильна” через расширение своей власти (господства), “прославлена” Богом и людьми»¹¹⁵³. Далее автор обращается к теме божественной благодати, которой наделена Флоренция, разъясняя в комментариях, что фраза «это славное семя» есть ни что иное, как «благодать Божья – истинный корень доброй христианской жизни: которая прежде, согласно проповедям этого слуги и пророка Божьего была целиком утрачена, даже среди многих тех, кто почитался и исполнял обязанности учителей закона»¹¹⁵⁴. «Все же живет в тебе это славное семя; / Отсюда проистекает всякая наша неоспоримая надежда, / Отсюда должен произойти плод, / Ибо твоим посредством, о, сладкий Иисус / Весь мир насыщается добрыми истинами»¹¹⁵⁵. После канцона провозглашает: «Флоренция моя, в своих испытаниях, / Более, чем другой город в своих радостях и в большой

¹¹⁵¹ Garfagnini G. C. Polemiche politico-religiose nella Firenze ... P. 117.

¹¹⁵² Canzona sopra felicità di Fiorenza cantata dopo la solenne processione del MCCCCXCVI // Poesie di Ieronimo Savonarola / illustrate e pubblicate per cura di Audin De Rians. Firenze: Stamperia di Tommaso Baracchi, 1847. P. 17. Далее – Canzona sopra felicità ... В цитируемом издании канцона приписывается Джироламо Савонароле.

¹¹⁵³ Benivieni G. Il Comento di Girolamo Benivieni, sulla Canzone Viva ne' nostri cuori o Florentia // Libro di Carnevale dei secoli XV e XVI / raccolto da Luigi Manzoni. Bologna: presso Presso Gaetano Romagnoli, 1881. P. 197.

¹¹⁵⁴ Ibid. P. 199.

¹¹⁵⁵ Canzona sopra felicità ... P. 18.

пышности, / Ты можешь радостно ожидать своего спасения ...»¹¹⁵⁶. Более того, в середине песни появляется образ Нового Иерусалима, которым является обновленный город на Арно. Бенивьени поясняет: «Назову Флоренцию Новым Иерусалимом поскольку, как из Иерусалима вышли этот свет и эта добродетель, которые рассеялись и распространили по всему миру веру Христову, также и из Флоренции должен произойти тот свет, посредством которого должен реформироваться весь мир и вернуться к истинному культу и прежней простоте первоначальной церкви»¹¹⁵⁷. И здесь возникает тема распространения власти и влияния республики на сопредельные территории, развивавшаяся в проповедях Савонаролы, который сумел удачно совместить призыв к реформированию с обещаниями как духовного лидерства, так и политического верховенства «в качестве земной награды, земного воплощения божественной благодати и благоволения по отношению к новому избранному народу»¹¹⁵⁸. «Встань¹¹⁵⁹, о Новый Иерусалим, встречай, / Встречай славу свою, исповедуйся, преклонись / Перед своей Царицей и ее возлюбленным сыном! / В тебе, город Бога, который сейчас пребывает в слезах, / Снова рождается такая радость (веселие), такое сияние (щедрость, слава), / Которые украсят не только тебя, но и весь мир. / В эти счастливые дни / Ты увидишь пришедшими к тебе со всех концов / благочестивых верующих и пилигримов, / Людей, (прибывших) на запах твоей священной лилии¹¹⁶⁰; / Твоя нежная (благородная) лилия, которая свои лепестки¹¹⁶¹ / Простирает намного

¹¹⁵⁶ Ibid.

¹¹⁵⁷ Benivieni G. Il Comento di Girolamo Benivieni, sulla Canzone Viva ne' nostri cuori ... P. 203.

¹¹⁵⁸ Здесь необходимо отметить полное согласие с довольно емким и точным выражением Джан Карло Гарфаньини, по поводу сочетания религиозных и политических мотивов в проповедях Савонаролы. Как видим, Джироламо Бенивьени очень точно уловил и передал смысл высказываний доминиканца, довольно привлекательных для граждан республики. См.: Garfagnini G. C. Polemiche politico-religiose nella Firenze ... P. 117.

¹¹⁵⁹ В своем комментарии Бенивьени продолжает фразу «встань» строкой из книги пророка Амоса, Ам. 4: 12: «in occursum Dei tui, Israel (приготовься к сретению Бога твоего, Израиль)». См.: Benivieni G. Op. cit. P. 203. Кроме метафорического смысла, эта фраза может быть прочитана буквально, поскольку канцона сочинялась для празднования Вербного воскресения, во время которого процессия горожан изображала вход Господень в Иерусалим.

¹¹⁶⁰ Символ, герб Флоренции.

¹¹⁶¹ «Поскольку твоя слава будет так велика, – толкует данную строку стиха автор, – что повсеместно распространится запах твоей святости, люди, притянутые его сладостью, придут к тебе со всех концов света, чтобы лицезреть твое процветание (благополучие): кто, чтобы воспринять твои святейшие законы и верный способ управления, кто также, чтобы существовать под твоей сдерживающей уздой; отсюда, вполне вероятно, должно произойти расширение твоей власти и юрисдикции». Benivieni G. Op. cit. P. 203–204.

дальше твоего государства, / Так, что затеняет собою твоих неблагодарных соседей. / Благословенна Богом, который разместился в тебе...»¹¹⁶².

Но возвратимся к событиям карнавала 1497 г. Закончив песнопения в соборе, горожане направились на площадь Синьории к «костру суеты», где исполнили «шутливую инвективу на Карнавал». Возможно этой обличительной канцоной было упоминавшееся прежде сочинение анонимного автора в форме диалога флорентийца и Карнавала, который, с осликом, нагруженным его скарбом, и с мешком на плечах, убегает из города на Арно. На вопрос о причине бегства Карнавал отвечает, что спасается от костра, который приготовлен ему горожанами, поэтому он отправляется из Италии в Вавилонию¹¹⁶³. Флорентиец саркастически замечает, что у Карнавала убогий, пощипанный вид, как у монаха-обсерванта¹¹⁶⁴, и задает вопрос: неужели «мальчики не кормят тебя», а «твои женщины обратились против тебя»¹¹⁶⁵? Карнавал сокрушается: от него отказались все горожане и «надели на себя узду, желая жить по-христиански», флорентийцы предались молитвам, посту, исповедам, причастию – это причина того, что он исхудал. Поэтому он решил убежать из Флоренции и отправиться в Рим, где «ему верят». Он просит горожанина проводить его туда и убедиться в собственной близорукости: «Увидишь очевидное ..., что каждый придерживается моей веры». Флорентиец признается, что первым его намерением было связать Карнавал и передать его «мальчикам» для расправы, но он пощадит его и пойдет, «чтобы выяснить, кто тебе верит»¹¹⁶⁶. Спутники пребывают в Рим, где карнавальные торжества в самом разгаре. Все вокруг поражаются неприглядному виду Карнавала (грязный, худой, печальный, удрученный) и спрашивают о причине. Карнавал жалуется на Флоренцию, которая уподобила его монаху (там «вместо его торжеств устраивают Великое Причастие»), а ее «мальчики» приготовили «капаннуччо» («шалашик») с «прекрасным уголком для него», чтобы сжечь. Римляне в

¹¹⁶² Canzona sopra felicità ... P. 19–20.

¹¹⁶³ Canzona che fa uno Fiorentino a Carnasciale // Canzona d'un piagnone ... P. XVII – XXV, 1–2.

¹¹⁶⁴ Обсервант – представитель той части монашествующих, которые поставили своей целью особенно строгое и точное выполнение всех правил и обрядов монашеской жизни, установленных для их ордена.

¹¹⁶⁵ Canzona che fa uno Fiorentino a Carnasciale // Canzona d'un piagnone ... P. 3.

¹¹⁶⁶ Ibid. P. 4–5, 9–10.

ответ на изгнание Карнавала, решают отменить пост во Флоренции. Возмущенный горожанин покидает город язычников и возвращается во Флоренцию, где «Карнавал сожжен и умер, и его царский трон наследовал Пост»¹¹⁶⁷. Далее – следуют воспевание Христа и славословия в честь преданной ему Флоренции. После этого главы детских отрядов 4 кварталов города подожгли стоявшее в центре площади сооружение с выставленной на нем «суетой».

Карнавал 27 февраля 1498 г. в целом повторял предыдущий. Флорентийцы утром пришли на мессу и причастие. Савонарола выступил с проповедью. После обеда была организована процессия. Как и прежде, мальчики шествовали впереди: каждая группа детей, распевая гимны, несла символ своего квартала – Сан Спирито сопровождала Дева с 12 апостолами, на которых «нисходил Святой Дух в форме голубки»; Сан Джованни – Св. Иоанн Креститель; Санта Мария Новелла продвигалась «со знаком Девы, восходящей на небеса»; Санта Кроче «со своим знаком, и это был золотой крест, украшенный сверкающими камнями и драгоценными эмалями»; в конце каждого отряда «кустоды со своими солдатами (*militi*) и сборщиками милостыни несли серебряные сосуды для сбора милостыни». Далее, соблюдая соответствующий порядок, шли мужчины, а за ними – девочки и женщины; «последними были монахи Сан Марко, последователи этого Брата Иеронима». Участники шествия имели отличительные знаки: согласно Псевдо-Бурламакки ими были красный крест в руках и венок на голове; миланский посол Паоло Соменци в письме, написанном в день этого праздника, сообщал, что «все благочестивые имели в руках ветвь оливы, чтобы быть узнаваемыми среди других». Горожане, как обычно, обошли центр города и достигли площади Синьории. После того, как кварталы совершили круг по площади и исполнили песни «сочиненные для этого праздника», сооружение с выставленной на нем «суетой» было окроплено святой водой и подожжено со всех сторон кустодами детских отрядов. Затем, согласно Псевдо-Бурламакки, процессия направилась к Санта Мария дель Фьоре, и там, «в молитвах и ис-

¹¹⁶⁷ Ibid. P. 11–13, 15–16.

полнении множества гимнов, препоручили весь город Богу и Царице Флоренции (Деве Марии – Е.Т.), жертвуя деньги должностным лицам Св. Мартина». Окончание праздника состоялось на площади Сан Марко, посреди которой «было помещено изображение нашего Спасителя, торжествующего на Св. Кресте», вокруг которого устроили «три танцующих хоровода», описание которых этим анонимным автором напоминает финал торжеств, устроенных во время Вербного воскресения 1496 г.¹¹⁶⁸.

Сценарий карнавалов торжеств 1497 и 1498 гг., – утренняя месса и причастие, послеобеденная торжественная процессия, возглавляемая мальчиками в ангельских облачениях, в сопровождении святых покровителей, с пением гимнов и канцон «обходящая город согласно обычаю», – способствовал постепенному нарастанию экзальтации участников, духовное напряжение которых находило свое разрешение при поджигании костра. Какого рода переживания испытывали в этот кульминационный момент праздника сторонники партии брата, можно выяснить на основании свидетельств самих плакс. Джироламо Бенивьяни сообщает что акт уничтожения суеты 1497 г. сопровождался «таким величайшим радостным и веселым ликованием всего народа, какое требовало сожжение многих и разнообразных инструментов дьявольских ловушек, и очищение города Бога от мерзости и зла, насыщавших, вплоть до этих дней, заразой лоно Христа». Аналогичное описание присутствует у Псевдо-Бурламакки: «капаннуччо» загорелся «при такой большой радости и веселии всего народа, какой требовал пожар суеты и дьявольских силков, это доставило радость не только мужчинам, женщинам и детям, но и творениям неодушевленным, и колокола палаццо, трубы Синьории, дудки и тамбурины звонили во славу великого торжества, посвященного Богу ... под множество гимнов всего народа, пламя огня восходило к небесам, во славу Господа и к посрамлению Сатаны и его приспешников, все это сооружение

¹¹⁶⁸ La Vita ... P.132–134; Documento XII. 3. [27 Februarij 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. LI–LII. Далее – Documento XII. 3. [27 Februarij 1498] Lettere del Somenzi ...

было сожжено»¹¹⁶⁹. Оба автора, говоря об особом душевном подъеме, связывают его с чувством освобождения от «дьявольских сетей», переходящим в ликование, которое распространяется на весь мир, где даже «неодушевленные» предметы принимают участие в общем торжестве, связанном с триумфом веры. Войско Христа одержало победу над сатанинскими силами, Флоренция на некоторое время стала подобием Небесного Иерусалима. И здесь трудно не согласиться с предположением о том, что организованные Савонаролой и его последователями на площади Синьории «костры суеты» являлись средством политико-религиозной пропаганды: с одной стороны они должны были укрепить горожан в стремлении обретения истиной веры и в поддержке преобразований, инициируемых монахом; с другой – явить Италии и миру действенность проповедей и реформ городского пророка, а также упрочить общественное мнение о духовном лидерстве Флоренции и ее особом предназначении.

Однако, свидетельства современников содержат указания и на изменения в настроениях жителей города на Арно, произошедшие от 1497 г. к 1498 г. У апологета Савонаролы – Псевдо-Бурламакки в описании праздника 1498 г. появляется прежде отсутствующая информация о том, что «для охраны этого триумфа были поставлены на площади солдаты и служители Восьми (*et famigli d' Otto*)», ему вторит миланский посол Паоло Соменци, сообщая: «В то время, когда горела эта куча, и даже раньше, там была устроена вооруженная охрана из Барджелло (*da famigli di Bardgello*)». При этом оба автора по-разному интерпретируют появление вооруженных солдат на площади. Объяснение анонима кажется самым простым и очевидным – «поскольку множество красивых и очень дорогих фигур могли быть украдены без означенной охраны»; в свою очередь агент Людовико Моро усматривает связь с опасениями Синьории выходок со стороны компаньяччи: «неоднократно туда подходили молодые горожане, которые были недругами Брата и его по-

¹¹⁶⁹ *Benivieni G. Commento ... P. XXIII; La Vita ... P.132.* См. также сходное по настроению свидетельство Якопо Нарди: *Nardi I. Op. cit. P. 93.*

следователей, которые хотели разрушить эту кучу, и не допустить совершить этот праздник; из-за этого не доставало немного, чтобы там (не) начались смятение и раздоры». Очевидно расстановка в акцентах определялась позицией и целью авторов. Аноним – ультасавонаролианец, составлял биографию монаха в XVI в., когда что-то могло забыться, или, что скорее всего, было намеренно упущено, чтобы не разрушить идеализированный образ доминиканца и реформированной Флоренции эпохи Савонаролы. Текст Соменци – письмо, написанное в день праздника, 27 февраля; эмиссар Милана, в силу своих должностных обязанностей, должен был тщательно отслеживать и объективно оценивать события в одном из ведущих политических центров Италии того времени; и здесь, в этом послании, он фиксирует не только активизацию оппозиции, но и явное снижение духовного рвения флорентийцев: по словам Паоло, в процессии последнего савонаролианского карнавала «приняло участие значительное количество этого народа; но большая часть пошла туда не из-за благочестия, а скорее, чтобы посмотреть»¹¹⁷⁰.

Итак, уже современники, – как сторонники, так и противники Савонаролы, – в своих сочинениях обратили внимание на привнесение монахом существенных изменений в традиционный городской культ. На первый, упрощенный взгляд ситуация может представиться следующим образом: светские праздники уступают место духовным, связанным преимущественно с почитанием Девы Марии и Христа, которых доминиканец провозглашает правителями и особыми покровителями города; реализуется цель уподобления праздника посту, а Флоренции – монастырю; следовательно фра Джироламо проявлял в этом вопросе излишний ригоризм, неизбежным следствием которого должны были стать усталость паствы от постоянного, не находящего разрядки, духовного напряжения, разочарование и конфликт.

Однако пророк-реформатор здесь скорее не столько ригористичен, сколько последователен. Праздники, если рассматривать их в контексте общей программы преобразований монаха, были важным средством воспита-

¹¹⁷⁰ La Vita ... P.133–134; Documento XII. 3. [27 Februarij 1498] Lettere del Somenzi ... P. LI–LII.

ния, наставления паствы: речь идет не столько об ужесточении требований к горожанам, сколько о предоставлении возможности, точнее – стимула на практике реализовать озвученный в проповедях Савонаролы призыв обратиться простоте, внутренней и внешней, как одному из ведущих качеств истинного христианина; кроме того, избавленные от излишней «помпы» и «сухоты» и, как правило, сопровождавшиеся раздачей милостыни торжества становились манифестацией любви к Богу и ближнему. Соответственно, город, воспроизводя довольно архаичные и традиционные формы коллективного благочестия, демонстрировал «плоды» реформ как миру, так и Господу. Помимо этого, особый духовный настрой участников празднеств, на время торжеств ощущавших себя жителями Нового Иерусалима, способствовал возобновлению касающихся исторической перспективы оптимистических настроений граждан республики, а также чувства единства, в реальности подвергавшегося большим испытаниям.

Глава 6. Пророческий статус Савонаролы как причина его краха

6.1. Полемика вокруг брата: баталии в публичных письмах

Провозгласивший себя пророком реформатор довольно быстро столкнулся с противодействием и критикой в свой адрес. Уже к началу 1495 г. относится одна из проповедей брата, касающаяся происков и наветов со стороны недовольных тем, что Савонарола занял ведущую позицию в обществе и, опираясь на свой духовный авторитет, все больше вмешивается в политические дела республики. В этом выступлении 11 января 1495 г., основанном на толковании 63 псалма (*«Которые изострили язык свой, как меч»*¹¹⁷¹), монах обращается к историям опороченных своими недругами Св. Иеронима и Св. Сильвана и далее заявляет о стремлении уподобиться Христу, который не нуждался в оправдании, не беспокоился о себе, но только о спасении и благе других людей¹¹⁷². Здесь же проповедник, которому практически в каждом выступлении перед прихожанами приходилось неустанно повторять, что он печется не о личном, а об общественном благе, описывает Флоренцию как скопище лис и баранов, где «бараны» – простые, грубые люди, поддаются хитрым и клеветническим речам злобных и коварных «лис», противников Савонаролы¹¹⁷³. Далее брат, с помощью аллегории, основанной на отрывке означенного псалма (*«Но поразит их Бог стрелою: внезапно будут они уязвлены; языком своим они поражают самих себя»*¹¹⁷⁴), предрекает поражение клеветников и заключает уверениями пастве: «Они тщетно трудятся и не смогут

¹¹⁷¹ Пс. 63: 4.

¹¹⁷² Predica II // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 19–23.

¹¹⁷³ Ibid. P. 23.

¹¹⁷⁴ Пс. 63: 8–9.

испортить труда Божьего»¹¹⁷⁵. Затем, продолжая наставлять присутствующих в доброй жизни, доминиканец вновь обращается к характеристике своего изменившегося положения (как представляется, несколько утрируя ситуацию) – говоря о том, что испытания позволяют постигнуть «насколько преходящи мирские вещи и как быстро проходит мирская слава», он заявляет: «возьми, например, меня, ибо еще недавно меня называли отцом этого города и проком, а затем я стал прозываться вором»¹¹⁷⁶¹¹⁷⁷.

В другой проповеди, прозвучавшей 18 января, Савонарола опять отвечает на вопрос недовольных: «Ты, брат, почему вмешиваешься в дела управления?», выдвигая три основания. Первый аргумент, – «я вижу, как твой корабль несется на скалы», – предназначен «скверным» людям, препятствующим реформам; его можно понять, если обратиться к первой проповеди на Псалмы, в которой Флоренция уподобляется кораблю (ковчег спасения, его «возведение» было закончено в проповедях на Аггея), дорогу которому освещают ангелы с двумя факелами («страх Божий» и «всеобщее благо»), а Савонарола молит Бога поставить его на вахте, дабы судно не напоролось на скалы (препятствия)¹¹⁷⁸. Второй довод касается «добрых» людей, которые проявляют нерешительность: «... я поступаю так, поскольку ты не смеешь говорить правду в Совете». И, наконец, третье утверждение: «Я поступаю так, поскольку вижу, что продвижение реформы способствует увеличению духовного блага в этом городе»¹¹⁷⁹.

В это время вмешательство Савонаролы в политику было связано, прежде всего, с его поддержкой закона о всеобщем мире и шести бобах. Согласно современникам, противники нового закона – «гранды», в том числе

¹¹⁷⁵ В своем «воображении» монах представил множество псов, которые преследовали зайца; некий человек выступил с мечом против собак и отпугнул их; заяц убежал прочь; раздосадованные псы пришли в бешенство, так, что откусывали языки и бросали в морду друг другу, а затем кусали и поедали друг друга. Собаки, в толковании Савонаролы, это те, кто заботится не об общем, а только личном благе (благо здесь олицетворяет заяц); человек с мечом – это сам брат Джироламо, который от имени Господа призывает любить общественное благо, а не собственное; языком своим «бешеные» говорят скверные вещи не только среди себе подобных, но добрым людям, пытаясь своими уговорами привлечь их к дурной жизни, однако, в итоге скверные и злые люди пожрут друг друга. *Predica II // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 26–27.*

¹¹⁷⁶ Изменником, преступником, злодеем (устар.).

¹¹⁷⁷ Ibid. P.30.

¹¹⁷⁸ *Predica I // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 6–7.*

¹¹⁷⁹ *Predica V // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 94–95.*

входившие в Синьорию, искали разные способы «лишить Брата репутации»¹¹⁸⁰ или «вообще изгнать Отца из города»¹¹⁸¹. П. Паренти сообщает, что поскольку уличить настоятеля Сан Марко в стяжательстве и укрывательстве не удалось¹¹⁸², «был найден иной способ» – противопоставить доминиканцу другого проповедника – человека «исключительной учености», францисканского монаха Доменико да Понцо. Относительно появления этого минорита во Флоренции существовало и другое предположение: Псевдо-Бурламакки упоминал о брате-минорите (*Frate Minore del zoccholo*), посланном, «как говорили, герцогом Миланским, поскольку этот образ правления ему («тирану», как называет герцога автор – Е.Т.) был не по нраву»¹¹⁸³. П. Чиноцци вспоминал, что Понцо начал вещать о неизбежном разрушении города и поощрять опасения о возможном возвращении тирана¹¹⁸⁴. Кроме того, этот францисканец, как сообщает П. Паренти, стал провозглашать с амвона, – причем делал это «страстно, подстрекаемый своими друзьями», – что «пророков больше нет и не может быть, и кто говорит от имени Бога, или заявляет, что говорит, явно свидетельствует о том, что он чрезвычайно отдален от этого», и «что то, что брат Иероним говорит от имени Бога – ложь, и этого не стоит страшиться». Однако, по словам автора «Флорентийской истории», этого оказалось «недостаточно, чтобы обуздать брата Иеронима», и тогда Синьория призвала трех монахов – Савонаролу, Понцо, а также Томмазо да

¹¹⁸⁰ *Parenti P. Op. cit. P. 167, 171.*

¹¹⁸¹ П. Чиноцци, сообщает, что в Синьории, «предшествующей той, что установила мир», было «шесть или семь человек», высказывавших подобное мнение. *Cinozzi P. Epistola ... P. 22.*

¹¹⁸² *Parenti P. Op. cit. P. 171.* По словам автора, «гранды», противясь предложению Савонаролы ограничить право Синьории шестью бобами (голосами) подвергать граждан наказанию, «чтобы лишить брата Иеронима репутации среди народа, устроили так, что сер Джованни ди сер Бартоломео (о Джованни ди сер Бартоломео да Пратовецкьо см. параграф 2.1. данной работы – Е.Т.) сознался (или говорили, что сознался), что у брата Иеронима были его драгоценные камни, дукаты, золото в слитках, и проч.; во что разумные люди не могли поверить». *Parenti P. Op. cit. P. 167.* Сам доминиканец обращается к этой истории в проповеди 11 января 1495 г. с целью «раскрыть правду». По его словам, когда он в начале ноября 1494 г. отправился с посольской миссией к Карлу VIII, «приходили многие в наш монастырь, желая оставить свое имущество на хранение», с подобной же просьбой к нему обратился и «сер Джованни Риформаджони». Далее Савонарола утверждает, что не способствовал утаиванию имущества от республики: «... я поручил это задание одному из братьев и затем отправился к Королю, что и как происходило далее, я не знаю, ибо не ведаю так досконально, что происходит в монастыре, поскольку для этого существуют специальные должностные лица, и после я не вмешивался в эти дела». Далее монах уверяет, что если бы он что-то знал, то ничего не утаил бы перед властями, но он может «поклониться, что ничего не знал, ибо не помнит ничего, и это правда». *Predica II // Savonarola G. Prediche sopra i salmi ... Vol. 1. P. 27.*

¹¹⁸³ *La Vita ... P. 78.*

¹¹⁸⁴ *Cinozzi P. Epistola ... P. 21–22.*

Риети – приора доминиканского монастыря Санта Мария Новелла, «человека ученого, магистра святой теологии», – в Палаццо, где «брата Иеронима стали расспрашивать, откуда он взял, что так приказал Бог, как он возвещает с кафедры». «Будучи вынужден отвечать на замечания, выказанные двумя другими монахами и проповедниками», Савонарола «утверждал, что хорошо представлял то, что говорил, и что опыт все прояснит, ибо мы попадем в беду, если не последуем его наставлениям». Затем, «через два дня, утром, в день Св. Себастьяна» (20 января – Е.Т.) он выступил с публичной проповедью, где «очень эффектно говорил»¹¹⁸⁵.

В агиографических сочинениях сторонников и почитателей фра Джироламо описание этой попытки организовать диспут, касающейся статуса доминиканского монаха и характера его действий, выглядит более внушительно. П. Чиноцци в «Эпистоле» сообщает, что Синьория призвала на Совет «первых лиц всех монастырей Флоренции, по двое от монастыря, а также от Собора и церкви Сан-Лоренцо и около двенадцати или четырнадцати назначенных ими граждан»¹¹⁸⁶. Псевдо-Бурламакки¹¹⁸⁷ указывает, что собрание было организовано Филиппо Корбицци – «первым гонфалоньером справедливости, избранным после обретения свободы», «большим противником и недругом тирании»; на этот совет «против слуги Божьего» прибыли «все аббаты, приоры и главы монастырей и конвентов, как обсервантов, так и конвентуалов, от каждого ордена, магистры современной теологии, два каноника от кафедральной церкви и два от Капитула Сан-Лоренцо с прочими докторами и сведущими горожанами, имевшими навыки ведения диспута»; среди них присутствовал и Марсилио Фичино – «каноник Собора», который «перевел с греческого на латынь все сочинения Платона; был удивительным и выдающимся; ... в своих трудах казался больше платоником, чем христианином»¹¹⁸⁸. Как только появился вызванный сюда Синьорией Савонарола, нача-

¹¹⁸⁵ Parenti P. Op. cit. P. 171–172.

¹¹⁸⁶ Cinozzi P. Epistola ... P. 22.

¹¹⁸⁷ В примечании к тексту «Эпистолы» публикаторы – П. Виллари и Е. Казанова, отметили, что П. Бурламакки часто копирует П. Чиноцци. См.: Cinozzi P. Epistola ... P. 23.

¹¹⁸⁸ La Vita ... P. 78–79.

лось обсуждение: открыл прения конвентуал «из нашего Ордена Проповедников», «дон Карло, из Санта Мария Новелла», который «из-за своей величайшей учености был прозван горожанами Grofanino»¹¹⁸⁹; он обратился к критике, во-первых, «стиля проповедей» своего собрата, во-вторых, его «вмешательства в государственные дела», то есть в то, «что его не касается», ибо, как утверждал оппонент пророка из Сан Марко, «написано у Св. Павла: *Никакой воин не связывает себя делами житейскими*¹¹⁹⁰». Прочие, присутствующие, «выступая друг за другом», также выказали суждение, что доминиканцу «следует оставить дела государства». Оба апологета Савонаролы в своих трудах указывают читателю на кротость, которую проявил монах в ответных речах. «О нем можно было бы сказать то же, что написано о Моисее: *Моисей же был человек кротчайший из всех людей на земле*¹¹⁹¹», – замечает Псевдо-Бурламакки, усиливая свою характеристику поведения брата через описание атмосферы собрания, представлявшего собой «дьявольский совет, собравшийся против него». Относительно первой претензии фра Джироламо возразил, что проповедует «согласно способу апостолов и предшествующих Святых» и основывается на «учении Св. Писания». Касаясь второго вопроса, он заявил, что «вмешательство в дела Государства» не представляется вещью неуместной, поскольку «многие праведные святые делали это, в том числе и в этом городе, о чем свидетельствует книга *De pulchritudine Sancte Marie Novelle*». Он также добавил, что «ему очень неприятно, что братья его Ордена стали первыми, кто начал противостоять ему, занялся подстрекательством и возбуждением войны против него, и что на нем исполняется пророчество, которое гласит: *Сыновья матери моей разгневались на меня*¹¹⁹²», но он будет счастлив перенести то, что в свое время испытал Спаситель. Дискуссия, согласно этим последователям Савонаролы, продолжалась более двух часов,

¹¹⁸⁹ В толковом словаре имеется следующее разъяснение выражения «Egli è un grofanino»: Piccolo di statura, ma grande di senno (Маленького роста, но большой мудрости). См.: Pellizzari B. Vocabolario bresciano e toscano compilato per facilitare a' bresciani col mezzo della materna loro lingua il ritrovamento de' vocaboli modi di dire e proverbj toscani a quella corrispondenti. Brescia: per Pietro Pianta stampator camerale, 1759. P. 216.

¹¹⁹⁰ 2 Тим. 2:4.

¹¹⁹¹ Чис. 12:3.

¹¹⁹² Песн. 1:5.

пока один из оппонентов монаха, не выдержав, поднялся и в запале не произнес: «Скажи четко и ясно, от Бога у тебя эти вещи или нет, чтобы мы все поверили тебе». Брат Джироламо ответил: *Я говорил явно миру, и тайно не говорил ничего*¹¹⁹³. Присутствующие «ничего не могли возразить на эти слова, и разделение случилось между ними», и «не придя к заключению все были отпущены; и разошлись». В итоге, Савонарола предстает в трудах сторонников победителем в диспуте, превзошедшим всех своим «смирением и учением»¹¹⁹⁴. Подобные пассажи в сочинениях плакс Ф. Кордеро назвал «агиографическим китчем», подчеркнув склонность авторов к гиперболизации, а, в случае с Псевдо-Бурламакки, указав на «выход за пределы исторических координат, следование мистическому времени», когда «одно событие означает другое»¹¹⁹⁵. Принимая во внимание и отчасти разделяя эту точку зрения (поскольку Псевдо-Бурламакки в своей работе часто применяет принцип аналогии между современными и библейскими событиями), все же, на основании текстов трех авторов, можно резюмировать, что уже в это время выделяются ключевые темы полемики вокруг доминиканского монаха – его пророчества и допустимость вмешательства духовного лица в государственные вопросы.

Как было упомянуто выше, 20 января 1495 г. Савонарола, уже в присутствии простых граждан Флоренции, дает свой ответ на претензии, высказанные во дворце Синьории. Суть проповеди монаха кратко и четко передал Пьеро Паренти: доминиканец «говорил об истине, показав, что постоянно имел величайшее противодействие, но, в конце концов, всегда сохранял стойкость: так будет и сейчас ... И поскольку его упрекали в том, что духовным лицам не следует вмешиваться в дела государства, он, сделав экскурс в прошлое, показал, что уже кардинал Латино, (представители – Е.Т.) рода Аччайуоли, Св. Петр Мученик, архиепископ Антонин практиковали это»¹¹⁹⁶. Действительно, монах, обращаясь к своему оппоненту из Санта Мария Новелла, заявил: «Ты, из ордена Св. Доминика, кто говорит, что мы не должны

¹¹⁹³ Ответ Иисуса первосвященнику Каиафе. Ин. 18:20.

¹¹⁹⁴ La Vita ... P. 79–80; Cinozzi P. Epistola ... P. 22–23.

¹¹⁹⁵ Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ... P. 191–192.

¹¹⁹⁶ Parenti P. Op. cit. P. 172.

вмешиваться в дела государства, ты плохо читал; пойдй прочти Хроники Ордена Св. Доминика, о том, как он действовал в Ломбардии в отношении Государств. И также о том, что делал здесь во Флоренции Св. Петр Мученик, который вмешивался с целью примирить и успокоить это Государство, в то время как соглашение о его смерти было заключено в этом городе. Кардинал мессер Латино из нашего Ордена был тем, кто устраивал мир между гвельфами и гибеллинами. Святая Екатерина из Сиены устанавливала мир в этом Государстве во времена папы Григория. Архиепископ Антонин несколько раз ходил во Дворец (Синьории – Е.Т.), чтобы воспрепятствовать принятию несправедливых законов»¹¹⁹⁷. Отсылку на пример предшественников Савонарола сопровождает еще одним аргументом, обосновывающим его участие в городской политике – внепартийностью: «Но скажи мне, кем должны быть те, кому надлежит примирять и умиротворять Флоренцию? Несомненно, это не должны быть люди пылкие. Следовательно, необходим все же некто соблюдающий нейтралитет, беспристрастный»¹¹⁹⁸.

Преобразование доминиканского брата в «главное действующее лицо жизни города»¹¹⁹⁹, несомненно, порождало перманентную полемику относительно его личности и действий. Охватить все ее проявления довольно сложно, но стоит попытаться выделить основные формы, в которых она проходила. Помимо диспутов и упомянутой ранее «войны кафедр», необходимо обратить внимание на споры, развернувшиеся в печати. Причем, начало подобной практике положил сам Джироламо Савонарола, в ответ на бреве Папы, – указы от 21 июля, 8 сентября и 16 октября 1495 г., предписывающие монаху появиться в Рим и прекратить проповеди, – осенью 1495 г. опубликовавший апологетическое «Послание некоему другу»¹²⁰⁰. Сочинение публичных писем – явление, ко времени Савонаролы, уже довольно распространенное среди

¹¹⁹⁷ Predica VI // *Savonarola G. Prediche sopra i salmi ...* Vol. 1. P. 107–108.

¹¹⁹⁸ Ibid. P. 108.

¹¹⁹⁹ *Leonardi C. Op. cit.* P. 5.

¹²⁰⁰ В это же время, когда монах был вынужден замолчать, он находит способы обойти запрет Папы: Савонарола пишет толкование псалма *Diligam te, Domine* (Пс.17: *Возлюблю тебя, Господи, крепость моя!*) и Десяти заповедей (*Dieci comandamenti*), а также трактат «О простоте христианской жизни», которые были направлены на подтверждение полной ортодоксальности проповедуемого им учения. См.: *Garfagnini G. C. Polemiche politico-religiose nella Firenze ...* P. 117–118.

ренессансных интеллектуалов. Но, возможно, прав Ф. Кордеро, заметивший относительно этой и других эпистол доминиканца: «Никакой влиятельный человек не использовал прессу, как стратегическое оружие; мы можем приписать первенство ему; он – волшебник пропагандистской техники»¹²⁰¹.

В «Послании» Савонарола по пунктам отвечает на обвинения противников, касающиеся религиозных и политических дел. Монах начинает открытое письмо обращением к анонимному другу, в котором выражает свое изумление тем, что «из-за противоречий скверных людей и клеветы» на него, тот «несколько ослабел на пути истины», в то время как известно, – и имеет множество примеров тому из истории Ветхого и Нового Завета, – что «евангельская истина постоянно имеет большое противодействие, ибо только она ведет к спасению». Согласно брату, каждый, кто его слышал, либо читал его труды, очевидным образом осознает ложность обвинений в его адрес. Однако, учитывая ситуацию, когда замешательство его сторонников вызвано тем, что о нем «ежедневно говорится много дурного», доминиканец проявляет готовность «защитить истину и продемонстрировать, насколько безосновательной является клевета наших недругов»¹²⁰².

В первой части эпистолы брат Джироламо обращается к вопросам, которые должны прояснить его взаимоотношения с Папой и Римской курией. Тем, кто называет его еретиком, монах указывает, что он, во-первых, «публично и неоднократно заявлял, и писал» о своем подчинении замечаниям «Святой Римской Церкви», «требованиям Верховного Понтифика и всей Римской курии», а во-вторых, что в его «тщательно исследованных речах и текстах» не было обнаружено «ничего противоречащего ни Священному Писанию, ни учению Святой Римской Церкви». Затем он высказывает свое мнение относительно тех, кто распространяет подобное суждение – это, по словам брата, «либо злобные люди, либо невежественные», которые, если их спросить, «не смогут сказать тебе, что такое ересь». Последнее относится и к

¹²⁰¹ Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ... P. 513.

¹²⁰² A un amico [Firenze, 1495] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 91–92. Далее – A un amico [Firenze, 1495] ...

тем, кто в глазах паствы представляется «добрыми и учеными монахами». Касательно этих критиков и обвинителей брат скептически замечает, что заблуждаются те, кто полагает, что «как только человек наденет грубое монашеское одеяние, он тотчас становится святым и ученым». Для того, чтобы стать таковым, постигнуть «искусство доброй жизни, учение и науку святой теологии», необходимо продолжительное время и постоянные упражнения. На основании этого фра Джироламо ставит под сомнение компетентность таких людей в подобных вопросах, присовокупляя к этому предположение, что ими движет гордыня и зависть, а также «лукавство, поскольку известно всякому человеку, или можно легко узнать тому, кто не желает заниматься злонамеренными толкованиями, то что я публично сказал и написал»¹²⁰³.

Следующее обвинение в схизме и неподчинении Церкви Савонарола опровергает, заявляя (речь идет о его письмах Папе в ответ на упомянутые выше бреве): «... если бы это было так, то не осталось бы безнаказанным; но Его Святейшество принял мои доводы как разумные и остался полностью удовлетворен ими». В том, что касается происков клеветников, пытающихся убедить Понтифика, что брат дурно отзывался о нем и кардиналах, доминиканец указывает, что тем самым злопыхатели «противостоят истине, очевидной для огромного количества людей», ибо он не проповедует скрытно, не устраивает тайных соборщ по домам, «как это делают наши друзья равнодушные», но проповедует «в церквях, куда может собраться весь народ»¹²⁰⁴.

Далее проповедник затрагивает тему отношения к его пророчествам. Он призывает «друга» «не удивляться» тому, что реакцией на предсказания грядущих вещей являются насмешки и критика, ибо то же самое испытывали и древние пророки. Мудрый человек, – по мысли брата, сославшегося на ап. Павла, наставлявшего: «*Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь*»¹²⁰⁵, – не станет «разражаться упреками или осмеивать то, что он не может никакими доводами опровергнуть, то есть вероятные ве-

¹²⁰³ Ibid. P. 92–93.

¹²⁰⁴ Ibid. P. 94.

¹²⁰⁵ 1 Сол. (Фесс.) 5:20–21.

щи будущего», он будет «выжидать время, полагаясь во всем на Бога»; к тому же он знает (и здесь Савонарола ссылается на Фому Аквинского¹²⁰⁶), что «Бог во всякое время, по нужде своей церкви, посылал пророков». Помимо этого, монах задает вопрос, явно адресованный своим оппонентам: «Но скажи мне, что означает, что уже продолжительное время, как в прошлом, так и в настоящем, многие пророчествовали и пророчествуют, мужчины и женщины, и многие проповедники публично излагали видения и предрекали некие вещи, а случилось все противоположным образом, но, тем не менее, они не имели и не имеют такого противодействия, какому подвергался и подвергаюсь я, никогда не произносивший какой-либо неправды, и когда видно, что все предсказанное мною сбывается?». При этом доминиканец интерпретирует означенную ситуацию в свою пользу: он не подвергался бы преследованиям со стороны дьявола и его приспешников – «скверных людей, которые от христиан имеют только имя», если бы не проповедовал истины¹²⁰⁷.

Затем Савонарола переходит к политическим вопросам. Первый касается характера режима, установленного во Флоренции после изгнания Медичи. Проповедник-реформатор выстраивает собственную защиту от «клеветников» следующим образом. «Управление, введенное мной», заявляет монах, не является управлением «безумцев (*pazzi*)», и, продолжая, указывает на то, что он «неоднократно» дискутировал «приватным образом со сведущими (*ingeniosi*) людьми об этой материи», и «в итоге они приходили к заключению, что управления лучше невозможно предоставить для Флоренции». Утверждение, что это «правление плебса», также является ложью, напротив, в нем, согласно монаху, преобладают «знатные лица (*persone nobili*)» и их «могло бы быть намного больше, если бы богатые горожане (*cittadini da bene*) демонстрировали любовь к общественному благу». Также, «если какой-либо нобиль притеснялся, то не для того, чтобы нанести ему оскорбление, и не из

¹²⁰⁶ Савонарола указывает на *Secunda Secundae* (часть II-II «Суммы теологии»), где в «Трактате о дарах благодати» (вопросы 171–174) Св. Фома предлагает рассмотреть «в отношении пророчества ... четыре вещи: во-первых, его сущность; во-вторых, его причину; в-третьих, модус пророческого знания; в-четвёртых, разделение пророчества». См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II–II. Вопросы 123–189*. Киев: Ника-Центр, 2014. С. 431.

¹²⁰⁷ *A un amico* [Firenze, 1495] ... P. 94–95.

мести, но только на основании подозрения в народе, или поскольку он не следует общему благу, или оттого, что хотел бы стать тираном»¹²⁰⁸. Это заявление Савонаролы логически связано с последовавшими далее рассуждениями об установлении всеобщего мира.

Проповедник, характеризуя ситуацию после «ухода Пьеро Медичи», отмечает, что граждане, претерпевшие с 1434 г. по 1494 г. множество «обид» от прежнего режима, стремились к мести и возвышению; «от этого начали появляться новые фракции в городе», что «неизбежно привело бы к большому кровопролитию, ссылкам и гибели горожан»; кроме того, из-за раздоров «город не только мог быть разрушен ими самими (гражданами – Е.Т.), но и другими, и утратил бы собственную свободу». Не произошло этого благодаря тому, что Бог содействовал утверждению соответствующего управления, а также тому, что был установлен всеобщий мир. Отсюда, заключает Савонарола, «те, кто жалуется на это правление, проявляют неблагодарность в отношении Бога и его орудия, посредством которого он действовал (то есть, собственно, самого монаха – Е.Т.)»¹²⁰⁹.

По мнению фра Джироламо, только «либо амбициозные, либо подлые, либо нерассудительные» люди являются теми, кто «дурно отзывается об этом управлении». Именно к ним относятся и те, кого «народ называет *arrabbiati* (озлобленные), ибо они круглые сутки ничего не делают, кроме как злобствуют и говорят вещи настолько бестолковые, что все, вплоть до детей, смеются над их глупостью». Злословящие по поводу установившегося во Флоренции правления, – и согласно Савонароле, это всем ясно видно, – «желали бы стать тиранами, либо слуги тиранов»¹²¹⁰. Обвинение в стремлении к тирании – аргумент, который использовали обе стороны в полемике друг с другом. Утверждения противников, что он «узурпировал власть подобно тирану», монах опровергает, указывая на то, что Большой совет, – становлению которого он содействовал, и был обеспокоен укреплением позиций этого ор-

¹²⁰⁸ Ibid. P. 95–96.

¹²⁰⁹ Ibid. P. 96–97.

¹²¹⁰ Ibid. P. 95–96.

гана в настоящее время, – является средством против тирании, ибо «не могут две вещи существовать вместе, то есть – тиран и Большой совет»¹²¹¹. Соответственно, тот, «кто дурно говорит об этом правлении или стремится разрушить его, заслуживает сурового наказания от Бога и от людей». Таких граждан, по мысли брата, следует без всяческого расследования «лишать жизни»¹²¹². Здесь стоит лишний раз заметить, что подобная, решительная и жесткая, позиция монаха в вопросе защиты установившегося режима может объяснить его поведение в отношении участников неудавшегося заговора в апреле 1497 г.¹²¹³.

Затем, рассуждения брата о текущем положении дел во Флоренции снова переплетаются с темой его пророчеств. По мысли Савонаролы, если ситуация во Флоренции ухудшается, то это свидетельствует не о ложности его предсказаний, а о «недостатке веры и правосудия». В первом случае он, – ссылаясь на авторитет Аристотеля, утверждавшего: «*Oportet eum qui addiscit credere*»¹²¹⁴, а также текст пророка Исая: «*Если вы не верите, то потому, что вы не удостоверены*»¹²¹⁵, – проводит аналогию между практикой постижения смыслов Св. Писания и провозглашенных им самим пророчеств: также как для понимания представляющихся на первый взгляд «противоречивыми», «неразумными и наивными» текстов Писания необходима вера, в предсказаниях флорентийского пророка «кто верит, тот не запутается, а кто не верит, постоянно будет обнаруживать преграды»¹²¹⁶.

От этого рассуждения автор открытого письма переходит к проблемам реформирования Флоренции, используя характерное для пророков условное наклонение (*sub conditione*): «Если бы жители Флоренции тщательно усвоили мои слова и поверили бы в них, они бы поняли, что тем больше или меньше

¹²¹¹ Ibid. P. 98.

¹²¹² В тексте: *examinatione di testimonii* – допроса свидетелей; изучения показаний.

¹²¹³ См. параграф 2.3.

¹²¹⁴ *Чтобы продвигаться в знании, нужно верить*. В «Софистических опровержениях» Аристотель, отмечая «четыре рода доводов в беседах», первыми называет «поучительные», которые «закljučают исходя из собственных начал соответствующей науки, а не из мнений отвечающего (*ведь тот, кто учится, должен доверяться*)». См.: Аристотель. О софистических опровержениях // Аристотель. Сочинения. В 4 т. / ред. и вступ. ст. З.Н. Микеладзе. Москва: Мысль, 1978. Т. 2. С. 537.

¹²¹⁵ Ис. 7:9. Другой вариант перевода: *Если вы не уверуете, то и не поймете*.

¹²¹⁶ A un amico [Firenze, 1495] ... P. 98–99.

испытаний обретут, чем больше или меньше будут вершить правосудие»¹²¹⁷. Как уже отмечалось выше, достижение общего блага мыслилось монахом в неразрывной связи с внутренним духовным преобразованием паствы, ведущим к укоренению добродетельной жизни в избранном Богом городе, однако доминиканский проповедник рассчитывал и на использование инструментов насилия (принуждения), которыми обладает государство, для очищения «тела» социума от различных пороков и их носителей, а также для усмирения тех, кто пытался нанести вред установившемуся политическому режиму. По словам Савонаролы, «город полон мошенниками», преисполненными «множеством пороков» и «злословящими по поводу доброй жизни и нынешнего правительства, установленного Богом»; они сочиняют издевательские песни и «во всеуслышание дурно говорят о добрых людях»; кроме того, «прекрасно известны те, кто стремится разрушить Совет и для этого составляют заговор», причем последнее монах определяет и как *crimen lesae maiestatis*¹²¹⁸, и как преступление «против того, что было сделано Богом». Описание сложившегося в городе положения сопровождается укором пастве: «нет никого, кто бы им что-либо сказал»; «многие изображают неведение»; кто-то не действует «из-за страха», а кто-то (явная отсылка к магистратам республики) – «не хотел бы вызывать неприятие и ищет всяческого расположения народа ... *ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию*¹²¹⁹». «За это Господь прогневался на них», – заявляет доминиканец, однако не лишает граждан Флоренции надежды: «обещанные милости не утратились, напротив, исполнятся в наше время», то есть с жителями города на Арно не произойдет того, что случилось с еврейским народом, который выйдя из Египта за несколько дней мог бы достигнуть земли обетованной, но «из-за неверия и многочисленных роптаний относительно благодеяний Бога, пребывал в пустыне сорок лет», и только Иисус Навин и Халев вошли в землю обетован-

¹²¹⁷ Ibid. P. 99.

¹²¹⁸ Преступление против величия, государственная измена.

¹²¹⁹ Ин. 12:43.

ную¹²²⁰. Возможно, подобное утверждение брат Джироламо употребил не только, чтобы стимулировать граждан к действиям, но и с целью укрепить собственный пророческий статус, поскольку не связал осуществление предсказаний с отдаленной перспективой, а уверил, что ныне живущие увидят это. Продолжая, Савонарола пожелал открыть читателям письма «секрет»: если Флоренция обратится к правосудию и «очистится от дурных людей», испытания могут не наступить, в ином случае они возобновятся и «будут страдать не только скверные, но и добрые» люди, поскольку «не осмеливаются наказывать того, кто заслуживает наказания». Монах настойчиво проводит мысль о необходимости «правосудия»: «добрые люди» не прибегают к нему в отношении «разрушителей общего блага и бесчестных людей», либо «оно настолько ничтожно и в нем так мало усердия, что оно не удовлетворяет Бога»; они «рассчитывают милосердием» угодить Господу, не принимая во внимание «насколько Бог суров в наказании, как явствует из священных текстов, особенно когда преступление совершается против общего блага», и поэтому подобные граждане проявляют, как жестко выражается брат, «не милосердие, а слабоумие»¹²²¹¹²²².

Говоря в эпистоле о реформировании Флоренции, Савонарола постоянно повторяет, что это «дело Бога». Чтобы акцентировать внимание читателя на этой мысли, брат дает ей более пространное толкование, посредством которого также демонстрирует свое смирение и готовность пожертвовать жизнью ради высокой цели: во-первых, по словам доминиканца, необходимо знать, что Бог «больше с нами, чем с противниками», а потому: «*Если Бог за нас, кто против нас?*»¹²²³; во-вторых, даже если он умрет, «у Бога не будет недостатка в инструментах для продолжения начатого»¹²²⁴.

Судя по содержанию «Послания», как сторонников, так и противников Савонаролы, волновал вопрос его видений. По словам монаха, «многие глу-

¹²²⁰ Чис. 13, 14.

¹²²¹ Возможно, здесь присутствует игра слов на основе их звукового сходства – clementia / dementia (clemenza / demenza).

¹²²² A un amico [Firenze, 1495] ... P. 99–100.

¹²²³ Рим. 8:31.

¹²²⁴ A un amico [Firenze, 1495] ... P. 100–101.

мятся» над ними, в том числе над описанием его «посольства» в Рай, пространное изложение которого он поместил в «Компендиум откровений»¹²²⁵. Псевдо-Бурламакки в своем «Жизнеописании», опираясь на текст этого трактата, сообщает, что пророк предрекал флорентийцам «величайшее благополучие», но из-за «неверия в реформу и противодействия всеобщему миру и апелляции на шесть бобов» эти «милости ... были утрачены»; однако брат, видя, что горожане в итоге «повиновались божественной воле», предположил, что «возможно вновь обрести» благодать, поэтому «отправился в качестве посла флорентийского народа к Царице небесной»; Дева приказала ему вернуться и поведала «множество пророчеств и удивительных вещей». Пересказывать их агиограф Савонаролы не посчитал нужным, отослав читателя к «Компендиуму», «изданному на латинском и тосканском языке», но отметил, что вещи, оглашенные братом, были настолько чудесными и удивительными, что тот дважды повторил их на проповедях – сначала «в день Благовещенья» для народа, а затем «в день октавы Благовещения»¹²²⁶ во дворце Синьории¹²²⁷. Савонарола в «Компендиуме» излагает историю появления этих двух проповедей весны 1495 г. следующим образом: он напоминает свои предсказания о том, что в случае реформирования Флоренция будет «прославлена больше чем когда-либо», станет «сильнее и богаче»; затем указывает на трудности, обнаружившиеся с началом преобразований, когда «из-за неверия, безрассудства и коварства многих, которые, когда уже был устроен Большой совет, ... противодействовали всеобщему миру и апелляции на шесть бобов ... Бог прогневался», а он сам стал сомневаться «как бы обещания, данные тебе, Флоренция, не были отменены»; но, видя, что «через некоторое время», по «величайшей доброте Господа» и посредством увеличения молитв и постов, законы были приняты, подумал, «что не все потеряно» и решил «стать послом к Вседержителю, дабы призвать обещанные милости».

¹²²⁵ *Savonarola G. Compendio di rivelazioni ...* P. 27–118.

¹²²⁶ Октава (восьмой день) в Западной Церкви: 1) частичное повторение больших праздников на восьмой день после основного дня их празднования; 2) восьмидневный период празднования подобных праздников. В данном случае – на восьмой день праздника. См.: *Сахаров П. Октава* // *Католическая энциклопедия*. В 5 т. / В. Л. Задворный (гл. ред.) и др. М: Изд-во Францисканцев, 2007. Т. 3: М – П. С. 1036–1037.

¹²²⁷ *La Vita ...* P. 82.

Далее монах повествует, как в «в день Благовещения, который у вас является началом года», он «предстал перед преславной Девой, Матерью Божией» и просил ее «быть нашей заступницей перед Святой Троицей; и она с величайшей лаской согласилась»; он же «эту добрую весть в тот день принес тебе, проповедуя в нашем Сан Марко». После этого, монах напоминает читателям, как объявил о своем предположении, что на восьмой день (октаву) праздника они получают «добрый ответ», и призвал всех «усовершенствоваться в молитвах и доброй жизни, дабы это обещание было преисполнено всяческой милости»; а «ночью октавы» отправился в путь¹²²⁸.

Итак, в своем «Послании» брат Джироламо упоминает, что «многие подвергают насмешкам» его сообщение о пребывании в Раю. На это доминиканец отвечает, что при внимательном прочтении «Компендиума» «легко обнаружить», что он не «телесно присутствовал» там, а «это было полностью воображаемое видение (*visione imaginaria*)», что он «описывал все эти вещи духовно (*spiritualmente*)»; и что только невежественные и грубые или злобные люди не понимают, что «все те вещи, которые я там видел, сформированы в воображении посредством ангелов», и что «таким же образом пророки видели множество вещей», особенно Иезекииль, который «часто говорит, что так побывал в различных местах, которые, разумеется, посещал духовно, а не телесно»¹²²⁹. Касаясь своих видений в целом и их осмеивания, Савонарола выражает свое изумление подобным отношением окружающих, ибо означенными практиками «полны Св. Писание и почти все церковные книги», более того – «многие проповедники и в наши дни» занимаются тем же. И здесь доминиканский брат переходит от обороны к наступлению: по его словам, если подобные люди «глумятся над этим», то либо они сами «проповедовали ложь и вводили в заблуждение народ», либо полагают себя монополистами в этой области, думая, «что никто не может обрести видения, кроме них»¹²³⁰.

¹²²⁸ *Savonarola G. Compendio di rivelazioni ...* P. 27–29.

¹²²⁹ *A un amico* [Firenze, 1495] ... P. 101.

¹²³⁰ *Ibid.*

Продолжая тему видений, монах отвечает тем, кому «представляется заблуждением то, что я сказал, то есть, что Рим должен быть осужден, а Иерусалим избран и поставлен во главе». Возможно, подобное мнение возникло на основе изложения Савонаролой, – сначала в проповеди 13 января 1495 г., а затем в «Компендиуме откровений», – видения Креста и Меча¹²³¹. Доминиканец поясняет своим читателям, что речь идет не о том, что «Римская Церковь должна изменить форму», она «не исчезнет», по-прежнему будет Папа и «его резиденцией и диоцезом будет Рим», но «дурные люди в Риме будут преданы порицанию и исчезнут, и цвет христиан будет в Иерусалиме» – подобное заявление, несомненно, подразумевает духовное преображение христиан; далее автор эпистолы предвещает, что «все части света, где будут христиане, подчинятся Римской Церкви, поскольку все станут пребывать в римской вере под руководством одного Папы»¹²³².

В завершении письма Савонарола выражает желание «ответить на все и сразу», предоставив «знак того, что учение, которое я тебе проповедовал, от Бога». Опыт, согласно монаху, показывает, что всякий человек, «насколько больше верит и приближается» к вере, «настолько больше успокаивается и наслаждается в ней и ищет доброй жизни, довольствуясь малым и радуясь в испытаниях»; а тот, кто отдаляется от веры, «теряет отраду и покой в своем сердце и превращается в озлобленного». К таким людям, по словам автора письма, относятся: во-первых, равнодушные; затем «порочные, подлые и безрассудные»; и, наконец, «отчаявшиеся из-за того, что впали в бедность и не имеют возможности поправить свои дела при помощи Коммуны». И, тем не менее, как утверждает этот пророк-реформатор, многие из них, «посредством увещаний добрых людей или иной причине», «обращаются к этой истине, тотчас изменяясь и становясь спокойными, мягкими, каются в прошлых грехах, начинают жить по-христиански и превращаются в защитников этого учения»; причем, это заметно «не только среди простых, но и ученых

¹²³¹ О содержании этого видения см. параграф 1.3.

¹²³² Ibid. P. 101–102.

людей, как светских, так и духовных». Означенные изменения замечают и противники, которые обзывают обратившихся «меланхоликами и безумцами», а сами «как море взволнованное, которое не может успокоиться и воды которого выбрасывают ил и грязь»¹²³³. Все это позволяет брату сделать следующее заключение: «Если те, кто, следуя моему учению, снискали мир, как подтверждает практика, то это знак того, что ... я не проповедую иного, нежели евангельский закон и учение, источником которого является Бог; и если противники его (учения – Е.Т.) постоянно волнуются, то это значит, что они следуют за заблуждениями нечестивых и учением равнодушных, скотским и дьявольским». За этим выводом следует завершающий «Послание» призыв всем вставшим на путь истины, «не оставлять его из-за противодействия», не уподобиться тем «о которых наш Спаситель говорит: *“временем веруют, а во время искушения отпадают”*»¹²³⁴, ибо «кто станет упорствовать до конца, в итоге будет спасен»¹²³⁵.

Итак, содержание «Послания» вновь свидетельствует о том, что ведущими вопросами дискуссий относительно доминиканского брата были его влияние на политические дела республики (соответственно, подозрения в претензиях на тиранию), а также статус пророка и истинность его предсказаний. То, что последней теме посвящена, прямо или косвенно, значительная часть эпистолы (несмотря на недавно появившийся «Компендиум откровений»), скорее всего, можно объяснить тем, что Савонарола, во-первых, таким образом пытался придать дополнительный стимул к преобразованиям во Флоренции, а, во-вторых, обосновать непротиворечивость своей пророческой миссии авторитету Римской курии.

«Послание» издавалось не менее трех раз в течение одного или двух лет¹²³⁶ и стало стимулом для дискуссии в форме публичных писем анонимно-

¹²³³ Ис. 57: 20–21.

¹²³⁴ Пс. 118: 165.

¹²³⁵ A un amico [Firenze, 1495] ... P. 102–103.

¹²³⁶ Cordero F. Savonarola. Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495 ... P. 517.

го автора и Доменико Бенивьени¹²³⁷. Аноним, скорее всего являвшийся духовным лицом, опубликовал свое сочинение первым, в начале 1496 г. Скрываясь под маской «друга», он воспроизвел суждения врагов доминиканца, усиливая их обвинения значительным набором цитат из Св. Писания и трудов авторитетных церковных и светских авторов.

В начале текста аноним изложил причины, побудившие его к написанию эпистолы: подчеркнув свое расположение к брату и стремление к объективности, он указал на «душевный трепет сомнений и двойственности», в который его повергли, с одной стороны «народная молва и острые языки», а с другой – собственное «благочестие», преисполненное стремлением к правде. По его словам, апология самого Савонаролы в открытом письме 1495 г. «вызвала в сознании большой ужас» из-за невозможности определить истину, и по этой причине он, «будучи переполнен различными мнениями, решил откровенно изложить все то, что услышал и воспринял против вас (Савонаролы – Е.Т.) относительно этой материи»¹²³⁸.

Эпистола сомневающегося «друга» посвящена преимущественно религиозным вопросам – пророческому статусу монаха и его взаимоотношениям с официальными церковными институтами; другому направлению критики брата Джироламо его оппонентами – вмешательству доминиканца в политику флорентийского государства, автор уделяет сравнительно меньше внимания. Текст анонима в целом повторяет пункты «Послания» Савонаролы, в которых сочинитель выделяет множество спорных вопросов. Примечательно, что рассуждения по ним непрестанно пронизывает одна и та же мысль – подозрение доминиканского брата в одном из самых страшных грехов – гор-

¹²³⁷ О различных аспектах эпистолярной полемики 1496 – 1497 гг. см.: *Тельменко Е.П.* «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре» // Вестник Северо-Кавказского федерального университета: научный журнал / гл. ред. В.Н. Парахина. Ставрополь, 2014. № 3 (42). С. 195 – 198; *Она же.* «Я не могу удержаться, чтобы не разоблачить притворство этого монашка»: письмо Ф. Альтовити и полемика о Савонароле во Флоренции кон. XV в. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Нижний Новгород, 2014. № 6. С. 87–93; *Она же.* Эпистолярная полемика 1496 г. о пророческой миссии Джироламо Савонаролы // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Москва: ИВИ, 2014. Вып. 48. С. 225–240.

¹²³⁸ *Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo* // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 124. Далее – *Epistola responsiva* ...

дыне. Так оценка высказываний и действий монаха сопровождается фразами о его «высокомерной самонадеянности», «желании возвеличиться», о том, что он проявляет «амбиции, которые приписывает другим», что «оставив в стороне всяческую монашескую узду, бьется больше из-за мирских амбиций, нежели Геракл из-за доблести (*per virtù*)»¹²³⁹.

Итак, автор эпистолы обращается к обвинениям Савонаролы в том, что он является еретиком и раскольников. В первом случае аргументация противников основана на констатации факта неповиновения доминиканца Апостольскому престолу. То, что монах проигнорировал многочисленные бреве Папы с вызовом в Рим, его оппоненты связывают со «страхом перед справедливым наказанием». Позиция Александра VI, не предпринявшего суровых мер в отношении доминиканца, свидетельствует не о правоте учения брата, как он стремится представить это окружающим, но скорее о доброте и милосердии Папы, который, «чтобы избежать смуты (*scandolo*), проявляет терпимость даже к борделям, пренебрегающим законом божьим». Монах в своем высокомерии обнаруживает неверие в «исключительность власти Понтифика», и отсюда веет, как утверждает автор послания, «гадким и еретическим смрадом»¹²⁴⁰. Мало того, Савонарола провоцирует раскол в Церкви: по словам анонима, он поступает подобно Магомету, который для обретения доверия использовал христианское учение, а затем подорвал его, положив начало новому исповеданию¹²⁴¹.

Кроме того, с точки зрения оппонентов, «опасения в порочной ереси» вызывает присвоение монахом звания пророка¹²⁴². Испушенный в богословских вопросах и знании Св. Писания, анонимный «друг», ссылаясь на тексты евангелистов, напоминает, что отличие истинных пророков от ложных со-

¹²³⁹ Ibid. P. 124, 125, 128, 129.

¹²⁴⁰ Ibid. P. 125–126, 124.

¹²⁴¹ Как пишет аноним, Магомет «католическим началом (вступлением) стремился снискать доверие, а затем, скорпионьим жалом ударил по пастве Христовой посредством грез и видений, совращая толпу в новую секту, чтобы быть названным автором великих вещей; все это можно прочесть в его Коране, и явно распознать в этом лукавство Сатаны». Ibid. P. 126.

¹²⁴² Ibid. P. 125.

стоит в том, что они «не сами приходят, но их посылают»¹²⁴³. Свидетельством же того, что пророк вещает от имени Господа, являются поданные свыше «знаки (*signi*)». Так, отмечая стремление Савонаролы уподобить себя «новому Моисею», а флорентийцев – избранному народу Израиля, автор эпистолы указывает, что израильтяне получили возможность убедиться в том, что учение Моисея «происходит от Всевышнего» «посредством знаков и сверхприродных чудес», а флорентийский народ не обрел от своего «пророка» каких-либо божественных доказательств¹²⁴⁴. Более того, если сам Спаситель признавал, что собственного свидетельства недостаточно, и, среди прочих, явил доказательства своей миссии Иоанну Крестителю на реке Иордан, а апостолам Петру, Иакову, Иоанну на горе Фавор, то позиция фра Джироламо отличается явным высокомерием и порождает «подозрение в дьявольском обмане»¹²⁴⁵.

Уверенность в лжепророчестве флорентийского проповедника, по мнению его противников, усиливается и оттого, что многие из его предсказаний не сбываются. «Вы обещали, – упрекает Савонаролу автор письма, – что при новом управлении, сотворенном Богом, больше не будет никаких непомерных налогов (*balzello*) ..., а случилось противоположное»; «вы обещали процветание и изобилие, и вскоре город был охвачен голодом и чумой»; «вы обещали возврат Пизы и увеличение территории государства, и, видя произошедшее, можно судить, являются ли ваши предсказания истинными или ложными»¹²⁴⁶. Оппоненты монаха также замечают, что его прорицания имеют свойство изменяться в зависимости от обстоятельств, что вызывает сомнения в истинности его пророческого статуса. Здесь анонимный сочинитель эпистолы вспоминает давние заявления монаха о реформировании Церкви и христианского мира, в которых он утверждал, что эта миссия будет возложена Богом на светского государя – «Турка». Савонарола изобличается не толь-

¹²⁴³ Ibid. P. 126. См.: Мф. 23:34: Посему, вот, Я посылаю к вам пророков, и мудрых, и книжников ...; Лк. 11:49: Потому и премудрость Божия сказала: пошлю к ним пророков и Апостолов ...

¹²⁴⁴ Epistola responsiva ... P. 131–132.

¹²⁴⁵ Ibid. P. 126–127.

¹²⁴⁶ Ibid. P. 127.

ко в том, что повторил старое и широко распространенное среди итальянских проповедников суждение, но и что затем, «чувствуя приход французов», предпочел забыть о нем и представить в качестве орудия Господа другое лицо – Карла VIII¹²⁴⁷. Недоброжелатели приора Сан Марко заметили его неуверенность в собственных откровениях в том, что монах всячески пытается избежать проверки их фактами. Так аноним пишет: «Но, мало веря в исход этих ваших пророчеств, вы как бы стремитесь сделать заключение, что этого не будет при тех, кто живет в настоящее время, но при их потомках, разумно убирая границы, чтобы не испытать дополнительных проверок разочарованного народа»¹²⁴⁸.

Более того, высказывания-пророчества монаха не санкционированы Церковью. Данный пункт обвинений представляется чрезвычайно важным для выяснения сути противостояния флорентийского проповедника и Римской курии, и его интерпретации со стороны противников и апологетов Савонаролы, различным образом понимавших место и роль пророчества в современной Церкви. Так, автор письма выстраивает свои рассуждения по поводу пророческой миссии Савонаролы вокруг евангельской фразы «Закон и пророки до Иоанна»¹²⁴⁹. «Свет пророчества обрел свое завершение в Воплощении Вечного слова»¹²⁵⁰, – замечает аноним, развивая эту мысль следующим образом: последним пророком, предсказавшим приход Спасителя, стал Иоанн Креститель; с появлением Христа пророчество завершилось; Иисус передал свои полномочия ап. Петру и Церкви, которая обрела исключительный авторитет в вопросах веры. Это утверждение анонимного сочинителя вполне обоснованно, во-первых, положением об апостольском преемстве, как одном из признаков Церкви, которое зафиксировано как в Св. Писании, так и в трудах авторитетных раннехристианских богословов¹²⁵¹; а во-вторых, при-

¹²⁴⁷ Ibid. P. 127, 136.

¹²⁴⁸ Ibid. P. 132.

¹²⁴⁹ Ibid. P. 127. См. также: Мф. 11:13; Лк. 16:16.

¹²⁵⁰ *Epistola responsiva* ... P. 133.

¹²⁵¹ См., например: Ин. 20: 21–23; Мф. 28: 19–20; Мк. 16:15–16; Лк. 24: 47–49; Деян. 1: 8, 14: 23; 20: 28; 1 Тим. 5: 22; 2 Тим. 16: 6 и др. Об апостольском преемстве писали такие отцы ранней церкви, как Ириней Лионский, Климент Римский, Иероним, Тертуллиан и др. Например, Ириней Лионский в своем сочинении

нятым в Церкви тезисом о том, что она, как носительница апостольского предания, установив канон Св. Писания, является единственной его верной хранительницей и истолковательницей, а также обладает первенством во всех делах веры¹²⁵². Отсюда, автор эпистолы, – ссылаясь на авторитет блаженного Августина, заявившего: «Я бы не поверил Евангелию, если бы меня не подвиг к этому авторитет кафолической Церкви»¹²⁵³, – выказывает законные сомнения в легитимности пророческого статуса брата и в его претензиях вещать непосредственно от имени Бога. «Какой закон, – вопрошает аноним, – обязывает человека верить не признанным церковью вымыслам монашка, что более опасно, поверить ему или нет?». Затем автор приходит к закономерному выводу: «Но поскольку тот же самый свет, который озарил означенное Св. Писание, возможно, также осеняет ваши видения, когда Церковь установит (это), мы будем обязаны доверять им, а до этого возникает опасность еретического суеверия»¹²⁵⁴.

Таким образом, Савонарола, провозгласив себя медиатором между Господом и паствой, следует не отвечающей современному положению Церкви модели Ветхого завета, когда Всевышний вещал народу через пророков, практически игнорируя институт священнослужителей¹²⁵⁵. Данная пози-

«Против ересей» заявляет: «Все, желающие видеть истину, могут во всякой церкви узнать предание апостолов, открытое во всем мире; и мы можем перечислить епископов, поставленных апостолами в церквях, и преемников их до нас...». Далее, перечислив апостольских преемников своего времени (II в.), он продолжает: «В таком порядке и в таком преемстве церковное предание от апостолов и проповедь истины дошли до нас. И это служит самым полным доказательством, что одна и та же животворная Вера сохранялась в церкви от апостолов доныне и предана в истинном виде». См.: *Иринея Лионский*. Творения. Москва: Паломник Благовест, 1996. С. 222, 223-224.

¹²⁵² У того же Иринея Лионского, отрывки из работ которого часто и полно цитируются богословскими и полемическими авторами на тему первенства Римской Церкви, сказано: «Истина находится только в кафолической Церкви, хранительнице апостольского предания ... При таких доказательствах, не должно искать у других истины, которую легко получить от Церкви, ибо Апостолы, как богач в сокровищницу, вполне положили в нее все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питье жизни. Она, именно, есть дверь жизни, а все прочие (учители) суть воры и разбойники». См.: Там же. С. 225.

¹²⁵³ *Epistola responsiva* ... Р. 125. Здесь аноним цитирует труд Блаженного Августина «Против послания манихей, именуемого Основным».

¹²⁵⁴ *Ibid.* Р. 130.

¹²⁵⁵ Происхождение пророчества, согласно Второзаконию, связано с событиями исхода. Пророк подобен устами Господа, он избран Богом, зачастую вопреки собственному желанию, чтобы донести волю Всевышнего его народу (Исх.3:1–12). Как среди ранних (до разрушения Первого храма), так и среди поздних (после вавилонского плена) пророков многие не были связаны со жречеством. Более того, поздние пророки, – на тексты которых Савонарола составил циклы проповедей, – настаивали на примате морального совершенствования человека над пышным культом, выступали против абсолютизации последнего, что приводило к конфликту между ними и священническими кругами (например: Ам. 7: 10–15).

ция, — как представляют ее оппоненты брата, — может считаться не только еретической, но и схизматической, поскольку монах, призывая христиан поверить его пророчествам, провоцирует их на отделение от общего тела Церкви и создание, по сути, секты. И здесь, как отмечает сочинитель эпистолы, алгоритм поведения флорентийского проповедника оказывается сходен тому, против чего предостерегали апостолы членов первых христианских общин: в качестве примера аноним разражается обширной цитатой из Первого послания коринфянам ап. Павла, где тот упрекает своих адресатов за разделение на группы вокруг отдельных учителей и призывает их к единству¹²⁵⁶. Помимо этого, аноним обращается к авторитету Иеронима Стридонского, утверждавшего: «Обозревая древнюю историю, я не могу найти никого, кто бы разделил Церковь и отвратил народ от дома Господня, кроме тех, которых он поставил священниками и пророками, то есть стражами. Таким образом, они обращаются в извилистую сеть, во всех местах устраивая преткновения»¹²⁵⁷. Действительно, эта цитата, проясняет, насколько тяжелой представляется вина Савонаролы со стороны его церковных оппонентов: монах, будучи духовным лицом, призванным наставлять паству в делах веры и сохранять церковное единство, воспользовался доверием прихожан к своему статусу для разделения Церкви.

В этом же контексте, очевидно, следует понимать интерпретацию противниками брата его высказываний об Иерусалиме, как месте, куда будет перенесена преобразованная Церковь. Заявления флорентийского проповедника о Новом Иерусалиме, как отмечает его «друг», близки к еврейским ожиданиям Мессии, который восстановит Храм, а не к христианскому толкованию Нового Иерусалима как Церкви Христа, «церкви торжествующей», построенной на крови мучеников¹²⁵⁸. Здесь оппоненты Савонаролы, скорее всего, намеренно искажают его мысль, приземляя ее с тем, чтобы, во-первых, еще

¹²⁵⁶ Epistola responsiva ... P. 138. См. также: 1 Кор. 1:10, 12–13; 3: 4–8, 21–23.

¹²⁵⁷ Иероним Стридонский. Три книги толкований на пророка Осию // Библиотека творений Св. Отцов и Учителей Церкви западных, издаваемая при киевской Духовной Академии. Кн. 21. Творения Блаженного Иеронима Стридонского. Ч. 12. Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894. С. 270; Epistola responsiva... P. 138.

¹²⁵⁸ Ibid. P. 134–136.

раз обвинить его в схизме, и, во-вторых, упрекнуть в излишней увлеченности ветхозаветными текстами в ущерб посланию, сосредоточенному в Новом завете¹²⁵⁹.

Итак, центральная часть эпистолы анонимного «друга» посвящена теме пророческого статуса Савонаролы. Сравнительно меньший объем занимает не менее важный для флорентийских граждан вопрос вмешательства монаха в городскую политику. Чрезмерная погруженность доминиканца в дела республики связана, в представлении его оппонентов, не столько с заботой об общем благе, сколько с амбициозной натурой фра Джироламо. Это качество брата, по словам автора эпистолы, проявляется в том, что он желает «предстать новым Платоном», тем, кто «предложил и установил» правление, «лучше которого не найти». Между тем, монах обольщается, полагая, что «обладает величайшими познаниями в области политического управления». В нем доминиканец «неопытен и совершенно несведущ», достаточно обратиться к его «Компендиуму откровений», где, рассуждая об организации демократического правления во Флоренции, он обращается к венецианскому образцу, основанному на власти оптиматов¹²⁶⁰: таким образом монах демонстрирует свое незнание сущности различия «Философом (Аристотелем – Е.Т.) демократии – государства народного и плебейского, и аристократии – правления прославленных и выдающихся», и не понимает, что если венецианская республика – это пример правления «наимудрейшего, спокойного и долговременного», то там, «где плебс управляет вместе с нобилиями, появляется республика мятежная, постоянно колеблющаяся и беспокойная»¹²⁶¹. Мало того, что доминиканский брат некомпетентен в политической сфере, он озлоблен, «ослеплен завистью и страстями» так, что не может «распознать несовместимость вещей», впадает «в существенные противоречия»: так, он то

¹²⁵⁹ Для того, чтобы укрепить читателя во мнении об опасности «иудаизма» в интерпретации священных текстов Савонаролой, аноним не только пускается в пространное цитирование церковных и светских авторитетов, но и перемежает его уничижительными высказываниями относительно исповедания веры и мессианских ожиданий евреев: «еврейское коварство», «слепота еврейская»; «мы, христиане, не хотим уподобляться иудеям». См.: Ibid. P. 135–136.

¹²⁶⁰ См.: Savonarola G. *Compendio di rivelazioni* ... P. 66–69.

¹²⁶¹ Epistola responsiva ... P. 128.

стремится «показать, что это управление было введено» им, как «орудием Всевышнего», то затем осуждает его «за увеличение допущенных в него глупцов», а после возвращается к «проклятию тех, кто его осуждает как ваше творение»¹²⁶².

Савонарола в своем «Послании» отметал подозрения в тирании, указывая на то, что Большой совет и тиран не могут сосуществовать, однако факты, согласно противникам доминиканца, свидетельствуют об обратном. Монаху импонирует статус, но не имя тирана, он хочет быть им, но не казаться. Автор эпистолы, обращаясь к фра Джироламо, указывает: «вам нравится, как вы неоднократно повторяли, чтобы общество воспринимало вас автором этого управления»; «вам по душе, что в ваших руках его разрушение и реформирование»; «нравится быть оракулом, к которому государство обращается за советами»¹²⁶³. Все указывает на то, что брат является воплощением истинного тирана – его высокомерие, демагогия, а также жестокость по отношению к противникам. Своих критиков монах называет «озлобленными», почитает их за «преступников и скверных людей, в то время как они – благородные духом и истинные патриоты своего отечества»¹²⁶⁴. Для укрепления собственного положения он, напротив, опирается на «мальчиков и слабоумных, чтобы быть боготворимым ими с той простотой, которая позволяет легко довериться обману»¹²⁶⁵. Говоря о том, что клеветники нового правления «заслуживают быть обезглавленными», он ведет себя не как подобает милосердному человеку и духовному лицу¹²⁶⁶. Как и всякий тиран и злодей, совесть которого нечиста, он окружил себя вооруженной охраной, вместо того, чтобы, как это делали святые люди Церкви, уповать на «защиту Всевышнего»¹²⁶⁷.

Подобный образ действий брата Джироламо, отринувшего «религиозную узду ... из-за мирских амбиций», не престал духовному лицу. Здесь ано-

¹²⁶² Ibid. P. 129.

¹²⁶³ Ibid.

¹²⁶⁴ Ibid.

¹²⁶⁵ Ibid.

¹²⁶⁶ Ibid. P. 130.

¹²⁶⁷ Ibid. P. 132.

нимный «друг» развивает мысль, уже прозвучавшую на упомянутом выше диспуте в палаццо Синьории в январе 1495 г.¹²⁶⁸, указывая читателям на пример ап. Павла и прочих святых, которые пеклись не о земном и преходящем, но о граде небесном: «Преславный Павел сильно не привязывался к городу своему – земному Иерусалиму, ибо в отношении управления он никогда слова не произнес, как истинный апостол, сосуд избранный, преисполненный Духом Святым, но ради небесного отечества, града высшего (*superna*), отличного от того, тленного и преходящего ... неустанно трудились также апостолы и все святые ... Так что не дело монаха упрямо стремиться в земную политику, но (следует) предоставить управление государям, также направляемым Всевышним¹²⁶⁹»¹²⁷⁰. По мнению автора эпистолы, стремление Савонаролы возвыситься, стать «не только пророком, но и вечным диктатором (*perpetuo dittatore*)»¹²⁷¹ истинные патриоты отечества не могут допустить, ибо «неприлично, позорно и отвратительно», когда «такой великий город, постоянно управляемый возвышенными духом людьми, вынужден подчиняться колебаниям какого-то монаха – выдумщика поэтических видений, осужденных церковью и преданных всеобщему осмеянию»¹²⁷².

В конце своего письма неизвестный автор, поддерживая образ колеблющегося «друга», заявляет: «... я прошу Всевышнего озарить вас своей милостью, дабы ваш план удался с пользой для души, в чем я по-прежнему очень сильно сомневаюсь»¹²⁷³.

Публичным ответом на письмо анонима стала эпистола упоминавшегося ранее сторонника пророка из Сан Марко – Доменико Бенивьени. Этот магистр «искусств и медицины», отличающийся глубокими познаниями в области философии и строгостью нравов, в 1491 г. благодаря покровительству Лоренцо и Пьер Франческо Медичи стал каноником церкви Сан Лоренцо.

¹²⁶⁸ 2 Тим. 2:4: Никакой воин не связывает себя делами житейскими.

¹²⁶⁹ Рим. 13:1: Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены.

¹²⁷⁰ *Epistola responsiva*... P. 128–129.

¹²⁷¹ *Ibid.* P. 128.

¹²⁷² *Ibid.* P. 129.

¹²⁷³ *Ibid.* P. 139.

Уже с начала 90-х гг. Доменико начал проявлять симпатию в отношении Савонаролы и его трудов. Во время полемики, разгоревшейся во Флоренции между противниками и сторонниками Савонаролы, Бенивьени выступил в качестве активного защитника учения и действий брата. В мае 1496 г. он публикует «Трактат в защиту и подтверждение учения и пророчеств, проповедуемых братом Иеронимом во Флоренции»; затем одно за другим, между серединой 1496 г. и 1497 г., выходят еще два сочинения этого савонаролианца – интересующая нас «Эпистола некоему другу в ответ на некоторые возражения и клевету против брата Иеронима из Феррары», а также «Диалог об истинности учения, проповедуемого братом Иеронимом из Феррары в городе Флоренция»¹²⁷⁴.

Прежде чем проникнуть в суть ответного послания Бенивьени, рассмотрим, как этот апологет «феррарского монаха» формулирует цель сочинения и оценивает личность анонимного составителя эпistolы. Отмечая заявления последнего о том, что он является «другом» доминиканца, который готов «последовать за ним при любых обстоятельствах»¹²⁷⁵, Доменико обнаруживает готовность поверить в то, что перед ним человек неискушенный, раздираемый сомнениями от противоречивых мнений, высказываемых вокруг о брате из Сан Марко. Соответственно причину написания ответного письма он представляет не как желание вступить в спор с противниками¹²⁷⁶, но как стремление помочь «простодушной и безрассудной овечке» из стада Христова не попасть «в мясную лавку Сатаны», поддавшись на притворство и обман дурных людей¹²⁷⁷. И здесь Бенивьени, несомненно, имеет в виду не столько анонимного автора, сколько своих читателей, среди которых много колеблющихся и сомневающих в учении фра Джироламо.

¹²⁷⁴ Garfagnini G.C. Domenico Benivieni e l'Epistola in difesa del Savonarola // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. 174.

¹²⁷⁵ Epistola di maestro Domenico Benivieni fiorentino, canonico di Santo Lorenzo, a uno amico responsiva a certe obiezioni e calunnie contra a frate Ieronimo da Ferrara // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. P. P. 178. В послании анонима см.: Epistola responsiva ... P. 139.

¹²⁷⁶ Здесь автор эпistolы четко выражает свое мнение посредством цитаты из Св. Писания (Притч. 26: 4–5): «Не отвечай глупому по глупости его ..., чтобы он не стал мудрецом в глазах твоих». См.: Epistola di maestro Domenico Benivieni ... P. 178.

¹²⁷⁷ Ibid.

В том, что касается самого сочинителя эпистолы, Доменико, – как бы принимая предложенные условия «игры» в колеблющегося друга, – на протяжении всего текста периодически проявляет сомнения в искренности его позиций, и подозрения в плохо скрываемой злонамеренности. Об этом, по его мнению, свидетельствует, как нежелание автора письма открыть свое имя¹²⁷⁸, так и то, что он, собрав и записав клеветнические и дурные речи о приоре Сан Марко, охотно сделал их публичным достоянием, в то время как настоящий друг «негласно и со скромностью написал бы ему то, что говорится против его и его учения»¹²⁷⁹. Кроме того, стремление неизвестного составителя эпистолы не только передать мнения и слова врагов, но и подкрепить их обвинения значительным набором авторитетных цитат, также вызывает критику сторонника Савонаролы, который, – очевидно, чтобы уязвить скрытого оппонента брата, – связывает этот прием либо с недостатком ума, либо с амбициями и тщеславием¹²⁸⁰.

В своем послании каноник Сан Лоренцо подробно, пункт за пунктом, отвечает на положения сочинения анонима. Стоит отметить, что часть своей аргументации Бенивьени излагает в несколько сжатом виде, отсылая читателей к прежде изданной «Апологии» – «Трактату в защиту и подтверждение учения и пророчеств, проповедуемых братом Иеронимом во Флоренции»¹²⁸¹. Часть письма посвящена вопросам, касающимся городской политики, однако, обсуждение этих проблем для Доменико, как и для анонимного сочинителя, подчинено более важной, по сути, главной теме полемики – пророческой миссии Савонаролы. И здесь дискуссия между духовными лицами – авторами посланий обнаруживает различия в понимании места пророчества в современной Церкви. Если анонимный автор выстраивает критику флорентийского пророка с позиций его взаимоотношений с официальными церковными институтами, то апология Бенивьени обращена к теме пророчества в контек-

¹²⁷⁸ Завершая письмо, Бенивьени призывает анонима огласить свое имя, «чтобы не потерять статус друга». См.: Ibid. P. 189.

¹²⁷⁹ Ibid. P. 178.

¹²⁸⁰ Ibid. P. 185.

¹²⁸¹ Ibid. P. 180, 181, 183, 184, 185, 189.

сте отношений между Богом и Церковью, понимаемой, прежде всего, как сообщество верующих.

Прежде всего стоит обратить внимание на то, как этот сторонник Савонаролы выстраивает защиту монаха от обвинений в ереси и схизме, основанных на факте его неподчинения папским бреве лета – осени 1495 г., демонстрируя, как представляется, хорошие навыки софистики (здесь трудно однозначно ответить на вопрос проявил ли в этом случае автор изворотливость ума, или был убежден в том, что утверждал, поскольку, с одной стороны, он играет понятиями, а с другой – ссылается на доступный, как он замечает, всякому интересующемуся документ). Так, Бенивьени указывает своему оппоненту, что ложью являются заявления противников о том, «что брат Иероним не пожелал проявить послушание, когда был вызван в Рим, и не убоился интердикта», ибо «его никогда не вызывали в Рим, и никогда, или из-за него или ему, не направлялось никакого отлучения». По словам апологета, бреве, «которое еще в ходу, и я, и многие другие видели его, и всякий, кто пожелает, может его лицезреть», составлено так, что Понтифик лишь «мягко увещевал прибыть» доминиканского брата в Курию; Савонарола же, «как известно всей Флоренции», был в то время болен, потому направил свои письменные извинения в Рим, и Его Святейшество, получив их, «в другой раз больше не вызывал его». Отсюда следует заключение: недостоверность обвинений делает их пустыми и тщетными¹²⁸². Аналогичными по духу эпитетами сопровождается и упоминание о попытке сравнения Савонаролы и Магомета («глупо и за пределами всяческого подобия»)¹²⁸³.

Бенивьени выступает против порицания брата Джироламо в высокомерии и гордыне, которые связывались с присвоением им пророческого статуса, несколько раз повторяя мысль о том, что «свет» пророчества не является индивидуальным даром, обретается человеком «не из-за его достоинств или совершенства, а во благо других», что «Бог может наделить им кого и когда

¹²⁸² Ibid. P. 180.

¹²⁸³ Ibid. P. 181. Здесь Бенивьени подробно не анализирует данное сравнение, отсылая читателей к своей «Апологии».

пожелает»¹²⁸⁴. Таким образом, пророчество предстает знаком божественного провидения и заботы о своем народе. Соответственно и современная Церковь нуждается в пророках, поскольку они являются знаком присутствия Бога.

И здесь Доменико указывает колеблющемуся «другу» на неверное толкование оппонентами Савонаролы новозаветного положения «Закон и пророки до Иоанна». Их заключение о том, что после Крестителя, предсказавшего приход Спасителя, нужда в пророческом вмешательстве исчезла, апологет брата из Сан Марко опровергает, ссылаясь на Св. Писание, примеры из церковной истории, а также мнение авторитетных богословов¹²⁸⁵. Сам Христос, – указывает брат Доменико на слова евангелиста Матфея¹²⁸⁶, – «также обещал послать в церковь свою пророков, которые претерпят мучения»¹²⁸⁷. Защищая идеи длящегося пророчества подкрепляется и обращением к особо почитавшемуся Савонаролой Фоме Аквинскому: на Иоанне Крестителе, уточняет Бенивьени, завершилось пророчество тех, кто предсказывал приход Спасителя, но, продолжает он, «пророчество, как говорит Св. Фома, в Церкви не только для того, чтобы объявить веру в воплощение Сына Божьего, но и для того, чтобы направлять и руководить людскими поступками и действиями в соответствии с тем, что в любое время – ситуация уместна для спасения избранных Бога»¹²⁸⁸¹²⁸⁹.

¹²⁸⁴ Ibid. P. 179, 186.

¹²⁸⁵ Ibid. P. 187.

¹²⁸⁶ Мф. 23:34.

¹²⁸⁷ Epistola di maestro Domenico Benivieni ... P. 187.

¹²⁸⁸ Ibid. P. 188.

¹²⁸⁹ В вопросе 174 (раздел 6) «Трактата о дарах благодати» (часть II-II «Суммы теологии») Аквинат пишет: «Отвечаю: как уже было сказано, пророчество определено к познанию божественной истины, созерцание которой не только научает нас вере, но и направляет наши действия, согласно сказанному [в Писании]: “Пошли свет Твой и истину Твою, да ведут они меня” (Пс. 42: 3) ... Что же касается направления человеческих действий, то пророческое откровение различается в соответствии не с временами, а с требуемыми обстоятельствами, в связи с чем читаем: “Без откровения свыше народ – необуздан” (Притч. 29:18). Поэтому люди во все времена получали божественное наставление относительно того, что им надлежит делать, по мере необходимости этого для духовного благополучия избранных». Далее, в «Ответе на возражение 3» он, обращаясь к фразе «все пророки и закон прорекли до Иоанна» (Мф. 11:13), замечает: «Предрекавшие явление Христа пророки не могли жить позже Иоанна, который указал на уже актуально явившегося Христа. Однако, как замечает в своем комментарии на эти слова Иероним, «это не означает, что после Иоанна не было больше пророков»; далее Св. Фома указывает на примеры из «Деяний святых апостолов», «Апокалипсис» ап. Иоанна и изложенную Августином Блаженным историю об императоре Феодосии, пославшем «к Иоанну, обитавшему в пустыне египетской, о котором из народной молвы узнал как о рабе Божиим, одаренном духом пророчества». См.: *Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть II-II. Вопросы 123–189 ...* С. 483–484, 485; *Августин Блаженный. Творения. Т. 3. О граде Божиим. Кн. I – XIII / сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева. Санкт-Петербург: Алетей; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. С. 240.*

Таким образом, Бенивьени фактически разъясняет суть позиции Савонаролы, о которой тот неоднократно заявлял пастве на своих проповедях. Вера представлялась им как наилучший из путей постижения Первоистины и обращения к Господу. Проповедник рисовал прихожанам этот путь как встречный процесс движения человека и Бога¹²⁹⁰, в этом контексте его рассуждений вера людей и пророчество, исходящее от Всевышнего, дополняли друг друга¹²⁹¹. Таким образом, как в письме апологета, так и в выступлениях монаха, флорентийский пророк предстает как смиренное орудие Господа, которое посредством божественного озарения направляет народ к его высшей цели.

Поскольку встречное движение человека и Бога является взаимным процессом, автору письма представляются вполне обоснованными утверждения фра Джироламо о том, что бедствия Флоренции проистекают от неверия ее жителей. Господь открывается только тем, кто хорошо подготовлен, то есть отринув от себя дурную жизнь, которая является причиной отсутствия веры. Об этом, как указывал Бенивьени, свидетельствует пример древних пророков, когда «те, кто им не верил, не получили оправдания, и поэтому попадали в беду ..., ибо Божественный свет, который склоняет человека к вере в истину, дается, как написано, тем, кто чисты сердцем»¹²⁹².

Соответственно, враги, разум которых затемнен грехами, не в силах понять о каком Новом Иерусалиме говорит брат в своих проповедях. Они либо намеренно извращают смысл его высказываний, либо ошибочно считают, что Савонарола, вещая о реформировании Церкви, подразумевает перенесение Апостольского престола в Святую землю, полагая, «что под обновлением понимается материальное возведение Иерусалима». Монах, поясняет его защитник, имел в виду не земной Иерусалим, а небесный, обновление Церкви для него – это обновление человека, который внутри себя должен по-

¹²⁹⁰ Predica XXXIII // *Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ...* Vol. 2. P. 424–425.

¹²⁹¹ О том, что для верующих «недостаточно света природного, необходим свет сверхъестественный», а пророчество является этим светом, и необходимо для современной Церкви, Савонарола рассуждал, например, в проповедях на пророка Иезекииля. См.: Predica I // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 3–5; Predica III // Ibid. P. 39–40.

¹²⁹² Epistola di maestro Domenico Benivieni ... P. 184.

строить храм Божий, реконструировать в себе образ и подобие Бога, согласно которому он был сотворен¹²⁹³. Оппоненты флорентийского проповедника «забыли, или, может быть, никогда не знали, что истинный храм Божий, как говорит Апостол, это душа человека»¹²⁹⁴, ссылается Бенивьени на слова ап. Павла¹²⁹⁵.

Итак, если речь идет о внутреннем, индивидуальном и коллективном, обновлении, достижении состояния чистоты (*santità*) христианского народа, то укоры врагов брата, связанные с тем, что фра Джироламо не мог точно назвать реформатора Церкви, колеблясь от «Турка» к французскому королю, безосновательны. Подобное обновление Церкви – удел Бога, который может побудить людей изменить свою жизнь, послав им различные бедствия и наказания. Поэтому, Бенивьени заявляет читателям своего открытого послания, что Савонарола «не говорит и не говорил, что король Франции или Турок должен реформировать Церковь, но скорее – наказать ее, и что затем Бог благодатью Св. Духа преобразует ее»¹²⁹⁶.

Тема обращения народа, а, следовательно, реформы Церкви, для Савонаролы была заключена не только в ортодоксии, но и в ортопраксии верующих¹²⁹⁷, ибо истинная Церковь, как заявлял этот пророк-реформатор, проявляет себя в «простоте христианской жизни». Тот факт, что практическое осуществление нравственной реформы флорентийцев оказалось тесно связанным с участием фра Джироламо в политической жизни города, в частности в реформе управления, согласно Бенивьени было обусловлено не амбициями доминиканца из Сан Марко, а практической необходимостью. Апологет напоминает читателям высказывания Савонаролы по этому вопросу, ненавязчиво указывая при этом на дорогой сердцу флорентийцев республиканизм монаха: «И также, как он нам часто заявлял, он не обращался бы к госу-

¹²⁹³ Например, в одной из упомянутых выше проповедей на Иезекииля Савонарола наставляет: «жизнь христианская состоит в уподоблении Христу и соединении с Ним». См.: Predica III // *Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ...* Vol. 1. P. 29.

¹²⁹⁴ Epistola di maestro Domenico Benivieni ... P. 188–189.

¹²⁹⁵ 1 Кор. 3:16: Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас?

¹²⁹⁶ Epistola di maestro Domenico Benivieni ... P. 181.

¹²⁹⁷ Если ортодоксия – правильная вера, мышление, то ортопраксия – правильное поведение (см. Ин. 14:15: «Если любите Меня, соблюдайте Мои заповеди»).

дарственному управлению, если бы не необходимость создания основы для христианской и духовной жизни, ибо тираны, прежде всего, стремятся разрушить или извратить божественный культ и изгнать праведников»¹²⁹⁸. Подозрения же противников доминиканца в его стремлении под видом призывов к наказанию скверных горожан, отомстить своим врагам, автор эпистолы отмечает, указывая на то, что монах кроток и готов снести личные обиды, но когда кто-то «бесчестит Бога или вредит душам и общественному благу», следует осудить «того человека, который так поступает и является причиной подобного зла»; что Савонарола в этом случае не отходит от практики древних пророков, а также самого Спасителя, которые сурово обличали недостойных людей и дурное управление¹²⁹⁹.

Сомнения противников в истинности пророческой миссии Савонаролы, связанные с отсутствием подтверждающих «знаков» свыше, автор письма опровергает, во-первых, указывая на сходные библейские примеры, когда «множество других пророков ... были посланы Богом, и их миссия не была подтверждена какими-либо знаками и чудесами ... но они просто говорили, что направлены Господом»¹³⁰⁰. Во-вторых, Бенивьени выстраивает основную часть защиты в духе проповедей брата, касающихся рассуждений о чудесах и их необходимости. Явным и непреложным свидетельством миссии фра Джироламо, также как и его предшественников, являются не столько сверхъестественные явления, сколько «чистота жизни, действенность их слов и результат их проповедования»¹³⁰¹. Здесь автор эпистолы, очевидно, подразумевает те положительные изменения в политической и нравственной жизни Флоренции, которые произошли при поддержке или по инициативе Савонаролы.

Таким образом, в апологии каноника Сан Лоренцо Савонарола предстает в образе пророка-реформатора, который ведет избранный народ Флоренции к Богу, и, для достижения указанной цели, сочетает нравственную проповедь с практическими действиями по установлению общего блага рес-

¹²⁹⁸ Epistola di maestro Domenico Benivieni ... P. 183.

¹²⁹⁹ Ibid. P. 184–185.

¹³⁰⁰ Ibid. P. 181.

¹³⁰¹ Ibid. P. 181, 188.

публики и культивированию добродетельной жизни горожан. Рисуя идеальный образ монаха, Доменико опровергает высказывания оппонентов брата о недостаточной его компетентности в политических делах, выражающейся в стремлении совместить венецианскую и флорентийскую системы управления. Согласно Бенивьени, рассуждения о том, что брат не ведает аристотелевского различения форм правления, проистекают «либо от невыносимой гордыни, либо от великой дерзости и глупости» их авторов, ибо, во-первых, об учености брата свидетельствуют, как проповеди, «куда стекается множество достойных и ученых мужей», так и «опубликованные труды различного свойства»; а, во-вторых, особенности венецианской системы управления известны всякому «вплоть до мальчиков», Савонарола же призывает подражать ей «не во всем, но только в том, что не противоречит природе и положению нынешнего управления» Флоренции, особенно настаивая на отрицании должности «пожизненного главы» из-за опасности возникновения тирании¹³⁰². Замечания о том, что духовному лицу не следует вмешиваться в дела республики автор открытого письма парирует, уличая критиков в демонстрации «незнания истории, которая свидетельствует о множестве святых Ветхого и Нового Завета, которые вмешивались в общественное управление»¹³⁰³. В ответ на переданное анонимом суждение о том, что «его (брата – Е.Т.) противники – люди благородные и патриоты республики, а те, кого он объединил и которые следуют за ним – мальчишки и дурачки», Доменико заявляет, что «всему народу известно, каковы эти люди, каковы рассудительность и благоразумие тех, кто уверовал и последовал за учением этого отца», и каковы, напротив, его недруги, поскольку невозможно «назвать благородными и патриотами республики тех, кто из-за гордыни и тщеславия стремится возвыситься, разрушив это новое народное правление»¹³⁰⁴. Касаясь же упреков относительно колебаний Савонаролы и противоречивости его заявлений по поводу осуществления политической реформы во Флоренции, Бенивьени, как

¹³⁰² Ibid. P. 182–183.

¹³⁰³ Ibid. P. 183.

¹³⁰⁴ Ibid.

представляется, прекрасно уловил и пояснил читателям суть позиции брата, которую тот, к слову, неоднократно демонстрировал прихожанам в своих проповедях¹³⁰⁵. Кто видит несоответствие в том, что монах сначала восхваляет флорентийское правление, а затем осуждает его, как саркастически замечает Доменико, «явно не поднаторел в логике», ибо «самый младший школяр понял бы, что в сказанном нет никакого противоречия или несогласованности, поскольку управление само по себе – отличное и достохвальное, но из-за ухищрений многих, желающих его разрушить, туда поставлено и допущено множество глупцов, и поэтому он, осуждая это положение дел, не осуждает и не порицает само государственное устройство, но тех, кто поставлен (управлять – Е.Т.)», и поэтому он «часто публично заявлял, что следовало бы усовершенствовать и улучшить Большой совет»¹³⁰⁶. И, наконец, Бенивьени, по сути, последовательно опровергая в своем письме подозрения в претензиях флорентийского пророка на установление тирании, отмечает еще один аргумент противников брата, отмечавших, что тот окружил себя вооруженной охраной, в которой обычно нуждаются «злодеи», «тираны», «ничтожные (*miserabili*)» люди¹³⁰⁷. В оправдание апологет Савонаролы, во-первых, ссылается на примеры из истории апостолов и святых, которые жаждали мученичества, но принимали меры для защиты собственной жизни, дабы не искушать Господа; во-вторых, указывает на волю добрых горожан, «которые не позволяли ему (Савонароле) передвигаться в одиночестве, из-за страха потерять подобное сокровище»¹³⁰⁸.

Итак, в публичных эпистолах анонимного «друга» и Доменико Бенивьени предстают два образа монаха из Сан Марко, относящиеся приблизительно к одному и тому же времени и отражающие мнения противников и сторонников Савонаролы. Суть их состоит в следующем: оппоненты брата обвиняют его в гордыне, неподчинении Римской курии, претензиях на установление тиранического правления в городе; апологеты монаха подчеркивают

¹³⁰⁵ Об этом см. параграф 2.3.

¹³⁰⁶ Ibid.

¹³⁰⁷ *Epistola responsiva* ... P. 132–133.

¹³⁰⁸ *Epistola di maestro Domenico Benivieni* ... P. 185–186.

его смирение, ортодоксальность и исключительную заботу о нравственном и духовном совершенствовании паствы, а также его попечение об общем благе государства. Выделив эти, существенные для противостоящих сторон, позиции, стоит еще раз обратить внимание на то, что особое место в заочной дискуссии духовных лиц заняла тема пророческой миссии Савонаролы, связанная с различным пониманием полемистами места и роли пророчества в современной Церкви. Для анонима позиция Савонаролы и его последователей в этом вопросе кажется анахронизмом: минуло время ветхозаветных пророков, вещавших от имени Бога избранному народу; современная христианская Церковь прошла долгий путь развития, за время которого ее официальные институты обрели абсолютный, канонический авторитет; соответственно, появление пророков-маргиналов скорее вредит единству верующих, нежели приносит пользу. Флорентийский проповедник и его апологеты представляли ситуацию в несколько ином свете: для них пророчество – эффективный инструмент обращения народа к Богу и, соответственно, реформы Церкви, понимаемой как сообщество верующих христиан.

Появившееся в 1497 г. публичное письмо одного из светских оппонентов брата – Франческо Альтовити отличается от рассмотренных выше трудов преимущественно политической направленностью. Поскольку поводом к написанию этой инвективы, по словам ее автора, стала «эпистола брата Джироламо», обратимся прежде к сочинению доминиканца.

Речь идет о послании «Ко всем избранным Божиим и верным христианам», которое, согласно утверждению Джан Карло Гарфаньини, «стало настоящим призывом к объединению сторонников» Савонаролы¹³⁰⁹. Стоит напомнить события, предшествующие появлению этого письма. Противостояние между «партией брата» и остальными городскими группами, – как политическими, так и религиозными, – к означенному времени обострилось настолько, что даже неудавшаяся попытка Пьеро Медичи, опираясь на помощь своих сторонников, вернуться в город в конце апреля 1497 г. позволила

¹³⁰⁹ Garfagnini G. C. Polemiche politico-religiose nella Firenze ... P. 119.

восстановить лишь кратковременное единство. За этим опять последовал новый накал политических страстей, связанных с подозрениями, страхом и стремлением свести счеты с противниками. Оппоненты Савонаролы действовали против брата как внутри Флоренции, так и за ее пределами: с одной стороны, они пытались помешать монаху сохранить свое влияние на городское сообщество, всячески препятствуя его проповедям, а с другой – усилили давление на Папу¹³¹⁰. 3 мая 1497 г. Синьория издает постановление, в силу которого в городе из-за угрозы чумы были запрещены все публичные проповеди. Исключением стал день Вознесения Господня, когда городское правительство позволило монаху выступить в соборе Санта Мария дель Фьоре¹³¹¹. Этот день, 4 мая 1497 г., отмечен в хрониках «плакс», как день «бунта» (*tumulto*), «волнения» (*romore*), «раздора» (*scandolo*): тогда противникам (компаньяччи) удалось не только сорвать проповедь, но и подвергнуть опасности жизнь доминиканца¹³¹². 5 мая Синьория распорядилась прекратить проповеди всем монахам, как какому бы Ордену они не принадлежали, и «убрать все помосты и скамьи для детей из церкви Санта Мария дель Фьоре»¹³¹³. 8 мая Савонарола обнародовал свое письмо «Ко всем избранным ...».

В нем монах, касаясь недавних событий, говорит о желании «подражать нашему Спасителю, который множество раз уступал гневу книжников и фарисеев», а потому о необходимости воздержаться от проповедей «до тех пор, пока Ему будет угодно». Тем не менее, опасаясь, чтобы паства не оста-

¹³¹⁰ К примеру, Якопо Нарди в своей «Истории» так описывает ситуацию во Флоренции, когда очередной раз сменился состав Синьории: «... в следующем месяце мае в высшем магистрате (гонфалоньером справедливости был Пьеро дельи Альберти) появилось определенное количество людей – больших противников брата, с мнением которых был полностью согласен магистрат Восьми. Отчего эти магистраты иной раз открыто действовали против него (Савонаролы – Е.Т.), а другой – закрывали глаза и притворялись, становясь причиной или часто предоставляя возможность проявления в отношении его неблагоприятных вещей ...». Другой современник – Ф. Гвиччардини сообщает об этом времени: «После отъезда Пьеро, когда новая Синьория вступила в свои права, произошел великий спор из-за монаха, поскольку гонфалоньер Джованни Каначчи и Бенедетто де'Нерли, оба члена Синьории и смертельные враги монаха, хотели от него отделаться; с другой стороны, мессер Антонио Каниджани и мессер Бальдо Ингирлани защищали его, удерживая, хотя и с большими трудностями, четыре боба в его пользу. И поскольку в этом споре страсти кипели и произошел раскол, от обеих сторон были выбраны (далее – перечисление имен избранных горожан. Е.Т.) ... Однако оказалось, что это не выход, страсти кипели, и, по общему мнению, должно было произойти какое-нибудь возмущение ...». См.: *Nardi I.* Op. cit. P. 99; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 120.

¹³¹¹ *Виллари П.* Указ. соч. Т. 2. С. 19; *Чентти Т.С.* Указ. соч. С. 128.

¹³¹² См. параграф 3.2.

¹³¹³ *Landucci L.* Op. cit. P. 148.

лась без слова Божия и не впала в заблуждения, заботясь о ее спасении, монах заявляет о своем решении «сделать посредством письма то, что в настоящее время невозможно сделать на словах». Мало того, в таком способе обращения к «верным христианам» он находит и положительную сторону, отмечая, что форма письма «будет настолько более полезна, насколько она более универсальна, поскольку эпистолу смогут получить те, кто не имел возможности услышать слово (проповеди – Е.Т.)»¹³¹⁴.

Главная цель письма – поддержать твердость духа добрых христиан в перенесении испытаний. Говоря о себе, монах увещевает «не волноваться по поводу тех лишений и преследований, которые я испытываю ради вас, а, напротив, возрадоваться за меня, поскольку Господь удостоивает нас переносить их из любви к Нему и ради истины»¹³¹⁵. Призыв сторонникам проявить стойкость в постигших их бедствиях доминиканец подкрепляет перспективой обретения обещанного утешения: по словам монаха, если в настоящий момент происходит исполнение его предсказаний о необходимости «перенести величайшие гонения», «сражаться против удвоенной силы, мудрости и коварства», то «необходимо верить, что также наступят обещанные милости»¹³¹⁶. Твердость в избранном пути, согласно брату Джироламо, должна быть основана на примере Церкви прежних времен: она «всегда усиливалась во время гонений; отчего, будучи незначительной и почти никакой в своем начале, через огромные лишения распространилась повсеместно, а затем, когда преследования прекращались, также и церковь умаялась в числе и достоинстве»; сходным образом и сейчас, когда «Бог пожелал обновить ее и увеличить, не стоит удивляться, что в очередной раз начались гонения, посредством которых она всячески усовершенствуется»¹³¹⁷. Брат стремится повлиять на решимость паствы и указанием на то, что Господь, «зная о нашей немогущности», не посылает испытания «сверх наших сил», но «постепенно

¹³¹⁴ A tutti gli eletti di Dio e fedeli cristiani [Firenze, 8 maggio 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 123. Далее – A tutti gli eletti di Dio ...

¹³¹⁵ Ibid.

¹³¹⁶ Ibid.

¹³¹⁷ Ibid.

усиливая их, укрепляет нашу веру, добродетель и стойкость в перенесении больших вещей», примером чего могут послужить недавние события, когда «нечестивцы сначала смеялись над нами, затем выдвигали множество ложных обвинений, обзывая нас обманщиками, лицемерами еретиками ..., стремились любыми окольными путями предать отлучению или интердикту ...; и, будучи не в силах достигнуть этого, ... открыто демонстрируют намерение убить», однако Бог не допустил этого, ибо «мы еще не пролили ни капли крови»¹³¹⁸. Соответственно, готовность претерпеть все беды и не свернуть с пути послужит делу Бога, ибо Его цель состоит в том, чтобы прочие люди, «изумленные нашей стойкостью, утвердились в мысли, что мы не снесли бы многого без истинной веры и убежденности в существовании лучшей жизни, и сами начали обращаться к доброй жизни и следованию за этой истиной». И здесь автор послания, для большего эффекта, обращается к образу костра, который, чем больше его мешают и дуют на него, тем больше разгорается¹³¹⁹

Помимо этой основной темы послания, представляется необходимым обратить внимание на присутствующее в тексте описание качеств и свойств сторонников и противников монаха. Тех, кто противодействует реформированию города, Савонарола связывает с дьявольским началом, они – «сообщество Сатаны», который является их «отцом»; «синагога Сатаны»; «орудия дьявола»¹³²⁰; то, что произошло в день Вознесения, когда они «направились осквернить храм Божий, осмеивая слова Христа», развели там «мерзость», «из ненависти к слову Божьему, стремились воспрепятствовать ему», явно свидетельствует, что эти люди хуже язычников, которые «содержали свои святилища в величайшем почтении и жесточайшим образом наказывали оскорбления, нанесенные Богу»¹³²¹. Другие, «равнодушные» – это те, кто «радуется подобным вещам», «подстрекает, или советует, или допускает»¹³²². И, наконец, те, кто последовал за проповедником, обратившись к вере и доб-

¹³¹⁸ Ibid. P. 123–124.

¹³¹⁹ Ibid. P. 124.

¹³²⁰ Ibid. P. 124, 125, 126.

¹³²¹ Ibid. P. 125.

¹³²² Ibid.

рой жизни – «избранные», кого Господь «избрал быть причастными к этому свету: к свету, не отличающемуся от того, которым всегда обладала церковь Бога, как невежественно заявляют некоторые¹³²³, но свету веры, которым постоянно обладали верные христиане»; их отличают «добродетели и добрые дела» и потому, как утверждает монах, «находясь среди порочного и злобно-го поколения, вы сияете подобно звездам в темноте ночи»; испытания, которые посылает им Господь подобны «испытанию золота огнем»¹³²⁴; они – «сыновья Бога», «дети, избранные к вечной славе, уготованной на небесах всем тем, кто из своей любви (к Нему –Е.Т.) претерпит мучения»¹³²⁵. Всем им – «избранным» и «верным христианам», надлежит «радоваться» постигшим их испытаниям, «демонстрировать мирянам, что воздаяние и слава, что мы ожидаем, настолько велики, что несоизмеримы ни с чем в этой (земной – Е.Т.) жизни»; им следует вооружиться «верой, молитвами и терпением, упорствуя в доброй жизни, постоянно совершенствуясь в ней», поскольку «нет вещи, которая могла бы больше поразить» и «смутить» дурных людей¹³²⁶.

Завершая эпистола Савонарола выражает надежду на возобновление проповедей и просит своих последователей молить «всемогущего Господа, чтобы мы удостоились открыть источник слова Его, ибо, когда Бог прикажет говорить, не будет никого, кто сможет противиться», а, в крайнем случае, поступить подобно апостолам и мученикам, которые на приказ оставить проповедь, «утверждали, что необходимо скорее подчиниться Богу, а не людям». Он также призывает паству «в этот праздник» исповедаться и причаститься, «очистить сердце», чтобы Господь наделил их «дарами Св. Духа», способствующими достижению внутреннего и внешнего совершенства¹³²⁷.

Это письмо оказало влияние не только на последователей Савонаролы, но стало одним из стимулов активизации его оппонентов при Римской курии: не без их участия уже 12–13 мая Александр VI издает бреве с отлучением.

¹³²³ См. эпистола анонимного «друга».

¹³²⁴ Возможная отсылка к 1 Пет. 1:7: дабы испытанная вера ваша оказалась драгоценнее гибнущего, хотя и огнем испытываемого золота, к похвале и чести и славе в явление Иисуса Христа.

¹³²⁵ A tutti gli eletti di Dio ... P. 124, 125, 126.

¹³²⁶ Ibid. P. 126–127.

¹³²⁷ Ibid. P. 127–128.

Так, касаясь появления означенного распоряжения, Франческо Гвиччардини заметил: «Считают, что папа сделал это по собственной воле, но он сделал это тем охотнее, что его подстрекали во Флоренции»¹³²⁸. Причинами отлучения, согласно бреве, стали: проповедь монахом еретического, извращенного учения; отказ подчиниться Папе и явиться в Рим по его вызову; нежелание объединить свои монастыри с прочими обителями Тосканы в единую конгрегацию¹³²⁹. По словам Якопо Нарди, доставлявший акт отлучения Джованни Камерино так и не добрался до Флоренции, остановившись в Сиене он передал бреве Понтифика через горожан – «недругов» доминиканского проповедника¹³³⁰. Отлучение было торжественно провозглашено в июне означенного года лишь в нескольких городских церквях, клир которых был оппозиционно настроен в отношении приора Сан Марко. Так очевидец событий, Лука Ландуччи, в «Дневнике» оставил следующую запись: «18 июня 1497 г.

¹³²⁸ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 120. В свою очередь Я. Нарди сообщает, что «беспорядки и разногласия горожан» после инцидента в день Вознесения «возбудили и в Риме значительный спор, при поддержке и заботами брата Мариано (Дженаццано – Е.Т.) из Ордена Св. Августина ... других монахов и недругов его (Савонаролы – Е.Т.) – горожан Флоренции». Они убеждали Понтифика «лишить брата Джироламо монастырей Сан Марко во Флоренции и Св. Доминика во Фьезоле, то есть тех обителей, которые означенным Папой были отданы и назначены указанному брату тогда, когда образовалась Тосканская конгрегация». И глава Церкви «пожелал снова объединить Тосканскую конгрегацию с ... Ломбардской, чтобы удалить таким образом этого брата из Флоренции, упразднив объединение его соратников и последователей». Как утверждает этот автор «Истории города Флоренции», «всего этого добивались противники нынешнего правления, особенно те, кто пеклись о том, чтобы город отдался на милость Лиги или дома Медичи». Папа же, который «желал нашему отечеству правления иного, нежели в настоящем, постоянно грозил городу интердиктами, а, «с другой стороны, в своих секретных и публичных посланиях Синьории обещал, что окажет городу всяческие благодеяния ..., если в руки Его Святейшества будет отдан означенный брат Джироламо». См.: *Nardi I. Op. cit. P.100.*

¹³²⁹ П. Виллари, а также, опубликовавший труд Я. Нарди А. Джелли (Agenore Gelli), приводят текст бреве Александра VI на итальянском языке по изданию П. Маркези (Padre Marchesi). В бреве Папа заявляет: «... множество раз и от многих людей, заслуживающих доверия и ученых, как духовных, так и светских лиц, в различное время мы слышали, что некий брат Джироламо Савонарола из Феррары, из Ордена проповедников, и в настоящем, как говорят, викарий Сан Марко во Флоренции, сеет вредное учение в городе к смущению, несчастью и гибели простых душ». Далее Понтифик обращается к вопросу повиновения доминиканца его распоряжениям: «... нашими письмами в форме бреве означенному брату Джироламо мы приказывали, чтобы он, в силу святого послушания, прибыл к нам, дабы оправдаться относительно заблуждений, которые вменяются ему; и сделал то, что мы ему предписали, а именно – целиком прекратил проповеди; он не захотел подчиниться»; «поскольку он остался твердым своим упорстве, мы другим своим бреве 7 ноября пятого года нашего понтификата приказали ему, в силу святого послушания и под угрозой отлучения ... присоединить монастырь Сан Марко во Флоренции к заново созданной и учрежденной нами конгрегации, названной римская и тосканская (Тоскано-Римская)»; «и он не сделал этого, и не пожелал никоим образом подчиниться нашим письмам ... упорствуя в упрямстве». На основании этого Папа приказывает в церквях города, «в праздничные дни, когда будет присутствовать большое количество народа, провозгласить означенного брата Джироламо отлученным ... ибо он ослушался наших апостольских увещаний и приказаний». См.: *Breve, in cui viene scomunicato il Savonarola // Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. Firenze: Le Monnier, 1861. Vol. 2. P. CLXV–CLXVII; Nardi I. Op. cit. P.101, 103–104.*

¹³³⁰ *Ibid. P. 102.*

Папа прислал отлучение брата Джироламо, каковое провозгласили в это утро в Санто Спирито, Санта Мария Новелла, Бадиа и Серви. Я слушал, как читали его в Санто Спирито ... провозглашал его брат Леонардо, проповедник и противник брата Джироламо»¹³³¹. При этом часть духовных и светских лиц во Флоренции, как отмечает в своем сочинении Нарди, «не пожелали принять бреве, поскольку подобный акт не был передан апостолическим секретарем, как положено»¹³³². Помимо формального предлога последователи Савонаролы имели и внутренние причины противиться отлучению, полагая монаха «хорошим и истинным католиком», о чем свидетельствовали подписи более чем 500 человек, собранные в Сан Марко^{1333 1334}. Однако, сам брат Джироламо все же предпочел воздержаться от произнесения проповедей.

Вместе с тем Савонарола не оставляет свою паству без поддержки, поскольку уже 19 июня 1497 г. издает публичное послание, посвященное только что провозглашенному во Флоренции бреве с отлучением. Этому письму предшествовало еще одно, где монах обращается к «благочестивым людям, преследуемым за истину, им проповедуемую». В нем доминиканец вновь призывает сторонников «не волноваться» и «не изумляться» испытаниям, постигшим тех, кто верит и следует «проповедуемому нами учению», поскольку

¹³³¹ Landucci L. Op. cit. P. 152–153. Эту же дату называет Бартоломео Черретани. См.: Cerretani B. Op. cit. P. 235.

¹³³² Nardi I. Op. cit. P. 102–103.

¹³³³ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 120.

¹³³⁴ Речь идет о письмах братьев Сан Марко и горожан Папе в защиту Савонаролы. Одно из них, более странное, подписано 250 монахами, которые, полагая, что Понтифик дурно информирован «некоторыми нашими недостаточно богобоязненными горожанами», опровергают их наветы на собрата, уверяя: «... учение означенного фра Иеронима является спасительным для духа и тела жителей этого города, что явно видно по (его) воздействию, как на сам город, так и на наши монастыри, куда, посредством его проповедей и наставлений, было привнесено истинно христианское существование; и он всегда увещевал и не прекращает склонять к евангельскому закону и истинному миру всех людей; и, если они станут следовать всему тому, что он проповедует, этот город будет блажен ... Вашему Святейшеству не стоит думать, что мы хотели бы поддержать и защитить чужеземца, если бы не были уверены в его жизни и добрых качествах: ясно видя длань Господа, направляющую его; и что его пребывание и проповедь в городе служит его спасению и приращению христианской веры, как видно на примере множества мудрых, ученых и уважаемых людей, которые обратились через него к вере, и постоянно обращаются, и существуют под его сенью, совершенствуясь в жизни и учении; таким образом, мы надеемся, что это должно в скором времени иметь значительные положительные последствия для Церкви Божией». В завершении послания монахи выражают готовность, в случае если их свидетельства будет недостаточно, собрать «не только сотни, но и тысячи» подписей «множества знатных и добрых горожан». В другом письме, заверенном 358 мирянами, выражается полное согласие с утверждениями насельников Сан Марко. См.: Due lettere e sottoscrizioni dei Frati di San Marco e dei Cittadini, indirizzate al Papa, in difesa e raccomandazione del Savonarola // Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. XLII–XLIV.

ку «евангельское учение» «постоянно преследовалось и всегда будет подвергаться гонениям»; он же не излагал «ничего иного, нежели Св. Писание и учение Святой Римской Церкви», и «не было обнаружено ничего из сказанного или написанного мной, что противоречило бы этому святому учению, напротив, все соответствовало ему». Брат утверждает, что его также нельзя упрекнуть в неповиновении Курии, ибо он «неоднократно, публично и privately, на словах и письменно, подчинялся ее (Церкви – Е.Т.) исправлению». Относительно своих пророчеств монах заявляет: «И, если мы предсказали множество будущих вещей, это не противно учению Церкви ...». Соответственно, те, кто пытается опорочить доминиканца – приспешники Сатаны и «равнодушные», они стремятся «потушить этот свет» веры, который связан с пророчеством, и от которого «проистекает добрая христианская жизнь». Брат призывает отдалиться от таких людей «физически» и (или) «разумом»; «объединиться с добрыми (людьми)» и обратиться к жизни во Христе; во время бедствий, взяв в качестве примера Спасителя и его последователей, радоваться, что «попали в число Его избранных», «не страшиться врагов» и помнить, что «что время – преходяще, а награды, обещанные вам, вечны», и их обретет тот, кто «упорствует до конца»¹³³⁵.

Собственно, эпистола 19 июня об отлучении имеет небольшой объем, очевидно потому, что здесь повторяются мысли, прежде неоднократно выказанные перед паствой. В начале послания Савонарола говорит о себе как инструменте Бога, посланном в город на Арно с пророческой миссией – известить всех христиан об испытаниях, посредством которых Господь желает «обновить свою церковь и весь универсум», помочь «избранным» «избежать великого гнева Божьего», подготовить их к «восприятию благодати Святого Духа, которая является формой означенного обновления»¹³³⁶. Преследования со стороны «скверных людей», которые стремятся «погасить свет этой исти-

¹³³⁵ A certe persone devote [Firenze, prima del 19 giugno 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 136–140.

¹³³⁶ A tutti i cristiani e dilette di Dio [Firenze, 19 giugno 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. P. 141. Далее – A tutti i cristiani e dilette di Dio ...

ны и свести на нет пророчества», мыслятся монахом, как исполнение последних: и здесь, для большей убедительности, доминиканец проводит параллели со Св. Писанием, – примеры братьев Иосифа, продавших его купцам Мадиямским; Ирода, организовавшего избиение младенцев; и, наконец, Спасителя, распятого «иудеями», когда противодействие пророчествам заканчивалось их исполнением, – и современной ситуацией, когда «исполняются пророчества, произнесенные нами, среди которых вы видите скорое исполнение (предсказания – Е.Т.) об отлучении, о котором много лет назад, когда ничто не предвещало этого, я вам неоднократно проповедовал». Все это, – и здесь Савонарола повторяет уже ранее озвученное им заключение, – означает, что «те (пророчества – Е.Т.), которые еще не исполнились, осуществляются, и что Бог избавит нас от всяческой опасности и в конце концов дарует нам великую победу»¹³³⁷.

Появление бреве об отлучении (и три его основания) фра Джироламо связывает с происками «равнодушных», которые стремятся ввести «в заблуждение простых людей, представляя дурным то, что таковым не является». Именно эти люди «внушили Папе ложь вместо истины, утверждая, что я сею пагубное учение и ересь», между тем, как, по словам монаха, «весь мир свидетельствует, что я проповедую только учение Христа, и не скрытно, а в церквях, где могут собраться все христиане». На другое обвинение – «в неповиновении», брат заявляет, что «никогда не проявлял послушания ни в отношении Святой Римской Церкви, ни Папы, ни прочих моих начальников, вплоть до сего времени». Однако Савонарола здесь вновь допускает одну важную оговорку, которая, будучи соответствующим образом истолкована, предоставляла оппонентам возможность обратить ее же против монаха: повиноваться вышестоящему лицу следует, если его приказы не противоречат Богу, в противном случае такой человек «не является начальником над нами». Далее доминиканец напоминает о ситуации с папскими бреве лета – осени 1495 г., и, не считая целесообразным развивать означенную тему в

¹³³⁷ Ibid. P. 141–142.

письме, отсылает читателей к нескольким проповедям Великого поста 1496 г. – времени, когда, после снятия запрета он вновь поднялся на кафедру для публичных выступлений: «Порой, когда возникала подобная ситуация, я не подчинялся, полагая, что ни Бог, ни Церковь не желают, чтобы я повиновался тому, что противоречит их предписаниям; и этого вопроса я неоднократно касался в своих проповедях, – зная, что подобное должно случиться, – чтобы вы были вооружены ответами. Прочтите первую проповедь Великого поста 1495 г. (1496 г. – Е.Т.) и проповеди понедельника и среды после четвертого воскресения (начала поста – Е.Т.), и найдете разрешение этих вопросов»¹³³⁸¹³³⁹. И, наконец, на третье обвинение, связанное с его нежеланием «подчиниться и согласиться с объединением конгрегации братьев Сан Марко с остальной Тосканой», фра Джироламо отвечает, что «те, кто склонял к этому объединению Папу» пеклись не о вере, а старались «ради преследования» его, поскольку хорошо знали, что он не дал бы согласия на подобное «пагуб-

¹³³⁸ Ibid. P. 143.

¹³³⁹ Часть первой великопостной проповеди 17 февраля 1496 г. Савонарола посвящает своему возвращению на «поле боя». Ведя мысленный диалог с прихожанами, он обещает ответить на вопрос: «Почему ты так долго отдыхал, и не пришел на поле, чтобы помочь своим солдатам?». На предположение, что причиной этого было «отлучение» и «запрет проповедовать», он реагирует при помощи нескольких «притч», где раскрывает проблему подчинения приказам вышестоящих. В первой он повествует о принадлежащем некоему горожанину «прекрасном винограднике, который давал множество плодов благодаря работе и стараниям его доброго сына». Воры-соседи, поскольку сын препятствовал их намерениям «огрбить и разорить» этот виноградник, решили опорочить его в глазах отца, направив тому письмо, описывающее сына чревоугодником, пьяницей, сластолюбцем и мотом. Гонцы, которые «создавали бы впечатление людей порядочных», должны были убедить отца призвать к себе сына и наказать. Получив приказ сын, «видя, что его отсутствие нанесет ущерб винограднику, не повиновался отцу, но написал ему, утверждая, что он введен в заблуждение теми, кто стремится разорить виноградник». Затем проповедник вопрошает слушателей «хорошо или плохо поступил сын, по воле или против воли отца», и отвечает: «Если ты не глупец, то разумеется ответишь, что он поступил очень благоразумно, не против, но согласно воле отца». Чтобы слушатели еще больше прониклись примером, Савонарола предложил им представить сходную ситуацию с подмастерьем в своей мастерской. Затем доминиканский брат обратился к еще одному примеру, в котором некий король посылает своего слугу под предводительством барона сражаться с врагами. И вот, когда слуга уже близок к победе, барон, «или будучи плохо информирован, или по другой причине», приказывает ему вернуться; слуга же, понимая, что в случае его ухода враги обретут превосходство, и что «распоряжение барона противоречит приказу короля», не пожелал повиноваться. И вновь пастырь задает вопрос прихожанам: «Не кажется ли тебе, что этот слуга поступил благоразумно, и что барон, если он добр и верен своему королю, должен быть благодарен за это неповиновение, которое привело к победе?». Наглядно представив суть проблемы, брат Джироламо заключает: «Итак, всякий раз, когда ясно видно, что приказы вышестоящих противоречат предписаниям Бога, и особенно завету любви к ближнему, никто не должен подчиняться, ибо написано: *Должно повиноваться больше Богу, нежели человекам* (Деян. 5:29), то есть следует скорее повиноваться Господу, нежели людям; в случае неясности и подозрений в том, что приказ начальствующего противоречит приказу Бога, необходимо следовать предписаниям того, кто выше». Отсюда монах заявляет, что причиной его долгого отсутствия были отнюдь «не страх и не угрызения совести», а необходимость предаться рефлексии – осмыслить «свои пути» (Пс. 38:2: *Я сказал: буду я наблюдать за путями моими, чтобы не согрешать мне языком моим; буду обуздывать уста мои, доколе нечестивый предо мною*). См.: Predica I // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 1. P. 8–12; 13–18.

ное предприятие»¹³⁴⁰. Ему вменяют в вину непослушание в этом деле, «препятствующем почитанию Бога и спасению душ» между тем, как решение подобного вопроса не в его «компетенции, ибо необходимо согласие всех наших братьев», а они, также как и отцы тех «юношей, которые пришли под нашу сень дабы жить праведно», выразили свое мнение – «написали, что не желают соглашаться с этим, но скорее готовы перенести отлучение, тюремное заключение и мученичество»¹³⁴¹. В итоге Савонарола призывает оценить «дерзость наших противников, которые не стыдятся предлагать явную ложь Папе», и на основании этого заключает, что «подобное отлучение ничего не значит и не является проявлением намерений Святой Церкви»¹³⁴².

Якопо Нарди, описывая ситуацию в городе в мае – июне 1497 г., указывает на увеличение споров относительно брата Джироламо: «Все эти вопросы (речь об указанных выше трех пунктах обвинения – Е.Т.) затрагивались и обсуждались во Флоренции, труды брата опровергались и защищались, на словах и письменно, как светскими, так и духовными лицами»¹³⁴³. После обнародования отлучения, по словам Якопо, ситуация обострилась еще сильнее, поскольку «обнаружилась большая возможность говорить, роптать и злословить всякому, как он пожелает». В означенное время «было опубликовано множество безымянных инвектив – стихов и песен, писем и прочих подобных вещей, на латыни и вольгаре, поносящих брата и его учение», и, как с негодованием отмечает автор «Истории Флоренции», «это делалось настолько цинично, что некоторые авторы подобных сочинений не стыдились известности»¹³⁴⁴.

Одним из таких трудов, появившихся в 1497 г. уже после отлучения Савонаролы, стало упомянутое выше послание Франческо Альтовити «В защиту магистратов ...». Автор этой инвективы, о котором нет подробных сведений, кроме того, что он происходил из известной флорентийской фами-

¹³⁴⁰ A tutti i cristiani e dilette di Dio ... P. 143–144.

¹³⁴¹ Об этих посланиях, подписанных 250 монахами и 358 мирянами, см. выше.

¹³⁴² Ibid. P. 144.

¹³⁴³ Nardi I. Op. cit. P. 102.

¹³⁴⁴ Ibid. P. 104.

лии¹³⁴⁵, в начале письма заявляет о себе как республиканце и патриоте, радующем за свободу и благо отечества. «Я не могу удержаться, – эмоционально сообщает он о мотивах написания эпистолы, – чтобы не разоблачить притворство этого иступленного (*frenetico* – бешеного) и преступного монашка, и даже если я за свое ребячество буду подвергнут тяжелейшему изгнанию и различным преследованиям жестоких тиранов из-за защиты свободного отечества, я неизменно полагаю, что намного слаще, приятней и достойней ссылка, тюрьма и смерть за родину и за благополучие (*salute* – спасение) наших горожан»¹³⁴⁶. Заметим, что такая саморепрезентация характерна для большинства флорентийских граждан с их коммунальным патриотизмом, и является общим местом в сочинениях и публичных выступлениях горожан.

Соответственно, в послании Альтовити вопросы политики занимают ведущее место. Так, этот горожанин обвиняет Савонаролу в том, что «под видом милосердия» и строительства «ковчега» для избранных, он стремится создать свою партию и таким образом разделить жителей города. «Плаксы» же – последователи монаха, не столько «избранные», несущие на себе печать божественного благоволения, сколько группа «одержимых (*passionati*)», «помощников и последователей тирана (*coadiutori e seguaci del tiranno*)»¹³⁴⁷, которые, для защиты лицемерного монаха, пытаются установить и укрепить свой контроль над рычагами государственной власти. Фра Джироламо окружил себя вооруженными телохранителями и «угрожает этому городу и всем тем, кто не захочет войти в его ковчег», вместе со своими сторонниками заявляя «мы хотим сражаться и победить в любом случае»¹³⁴⁸. Доминиканец, как отмечает его оппонент, обнаруживает нетерпимость, как в отношении своих противников, так и просто сомневающих: он «лает с кафедры ... подобно адскому псу против наших знатных и добродетельных горожан, и кого

¹³⁴⁵ *Garfagnini G. C. Polemiche politico-religiose nella Firenze ... P. 122.*

¹³⁴⁶ *Altoviti F. In difesa de' magistrati ... P. 140.*

¹³⁴⁷ *Ibid.*

¹³⁴⁸ *Ibid. P. 140, 143.* Здесь Ф. Альтовити искажает смысл высказываний Савонаролы, поскольку брат, призывая прихожан «вооружиться» для сражений, имел в виду духовное совершенствование, при этом ссылаясь на текст послания ап. Павла коринфянам, гласящий: «Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем. Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь» (2 Кор. 10: 3–4). Об этом см. параграф 5.2.

называет “озлобленным”, а кого “сумасшедшим”¹³⁴⁹, «осуждает “равнодушных”» – тех, кто сомневается в его словах и «не хочет войти ... в ковчег»¹³⁵⁰. «Бешеный братик», уверенный в собственной непогрешимости, вместо смирения и милосердия проявляет жестокость в отношении несогласных с ним. Он «призывает к оружию и суду, не желает говорить ни о чем, если не о крови и возмездии, вынесении приговоров, заключении в тюрьму и убийстве горожан нашего города»¹³⁵¹. Итак, именно Савонарола, в представлении автора письма, покушается на единство флорентийских граждан, стремясь «посеять раздор там, где его нет»¹³⁵², и тем самым ослабить государство.

Амбиции монаха-«иностранца», его стремление к безусловному доминированию во всех делах республики являются признаком высокомерия и гордыни этого духовного лица. С иронией, сгущенной до сарказма, Франческо, имея в виду желание доминиканца занять лидирующие позиции в городе, замечает, что «фра Джироламо не только хочет быть больше и выше наших магистратов и прелатов, но, думаю, желает превзойти всех на небесах»¹³⁵³. Соответственно, властные устремления Савонаролы, в представлении Альтовити, связаны с присвоением им пророческого статуса. У монаха «помрачен рассудок», он «побуждаем пороками и находится под властью гордыни» и «притворно утверждает, что общается с Всевышним», поступая, – как указывает этот образованный флорентиец, обращаясь к жизнеописаниям Плутарха, – подобно Нуме Помпилию и Квинту Серторию, которые, «притворялись, что втайне общаются с божествами, и говорили: “Бог мне так сказал”»¹³⁵⁴¹³⁵⁵.

¹³⁴⁹ Ibid. P. 145.

¹³⁵⁰ Ibid. P. 143.

¹³⁵¹ Ibid. P. 146.

¹³⁵² Ibid. P. 140.

¹³⁵³ Ibid. P. 141.

¹³⁵⁴ Ibid.

¹³⁵⁵ Нума Помпилий – согласно античной традиции второй царь Древнего Рима, которому приписываются различные религиозные преобразования, создание жреческих и ремесленных коллегий, введение нового календаря. Чтобы придать авторитет своим реформам, он утверждал, что общается с нимфой Эгерией. «Говорили, – передает Плутарх, – что он, счастливец, разделяет ложе с влюбленной в него богиней Эгерией и ему открылась небесная мудрость». См.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. В 3-х т. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. Т. 1. С. 80–81, 84. Сопоставление Нумы и Савонаролы имеется и у Н. Макиавелли в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия» (см. параграф 2.3 данной работы). Квинт Серторий – римский

В качестве пророка, вещающего от имени Бога, Савонарола полагает, что является носителем абсолютной истины, позволяющей ему вмешиваться в гражданскую и духовную жизнь города. Он критикует государственный порядок и обвиняет должностных лиц республики в различных пороках, и, соответственно, стремится навязать свои, новые статуты и обычаи городу, «ему кажется, что его законы должны соблюдаться, а все другие – отменяться и ни во что не ставиться»¹³⁵⁶. Между тем, – утверждает патриотически настроенный автор письма, – система управления республикой не нуждается во вмешательстве и диктате новоявленного пророка-реформатора. «Наши магистраты, – отмечает Альтовити, – все сенаторского и почтенного возраста, и все отличаются превосходными жизнью, нравами и мудростью, и неизменно следуют порядкам, статутам и законам, святым и добрым, их древних отцов»¹³⁵⁷. Именно благодаря этим людям, а также всем другим «честным и набожным горожанам», Флоренция, и «без законов и пророчеств фра Джироламо», «без его проповедей или совета, или наставлений», способна укрепить свои позиции и благоденствовать¹³⁵⁸. Аналогичную позицию автор занимает, касаясь вопросов вероисповедания и культа в городе на Арно: здесь, по его мнению, достаточно собственного, достойного во всех отношениях, духовенства, способного надлежащим образом позаботиться о душах паствы, а традиционные благочестивые церемонии и праздники не нуждаются в преобразованиях доминиканского брата, которые в итоге могут оставить Флоренцию без покровительства ее святых¹³⁵⁹.

Итак, защита «древних», республиканских законов и принципов государственного устройства, а также местного духовенства и культа, сочетается

полководец, претор в Испании. По словам Плутарха, он «прибегал к хитроумным проделкам, чтобы прельстить и обмануть варваров; в важнейшей из его выдумок главная роль принадлежала лани». Он объявил белую лань даром богини Дианы, утверждая, что «не раз это животное раскрывало ему неизвестное», таким образом, он обеспечил благосклонное отношение к себе местных жителей, которые полагали, что «повинуются не воле какого-то чужака, но божеству». См.: *Плутарх. Сравнительные жизнеописания*. В 3-х т. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 2. С. 275. В обоих случаях заметно явное сходство с Савонаролой – «чужестранцем», который, объявив себя пророком, занялся реформированием Флоренции.

¹³⁵⁶ *Altoviti F.* In defensione de' magistrati ... P. 141, 142.

¹³⁵⁷ *Ibid.* P. 141.

¹³⁵⁸ *Ibid.* P. 142.

¹³⁵⁹ См. подробные рассуждения Ф. Альтовити на эту тему в параграфе 5.1.

с негодованием в адрес обладающего непомерными властными амбициями «чужестранца», поступки которого влекут за собой разрушительные для Флоренции последствия. Этот ложный пророк, откровения которого не подтверждены Церковью¹³⁶⁰, своим неповиновением Папе ведет Флоренцию к ухудшению отношений с Римской курией; его высказывания и действия могут помешать доброжелательным отношениям республики с другими государствами. Между тем, как заявляет Альтовити, всячески восхваляя флорентийских граждан, «мы – добрые и послушные сыновья Св. Церкви и Папы», «не испытываем вражды ни к кому, и все народы мира имеют миролюбивое отношение и любовный приют во Флоренции»¹³⁶¹. Действия монаха также препятствуют достижению внутренней стабильности: на словах он призывает к миру и согласию, а на деле восстанавливает одних горожан против других; в проповедях фантазирует о радостях Рая, а своими законами о налогах и призывами к постам и процессиям доводит до разорения и отчаяния купцов и «бедных ремесленников»; если прежде он обещал благоденствие и изобилие, то сейчас постоянно вещает о войне, голоде и чуме¹³⁶². Более того, Альтовити высказывает подозрение, что монах преднамеренно содействует ухудшению

¹³⁶⁰Ф. Альтовити в своем послании повторяет суждения и доводы, уже присутствующие в письме анонимного «друга» 1496 г., на основании чего можно предположить, что они становятся общим местом у полемистов – противников Савонаролы. Так, у Франческо имеются высказывания о том, что предсказания брата не санкционированы Церковью, противоречивы, ситуативны и не исполняются (автор инвективы здесь также напоминает, что доминиканец вначале провозглашал «Турка» в качестве «посланца Бога», призванного реформировать Церковь, а затем, «видя приход короля Карла в Италию, переменялся» в его пользу). Как и другие оппоненты, Альтовити критикует монаха в его желании уподобиться ветхозаветным пророкам, в том числе представить себя в качестве нового Моисея, с которым Господь говорил непосредственно (Исх. 33:11: И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим). Примечательно, что этот образованный горожанин, обличая Савонаролу во лжи, обращается к цитированию «Триумфа Славы» Ф. Петрарки, где о Моисее сказано: «Затем тот, кто с Богом был чрезвычайно близок, / Благодаря благодати говорил с ним лицом к лицу, / Чем никто другой не может похвалиться» («Poi quel, che a Dio familiar fu tanto / In grazia, a parlar seco a faccia a faccia, / Che nessuno altro se ne può dar vanto». *Petrarca, Francesco. Trionfo della Fama // Trionfi di messer Francesco Petrarca, riscontrati con alcuni codici e stampe del secolo XV / pubblicati per cura di Crescentino Giannini. Ferrara: Stampe di G. Bresciani, 1874. P. 59.*). Воспроизведение обвинений в неповиновении Римской курии, схизме, желании основать новую Церковь и перенести ее в Иерусалим, сопровождается обращением к образу Магомета, положившего начало новой секте. При этом патриотизм Альтовити проявляется весьма специфическим образом: появление ложного пророка именно во Флоренции он связывает с божественным промыслом. Господь допустил это поскольку флорентийцы, – люди чрезвычайно набожные, их «умственные способности и прозорливость блистают больше, чем в другом месте, из-за большого опыта торговли со всеми другими нациями мира», – в отличие от других – «более простых и слабых», не позволят совратить себя и тем самым нанести ущерб вере и Церкви. См.: Ibid. P. 142–144.

¹³⁶¹ Ibid. P. 143–144.

¹³⁶² Ibid. P. 142, 145.

положения в городе, «ибо, когда у народа все хорошо, тиранам и ложным пророкам нет доверия»¹³⁶³.

Выводы, к которым приходит автор письма в отношении причин подобных действий брата, свидетельствуют о том, что опасность реставрации тирании (и не без оснований) продолжала будоражить сознание флорентийцев и спустя несколько лет после восстановления свободы в ноябре 1494 г. Однако, читая текст Альтовити, довольно сложно понять, кого этот горожанин опасается больше в качестве нового тирана – «ложного пророка» Савонаролу или Пьеро Медичи.

С одной стороны, Франческо видит в качестве тирана Савонаролу, поскольку поступки и высказывания монаха свидетельствуют о его стремлении играть главную роль в республике. Повод для усиления опасений этого флорентийца, насколько можно судить на основании его текста, дают высказывания брата Джироламо в проповеди в день Вознесения 4 мая 1497 г., а также его послание «Ко всем избранным...». И если в проповеди свидетельством непомерных амбиций монаха для Альтовити становится «возмутительное» обращение доминиканца к Господу – «ты мне это сказал, ты, если я лгу, лжешь ты»¹³⁶⁴, которое с точки зрения оппонентов брата, расценивается, как заявление о собственной непогрешимости, ибо все его действия, в том числе

¹³⁶³ Ibid. P. 145.

¹³⁶⁴ В проповеди 4 мая такого прямого и однозначного заявления нет и не могло быть, в принципе. В этом выступлении монах, оправдывая свои высказывания и действия, заявлял следующее: «Господь мой, говорят, что я смущаю и обманываю народ, но ты знаешь, что я не совершал подобного греха, *ты – тот, кто меня призвал во Флоренцию. И по твоему вдохновению, а не по собственной воле я прибыл во Флоренцию* (здесь и далее выделено мной – Е.Т.), и я счастлив, что славная Дева Мария, вместе с всеми блаженными, патриархами и пророками, апостолами, мучениками, исповедниками, девами и всем Небесным двором (речь о «путешествии» Савонаролы в Рай – Е.Т.), подтвердила это; то есть то, что, проповедуя об испытаниях для Италии, обновлении Церкви, и обещаниях, данных Флоренции, а также иных вещах, *я предсказывал от Тебя, не из собственной головы, но по Твоему вдохновению и приказу* ... И равным образом я проповедовал об управлении и новом режиме во Флоренции не по своей воле, ни доброй, ни злой, *но только подчиняясь Тебе, провознося то, что ты мне говорил* ... И сейчас я свидетельствую перед небом и землей, что тот, *кто противоречит этим вещам, противоречит Тебе, не мне, преследует Тебя, не меня*; и они ищут собственной гибели, в которой я неповинен, ибо неоднократно предсказывал им. О, неблагодарные, прислушайтесь немного ко мне: *вы сражаетесь не против брата, но против Христа*, судьи справедливого и сильного». См.: Predica LIII, dell' Ascensione // Savonarola G. Prediche sopra Ezechiele ... Vol. 2. P. 359 – 360, 361, 366. Таким образом, Ф. Альтовити, – учитывая, что проповедь в день Вознесения была хорошо известна его современникам, – представил не цитату, но свою интерпретацию общего смысла выступления: доминиканец, говоря о себе как орудии Бога, все укоры в свой адрес обращает ко Всевышнему, тем самым проявляя дерзость и непочтительность, граничащую с богохульством.

ошибочные – от Бога¹³⁶⁵; то письмо фра Джироламо «ко всем избранным» воспринимается как призыв к «партии брата» объединиться и захватить власть в государстве.

Однако наряду с этим, высказывается иное опасение, основания которого очевидно связаны с событиями конца апреля 1497 г. – попыткой Пьеро Медичи восстановить свою власть в республике. В качестве тирана в этом случае мыслится Пьеро. И здесь Альтовити излагает предположение, подразумевающее наличие некоего союза между Медичи и Савонаролой: монах, или сам хочет «быть тираном, воспламеняя своих избранных и говоря: “sic volo (так хочу)”, или же, если бы мог, хотел бы вернуть тирана»¹³⁶⁶. Именно этим объединением сил с точки зрения противников брата из монастыря Сан Марко можно объяснить его излишнюю самоуверенность. Пьеро Медичи, – как утверждает автор эпистолы, вероятно, воспроизводя распространившиеся в городе слухи и домыслы, – покровительствует Савонароле. Помощь Пьеро позволяет монаху тратить «большое количество денег и пожертвованных книг, а также других вещей, чтобы сохранились режим и отряды его избранных, и чтобы не покинуть Сан Марко во Флоренции»; также благодаря Медичи «во Флоренцию не прибыло отлучение»¹³⁶⁷. Эта негласная помощь превратила Савонаролу в пособника тирана, который «на словах изображал себя недругом врага народа, а на деле в тайне действовал противоположным образом»¹³⁶⁸. Суть тайного сговора между ними заключается в том, что фра Джироламо, пользуясь обретенным у флорентийских граждан доверием, сохраняет «место для тирана», оберегает его друзей, а также доводит республику до такого тяжелого состояния, «чтобы казалось, что времена тирана, его друга, были более изобильны и лучше управляемы, чем времена свободы»¹³⁶⁹. Эта мысль сочетается с уже более конкретным предположением: Савонарола «подготавливал приход Пьеро вплоть до ворот» в апреле 1497 г.

¹³⁶⁵ *Altoviti F.* In defensione de' magistrati ... P. 143, 144, 145.

¹³⁶⁶ *Ibid.* P. 142.

¹³⁶⁷ *Ibid.* P. 146.

¹³⁶⁸ *Ibid.*

¹³⁶⁹ *Ibid.* P. 147, 145.

Поэтому, заключает Альтовити, «нет никаких сомнений в том, что, где находится фра Джироламо, там Пьеро Медичи и его последователи, и кто видит фра Джироламо, тот видит Пьеро деи Медичи, и поэтому, желая истребить имя тирана, необходимо изничтожить имя брата Джироламо, поскольку он является отцом и наместником тирана»¹³⁷⁰.

Таким образом, в сочинении Франческо Альтовити несколько идеализированные рассуждения патриотически-настроенного автора о единстве свободолюбивых флорентийских граждан, а также апология идущих от предков местных законов и обычаев, соединяются с возмущением в адрес «чужестранца», который пытается в своих целях воспользоваться сложившейся политической ситуацией. Критика Савонаролы со стороны его оппонентов, — прежде всего флорентийских граждан, к которым принадлежал и автор этой эпистолы, — обнажает один из главных страхов жителей города на Арно — боязнь утратить «флорентийскую свободу» и обрести нового тирана.

Итак, доминиканский брат довольно быстро становится объектом споров, основными темами которых являются его пророческая миссия и вмешательство в дела управления государством; в первом случае оппоненты выказывают подозрения в ереси и схизме, а во втором — в стремлении к диктатуре и тирании. Причем обе темы присутствуют в инвективах, как светских, так и духовных лиц (при всей разнице и многообразии их мотивов) и сопровождаются обвинениями монаха в гордыне и непомерных амбициях. Реакция Савонаролы и его сторонников выражается в обосновании его ортодоксальности и смирения, республиканизма и заботы об общем благе. Авторы печатных трудов, в том числе публичных писем, стремились повлиять на общественное мнение, причем не только во Флоренции, но и за ее пределами. Однако, создается впечатление, что расширение круга участников дискуссий и увеличение количества опубликованных сочинений приводит к ситуации постоянного воспроизведения одних и тех же аргументов и ссылок на авторитетных авторов и их труды. Очевидно, что мнение главы всех католиков

¹³⁷⁰ Ibid. P. 147.

(бреве Папы с отлучением) должно было бы поставить точку в спорах относительно фра Джироламо. Но, как видим, этого не случилось, и причина, как представляется, заключалась в том, что монах, уподобляя себя ветхозаветным пророкам-реформаторам, превращался в автономный субъект, действия которого не могли быть ограничены никем из людей, поскольку им руководит исключительно воля Бога. Отсюда, переход от слов к действиям, связанным с организацией Божьего суда весной 1498 г., кажется, нельзя назвать случайностью.

6.2. От рациональных доводов к чудесам: испытание огнем 1498 г.

После провозглашения отлучения в июне 1497 г. и вплоть до февраля 1498 г. Савонарола прекращает свои публичные проповеди. Одновременно он продолжает отправлять службы в Сан Марко, «показывая этим, что не считается с отлучением»¹³⁷¹. Таким образом, монах не проявляет полного послушания Святому Престолу, но и не идет на прямую конфронтацию с ним. Можно предположить, что причинами, обусловившими подобную позицию, были, с одной стороны – желание не потерять лицо и поддержать своих последователей (поведение, подтверждающее его заявления о недейственности отлучения), а с другой – зависимость от баланса сил в городе и правительстве. Так, оценивая ситуацию в республике того времени, Ф. Гвиччардини в «Истории Флоренции» отметил ослабление позиций сторонников брата – «плакс», чему, по его мнению, способствовали три причины. Во-первых, определенный цикл смены настроений в обществе: «... в обычае у народа, после того, как он поддерживает какое-то предприятие, переметнуться безо

¹³⁷¹ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 129.

всякой причины, в противоположную сторону». Во-вторых, существенную роль сыграло отлучение, которое «отдалило от монаха многих сторонников и превратило в его врагов всех тех, кто был нейтрален и придерживался середины, — они сочли, что предосудительно и недостойно хороших христиан не повиноваться повелениям папы». И, наконец, в-третьих, активизация и агрессивное поведение компаньаччи, вызывавшее у горожан страх и желание как-то обезопасить себя¹³⁷². Помимо этого, возможно брат Джироламо еще надеялся на благополучное разрешение ситуации с Папой: сторонники монаха не оставляли попыток переубедить Понтифика снять отлучение и запрет на проповеди.

В итоге, так и не получив добрых вестей из Рима, опираясь только на поддержку Синьории, 11 февраля 1498 г. монах вновь начинает проповедовать. Лоренцо Виоли, записавший это выступление в Санта Мария дель Фьоре, отметил, что при появлении Савонаролы на кафедре народ выказал величайшее ликование, и «от радости по поводу возвращенного слова, стал петь *Te Deum laudamus*¹³⁷³»¹³⁷⁴. Сам брат предварил проповедь чтением псалма¹³⁷⁵: «Господи! как умножились враги мои! Многие восстают на меня; многие говорят душе моей: “нет ему спасения в Боге”. Но Ты, Господи, щит предо мною, слава моя, и Ты возносишь голову мою ...»¹³⁷⁶. Как смысл означенного псалма, так и содержание последнего цикла проповедей на темы «Исхода», свидетельствуют о том, что монах идет на обострение ситуации с Папой, и понимает, что итогом может стать полное поражение, потому единственным упованием и опорой доминиканца и его паствы является Господь.

Этот посыл уловили современники. Так, Паоло Соменци 13 февраля 1498 г. отправил герцогу Милана письмо, где сообщил, что в воскресное утро брат Иероним из Феррары, «не желая более ждать оправдательного вердикта Его Святейшества Папы», произнес проповедь в соборе, а «Синьоры не пре-

¹³⁷² Там же. С. 129–130.

¹³⁷³ Гимн «Тебе Бога хвалим», авторство которого приписывают либо Амвросию Медиоланскому, либо Никите Ремесианскому, соответственно датируется кон. IV в. или нач. V в.

¹³⁷⁴ Predica I // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo ... Vol. 1. P. 3.

¹³⁷⁵ Пс.3:1–9.

¹³⁷⁶ Predica I // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo ... Vol. 1. P. 3.

пятствовали ему ничем», и даже более того – «означенные Синьоры, или по крайней мере большая их часть, были причиной его проповедования»¹³⁷⁷. Агент Моро в своем донесении также передал суть выступления монаха: «Содержание его проповеди заключалось в том, чтобы дать понять этому народу, что отлучение, опубликованное против него, не имеет силы, поскольку необоснованно и незаконно; следовательно, оно ничего не значит и не следует принимать его во внимание ... После этого он сказал своим последователям, что они должны быть смелыми и ничего не страшиться, ибо одолеют своих врагов, и что все то, что он предсказывал, непременно исполнится»¹³⁷⁸. Сходным образом описал содержание февральских проповедей в соборе и Ф. Гвиччардини, по его словам, фра Джироламо «в них утверждал и весьма красноречиво доказывал, что не обязан ни подчиняться этому отлучению, ни считаться с ним»¹³⁷⁹. Ему вторят Я. Нарди и Л. Ландуччи¹³⁸⁰.

Среди этих выступлений последнего зимнего месяца представляется необходимым обратить внимание на проповедь 25 февраля, в которой доминиканский брат не только вновь разъясняет пастве, почему отлучение является недействительным, но и проявляет стремление доказать, что все, что он говорил – от Бога, причем, не посредством полемики с противниками (рациональные доводы), а через явные знаки свыше (чудо). К этому средству он обещает обратиться через несколько дней: «... я хочу, возлюбленные, чтобы мы вознесли молитвы в день карнавала, и чтобы все вместе горячо молили Бога, и совершили мессу. И когда я возьму в руки Св. Дары, пусть всякий

¹³⁷⁷ Здесь автор письма сообщает, что викарий флорентийского архиепископа попытался удержать народ, распорядившись «объявить во всех церковных приходах города, что кто пойдет на проповедь брата Иеронима, будет отлучен», однако Синьория быстро утихомирила слишком рьяного служителя культа. Об этом же, но более пространно, сообщает Я. Нарди: викарий – мессер Лионардо деи Медичи запретил всему клиру посещать проповеди брата; приказал приходским священникам разъяснить пастве значение и серьезность отлучения, и объявить, что каждый, кто пойдет слушать Савонаролу, не получит допуска ни к исповеди, ни к причастию, а также не будет погребен в освященном месте; городское правительство охладило пыл викария, пригрозив объявить его мятежником. *Nardi I. Op. cit. P. 112.*

¹³⁷⁸ Documento XII. 1. [13 Febbraio 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. L–LI.*

¹³⁷⁹ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 129.

¹³⁸⁰ *Nardi I. Op. cit. P. 112; Landucci L. Op. cit. P. 162.*

усердно молит Христа, чтобы он – в случае, если это исходит от меня, и я обманываю, – послал с неба огонь, который низвергнет меня в Ад ... И для того, чтобы вы обрели ясность в этом вопросе, помолитесь во всех ваших монастырях, и скажите также теплохладным, чтобы пришли и молили в то утро Господа освободить вас, и чтобы, если я ввожу вас в заблуждение, обрушился с неба огонь на этого брата и погубил меня. Напишите об этом подробно, пошлите известия в Рим и повсеместно, и молитесь в этот день, чтобы, если это не от Бога, несчастье обрушилось на меня, как я сказал; но, если от Бога, просите, чтобы Господь явился и продемонстрировал знак, что это Его дело ... Поверь, я не безумен и знаю, что делаю, и не подвергнул бы себя опасности, если бы не осознавал, что Бог со мной ... Приходите все, вознесем истовые молитвы к Богу, чтобы открылась эта вещь ... ибо рациональные доводы более не действуют против великого коварства дурных людей»¹³⁸¹.

Очевидец событий – Н. Макиавелли в письме послу Флорентийской республики в Риме Риччардо Бекки сообщил об этом выступлении монаха: «... он произнес в масленичное воскресенье еще одну (проповедь – Е.Т.) и после пространных излияний призвал всех своих сторонников собраться в день карнавала в монастыре Сан Марко – он заявил, что будет молить об очевидном знамении, если ранее явленные ему предсказания исходили не от Бога»¹³⁸². По словам Никколо, в городе имеется мнение, что таким образом брат пытался «сплотить свою партию для защиты», поскольку «опасался противодействия вновь сформированной Синьории, состав которой еще не был обнародован»¹³⁸³.

27 февраля 1498 г. Савонарола, если верить свидетельствам современников, выполнил обещание. Л. Ландуччи в своем «Дневнике» записал, что в этот день «брат Джироламо произнес мессу в Сан Марко и собственноручно причастил всех своих монахов, а затем несколько тысяч мужчин и женщин; после чего вышел со Св. Дарами на кафедру, находившуюся снаружи, над

¹³⁸¹ Predica III // *Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo ...* Vol. 1. P. 94–95, 96.

¹³⁸² Макиавелли Н. Письмо Риччардо Бекки от 9 марта 1498 года // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступит. статья, комментарии Л.М. Брагиной. Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. С. 27.

¹³⁸³ Там же.

входом в церковь, и явив их, благословил народ»; сюда «пришло огромное количество людей, рассчитывая увидеть знамения»; были также и «равнодушные», которые «смеялись, глумились и говорили: “Он отлучен от Церкви, а других причащает”»¹³⁸⁴.

Характеризуя ситуацию, связанную с возобновлением выступлений монаха, Ф. Гвиччардини отметил, что «страсти накалились и возродились раздоры ..., угасшие было несколько, когда он не проповедовал». Якопо Нарди сходным образом указал, что следствием активности брата стали «значительное разделение и раскол, волнение и смятение среди людей»¹³⁸⁵. Здесь представляется интересным обратиться к записям Луки Ландуччи, фиксирующим эмоциональное состояние простого горожанина в те дни. 11 февраля, на первую проповедь Савонаролы после его долгого молчания, пришло, по словам Луки, «большое количество народу», при этом «было множество разговоров, что он отлучен», также «многие не пошли, из-за страха отлучения», среди них был и сам автор «Дневника» («я был среди тех, кто не пошел»). 15 февраля «брат Джироламо проповедовал в Сан Марко только для священников и монахов, и вскрывал их недостатки, как мне пересказало некое лицо»¹³⁸⁶. 18 февраля «брат Джироламо проповедовал в Санта Мария дель Фьоре, и также много людей отсутствовало». 25 февраля горожанин упоминает о «молодом нотариусе» по имени «сер Лоренцо Вивуоли», который записывает проповеди брата, собирает его письма и все, что «было произнесено за много лет», при этом, то, что он делает можно расценить как чудо, ибо он «каждый малейший поступок и произнесенное слово точно фиксирует, не упуская ничего»; по словам Луки, это можно было бы назвать «невозможным», но «добрые люди полагают», что на то есть «божественное

¹³⁸⁴ Landucci L. Op. cit. P. 163. См. также: Nardi I. Op. cit. P. 114–115; La Vita ... P. 110–111; Filipepi S. Op. cit. P. 478.

¹³⁸⁵ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 129; Nardi I. Op. cit. P. 114.

¹³⁸⁶ См.: Савонарола, Джироламо. Лекция или проповедь достопочтенного отца, брата Иеронимо из Феррары перед многими священниками, братьями и мирянами в Сан-Марко во Флоренции 15 февраля 1498 г. / предис., пер., примеч. Е.П. Тельменко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Ставрополь: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2004. Вып. 5. С. 218–252.

дозволение»¹³⁸⁷. 27 февраля, в день карнавала и мессы с обещанным чудом: «... я не хотел бы подвергать себя риску и идти слушать его, поскольку он отлучен»¹³⁸⁸. 1 марта «проповедовал брат Джироламо в Санта Мария дель Фьоре, и просил разрешения проповедовать в Сан Марко, ибо прибыло обвинение (*aggravatoria*) от Папы»; в церкви монастыря «прибавилось народу, и говорили, что он написал Папе, чтобы тот исправился, иначе с ним произойдет дурное, и следует ждать в скором времени значительных бедствий». 11 марта Савонарола, выступая в Сан Марко, «просвещал народ, что хотят поставить тирана, и уже видны явные знаки этого». 14 марта по поводу брата созвана Пратика, где разгорелись споры: «кто хотел запретить ему проповедовать, а кто нет»; «и казалось удивительным то, что Папа не мог заставить его замолчать и прекратить проповеди; и еще более чудесным, что он сам был крепок и не прекращал проповедовать»¹³⁸⁹. 17 марта Лука сообщает, что «вечером Синьория направила 5 горожан к брату Джироламо просить его не проповедовать несколько дней, но он ответил, что хочет спросить сначала того, кто послал его проповедовать (Бога – Е.Т.): и все же он проповедовал в Сан-Марко...»¹³⁹⁰. 18 марта «в Сан Марко проповедовал брат Доменико да Пеша, а в Санта Мария дель Фьоре вечером читал проповедь один из братьев Сан Марко». 21 марта «распространились новости, что Папа разгневан на флорентийцев и никак не может успокоиться»¹³⁹¹. 25 марта горожанин упоминает о выходках компаньяччи, которые, измываясь над словами брата, – «ключик (*chiavicina*), и что Церковь должна будет обновиться в *истинном свете* (*el vero lume*)», – ходили по улицам и искали чего бы поджечь, «говорили: *Я ищу ключик, который потерял брат*», а также «хватали людей и заставляли их преклонить колени перед зажженным фонарем и произнести: *Преклоняюсь перед истинным светом*». 26 марта распространился слух, что «во Флоренцию прибыл интердикт, но это не было правдой»; тем временем

¹³⁸⁷ Landucci L. Op. cit. P. 161–162.

¹³⁸⁸ Ibid. P. 163.

¹³⁸⁹ Ibid. P. 164.

¹³⁹⁰ Ibid. 164–165.

¹³⁹¹ Ibid. 165.

«брат в Сан Марко устраивал процессии и моления перед Распятием в его руках, с пролитием потоков слез и большой набожностью, вместе с некоторыми горожанами, которые приходили сюда тайно от других»¹³⁹². Итак, записи Луки позволяют увидеть смешение различных чувств: страха – он опасается посещать проповеди отлученного монаха; неодолимого интереса – стремится уловить всякую новость, касающуюся содержания выступлений доминиканца, а также чутко реагирует на каждый слух о нем; сочувствия, проявляющегося в замечаниях о набожности брата и его упорстве в делах наставления горожан.

Судя по информации, содержащейся в «Дневнике», сходные переживания были присущи значительной части паствы Савонаролы. И одним из существенных оснований для смущения граждан стало очередное бреве Александра VI, отправленное во Флоренцию 26 февраля, в котором Понтифик требовал под угрозой интердикта и «других суровых средств» «направить под надежной и хорошей охраной» доминиканского проповедника в Рим, либо отделить его «как зараженный член», заключив под стражу, чтобы «он не мог общаться с кем-либо и сеять новые соблазны»¹³⁹³. Посол миланского герцога Паоло Соменци в письме 2 марта упомянул и о другом послании, направленном капитулу собора Санта Мария дель Фьоре, в котором, по его словам, Папа предписал каноникам донести до прихожан, что не желает подвергать все население города отлучению за посещение проповедей фратта Джироламо, и предоставит полное отпущение грехов тем, кто поклянется более не слушать монаха, в противном же случае всякий будет считаться *ipso facto* отлученным, и «не сможет быть оправдан никем, кроме Его Святейшества». В свою очередь, брат, не дожидаясь запрета проповедей в соборе, перенес их

¹³⁹² Ibid. 165–166.

¹³⁹³ Documento XIV. Breve di Alessandro VI alla Repubblica fiorentina, nel quale si ordina che il Savonarola venga imprigionato o mandato a Roma // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. LXVII.

в Сан Марко, «куда направилась большая часть тех, кто приходили туда прежде»¹³⁹⁴.

Здесь снова стоит обратиться к посланию Н. Макиавелли от 9 марта, в котором он передает Риччардо Бекки содержание первых проповедей, произнесенных уже в стенах монастыря. Согласно Никколо, доминиканец «стал проповедовать на удивление смело», «всячески восхваляя своих последователей и черня противников», «употребил все средства, чтобы ослабить враждебную партию и выставить преимущества своей». Помимо этого, «страшась за свою судьбу и ожидая от новой Синьории враждебных действий», он стал «запугивать» народ, утверждая, что распри внутри города приведут к появлению тирана, и более того – якобы «Бог открыл ему, будто во Флоренции некто намеревается установить тираническую власть и с этой целью строит козни и заговоры и хочет изгнать брата, отлучить брата, преследовать брата»¹³⁹⁵. А после того как вновь избранная Синьория, на две трети состоящая из противников доминиканца, заступилась за него перед Понтификом, он, отмечает Макиавелли, «завел другую музыку, и если раньше пытался сплотить свою партию, внушая ненависть к противникам и запугивая всех словом “тиран”, то теперь, не упоминая больше ни о тиране, ни о преступных происках, призывает сохранить единство и настраивает всех против верховного понтифика, на которого ныне обратил свои злые укусы, отзываясь о нем как о самом последнем негодяе»¹³⁹⁶. Как видим, современник событий коротко и содержательно передал своему адресату суть выступлений Савонаролы – стремление укрепить решимость своих сторонников, «воинствующих под водительством Божиим» против «приспешников дьявола», предостережения относительно угрозы тирании, и, наконец, усилившуюся конфронтацию с Папой. Вместе с тем, нельзя обойти вниманием и особенности интерпрета-

¹³⁹⁴ Documento XII. 4. [2 Martii 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. LIII. Далее – Documento XII. 4. [2 Martii 1498] Lettere del Somenzi ...

¹³⁹⁵ Макиавелли Н. Письмо Риччардо Бекки от 9 марта 1498 года ... С. 28, 29.

¹³⁹⁶ Там же. С. 29–30.

ции автором эпистолы поведения брата, который выступает в образе манипулятора мнением толпы, «сообразуется с обстоятельствами момента и приукрашивает свое вранье»¹³⁹⁷.

Рассмотрев отношение к происходящим событиям простого горожанина и флорентийского интеллектуала, необходимо обратить внимание на позицию, которую заняло правительство республики касательно требований Папы. 2 марта Паоло Соменци сообщил в Милан, что из приступивших в начале месяца к выполнению своих обязанностей синьоров «шесть объединены против» брата; и что, «поскольку Бреве к Синьории требовало ответа», созвали Пратику¹³⁹⁸, где было принято решение ответить Понтифику следующим образом: флорентийское правительство полагает, что тот введен в заблуждение клеветниками, и не выступил бы против монаха, имея он представление о «его святой жизни, превосходных делах, от которых произошло множество добрых плодов, а именно, что этот народ оставил пороки и обратился к доброй жизни, согласно Святой Римской Церкви и учению Христа»; далее Синьория, выразив надежду на прощение со стороны главы Церкви, заявила, что не может выполнить его требования, дабы «не породить смуту». По мнению миланского посла, подобный ответ мог быть связан с расчетом противников доминиканца спровоцировать Александра VI на принятие более жестких и радикальных мер¹³⁹⁹. Означенное толкование содержания и тона письма, все же не отменяет того факта, что официально правительство встало на защиту брата, но при этом попыталось не испортить отношения с Папой. Так, в послании расположенной к монаху коллегии Десяти, отправленном в это же время флорентийскому послу в Риме Доменико Бонси, указывается, что «Синьория с большой осторожностью ответила на бреве Его Святейшества», выражая «почтение и преданность», но одновременно и «огромное сожаление» по поводу его недовольства сложившейся ситуацией, поскольку предполагает, что Папа действует на основе «или какой-то искаженной ин-

¹³⁹⁷ Там же.

¹³⁹⁸ Об этой Пратике подробно см.: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 2. С. 81–84; *Martines L.* Op. cit. P. 202–203; *Cordero F.* Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498. Torino : Bollati Boringhieri, 2009. P. 235–239.

¹³⁹⁹ Documento XII. 4. [2 Martii 1498] Lettere del Somenzi ... P. LIV.

формации, или по злему внушению тех, кто ищет скандалов и раздоров в нашем городе, или действительно, не желает с отцовской любовью и милосердием нашего добра и спасения, как мы до сих пор были убеждены»¹⁴⁰⁰. Десять просили посла при удобном случае донести до Понтифика, что монах проявил послушание, ибо «узнав о требовании Его Святейшества, сразу прекратил проповедовать в соборе и удалился в свой монастырь», и что «через очевидные результаты познаются добрые и в высшей степени благочестивые дела означенного брата Иеронима», а выполнение требований Папы приведет к последствиям, «чрезвычайно вредным и пагубным для нашего общего блага»; при этом коллегия несколько раз повторила мысль о необходимости «молить и просить Его Святейшество, дабы он соизволил в этом деле проявить милосердие, как приличествует его пастырскому званию»¹⁴⁰¹.

Папа, после получения ответа Синьории, 9 марта направил во Флоренцию новое брeve, в котором монах обвинялся преимущественно в несоблюдении церковной дисциплины – скандальном поведении, связанном с отрицанием действительности отлучения и продолжением незаконного проповедования. Понтифик вновь потребовал от правительства изолировать Савонаролу и прекратить его выступления, а также снова выразил желание увидеть доминиканца в Риме для покаяния, обещая милостиво простить его и вернуть обратно, в противном случае угрожая городу интердиктом¹⁴⁰². Доменико Бонси в своем послании Синьории, к которому был приложен текст брeve, сообщил, что Папа и кардиналы «поражены и встревожены» тем, что, будучи отлученным, монах продолжает проповедовать, и более того – «включает в свои проповеди вещи, оскорбляющие Понтифика и Апостольский престол»; таким образом, по мнению посла, монах «предоставляет отличный повод для противников (которых очень много) оскорблять наш город как им вздумается»;

¹⁴⁰⁰ I Dieci al Bonsi [III martii 1497] (15. Gli stessi allo stesso) // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi*. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 187–188.

¹⁴⁰¹ Ibid. P. 188.

¹⁴⁰² Означенное брeve было обнаружено и опубликовано А. Герарди, см.: *Breve di Alessandro VI alla Signoria // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi*. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 194–196. Подробный анализ его содержания имеется у П. Виллари: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 2. С. 89–91.

ситуация, согласно Бонси, сложилась чрезвычайно непростая, поскольку «Его Святейшество в любом случае намерен получить удовлетворение»¹⁴⁰³. За этим во Флоренции последовали две Пратики – 14 и 17 марта, итогом обсуждений на которых стало решение о прекращении проповедей Савонаролы¹⁴⁰⁴.

18 марта, выступая в Сан Марко, брат поведал слушателям о том, что накануне вечером к нему пришло «посольство от тех, кто правит, и обратилось с просьбой, чтобы я не проповедовал по многим причинам». Далее, по словам доминиканца, между ними состоялся следующий диалог: «Вы это делаете по приказу ваших начальников? – Да. – У меня также есть Господь¹⁴⁰⁵, и я, уразумев, чего он желает, завтра утром дам вам ответ». И, вот, на проповеди Савонарола провозглашает: «Итак, внимайте тому, что сказал Господь: Вы просите его оставить проповедь. Говорю: вы просите меня, не брата, поскольку я – тот, кто проповедует, не брат, и я вас услышал и не услышал»¹⁴⁰⁶. Затем монах поясняет: Господь «внял вашей просьбе в том, что касается прекращения проповедей, но не в том, что связано с вашим спасением»¹⁴⁰⁷. Развивая означенную тему, он, касаясь тех, кто, устранившись интердикта, способствовал прекращению проповедей, заявляет: «Вы говорите, что боитесь интердикта и потери имущества; скажите этим людям, что Бог пошлет им интердикт, и они утратят и имущество, и жизнь». Намерения дурных людей тщетны: «Молитвами мы свершим то, что делает проповедь: вручим Господу свои добрые и честные сердца». Завершая выступление, доминиканец обращается к Богу с просьбой «не медлить более с исполнением обещанного», а также (и здесь он привлекает к толкованию молитву «Отче наш») вверяет Ему «весь народ», умоляя даровать прощение и благословение всем, в том

¹⁴⁰³ Il Bonsi alla Signoria [9 martii 1497] (19. Lo stesso alla stessa) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 192–193.

¹⁴⁰⁴ О дискуссиях, развернувшихся на этих консультативных совещаниях, подробно см.: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 2. С. 91–97; *Martines L.* Op. cit. P. 203–210; *Cordero F.* Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498 ... P. 319–325; 345–346.

¹⁴⁰⁵ Тексте Signore – Бог, Господь, в значении господин, хозяин.

¹⁴⁰⁶ Predica XXII // *Savonarola G.* Prediche sopra l'Esodo ... Vol. 2. P. 325.

¹⁴⁰⁷ Ibid. P. 326.

числе «нашим врагам», просветив их, «дабы они не попали в Преисподнюю»¹⁴⁰⁸.

В те дни, когда проводились упомянутые выше Пратики, Паоло Соменци в письмах в Милан излагает итоги своего анализа текущей политической ситуации в городе на Арно. 16 марта он сообщает герцогу, что на ранее созванном Синьорией консультативном совещании (14 марта – Е.Т.) «2/3 выступавших говорили о необходимости подчиниться Понтифику, но, в конце концов, еще ничего не решили». Далее, на основании общения с кем-то из Синьоров, Паоло выказывает предположение, что в ближайшие дни «Брату запретят проповедовать», а если Папа будет настаивать на большем, ему, вероятно, пойдут навстречу. Посол информирует об изменении соотношения сил в правительстве республики: так, по его словам, «все Синьоры Десяти являются приверженцами монаха», однако недавно избранная Большим советом коллегия Двенадцати добрых мужей, обладающая огромным авторитетом, поскольку «вместе с Синьорией вмешивается во все важные дела Государства», «все – враги Брата». В целом, согласно Соменци, «сторонники монаха разрознены, поскольку все магистраты, которые сейчас избираются Советом, формируются полностью из его недругов, и, если они объединятся, их станет больше, чем приверженцев Брата»¹⁴⁰⁹. 18 марта посол уведомляет о решении, принятом накануне флорентийским правительством, и о последовавшей за этим проповеди фра Джироламо, на которой монах объявил об прекращении выступлений, но не отказался от того, о чем заявлял ранее, «ибо в этой своей проповеди, произнесенной сегодня утром, говорят, он злословил по поводу Его Святейшества больше, чем прежде»¹⁴¹⁰. В итоге, Со-

¹⁴⁰⁸ Ibid. 327–329.

¹⁴⁰⁹ Documento XII. 6. [16 Marzo 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. LVI–LVII.

¹⁴¹⁰ В своей «Истории Флоренции» Якопо Нарди, упоминая об этом выступлении доминиканца, сообщил, что тот «произнес серьезнейшую (gravissima) проповедь, снова выступая от имени Бога, проклиная пороки клира, грозя Риму и Флоренции различными опасностями и близящимися наказаниями, и утверждая, что необходимо сейчас прибегнуть ко Христу, как главе и универсальной причине, не имея иного средства для исправления и реформирования Церкви». См.: *Nardi I.* Op. cit. P. 116. Обратившись, собственно, к проповеди

менци предрекает, что Папа «не удовлетворится этим, ибо ищет защиты своей чести и достоинства», при том, что флорентийский посол – «сторонник Брата», надеется, что Понтифик «смягчится и не пойдет на крайние шаги в этом вопросе, поскольку приняты меры, чтобы он (Савонарола – Е.Т.) не проповедовал¹⁴¹¹.

В этот же день, 18 марта, коллегия Десяти отправила письмо Доменико Бонси, в котором сообщалось: хотя многие уверены, что бреве Папы – результат того, что он «плохо информирован и поддался уговорам тех, кто настойчиво, из-за каких-то личных страстей и причин, стремится посеять плевелы в нашем городе», «тем не менее, они, как благоразумные и любящие граждане, поспешили подчиниться и удовлетворить Его Святейшество; ... полагаясь на доброту и милосердие Его Блаженства (*Sua Beatitudine*), который дал понять в бреве, что вскоре утешит нас и вернет духовную пищу». При этом Десять выражали надежду, что посол, «со своей обычной мудростью», достигнет успеха в этом деле, используя удобное время и подходящую возможность при папском дворе¹⁴¹². Между тем Бонси, еще не получивший означенного послания, извещая правительство города на Арно о настроениях в Курии, сообщает: здесь обсуждались высказывания Савонаролы в проповедях, «поносящие и бесчестящие Его Святейшество и Кардина-

18 марта, можно увидеть, как Савонарола, развивая означенную мысль, иллюстрирует ее несколькими примерами: в случае ненадлежащего поведения послушника в монастыре, следует обратиться за принятием необходимых мер к его наставнику, далее – к приору, а затем и к другим вышестоящим лицам, если богохульствует горожанин, следует прибегнуть к его приходскому священнику, далее – к епископу; и так, в обоих случаях, вплоть до Папы, «который является причиной более универсальной, чем все прочие», если же и Папа не предпринимает надлежащих действий, остается обратиться к «Папе небесному, то есть Христу», «этому последнему средству». Более того, согласно монаху, «если ты увидишь, что прелаты и всеобщие причины (*le cause universali*) Церкви причиняют ей вред», «тебе следует оказать сопротивление этому влиянию, молиться и прибегнуть ко Христу». На возможное замечание оппонентов и сомневающихся: «О, брат, не следует выступать против церковной власти», он жестко отвечает: «Говорю, когда она портит Церковь, она не является властью церковной, но inferнальной и сатанинской. Говорю тебе, что, когда она поддерживает проституток, педерастов и разбойников, но преследует добрых людей и стремится разрушить добрую христианскую жизнь, тогда это власть адская и дьявольская, и ей следует сопротивляться и смело ее осуждать». См.: *Predica XXII // Savonarola G. Prediche sopra l'Esodo ... Vol. 2. P. 297–298.*

¹⁴¹¹ Documento XII. 8. [18 Marzo 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). Vol. 2. P. LVIII–LIX.*

¹⁴¹² I Dieci al Bonsi [XVIII martii 1497] (23. I Dieci al Bonsi) // *Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 202–203.*

лов, а также в целом всех Прелатов этого Двора»; Понтифик разгневан и, в случае неисполнения своих требований, угрожает не только интердиктом, но и тем, что находящиеся здесь флорентийские торговцы будут помещены в «замок Святого Ангела (тюрьму – Е.Т.), а их имущество конфисковано в Апостольскую палату»¹⁴¹³. На следующий день, 19 марта, посол выражает крайнюю тревогу: к нему пришли «наши купцы», которые «сильно переживают и очень боятся»¹⁴¹⁴; Пьеро Медичи «в эти дни пребывает подле Его Святейшества, и выглядит гораздо лучше, чем обычно»; враги, «которых мы здесь все больше страшимся», кажутся чрезвычайно воодушевленными¹⁴¹⁵.

Последующие письма Бонси, составленные после получения известий из Флоренции, свидетельствуют о том, что ситуация в Риме не изменилась в лучшую сторону. 22 марта посол был вынужден напрасно провести время в ожидании аудиенции, и только на следующий день был принят Папой. Св. Отец выразил признательность городскому правительству, прекратившему проповеди Савонаролы, но одновременно и недовольство тем, что «другие братья Сан Марко, проповедуя, произносят оскорбления в его адрес, а также множество презрительных слов в отношении Апостольского Престола и его прелатов»; проявив изумление в отношении подобного попустительства, он уточнил, что речь идет не о запрете проповедей этих монахов, но о том, чтобы они «прекратили выказывать презрение и пренебрежение касательно авторитета Апостольского Престола и дурно говорить о нем». Далее, возвращаясь к вопросу о фра Джироламо, Понтифик изъявил готовность, по прошествии некоторого времени, простить его и позволить вновь проповедовать, при том, однако, условии, что монах проявит послушание и попросит о прощении, ибо «он не осуждает его учение, но только проповедь, когда отлуче-

¹⁴¹³ Il Bonsi ai Dieci [XVIII martii 1497] (24. Il Bonsi ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 204.

¹⁴¹⁴ В этот же день торговцы написали о своих опасениях правительству Флорентийской республики, см.: Lettera dei Mercanti fiorentini in Roma alla Signoria [XVIII martii 1497] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 205–206.

¹⁴¹⁵ Il Bonsi ai Dieci [19 martii 1497] (25. Lo stesso agli stessi) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 204–205.

ние еще действует, дурные слова о нем, а также презрение к критике». Кроме того, Александра VI, видимо, насторожил тот факт, что в ответ на брeve он так и не получил письма Синьории, ограничившейся направлением к нему посла с устным заявлением¹⁴¹⁶. Сообщение Бонси 31 марта вновь наполнено тревогой: ему стало известно от кардинала Перуджийского о планах Папы послать кого-либо из прелатов во Флоренцию, дабы убедить Савонаролу прибыть в Рим, «только, чтобы выразить почтение Его Святейшеству и Святому Престолу», и при этом уверить, что «ему не будет причинено никакого вреда, но ждет гуманный прием (*humanamente*)», и он может без опасений совершить свой путь туда и обратно. По словам посла, он не мог не выразить своего удивления, поскольку полагал, что прекращение проповедей доминиканского монаха должно было удовлетворить Понтифика, ибо тот сам обещал даровать прощение в ответ на покаяние; кроме того, Доменико заметил, что подобное предприятие нельзя объяснить иначе, как желанием посеять в городе «гибельную смуту», и «если Его Святейшество стремится к благу и спокойствию нашей Республики, как он утверждал», ему следует действовать «в этом деле с мягкостью», так как «запрет брату Иерониму проповедовать» – это «доброе начало», от которого можно надеяться на «прекрасное продолжение и наилучшее завершение». Передав суть этого разговора, посол уточнил, что о намерениях Папы приходится судить по косвенным данным, поскольку добиться встречи с ним не удастся второй день подряд. Полагая, что он находится под воздействием тех, «кто хотел бы устроить беспорядки в нашем городе», Бонси извещает об ответных мерах – переговорах с рядом кардиналов и прочих духовных лиц, чтобы «умиротворить Его Блаженство»¹⁴¹⁷.

¹⁴¹⁶ Il Bonsi alla Signoria [XXIII martii 1497] (30. Il Bonsi alla Signoria) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 209–210. Эти же сведения посол повторяет в письме к Десяти: Il Bonsi ai Dieci [XXIII martii 1497] (31. Lo stesso ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 210–211.

¹⁴¹⁷ Il Bonsi ai Dieci [XXXI martii 1498] (33. Il Bonsi ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 212–213.

Итак, положение дел к концу марта 1498 г. выглядит следующим образом. Савонарола благоразумно прекратил публичные выступления и укрылся в монастыре Сан Марко, предоставив дело духовного окормления паствы своим собратьям. Папа, не удовлетворившись молчанием доминиканского проповедника, продолжал настаивать на его появлении в Курии, не выдвигая претензий к сути учения брата, а указывая на проблемы, связанные с церковной дисциплиной, и обещая, взамен публичного признания авторитета Святого Престола в его лице, прощение и окончательное урегулирование вопроса. Возможно, означенная позиция Александра VI связана с определенного рода лукавством: появление флорентийского пророка в Риме было равносильно публичному отказу от критики Понтифика и современной Церкви, звучавшей в проповедях доминиканца. Поскольку интердикт оказался недостаточным инструментом для давления на Флоренцию, ее граждан поставили перед угрозой нанесения ущерба торговле и экономике. Правительство республики, в котором росло число недругов Савонаролы, но в ведущих магистратах еще сохранялась и определенная доля сторонников, ограничилось запретом его проповедей, и, опасаясь народного недовольства (значит, в это время существенная часть населения продолжала поддерживать доминиканского брата), не решалось на радикальные шаги типа рекомендованных Римом ареста и высылки брата из города, одновременно пыталось лавировать в общении с Папой, отдавая предпочтение коммуникации с ним через посла, а не посредством прямых писем. Создается впечатление, что повторяемость доводов и положений в диалоге Рима и Флоренции, свидетельствует о патовой ситуации, когда обе стороны исчерпали все возможные ходы и полагаются только на время. И появление в этих условиях идеи испытания огнем не представляется случайностью¹⁴¹⁸.

29 марта 1498 г. Паоло Соменци сообщает миланскому герцогу, что, так как брат Иероним из Феррары прекратил проповеди по приказу Синьо-

¹⁴¹⁸ См. также: *Тельменко Е.П.* Испытание огнем 1498 г. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. Белгород: Изд-во БелГУ, 2012. № 13 (132). Вып. 23. С. 404–411.

рии, перед паствой выступают «три других его монаха», среди них – «брат Доменико да Пеша, который может считаться не столько благоразумным и годным проповедником, сколько дерзким и безрассудным (*presumptuoso et bestiale*)». И поскольку каждый из этих трех монахов «проповедует, что не стоит подчиняться Его Святейшеству, особенно в том, что касается отлучения брата Иеронима, ибо оно – ложное и ничего не стоит, некоему брату Франциску из Ордена братьев Меньших, проповедующему в Санта Кроче, представилось, что он должен в своих проповедях ответить, как надлежит любому верующему Христианину». Оба монаха, – доминиканец и минорит, – «в это утро» составили и подписали положения (*conclusione*), которые уже опубликованы; народ взбудоражен; Синьория вызвала спорщиков во Дворец; в настоящее время еще ничего не известно, но дело представляется, по мнению Паоло, серьезным, и связано с «опасностью какого-то скандала»¹⁴¹⁹.

В этот же день Джироламо Бенивьени отсылает письмо Франческо Фортунати – приходскому священнику в Кашине, в котором передает последние известия: «Проповедник в Санта Кроче, в прошлое воскресенье (25 марта, день Благовещения и начала нового года во Флоренции – Е.Т.) вызывал всякого, кто полагает, что отлучение брата Иеронима недействительно, войти в огонь, утверждая, однако, что он сгорит, и что, если тот, кто войдет вместе с ним, не сгорит, тогда он поверит брату Иерониму. Он получил много откликов, особенно от фра Доменико да Пеша, который собственноручно (*manu propria*) обязался войти вместе с ним в огонь». Дело сейчас «в руках Синьории». В городе происходят «ошеломительные» вещи: появилось «множество людей, выразивших желание войти в огонь, ... как мирян, так и духовных лиц, а также женщин и детей». По мнению Бенивьени, все это ничем не закончится («*questa cosa si risolverà in fumo*» – «превратится в дым», Е.Т.), «хотя эти из Сан Марко проявляют большое рвение и усердие»¹⁴²⁰.

¹⁴¹⁹ XXXVI. Di Paolo Somenzi [29 martii 1498] / Fra Girolamo Savonarola / a cura di Isidoro del Lungo // Archivio storico italiano. Nuova serie. Firenze: G. P. Viesseux, 1863. T. 18. Pt. 2. P. 29–30.

¹⁴²⁰ Lettera di Girolamo Benivieni a don Francesco Fortunati, pievano di Càscina [XXVIII martii 1498] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 216.

Другой горожанин – Лука Ландуччи в своем «Дневнике» описывает события последних дней этого месяца следующим образом. «27 марта 1498 г. брат Доменико да Пеша, монах Сан Марко, на проповеди вызвал проповедника, который проповедуя в Санта Кроче, выступал против брата Джироламо, войти в огонь за истину; и несколько граждан отправились в Санта Кроче в качестве послов»¹⁴²¹. Далее свидетельство Ландуччи совпадает с описанием Бенивьени: «28 марта, фра Доменико проповедовал в Сан Марко и говорил, что желает войти в огонь; более того, утверждал, что многие его братья делают тоже самое; и, – обратившись к женщинам, – что эти донны поступят также; и душевный порыв был настолько силен, что многие поднялись, говоря: “Я тоже”». «В этот же самый день, – по словам Луки, – проповедник Санта Кроче провозгласил с амвона о своем желании войти в огонь, и принял вызов, говоря: “Я уверен, что сгорю, но я буду счастлив освободить этот народ”; и сказал: “Если он не сгорит, поверьте ему, что это истинный пророк”». Также, как и упомянутые выше авторы, этот горожанин сообщает, что 29 марта в Палаццо Синьории прибыли братья Сан Марко и Санта Кроче «и принесли положения и пункты (договора)» о предстоящем испытании¹⁴²².

Из большей части приведенных выше свидетельств, а также трудов, написанных современниками уже после свершившихся событий, следует, что вызов исходил от минорита Франческо ди Пулья¹⁴²³. Однако, стоит вспомнить, что Савонарола накануне сам дал повод для активизации оппонентов, когда на проповеди 25 февраля 1498 г. объявил пастве о желании собраться всем вместе в день карнавала и молить о знамении, что высказанные им ранее слова происходят от Бога, а затем произвел означенный опыт. Более того, в ряде сочинений можно найти утверждение, что доминиканец и прежде вы-

¹⁴²¹ *Landucci L.* Op. cit. P. 166.

¹⁴²² Л. Ландуччи уточняет, что со стороны францисканцев в огонь должен был войти Франческо Рондинелли, а от доминиканцев – Мариано Ути, См.: *Ibid.* P. 167.

¹⁴²³ Из привлеченных к исследованию источников только тексты двух авторов – Луки Ландуччи и Бартоломео Черретани свидетельствуют скорее о том, что Доменико да Пеша первым бросил вызов; Паоло Соменци, Джироламо Бенивьени, Симоне Филипеппи, Псевдо-Бурламакки, Якопо Нарди, Джованни Камби и Франческо Гвиччардини указывают на францисканского монаха. См.: *Cerretani B.* Op. cit. P. 244; *Filipeppi S.* Op. cit. P. 480–481; *La Vita ...* P. 141; *Nardi I.* Op. cit. P. 117; *Cambi G.* *Istorie ...* P. 116; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 130.

казывал стремление войти в огонь для подтверждения истинности своих речей. Так, в апологетическом «Жизнеописании» Псевдо-Бурламакки сообщается, что ранее, еще до описываемых событий, «слуга Божий, видя, что проповедуемые им истина и учение оспариваются людьми различного сорта, для спасения душ ... среди прочих испытаний, предложенных ранее и частью произведенных, предложил новое: если кто-либо из противников этого учения вместе с ним пожелает войти в большой горящий костер, он готов и обещает выйти оттуда без какого-либо вреда и ущерба», но «враги продолжительное время не давали никакого ответа»¹⁴²⁴. В свою очередь, Я. Нарди и Ф. Гвиччардини упоминают о том, что свой вызов в конце марта 1498 г. брат Франческо сопровождал замечанием, что «этот самый фра Джироламо неоднократно заявлял публично, что там, где не хватает рациональных доводов для утверждения истинности проповедуемых им вещей, не стоит пренебрегать доказательствами, основанными на знаках сверхприродных», и что доминиканец «не раз обещал невредимым выйти из огня»¹⁴²⁵. Примечательна еще одна история, информация о которой содержится в агиографии, составленной Псевдо-Бурламакки. Якобы, приступив к проповедям на текст «Исхода», где он «открыто выступал против духовенства», Савонарола, чтобы «никто не смог снискать оправдания», и чтобы «получить возможность обратиться к ним», предложил провести «опыт (experimento)»: монах направил три письма сходного содержания Понтифику, генералу Ордена доминиканцев Джоаккино Торриани и францисканским братьям-миноритам, в которых призвал направиться всем вместе к некоему погребению, «и кто из них пробудит (suscitassi) мертвеца, тому следует поверить». Согласно этому биографу Савонаролы францисканцы отказались, а прочие «осмеяли это». И здесь автор жизнеописания монаха воспроизводит еще один слух: «... говорят, что, услышав об этом, граф Джованни Франческо делла Мирандола в письме ходатайство-

¹⁴²⁴ La Vita ... P. 140.

¹⁴²⁵ Nardi I. Op. cit. P. 117; Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 130.

вал, чтобы его дядя Джованни Пико¹⁴²⁶, который умер много лет назад, был таким образом воскрешен (*resuscitato*), как свидетельствуют означенный Джованни Франческо и фра Бартоломео да Фазнца»¹⁴²⁷.

Подобные макабрические мотивы появляются и в связи с фигурой фра Доменико да Пеша. В частности, Симоне Филипепи, описывая миссию брата Доменико в Рим в 1493 г. с целью добиться отделения монастыря Сан Марко от Ломбардской конгрегации, сообщает: «... говорят, что однажды утром означенный брат Доменико, помолившись Богу, встал с колен и, преисполненный живой верой, направился во Дворец, чтобы припасть к ногам Папы и сказать ему: “Святой Отец, желание Бога состоит в том, чтобы вы отделили нас от Ломбардской конгрегации; и это произойдет согласно Его воле, в подтверждение прикажите взять мертвого из гробницы, ибо у меня столько веры в то, что Господь желает этого, что, еще до того, как я поднимусь с колен перед Вашим Святейшеством, мертвец воскреснет”»¹⁴²⁸. Также Франческо Гвиччардини, у которого вряд ли можно обнаружить чрезмерно восторженное отношение к монахам Сан Марко, передает историю, случившуюся «примерно за два года до излагаемых событий», где фигурируют два имени – Савонарола и брат Доменико да Пеша, «человек простой и имеющий репутацию праведника»: последний, «проповедуя в церкви Санта Липерата (флорентийском соборе – Е.Т.), объявил с амвона, что в случае необходимости доказать истинность их проповедей они воскресят мертвого, войдут в огонь и по Божьей благодати выйдут из него невредимыми; потом то же самое повторил фра Джироламо»¹⁴²⁹. Возможно, речь идет о событиях сентября 1495 г., когда своим бреве Александр VI запретил Савонароле проповедовать, и вместо него перед паствой выступал фра Доменико. Тогда этот горячий последователь брата Джироламо, согласно Пьеро ди Марко Паренти, предложил доказать посредством чуда, что «их («плакс» – Е.Т.) позиции истинны, а у недругов –

¹⁴²⁶ Речь идет о Джованни Пико делла Мирандола – флорентийском гуманисте, стороннике и почитателе Савонаролы, умершем 17 ноября 1494 г.

¹⁴²⁷ *La Vita ...* P. 111.

¹⁴²⁸ *Filipperi S.* Op. cit. P. 479.

¹⁴²⁹ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 130.

ложны», и для этого провести испытание: либо «направиться к какому-либо погребению» не менее чем сорокалетней давности и вопрошать умерших (победит тот, кому они ответят), либо «устроить на площади большой костер» и войти в него¹⁴³⁰.

Следует также отметить, что вызовы в адрес Савонаролы и его сподвижников, исходящие от проповедников, принадлежащих к другим монашеским орденам, случались и прежде. Например, тот же П. Паренти в своем сочинении сообщил о читавшем в марте 1496 г. великопостные проповеди в церкви Санто Спирито августинце Грегорио да Перуджа, который «открыто обратился против брата Иеронима, утверждая, что тот, кто выступает против авторитета папы, является еретиком и должен быть отлучен, даже если Понтифик окажется наихудшим из людей; и что он готов отправиться на диспут с братом Иеронимом по любым вопросам, и что если он (Савонарола – Е.Т.) рискнет без ущерба пробыть в огне 1/8 часа, тот пожелает стоять там 8 часов»¹⁴³¹. Скорее всего, пассаж августинца о стоянии в костре был связан с прозвучавшей в этом же месяце проповедью Савонаролы. 7 марта 1496 г. фра Джироламо поведал слушателям историю епископа Елена (Eleno, vescovo di Eliopolo)¹⁴³², который «видя, что некий еретик желает остаться при своем мнении, и не находя иного средства», предложил испытание огнем («чье мнение окажется ложным, тот сгорит»). Епископ первым пошел на эту процедуру: он разместился посреди огня и полчаса пел гимны; после того, как еретик не пожелал войти в огонь, и народ захотел сбросить его туда, Елен не позволил им этого¹⁴³³. Мысль, которую при этом монах внушал пастве заключалась в том, что к подобного рода чудесам вера должна прибегать толь-

¹⁴³⁰ Parenti P. Op. cit. P. 264.

¹⁴³¹ Ibid. P. 321.

¹⁴³² Вероятнее всего речь шла о Елене, епископе Тарсийском (ок. 250 – ок. 270), который упоминается в «Церковной истории» Евсевия Кесарийского как тот, кто вместе с другими восточными епископами противодействовал новацианской схизме, а также выступил на Соборах 264 г. и 268 г. против ереси Павла Самосатского. Кроме того, Елен известен тем, что перекрещивал кающихся еретиков, приходящих в Церковь. См.: Зайцев Д.В. Елен // Православная энциклопедия / Под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Москва, 2008. Т. 18. Египет Древний – Ефес. С. 292–293; Евсевий Кесарийский. Церковная история / введ. ст., коммент., библиогр. список и указатели И.В. Кривушина. Санкт-Петербург: «Издательство Олега Абышко», 2013. С. 316–317; 319–321; 349–354.

¹⁴³³ Predica XX // Savonarola G. Prediche sopra Amos e Zaccaria ... Vol. 2. P. 74–75.

ко в крайнем случае, когда она не в силах защититься иначе. Другой случай связан с Доменико да Пеша, и может показаться репетицией того, что произошло весной 1498 г. (тот же предмет спора, те же участники). Годом ранее фра Доменико и Франческо ди Пулья, проповедуя во время Великого поста в Прато, вступили в конфликт по поводу «слуги Божьего фра Джироламо»: минорит предложил разрешить спор при помощи костра и доминиканец принял вызов; испытание должно было состояться «на третий день Пасхи», однако брат Франческо, сославшись на «дела большой важности» по приказанию «вышестоящих», «сбежал, оставив дело незаконченным»¹⁴³⁴.

Даже если часть этих историй – результат фантазии «плакс», агиографические выдумки, порожденные их «воспаленным воображением»¹⁴³⁵, наличие прочих вызовов влечет за собой следующий вопрос: поскольку речь шла об ордалиях и причастности к ним духовных лиц, в отношении чего еще IV Латеранский собор (1215 г.) выказал свое отрицательное мнение¹⁴³⁶, насколько инициаторы подобных акций допускали вероятность их осуществления на практике, либо все означенные заявления можно отнести исключительно к области риторики? Как представляется, суть двойственного отношения к такого рода испытаниям сумел передать Псевдо-Бурламакки при описании ситуации конца марта – начала апреля 1498 г. «В день, когда был заключен договор», Савонарола, по словам автора «Жизнеописания», увидел в палаццо Синьории дьявола, отчего возникли «некоторые сомнения», поскольку, с одной стороны, «из-за противоречия со священными канонами подобное испытание не могло быть произведено, ибо вышеназванные испытания были запрещены», а с другой – существовала масса примеров, оправдывающих такие действия, когда святые отцы, – от епископа Елена (III в.) до основателя Вал-

¹⁴³⁴ La Vita ... P. 140–141.

¹⁴³⁵ Высказывание Ф. Кордеро относительно сообщения Псевдо-Бурламакки о «трех письмах» Савонаролы, предлагавших провести испытание с воскрешением мертвецов Папе, генералу Ордена доминиканцев и францисканским братьям. См.: *Cordero F. Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498 ...* P. 381.

¹⁴³⁶ 18 правило IV Латеранского собора.

ломброзианского ордена, Иоанна Гуальберто (кон. X в. – 1073 г.)¹⁴³⁷, – обращались к огненной ордалии для защиты веры¹⁴³⁸.

Савонарола, судя по сообщениям современников, в своем отношении к перспективе испытания огнем обращал внимание не столько на формальные запреты, сколько опирался на логические выводы, основанные на мировоззренческих принципах, которые, с его точки зрения, должны быть присущи истинному христианину. Так, в выступлении 1 апреля 1498 г., прозвучавшем после того, как францисканцы и доминиканцы заключили соглашение о проведении Божьего суда, а Синьория вновь разрешила ему проповедовать, он выказал свое суждение относительно способа защиты тех положений, которые составили предмет спора. Так, брат Доменико, с одной стороны, собирался защищать основные тезисы учения флорентийского пророка, – Церковь необходимо реформировать, она будет наказана, после этого обновится и будет процветать; Флоренция также после наказания обновится и станет благоденствовать; неверующие обратятся; это должно произойти в скором будущем, – а с другой – отстаивать утверждение о том, что отлучение фра Джироламо недействительно, и кто его не соблюдает, не грешит¹⁴³⁹. Соответственно, в означенной проповеди Савонарола, как передает Ф. Гвиччардини, говоря о значении чудес, подчеркнул, что «они совершаются лишь по необходимости, когда не хватает разумных доводов и опыта; а поскольку христианская вера была всячески испытана и истинность его предсказаний доказана множеством примеров, тот, кто не закоснел в дурной жизни, вполне может обойтись и без чудес, чтобы не искушать милосердие Божие»¹⁴⁴⁰. У Псевдо-Бурламакки имеется более пространное изложение выступления доминиканца, развивающего мысль о том, что «чудеса не являются необходимыми там,

¹⁴³⁷ Иоанн обвинил архиепископа Флорентийского в симонии, и один монах его ордена (брат Петр, затем получивший прозвище Igneo – Огненный) добровольно подвергся испытанию огнем (13 февраля 1068 г.), чтобы доказать истинность этого заявления. См.: *Degl'Innocenti A. Giovanni Gualberto, santo // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2001. Vol. 56: Giovanni Di Crescenzo-Giulietti. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/santo-giovanni-gualberto_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/santo-giovanni-gualberto_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 12.12.2019).*

¹⁴³⁸ La Vita ... P. 143–144.

¹⁴³⁹ См.: Nardi I. Op. cit. P. 117; Cambi G. Istorie ... P. 115; La Vita ... P. 142.

¹⁴⁴⁰ Гвиччардини Ф. Указ. соч. С. 131.

где действуют естественные доводы». Судя по этому тексту, брат был однозначно настроен против подтверждения недействительности отлучения подобным образом, заявляя: «... мы уже посредством многих естественных доводов доказали, что это отлучение ничего не значит; и наше обращение к другим экспериментам было бы искушением Господа». Относительно защиты основных пунктов своего учения, монах придерживался сходной позиции: «Также, если они (оппоненты Савонаролы – Е.Т.) заключают, что произнесенное нами путем пророчества тем не менее нуждается в проверке чудесами ..., мы ответим, что никто не принуждается верить в них больше, чем желает; но они (эти положения – Е.Т.) лучше подтверждаются доброй жизнью и христианами, ибо утверждаю, что только это является наиболее значимым чудом для того, чтобы они уверовали в наши положения и во всякую другую истину, которая происходит от Бога». И тот факт, что все монахи Сан Марко, а также значительная часть флорентийцев, в том числе присутствующих на проповеди, готовы войти в огонь в защиту веры, и уповают на то, останутся невредимыми, по мысли монаха, лишнее тому доказательство. Вместе с тем, флорентийский пророк изъявил готовность, «когда будет необходимо» и с представителями «Рима и их последователями», «без колебаний войти в огонь, как Сидрах, Мессах и Авденаго¹⁴⁴¹ в раскаленную печь, не за мои достоинства, но во имя Бога, который таким образом может подтвердить любую истину и проявить свое величие». «Необходимость», как видим, связана с еще одним условием – волей Бога, поэтому «никто не должен входить (в огонь – Е.Т.), если не будет избран и вдохновлен Богом». И здесь проповедник ссылается на пример Иоанна Гуальберто, который «несмотря на то, что был человеком большой святости, тем не менее, не стал входить в огонь, напротив, послал туда одного из своих монахов, поскольку ему представлялось, что устройство этого дела в то время требует этого, или потому, что он воистину был вдохновлен Богом» (вероятно, означенный пассаж позволял

¹⁴⁴¹ Дан. 3: за отказ поклониться золотому истукану, сделанному Навуходоносором, были брошены в печь, и остались невредимы.

провести параллель с настоящей ситуацией и послужить объяснением тому, почему не он, а фра Доменико примет участие в предстоящем испытании)¹⁴⁴².

В свою очередь, если Доменико да Пеша проявлял решительный настрой на проведение состязания с Франческо ди Пулья, последний стал настаивать на том, что пойдет на это исключительно с отцом Джироламо, в то время, как против брата Доменико должен выступить другой представитель ордена Св. Франциска. В итоге им стал Джулиано Рондинелли. Окончательный акт об условиях испытания был заверен Франческо д'Оттавиано д'Ареццо, государственным нотариусом в должности Риформаджиони, а датой его проведения назначено 7 апреля 1498 г.¹⁴⁴³.

Здесь вызывает интерес следующее обстоятельство – вмешательство Синьории в спор монахов, который, возможно, так и остался бы чисто вербальной пикировкой двух проповедников, а в итоге получил санкцию на осуществление публичной ордалии. И если в начале конфликт (по крайней мере, видимая его часть) разворачивался в религиозной плоскости, то теперь стала наиболее очевидна его политическая составляющая. Собственно, современники событий, большая часть трудов которых была написана позднее, в XVI в., осмысляя происходящее, обращали внимание читателя именно на этот аспект столкновения. Так, к примеру, Псевдо-Бурламакки и Симоне Филиппеи связывали действия Синьории с интригами противников монаха, составившими заговор с целью его дискредитации и убийства. По словам анонимного агиографа, Франческо ди Пулья «сговорился с врагами слуги Божьего, чтобы он настаивал только на их именах (фра Доменико и фра Джироламо – Е.Т.) относительно желания войти в огонь», а перед ордалией «состоялось некое сбирище, на котором было решено убить слугу Божьего на площади, и это было испытание, которое желали произвести его противники»¹⁴⁴⁴. С. Филиппеи, в свою очередь, сообщил о том, что узнал «вскоре после этого» события от Доффо Спини – главы компаньяччи: «план противоположной

¹⁴⁴² La Vita ... P. 145–146.

¹⁴⁴³ Ibid. P. 141–143, 148; *Nardi I. Op. cit.* P. 118–119.

¹⁴⁴⁴ La Vita ... P. 141, 150.

партии» состоял в том, чтобы использовать ордалию с целью «развалить дело» Савонаролы и его сторонников; по знаку, поданному из дворца Синьории, Доффо должен был «сделать то, что было задумано» (убить доминиканца – Е.Т.), «однако он, как было угодно Богу, не захотел ничего предпринять»; нити этого заговора тянутся к Джованни ди Пьер Франческо де'Медичи, его жене – «правительнице Форли» и герцогу Миланскому, «однако, затем, во Флоренции он (заговор – Е.Т.) обрел свое совершенство»; все это, по мнению Симоне, было «спектаклем», «мошенничеством под видом испытания»¹⁴⁴⁵. Якопо Нарди в своей «Истории» представил ситуацию несколько иным образом: информация о спорах между монахами, а затем и горожанами, дошла до Синьории, «относительно чего было устроено множество консультаций и пратик¹⁴⁴⁶», в итоге было решено провести эксперимент, «поскольку это могло бы стать путем по возвращению ему (Савонароле – Е.Т.) доверия и репутации, или точнее – усилить его авторитет настолько, что даже Папа не смог бы ему противостоять»; к этому Якопо прибавил, что «не только враги, но и друзья брата жаждут устроить означенное испытание»¹⁴⁴⁷. Близкое к последнему утверждение, с указанием мотива сторон, имеется в «Истории Флоренции» Ф. Гвиччардини. По его словам, «все это понравилось гражданам обеих партий, желавшим, чтобы разногласия и недоразумения наконец прекратились»¹⁴⁴⁸. Итак, и противники, и сторонники брата, по разным причинам, желали проведения испытания.

При этом, официальная реакция со стороны Рима отсутствовала. Согласно Псевдо-Бурламакки, после того, как письмо Синьории с просьбой разрешить ордалию прибыло в Рим, «Понтифик и собравшаяся Консистория Кардиналов, заключили, что этого ни в коем случае не нужно делать, и об этом Великий Понтифик написал в ответе великолепным флорентийским Синьорам, но письмо пришло после свершившегося». Автор агиографии

¹⁴⁴⁵ *Filipepi S.* Op. cit. P. 481–485.

¹⁴⁴⁶ Подробный анализ мнений, высказанных на «Практике» 30 марта, содержится в работах П. Виллари и Ф. Кордеро; в целом, большая часть участников совещания выступила за проведение ордалии. См.: *Виллари П.* Указ. соч. Т. 2. С. 110–111; *Cordero F.* Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498 ... P. 390–393.

¹⁴⁴⁷ *Nardi I.* Op. cit. P. 118.

¹⁴⁴⁸ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 130.

предоставил читателям и свое объяснение позиции Курии: «Папа Александр боялся, что в случае успеха, он потеряет митру, потому не давал разрешения»¹⁴⁴⁹. Относительно первого, в свое время П. Виллари выказал сомнение, что подобное брeve вообще существовало¹⁴⁵⁰. Что касается второго, предположение анонима не лишено смысла, однако лишний раз подтверждает, что сочинитель «Жизнеописания» – сторонник Савонаролы, «плакса». Скорее всего, Александр VI предпочел не вмешиваться в эту историю, поскольку, напротив, рассчитывал на то, что монах в любом случае дискредитирует себя, если не публичным провалом на испытании, то, по крайней мере, нарушением соборных постановлений.

Источники отмечают воодушевление, охватившее сторонников Савонаролы накануне ордалии. В письме, направленном Папе 3 апреля, братья Тосканской конгрегации сообщали, что они (около трехсот человек), а также множество мирян обоего пола, готовы пойти на испытание в защиту Савонаролы и его учения¹⁴⁵¹. Доминиканцы, подписывавшие обязательство участвовать в Божьем суде, выражали свое упование на Господа и веру в благополучный исход эксперимента: «обязуюсь произвести испытание огнем и выйти из него невредимым и без ущерба»; «обязуюсь ..., уповая на помощь Бога, и без какого-либо сомнения, войти и выйти полностью невредимым, и это заявляю не из-за каких-либо своих достоинств, но только во славу всемогущего и милосердного Господа нашего Бога, Отца, Сына и Святого Духа, и во славу святейшей Девы Марии, и всего небесного Царства, и во спасение избранных Богом, ныне живущих и будущих»; «ясно чувствуя, что я выйду без всякого препятствия, не из-за моих достоинств, а по величайшей силе и благодати Божьей, к прославлению, славе, чести Его и всего небесного Царства, и вновь подтверждаю, что не сгорю благодаря Господу моему Иисусу Христу». Меньшие братья, напротив, с пессимизмом оценивали свои шансы не пострадать во время испытания: «я думаю, что сгорю, но для спасения душ, я

¹⁴⁴⁹ La Vita ... P. 144.

¹⁴⁵⁰ Виллари П. Указ. соч. Т. 2. С. 455.

¹⁴⁵¹ Lettera dei Frati di S. Marco al Papa [3 aprilis 1498] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. Firenze: G.C. Sansoni, 1887. P. 219.

чрезвычайно рад этому»; «изъявляю свою величайшую готовность ... для освобождения народа от большого заблуждения войти в огонь... и принять всяческое мучение»¹⁴⁵². Уже было отмечено выше, что стремление принять участие в ордалии выражали, «устно и письменно», и обычные горожане – мужчины, женщины дети. Так, по словам Я. Нарди, «множество людей предложили себя, и почти все монахи его провинции, и большое количество священников и мирян, вплоть до женщин и детей», что «было весьма удивительной вещью»; «эти вызовы спонтанно делались множеством людей в церкви во время проповеди фра Доменико, однако подписи неслись или передавались в Сан Марко»¹⁴⁵³. В «Эпистоле» Плачидо Чиноцци имеется рассказ об одной такой истории, очевидцем которой он был сам; затем ее, почти дословно, воспроизвел Псевдо-Бурламакки. Когда фра Джироламо и фра Плачидо прогуливались по саду Сан Марко, к ним подошел некий «добрый и достойный», «знатный, прекрасный обликом, чрезвычайно грациозный» юноша и подал записку – обязательство войти в огонь, но, «сомневаясь в том, что написанного достаточно для выражения его доброго устремления», распростерся на земле и «со смирением в голосе» просил о разрешении. «Поднимись, мальчик, ибо твоя добрая воля чрезвычайно приятна и угодна Богу, и действуй, ибо твое намерение – доброе», – ответил ему Савонарола. После этого он прокомментировал случившееся: «От многих людей я получал различные записки, но не один не доставил мне такого утешения, как этот мальчик; хвала Господу за это»¹⁴⁵⁴. Безусловно, подобное рвение импонировало городскому пророку, в определенном роде это был триумф веры и доверия.

Моральный подъем среди «плакс» проявил себя и в день испытания. Утром Савонарола отслужил торжественную мессу в Сан Марко, произнес «короткую», но «пылкую» и «прекрасную» проповедь¹⁴⁵⁵, в которой призвал своих сторонников поститься в этот день на хлебе и воде и непрерывно мо-

¹⁴⁵² La Vita ... P. 147–148.

¹⁴⁵³ Nardi I. Op. cit. P. 118.

¹⁴⁵⁴ Cinozzi P. Epistola ... P. 27; La Vita ... P. 146.

¹⁴⁵⁵ Симоне Филиппеи сообщает, что ее можно прочесть среди последних, напечатанных проповедей. Filipepi S. Op. cit. P. 481.

литься за благополучный исход ордалии. При этом монах, воодушевляя паству, выказал твердую уверенность в победе: «Открылось мне вот что: если испытание состоится, победа будет за нами, и фра Доменико выйдет невредимым, но сделает он это или нет, этого Господь мне не открыл»¹⁴⁵⁶. Все утро «плаксы» распевали псалмы, а в назначенный час торжественной процессией двинулись к площади Синьории¹⁴⁵⁷. Все, что делали сторонники Савонаролы, разительно отличалось от поведения противников. Францисканцы появились на площади без какой-либо пышности и торжественности, все время пребывали «в молчании». Доминиканцы, напротив, шествовали в праздничных облачениях; фра Доменико в красной рясе и с крестом в руках; отец Джироламо нес в ковчежце Святые Дары; братья с красными распятиями и белыми свечами; их сопровождал народ, освещая процессию факелами; все распевали гимны, среди которых «Спаси люди Твоя, Господи»¹⁴⁵⁸, «Да восстанет Бог, и расточатся враги его»¹⁴⁵⁹. «Все улицы, по которым двигалась процессия, были заполнены людьми, и видно было многих, проливавших слезы из-за набожности и духовного воодушевления, которые они испытывали от такого представления», – так охарактеризовал процессию «плакс» С. Филипепи. Сходным образом описал ее и Псевдо-Бурламакки: «Настолько великий шум происходил от народа, которого было неисчислимое множество, что, казалось, воздух и земля сотрясаются под ногами; от Божественного Величия (Divina Maestà) страх и ужас охватили врагов истины»¹⁴⁶⁰. Ему вторит Ф. Гвиччардини: «... была их процессия преисполнена благочестия и явно показывала, что они пришли подвергнуться испытанию в беспримерно смелом расположении духа; это не только поддержало сторонников фра Джироламо, на даже заставило поколебаться его врагов»¹⁴⁶¹. Псалмы, гимны, литании и

¹⁴⁵⁶ La Vita ... P. 148.

¹⁴⁵⁷ При описании событий, связанных с испытанием огнем, в частности – мессы и проповеди, процессии сторонников Савонаролы, были привлечены следующие источники: *Cambi G. Istorie ...* P. 116–119; *Cerretani B. Op. cit.* P. 244–245; *Filipepi S. Op. cit.* P. 481–483; *La Vita ...* P. 148–154; *Landucci L. Op. cit.* P. 169; *Nardi I. Op. cit.* P. 118–121; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 131–132.

¹⁴⁵⁸ «*Salvum fac populum tuum, Domine*» – часть гимна «Te Deum laudamus (Тебе Бога хвалим)».

¹⁴⁵⁹ Пс. 67 (68): *Exsurgit Deus, et dissipantur inimici eius*.

¹⁴⁶⁰ *Filipepi S. Op. cit.* P. 481–482; *La Vita ...* P. 149.

¹⁴⁶¹ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 131.

молитвы продолжились и по прибытию на место ожидания – в лоджию Ланци. «Казалось, – заметил в своей «Хронике» С. Филипеппи, – что здесь скорее готовятся к свадьбе, а не вступлению в огонь»¹⁴⁶². Все это можно назвать перформансом, рассчитанным на мощное психологическое воздействие.

Однако то, что затем произошло на площади, способствовало снижению эффекта от подобной демонстрации силы духа. Продолжительные переговоры между соперничающими сторонами затягивали начало испытания. Инициативу диспутов, разгоревшихся в это время, приписывают францисканцам, сначала предположившим, что одежда фра Доменико заколдована, а затем развернувшим споры о вхождении в огонь с крестом и Святыми Дарами. Подобная тактика, вероятно, могла иметь следующие основания: во-первых, меньшие братья, по свидетельству просавонаролианских источников, накануне требовали гарантий от синьоров в том, что дело не дойдет до реального участия в ордалии; во-вторых, согласно условиям договора об испытании, отказ от вхождения в огонь был равносителен поражению. Но и противоположная сторона охотно включилась в обсуждение. В результате, по причине дождя и наступившего вечера, Синьория приказала обеим партиям разойтись¹⁴⁶³.

Народ несколько часов «скучал и томился в ожидании» начала действия, а вместо этого получил иного рода «спектакль» – препирательство между противниками, «к большому стыду этих монахов, как будто эта вещь предпринята для выяснения и опровержения светского (вопроса – Е.Т.), а не нашей веры, и не зависит от божьего суда», – как охарактеризовал общие настроения Якопо Нарди¹⁴⁶⁴. Ситуация, которая в итоге сложилась в городе, описывается в источниках такими словами, как «неудовольствие», «неудовлетворение», «смутение». Согласно свидетельству Луки Ландуччи, «весь народ был смущен, почти потеряв веру в Пророка»¹⁴⁶⁵. По словам Бартоло-

¹⁴⁶² *Filipeppi S.* Op. cit. P. 482.

¹⁴⁶³ *Cambi G.* *Istorie ...* P. 117–119; *Cerretani B.* Op. cit. P. 245; *Filipeppi S.* Op. cit. P. 482–483; *Landucci L.* Op. cit. P. 169; *Nardi I.* Op. cit. P. 120; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 131–132.

¹⁴⁶⁴ *Nardi I.* Op. cit. P. 120.

¹⁴⁶⁵ *Landucci L.* Op. cit. P. 169.

мео Черретани, «всякий на каждом углу без какого-либо почтения осуждал (монахов Сан Марко – Е.Т.)»; ибо те, кто полагал, что в этот «день должно все проясниться», «остались в большом замешательстве» и испытывали «огромную ненависть»¹⁴⁶⁶. Тот же Я. Нарди отметил, что после несостоявшейся ордалии «в сознании каждого осталось возмущение и значительное сомнение», «всякий в этот день вернулся неудовлетворенным», и у «народа появился существенный повод к смуте», в том числе и потому, что «благочестивые люди и последователи монаха, а не его враги, проявляли желание и стремление, чтобы фра Джироламо и фра Доменико, не устраивая диспут, организовали сами по себе (даже без участия францисканцев – Е.Т.) это испытание для подтверждения их пророчеств»¹⁴⁶⁷. Аналогичным образом описал настроения горожан Франческо Гвиччардини, указавший, как и Я. Нарди, что даже выступление Савонаролы с разъяснением произошедшего не смогло снять возбуждение паствы: «Несмотря на то, что фра Джироламо сразу поднялся на амвон и доказывал, что вся вина лежит на братьях ордена святого Франциска, а победа за его партией, тем не менее многим казалось, что это недоразумение из-за тела Христова было скорее предлогом, чем истиной причиной; много друзей отошло от фра Джироламо, и весь народ настроился враждебно к нему»¹⁴⁶⁸. Итак, жители города на Арно жаждали стать свидетелями чуда, а несостоявшееся испытание породило всеобщее (в том числе, а возможно, в большей степени охватившее плакс, почувствовавших себя обманутыми) разочарование, которое переросло в презрение, а затем – насилие и жестокость, проявившиеся уже на следующий день (8 апреля, Вербное воскресенье) во время осады монастыря Сан Марко¹⁴⁶⁹, закончившейся взятием под арест Савонаролы, судебными процессами над городским пророком и его казнью.

¹⁴⁶⁶ *Cerretani B.* Op. cit. P. 245.

¹⁴⁶⁷ *Nardi I.* Op. cit. P. 120–121.

¹⁴⁶⁸ *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 131–132.

¹⁴⁶⁹ См., например, описания: *Cambi G.* *Istorie ...* P. 119–120; *Cerretani B.* Op. cit. P. 246–249; *Filipepi S.* Op. cit. P. 487–489; *Landucci L.* Op. cit. P. 169–172; *Nardi I.* Op. cit. P. 121–124; *Гвиччардини Ф.* Указ. соч. С. 132–133.

В итоге, можно прийти к следующему выводу. Создается впечатление, что организация Божьего суда в городе на Арно – стала единственным выходом из положения, сложившегося к весне 1498 г. Очевидно, что расчет флорентийского правительства, да и самого Савонаролы, на то, что время, а также снижение публичной активности монаха, смягчит Папу и позволит решить вопрос со снятием отлучения, не оправдался. В свою очередь, Понтифик, вероятно полагавший, что предпринятые им меры приведут к уменьшению интереса паствы к доминиканцу, также обманулся в ожиданиях. Брат Джироламо продолжал пользоваться доверием и поддержкой горожан, о чем свидетельствует, в том числе, поведение Синьории, как «старой», позволившей монаху вновь начать проповеди в феврале 1498 г., так и вновь избранной в марте этого года (уже состоящей преимущественно из оппонентов брата), которая, учитывая общественное мнение, только частично пошла на удовлетворение требований Папы. Таким образом, пока это самое общественное мнение было на стороне брата, руки у его противников были связаны. Здесь позиция фра Джироламо определялась не только его личными достоинствами, но и тем статусом, который утвердился в сознании паствы – пророк, оружие Господа, и который монах стремился укрепить в возобновившихся выступлениях перед прихожанами. Последним, очевидно, уже не хватало исключительно рациональных доводов в речах брата, учитывая позицию Рима (действующее отлучение, угроза интердикта и других санкций), а требовалось подтверждение свыше – с помощью сверхъестественных знаков. Иначе, как объяснить, что Савонарола, постоянно вещавший о нежелательности обращения к такому инструменту доказательства истины, сам идет на подобный шаг (проповедь 25 февраля и опыт во время карнавала 27 февраля)? По сути, доминиканец способствует становлению атмосферы ожидания чудес. Соответственно, акт испытания огнем, кто бы ни был первоначальным инициатором идеи, стал мыслиться (подавался и воспринимался) горожанами как возможность разрешить, и внутренние сомнения в душе верующих, и внешние проблемы – противоречия между членами флорентийского социума,

а, возможно, между Республикой (с ее пророком) и Папой. Этим может быть объяснены, и порыв «плакс» принять участие в ордалии, и вмешательство Синьории в ее организацию. Неопределенный же исход испытания, более того – отказ монахов Сан Марко пройти его самостоятельно, без оппонентов, привели к тому, что духовный подъем резко сменился разочарованием, а в образе пророка образовалась брешь, которую уже невозможно было закрыть последовавшими за этим публичными объяснениями пастве, и которой в дальнейшем воспользовались противники, доведя дело до последнего костра, на котором брат принял свою смерть.

6.3. Костер 23 мая 1498 г.: смерть пророка и рождение «нового святого»

23 мая 1498 г., накануне праздника Вознесения, фра Джироламо вместе со своими товарищами – фра Доменико да Пеша и фра Сильвестро Маруффи, были сожжены на площади Синьории. В итоге, эта казнь положила начало формированию в среде сторонников брата культа мученичества и святости Савонаролы.

Сочинения, авторы которых либо симпатизировали пророку-реформатору, либо заняли нейтральную позицию, позволяют обратиться к вопросу о том, как «плаксы» интерпретировали и модифицировали в своем сознании переживаемую ими действительность, – публичную расправу над монахом, а также последующие гонения на его приверженцев, – какими смыслами ее наделяли, какими образами оперировали. Здесь следует сразу уточнить, что источники, написанные по большей части постфактум, затрудняют, во-первых, определение того, какие ментальные конструкции появились в процессе непосредственной погруженности в события, а что есть ре-

зультат более поздней рефлексии, основанной на воспоминаниях, приведенных в соответствие с общими схемами, которыми в тот момент оперировала культура; а, во-вторых, ставят проблему разграничения интерпретаций, коллективных, групповых («плаксы») и, собственно, индивидуальных.

Итак, казнь трех доминиканцев на площади Синьории являла собой как политическую акцию, так и ритуал, отношение к которому присутствующих ярко выраженный амбивалентный характер. Перед смертью монахи были подвергнуты торжественному обряду извержения из сана (*degradatio*): братья «были облачены в священные одежды, которые затем снимались одна за другой, со словами, принятыми в чине расстрижения, при этом постоянно повторялось, что фра Джироламо еретик и схизматик, и поэтому приговорен к костру; им обрили голову и руки, как это надлежит делать при извержении»¹⁴⁷⁰. Интересно, что в сочинениях упомянут казус, случившийся во время этой церемонии: якобы совершавший ее епископ Паганотти «отлучил его (Савонаролу – Е.Т.) от Церкви воинствующей и торжествующей», на что монах заметил: «Монсиньор, вы ошибаетесь, ибо вы можете сказать только от воинствующей; от торжествующей может только Бог»¹⁴⁷¹¹⁴⁷². Затем расстриженные братья оказались перед апостолическими комиссарами, и один из них – Франсиско Ремолинес (Франческо Ромолино) провозгласил решение, объявляющее их «схизматиками и еретиками»¹⁴⁷³, а затем, по свидетельству Псевдо-Бурламакки, «говорят, сказал им эти слова: “Его Святейшеству,

¹⁴⁷⁰ Landucci L. Op. cit. P. 177. «В церковной истории существует еще один обряд, тесно связанный с рукоположением – литургически оформленное извержение из сана. Чинопоследования извержений (*degradatio*) из каждого чина церковнослужителей обнаруживаются в дореформенном Римском понтификале. Каждое из чинопоследований извержения представляет собой как бы “негатив” обряда поставления в соответствующий чин, где *traditio instrumentorum* (орудий служения – Е.Т.) заменено изъятием у наказуемого собственных данному чину облачений и символов, что в каждом случае сопровождается «негативными» формулами. В реформированном Римском понтификале этот раздел не сохранен». Обривание головы и рук в этом случае трактуется как обратное их помазанию освященным миром. См.: Сахаров П. Рукоположение // Католическая энциклопедия. В 5 т. / В. Л. Задворный (гл. ред.) и др. М: Изд-во Францисканцев, 2011. Т. 4: Р – Ф. С. 411–416.

¹⁴⁷¹ Воинствующая Церковь подразумевает всех христиан, находящихся на пути к спасению, а торжествующая – тех, кто уже достиг вечной славы. Возможно присутствие этой сцены в трудах современников не только передает смущение и волнение священника, производившего обряд, но и отражает упования последователей флорентийского пророка на обретение им Царствия Небесного.

¹⁴⁷² Filipepi S. Op. cit. P. 505; La Vita ... P. 182; Cerretani B. Op. cit. P. 251. Якопо Нарди сообщает, что эти слова брат Джироламо произнес «так, что все окружающие ясно их услышали, но не я, ибо находился далеко». См.: Nardi I. Op. cit. P. 130.

¹⁴⁷³ Filipepi S. Op. cit. P. 505.

нашему господину Александру VI, великому понтифику, угодно освободить вас от мучений в Чистилище и даровать вам полное отпущение грехов, вернув вам состояние невинности. Принимаете вы это?»», на что те ответили согласием¹⁴⁷⁴. После чего их передали в руки светской власти для проведения казни. Происходящее, как утверждают просавонаролиански настроенные авторы, вызвало недоумение у части горожан: если осужденные монахи были «еретиками и схизматиками», то почему их «незадолго до этого (казни – Е.Т.) исповедовали и причастили, что никогда не делается» с подобными людьми; а если их допустили к таинствам и таким образом представили не еретиками, а лишь «упорствующими и упрямыми», то отчего «их затем посчитали недостойными церковного погребения»¹⁴⁷⁵?

Долгая публичная церемония расстрижения трех доминиканцев явно выражает стремление церковных и светских властей не допустить появления новых мучеников за веру. Однако уже накануне казни возбужденное сознание флорентийцев начинает сближать фигуру Савонаролы с образом Христа, распятого на Голгофе. Сооружение, на котором предстояло умереть братьям, представляло собой столб с поперечной перекладиной, что в целом породило в умах горожан иллюзию креста, на котором распяли Спасителя. Лука Ландуччи передал слухи, распространившиеся среди жителей Флоренции, главный мотив которых – монахов Сан Марко «хотят распять». Власти, «почувствовав этот ропот», попытались уничтожить возникшую символическую связь, подпилив концы бревна, но «не настолько коротко, так, что все равно в этой виселице угадывалась форма креста»¹⁴⁷⁶.

Сообщения и воспоминания о событиях, связанных с последними днями и часами жизни флорентийского пророка, – во всяком случае, у авторов, принадлежащих к числу плакс, – сливаются с библейскими рассказами о страстях Христа. В сочинениях некоторых ультрасавонаролианцев соответствующий культурно-символический код настолько силен, что память фор-

¹⁴⁷⁴ La Vita ... P. 182.

¹⁴⁷⁵ Filipepi S. Op. cit. P. 505; Nardi I. Op. cit. P. 136.

¹⁴⁷⁶ Filipepi S. Op. cit. P. 504; Nardi I. Op. cit. P. 130; La Vita ... P. 183; Cerretani B. Op. cit. P. 250; Landucci L. Op. cit. P. 177; Cambi G. Istorie ... P. 130.

мируется им вплоть до деталей. Так, возникает тема тридцати сребреников – платы за предательство, либо всех горожан, либо тех, кто был причастен к судебным процессам, предшествовавшим казни. Например, Лука Ладуччи 13 мая 1498 г. в своем «Дневнике» оставляет запись о том, что Папа направил своих посланцев для суда над фра Джироламо и одновременно «позволил флорентийцам обложить священников и монахов тремя децимами (налогом – Е.Т.¹⁴⁷⁷)», так, что «некоторые сторонники брата толковали и говорили: “Этого брата подали за 30 сребреников, поскольку трижды десять равно 30”»¹⁴⁷⁸. В «Жизнеописании» Псевдо-Бурламакки эти параллели с новозаветной историей выглядят еще более рельефно. По его словам, «Франческо ди сер Бароне, нотариус, прозванный сер Чекконе», сфальсифицировавший протоколы допросов Савонаролы, после смерти монаха «пришел за деньгами, которые ему были обещаны» и получил «только 30 дукатов», и разъяренный, «подобно бешеному псу», примчался на виллу одного «своего друга, не зная, что он был из числа преданных друзей слуги Божьего», тот, узнав, в чем дело, «тотчас выгнал его прочь, не дав ему не поесть, ни попить»; и именно от этого «знатного горожанина» данная история стала известна другим¹⁴⁷⁹. Кроме того, Псевдо-Бурламакки уподобляет судебное расследование, к которому подключился Чекконе, суду Понтия Пилата над Иисусом: монах был вынужден давать ответы на «смутные вопросы (*parole oscure*), наподобие тех, на которые Христос отвечал Пилату», что затем можно было толковать, как угодно¹⁴⁸⁰. Согласно автору «Жизнеописания», в это же время в зале Большого совета «был совершен акт, подобный тому, когда Пилат явил народу бичуемого Иисуса Христа» – монах, проходя сквозь толпу, был подвергнут всяческим оскорблениям и издевательствам»¹⁴⁸¹. Согласно С. Филиппеи и Псевдо-Бурламакки, ремесленников из числа последователей Савонаролы, – «друзей

¹⁴⁷⁷ О введении децимы – налога на доход с недвижимого имущества, см. параграф 2.3.

¹⁴⁷⁸ *Landucci L.* Op. cit. P. 175.

¹⁴⁷⁹ *La Vita ...* P. 170. До этого Псевдо-Бурламакки сообщил, что Чекконе посулили за работу 400 флоринов. *Ibid.* P. 168. Разумеется, перед нами анекдот, ибо сохранились архивные документы об оплате труда этого нотариуса. См.: *Cordero F. Savonarola. Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498 ...* P. 509–510.

¹⁴⁸⁰ *La Vita ...* P. 169.

¹⁴⁸¹ *Ibid.* P. 174. Также см.: Мк. 15: 15–20; Мф. 27: 26–31; Лк. 19: 1–3.

слуги Божьего», «которые верили в отца и его учение», – за день до церемонии силой принудили соорудить помост и сложить костер для казни; при этом противники брата, скорее всего молодежь, подвергли их всяческим оскорблениям и унижениям¹⁴⁸². При этом, у автора «Жизнеописания» эти люди стали воплощением Симона Киринаеянина, которого, согласно Евангелиям, недруги Христа заставили нести крест Спасителя на Голгофу¹⁴⁸³. Кроме того, доминиканец, также, как и Христос, претерпевает насмешки и издевательства во время следования к виселице-кресту. Мальчики – «сыновья дьявола», в щели помоста, по которому должны были ступать босыми ногами осужденные, вбили острые, режущие предметы¹⁴⁸⁴, чтобы «довести до слез» монахов, а также громко поносили идущих на смерть¹⁴⁸⁵. Прежде же чем городской пророк был повешен, в толпе, якобы, нашелся некто, прокричавший ему, также, как когда-то Христу: «О, Савонарола, сейчас настало время сотворить чудеса»¹⁴⁸⁶. И, наконец, еще одно сходство с Христом, вольно или невольно проявившееся в трудах этих плакс, представляется результатом размышлений более поздних, совпавших с наступлением новой фазы почитания монаха в первой половине XVI в. Вспоминая проповеди брата, они утверждали, что тот, подобно Спасителю¹⁴⁸⁷, предвидел и предсказал свой конец¹⁴⁸⁸.

Трудно судить, насколько означенная, индивидуальная, основанная на памяти и партийной принадлежности, интерпретация событий совпадает с коллективными переживаниями присутствовавших на площади зрителей. Не

¹⁴⁸² *Filipepi S.* Op. cit. P. 504; *La Vita ...* P. 183–184.

¹⁴⁸³ Мф. 27:32; Мк. 15:21; Лк. 23:26.

¹⁴⁸⁴ «stimoli acuti» – «острые стрекала».

¹⁴⁸⁵ *La Vita ...* P. 183. Также см.: Мф. 27: 29–31; Мк. 15: 18–19.

¹⁴⁸⁶ *La Vita ...* P. 184. Автор данного сочинения прямо указывает на аналогию: «... как было также сказано нашему Спасителю: “Если ты Христос, Сын Божий, сойди с креста, и уверуем в тебя”». См.: Мф. 27: 39–43; Мк. 15: 29–32; Лк. 23: 35–39.

¹⁴⁸⁷ См.: Мф. 20: 17–19; 26: 1–2; Мк. 10: 32–34; Лк. 18: 31–33; Ин. 18: 32.

¹⁴⁸⁸ Например, С. Филиппи в своей «Хронике» упомянул проповедь Савонаролы от 6 января 1494 г., где тот предсказывал Флоренции: «... ты вызовешь гнев божий против себя, поскольку пожелаешь, чтобы обвинили невинных. И пытками ты заставишь их признаться в том, что они никогда не совершали, и казнишь их без вины...». Псевдо-Бурламакки также указал на исполнение пророчеств брата: «... и таким образом было исполнено его пророчество: “Войдут нечестивцы в святилище с секирами и огнем, и подожгут, и сломают ворота. И захватят праведников, и в центре города сожгут их, и то, что не уничтожит огонь и не развеет ветер, бросят в воду”. И [в проповедях] на Амоса говорил: “Бросьте меня в Арно, мне довольно того, что тело будет обречено в судный день”». См.: *Filipepi S.* Op. cit. P. 508; *La Vita ...* P. P. 186.

исключено, что если описанные выше вещи (или какая-то их часть) действительно происходили во время казни монахов, то они могли вызвать аллюзию на Св. Писание не только у авторов сочинений, но и у значительной части очевидцев¹⁴⁸⁹.

Амбивалентное отношение толпы к «преступникам» проявляется как в библейских событиях, так и во время казни Савонаролы: осмеяние, поругание авторитета разворачивается параллельно с его прославлением. Действия флорентийской молодежи в отношении тела приора Сан Марко представляют обряд поношения – обычный и часто применявшийся к казнимым поведенческий код. Мальчики, на протяжении получаса забрасывали обгоревших братьев камнями, особенно стараясь попасть во фра Джироламо, «и не переставали бросать до тех пор, пока кисть и вся рука с частью черепа, не упали на землю», после чего стали раскидывать останки ногами¹⁴⁹⁰. Здесь стоит также отметить, что подобная смерть, связанная с растерзанием, разъятием тела на части, имеет явно выраженный карнавальный оттенок¹⁴⁹¹. Более того, 23 мая 1498 г. на площади Синьории совершается акт, – архетипический в своей основе, связанный с праздником в его первичном, архаическом виде, – принесение в жертву, «*sacrificio*» – как пишет в своем «Дневнике» Л. Ландуччи¹⁴⁹². И, возможно, этот флорентийский горожанин имел в виду не только политический аспект «принесения в жертву» братьев ради интересов флорентийской республики, но и ритуальный, обрядовый¹⁴⁹³.

¹⁴⁸⁹ Здесь хотелось бы привести мнение Анны Бенвенути, утверждавшей, что еще долгое время флорентийцы, в том числе противники брата – аррабиати, «носили в себе, схоронив в скрытых, труднодоступных местах сознания, чувство вины перед исходом событий, и в памяти горожан относительно помоста с тройственной казнью господствовал, беспокоя, образ Голгофы и трех крестов». См.: *Benvenuti A.* Op. cit. P. 164. Наличие христологических мотивов в ритуале публичной казни отмечено и авторами, исследования которых посвящены различным аспектам средневекового правосудия, в том числе в XV–XVI вв., например: *Connell W.J., Constable G.* *Sacrilege and Redemption in Renaissance Florence: The Case of Antonio Rinaldeschi* // *Право в средневековом мире* / отв. ред. О.И. Варьяш. Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. С. 104; *Тогоева О.И.* «Истинная правда»: языки средневекового правосудия. Москва: Наука, 2006. С. 273–276; 278–281.

¹⁴⁹⁰ *La Vita ...* P. 185. См. также: *Cambi G.* *Istorie ...* P. 127; *Landucci L.* Op. cit. P. 178.

¹⁴⁹¹ *Бахтин М.М.* Указ. соч. С. 290–295.

¹⁴⁹² *Landucci L.* Op. cit. P. 176.

¹⁴⁹³ Не вдаваясь глубоко в теологические тонкости, стоит снова указать на возможную связь с историей Христа, когда на совете священников и фарисеев Каиафа заявляет: «... лучше нам, чтобы один человек умер за людей, нежели чтобы весь народ погиб». См.: Ин. 11: 47–52; 18: 14. При том, что в этом отрывке сделан акцент на политических мотивах действий противников Иисуса, Евангелие раскрывает духовный смысл событий: члены Синедриона – орудия Божественного промысла в деле спасения человечества, Христос жертвенно умирает, чтобы искупить человеческие грехи.

Карнавальный оттенок происходившей на площади Синьории казни придавало и устройство костра, а также те эффекты, которые он производил. Для лучшего горения в него поместили «порох для бомбард», в результате уничтожение тел доминиканских монахов сопровождалось «треском ракет и взрывами»¹⁴⁹⁵, напоминая действия пиротехнических устройств (жирандолей), которыми народ любовался во время праздников¹⁴⁹⁶. Здесь также можно предположить, что связь с карнавалом присутствует в не отрефлексированном (скорее всего) виде у Джованни Камби, сравнившим обуглившиеся тела казненных монахов с куклами-марионетками – «mazzo di tiopi» («пучком, связкой эфиопов»)¹⁴⁹⁷. Другой современник – Лука Ландуччи, месяц спустя после казни, когда Флоренция готовилась к торжеству в честь одного из своих покровителей – Св. Иоанна Крестителя, указал, что некоторые горожане в устройстве подготовленного для праздника пиротехнического сооружения увидели отсылку к предшествующему драматическому событию: «И 24 июня 1498 г. был Св. Иоанн, и соорудили жирандоль, на которую поместили свинью, великанов и собак, и одного мертвого гиганта; и говорили, что это было сделано из презрения к Брату: и утверждали, что свинья – это Брат, а мертвый гигант – Франческо Валори¹⁴⁹⁸ и подобный вздор. И перетаскивая упавшего великана, непрестанно болтали: это свинья монаха¹⁴⁹⁹, и сходные глупости»¹⁵⁰⁰. В том, как флорентийцы интерпретируют означенное «сооружение», заметно проявление карнавального, стихийно-травестийного начала: воспоминания о недавних событиях, связанных с осадой монастыря Сан Марко и казнью его братьев, как бы выворачиваются наизнанку; образ тех,

¹⁴⁹⁴ А. Бенвенути в своей статье также отметила эту особенность казни Савонаролы, указав, что сценарий церемонии способствовал нарастанию эмоционального напряжения с кульминацией в момент зажигания костра, когда для всего города прервалось обычное время и наступило экстраординарное время обряда, ритуала, где «выступили “иные” смыслы по отношению к политическому событию и его прямым правовым последствиям». См.: *Benvenuti A. Op. cit.* P. 166.

¹⁴⁹⁵ *Cambi G. Istorie ...* P. 127; *La Vita ...* P. 185; *Landucci L. Op. cit.* P. 177–178.

¹⁴⁹⁶ О применении жирандолей во время праздников см. параграф 5.1.

¹⁴⁹⁷ «Dipoi furono impichati tagliarono il palchetto e rimase il palchetto tondo spichato, e caccioronvi fuoco con polvere di bombarda, e arsogli tutti, che pareano uno mazzo di tiopi». См.: *Cambi G. Istorie ...* P. 127.

¹⁴⁹⁸ Лидер «плакс» Франческо Валори в ночь осады монастыря Сан Марко, когда его вели под конвоем во дворец Синьории, был убит родственниками казненных в августе 1497 г. (в том числе, по его настоянию) заговорщиков. Об обстоятельствах этой казни см. параграф 2.3. данной работы.

¹⁴⁹⁹ «quel porco del Frate» – возможный перевод: «эту свинью подложил Брат».

¹⁵⁰⁰ *Landucci L. Op. cit.* P.180.

кто раньше представлялся незыблемым авторитетом, снижается и профанируется, к символически замещающим их фигурам практикуется фамильярное обращение.

Собственно, двойственность, противоречивость чувств горожан в отношении доминиканца наблюдается и в относящихся к июню 1498 г. записях «Дневника» Л. Ландуччи – простого обывателя, в сознании и поведении которого (как представляется, типичных для основной массы прихожан) законопослушание и интерес к учению Савонаролы вступали в непростое взаимодействие: как добропорядочный горожанин, он выполнял требования церковных и светских властей, касающиеся отлученного от Церкви «еретика и схизматика», но одновременно с этим вычленил из общего «информационного шума» слухи, свидетельствующие о праведности брата и истинности его доктрины, и уже сам способствовал их распространению. Так, 10 июня Лука фиксирует известие о нашествии на «луг Серви (prato de'Servi)» черных гусениц, которые изничтожили всю зелень (erbe), оставив только «белые и очищенные колючки (ispruneggjoli ... bianchi e mondi)»; затем, – «не прошло и четырех дней», – гусеницы изменились и стали «похожи на золотых»; мальчики начали собирать их и кричать: «*это гусеницы брата Джироламо*». Далее описание обрастает еще большими подробностями: «некоторые из них казались золотыми, а некоторые – серебряными»; в их внешнем облике можно было рассмотреть «человеческое лицо с глазами и носом», которое «имеет корону на голове, и вокруг лица – нечто, похожее на венец (diadema), как было принято в давние времена»; между короной и лицом виден «крестик», а под ним – «туловище, выглядевшее полностью золотым»; все это завершал «черный хвост, которым они поедали эти колючки»¹⁵⁰¹. Нашлись люди, кому все это «представилось вещью чудесной и никогда не виданной», а, следовательно, «означающей нечто»; появились и те, кто взялся за аллегорическое толкование: «жизнь Брата была подобна золоту», ее целью было «истребить все сорняки», и прежде всего – «шипы», как наиболее «скверные, бесполез-

¹⁵⁰¹Описание напоминает бабочку Мёртвая голова (Acherontia atropos) из семейства бражников.

ные и отвратительные»; и «хвост, то есть прямота, должен был изничтожить наихудшие сорняки»¹⁵⁰²¹⁵⁰³.

Соответственно, как уже было отмечено выше, одновременно с поношением флорентийского пророка идет процесс его возвеличивания – рождается мученик, святой. Так, уже во время казни, а затем и после нее, начинается собирание реликвий, связанных с Савонаролой. Дабы воспрепятствовать этому, палачу было приказано сделать все возможное, чтобы от тел казненных монахов остался лишь пепел, место костра было окружено солдатами, а затем останки братьев, погрузив на повозки, перевезли под охраной на Понте Веккьо и сбросили в Арно¹⁵⁰⁴. Тем не менее, как свидетельствуют источники, многие мужчины, женщины и дети, да и сами солдаты охраны, тайно собирали на площади Синьории части тел и пепел осужденных доминиканцев¹⁵⁰⁵. У Псевдо-Бурламакки, например, имеются истории о том, как окружавшие костер зрители забирали себе упавшие на землю части обгоревшего трупа Савонаролы: «некий благородный человек», «улучив момент, когда его никто не видел, прикрывшись плащом», поднял оказавшийся у его ног кусок черепа брата и бережно его хранил; один мальчик подобрал кисть руки пророка, а другой – предплечье, и оба отнесли эти реликвии своим матерям, первая из которых была последовательницей монаха, а вторая «лежала больная в постели»¹⁵⁰⁶. В сочинениях нескольких современников также сообщается о женщинах, потянувшихся на площадь после того, как костер догорел, чтобы собрать прах мучеников и поклониться им. Тот же автор «Жизнеописания» поведал, что «в этот же день несколько благочестивых донн, переодетых служанками, пришли с корзинами на то место, где были сожжены эти святые тела, чтобы собрать пепел, утверждая, что он нужен для стирки белья»; их

¹⁵⁰² Вероятно, отсылка на наставления фра Джироламо о том, что простота и чистота сердца утрачены современной Церковью, но именно в их обретении – залог обновления сообщества верующих, избавления от всяческих пороков. См., например, параграф 4.1 данной работы.

¹⁵⁰³ Landucci L. Op. cit. P. 179–180.

¹⁵⁰⁴ Cambi G. *Istorie ...* P. 127–128; Nardi I. Op. cit. P. 131; Filipepi S. Op. cit. P. 505; Landucci L. Op. cit. P. 178; Cerretani B. Op. cit. P. 251.

¹⁵⁰⁵ Nardi I. Op. cit. P. 131.

¹⁵⁰⁶ La Vita ... P. 185–186.

ложь быстро раскрылась, и солдаты прогнали их¹⁵⁰⁷. Бартоломео Черретани упомянул о некоей женщине, «которая непричесанная, пришла на площадь на утро после сожжения, чтобы собрать пепел», а Лука Ландуччи 26 мая написал в своем «Дневнике», что на площади видели «нескольких женщин, благоговейно преклонивших колени там, где был костер»¹⁵⁰⁸. Если верить историям, часть горожан не оставила попытки обрести частичку тела брата и после того как Синьория приняла решение утопить в реке все, что осталось от казненных. Псевдо-Бурламакки в очередной раз поведал о мальчике, которому во время транспортировки останков удалось стащить кость монаха и принести ее матери; он же сообщил еще об одном интересном и довольно реалистично выглядящем эпизоде: якобы во время движения повозок через Пор Санта Мария кто-то из «противников слуги Божьего взял из повозки кость этих святых мучеников и бросил в боттегу, прокричав: “Ну, нытики, вот кость ваших монахов”»; по мнению анонима такой жест мог быть связан как с глумлением над плаксами, так и сочувствием к ним («чтобы дать ее какому-либо благочестивому последователю слуги Божьего»)¹⁵⁰⁹¹⁵¹⁰. В свою очередь, Л. Ландуччи отметил в своем «Дневнике», что имелись те, «кто собирал угли, всплывшие на поверхность, настолько была велика вера некоторых добрых людей», но они делали это «чрезвычайно скрытно и со страхом», поскольку опасались за свою жизнь¹⁵¹¹. С рекой связана еще одна, имеющаяся у С. Филиппеи и Псевдо-Бурламакки, история об обнаружении сердца пророка. Согласно первому, «сердце фра Джироламо было выловлено в запруде около мельницы рядом с Оньи Санти (церковью Всех Святых – Е.Т.) одним мельником; и посредством испытания установлено, что это именно оно самое»¹⁵¹². Второй предоставил несколько отличающееся и более красочное описание. По его словам, один мальчик, прогуливаясь вдоль берега Арно, «недалеко от мельницы увидел в речном потоке нечто похожее на шар обгоревшей пем-

¹⁵⁰⁷ Ibid. P. 186.

¹⁵⁰⁸ Cerretani B. Op. cit. P. 254; Landucci L. Op. cit. P. 178.

¹⁵⁰⁹ Пор Санта Мария – улица, выходящая к Понте Веккьо; боттега – ремесленная мастерская, лавка.

¹⁵¹⁰ La Vita ... P.186.

¹⁵¹¹ Landucci L. Op. cit. P. 178.

¹⁵¹² Filipepi S. Op. cit. P. 505.

зы»; кто-то из людей, находившихся неподалеку, издеваясь крикнул: «Это сердце Брата»; он поверил и, «поддавшись на ложь и обман, скрытно подошел к воде, взял это сердце и, положив за пазуху, принес домой и отдал своей матери»; мальчик не знал, было ли то настоящее «сердце пророка и мученика фра Джироламо», но затем стало ясно, что это оно, ибо им было явлено «множество чудес». К этому рассказу автор «Жизнеописания» добавляет информацию об обладателях другой реликвии – «*polmone*» («легкого»; упоминание такого органа выглядит довольно странно, вероятно аналогия по внешнему виду: можно только предположить, что из реки выловили нечто, также похожее на кусок «пемзы», и атрибутировали его указанным выше образом – Е.Т.): «одна часть оказалась у синьора Джованни Франческо графа делла Мирандола, который ценил ее выше всякого сокровища; другую обрел Филиппо Латини, а еще одну – Джироламо Бенивьени; часть получил также Дзаноби да Сан Кашиано, а остальное было перенесено в Феррару»¹⁵¹³. Помимо прочего, последователи монаха стали собирать все, что было связано с ним: одежду и обувь, орудия пыток и казни, книги с его пометками, а также собственные сочинения, «особенно те, что написаны его святыми руками»¹⁵¹⁴.

Официальные власти пытались воспрепятствовать этому стихийно возникшему и набиравшему силу культу Савонаролы. Судя по источникам, основные усилия были направлены на изъятие сочинений доминиканца. Так, 27 мая Л. Ландуччи упомянул о предписании посланца Папы – Ромолино: «под угрозой отлучения» горожанам надлежало принести труды брата, а также красные кресты¹⁵¹⁵ «в Сан Пьеро Скераджио, где он (комиссар Понтифика – Е.Т.) пребывал, дабы сжечь». Этому очевидцу вторит Я. Нарди, сообщивший, что «под страхом отлучения и штрафов были запрещены все сочинения фра Джироламо» и приказано «доставить их в резиденцию архиепископа и сдать уполномоченным на то лицам». Сначала, как утверждают оба автора, «мно-

¹⁵¹³ La Vita ... P. 187.

¹⁵¹⁴ Ibid. P. 187–189; Cerretani B. Op. cit. P. 251, 254–255.

¹⁵¹⁵ Красные кресты – атрибут плакс, символ покаяния. Об этом см. параграфы 1.3 и 3.2.

гие приносили», однако затем, поскольку «во всех его вещах не было обнаружено ереси», «Папа не отважился издать постановление и определить что-либо против трудов и сочинений этого человека», они были возвращены «всем тем, кто их спрашивал» назад, а после «напечатаны во Флоренции, а затем в Венеции» с разрешения соответствующих церковных структур. Все это, согласно Я. Нарди, «стало свидетельством истинности учения» Савонаролы¹⁵¹⁶. Активность относительно печатных изданий, связанных с доминиканским проповедником-реформатором, по словам С. Филипепи, проявила и Синьория: чтобы уничтожить свидетельства о сфабрикованном процессе над монахом, правительство издало указ «под угрозой тяжелого наказания» сдать ранее опубликованные и поступившие в продажу материалы расследования; итоге, «многие приносили это, а многие – нет»; сам автор с гордостью отметил: «среди последних был я сам, написавший эти строки»¹⁵¹⁷.

В сущности, в стремлении горожан обрести прах казненного монаха можно разглядеть (при желании), воспроизведение традиционного алгоритма поведения, основанного на восприятии казни как своеобразного ритуала очищения от скверны и искупления грехов, и соответственно, присвоении магических свойств «освященным» таким образом останкам преступников. Однако, приобретение и хранение самых разнообразных, связанных с Савонаролой, реликвий скорее свидетельствует о крепнущей убежденности в святости доминиканца, основанной на знании его личных добродетелей и благочестивой жизни, лицезрении мученической кончины, а также молве об исполнении его пророчеств и о прижизненных и посмертных чудесах.

Приложение к «Жизнеописанию» Псевдо-Бурламакки – «Трактат о чудесах Джироламо Савонаролы»¹⁵¹⁸ свидетельствует о том, что фигура Савонаролы аккумулирует в представлении его последователей если не весь набор признаков святого, эволюционировавший к XV в., то существенную их

¹⁵¹⁶ Landucci L. Op. cit. P. 178; Nardi I. Op. cit. P. 132–133.

¹⁵¹⁷ Filipepi S. Op. cit. P. 506.

¹⁵¹⁸ Il Trattato de' miracoli di fra Girolamo Savonarola // La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. Firenze: Olschki, 1937. P. 199–249. (Далее – Il Trattato de' miracoli ...).

часть¹⁵¹⁹. Нарративные конструкции чудес, с одной стороны – традиционны, а с другой – отражают реалии конца XV – начала XVI вв.: гонения на «плакс»¹⁵²⁰, и их стремление утвердить культ «нового святого»¹⁵²¹.

Часть миракул «Трактата» воспроизводит хорошо известный тип средневековых чудес о возмездии и наказании, демонстрирующих триумф святого мученика над врагами¹⁵²². Противники Савонаролы, приложившие руку к его страданиям под пытками и на костре, становятся объектами божественного правосудия, умирая без надежды и покаяния. К примеру, сфальсифицировавший документы судебного процесса Савонаролы, сер Чекконе перед смертью признается двум доминиканским монахам-исповедникам в совершении греха, «который Бог ему никогда не простит». Он сравнивает себя с Иудой, но мыслит свой грех еще большим, ибо тот «предал одного, а я предал троих», и покидает этот мир, отчаявшись в собственном спасении и не приобщившись к таинствам¹⁵²³. Палач, повесивший трех монахов, через долгое время был забит камнями во время неудачно проведенной им казни, когда зрители прониклись состраданием к преступнику¹⁵²⁴. Часть миракул представляют собой истории, связанные с возмездием (смерть, увечье, бо-

¹⁵¹⁹ См.: Браун П. Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004; *Vaucher A.* La Sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age. D'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques. Roma: École française de Rome, 1988. P. 491–622. Если исследование Питера Брауна представляет интерес в контексте связи мученической кончины и святости, то труд Андре Воше, а точнее – его третья часть, позволяет увидеть, как изменяется «семантическое поле святости между концом XII в. – началом XV в.» (Ibid. P. 557); какими признаками наделялись те, кого современники полагали святыми; как в этом вопросе соотносились между собой официальная церковная и народная традиции. Разумеется, история святости и культов святых связана со множеством подходов и отражена в значительном числе научных работ (об этом, например, см.: Яцык С.А. Тренды в изучении святости // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / отв. ред. С. А. Яцык. Санкт-Петербург: Алетей, 2018. С. 5–15), но, применительно к вопросам, затронутым здесь, ограничимся еще одним указанием на короткий, но содержательный обзор эволюции критериев святости: *Парамонова М.Ю.* Святые // Словарь средневековой культуры / Под ред. А.Я. Гуревича. Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 467–478.

¹⁵²⁰ Трактат содержит сведения о бегстве приверженцев доминиканца, спасающихся от устроенных после его смерти преследований во Флоренции, о бедственном положении монастырей, входивших в конгрегацию Сан-Марко. См.: *Il Trattato de' miracoli ...* P. 201–203; 212–213; 229; 239–240.

¹⁵²¹ См.: *Тельменко Е.П.* «Трактат о чудесах Джироламо Савонаролы» // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. Ставрополь, 2020. № 4. С. 123–127.

¹⁵²² Помимо упомянутого выше А. Воше, здесь стоит обратить внимание на схемы чудес, представленные в статье другого специалиста по истории святости: *Кланицай Г.* Структура повествований о наказании и исцелении. Сопоставление чудес и maleficia // Одиссей. Человек в истории. 1998. Москва, 1999. С. 118–133.

¹⁵²³ *Il Trattato de' miracoli ...* P. 224–225.

¹⁵²⁴ Ibid. P. 226.

лезнь) за нанесение оскорблений мученику прижизненно или посмертно¹⁵²⁵. Некоторые из них содержат в себе элементы интерпретации истоков недуга самими «согрешившими». Воздаяние при этом носит «зеркальный» характер. В одной из историй у противника брата были поражены гениталии, в другой – враг флорентийского пророка испытывал нестерпимые боли в руке; оба толковали болезнь как результат своего участия в допросах Савонаролы, во время которых они прикасались к срамным местам монаха, чтобы проверить не является ли он гермафродитом¹⁵²⁶. В целом, – и это предположение было высказано ранее в тексте данной работы, – все эти рассказы должны были произвести «терапевтическое» воздействие на проигравших и преследуемых противниками брата плакс. Смерть без покаяния и приобщения к таинствам, тяжелые недуги врагов фра Джироламо объясняются как проявление божественного правосудия и, соответственно, свидетельство избранности, непорочности и святости доминиканца и истинности его учения. Таким образом, гонения сторонников брата в земной жизни, ничто по сравнению с небесным наказанием их антагонистов.

Миракулы, как о возмездии, так и об избавлении, носят также ярко выраженный наставительный характер. В преамбуле к записям о чудесах Савонаролы, автор отмечает, что, узнав о них, «дурные люди, продолжающие упорствовать, тем не менее, будут сдерживать свой язык и смущаться, видя торжество Бога», те, кто «сбился, смогут вернуться к настоящему свету истины», а «тот, кто не слышал, или мог быть дурным образом информирован равнодушными и его противниками, обретет возможность постигнуть истину»¹⁵²⁷. Так, упомянутый выше, смертельно больной Джованни Каначчи, – тот, у кого были поражены гениталии за глумление над монахом, – под воз-

¹⁵²⁵ Истории о флорентийцах – кузнеце, участнике допросов, мяснике, Танаи де'Нерли, а также жителях Прато – горожанине и рыцаре. Ibid. P. 225–226; 228–229; 233; 244.

¹⁵²⁶ Ibid. P. 226–227; 230–231. Об участниках этого обследования монаха пишет в своей «Хронике» и С. Филиппеи. Имя одного из них – Джованни ди мессер Джаноццо Манетти, а также обстоятельства его смерти, здесь совпадают с рассказом «Трактата»: «когда Джованни стал гонфалоньером, он тяжело заболел», но, желая исповедоваться, не мог этого сделать, а лишь непрерывно кричал: «Этой рукой». Относительно другого, сведения двух источников разнятся: Псевдо-Бурламакки предполагает, что это был Джованни Каначчи, а Филиппеи говорит о Франческино дель Альбицци, который умирает, не причастившись, «вскоре после» Манетти. *Filipepi S. Op. cit.* P. 502–503.

¹⁵²⁷ Il Trattato de' miracoli ... P. 201

действием исповедника искренне раскаивается и умирает, получив полное отпущение грехов, и являя собой пример справедливости и милосердия Бога¹⁵²⁸. Епископ Вальзоны (Паганотти – Е.Т.), по приказанию папы совершивший обряд расстрижения доминиканцев перед казнью, во время смертельно опасного кровотечения обращается к «невинно умерщвленным» братьям за помощью. Трое монахов предстают ему в видении, и, обещая исцелить, заявляют, что делают это, «чтобы ты постиг, что мы возвеличены на небе, и, что как слуги Божии воздаем добром за зло»¹⁵²⁹. Дидактическая направленность miraкул о раскаявшихся врагах, очень своеобразно дает о себе знать в истории флорентийской горожанки Кассандры Аччайуоли, жены Якопо Ридольфи. Будучи парализована, эта противница Савонаролы, неоднократно побуждалась своим братом-плаксой Алессандро обратиться за помощью к трем мученикам за веру. Она долго сопротивлялась подобным увещаниям, но, не в силах более переносить свою неподвижность, решила испытать и это средство. Поскольку ее скепсис преобладал над верой, Кассандра обрела не полное исцеление от паралича, а лишь то, что просила – способность передвигаться с помощью костылей¹⁵³⁰.

Чудесные исцеления, совершенные при посредничестве Савонаролы и его двух собратьев – фра Доменико и фра Сильвестро, происходят преимущественно либо с последователями монаха, как воздаяние за сохраненную верность его учению, либо с теми, кто обратился к почитанию нового мученика и святого посредством молвы или под воздействием его сторонников. В первом случае, примечательна история о флорентийском скульпторе Бартолода Монтелупо. В ней рассказывается, как многие плаксы были вынуждены из-за преследований покинуть Флоренцию и разбредись по разным городам. Бартоло оказался одним из таких беглецов. В Болонье он впал в нужду и стал жертвой корыстного каноника – хозяина дома, в котором он остановился:

¹⁵²⁸ Ibid. P. 227.

¹⁵²⁹ Ibid. P. 218. Ирония состоит в том, что этот священнослужитель в прошлом оговорился и отлучил Савонаролу не только воинствующей Церкви, но и торжествующей; братья же явились к нему как достигшие вечной славы.

¹⁵³⁰ Ibid. P. 220–221.

желая бесплатно получить работу скульптора, тот стал исподволь травить постояльца ядом. Находясь на грани жизни и смерти, Бартоло обратился за помощью к фра Джироламо: «Вы ведаете, что из-за любви, которую я испытывал и испытываю к вам и вашему учению, я нашел здесь свою смерть. Я поручаю вам себя, или, по крайней мере, мою жену и детей; вы знаете, как им живется, и станет жить без меня». Тот час скульптор узрел Савонаролу с товарищами, который утешил его и указал дом, где тот обретет приют и помощь, в итоге Бартоло избежал смерти¹⁵³¹. А вот три истории, произошедшие в одной семье из Феррары, скорее всего связаны с воздействием молвы: заболел во время чумного поветрия в городе, они, «вспомнив о своем земляке фра Джироламо, с величайшим благочестием препоручили себя под его защиту», в итоге все обрели здоровье; после этого, по свидетельству главы семейства – фра Бернардино, аналогичная ситуация с избавлением от смертельной болезни («врачи отказались от нее») повторилась дважды – с его женой и одной из дочерей¹⁵³². Целый ряд повествований о чудесах – это исцеления тех, кто воззвал о помощи к «новому святому», поддавшись убеждениям его последователей. Таким способом, согласно миракулам, в Лукке, благодаря увещеваниям фра Пачифико Бурламакки, обрели здоровье монахиня, дочь знатной синьоры и целая семья¹⁵³³. На последнем примере, как наиболее ярком и показательном, стоит остановиться. Рассказчик, он же участник истории, сообщает, что жена и девять детей лукканца Паголо Ванни заболели так, что один ребенок умер, а остальные «уже приближались к своему концу». Навестившая их родственница, исповедником которой был фра Пачифико, посоветовала обратиться к нему: «Есть один священник в Сан Романо (этот Сан Романо – монастырь Братьев Проповедников)¹⁵³⁴, у которого имеется *но-*

¹⁵³¹ Ibid. P. 201–203.

¹⁵³² Ibid. P. 203–207.

¹⁵³³ Ibid. P. 215–218.

¹⁵³⁴ Пачифико Бурламакки, в миру – Филиппо Бернардини, родился в Лукке между 1465 и 1466 гг.; в молодости, пребывая по делам своего отца (купец) во Флоренции, попал под влияние Савонаролы; 18 марта 1499 г. постригся в монахи, приняв доминиканское облачение в монастыре Сан Романо в Лукке; в 1508–1510 гг. был приором расположенного недалеко от Витербо монастыря Санта Мария делла Кверча, после чего вернулся в Лукку в аббатство Сан Романо, где и умер 13 февраля 1519 г. Таким образом, означенная история могла произойти между 1510–1519 гг. См.: Burlamacchi, Pacifico // *Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed*

вый святой, что вершит множество чудес (выделено мной, Е.Т.); если пошлете за ним, думаю, вы избавитесь от этого недуга». В итоге, монах пришел и поведал семье, что «новый святой» – «это фра Иероним из Феррары, который был сожжен во Флоренции, и что посредством него – непорочного и святого, Бог сотворил большое количество чудес». Семья доверилась исповеднику, обратилась к «святому» в форме обета, и через три дня все ее члены встали на ноги без всяких признаков болезни¹⁵³⁵. Здесь стоит привести еще один пример подобного рода, в котором повествователь связывает между собой две истории. Как и предыдущем случае, мы видим каким образом распространяются вести о новом святом мученике и его чудесах. В 1523 г., когда «Сиену потрясла эпидемия чумы», и в многочисленном семействе знатного горожанина Людовико Буоньисеньи умерла старшая дочь, а жизнь остальных домочадцев могла оборваться в любой момент, в его доме оказались два брата-доминиканца, которые вместе со словами утешения упомянули о том, как в Ферраре во время такой же чумы вся семья спаслась, обратившись за помощью к «трем мученикам – фра Джироламо, фра Доменико и фра Сильвестро», и предложили поступить также; Людовико внял совету, и мор больше не коснулся его близких¹⁵³⁶.

В описанных выше случаях обретение здоровья происходило через призывы к «святому» («трем мученикам») о заступничестве перед Богом, сопровождаемые различными обетами – заказать мессу; прибыть во Флоренцию и поставить огромную свечу в Сан Марко; принести в дар изображение из воска исцеленной части тела¹⁵³⁷; посвятить одного из детей Богу, и, наконец, поместить в своем доме «в память об оказанном благодеянии» изображение слуги Божьего и один раз в неделю зажигать перед ним свечу¹⁵³⁸. По-

arti. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani, 1930. Т. 8: Buc-Card. P. 142; *Desideri Trigari M.* Burlamacchi, Pacifico // *Dizionario biografico degli italiani*. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1972. Vol. 15: Buffoli-Caccianemici. [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/pacifico-burlamacchi_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁵³⁵ Ibid. P. 217–218.

¹⁵³⁶ Ibid. P. 243–244.

¹⁵³⁷ История о монахине из Лукки, которой угрожала ампутация руки. Ibid. P. 231–232.

¹⁵³⁸ В принципе, в «Трактате» упоминается традиционный набор обетов. Однако на последний (свеча перед изображением. См.: Ibid. P. 207.), как представляется, необходимо обратить более пристальное внимание.

мимо этого, исцеления совершались посредством реликвий Савонаролы. Здесь стоит обратиться к Бартоломео Черретани, который, перед тем как продемонстрировать нейтральную позицию в отношении брата¹⁵³⁹, – «судить о огромном разнообразии мнений (о флорентийском пророке – Е.Т.) оставим другим, более образованным людям», – сообщает читателю о том, что «в наше время» все, что связано с доминиканцем, бережно хранится, а «некоторые из этих вещей приносят заболевшим, и *говорят* (выделено мной, Е.Т.), что множество людей исцелилось»¹⁵⁴⁰. Согласно «Трактату» такого рода чудеса происходили с монахинями ранее реформированной обители Св. Лючии¹⁵⁴¹. Мало того, означенная (но не описанная подробно) реликвия фра Джироламо, как передает рассказчик, помогла сестрам и в другой ситуации: когда в 1516 г. в монастыре испортились 120 бочек вина, и оставалось их только вылить, монахини вместе со своим исповедником из Сан Марко с помощью молитв и реликвии попытались исправить ситуацию. В итоге хранилище наполнилось запахом фиалок, а вино стало пригодным для употребления, к тому же меняло свой вкус («иной раз казалось сладким словно мед,

Здесь стоит вновь вернуться к исследованию А. Воше, отметившему, что в XIV – XV вв., преимущественно в Италии (а затем и в других странах), стали появляться изображения официально не канонизированных лиц, как в отдельных капеллах (церквях), так и дома у верующих; Церковные власти терпимо относились к такого рода практикам, как проявлению личной благодарности, правомерной до тех пор, пока она не связана с явными признаками поклонения; при этом, по мнению ученого, такие жесты могли быть (были) частью пропаганды, поскольку лучший способ выразить свою признательность «новому святому» – это «обнародовать его имя и способность (*puvoir*)». *Vauchez A. Op. cit.* P. 526–528.

¹⁵³⁹ В другом своем сочинении – «Диалоге об изменении Флоренции», написанном позднее, в 1520 г., в беседе «Лютер, обновление Церкви и Савонарола», Бартоломео достаточно четко заявляет о своем отношении к флорентийскому проповеднику-реформатору: для него очевидна «святейшая жизнь его, и его братьев, и тех, кто воистину уверовали, поскольку он проповедовал исключительно милосердие, простоту, терпение и веру, направляя сознание людей к жизни первых Христиан и святых подвижников». См.: *Cerretani B. Dialogo della mutatione di Firenze / edizione critica secondo l'apografo magliabechiano a cura di Raul Mordenti. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1990. P. 24.* При этом стоит указать на еще один важный момент. Противоречивость позиции Б. Черретани в отношении Савонаролы, состоящая, с одной стороны, в критическом восприятии режима, установленного после изгнания Пьеро Медичи (постоянная борьба политических партий и, как следствие, нестабильность), а с другой – в восхищении монахом, как духовным, религиозным реформатором, по мнению Дж. Шнитцера снимается во «Флорентийской истории» через стремление занять беспристрастную позицию; в свою очередь П. Маланима выказал мнение о том, что подобное противопоставление неуместно, так как поддержка религиозного обновления вполне могла сочетаться, «как и в случае других флорентийских аристократов», со скепсисом в отношении политической системы, существующей при брате. См.: *Malanima P. Cerretani, Bartolomeo // Dizionario biografico degli italiani. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1979. Vol. 23: Cavallucci-Cerretesi. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-cerretani_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-cerretani_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 5.05.2020); *Idem. Cerretani, Bartolomeo // Machiavelli: enciclopedia machiavelliana. Roma: Istituto della Enciclopedia italiana fondata da Giovanni Treccani, 2014. Vol. 1: A-H. [Electronic resource]. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-cerretani_%28Enciclopedia-machiavelliana%29/ (дата обращения: 5.05.2020).**

¹⁵⁴⁰ *Cerretani B. Storia fiorentina ... P. 254–255.*

¹⁵⁴¹ *Il Trattato de' miracoli ... P. 244–245, 247.*

другой – терпким, а когда напоминало и мальвазию»); его количество возросло; и, наконец, оно приобрело свойство исцелять от различных недугов, что испытали на себе, как затворницы, так и миряне¹⁵⁴².

Последняя история имеет определенное сходство с событиями, произошедшими с «сестрами из Фолиньо», принадлежащими к «третьему Ордену Св. Франциска», но большими почитательницами учения доминиканца Савонаролы, охотно посещавшими его проповеди, за что и поплатились после его смерти: «противники и враги фра Джироламо, при участии Папы Александра, заперли их в доме и предали анафеме, так, что никто не мог оказать им помощь и материальную поддержку». В итоге благочестивые женщины оказались в ситуации, когда «хлеба осталось только на ужин, а вина – на три дня». Однако Господь вознаградил их стойкость, поскольку все то время (несколько недель), пока они пребывали в заточении, хлеб приумножался, а бочка с осадками напитка оказалась наполнена «превосходным вином из небесного виноградника». Таким образом, по словам рассказчика, будучи отлученными на земле, они обрели «божественное благословение» от «Того, кто никогда не покинет уповающих на Него»¹⁵⁴³. Таким образом, с «новым святым» связаны не только практики исцеления, но и другие чудеса, рассказы о которых присутствуют в «Трактате». Помимо приведенных выше, это истории о бедном ремесленнике, которому заимодавец пошел навстречу; терциарии, который долго не мог научиться читать, но обрел этот навык, чтобы самостоятельно постигать учение Савонаролы; священнике, которому явился брат Джироламо с внушением, что вместо того, чтобы целиком и полностью предаваться изучению светского права, необходимо в совершенстве изучить Закон Божий¹⁵⁴⁴.

Повествования о различных чудесах, как видно из изложенных ранее примеров, отражают стремление плакс к распространению учения и утверждению культа Савонаролы. Причем, согласно «Трактату», география дей-

¹⁵⁴² Ibid. P. 245–247.

¹⁵⁴³ Ibid. P. 212–213.

¹⁵⁴⁴ Ibid. P. 207–208; 232–233; 208–209.

ствий сторонников доминиканского реформатора не ограничивалась территорией Апеннинского полуострова. В одном из рассказов Псевдо-Бурламакки описывается, как «учение и слава» брата, еще при его жизни, «в кратчайшее время распространились по всему христианскому миру», в том числе благодаря печатным трудам, которые вместе с флорентийскими купцами попали в различные страны, вплоть до «Великого Турка»¹⁵⁴⁵. Другая история, приписанная одной испанской монахини, связана с неким священником, который «из-за доброй славы, которая распространилась в Испании» о фра Джироламо, прибыл во Флоренцию, чтобы послушать проповеди доминиканца, и стал его горячим последователем. Затем, через некоторое время после смерти «мученика» священник заболел, и призвал его себе «в помощь и поддержку». Савонарола со своими двумя товарищами явился ему в видении, заявив: «Наш Господь Бог по своему бесконечному милосердию, и из-за доброй веры, которую ты обрел во мне, посредством нас, возвращает тебе здоровье»¹⁵⁴⁶.

Хождение известий о чудесах, а также сбывшихся предсказаниях флорентийского пророка¹⁵⁴⁷ неразрывно связано с доказательством его святости. Так, один из рассказчиков свидетельствует, что услышал голос, призывающий прославить этого праведного монаха наравне с другими святыми: «Эти святые, которых ты призываешь на помощь для избавления твоей дочери, их слава и святость признана всеми христианами, а у фра Джироламо пока не постигнуты; прибегни к нему и попроси за свою дочь, и она излечится»¹⁵⁴⁸. Другой пример того же рода связан с событиями в женском монастыре г.

¹⁵⁴⁵ В этот рассказ вплетены две истории: первая связана с английскими купцами, которые предложили автору «Трактата» за перевод проповедей на пророка Амоса 200 золотых дукатов и, в случае согласия, обещали заплатить еще больше; другая – с «Великим Турком» который якобы вызвал к себе флорентийского консула, чтобы узнать больше о доминиканце и его трудах, о которых спорят итальянские негоцианты в Константинополе, тот принес правителю недавно полученный экземпляр проповедей на Амоса и способствовал их переводу. Ibid. P. 242–243. Примечательно, что в монографии современного исследователя Дж. Глизона, посвященной Джону Колету, имеется упоминание, со ссылкой на другие источники информации, о том, что в 1496 г. «некие английские купцы» предложили чрезвычайно высокую сумму в 200 золотых дукатов за перевод итальянского на латинский проповедей Савонаролы на Книгу пророка Амоса. См.: Gleason, John B. John Colet. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1989. P. 57.

¹⁵⁴⁶ Ibid. P. 209–210.

¹⁵⁴⁷ Ibid. P. 208–209; 214–215, 228–229.

¹⁵⁴⁸ Ibid. P. 206.

Ареццо, произошедшими 23 мая 1498 г., в день казни трех доминиканских братьев. В то время, когда монахи Сан Марко принимали мученическую смерть, сестры и жители города наблюдали видение, длившееся несколько часов: «увидели великое множество ангелов, в величайшем сиянии и сладко поющих, посреди них узрели трех братьев в одеяниях ордена Проповедников, которые как мученики возносились на небо с большим ликованием и радостью»¹⁵⁴⁹. В «Трактате» также имеется история об одной вдове из Прато, которая обрела ряд откровений, о чем сообщала во время исповеди монахам-доминиканцам. Одно из видений якобы посетило эту женщину в канун Рождества: она увидела Святое семейство в окружении поющих ангелов и пастухов, там были также ее ангел-хранитель и «три новых мученика – фра Джироламо, фра Сильвестро и фра Доменико». Христос-младенец изрек: «Я хочу обновить мою Церковь». После этого ангел спросил: «Почему ты не идешь исповедоваться к братьям Св. Доминика? Разве не знаешь ты, что многие из них должны быть использованы в этом обновлении Св. Церкви, и наполнить мир светом?». На что визионерка выразила свои сомнения и страх: «Я слышала, что их братья, которых сожгли во Флоренции, были признаны еретиками». В ответ на это ангел, указав на стоящих рядом монахов, произнес: «Ты знаешь, каковы были те умершие братья? Посмотри на них, предстоящих перед Христом прославленных мучеников, которые просят об обновлении, и, как полководцы Господа, стоят впереди, ибо претерпели мученичество за это». Затем к ней обратился Савонарола, призывая прекратить не доверять тому, что он проповедовал, и передать братьям его Ордена через исповедника-доминиканца, что в этот раз их не минует чаша испытаний¹⁵⁵⁰. Несмотря на то, что весь рассказ, а не только приведенная здесь часть, пронизан духом соперничества двух Орден, – францисканцы интригуют против доминиканцев, отвращая от них паству, а также иницируют испытание огнем для дискредитации конкурентов¹⁵⁵¹; братья же проповедники представлены в

¹⁵⁴⁹ Ibid. P. 213–214.

¹⁵⁵⁰ Ibid. P. 240–241.

¹⁵⁵¹ Ibid. P. 241–242.

качестве избранных Богом для особой миссии, – стоит обратить внимание на то, что в этой истории сам Иисус поддерживает реформаторские устремления монаха, а осужденный официальной Церковью фра Джироламо пребывает подле Христа¹⁵⁵².

То, что истории, объединенные «Трактате о чудесах Джироламо Савонаролы», принадлежат перу не одного автора – уже давно установленный факт¹⁵⁵³, достаточно обратить внимание на то, что часть из них относится ко времени после смерти в 1519 г. Пачифико Бурламакки. Кроме того, в рассказах, как правило, присутствует указание на цепочку передатчиков информации, зачастую довольно сложную и запутанную. Например, приведенная выше история об испанском священнике: некая «сестра Третьего Ордена испанской нации» по дороге к Гробу Господню посещает Феррару, передает вести «сестре Лючии из Витербо», прославленной «строгим усмирением плоти», а та сообщает своему исповеднику – фра Никколо да Финаро, который «рассказал ее мне». В конце этого повествования тот, кто включил его в «Трактат», уточняет, что «сообщение об этих шести, описанных выше чудесах отправил из Феррары во Флоренцию вышеназванный фра Бернадино из Третьего Ордена покаяния для фра Томмазо; это письмо я видел множество раз у фра Якопо да Сицилия»¹⁵⁵⁴. Причем, в остальных, приписываемых фра Бернадино миракулах, имеются такие, в которых указывается на несколько источников информации, посредством чего читатель должен укрепиться во мнении о достоверности сообщения. Так история священника, которого Са-

¹⁵⁵² Мысль о том, что Савонарола и его сотоварищи оказались в Раю, настойчиво проводится на протяжении практически всего текста «Трактата». Кроме ранее упомянутых примеров, она присутствует и в других миракулах. Так, уверенность в этом выражает некий фра Мариано – «один из великих проповедников, которые имеются сейчас»; эту весть, предназначенную «моему брату», передает сам флорентийский пророк через одного священника, в знак чего чудесным образом перемещает свечу в пространстве; наконец, отец одного из троих «мучеников» – Сильвестра Маруффи, излечившись от подагры при помощи переданного им накануне казни хлеба, испытывает радость от озарения, что «приобрел Святого заступника в Раю». Ibid. P. 207; 208–209; 219–220.

¹⁵⁵³ Проблема авторства «Жизнеописания» (*La Vita ...*) и «Трактата о чудесах Джироламо Савонаролы» (*Il Trattato de' miracoli ...*) стала предметом изучения и научной полемики, к которой были причастны в свое время Л. фон Ранке, П. Виллари, Дж. Шнитцер и, наконец, Р. Ридольфи. См. обзор различных точек зрения исследователей: Burlamacchi, Pacifico // *Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti*. T. 8: Buc-Card ... P. 142; *Desideri Trigari M.* Burlamacchi, Pacifico // *Dizionario biografico degli italiani*. Vol. 15: Buffoli-Caccianemici ... [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/pacifico-burlamacchi_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 28.04.2020).

¹⁵⁵⁴ *Il Trattato de' miracoli ...* P. 209–210.

вонарола увещевает тщательно изучать Св. Писание, была якобы рассказана им самим «в моей боттеге», а затем его же об этом деле «расспросил маэстро Джованни да Субиано из Ордена Проповедников, человек добрый и ученый, в то время – инквизитор в Болонье, который по каким-то своим делам прибыл в Санта Мария дельи Анджели в Ферраре»¹⁵⁵⁵. В итоге, не касаясь проблемы авторства «Трактата», стоит обратить внимание на то, как это сочинение отражает источники и пути распространения молвы о чудесах нового мученика за веру, и что, в сущности, оно демонстрирует процесс формирования культа «нового святого» посредством усилий, как мирян, так и братьев Ордена из числа «плакс».

Итак, большая часть трудов, привлеченных к анализу в этом разделе работы, относится к XVI в., написана преимущественно последователями Савонаролы, и отражает желание сохранить память о духовном лидере, преисполненном личных добродетелей, ведущем благочестивую жизнь и искреннем в своем стремлении подражать жизни и страстям Христовым (наивысшей точкой раскрытия последнего качества является описание нескольких дней и часов, завершающих земной путь монаха). Кроме того, в своих сочинениях плаксы приложили всяческие усилия для обоснования истинности учения духовного реформатора: указывая на идеальное состояние нравственности горожан при жизни брата, они сокрушались по поводу тех негативных изменений в обществе, которые последовали за его кончиной; упоминая пророчества доминиканца, находили подтверждения об их исполнении (в том числе, в очень отдаленном времени); и, наконец, описывая прижизненные и посмертные чудеса, связанные с фра Джироламо (и его товарищами), способствовали укреплению мысли о его святости.

Одновременно с этим означенные труды позволяют составить определенное представление о настроениях простых горожан: о том, как восприятие и поведение зрителей казни колебалось в диапазоне от сакрального к профанному, от Голгофы к карнавалу; как в условиях, когда противники торже-

¹⁵⁵⁵ Ibid. P. 208–209.

ствовали победу, двойственное отношение к флорентийскому пророку должно было бытовать в среде городских обывателей, стремящихся, из-за внутренних опасений, занять нейтральную позицию, но живо отзывавшихся на любого рода слухи, как порочащие, так и прославляющие доминиканского брата; как последовательные сторонники реформатора, в условиях не только глумления над ними, но и прямых гонений, пытались сохранить стойкость в вере. Именно последние стали источником появления историй о мученике за веру с его чудесами, в которых каждый получает по заслугам, кто – наказание, а кто избавление от различных тягот. К этому стоит прибавить предположение, что в условиях преследований «плаксы» могли ощущать себя неким подобием первых христиан (тем более, что почва для этого была подготовлена проповедями доминиканца), а Савонаролу, – в своих страданиях максимально уподобившегося Христу, – мыслить, как образец для подражания. Таким образом, становление культа «нового святого», происходило через слияние и взаимопроникновение интеллектуальной, книжной традиции (ее носители – прежде всего, доминиканцы-«плаксы») и устной – народной молвы, что само по себе не ново, принимая во внимание исследования по истории святости. В итоге, как известно, это устремление простых верующих не было поддержано официальной Церковью в XVI в.; соответственно, монах мог быть лишь объектом личного почитания (но не поклонения); накануне 500-летнего юбилея со дня смерти Савонаролы представители доминиканского Ордена обратились в епархию Флоренции с запросом о возможности начала процесса беатификации и канонизации своего собрата; судя по положению вещей в настоящее время, процесс будет долгим.

Заключение

Итак, в конце 90-х гг. XV в. во Флоренции – одном из ведущих политических и культурных центров эпохи Возрождения, наблюдается мощный всплеск религиозных настроений, связанный с фигурой Джироламо Савонаролы.

Необходимо отметить, что прежде чем предстать в качестве городского пророка, брат уже к началу 90-х гг. начинает выделяться своим необычным стилем выступлений перед паствой, с одной стороны смущавшим слушателей своей «простотой» (разъяснение вопросов веры с опорой исключительно на толкование Св. Писания), противопоставленной ставшей уже привычной изысканности форм выражения мыслей большинства современных духовных наставников, а с другой – привлекавшим в силу своей новизны и необычности. При этом публичные наставления доминиканца на протяжении всего времени его проповедования никогда не упрощались в части интеллектуальной составляющей – кажется, монах таким образом не нисходил к прихожанам, а пытался возвысить их до своего уровня.

К этому же времени относится и первый опыт фра Джироламо в качестве реформатора, связанный с получившими в 1493 г. автономию населенными флорентийской обители Св. Марка, а затем и группой монашеских общин, объединившихся вокруг нее в новую Тосканскую конгрегацию. Обращение возглавляемых Савонаролой братьев к строгому соблюдению монашеского устава, а также образ жизни самого настоятеля, являвшего пример добродетельного существования, несомненно, способствовали укреплению его духовного авторитета среди жителей города на Арно. Это, в свою очередь, подогревало интерес к проповедям фра Джироламо, в которых вопросы возрождения истинной веры и культивирования внутреннего благочестия перемежались с пока еще традиционной и обобщенной критикой социальных

изъянов. Завершавшие конструкцию проповедей того времени высказывания пророческого характера также не могли не привлекать внимание слушателей, но вряд ли отличали его от чреды других прорицателей конца столетия – времени, когда эсхатологические ожидания обычно усиливались. К тому же, если Савонарола уже тогда и осознавал себя пророком (согласно его позднейшим заявлениям), то презентовал себя в этом качестве довольно сдержанно – основывая предсказания не на откровении, обретенном непосредственно от Бога, а на выводах, связанных с толкованием библейских текстов.

Пребывание в городе на Арно способствует тому, что брат проникается системой ценностей, присущих его гражданам, среди которых значимое, если не ведущее, место занимал республиканизм, связанный с идеей «флорентийской свободы», противопоставленной тираническому образу правления. Как следствие, происходит постепенная политизация проповедника: если социальная критика в выступлениях начала 90-х годов приобретала свою актуальность, прежде всего, благодаря интерпретации слушателей, то с 1494 г., когда Савонарола начинает принимать активное участие в жизни республики, его проповеди насыщаются рассуждениями о конкретных политических, социальных и экономических проблемах и способах их разрешения.

Связанные с началом Итальянских войн ноябрьские события 1494 г., – изгнание Пьеро Медичи, пребывание во Флоренции французских войск, – способствуют росту авторитета доминиканского брата и утверждению его в статусе пророка. В конце декабря монах провозглашает правителем города Иисуса Христа: таким образом мораль и политика переплетаются, глава мистического тела Церкви (сообщества верующих) выступает в качестве верховного правителя флорентийского государства.

Целью флорентийцев становится, согласно проповедям доминиканца, построение основанной на следовании принципу «общего блага» и, соответственно, совершенствовании добродетельной жизни граждан, «христианской политики», уподобление Граду Божьему, и, как итог, коллективное спасение и стяжание Царствия Небесного. Стоит также уточнить, что в ситуации кризи-

са (политического, социального и экономического) пророк не только наделяет горожан надеждой на возможность достижения спасения в отдаленном будущем, но и, – что соответствует земным, утилитарным устремлениям флорентийцев, – обещает, в случае реформирования, обретение мирских благ в настоящем, суля республике богатство и процветание, а также расширение границ политического влияния.

Соответственно, к этому времени можно отнести раскрытие пророческой индивидуальности брата Джироламо – его миссия связана с конкретным сообществом, удачно сочетается с укоренившимися в нем представлениями о собственной избранности, придает стимул для тотального реформирования социума через наделение уверенностью в благоприятной исторической перспективе. Как представляется, именно ликвидация прежде существующего разрыва между политикой и нравственностью в деятельности доминиканца превращает его в истинного пророка, подобного тем, что действовали во времена, описанные в Ветхом Завете.

С началом реформ государственного управления монах выступил в качестве политического деятеля, который достаточно хорошо разбирался в устройстве республики и ее проблемах, но располагал ограниченными возможностями влияния на решения и действия правительства. Не исключено, что статус пророка мог бы открыть широкий простор для волюнтаризма Савонаролы, однако признав и продвигав республиканскую форму правления как наиболее подходящую для Флоренции (собственно, «христианская полиция» и есть республика), предъявляя другим требования следовать принципам «общего блага» и призывая жестко преследовать тех, кто на него покушался, он и сам должен был соответствовать озвученным предписаниям, дабы не быть обвиненным в претензиях на тиранию (правда, ирония состоит в том, что как бы он не «наблюдал за путями своими», избежать подобных претензий со стороны оппонентов ему так и не удалось).

В процессе проведения политических реформ во Флоренции была создана базовая структура для реализации принципа «общего блага» – Большой

совет, наделенный правами утверждения законов и назначения глав магистратов, а затем и полномочиями высшей апелляционной инстанции на решения «шести бобов» Синьории. Кроме того, этот орган народовластия, вкупе с учрежденным несколько позже Советом восьмидесяти, – оба имели прообраз в венецианской системе управления, – должны были придать то качество флорентийскому политическому режиму, которого ему явно недоставало – стабильность. К этой же цели были направлены и действия по ликвидации появившейся после переворота олигархической по сути Коллегии двадцати аккопьяторов, а также древнего института Парламенто – народного собрания, которым было легко манипулировать правящим группировкам в своих интересах. Среди значимых шагов по обеспечению общего блага и справедливости следует отметить основание ломбарда (Monte di Pietà), а также попытки введения нового принципа налогообложения – децимы (1/10 часть годового дохода с недвижимости) и учреждения Ruota – городского судебного трибунала, состоящего из профессиональных юристов на жаловании у коммуны. Однако все эти преобразования не могли, по мнению доминиканца, быть в полной мере эффективными без еще одного фактора – наличия достойных людей во власти. Чтобы обеспечить прохождение на должности лиц с надлежащими способностями и качествами, ставящих общественный интерес выше личного, было необходимо, как полагал Савонарола, отказаться от применения «слепого» жребия в пользу выборов, основанных на обсуждении кандидатур и последующем голосовании. Таким образом, избирательная система, наряду с государственными законами и наставлениями проповедника-реформатора, должна была стимулировать нравственное совершенствование граждан Флорентийской республики, превращая ее в настоящую «христианскую политику».

Между тем, несоответствие ожиданий и реальности (быстро восстановившееся разделение горожан по партийному признаку, несколько раскрытых заговоров в пользу Медичи, проблемы с кворумом в Большом совете), так или иначе, подпитывало растущее разочарование монаха, все больше

убеждавшегося в том, что реорганизация общества посредством политических реформ невозможна без внутреннего преображения граждан, а старшее поколение флорентийцев не готово и не способно к этому. Отсюда, с 1496 г. доминиканец значительно большее внимание начинает уделять религиозным аспектам реформирования, сосредотачиваясь на преобразовании нравов и возлагая свои надежды на тех, с кем связано будущее – детей.

В своих проповедях Савонарола, ссылаясь на библейские образцы, излагал прихожанам признаки «доброго христианина» – это человек веры, главным свойством которого является внутренняя и внешняя простота, деятельная любовь к Богу и ближнему. «Простота сердца» (отсутствие двуличия, присущего «равнодушным»), незамутненность веры светской мудростью, позволяющая прочувствовать истины Св. Писания и принять его в качестве руководства в «доброй жизни» – эти свойства превращают, по мысли доминиканца, обычных горожан в главную движущую силу религиозно-нравственной реформы. Носителями означенной «простоты», согласно фра Джироламо, остались в настоящем лишь немногие люди, в том числе (и даже, судя по высказываниям монаха, в большей степени) женщины и дети.

В силу высокой эмоциональной восприимчивости женщины и дети представляли собой привлекательный объект для воздействия проповедников, и здесь брат Джироламо не являлся исключением. Появлению в городских кварталах отрядов «мальчиков Христа» предшествовал опыт детских братств, возникших во Флоренции в начале XV в. Практики манипулирования образом детской невинности для психологического воздействия на старшее поколение с целью стимулирования его обращения к вере, а также попытки использования молодежной агрессии для очищения городов от пороков и их носителей осуществлялись как предшественниками, так и современниками брата. Кроме того, на характер отношения доминиканца к детям и отнесение их к числу главных действующих лиц религиозно-нравственной реформы, оказала заметное влияние увлеченность монаха образами и моделями поведения пророков Ветхого завета: в своих проповедях Савонарола,

возводящий на месте Флоренции Новый Иерусалим, уподоблял себя Моисею, ведущему избранный народ в землю обетованную, достигнуть которую обещано новому поколению.

В случае с городом на Арно примечательны несколько моментов. Во-первых, масштабность: детские отряды Савонаролы, в целом повторяя схему устройства уже существующих молодежных *confraternita*, по сути, представляли собой единое религиозное братство, расширенное до пределов города и имевшее свои подразделения в его кварталах. Во-вторых, функции: если прежде какое-либо из качеств детей (связанное с либо «разрушительным», либо с «созидательным» началом) пускалось в ход обособленно, в зависимости от цели, преследуемой взрослыми, и, соответственно, их действия носили сравнительно кратковременный характер, то Флоренция Савонаролы – пример тотального и длительного использования детской активности. В-третьих, сам факт того, что организованные «плаксами» молодежные отряды функционировали довольно продолжительное время, в том числе в качестве «полиции нравов», свидетельствует о том, что горожане, пусть временно и не на законодательном уровне, но признали значимую роль детей в реформе, направленной на очищение единого тела общины от всего того, что мешало ей стать подлинным образом Града Божьего на земле. Однако, именно длительная внесудебная деятельность «мальчиков Христа», в итоге, не могла не вызвать раздражения в обществе и критики в адрес пророка.

Женщины традиционно составляли значительную часть аудитории проповедников. Их способность влиять на членов семьи, содействуя обращению своих близких к вере, не могла остаться без внимания духовных пастырей. Таким образом, вполне закономерно, что Савонарола расценивал реформу женщин в качестве важного этапа в общей реформе нравов. При осуществлении нравственных преобразований монах, с одной стороны, настаивал на принятии государством законов, содействующих установлению доброго образа жизни граждан, а с другой – проповедовал необходимость самостоятельного реформирования. В случае с женщинами, вероятно, имелась

довольно робкая попытка предоставить прихожанкам возможность проявления инициативы по внесению предложений городскому правительству, которая очень быстро сменилась заявлением об обязательности курирования реформы мужчинами – городскими магистратами. Таким образом, новизна и традиционализм, – с преобладанием последнего, – переплетаются в высказываниях и действиях доминиканского пророка.

Так, в наставлениях фра Джироламо присутствует, в виде базовой основы, идущая еще от Отцов Церкви троичная классификация женщин: девы, вдовы и замужние дамы. Монах культивировал в прихожанках те качества, которые соответствовали их традиционным гендерным ролям: целомудрие и послушание, скромность и умеренность, набожность и милосердие. От светских женщин, – жен и матерей, – требовались: скромное поведение, умеренность в одежде и украшениях, воспитание детей в духе реформы Савонаролы, участие в акциях «плакс», в том числе – праздниках и кострах «суеты». Незамужние и вдовы должны были посвятить себя Богу и обретению духовного совершенства, разумеется, если чувствовали к этому призвание. В последнем случае, – и это касается, как женщин, так и мужчин из числа последователей флорентийского пророка, – брат явно не был настроен поощрять создание мирянами самостоятельных религиозных общин. Наиболее экзальтированная часть паствы должна была вступать в реорганизованные или основанные конгрегацией Сан Марко обители. Таким образом можно было наиболее последовательно воплотить монашеский идеал с его строгим затворничеством, абсолютным послушанием и аскетизмом, и, вероятно, решить проблему произвольных толкований веры и религиозных практик, чреватых нарушением границ ортодоксии. Последнее было и причиной того, что брат настаивал на умеренных формах проявления благочестия, а также не поддерживал визионерские практики своих сторонниц.

В выступлениях и сочинениях, обращенных к широкой публике, Савонарола упоминал о свойственных женщинам слабостях и недостатках, воспроизводя традиционные культурные стереотипы. Однако, параллельно с

этим, доминиканец, с опорой на Св. Писание, указывал на отсутствие гендерных различий в исповедании веры и, поощряя культивирование индивидуального благочестия, предлагал пастве универсальные качества «доброго христианина». Означенная позиция, как представляется, определяла и суть переписки брата с благочестивыми дамами: в текстах эпистол отсутствуют специфические женские темы, а в целом повторяются основные положения проповедей о надлежащем каждому истинному христианину совершенствовании во «внутренней» и «внешней» вере; кроме того, письма, как правило, сравнительно невелики по объему (к написанию пространных посланий монах обращался в тех случаях, когда возникала необходимость оградить адресатов от ошибочного понимания тех или иных вопросов, касающихся исповедания веры и культа).

Превращение Флоренции в город «праведных» сопровождалось (не без помощи проповедей фра Джироламо) усиливающимся среди «плакс» ощущением пребывания на поле битвы между добрыми, – Христос и его «воинство» избранных, – и злыми силами – Сатана и его приспешники из числа «равнодушных» («теплохладных»). Одним из главных мест этих сражений становилась душа вставшего на путь исправления верующего, что выражалось в борьбе с искушениями и собственными пороками (реальными и ирреальными), а у особо пылких последователей брата – навязчивой боязнью осквернения. Баталии против дьявольских сил разворачивались в монастырях конгрегации Сан Марко, демоны являлись братьям и сестрам в различных формах и образах; для мирян означенное противоборство имело не только внутренний характер, но и выражалось в столкновениях сторонников доминиканца и его противников («arrabbiati» и «compagnacci»).

Символом покаяния и следования за Христом стал красный крест – отличительный знак участников религиозных шествий. Праздничная культура Флоренции в период лидерства Савонаролы претерпела значительные изменения. Доминиканский брат занялся преобразованием светских увеселений в духовные празднества; при нем увеличилось число религиозных процессий;

традиционные религиозные торжества реформатор очистил от светских и развлекательных элементов. Праздники и шествия, устраиваемые Савонаролой и его сподвижниками, позволяли горожанам ощутить себя обитателями Нового Иерусалима: здесь и переживание чувства сопричастности к единому целому; и возможность в концентрированном виде проявить качества «доброго христианина» – веру, простоту, любовь к Богу и ближнему, в том числе выражавшуюся в значительных пожертвованиях в адрес «стыдливых бедняков» (проявления собственной щедрости поражали самих горожан, рациональных и расчетливых); это и чувство победы над сатанинскими силами – например, сильный всплеск эмоций участников карнавалов 1497 и 1498 гг. при поджигании «костров суеты»; и, наконец, ощущение единения с Богом и ликующими ангелами, как, например, во время уничтожения дьявольской «тщеты» или праздничных хороводов, объединявших духовных и светских лиц различных статусов и состояний. Подобные акции должны были стимулировать продолжение духовно-нравственных преобразований в городе, укрепить паству в стремлении к достижению идеального состояния социума; продемонстрировать окружающему миру действенность проповедей и реформ Савонаролы, а также упрочить общественное мнение о духовном лидерстве Флоренции и ее особом предназначении.

Итак, призыв проповедника-реформатора к личному совершенствованию в делах веры с опорой на Писание сочетался с традиционными средствами и методами осуществления духовно-нравственных преобразований, которые, с одной стороны, цементировали чувство единства (спасение «всем миром») верующих, а с другой – не допускали их выхода за рамки ортодоксального учения Церкви.

При этом, усиливающаяся погруженность Савонаролы в религиозно-нравственную реформу, сопровождавшаяся постоянными отсылками на волю Бога – единственного Господина, которому он должен повиноваться, предоставляла противникам широкое поле для высказывания подозрений в том, что доминиканец стремится к установлению диктатуры и тирании в городе, а

также ведет себя как еретик и схизматик в отношении Церкви (примат которой в качестве носительницы божественного откровения если не отвергался, то умалялся претензиями амбициозного монаха на статус пророка). В том, что касается Римской курии, то она, как представляется, оказалась в весьма затруднительном положении: с одной стороны, доминиканца, наставлявшего паству в добродетельной жизни с опорой на Св. Писание было сложно обвинить в отсутствии правоверия, а с другой – уподобив себя ветхозаветным пророкам, он стал практически неуправляем в вопросах церковной дисциплины (периодические отказы, под разными предлогами, явиться в Рим; неповиновение отлучению; нарушение запрета на проповеди). Таким образом, вопрос о том, является ли Савонарола истинным пророком со временем стал обретать все большую актуальность в контексте внутригородской и церковной политики.

Особое звучание тема пророчества приняла на рубеже зимы – весны 1498 г., когда доминиканец, несмотря на действующее отлучение (май 1497 г.), возобновил проповеди и пошел на обострение отношений с Александром VI, утверждая, что не обязан подчиняться распоряжениям церковной власти, наносящим вред «доброй христианской жизни», но только «Папе небесному» – Христу. Учитывая позицию Рима (действующее отлучение, требование прекратить проповеди под угрозой интердикта), горожанам, все еще доверявшим пророку, но опасавшимся нарушить предписания Понтифика (образец подобных переживаний простого обывателя – «Дневник» Луки Ландуччи), очевидно, уже не доставало рациональных доводов в речах Савонаролы, а требовалось подтверждение свыше – с помощью сверхъестественных знаков. Иначе невозможно объяснить ни всеобщее желание проведения «испытания огнем», ни порыв «плакс» к участию в нем, ни последующее за неопределенным исходом ордалии смятение и всеобщее разочарование народа, которым оперативно воспользовались противники брата, спровоцировав уже на следующий день осаду монастыря Сан Марко, закончившуюся арестом городского пророка, быстрым судебным разбирательством и казнью.

Сообщения о казни Савонаролы и его двух сподвижников позволяют составить представление об эмоциональном состоянии и коллективных переживаниях зрителей, присутствовавших на площади Синьории. В сознании жителей Флоренции процесс сближения фигуры фра Джироламо с образом распятого на Голгофе Спасителя начался накануне экзекуции – с сооружения помоста, на котором были установлены три виселицы-креста, и усилился в ходе ее проведения, когда публичное расстрижение (обесчещивание) доминиканских братьев, а затем и карнавальное глумление над пророком, трансформировали казнь в подражание страстям Христовым, а смерть монаха создала ощущение ритуального принесения в жертву одного ради спасения многих. В итоге, мученическая кончина Савонаролы стала исходной точкой формирования культа «нового святого».

Зафиксированное в различных источниках стремление горожан к приобретению и сохранению реликвий, связанных с городским пророком, явилось одним из первых свидетельств становления культа Савонаролы. Его формирование продолжилось в XVI в. Именно к этому времени относится значительный пласт сочинений, написанных сторонниками монаха – исторических трудов, агиографий, писем, отразивших стремление «плакс» сохранить память о своем духовном лидере – преисполненном личных добродетелей, обладающем исключительным благочестием, искреннем в своем стремлении подражать Христу и сохранять верность Его учению, пророке, истинность предсказаний которого неоднократно подтверждалась на практике. При этом святость брата утверждалась не только посредством превознесения его добродетелей и сообщений об исполнении пророчеств, но и передачей молвы о чудесах, как прижизненных, так и посмертных. Примечательно, что в исследованных хрониках, биографиях монаха, а также эпистолах-апологиях, присутствуют преимущественно истории о возмездии и наказании тех, кто препятствовал или противоречил фра Джироламо. Очевидно, включение подобных сообщений в означенные тексты было связано, как с желанием «*riagnoni*» взять духовный реванш над противниками (терапевтический эф-

фект), так и с потребностью предоставить читателю дополнительные веские доводы в защиту пророческой миссии брата. Сходные устремления присутствуют и в коллективном труде «плакс» – «Трактате о чудесах Джироламо Савонаролы», в котором истории мирян перемежаются с сообщениями доминиканских братьев, записавших передававшиеся из уст в уста миракулы. Помимо повествований о мучениях и смертях ненавистников и преследователей монаха, этот сборник содержит многочисленные рассказы о чудесах, связанных с помощью, которую оказывал Савонарола (либо его реликвии) тем, кто во время гонений, последовавших за его казнью, сохранил стойкость в вере, или же проявил (под воздействием увещаний «плакс») готовность уверовать и обратиться к посредничеству «нового святого». «Трактат» содержит информацию и о практиках личного почитания брата, выражавшихся в хранении его реликвий и изображений, а также обращенных к мученику молитвах.

Итак, предложенная Савонаролой Флоренции программа обновления, основанная на совмещении томистско-аристотелевского учения с флорентийской идеологией и идеей избранности, и связанная с проектом построения «христианской политики», была принята обществом в его переходном состоянии, поскольку содержала в себе стимулы для сплочения коллектива граждан и проведения преобразований, направленных на совершенствование всего социально-политического организма. В том, что касается религиозно-нравственной реформы, то, как представляется, при традиционном (и, как показывает проанализированный материал, не утратившем своей актуальности) сочетании пути личного совершенствования с идеей коллективного спасения, в учении брата наиболее притягательным для паствы и вызывающем ощущение новизны, стал концепт «простоты», связанный, во-первых, с провозглашением обычных, простых верующих основой обновления Церкви, а во-вторых, с призывом в своем внутреннем преображении обратиться к примеру «живой» веры раннехристианской общины и изучению Св. Писания. Свидетельством актуальности означенных положений для современников

Савонаролы является как популярность его трудов в Италии и за ее пределами, так и последующие события Реформации.

Источники

1. A Caterina Sforza, Signora di Imola e Forli [Firenze, 18 giugno 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 135 – 136.
2. A certe persone devote [Firenze, prima del 19 giugno 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 136 – 140.
3. A Fra Domenico Buonvicini [Firenze, 10 marzo 1491] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 15. (A fra Domenico da Pescia che predicava a Pisa [X martii 1490] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 281 – 282).
4. A Giovanna Caraffa e Dianora della Mirandola [Firenze, 3 aprile 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 119 – 120.
5. A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 10 aprile 1496] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 108.
6. A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 13 agosto 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 164 – 165.

7. A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 15 dicembre 1495] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 80.
8. A Giovanna Caraffa Pico [Firenze, 6 novembre 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 193 – 194.
9. A Maddalena Pico della Mirandola [Firenze, 1495?] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 80 – 91.
10. A Maria Angela Sforza d'Este, Duchessa di Ferrara [Firenze, 24 maggio 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 132 – 133.
11. A tutti gli eletti di Dio e fedeli cristiani [Firenze, 8 maggio 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 122 – 128.
12. A tutti i cristiani e dilette di Dio [Firenze, 19 giugno 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 141 – 145.
13. A un amico [Firenze, 1495] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 91 – 103.
14. Ad una devota donna bolognese [1493?] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 38 – 41.
15. Ai Frati di S. Marco di Firenze [Bologna, fra il 10 e il 15 febbraio 1493] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 19 – 26.
16. Ai giovani Frati e ai Novizi di S. Marco [Bologna, 12 marzo 1493] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 26 – 27.

17. Alla Priora di S. Domenico di Pisa [Firenze, 10 settembre 1493] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 31 – 38.
18. Alle suore del Terz'Ordine di S. Domenico dette di Annalena [Firenze, 17 ottobre 1497] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 182 – 187.
19. *Altoviti, F.* In defensione de'magistrati e delle leggi e antiche cerimonie al culto divino della città di Firenze contro alle invettive e offensione di Fra Girolamo / F. Altoviti // Garfagnini G.C. «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. – P. 140 – 147.
20. Atti originali dell'adesione dei Frati di S. Marco alla separazione [Carte del Convento di S. Marco] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 42 – 52.
21. *Benivieni, G.* Canto. Da che tu ci hai Signore / G. Benivieni // Libro di Carnevale dei secoli XV e XVI / raccolto da Luigi Manzoni. – Bologna: presso Presso Gaetano Romagnoli, 1881. – P. 225 – 227.
22. *Benivieni, G.* Il Comento di Girolamo Benivieni, sulla Canzone Viva ne' nostri cuori o Florentia / G. Benivieni // Libro di Carnevale dei secoli XV e XVI / raccolto da Luigi Manzoni. – Bologna: presso Presso Gaetano Romagnoli, 1881. – P. 186 – 209.
23. Biblia sacra vulgatæ editionis, Sixti V. pontificis maximi jussu recognita; et Clementis VIII. auctoritate edita; distincta versiculis, cum indice materiarum, nec non epistolarum, & Evangeliorum. – Lugduni: apud Petrum Guillimin, in vico Bellæ-Corderiæ, 1692. – 482, 455 pp. // Google Books (Progetto Google-BNCF). [Electronic resource]. URL: https://books.google.ru/books?id=LjKO-b6p_KMC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false (дата обращения: 15.08.2020).

24. Biblia Sacra. Nova Vulgata // La Santa Sede. [Electronic resource]. URL: http://www.vatican.va/latin/latin_bible.html (дата обращения: 15.08.2020)
25. Breve d'Alessandro VI, con cui si separa San Marco dalla Congregazione lombarda // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. – Firenze: Le Monnier, 1861. – Vol. 2. – P. XXXVI – XXXVIII.
26. Breve di Alessandro VI alla Signoria // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 194 – 196.
27. Breve discorso di Iacopo Nardi, fatto in Vinegia dopo la morte di papa Clemente VII, l'anno 1534, ad istanza di alcuni gentili uomini viniziani; per informazione delle novità seguite in Fiorenza, dall'anno 1494 al detto anno 1534 // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. – Firenze: Le Monnier, 1861. – Vol. 2. – P. LV – LXV.
28. Breve, in cui viene scomunicato il Savonarola // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. – Firenze: Le Monnier, 1861. – Vol. 2. – P. CLXV – CLXVII.
29. *Bruni, L.* Istoria fiorentina di Leonardo Aretino tradotta in volgare da Donato Acciajuoli / L. Bruni. – Firenze: Felice Le Monnier, 1857. – Vol. 2. – 576 p.
30. Canzona che fa uno Fiorentino a Carnasciale // Canzona d'un piagnone pel bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498: da una rarissima stampa contemporanea / a cura di Isidoro Del Lungo; aggiuntavi la descrizione del bruciamento fatta da Girolamo Benivieni. – Firenze: presso gli eredi Grazzini, Tipografia Galileiana di M. Cellini, 1864. – P. 1 – 21.
31. Canzona sopra felicità di Fiorenza cantata dopo la solenne processione del MCCCCXCVI // Poesie di Ieronimo Savonarola / illustrate e pubblicate per cura di Audin De Rians. – Firenze: Stamperia di Tommaso Baracchi, 1847. – P. 17 – 20.

32. *Cecchi, D.* Riforma sancta et pretiosa / D. Cecchi // Mazzone U. «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana. – Firenze: L. S. Olschki, 1978. – P. 167 – 206.
33. *Cerretani, B.* Dialogo della mutatione di Firenze / B. Cerretani / edizione critica secondo l'apografo magliabechiano a cura di Raul Mordenti. – Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1990. – CLX, 156 pp.
34. *Cerretani, B.* Storia fiorentina / B. Cerretani / a cura di Giuliana Berti. – Firenze: L.S. Olschki, 1994. – XIX, 474 pp.
35. *Cinozzi, P.* Epistola (Estratto d'una epistola fratris Placidi de Cinozis Ordinis Praedicatoruìn S. Marci de Florentia, De vita et moribus reverendi patris fratris Hieronimi Savonarole de Ferrarla, fratri Iacobo Siculo, eiusdem Ordinis vicarius generalis (sic), post mortem dicti Prophete) / P. Cinozzi // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / P. Villari, E. Casanova. – Firenze: Sansoni, 1898. – P. 1 – 28.
36. Dal commento di Hierony. B. sopra a più sue canzone et sonetti dello amore et della bellezza divina. Impresso in Firenze per S. Antonio Tubini et Lorēzo di Francesco Venetiano et Andrea Ghyr. Da Pistoia Adì. VIII. di Settembre. MCCCCC. In folio. A carte CXV – CXVII, nel commento alle canzoni Da che tu ci hai, Signore; e Venite, ecco el Signore // Canzona d'un piagnone pel bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498: da una rarissima stampa contemporanea / a cura di Isidoro Del Lungo; aggiuntavi la descrizione del bruciamento fatta da Girolamo Benivieni. – Firenze: presso gli eredi Grazzini, Tipografia Galileiana di M. Cellini, 1864. – P. XVII – XXV.
37. Documento XII. 1. [13 Febbraio 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. – Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). – Vol. 2. – P. L – LI.

38. Documento XII. 3. [27 Februarij 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. – Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). – Vol. 2. – P. LI–LIII.

39. Documento XII. 4. [2 Martii 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. – Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). – Vol. 2. – P. LIII – LIV.

40. Documento XII. 6. [16 Marzo 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. – Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). – Vol. 2. – P. LVI–LVII.

41. Documento XII. 8. [18 Marzo 1498] Lettere del Somenzi, del Tranchedino, del vescovo Stefano Taverna, e del cardinale Ascanio Sforza, scritte al Duca di Milano ragguagliandolo dei fatti di Firenze e del Savonarola, fino alla sospensione delle Prediche // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. – Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). – Vol. 2. – P. LVIII – LIX.

42. Documento XIV. Breve di Alessandro VI alla Repubblica fiorentina, nel quale si ordina che il Savonarola venga imprigionato o mandato a Roma // *Villari P.* La

storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. – Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). – Vol. 2. – P. LXVI – LXVII.

43. Due lettere e sottoscrizioni dei Frati di San Marco e dei Cittadini, indirizzate al Papa, in difesa e raccomandazione del Savonarola // *Villari P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata con l'aiuto di nuovi documenti. Nuova edizione, aumentata e corretta dall'autore, terza impressione. – Firenze: Succ. Le Monnier, 1910 (Soc. Tip. Fiorentina). – Vol. 2. – P. XLII – XLIV.

44. Epistola di maestro Domenico Benivieni fiorentino, canonico di Santo Lorenzo, a uno amico responsiva a certe obiezioni e calunnie contra a frate Ieronimo da Ferrara // *Garfagnini G. C.* «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. – P. 178 – 190.

45. Epistola responsiva a frate Ieronimo da Ferrara dell'ordine de'frati predicatori da l'amico suo // *Garfagnini G. C.* «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze – Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. – P. 124 – 139.

46. *Filipepi, S.* Cronica / *S. Filipepi* // Savonarola G. Scelta di prediche e scritti di fra Girolamo Savonarola con nuovi documenti intorno alla sua vita / *P. Villari, E. Casanova.* – Firenze: Sansoni, 1898. – P. 451 – 518.

47. I Concilii Lateranesi / per Vincenzo Tizzani. – Roma: coi Tipi del Salviucci, 1878. – 586 p.

48. I Dieci al Bonsi [III martii 1497] (15. Gli stessi allo stesso) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 187 – 188.

49. I Dieci al Bonsi [XVIII martii 1497] (23. I Dieci al Bonsi) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 202 – 203.

50. Il Becchi ai Dieci [XXVI martii 1496] (17. Il Becchi ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro

Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 140 – 142.

51. Il Bonsi ai Dieci [19 martii 1497] (25. Lo stesso agli stessi) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 204 – 205.

52. Il Bonsi ai Dieci [XVIII martii 1497] (24. Il Bonsi ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 204.

53. Il Bonsi ai Dieci [XXIII martii 1497] (31. Lo stesso ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 210 – 211.

54. Il Bonsi ai Dieci [XXXI martii 1498] (33. Il Bonsi ai Dieci) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 212 – 213.

55. Il Bonsi alla Signoria [9 martii 1497] (19. Lo stesso alla stessa) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 192 – 193.

56. Il Bonsi alla Signoria [XXIII martii 1497] (30. Il Bonsi alla Signoria) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 209 – 210.

57. Il Trattato de' miracoli di fra Girolamo Savonarola // La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti. – Firenze: Olschki, 1937. – P. 199 – 249.

58. *Istorie di Giovanni Cambi cittadino fiorentino pubblicate, e di annotazioni, e di antichi munimenti accresciute, ed illustrate da fr. Ildefonso di San Luigi // Delizie degli eruditi toscani.* – Firenze, 1785. – T. XXI. – Vol. 2. – xij, 344 pp.
59. *La Prophécie du roy Charles VIII, par Maître Guilloche Bourdelois. Publiée pour la première fois, d'après le ms. unique de la Bibliothèque impériale, par le Marquis de La Grange.* – Paris: Académie des bibliophiles, 1869. – LIV, 82 p.
60. *La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma [28 novembris 1493] (*7. La medesima a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta.* – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 59.
61. *La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma [17 decembris 1493] (*8. La stessa allo stesso) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta.* – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 59 – 60.
62. *La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma [11 ianuarii 1493] (*9. La stessa allo stesso) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta.* – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 60.
63. *La Signoria di Firenze a ser Antonio da Colle, suo segretario in Roma [7 aprilis 1494] (*10. La stessa allo stesso) // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta.* – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 60 – 61.
64. *La Signoria di Firenze al Cardinale di Napoli [28 novembris 1493] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta.* – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 58 – 59.
65. *La Vita del beato Ieronimo Savonarola, scritta da un anonimo del sec. XVI e già attribuita a fra Pacifico Burlamacchi. Pubbl. secondo il codice Ginoriano a cura del principe Piero Ginori Conti.* – Firenze: Olschki, 1937. – XXIII, 284 pp.

66. La vita di Giovanni da Empoli da che nacque a che morì, scritta da Girolamo da Empoli suo zio // Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. – Firenze: G.P. Vieusseux, 1846. – T. III. Appendice. – P. 19 – 33.
67. *Landucci, L.* Diario fiorentino: dal 1450 al 1516: continuato da un anonimo fino al 1542 / L. Landucci / pubblicato sui codici della Comunale di Siena e della Marucelliana con annotazioni da Iodoco Del Badia. – Firenze: Sansoni, 1883. – XV, 377 pp.
68. Le feste di S. Giovanni Batista in Firenze descritte in prosa e in rima da contemporanei / a cura di Cesare Guasti. – Firenze: G. Cirri, 1884. – 108 p.
69. Lettera alla Signoria di Lucca [Firenze, 18 maggio 1493] // Le lettere di Girolamo Savonarola: ora per la prima volta raccolte e a miglior lezione ridotte / da Roberto Ridolfi. – Firenze: L. S. Olschki, 1933. – P. 28 – 30.
70. Lettera dei Frati di S. Marco al Papa [3 aprilis 1498] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 219 – 220.
71. Lettera dei Mercanti fiorentini in Roma alla Signoria [XVIII martii 1497] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 205 – 206.
72. Lettera di Girolamo Benivieni a Clemente VII // Opere di Benedetto Varchi, ora per la prima volta raccolte con un discorso di A. Racheli intorno alla filologia del secolo XVI e alla vita e agli scritti dell'autore; aggiuntevi le lettere di Gio. Battista Busini sopra l'assedio di Firenze. – Trieste: dalla Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1858. (Biblioteca classica italiana. Secolo XVI; 6). – Vol. 1. – P. 518–529.
73. Lettera di Girolamo Benivieni a don Francesco Fortunati, pievano di Càscina [XXVIII martii 1498] // Nuovi documenti e studi intorno a Girolamo Savonarola / per cura di Alessandro Gherardi. 2. ed. emendata e accresciuta. – Firenze: G.C. Sansoni, 1887. – P. 216.

74. Lettera di un agente segreto di Moro [16 februarii 1495] // Villari P. La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti. – Firenze: Le Monnier, 1861. – Vol. 2. – P. XC – XCI.
75. *Luschino, B. (fra Benedetto O.P.). Cedrus Libani ossia Vita di fra Gerolamo Savonarola scritta da Fra Benedetto da Firenze l'anno 1510* / B. Luschino (fra Benedetto O.P.) / a cura V. Marchese // Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. – Firenze: G. P. Vieusseux, 1849. – T. VII. Appendice – P. 39 – 95.
76. *Nardi, I. Istorie della città di Firenze* / I. Nardi / pubblicate per cura di Agenore Gelli. – Firenze, 1858. – Vol. 1. – XXIV, 437 pp.
77. *Parenti, P. Storia fiorentina* / P. Parenti / a cura di Andrea Matucci. – Firenze: L. S. Olschki, 1994. – Vol. 1: 1476-78, 1492-96. – LI, 364 pp.
78. *Petrarca, Francesco. Trionfo della Fama* / Francesco Petrarca // Trionfi di messer Francesco Petrarca, riscontrati con alcuni codici e stampe del secolo XV / publicati per cura di Crescentino Giannini. – Ferrara: Stampe di G. Bresciani, 1874. – P. 52 – 68.
79. Predicha VII // Le prediche volgari di San Bernardino da Siena dette nella Piazza del campo l'anno MCCCCXXVII, ora primamente edite da Luciano Banchi. – Siena: Tip. Arciv. S. Bernardino Edit., 1880. – Vol. 1. – P. 161–189.
80. Predicha XXII // Le prediche volgari di San Bernardino da Siena dette nella Piazza del campo l'anno MCCCCXXVII, ora primamente edite da Luciano Banchi. – Siena: Tip. Arciv. S. Bernardino Edit., 1884. – Vol. 2. – P. 173–202.
81. Prediche sopra diversi salmi e scritture ecclesiastiche del padre Girolamo Savonarola da Ferrara dell' Ordine dei Predicatori, fatte in Firenze in Santa Maria del Fiore; l'anno 1494. Cominciando il giorno della Epifania; e seguitando gli altri giorni festivi // Classici sacri oratori greci, latini, italiani e francesi. Vol. XII. Collezione di sacri oratori italiani. – Firenze: dalla Tipografia della Speranza, 1833. – T. 2. – 308 p.

82. Ricordanze di Bartolomeo Masi calderaio fiorentino dal 1478 al 1526 / per la prima volta pubblicate da Gius. Odoardo Corazzini. – Firenze: Sansoni, 1906. – XXII, 311 pp.
83. *Savonarola G.* Prediche sopra Giobbe / G. Savonarola / a cura di Roberto Ridolfi. – Roma: A. Belardetti, 1957. Vol. 2. – 474 p.
84. *Savonarola, G.* Compendio di rivelazioni: testo volgare e latino; e Dialogus de veritate prophetica / G. Savonarola / a cura di Angela Crucitti. – Roma: A. Belardetti, 1974. – 476 p.
85. *Savonarola, G.* De simplicitate christianae vitae / G. Savonarola / a cura di Giorgio Ricci. – Roma: A. Belardetti, 1959. – 280 p.
86. *Savonarola, G.* La vera vedova / G. Savonarola // Savonarola. Prediche e scritti commentati e collegati da un racconto biografico. L'influenza del Savonarola sulla letteratura e l'arte del Quattrocento. Bibliografia ragionata / [a cura di] Mario Ferrara. – Firenze: L. S. Olschki, 1952. – Vol. 1. – P. 42 – 54.
87. *Savonarola, G.* Prediche sopra Aggeo con Il Trattato circa il reggimento del governo della città di Firenze / G. Savonarola / a cura di Luigi Firpo. – Roma: Belardetti, 1965. – 530 p.
88. *Savonarola, G.* Prediche sopra Amos e Zaccaria / G. Savonarola / a cura di Paolo Ghiglieri. – Roma: A. Belardetti, 1971. Vol. 1. – 433 p.
89. *Savonarola, G.* Prediche sopra Amos e Zaccaria / G. Savonarola / a cura di Paolo Ghiglieri. – Roma: A. Belardetti, 1971. Vol. 2. – 436 p.
90. *Savonarola, G.* Prediche sopra Ezechiele / G. Savonarola / a cura di Roberto Ridolfi. – Roma: A. Belardetti, 1955. Vol. 1. – 387 p.
91. *Savonarola, G.* Prediche sopra Ezechiele / G. Savonarola / a cura di Roberto Ridolfi. – Roma: A. Belardetti, 1955. Vol. 2. – 399 p.
92. *Savonarola, G.* Prediche sopra Giobbe / G. Savonarola / a cura di Roberto Ridolfi. – Roma: A. Belardetti, 1957. Vol. 1. – 447 p.
93. *Savonarola, G.* Prediche sopra i salmi / G. Savonarola / a cura di Vincenzo Romano. – Roma: Belardetti, 1969. Vol. 1. – 305 p.

94. *Savonarola, G.* Prediche sopra i salmi / G. Savonarola / a cura di Vincenzo Romano. – Roma: A. Belardetti, 1974. Vol. 2. – 424 p.
95. *Savonarola, G.* Prediche sopra l'Esodo / G. Savonarola / a cura di Pier Giorgio Ricci. – Roma: A. Belardetti, 1955. Vol. 1. – IV, 320 pp.
96. *Savonarola, G.* Prediche sopra l'Esodo / G. Savonarola / a cura di Pier Giorgio Ricci. – Roma: A. Belardetti, 1956. Vol. 2. – 398 p.
97. *Savonarola, G.* Prediche sopra Ruth e Michea / G. Savonarola / a cura di Vincenzo Romano. – Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 1. – 470 p.
98. *Savonarola, G.* Prediche sopra Ruth e Michea / G. Savonarola / a cura di Vincenzo Romano. – Roma: A. Belardetti, 1962. Vol. 2. – 525 p.
99. *Tribaldo de' Rossi.* Ricordanze / Tribaldo de' Rossi // Delizie degli eruditi toscani. – Firenze, 1786. – T. XXIII. – Vol. 4. – P. 236–303.
100. XXXVI. Di Paolo Somenzi [29 martii 1498] / Fra Girolamo Savonarola / a cura di Isidoro del Lungo // Archivio storico italiano. Nuova serie. – Firenze: G. P. Viesseux, 1863. – T. 18. Pt. 2. – P. 29 – 30.
101. *Августин Блаженный.* Творения. / сост. и подгот. текста к печати С. И. Еремеева / Августин Блаженный. – Санкт-Петербург: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998. – Т. 3. О граде Божиим. – Кн. I – XIII. – 595 с.
102. Анджело Полициано приветствует Якопо Антикварио // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / под ред. Л.М. Брагиной. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 235 – 242.
103. *Аристотель.* О софистических опровержениях / Аристотель // Аристотель. Сочинения. В 4 т. / ред. и вступ. ст. З.Н. Микеладзе. – Москва: Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 533 – 593.
104. Библия. Синодальный перевод // Азбука веры. [Электронный ресурс]. URL: <https://azbyka.ru/biblia/?r> (дата обращения: 15.08.2020).
105. *Бруни, Л.* О Флорентийском государстве / Л. Бруни // Сочинения итальянских гуманистов эпохи Возрождения (XV век) / под ред. Л.М. Брагиной. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1985. – С. 67 – 71.

106. *Вазари, Д.* Жизнеописания наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих. Полное издание в одном томе / Д. Вазари / пер. с итал. А. Г. Габричевского и А. И. Бенедиктова. – Москва: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2008. – 1278 с.
107. *Гвиччардини, Ф.* История Флоренции / Ф. Гвиччардини // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступит. статья, комментарии Л.М. Брагиной. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – С. 72 – 140.
108. *Евсевий Кесарийский.* Церковная история / Евсевий Кесарийский / ввод. ст., коммент., библиогр. список и указатели И.В. Кривушина. – Санкт-Петербург: «Издательство Олега Абышко», 2013. – 544 с.
109. *Иероним Стридонский.* Три книги толкований на пророка Осию / Иероним Стридонский // Библиотека творений Св. Отцов и Учителей Церкви западных, издаваемая при киевской Духовной Академии. – Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого, 1894. – Кн. 21. Творения Блаженного Иеронима Стридонского. – Ч. 12.– 416 с.
110. *Ириней Лионский.* Творения / Ириней Лионский. – Москва: Паломник Благовест, 1996. – 622 с.
111. *Макиавелли, Н.* Государь / Н. Макиавелли / пер. Г. Муравьевой. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 155 с.
112. *Макиавелли, Н.* Письмо Риччардо Бекки от 9 марта 1498 года / Н. Макиавелли // Сочинения великих итальянцев XVI в. / сост., вступит. статья, комментарии Л. М. Брагиной. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2002. – С. 27 – 30.
113. *Макиавелли, Н.* Рассуждения о первой декаде Тита Ливия / Н. Макиавелли / пер. М.А. Юсима // Макиавелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. – Москва: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. – С. 136 – 468.
114. *Макьявелли, Н.* История Флоренции / Н. Макьявелли / пер. Н. Я. Рыковой. – Москва: Наука, 1987. – 446,[1] с.
115. Письмо Джироламо Савонаролы благочестивой женщине из Болоньи / предис., пер., примеч. Е.П. Тельменко // Альманах по истории Средних веков

и раннего Нового времени / под ред. А.Н. Маслова и А.А. Кузнецова. – Нижний Новгород, 2011. – Вып. 2. – С. 117 – 124.

116. Письмо Джироламо Савонаролы Маддалене Пико делла Мирандола / пер., предис. и коммент. Е.П. Тельменко // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: КРАСАНД, 2010. – Вып. 31. – С. 373 – 384.

117. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. / Плутарх. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. – Т. 1. – 503 с.

118. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. В 3-х т. / Плутарх. – Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – Т. 2. – 548 с.

119. *Полициано, А.* О заговоре Пацци / А. Полициано // Культура Возрождения и средние века. – Москва: Наука, 1993. – С. 204–219.

120. *Савонарола, Джироламо.* Истинная вдова / Джироламо Савонарола / предис., пер., коммент. Е.П. Тельменко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь – Пятигорск: ПГЛУ, 2008. – Вып. 10. – С. 375–384.

121. *Савонарола, Джироламо.* Лекция или проповедь достопочтенного отца, брата Иеронимо из Феррары перед многими священниками, братьями и мирянами в Сан-Марко во Флоренции 15 февраля 1498 г. / Джироламо Савонарола / предис., пер., примеч. Е.П. Тельменко // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. – Ставрополь: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2004. – Вып. 5. – С. 218 – 252.

122. *Савонарола, Джироламо.* Трактат об управлении Флоренцией / Джироламо Савонарола / вступ. ст., пер. и коммент. У. С. Рахновской // Средние века. – Москва, 2002. – Вып. 63. – С. 268–301.

123. *Савонарола, Джироламо.* Цикл проповедей на книгу пророка Аггея / Джироламо Савонарола / изд. подгот. [сост., пер., ст., примеч.] А. В. Топорова. – Москва: Наука, 2014. – 309 с.

124. *Савонарола, Иероним*. Проповедь об искусстве хорошо умирать / Иероним Савонарола / перевод, вступление и комментарий архимандрита Амвросия (Погодина) // Вестник РХД. – Париж-Нью-Йорк-Москва, 1981. – III–IV (№ 135). – С. 97–124.
125. *Фома Аквинский*. О правлении государей / Фома Аквинский / публикация, перевод, вступительная статья и примечания Н.Б. Срединской // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). – Ленинград: Наука, 1990. – С. 224 – 244.
126. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. / Фома Аквинский. – Киев: Ника-Центр, 2010. – Часть II–I. – Вопросы 90–114. – 432 с.
127. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. / Фома Аквинский. – Киев: Ника-Центр, 2014. – Часть II–II. – Вопросы 123–189. – 736 с.
128. *Фома Аквинский*. Сумма теологии. / Фома Аквинский. – Киев: Ника-Центр, 2011. – Часть II–II. – Вопросы 1–46. – 576 с.

Литература

1. *Акопян, О. Л.* Споры об астрологии в ренессансной мысли второй половины XV – начала XVI века: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Акопян Ованес Львович. – Москва, 2014. – 445 с.
2. *Ассман, Я.* Культурная память: письмо, память о прошлом и полит. идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман / пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва: Яз. слав. культуры, 2004. – 368 с.
3. *Бахтин, М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. – Москва: Худож. лит., 1990. – 543 с.

4. *Бергер, П. Л.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман / пер. Е. Руткевич. – Москва: Моск. филос. фонд, 1995. – 323 с.
5. *Бёрк, П.* Историческая антропология и новая культурная история / П. Бёрк // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 5 (75). [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/5/istoricheskaya-antropologiya-i-novaya-kulturnaya-istoriya.html> (дата обращения: 15.05.2020).
6. *Бёрк, П.* Что такое культуральная история? / П. Бёрк / пер. с англ. И. Полонской; под науч. ред. А. Лазарева. – Москва: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2015. – 240 с.
7. *Бессмертный, Ю. Л.* Жизнь и смерть в средние века. Очерки демографической истории Франции / Ю. Л. Бессмертный. – Москва, 1991. – 240 с.
8. *Брагина, Л. М.* Гуманизм и предреформационные идеи во Флоренции в конце XV века / Л. М. Брагина // Культура эпохи Возрождения и Реформации. – Ленинград: Наука, 1981. – С. 49 – 61.
9. *Брагина, Л. М.* Деятельность гуманистов в религиозных братствах Флоренции XV в. / Л. М. Брагина // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. – Москва: Наука, 1997. – С. 50 – 59.
10. *Брагина, Л. М.* Итальянский гуманизм эпохи Возрождения: Идеалы и практика культуры / Л. М. Брагина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2002. – 384 с.
11. *Брагина, Л. М.* Савонарола / Л. М. Брагина // Философская энциклопедия / глав. ред. Ф.В. Константинов. – Москва: Сов. энциклопедия, 1967. – Т. 4. – С. 546–547.
12. *Брагина, Л. М.* Социально-этические взгляды итальянских гуманистов. Вторая половина XV века / Л. М. Брагина. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1983. – 303 с.
13. *Брагина, Л.М.* Интерес к Савонароле в отечественной историографии / Л. М. Брагина // Россия и Италия. – Москва: Наука, 2000. – Вып. 4. Встреча культур. – С. 310 – 322.

14. *Браун, П.* Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве / П. Браун. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 207 с.
15. *Буркхардт, Я.* Культура Возрождения в Италии / Я. Буркхардт. – Москва: Юристъ, 1996. – 591 с.
16. *Буркхардт, Я.* Культура Италии в эпоху Возрождения / Я. Буркхардт / пер. со 2-го нем. изд.. – Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1876. – [4], II, [2], 463 с.
17. *Бурлака, Л. В.* Петр Ломбардский / Л. В. Бурлака // Антология средневековой мысли (Теология и философия европейского Средневековья): В 2 т. / под ред. С. С. Неретиной; сост. С. С. Неретиной, Л. В. Бурлака. – Санкт-Петербург: РХГИ, 2001. – Т. 1 – С. 477 – 480.
18. *Виллари, П.* Джироламо Савонарола и его время. В 2 т. в 1 кн. / П. Виллари. – Москва: Ладомир, 1995. – 929 с.
19. *Гадамер, Х.-Г.* Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер / пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.
20. *Гайдук, В. П.* Начала парламентаризма в Италии: «Трактат о государственном устройстве Флоренции» Джироламо Савонаролы / В. П. Гайдук // Из истории европейского парламентаризма: Италия. – Москва: ИВИ, 1997. – С. 8 – 32.
21. *Гарэн, Э.* Проблемы итальянского Возрождения / Э. Гарэн / пер. с итал.; вступ. ст. и ред. Л. М. Брагиной; [коммент. О. Ф. Кудрявцева и др.]. – Москва: Прогресс, 1986. – 392 с.
22. *Горфункель, А. Х.* Савонарола и кризис итальянского Возрождения / А. Х. Горфункель // Херманн, Х. Савонарола. Еретик из Сан-Марко / пер. с нем. Н.А. Савинкова, В.В. Чернышева. – Москва: Прогресс, 1982. – С. 5 – 14.
23. *Грановский, Т. Н.* Лекции по истории средневековья / Т. Н. Грановский / сост. С. А. Асиновская. – Москва: Наука, 1986. – 427 с.

24. *Гринин, Л. Е.* Личность в истории: современные подходы / Л. Е. Гринин // История и современность. – 2011. – № 1. – С. 3 – 42.
25. *Гуревич, А. Я.* Проблемы средневековой народной культуры / А. Я. Гуревич. – Москва: Искусство, 1981. – 359 с.
26. *Даркевич, В. П.* Народная культура средневековья: светская, праздничная жизнь в искусстве IX – XVI вв. / В. П. Даркевич. – Москва: Наука, 1988. – 334 с.
27. Доминичи, Джованни. Наставления в семейных делах / пер. И. А. Краснова // Антология педагогической мысли христианского средневековья: Пособие для учащихся пед. колледжей и студентов вузов В 2 т. Т. 2: Мир преломился в книге. Воспитание в средневековом мире глазами ученых наставников и их современников / сост., ст. к разделам и коммент. В.Г. Безрогова, О.И. Варьяш. – Москва: АО «Аспект Пресс», 1994. – С. 261 – 286.
28. *Дунаев, Б. И.* Преподобный Максим Грек и греческая идея на Руси в XVI веке / Б. И. Дунаев. – Москва: Синодальная типография, 1916. – 92 с.
29. *Зайцев, Д. В.* Елен / Д. В. Зайцев // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. – Москва, 2008. – Т. 18. Египет Древний – Ефес. – С. 292 – 293
30. *Иванов, А. И.* Максим Грек и Савонарола / А. И. Иванов // Богословские труды. – Москва, 1974. – Т. 12. – С. 184 – 208.
31. *Иванов, А. И.* Максим Грек и Савонарола / А. И. Иванов // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. – Ленинград: Наука, Ленинградское отделение, 1968. – Т. 23: Литературные связи древних славян. – С. 217 – 226.
32. *Иконников, В. С.* Собрание исторических трудов / В.С. Иконников. – Киев: тип. Имп. Ун-та св. Владимира, 1915. – Т. 1. Максим Грек и его время. – 640 с.
33. *Канторович, Э. Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / Э. Х. Канторович / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю.Серегинной. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 752 с.

34. *Кланицай, Г.* Структура повествований о наказании и исцелении. Сопоставление чудес и *maleficia* / Г. Кланицай // *Одиссей. Человек в истории.* 1998. – Москва, 1999. – С.118–133.
35. *Краснова, И. А.* Влияние культуры Возрождения на духовную жизнь флорентийцев / И. А. Краснова // *Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи.* – Москва: Наука, 1997. – С. 40 – 49.
36. *Краснова, И. А.* Горожанки Флоренции между семьей и монастырем: индивидуальный выбор, брачные стратегии и социальное принуждение / И. А. Краснова // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* – Москва: КРАСАНД, 2010. – Вып. 31. – С. 125 – 153.
37. *Краснова, И. А.* Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. / И. А. Краснова – Ставрополь – Москва: Изд-во СГПУ, 1995. Ч. 1. – 108 с.; Ч. 2. – 162 с.
38. *Краснова, И. А.* Должности и потестарные институты во Флоренции / И. А. Краснова // *Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время* / отв. ред.: Т.П. Гусарова. – Москва: КДУ, 2011. – С. 302 – 332.
39. *Краснова, И. А.* Конструирование образа «доброго купца» во Флоренции XIV-XV вв. / И. А. Краснова, Е. П. Тельменко // *Вестник Института Дружбы народов Кавказа. «Теория экономики и управления народным хозяйством».* – Ставрополь: РИО ИДНК, 2014. – № 1 (29). – С. 44 – 51.
40. *Краснова, И. А.* Политические реформы во Флоренции 1494 – 1495 гг. «Закон о всеобщем мире и праве на апелляцию “шести бобов”» / И. А. Краснова, Е. П. Тельменко // *Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал.* – Ставрополь, 2020. – № 4. – С. 58 – 63.
41. *Краснова, И. А.* Политическое устройство Флоренции в представлении Джироламо Савонаролы (по трактату «Управление Флоренцией») / И. А. Краснова // *Средние века.* – М., 1994. – Вып. 57. – С. 137 – 157.
42. *Краснова, И. А.* Проповедник и его духовные дочери. Антонин Флорентийский. Письма / И. А. Краснова, О.Г. Пастельняк // *Диалог со временем.*

Альманах интеллектуальной истории. – Москва: Изд-во ЛКИ, 2008. – Вып. 23. – С. 331 – 389.

43. *Краснова, И. А.* Савонарола и экономические проблемы Флоренции / И. А. Краснова // Средневековый город. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 1998. – Вып. 13. – С. 134 – 147.

44. *Краснова, И. А.* Уровни восприятия античности флорентийскими горожанами (по семейным книгам, дневникам, переписке) / И. А. Краснова, Е. П. Тельменко // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: ИВИ, 2018. – Вып. 65. – С. 83 – 98.

45. *Кудрявцев, О. Ф.* «Ученая религия» флорентийской Платоновской академии / О. Ф. Кудрявцев // Культура Возрождения и религиозная жизнь эпохи. – Москва: Наука, 1997. – С. 88 – 96.

46. *Кудрявцев, О. Ф.* Пико делла Мирандола Джованни Франческо / О. Ф. Кудрявцев // Новая философская энциклопедия. В 4 т. / Ин-т философии РАН. научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. – Москва: Мысль, 2010. Т. III, Н – С. – С. 231 – 232.

47. *Кудрявцев, П. Н.* Лекции. Сочинения. Избранное / П. Н. Кудрявцев / сост. С. А. Асиновская. – Москва: Наука, 1991. – 343 с.

48. *Ле Гофф, Ж.* Рождение Европы / Ж. Ле Гофф / пер. с фр. А. И. Поповой. – Санкт-Петербург: «Александрия», 2008. – 398 с.

49. *Лозинский, С. Г.* История папства / С. Г. Лозинский. – Москва: Политиздат, 1986. – 382 с.

50. *Лотман, Ю. М.* Клио на распутье / Ю. М. Лотман // Избранные статьи. В 3 т. – Таллин: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. – С. 464 – 471.

51. *Мерцалова, М. Н.* Костюм разных времен и народов: В 4 т. / М. Н. Мерцалова. – Москва: Академия моды, 1993. – Т. 1. – 542 с.

52. *Осокин, Н. А.* Савонарола и Флоренция. Историческая монография: в 2 ч. / Н. А. Осокин. – Казань: тип. ун-та, 1865. – 321 с.

53. *Парамонова, М. Ю.* Святые / М. Ю. Парамонова // Словарь средневековой культуры / под ред. А.Я. Гуревича. – Москва: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2003. С. 467 – 478.
54. *Петрочук, О. К.* Сандро Боттичелли / О. К. Петрочук. – Москва: Искусство, 1984. – 224 с.
55. *Пригожин, И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс / пер. с англ. Ю.А. Данилова. – Москва: Прогресс, 1986. – 431 с.
56. *Репина, Л. П.* Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки). Препринт WP6/2003/07 / Л. П. Репина. – Москва: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
57. *Рикёр, П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. – Москва: Академический Проект, 2008. – 695 с.
58. *Сахаров, П.* Октава / П. Сахаров // Католическая энциклопедия. В 5 т. / В. Л. Задворный (гл. ред.) и др. – Москва: Изд-во Францисканцев, 2007. – Т. 3: М – П. – С. 1036 – 1037.
59. *Сахаров, П.* Рукоположение / П. Сахаров // Католическая энциклопедия. В 5 т. / В.Л. Задворный (гл. ред.) и др. – Москва: Изд-во Францисканцев, 2011. – Т. 4: Р – Ф. – С. 411 – 416.
60. *Сахаров, П.* Тело Христово / П. Сахаров // Католическая энциклопедия. В 5 т. / В.Л. Задворный (гл. ред.) и др. – Москва: Изд-во Францисканцев, 2011. – Т. 4: Р – Ф. – С. 1278 – 1282.
61. Св. Антоний Падуанский / под ред. В. Л. Задворного. – Москва: Изд-во францисканцев-братьев меньших конвентуальных, 1997. – 400 с.
62. *Седано, М.* Бреве / М. Седано // Католическая энциклопедия. В 5 т. / В.Л. Задворный (гл. ред.) и др. Москва: Изд-во Францисканцев, 2002. – Т. 1: А – З. – С. 744.

63. *Серто, Мишель де*. Изобретение повседневности. 1. Искусство делать / Мишель де Серто / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. – 330 с.
64. *Синицына, Н. В.* Максим Грек и Савонарола: (О первом рукописном собрании сочинений Максима Грека) / Н. В. Синицына // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. – Москва: Наука, 1972. – С. 149 – 156.
65. *Срединская, Н. Б.* Трактат Фомы Аквинского «О правлении государей» / Н. Б. Срединская // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI-XVII вв.). – Ленинград: Наука, 1990. – С. 217 – 223.
66. *Тельменко, Е. П.* «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей шкуре» / Е. П. Тельменко // Вестник Северо-Кавказского федерального университета: научный журнал / гл. ред. В.Н. Парахина. – Ставрополь, 2014. – № 3 (42). – С. 195 – 198.
67. *Тельменко, Е. П.* «Если ты, женщина... желаешь жить хорошо, ты больше не женщина..., а человек и обладаешь душой мужественной»: О савонаролинской проповеди «простоты христианской жизни» среди женщин / Е. П. Тельменко // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – Москва: ИВИ РАН, 2008. – № 15. – С. 139 – 158.
68. *Тельменко, Е. П.* «Нужны добрые формы для вашего нового правительства, чтобы никто не мог возвыситься, как сделали венецианцы...» (к вопросу об учреждении Большого совета в савонаролинской Флоренции кон. XV в.) / Е. П. Тельменко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. – № 9 (64). – Вып. 11. – С. 41 – 44.
69. *Тельменко, Е. П.* «Пожелал слуга Божий превратить день распутств в день благоразумия, святости и пользы для души» / Е. П. Тельменко // Вестник Северо-Кавказского федерального университета: научный журнал / гл. ред. В.Н. Парахина. – Ставрополь, 2014. – № 1 (40). – С. 156 – 160.

70. Тельменко, Е. П. «Трактат о чудесах Джироламо Савонаролы» / Е. П. Тельменко // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. – Ставрополь, 2020. – № 4. – С. 123 – 127.
71. Тельменко, Е. П. «Я не могу удержаться, чтобы не разоблачить притворство этого монашка»: письмо Ф. Альтовити и полемика о Савонароле во Флоренции кон. XV в. / Е. П. Тельменко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2014. – № 6. – С. 87 – 93.
72. Тельменко, Е. П. Джироламо Савонарола и начало политической реформы во Флоренции 1494 г. / Е. П. Тельменко // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. – Ставрополь, 2017. – № 1. – С. 122 – 128.
73. Тельменко, Е. П. Джироламо Савонарола и проблемы реформирования социально-экономической жизни Флоренции конца XV в. / Е. П. Тельменко // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион: Науч. образоват. и прикл. журн. Общественные науки. – Ростов-на-Дону, 2010. – № 2. – С. 97 – 100.
74. Тельменко, Е. П. Джироламо Савонарола и Флоренция: основные этапы эволюции проповедника (80-е – первая половина 90-х гг. XV в.) / Е. П. Тельменко // Книга и книжная культура в Западной Европе и России до начала Нового времени. Сборник в честь Александра Хаймовича Горфункеля / отв. редакторы А.К. Гладков, И.Х. Черняк, сост. А.К. Гладков. – Москва; Санкт-Петербург: Петроглиф, Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 227 – 245.
75. Тельменко, Е. П. Духовные наставления в письмах Джироламо Савонаролы к женщинам Флоренции кон. XV в. / Е. П. Тельменко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2017. – № 3. – С. 66 – 71.
76. Тельменко, Е. П. Испытание огнем 1498 г. / Е. П. Тельменко // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2012. – № 13 (132). – Вып. 23. – С. 404 – 411.

77. *Тельменко, Е. П.* Костры во Флоренции в конце XV в. / Е. П. Тельменко // Вопросы истории. – Москва, 2015. – № 8. – С. 102 – 114.
78. *Тельменко, Е. П.* Начало реформ Савонаролы: монастырь Сан Марко и Тосканская конгрегация / Е. П. Тельменко // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. – Ставрополь, 2018. – № 1. – С. 112 – 117.
79. *Тельменко, Е. П.* Образ «истинной вдовы» в трактате Джироламо Савонаролы «Книга жизни вдов» / Е. П. Тельменко // Гуманитарные и юридические исследования. Научно-теоретический журнал. – Ставрополь, 2016. – № 1. – С. 121 – 125.
80. *Тельменко, Е. П.* По воле Господа через меня ты будешь посвящен в его тайны и в грядущие вещи» (рефлексия Савонаролы о природе и роли пророчеств) / Е. П. Тельменко // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: КомКнига, 2005. – Вып. 14. – С. 243 – 264.
81. *Тельменко, Е. П.* Пророк и город «праведных»: религиозно-нравственная реформа Джироламо Савонаролы во Флоренции конца XV века / Е. П. Тельменко. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2020. – 195 с.
82. *Тельменко, Е. П.* Савонарола, горожане и «мальчики Христа»: к вопросу о судебных полномочиях детской «полиции нравов» во Флоренции кон. XV в. / Е. П. Тельменко // Право в средневековом мире. – Москва: ИВИ РАН, 2010. – С. 169 – 181.
83. *Тельменко, Е. П.* Эпистолярная полемика 1496 г. о пророческой миссии Джироламо Савонаролы / Е. П. Тельменко // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – Москва: ИВИ, 2014. – Вып. 48. – С. 225 – 240.
84. *Тогоева, О. И.* «Истинная правда»: языки средневекового правосудия / О. И. Тогоева. – Москва: Наука, 2006. – 333 с.
85. *Топорова, А. В.* Проповедь и проповедники в Италии: от Средних веков к Возрождению / А. В. Топорова. – Москва: ТЕЗАУРУС, 2011. – 381 с.

86. *Топорова, А. В.* Религиозная жизнь средневековой Италии в зеркале литературы / А. В. Топорова. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2018. – 192 с.
87. *Топорова, А. В.* Реформа Джироламо Савонаролы / А. В. Топорова // Книга и книжная культура в Западной Европе и России до начала Нового времени. Сборник в честь Александра Хаймовича Горфункеля / отв. редакторы А.К. Гладков, И.Х. Черняк. Сост. А.К. Гладков. – Москва; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2019. – С. 246–252.
88. *Топорова, А. В.* Савонарола и Макиавелли: взгляд на политику / А. В. Топорова // Перечитывая Макиавелли. Идеи и политическая практика через века и страны. Сборник статей. – Москва: Институт всеобщей истории РАН, 2013. – С. 255–269.
89. *Топорова, А. В.* Эволюция итальянской проповеди XIV-XV вв.: автореферат дис. ... доктора филологических наук: 10.01.03 / Топорова Анна Владимировна. – Москва, 2011. – 39 с.
90. *Уваров, П. Ю.* Конфессиональные идентичности и рождение социальных классификаций во Франции конца XVI – начала XVII в. / П. Ю. Уваров // Религиозные и этнические традиции в формировании национальных идентичностей в Европе. Средние века – новое время. Religion et ethnicité dans la formation des identités nationales en Europe. Moyen Âge – époque moderne. – Москва: «Индрик», 2008. – С. 87 – 96.
91. *Хальбвакс, М.* Коллективная и историческая память / М. Хальбвакс // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 40 – 41(2 – 3). – С. 8 – 27.
92. *Херманн, Х.* Савонарола. Еретик из Сан-Марко / Х. Херманн / пер. с нем. Н.А. Савинкова, В. В. Чернышева. – Москва: Прогресс, 1982. – 296 с.
93. *Чеканцева, З. А.* Антропологизация историографии и идентичность историка в XXI веке / З. А. Чеканцева // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2018. – Т. 9. – Вып. 8 (72). [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://history.jes.su/s207987840002438-0-1> (дата обращения: 13.05.2020).

94. *Чеканцева, З. А.* Историческая антропология / З. А. Чеканцева // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян. – Москва: Аквилон, 2014. – С. 166 – 168.
95. *Ченти, Т. С.* Джироламо Савонарола, монах, который потряс Флоренцию. Джироламо Савонарола. Молитвы из темницы / Т. С. Ченти. – Москва, 1998. – 272 с.
96. *Шартье, Р.* Post scriptum, или Двадцать лет спустя (ответы на вопросы редакции «НЛО») / Р. Шартье // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2 (66). [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/post-scriptum-ili-dvadczat-let-spustya.html> (дата обращения: 15.05.2020).
97. *Шартье, Р.* Интеллектуальная история и история ментальностей: двойная переоценка? / Р. Шартье // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 2 (66). [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/2/intellektualnaya-istoriya-i-istoriya-mentalnostej-dvojnaya-pereoczenka.html> (дата обращения: 15.05.2020).
98. *Шастель, А.* Искусство и гуманизм во Флоренции времен Лоренцо Великолепного. Очерки об искусстве Ренессанса и неоплатоническом гуманизме / А. Шастель. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 2001. – 720 с.
99. *Шеллер, А. К. (Михайлов, А.).* Савонарола. Его жизнь и общественная деятельность. Биографический очерк / А. К. Шеллер (А. Михайлов) // Будда. Конфуций. Магомет. Франциск Ассизский. Савонарола: Биографические очерки. – Москва: Республика, 1995. – С. 279 – 347.
100. *Щеголев, А. В.* Закон об оскорблении величия в политической истории Рима: I в. до н. э. – I в. н. э.: диссертация... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Щеголев Алексей Валерьевич. – Москва, 2000. – 183 с.
101. *Эльфонд, И. Я.* Леонардо Бруни / И. Я. Эльфонд // Культура Возрождения: Энциклопедия. В 2 т. / ред. кол.: Н. В. Ревякина (отв. ред.) и др. – Москва: РОССПЭН, 2007. – Т. 1. А–К. – С. 249 – 250.

102. *Юсупов, А. Ю.* Система управления Венецианской республики в VII–XV вв. / А. Ю. Юсупов // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред.: Т.П. Гусарова. – Москва: КДУ, 2011. – С. 356 – 386.
103. *Яцык, С. А.* Тренды в изучении святости / С. А. Яцык // Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века / отв. ред. С. А. Яцык. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2018. – С. 5 – 15.
104. *Affolter, B. M.* Girolamo Savonarola / B. M. Affolter // Archivio storico italiano. – Firenze: Leo S. Olschki, 1996. – Vol. 154. – №. 1 (567). – P. 163 – 171.
105. *Arrighi V.* Gli adepti del Savonarola: linee per una ricerca negli archivi familiari // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. – P. 41 – 45.
106. *Arrighi, V.* Parenti, Piero / V. Arrighi // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2014. – Vol. 81: Pansini-Pazienza. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/piero-parenti_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/piero-parenti_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 01.03.2018).
107. *Barenstein, J.* Savonarola en Florencia: Reforma religiosa y construcción de la autoridad / J. Barenstein // Ámbitos. Revista de estudios de ciencias sociales y humanidades. – 2019. – № 41. – P. 11 – 23.
108. *Barzazi, A.* La memoria di Savonarola. Testi savonaroliani nelle biblioteche dei religiosi alla fine del Cinquecento / A. Barzazi // Girolamo Savonarola da Ferrara all'Europa / a cura di Gigliola Fragnito, Mario Miegge. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2001. – P. 269 – 284.
109. *Beaune, C.* Visionnaire ou politique? Jean Michel, serviteur de Charles VIII / C. Beaune // Journal des savants. – 1987. – № 1–2. – P. 65 – 78.
110. *Benvenuti, A.* I Bruchi di Frate Gerolamo: l'eversivo anacronismo del Savonarola / A. Benvenuti // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. – P. 163 – 186.

111. *Bertucci, S. M.* Per un consuntivo storiografico savonaroliano – II / S. M. Bertucci // Savonarola. Quaderni del quinto centenario, 1498–1998 / cur. Tito Sante Centi, Alberto Viganò. – Bologna, Ed. Studio domenicano, 1998. – 5 (gennaio-marzo 1998). – P. 43 – 130.
112. *Bertucci, S. M.* Per un consuntivo storiografico savonaroliano – I / S. M. Bertucci // Savonarola. Quaderni del quinto centenario, 1498–1998 / cur. Tito Sante Centi, Alberto Viganò. – Bologna, Ed. Studio domenicano, 1997. – 4 (ottobre-dicembre 1997). – P. 71 – 153.
113. *Bertuccioli, G.* Da Empoli, Giovanni / G. Bertuccioli // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1985. – Vol. 31: Cristaldi-Dalla Nave. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-da-empoli_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/giovanni-da-empoli_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 09.12.2014).
114. *Bologna, A.* Girolamo Savonarola, l'uomo e il frate. Todi (Pg), 11 – 12 ottobre 1998 / A. Bologna // Quaderni medievali. – 1999. – № 47. – P. 237 – 246.
115. *Brown, A.* Firenze e la crisi del repubblicanesimo / A. Brown // L'Italia alla fine del Medioevo: i caratteri originali nel quadro europeo / a cura di Francesco Salvestrini. – Firenze: Firenze University Press, 2006. – P. 203 – 240.
116. *Burlamacchi, Pacifico* // Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti. – Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana fondata da Giovanni Treccani, 1930. – T. 8: Buc-Card. – P. 142.
117. *Calonaci, S.* Landucci, Luca / S. Calonaci // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2004. – Vol. 63: Labroca-Laterza. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/luca-landucci_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/luca-landucci_(Dizionario-Biografico)) (дата обращения: 5.04.2017).
118. *Ciappelli, G.* Carnevale e Quaresima: comportamenti sociali e cultura a Firenze nel Rinascimento / G. Ciappelli. – Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1997. – 372 p.
119. *Connell, W. J.* Sacrilege and Redemption in Renaissance Florence: The Case of Antonio Rinaldeschi / W. J. Connell, G. Constable // Право в средневековом

- мире / отв. ред. О.И. Варьяш. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – С. 101 – 154.
120. *Cordero F. Savonarola* / F. Cordero. – Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – Vol. 1. Voce calamitosa, 1452–1494. – CXСIII, 366 p.
121. *Cordero F. Savonarola* / F. Cordero. – Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – Vol. 2. Profeta delle meraviglie 1494–1495. – 560 p.
122. *Cordero F. Savonarola* / F. Cordero. – Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – Vol. 3. Demiurgo senza politica, 1496–1497. – VIII, 668 p.
123. *Cordero, F. Savonarola* / F. Cordero. – Torino: Bollati Boringhieri, 2009. – Vol. 4. Agonista perdente, 1497–1498. – VIII, 823 p.
124. *D'Amato, A. Formazione religiosa e dottrinale di fra Girolamo Savonarola* / A. D'Amato // *Il ferrarese Savonarola: atti del Convegno, Ferrara 25 ottobre 1997* / a cura di Giuseppe Cenacchi. – Ferrara: Corbo, 1998. – P. 85 – 110.
125. *Dall'Aglia S. Domestic Prayers and Miracles in Renaissance Italy: The Case of Savonarola and his Cult* / S. Dall'Aglia // *Domestic Devotions in Early Modern Italy* / ed. by M. Corry, M. Faini, A. Meneghin. – Leiden-Boston: Brill, 2018. – P. 375 – 388.
126. *Dall'Aglia, S. «Everyone Worships fra Girolamo as a Saint»: Savonarola's Presumed Sanctity in Sixteenth-Century Manuscripts and Prints* / S. Dall'Aglia // *The Saint between Manuscript and Print: Italy 1400-1600* / ed. Alison K. Frazier. – Toronto: Centre for Reformation and Renaissance Studies, 2015. – P. 331 – 349.
127. *Dall'Aglia, S. Nardi, Jacopo* / S. Dall'Aglia // *Dizionario biografico degli italiani*. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2012. – Vol. 77: Morlini-Natolini. [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/jacopo-nardi_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 05.04.2017).
128. *De Luca, G. Festa* / G. De Luca, R. Corso // *Enciclopedia Italiana* (1932). [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/festa_\(Enciclopedia-Italiana\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/festa_(Enciclopedia-Italiana)/) (дата обращения: 09.12.2014).

129. *De Maio, R.* Savonarola e la Curia romana / R. De Maio. – Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1969. – 259 p.
130. *Degl’Innocenti, A.* Giovanni Gualberto, santo / A. Degl’Innocenti // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2001. – Vol. 56: Giovanni Di Crescenzo-Giulietti. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/santo-giovanni-gualberto_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/santo-giovanni-gualberto_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 12.12.2019).
131. *Del Lungo, I.* Prefazione / I. Del Lungo // Canzona d’un piagnone pel bruciamento delle vanità nel carnevale del 1498: da una rarissima stampa contemporanea / a cura di Isidoro Del Lungo; aggiuntavi la descrizione del bruciamento fatta da Girolamo Benivieni. – Firenze: presso gli eredi Grazzini, Tipografia Galileiana di M. Cellini, 1864. – P. VII – XVI.
132. *Delaborde, H.F.* L’expédition de Charles VIII en Italie: histoire diplomatique et militaire / H.F. Delaborde. – Paris: Firmin-Didot, 1888. – VIII, 699 pp.
133. *Desideri Trigari, M.* Burlamacchi, Pacifico / M. Desideri Trigari // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1972. – Vol. 15: Buffoli-Caccianemici. URL: [Electronic resource]. http://www.treccani.it/enciclopedia/pacifico-burlamacchi_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 28.04.2020).
134. *Eisenbichler, K.* Savonarola e il problema delle vedove nel suo contesto sociale / K. Eisenbichler // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2001. – P. 263 – 271.
135. *Ferrua A.* Bandelli, Vincenzo / A. Ferrua // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1963. – Vol. 5: Bacca-Baratta. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/vincenzo-bandelli_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/vincenzo-bandelli_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 05.12.2016).
136. *Fubini, R.* Profezia e riforma nel pensiero di Girolamo Savonarola / R. Fubini // Studi slavistici VII. – 2010. – P. 299 – 311.

137. *Fubini, R.* Savonarola riformatore. Radicalismo religioso e politico all'avvento delle guerre d'Italia / R. Fubini // Archivio Storico Italiano. – Firenze: Leo S. Olschki, 2009. – Vol. 167. – № 3 (621). – P. 489 – 520.
138. *Garfagnini, G. C.* «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze / G. C. Garfagnini. – Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. – 458 p.
139. *Garfagnini, G. C.* Domenico Benivieni e l'Epistola in difesa del Savonarola / G. C. Garfagnini // «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. – P. 173 – 177.
140. *Garfagnini, G. C.* Girolamo Savonarola e Domenico Buonvicini / G. C. Garfagnini // «Questa è la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. – P. 419 – 430.
141. *Garfagnini, G. C.* Girolamo Savonarola e il movimento savonaroliano / G. C. Garfagnini // Storia della civiltà toscana: 2: Il Rinascimento / a cura di Michele Ciliberto. – Firenze: Le Monnier, 2001. – P. 451 – 476.
142. *Garfagnini, G. C.* Girolamo Savonarola: profeta della libertà in Cristo / G. C. Garfagnini // L'Ordine dei Predicatori. I Domenicani: storia, figure e istituzioni (1216-2016) / a cura di Gianni Festa, Marco Rainini. – Bari-Roma: Laterza, 2016. – P. 159 – 179.
143. *Garfagnini, G. C.* Il messaggio profetico di Savonarola e la sua recezione Domenico Benivieni e Gianfrancesco Pico / G. C. Garfagnini // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. – P. 197 – 211.
144. *Garfagnini, G. C.* Introduzione / G. C. Garfagnini // *Violi L.* Le giornate / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: L. S. Olschki, 1986. – P. I – LXIX.
145. *Garfagnini, G. C.* La luce dell'anima. Savonarola e la profezia / G. C. Garfagnini // I castelli di Yale. Quaderni di filosofia. – 2006. – Vol. VIII. – P. 45 – 59.
146. *Garfagnini, G. C.* Polemiche politico-religiose nella Firenze del Savonarola. L'Epistola responsiva e la Defensione dell'Altoviti / G. C. Garfagnini // «Questa è

la terra tua». Savonarola a Firenze. – Firenze: Edizioni del Galluzzo, 2000. – P. 115 – 123.

147. *Garfagnini, G. C.* Politica e profezia: l'esperienza savonaroliana a Firenze / G. C. Garfagnini // Città in guerra: esperienze e riflessioni nel primo '500: Bologna nelle «Guerre d'Italia» / a cura di Gian Mario Anselmi, Angela De Benedictis Argelato. – Bologna: Minerva, 2008. – P. 21 – 40.

148. *Gherardi, R.* Percorsi di / da «Utopia»: vs realismo? / R. Gherardi // Governare la paura. – 2016 (dicembre). – P. 1 – 10. [Electronic resource]. URL: <https://governarelapaura.unibo.it/article/download/6526/6312> (дата обращения: 01.10.2019).

149. *Giordano, S.* Francesco di Paola, santo / S. Giordano // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1997. – Vol. 49: Forino-Francesco da Serino. [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-di-paola-santo_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 01.03.2018).

150. *Gleason, John B.* John Colet / J. B. Gleason. – Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1989 – XIII, 418 pp.

151. *Gnoli, U., Turchi, N.* Nicola di Mira o di Bari, santo / U. Gnoli, N. Turchi // Enciclopedia Italiana (1934). [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/nicola-di-mira-o-di-bari-santo_\(Enciclopedia_Italiana\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/nicola-di-mira-o-di-bari-santo_(Enciclopedia_Italiana)/) (дата обращения: 09.12.2014).

152. *Guidi, G.* La corrente savonaroliana e la petizione al Papa del 1497 / G. Guidi // Archivio Storico Italiano. – Firenze: Leo S. Olschki, 1984. – Vol. 142. – №. 1 (519). – P. 31 – 46.

153. *Herlihy, D.* I toscani e le loro famiglie. Uno studio sul catasto fiorentino del 1427 / trad. it. di Mario Bensi / D. Herlihy, Ch. Klapisch-Zuber. – Bologna: Il Mulino, 1988. – 940 p.

154. *Herlihy, D.* Vieillir à Florence au Quattrocento / D. Herlihy // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. 24e année. – 1969. – №. 6. – P. 1338 – 1352.

155. *Herzig, T.* Le donne di Savonarola: spiritualità e devozione nell'Italia del Rinascimento / T. Herzig. – Roma: Carocci, 2014. – 320 p.
156. *Hugedé, N.* Savonarole et les florentins / N. Hugedé. – Paris: France-empire, 1984. – 247 p.
157. *Ibertis, E.* Predizioni del Savonarola / E. Ibertis. – Torino: Societa Editrice Internazionale, 1957. – IV, 182 pp.
158. *Kent, F.W.* A Proposal by Savonarola for the Self-Reform of Florentine Women (March 1496) / F.W. Kent // *Memorie domenicane*. N.S. – 1983. – Vol. 14. – P. 335–341.
159. *Klapisch-Zuber, C.* La famiglia e le donne nel Rinascimento a Firenze / trad. it. di Ezio Pellizer / C. Klapisch-Zuber. – Roma-Bari: Laterza, 1988. – XIX, 350 pp.
160. *Leonardi, C.* Jérôme Savonarole et le statut de la prophétie dans l'Église / C. Leonardi // *Mélanges de l'École française de Rome. Moyen-Age*. – 1990. – T. 102. – № 2. – P. 589 – 596. [Electronic resource]. URL: http://www.persee.fr/doc/jds_0021-8103_1987_num_1_1_1502 (дата обращения: 15.01.2020).
161. *Leonardi, C.* La crisi della cristianità medievale, il ruolo della profezia e Girolamo Savonarola / C. Leonardi // *Verso Savonarola: misticismo, profezia, empiti riformistici fra Medioevo ed Età moderna. Atti della giornata di studi (Poggibonsi, 30 aprile 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini, Giuseppe Picone*. – Firenze, 1999. – P. 3 – 23.
162. *Luzzati, M.* Primi appunti su Girolamo Savonarola e gli ebrei dello stato fiorentino / M. Luzzati, C. Galasso // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini*. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. – P. 35 – 40.
163. *Malanima, P.* Cerretani, Bartolomeo / P. Malanima // *Dizionario biografico degli italiani*. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1979. – Vol. 23: Cavallucci-Cerretesi. [Electronic resource]. URL:

[http://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-cerretani_\(Dizionario-Biografico\)](http://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-cerretani_(Dizionario-Biografico))
(дата обращения: 5.04.2017).

164. *Malanima, P.* Cerretani, Bartolomeo / P. Malanima // Machiavelli: enciclopedia machiavelliana. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana fondata da Giovanni Treccani, 2014. – Vol. 1: A-H. [Electronic resource]. URL: https://www.treccani.it/enciclopedia/bartolomeo-cerretani_%28Enciclopedia-machiavelliana%29/ (дата обращения: 5.05.2020).

165. *Mantucci, A.* Savonarola nella Storia Fiorentina di Piero Parenti / A. Mantucci // Girolamo Savonarola l'uomo e il frate: atti del 35. Convegno storico internazionale, Todi, 11-14 ottobre 1998. – Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1999. – P. 295 – 306.

166. *Marchese, V.* Avvertimento (a Cedrus Libani) / V. Marchese // Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. Archivio storico italiano ossia raccolta di opere e documenti finora inediti o divenuti rarissimi riguardanti la storia d'Italia. – Firenze: G. P. Vieusseux, 1849. – T. VII. Appendice. – P. 41 – 58.

167. *Martelli, F.* Alcune considerazioni sull' introduzione della «Decima» a Firenze in epoca savonaroliana / F. Martelli // Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. – P. 131 – 146.

168. *Martines, L.* Fire in the City: Savonarola and the Struggle for the Soul of Renaissance Florence / L. Martines. – New York: Oxford University Press, 2006. – XVI, 336 pp.

169. *Martines, L.* Savonarola. Moralità e politica a Firenze nel Quattrocento / L. Martines. – Milano, 2009. – 336 p.

170. *Mazzone, U.* «El buon governo». Un progetto di riforma generale nella Firenze savonaroliana / U. Mazzone. – Firenze: L. S. Olschki, 1978. – XV, 217 pp.

171. *Niccoli, O.* I bambini del Savonarola / O. Niccoli // Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. – P. 279 – 288.

172. *Niccoli, O.* Il seme della violenza: putti, fanciulli e mammoli nell'Italia tra Cinque e Seicento / O. Niccoli. – Roma: GLF editori Laterza, 2007. – XXIII, 210 pp.
173. *Pampaloni, G.* Il movimento piagnone secondo la lista del 1497 / G. Pampaloni // *Studies on Machiavelli* / ed. by M.P. Gilmore. – Firenze: G. C. Sansoni, 1972. – P. 337 – 347.
174. *Pellizzari, B.* Vocabolario bresciano e toscano compilato per facilitare a' bresciani col mezzo della materna loro lingua il ritrovamento de' vocaboli modi di dire e proverbj toscani a quella corrispondenti / B. Pellizzari. – Brescia: per Pietro Pianta stampator camerale, 1759. – XLIV, 600 p.
175. *Perrens, F.T.* Jérôme Savonarole: d'après les documents originaux et avec des pièces justificatives en grande partie inédites / par F.-T. Perrens; ouvrage couronné par l'Académie française. 2. Éd. / F.-T. Perrens. – Paris: Librairie de L. Hachette et Cie, 1856. – 416 p.
176. *Pezzella, S.* La vita religiosa nel Quattrocento / S. Pezzella – Messina, Firenze: D'Anna, 1976. – 203 p.
177. Pico della Mirandola, Giovanni Francesco II // *Dizionario di filosofia* (2009). [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/pico-della-mirandola-giovanni-francesco-ii_\(Dizionario-di-filosofia\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/pico-della-mirandola-giovanni-francesco-ii_(Dizionario-di-filosofia)/) (дата обращения: 05.05.2015).
178. *Polizzotto, L.* Children of the Promise: the Confraternity of the purification and the socialization of youths in Florence, 1427-1785 / L. Polizzotto. – New York: Oxford university press, 2004. – XIII, 381 pp.
179. *Polizzotto, L.* Savonarola e la riorganizzazione della società / L. Polizzotto // *Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario* (Firenze, 19-20 ottobre 1996) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. – P. 149 – 162.
180. *Polizzotto, L.* Savonarola, savonaroliani e la riforma della donna / L. Polizzotto // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario* / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. – P. 229 – 244.

181. *Polizzotto, L.* The Elect Nation. The Savonarolan Movement in Florence, 1494–1545 / L. Polizzotto. – Oxford: Claredon Press, 1994. – XIV, 488 pp.
182. *Polizzotto, L.* When Saints Fall Out: Women and the Savonarolan Reform in Early Sixteenth-Century Florence / L. Polizzotto // *Renaissance Quarterly*. 1993. – Vol. 46. – №. 3. – P. 486 – 525.
183. *Prodi, P.* Gli affanni della democrazia. La predicazione del Savonarola durante l'esperienza del governo popolare / P. Prodi // *Savonarola e la politica. Atti del secondo seminario (Firenze, 19-20 ottobre 1996)* / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1997. – P. 27 – 74.
184. *Prodi, P.* Profezia vs utopia / P. Prodi. – Bologna: Il mulino, 2013. – 251 p.
185. *Puelli-Maestrelli, C.* Savonarole, la politique et la jeunesse à Florence / C. Puelli-Maestrelli // *Théorie et pratique politique à la Renaissance*. – Paris, 1977. – P. 1 – 13.
186. *Ragagli, S.* Luschino, Benedetto / S. Ragagli // *Dizionario biografico degli italiani*. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2006. – Vol. 66: Lorenzetto-Macchetti. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/benedetto-luschino_\(Dizionario_Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/benedetto-luschino_(Dizionario_Biografico)/) (дата обращения: 15.01.2015).
187. *Ranke, Leopold von.* Savonarola und die florentinische Republik gegen Ende des fünfzehnten Jahrhunderts / Leopold von Ranke // *Historisch-biographische Studien*. – Leipzig: Dunker & Humblot, 1877. – P. 181 – 357.
188. *Rao, I.G.* Mei, Francesco / I.G. Rao // *Dizionario biografico degli italiani*. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 2009. – Vol. 73: Meda-Messedaglia. [Electronic resource]. URL: http://www.treccani.it/enciclopedia/francesco-mei_%28Dizionario-Biografico%29/ (дата обращения: 05.04.2017).
189. *Reeves, M.* The influence of prophecy in the later Middle Ages: a study in joachimism / M. Reeves. – Oxford: Clarendon press, 1969. – XIV, 574 pp.
190. *Ridolfi, R.* Prolegomeni ed aggiunte alla Vita di Girolamo Savonarola / R. Ridolfi. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2000. – XVI, 224 pp.

191. *Ridolfi, R.* Vita di Girolamo Savonarola / R. Ridolfi. – Firenze: Sansoni, 1974. – VIII, 741 pp.
192. *Ristori, R.* Cecchi, Domenico / R. Ristori // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1979. – Vol. 23: Cavallucci-Cerretesi. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/domenico-cecchi_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/domenico-cecchi_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 5.04.2017).
193. *Ristori, R.* Cinozzi, Placido / R. Ristori // Dizionario biografico degli italiani. – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1981. – Vol. 25: Chinzer-Cirni. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/placido-cinozzi_\(Dizionario-Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/placido-cinozzi_(Dizionario-Biografico)/) (дата обращения: 05.12.2016).
194. *Rubinstein, N.* Politics and Constitution in Florence at the End of the Fifteenth Century / N. Rubinstein // Italian Renaissance studies / ed. by E.F. Jacob. – London, 1960. – P. 148 – 183.
195. *Schnitzer, J.* Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas. I: Bartolomeo Redditi und Tomaso Ginori / J. Schnitzer. – München: Lentner, 1902. – 108 p.
196. *Schnitzer, J.* Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas. II: Savonarola und die Feuerprobe: eine quellenkritische Untersuchung / J. Schnitzer. – München: Lentner, 1904. – VIII, 174 pp.
197. *Schnitzer, J.* Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas. III: Bartolomeo Cerretani / J. Schnitzer. – München: Lentner, 1904. – LX, 110 pp.
198. *Schnitzer, J.* Quellen und Forschungen zur Geschichte Savonarolas. IV: Savonarola nach den Aufzeichnungen des Florentiners Piero Parenti / J. Schnitzer. – Leipzig: Dunken & Humblot, 1910. – CLXII, 322 pp.
199. *Schnitzer, J.* Savonarola: Ein Kulturbild aus der Zeit der Renaissance. Bd. 2: Das Sterben / J. Schnitzer. – München: E. Reinhardt, 1924. – P. 606 – 1167 pp.
200. *Schnitzer, J.* Savonarola: Ein Kulturbild aus der Zeit der Renaissance. Bd. 1: Das Leben / J. Schnitzer. – München: E. Reinhardt, 1924. – XII, 599 pp.

201. *Sebregondi, L.* Santo, eretico, precursore della Riforma: la diffusione dell'immagine di Girolamo Savonarola / L. Sebregondi // Girolamo Savonarola l'uomo e il frate: atti del 35. Convegno storico internazionale, Todi, 11-14 ottobre 1998. – Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1999. – P. 331 – 352.
202. *Simone, Gerardo de.* Feste, spettacoli e trionfi nell'Italia del Rinascimento / Gerardo de Simone // Corti italiane del Rinascimento: arti, cultura e politica, 1395 – 1530 / a cura di Marco Folin. – Milano: Officina libraria, 2010. – P. 243 – 248.
203. *Trexler, Richard C.* Public life in Renaissance Florence / Richard C. Trexler. – Ithaca: Cornell University Press, 1991. – XXVI, 591 pp.
204. *Tromboni, L.* La cultura filosofica di Girolamo Savonarola tra predicazione e umanesimo: Platone, Aristotele e la Sacra Scrittura / L. Tromboni // Cahiers d'études italiennes. – 2019. – № 29. [Electronic resource]. URL: <http://journals.openedition.org/cei/6184> (дата обращения: 01.06.2020).
205. *Tromboni, L.* Percorsi paralleli nella lettura dei classici. Girolamo Savonarola e le Auctoritates Aristotelis / L. Tromboni // L'utilisation et l'influence des Auctoritates Aristotelis: état de la question 40 ans après la publication / ed. J. Hamesse, J. F. Meirinhos. – Barcelona – Madrid: Fédération Internationale des Instituts d'Études Médiévales (Textes et Études du Moyen Âge, 83), 2015. – P. 221 – 241.
206. *Tromboni, L.* Uno strumento per il predicatore: il compendio di filosofia aristotelica di Girolamo Savonarola / L. Tromboni // L'antichità classica nel pensiero medievale. Atti del XIX Convegno internazionale di studi della SISPM (Società Italiana per lo Studio del Pensiero Medievale). Trento, 27-29 settembre 2010. – Porto: FIDEM, 2011. – P. 441 – 469.
207. *Turchetti, M.* Savonarola: la tirannide secondo un profeta / M. Turchetti // Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. – P. 17 – 41.

208. *Valerio, A.* Introduzione / A. Valerio // Savonarola G. Fede e speranza di un profeta: pagine scelte / introduzione, traduzione e note di Adriana Valerio. – Milano, 1998. – P. 7 – 58.
209. *Valerio, A.* La predica sopra Ruth, la donna, la riforma dei semplici / A. Valerio // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMELE Edizioni del Galluzzo, 2001. – P. 249 – 261.
210. *Varanini, L. S.* Una copia dello Pseudo-Burlamacchi in un codice della Biblioteca Capitolare di Pescia / L. S. Varanini // Savonarola. Quaderni del quinto centenario, 1498–1998 / cur. Tito Sante Centi, Alberto Viganò. – Bologna, Ed. Studio domenicano, 1998. – 5 (gennaio-marzo 1998). – P. 21 – 41.
211. *Vasoli, C.* A proposito delle tradizioni profetiche e millenaristiche nella storia religiosa italiana tra la fine del Quattrocento e gli inizi del Cinquecento / C. Vasoli // *Civitas mundi: studi sulla cultura del Cinquecento.* – Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1996. – P. 17 – 42.
212. *Vasoli, C.* Bartolini Rucellai, Camilla / C. Vasoli // *Dizionario biografico degli italiani.* – Roma: Istituto della Enciclopedia italiana, 1964. – Vol. 6: Baratteri-Bartolozzi. [Electronic resource]. URL: [http://www.treccani.it/enciclopedia/camilla-bartolini-rucellai_\(Dizionario_Biografico\)/](http://www.treccani.it/enciclopedia/camilla-bartolini-rucellai_(Dizionario_Biografico)/) (дата обращения: 15.01.2015).
213. *Vasoli, C.* Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina / C. Vasoli // *Magia, astrologia e religione nel Rinascimento. Convegno polacco-italiano, Varsavia: 25-27 settembre 1972.* – Wrocław, Warszawa etc., 1974. – P. 16–29.
214. *Vauchez, A.* La Sainteté en Occident aux derniers siècles du Moyen Age. D'après les procès de canonisation et les documents hagiographiques / A. Vauchez. – Roma: École française de Rome, 1988. – 771 p.
215. *Ventrone, P.* La festa di San Giovanni: costruzione di un'identità civica fra rituale e spettacolo (secoli XIV-XVI) / P. Ventrone // *Annali di Storia di Firenze.* – Firenze: Firenze University Press, 2007. – Vol. 2. – P. 49 – 76.

216. *Venturelli, P.* Considerazioni sull'ultimo profeta del bene comune storico, Girolamo Savonarola / P. Venturelli // Studi di Storia della Filosofia. Ricordando Anselmo Cassani (1946-2001) / a cura di D. Felice. – Bologna: CLUEB, 2009. – P. 39 – 76.
217. *Venturelli, P.* Profezia e politica in Girolamo Savonarola. Firenze e la renovatio della Cristianità (1494 – 1498) / P. Venturelli // Società italiana di Filosofia Politica (SIFP). [Electronic resource]. URL: <http://www.sifp.it/articoli-libri-e-interviste-articles-books-and-interviews/profezia-e-politica-in-girolamo-savonarola> (дата обращения: 01.06.2016).
218. *Verde, A.* «Et andando a San Gimignano a predicarvi». La predicazione del Savonarola a San Gimignano / A. Verde // Girolamo Savonarola a San Gimignano / a cura di Sergio Gensini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2003. – P. 23 – 57.
219. *Verde, A. F.* La presenza della cultura scolastica nelle opere di fra' Girolamo Savonarola / A. F. Verde // Girolamo Savonarola l'uomo e il frate: atti del 35. Convegno storico internazionale, Todi, 11-14 ottobre 1998. – Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1999. – P. 11 – 42.
220. *Verde, A. F.* Savonarola lettore e commentatore del testo sacro / A. F. Verde // Una città e il suo profeta: Firenze di fronte al Savonarola / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 2001. – P. 183 – 200.
221. *Villari, P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti / P. Villari. – Firenze: Le Monnier, 1859. Vol. 1. – XXVII, 489 pp.
222. *Villari, P.* La storia di Girolamo Savonarola e de' suoi tempi, narrata da Pasquale Villari con l'aiuto di nuovi documenti / P. Villari. – Firenze: Felice Le Monnier, 1861. Vol. 2. – 224, CDXXVII pp.
223. *Viti, P.* Savonarola e la tradizione repubblicana fiorentina / P. Viti // Savonarola: democrazia tirannide profezia. Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. – P. 55–65.

224. *Weinstein, D.* Hagiography, Demonology, Biography: Savonarola Studies Today / D. Weinstein // *The Journal of Modern History*. – Vol. 63. – №. 3 (September, 1991). – P. 483 – 503.
225. *Weinstein, D.* Savonarola and Florence. Prophecy and Patriotism in the Renaissance / D. Weinstein. – Princeton, 1970. – VIII, 399 pp.
226. *Weinstein, D.* Savonarola: The Rise and Fall of a Renaissance Prophet / D. Weinstein. – New Haven & London: Yale University Press, 2011. – XII, 379 pp.
227. *Weinstein, D.* Studi Savonaroliani: passato, presente e futuro / D. Weinstein // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini*. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. – P. 1 – 11.
228. *Weinstein, D.* The Myth of Florence / D. Weinstein // *Florentine Studies. Politics and Society in the Renaissance Florence / ed. by N. Rubinstein*. – London, 1968. – P. 15 – 44.
229. *Weissman, R.* Ritual Brotherhood in Renaissance Florence / R. Weissman. – New York: Academic Press, 1982. – 254 p.
230. *Wyrobisz, A.* «Golden age» or crisis? Florence in the fifteenth century (discussion remarks on demagogy) / A. Wyrobisz // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. – 2014. – 58 (Special Issue). – P. 202 – 220.
231. *Zaccaria, R. M.* Pandolfo Rucellai da mercante fiorentino a frate domenicano e savonaroliano / R. M. Zaccaria // *Studi savonaroliani: verso il 5. centenario / a cura di Gian Carlo Garfagnini*. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1996. – P. 99 – 103.
232. *Zancarini, J-C.* Far guerra con la pace nel cuore. La guerra nelle prediche di Girolamo Savonarola / J-C. Zancarini // *Savonarola: democrazia tirannide profezia Atti del terzo seminario (Pistoia, 23-24 maggio 1997) / a cura di Gian Carlo Garfagnini*. – Firenze: SISMEL Edizioni del Galluzzo, 1998. – P. 43 – 51.
233. *Zorzi, A.* La giustizia al tempo di Savonarola. Rappresentazioni culturali e pratiche politiche / A. Zorzi // *Girolamo Savonarola l'uomo e il frate: atti del 35. Convegno storico internazionale, Todi, 11-14 ottobre 1998*. – Spoleto: Centro italiano di studi sull'alto Medioevo, 1999. – P. 191 – 245.